
Д.І.
ЯВОРНИЦЬКИЙ
Історія
Запорозьких
Козаків
3

АКАДЕМІЯ НАУК
УКРАЇНИ
АРХЕОГРАФІЧНА КОМІСІЯ
ІНСТИТУТ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

ПАМ'ЯТКИ ІСТОРИЧНОЇ ДУМКИ УКРАЇНИ

Д. И. Эварницкій

ИСТОРІЯ

ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

1686—1734

ТОМЪ ТРЕТІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. И. Бавкина, М. Морская, 20
1897

Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ

Історія запорозьких козаків

У ТРЬОХ ТОМАХ

ТОМ

3

КИЇВ НАУКОВА ДУМКА 1993

ББК 63 3(2Ук)4+63.3(2)4
Я22

Третій том охоплює складний і драматичний період в історії Запорозької Січі (1686—1734). В ньому висвітлюється участь запорожців у російсько-турецькій війні та у народній війні на Україні проти вторгнення шведської армії. Розповідається про перехід частини запорожців на бік Карла XII, розгром російським військом Запорозької Січі й відступ маси запорожців в межі Кримського ханства, життя і побут запорожців в Олешківській, Чортомлицькій і Кам'янській Січах, повернення запорожців на Україну і заснування в урочищі Базавлук над Дніпром Нової Січі.

Для істориків, етнографів, краєзнавців, викладачів і студентів вузів, широкого кола читачів.

Третий том охватывает сложный и драматический период в истории Запорожской Сечи (1686—1734). В нем освещается участие запорожцев в русско-турецкой войне и в народной войне на Украине против вторжения шведской армии. Рассказывается о переходе части запорожцев на сторону Карла XII, разгроме русскими войсками Запорожской Сечи и отступлении массы запорожцев в пределы Крымского ханства, жизни и быте запорожцев в Олешковской, Чортомлыцкой и Каменской Сечах, возвращении запорожцев на Украину и основании в урочище Базавлук над Днепром Новой Сечи.

Для историков, этнографов, краеведов, преподавателей и студентов вузов, широкого круга читателей.

Коментарі *Г. Я. Сергієнка*

Редакційна колегія:
П. С. СОХАНЬ (голова)
В. А. СМОЛІЙ (заступник голови),
В. Г. САРБЕЙ, Г. Я. СЕРГІЄНКО, М. М. ШУБРАВСЬКА
(відповідальний секретар)

Затверджено до друку вченою радою
Інституту історії України АН України

Редакція видань
історично-культурної спадщини України
Редактор *В. О. Коваленко*

Я 0503020200-274
М221-93 **передплатне видання**

ISBN 5-12-002052-6 (Т. 3)
ISBN 5-12-001244-2

© Г. Я. Сергієнко, коментарі, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третий том истории запорожских козаков написан автором при более благоприятных обстоятельствах, нежели второй: с начала весны 1894 года и до начала весны 1895 автор имел возможность жить в Москве и пользоваться там не только печатными матерьялами, относящимися до истории запорожских козаков, но и весьма значительным количеством архивного богатства, находящимся в первопрестольной столице России. Таким образом, главным и наиболее ценным матерьялом для третьего тома истории послужили не изданные до сих пор документы, хранящиеся в трех московских архивах: Архиве министерства иностранных дел, Архиве министерства юстиции и Отделении архива главного штаба. Кроме матерьялов московских архивов, автор пользовался также некоторыми документами Архива коронного скарба, при варшавской казенной палате, писанными на польском языке. Ввиду ценности архивных матерьялов и ввиду того, что они не изданы и, может быть, весьма не скоро дождутся издания в свет, автор нашел нужным менее важные из них пересказывать собственными словами, более же важные приводить целиком. Третий том обнимает собой период времени с 1686 по 1734 год и касается таких событий, как походы запорожцев вместе с русскими войсками на Крым; участие их в походах Петра на турецкий город Азов; походы под турецкие городки, Тавань, Кызыкермень и другие, на низовье Днепра; участие в полтавском деле вместе с гетманом Мазепой; удаление в пределы Крымского ханства и, наконец, продолжительные и усиленные хлопоты их о возвращении из «мѣстъ агарянскихъ» в родные места.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Участие запорожских козаков в походе польского короля Яна Собеского на Молдавию.— Сношения московских царей с крымским ханом при посредстве запорожцев.— Предписание запорожскому войску от московских царей о совместном действии с воеводой Григорием Косаговым против турецких городков.— Пререкания запорожцев с гетманом Иваном Самойловичем и недовольство чрез то на них со стороны московских царей.— Грамота царей кошевому атаману Федору Иванику с воспрещением сноситься с жителями турецких городков и с приказанием подписываться «подданными царского величества».— Участие запорожцев в первом походе русских на Крым.— Действия запорожцев на низовьях Днепра против бусурман под начальством кошевого атамана Филона Лихопоя.— Возвращение русско-козацких войск из крымского похода к реке Самаре.— Лишение Самойловича гетманского уряда.— Намерение московского правительства о построении укрепленных городов на реках Орели и Самаре.

Вечный мир, заключенный в 1686 году между Россией и Польшей и прекративший давно длившуюся обоюдную с той и другой стороны борьбу из-за обладания Правобережной Украйны, хотя и успокоил Россию на западной границе, зато привел ее к войне на южной: московское правительство, добыв чрез тот вечный мир Киев и вместе с Киевом некоторые другие, ближайшие к нему города, взамен того обязалось помогать польскому королю Яну Собескому в его борьбе с турками и с этой целью должно было открывать поход на Крымский полуостров.

Став в такое обязательство, московское правительство, по всегдашней своей осторожности, не сразу, однако, объявило разрыв Турции и Крыму и сперва вошло с ними в дипломатическую переписку. Эта переписка тянулась с весны 1686 года и до весны 1687.

Такая продолжительность переписки объясняется тем обстоятельством, что войну с Крымом и Турцией русские цари считали слишком важным предприятием и потому находили нужным серьезно приготовиться к ней. По-видимому, они не прочь были даже от того, чтобы поставить крымского хана и турецкого султана на мирную в отношении Польши ногу и заставить их без войны сделать уступку в пользу польского короля. Из Москвы в Крым и в турецкие на Днепре города отправлено было за это время несколько «люби-

тельныхъ» грамот с претензией за обиды от подданных хана и турецкого султана подданным московских царей. Посредниками в доставке грамот одной и другой стороны были запорожские козаки.

Но одной доставки со стороны запорожцев царских грамот в Крым недостаточно было для Москвы: Москва, главным образом, надеялась на запорожцев как на военную силу, во многих отношениях незаменимую для предстоявшей с бусурманами войны. Однако запорожцы вовсе не были склонны к тому, чтобы, так сказать, пойти в одну ногу с историей Москвы.

Между Кошем войска запорожских козаков и правительством московских царей уже в течение 30 предшествовавших лет сложились отношения, в силу которых запорожцы заняли оборонительное, а московское правительство наступательное положение. О равномерности сил в этой борьбе, разумеется, не могло быть и речи: запорожское войско от одного решительного прикосновения к нему московских войск сразу и навсегда перестало бы существовать. Но таких решительных мер Москва не могла предпринять в силу различных причин, не зависящих от нее. В этом отношении московское правительство находилось в полном смысле слова между двух огней. С одной стороны, оно не могло допустить рядом с собой такого явления, как община запорожских козаков, которая основана была на слишком широких народных началах, неслыханных ни в одной республике ни в древнее время, ни в средние века. С другой стороны — оно находило весьма полезным для себя существование запорожского войска: при слабом экономическом развитии, при бедности в денежном и материальном отношениях и в то же время при быстром политическом росте, который значительно опередил рост экономический, московское правительство не было в состоянии содержать постоянной и сильной армии для борьбы с многочисленными своими врагами, в частности для борьбы с мусульманами, и потому, по необходимости, должно было прибегать к помощи запорожского войска, которое ничего почти не стоило московским царям и всегда готово было пойти на борьбу с врагами святого креста и всего славянского мира. Правда, московские цари из года в год посылали запорожцам известную казну; но, во-первых, эта казна слишком была невелика, каких-нибудь 2000 рублей или 500 червонцев на восемь или на десять тысяч человек; а, во-вторых, присылка ее не была определена раз навсегда, как это видно из того, что о такой казне нужно было бить челом царям и ежегодно посылать депутатов в Москву и, несмотря на то, нередко не получать ее в течение двух-трех лет [1]. Но запорожские козаки необходимы были Москве не только для борьбы против мусульман, они служили ей щитом и в ее борьбе против поляков: взяв в свои руки с половины XVII века Малороссию и весь ее, как тогда говорили, козакорусский народ, Москва вошла в многочисленные войны с Польшей, и в этом случае запорожцы существенно необходимы

были для Москвы: они прикрывали южную границу московского государства от бусурман и давали возможность русским царям сосредоточить все боевые силы на южной границе для борьбы с польским королем.

Резкая противоположность между Запорожьем и Малороссией, с одной стороны, и Великороссией — с другой, наиболее стала сказываться во второй половине XVII века. В течение всего этого времени в Московском государстве идет сильное развитие идеи государственности; в Запорожьи и в Малороссии в это же время наиболее проявляется стремление к удержанию вековечных прав и вольностей и, чрез них, к сохранению индивидуальности народа. Лучшей формой для сохранения индивидуальности южнорусского народа, по понятию малороссийской массы, считалось козачество. Оттого малороссийский народ впоследствии и изукрасил козаков всеми цветами народно-поэтического творчества; оттого и теперь народ в своих воспоминаниях о козаках ставит козака выше человека и приписывает ему сверхчеловеческие достоинства. Само козачество, в лице наиболее развитых политически людей времени, понимая вполне свою роль, стремится к тому, чтобы организовать из своей среды сильную общину и тем сохранить свои права, свои вековечные вольности, а, следовательно, чрез них и самую малороссийскую народность. Однако, при всем усилии малороссийских патриотов, они не могли достигнуть никаких положительных в своем стремлении результатов; в этом они встретили решительное противодействие со стороны московского правительства. Для достижения положительных результатов нужны были и время, и сильная организация в Малороссии и в Запорожьи. Но московское правительство не могло допустить самостоятельной организации ни в Запорожьи, ни в Малороссии, потому что всякая организация вообще, в частности и организация в запорожском войске, есть сила сама по себе; в сплоченной организации запорожское и малороссийское войско могло бы представить страшную силу, без организации — простую толпу. Оттого московское правительство зорко следит за каждым движением запорожских козаков в отношении проявления ими самостоятельной жизни и в мирное время не терпит их существования. Только в военное время оно прибегает к помощи запорожского войска и тут дает обещание сохранить за козаками и все их старые права, и все их козацкие вольности. Запорожцы понимают истинные отношения к ним московского правительства и, сколько возможно, силятся отстоять за собой существование своих прав и вольностей. Для этого они стараются пользоваться наиболее удобным для них случаем — войнами Москвы с враждебными ей соседями, главным образом с турками и татарами.

Как бы то ни было, но ввиду похода на Крым Москва возлагала на запорожцев большие надежды и, прежде всего, постаралась воспользоваться ими как посредниками между Крымом и Москвой.

Готовясь к походу на Крым, Москва должна была прежде всего выискать повод для нарушения мирных отношений к Турции и Крыму. Таким поводом послужил захват мусульманами на южных окраинах России в полон христиан и нападения татар на запорожских промышленников в разных степных местах. С этою целью посланы были к «султанову величеству» подъячий Никита Алексеев и гетманский «посыльщикъ» Иван Лисица с просьбой об отпуске русских полоняников из турецкой неволи. К «ханову величеству» отправлены были избранные от запорожского войска. Последние должны были изложить хану жалобы за подданных царского величества, малороссийских жителей и запорожских козаков, которые, ходя для звериных и рыбных ловель пониже Кызыкерменского городка, терпят там, вопреки мирному договору и установленной шерти бывшего хана Мурат-Герая с Москвой, великие обиды от татар; у таких промышленных людей татары не раз курени разгромляли, «животы» грабили и самих козаков в полон брали.

Крымский хан Селим-Герай, по-видимому, еще не знал о состоявшемся между Польшей и Россией мирном трактате; если же и знал, то был не вполне уверен в том. Во всяком случае, получив жалобу от русских царей, хан отправил в Москву своего гонца Мубарекшу-мурзу Селешова с обширным к царям листом. Ханский гонец выехал из Бахчисарая в конце апреля месяца, прибыл в Севск в мае, был допущен к царям июля 3 дня 1686 года. В ханском письме было сказано, что, по жалобе великих государей относительно притеснений и обид малороссийским и запорожским промышленным людям, Селим-Герай отыскал и «высмотрѣлъ» список шерти бывшего Мурат-Герая, ханова величества, и в том списке нашел статью, которая касается одних торговых людей, имеющих приходить в самый Крым или в другие государства через Крым для торговых дел. О таких людях сказано: обид им не чинить, пошлин с них не имать, товаров у них даром не отбирать. Относительно же козаков, которые ходят для рыбных ловель, звериных промыслов и покупки соли на низовья Днепра, о том, чтобы с них никакой пошлины не брать, в той шертной грамоте не написано ничего. Однако, хан «для умножения братской дружбы и любви» всем кызыкерменцам и собственным подданным «крѣпкій заказъ» учинил, чтобы отнюдь с тех козаков, которые сухим и водным путем ходят для добычи не войной и не воровски, никаких пошлин не брать и обид им не причинять. А относительно разгрома козацких куреней, грабежа животов и захвата самих козаков в полон, то, по тщательному расспросу у кызыкерменцев и у ханских подданных татар, оказалось, что таких обид никому не было нанесено, и что ни один человек из запорожских козаков не был взят в полон. Напротив того, во всем Крыму известно, что царские подданные, калмыки и донские козаки, не раз подбегали под Крым и немало

причиняли в нем бед: пастухов татарских на степях разгоняли, лошадиные стада у них отбивали, по разным дорогам воровали и даже одного крымского посланца, ехавшего со многими людьми назад от султанова величества, побили и погромили. И татары «ради дружбы межъ ханомъ и московскими царями тому козацкому дуровству терпятъ и противности имъ никакой не чинятъ». А еще раньше того донские козаки взяли под Черкасским городком Абдуагу и теперь «таятъ и мучатъ его у себя для того, чтобы онъ сулилъ за себя окупъ большой». Да в шертных же крымских грамотах написано — быть хану другом для царского друга и быть ему недругом для царского недруга, также поступать и царям, потому что кто царям друг, тот и хану друг, а кто хану недруг, тот и царям недруг, и это постановление нужно крепко с обеих сторон блюсти и достойно друг другу против всякого неприятеля помогать. Теперь, когда крымские войска пойдут против поляков, общих как для русских, так и для татар врагов, то и царям следует из ближних украинных или черкасских городов послать козаков для войны против общих врагов. А что до просьбы государей — позволить запорожцам, согласно грамоте султанова величества, вольно ходить для взятья соли к озерам близко Днепра, не брать с них пошлин и не чинить никаких обид, то нужно, чтобы царские величества прислали ханову величеству список с той утвержденной султановой грамоты, и когда время собирания соли прийдет, то хан ради вечной дружбы и любви будет радеть о том, чтобы козакам вольно было соль на озерах имать [2].

Когда ханский гонец находился еще в Москве, в это время там получилась весть о задержке московского подъячего Никиты Алексеева и гетманского посыльщика Ивана Лисицы в турецком городе Очакове и о приходе под город Керенск [3] и под другие царского величества украинные города крымского Мамут-салтана с воинскими людьми для взятья подлинной ведомости об учиненном русскими царями мире с польским королем и для подговаривания царского величества подданных татар. Ханский гонец, поставленный по этому поводу на допрос, дал такой ответ, что набег тот, вероятно, сделала купа своевольных людей, как делают такие же набеги донские и запорожские козаки на татар, и хотя хан много раз писал о том к государям в Москву, но управа и розыск тем людям и до сих пор не учинены. На то ханскому гонцу возразили, что к запорожцам и донцам послан запрет отнюдь с ханскими подданными ссор и задоров не чинить, а ныне со стороны ханова величества мирным договорам делается явное нарушение тем, что к подданным царского величества, татарам, посылаются «прелестные» листы. Ханский мурза, ввиду такого дела, находил за лучшее, чтобы его отпустили с каким-нибудь нарочным из Москвы в Крым; он ручался, что тот нарочный, доставив его, гонца, в Крым, будет возвращен в целости до Запорог. Но гонцу на это объявили царский

приказ, что пока не будут возвращены в Москву подъячий Алексеев и посыльщик Лисица, до тех пор и ему оставаться в Москве. Мурзе советовали так и в Крым написать с добавлением того, что в Москве как ему самому, так и всем людям при нем, выдается «со всякимъ удовольствомъ противъ прежняго» жалованье от царей. На это ханский гонец отвечал, что об отпуске царского подъяче и гетманского посольства он не станет хану писать, так хан делает то, что захочет сам, а не то, что скажет ему какой-нибудь мурза; поэтому гонец находит, что держать его, мурзу, в Москве и смысла никакого нет; приехал он к великим государям с любительной грамотой, с любовью должен быть и отпущен из Москвы [4].

Оставив у себя ханского гонца, цари написали о том грамоту к самому хану и отправили ее сперва в Запорожье к воеводе Григорию Косагову и к кошевому атаману Федору Иванику с приказанием доставить ее в Крым с надежным козаком. Воевода и кошевой с общего совета выбрали для той цели запорожского козака Клима Шило да Сумского полка козака Богданова, которые отвезли царскую грамоту к кызыкерменскому бею, и бей отправил ее к хану в самый Крым.

В этой грамоте цари писали, что они принимали у себя ханского гонца, изъявили через него ханскому величеству приязнь и любовь, и уже готовы были отпустить его от себя, как вдруг узнали о том, что царский подъячий Алексеев и гетманский посыльщик Лисица, возвращавшиеся «съ уволенными» от Магмет-султанова величества русского народа полоняниками, задержаны в турском городе Очакове неизвестно ради каких причин. Оттого великие государи по необходимости и ханского гонца задержали при себе; а когда ханское величество отпустит русских гонцов, тогда без всякого задержания будет отослан и крымский гонец [5].

Пересылаясь с Крымом «любительными» грамотами, московское правительство на этом, однако, не останавливалось и в то же время брало свои меры для борьбы с бусурманами. Так, в мае месяце, послана была в Сичь царская грамота, в которой приказывалось запорожскому войску собраться всеми силами и чинить промысл «на перелазах» против бусурман, где они привыкли переходить через реки и делать набеги на украинские города [6].

В это же время, пока происходила переписка между Крымом и Москвой, польский король Ян Собеский с половины июля месяца уже действовал в Галиции против турок. В самом начале августа он переправился через Прут и оттуда написал 10 числа к запорожцам письмо с приглашением принять участие в борьбе против общих врагов, бусурман.

В этом письме Ян Собеский, называя запорожских козаков мужественными, воинственными, доблестными и храбрыми людьми, любезно верными польскому королю, объявлял им, что июня 21 дня

он получил от царских величеств из города Москвы письмо с просьбой уведомлять о всех своих военных действиях против бусурман, и на этом основании находил нужным известить о том и запорожцев. Прежде всего король сообщал, что он истребил возле Каменца много хлебных запасов, невдалеке от города оставил для предупреждения вылазок из него неприятелей некоторую часть своего войска. Затем он сообщал, что сам, с главными силами, двинулся в неприятельскую землю и по дороге приказал, на весьма выгодных местах над рекой Прутом, насыпать три земляных окопа и в них поместить сильный охранный отряд войска. Придя в волошский край, он остановился в двух милях от Ясс и Цецоры и там принял от волошского народа добровольное предложение на подданство польской короне; молдавский господарь, по причине нахождения его сына в заложниках у турецкого султана, хотя и «отозвался письмомъ» к королю, сам, однако, скрылся. Приняв молдавских депутатов, король двинулся к крепости Цецоре, откуда намеревался немедленно двинуться к Яссам, укрепить столицу Молдавского государства, оставить в ней сильный охранный отряд войска и затем идти дальше вовнутрь страны для отыскания неприятельских сил и для принятия под свою защиту всех христианских народов. От пойманных бусурманских языков и от доброжелательных людей король получил вести, что крымский калга-салтан с значительным войском пошел в Венгрию на соединение с турецким визирем: там христианские войска [7] так стеснили Буду [8], что она едва ли устоит от их напора. Нурредин-салтан расположился в Буджаке, и в самом Крыму остался только один хан с войском. Но на врагов напал страх и ужас, и от того страха орда от Буджака и Белограда имеет намерение идти к Днепру и соединиться с крымским ханом. «Предувѣдомляя о томъ вѣрное наше войско, не сомнѣваемся, что настигая врага въ Крыму воинственною рукою, вы уже до сихъ поръ воспользовались столь хорошимъ и вожделеннымъ случаемъ для вѣчной славы ихъ царскаго величества, любезнѣйшихъ братьевъ нашихъ, а также прославленія вѣры христіанской, къ радости всѣхъ правовѣрныхъ и къ вѣчному посрамленію бусурманъ. А если-бы ханъ сталъ переправляться черезъ Днѣпръ, и вы-бы, чего впрочемъ не думаемъ, не могли удержать его на переправѣ, то просимъ васъ, хотя съ частью войска, пробившись сквозь непріятеля, къ намъ прибыть» [9].

Коронный регент Станислав Щука, отправляя королевский лист к запорожским козакам, выразил желание о том, чтобы он доставлен был также донцам и «другимъ, кого касаться будетъ» [10].

Для сношения короля с Украйной и Запорожьем в то время установлен был почтовый пункт в Белой Церкви. Оттуда посылались гонцы в Киев, в города Левобережной Украйны и в Запорожье. Добытые вести привозились обратно в Белую Церковь и оттуда доставлялись в Дубно, Львов и Заслав [11].

Запорожцы, получив королевский лист и списав с него подлинную копию, копию оставили у себя, а подлинник отослали Ивану Самойловичу, причем известили гетмана о том, что, ввиду просьбы короля, они отправили к нему «добраго коннаго товарищества 2700 человѣкъ» [12].

Предприятие польского короля не имело, однако, никаких серьезных последствий ни для него самого, ни для его врагов: заняв столицу Молдавии Яссы, он двинулся было оттуда в Буджак, но тут встретил ханского сына с значительными силами татар; татары, пользуясь летней засухой, зажгли в степи траву и тем приостановили дальнейшее движение короля [13]. Тогда король, не получив вовремя поддержки ни от Австрии, ни от России, прекратил на время войну и воротился к польским границам ввиду наступившей зимы. В Филиппов пост он отпустил от себя запорожских козаков в Сичь, дав каждому из них по 10 битых талеров на козака «за ихъ добре выгодную для себя военную службу» и через них же отправил всему запорожскому низовому войску благодарственное письмо за присылку конного отряда, прося и впредь не оставлять его своим вниманием в борьбе поляков против бусурман [14].

Действия запорожских козаков против бусурман не могли окончиться одним походом их в Молдавию, и запорожцам предстоял впереди целый ряд войн против исконных их врагов.

Для вспоможения запорожским козакам в их серьезной борьбе Москва послала к ним под начальством генерала и воеводы Григория Ивановича Косагова конных и пеших ратных людей. Отправляя воеводу к запорожцам, цари Иоанн и Петр с царевной Софьей Алексеевной писали кошевому атаману Федору Иванику о том, чтобы он, соединившись с русскими ратными людьми, шел под кызыкерменские места и на переправы Днепра, где татары привыкли переходить реку, и там чинил воинский поиск и промысел, сколько Бог всемогущий поможет [15]. Местом для стоянки Косагова с ратными людьми указан был Каменный Затон [16].

Однако, такое приказание царей осталось без исполнения у запорожцев.

В самом начале месяца сентября воевода Григорий Иванович Косагов, стоявший в то время в Каменном Затоне, доносил царям, что, отправившись в Запорожье для общего с козаками чинения промысла против бусурман, он говорил много раз о том с кошевым атаманом и всякий раз получал от него такой ответ, что без помощи со стороны гетмана запорожцам воевать с Крымом нельзя: на речке Каланчаке, в двух милях от Перекопа, стоит с многочисленными ордами сам крымский хан, а в Кызыкермене, Таванском и других турецких городках турки и татары «съ великою осторожностью живутъ». В самом Запорожье теперь силы невелики: из козаков одни разошлись ради запасов в города, другие ушли к поль-

скому королю, а человек около 300 пропало под Кызыкерменским городком. Вследствие такого малолюдства в крымские места и под турецкие городки опасно идти, чтобы и последних людей не потерять,— для такого похода нужна помощь из других мест. О такой помощи запорожцы уже много раз писали к гетману обеих сторон Днепра и не получили от него ничего. Без запорожцев же одним ратным людям в крымские и турецкие места ходить и языка добыть нельзя, потому что нет в полку таких вождей, которые бы знали хорошо поле и все крымские места. Оттого ни с Коша, ни с полка в Крым и «по се число» не посылали никого, хотя воевода беспрестанно кошевому атаману о том и говорил, и писал. Но кошевой стоял на одном, что без прибавочных ратных людей крымской войны он не начнет, и если гетман Самойлович не пришлет в Сичь ратных людей, то запорожцы в Крым не пойдут, а будут только свой Кош остерегать [17]. Кроме всего этого запорожцы указывали им и на недостаток челнов как на причину, по которой они не решились начинать войну против бусурман [18].

Получив от Косагова такую весть, цари сентября 19 дня послали кошевому Иванику и всему поспольству, бывшему при нем, новый приказ, чтобы козаки, пользуясь наставшим благоприятным временем, шли походом на турецкие города.

«Намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, учинилось извѣстно, что многія крымскія орды съ салтанами изъ Крыма пошли на войну въ Венгерскую землю противъ римскаго цезаря и противъ королевскаго величества польскаго, а въ Крыму остался ханъ съ небольшими людьми. По тѣмъ вѣдомостямъ въ такое нынѣшнее время вамъ, кошевому атаману, надъ непріятелями воинской промыслъ чинить, и вамъ-бы, кошевому атаману и всему поспольству, о томъ вѣдать должно и, по совѣту с генераломъ и воеводой, собравшись всѣмъ низовымъ запорожскимъ войскомъ, чинить надъ турскими и крымскими мѣстами и на перелазахъ, гдѣ обыкли крымскія войска переправляться черезъ Днѣпръ, воинскій промыслъ. Да что по тому въ воинскомъ промыслѣ по нашему царского величества указу учините, къ намъ, великимъ государямъ писать» [19].

Тем временем, сентября 2 дня, вернулся из Кызыкерменя в Сичь запорожский козак Клим Шило с товарищем Дмитрием Богдановым и привез с собою ханский лист, который был доставлен из Бахчисарая в Кызыкермень каким-то мурзой и зашит в красную тафту. Вместе с листом Шило принес воеводе весть, что хан вышел из Крыма и стал на реке Каланчаке, на Очаковском и Кызыкерменском шляхах, в двух милях за Перекопом и в двенадцати милях от Сичи и Каменного Затона. Косагов дал Шилу трех новых товарищей и велел ему ханский лист отвезти немедленно в Москву.

Из доставленного ханского листа в Москве узнали, что крымский хан уже получил подлинное известие о происшедшем между Польшей и Россией мире и о состоявшемся между польским королем и московскими царями союзе для борьбы против Турции и Крыма. Называя себя великим государем, светлейшим, славнейшим, величайшим и любезнейшим, обладателем престола великой орды и великого крымского юрта, кипчацкой степи бессчетных татар, бессмертных ногайцев тацких и тевкецких, живущих меж гор черкесов, Селим-Герай упрекал московских царей за союз их с врагами Турции и Крыма — за задержание в Москве крымского гонца мурзы Селешова, за умышленный пропуск времени для размена, по установившемуся давнему обычаю, с обеих сторон пленных и за намерение идти войной под Крымский полуостров и под турецкий город Азов: «Богу извѣстно, что нарушенье (мира) не съ нашей стороны; желаемъ отъ Бога, кто сей миръ нарушилъ, и то взыщи Богъ надъ нимъ; мы крѣпко радѣли, чтобъ въ обоихъ государствахъ не было задору и войны, а вы съ нашимъ недругомъ, съ польскимъ королемъ, договоръ, вѣчный миръ и союзъ учинили на томъ, что другу ихъ другомъ, а недругомъ ихъ недругамъ быть» [20].

Русские цари, не скрывая более своих отношений к польскому королю, находили нужным действовать пока в отношении хана путем слова и для того написали новую грамоту в Крым. Повторив в новой своей грамоте прежние доказательства тому, что нарушение мирных договоров произошло не с русской, а с крымской стороны, и поставив на вид то, что об этом писано было и Мурат-Гераю, и Хаджи-Гераю, и самому Селим-Гераю, великие государи объявляют последнему, что если он желает быть с ними в миру, то должен безусловно воспретить татарам делать набеги под украинные русские города, немедленно прекратить войну с польским королем, постараться склонить султаново величество к царской и королевской дружбе и добиться у падишаха, чтобы все завоеванное турками у Польши было возвращено польскому королю. Кроме всего этого, хан должен немедленно царского гонца Никиту Алексеева и гетманского посыльщика Ивана Лисицу отпустить из Очакова в Переволочну, куда уже давно отпущен и мурза Селешов.

Кошевому атаману Федору Иванику и воеводе Григорию Косагову послан был из Москвы приказ, чтобы они, поговоря между собой, без замедления отправили с кем пригоже из Запорожья царскую грамоту к крымскому хану. Такой же приказ послан был в Севск воеводе Леонтию Неплюеву, а одновременно с ними и гетману Ивану Самойловичу. Последнему, кроме того, приказано было сделать у Переволочны на Днепре обмен посланного туда крымского гонца мурзы Селешова на царского гонца Алексеева и гетманского посыльщика Лисицу со всеми, находящимися при них, невольниками и с их пожитками. А для лучшей безопасности того размена

поставить на перевозе сотника переволочанского с товариством и по размене пленных всех русских доставить в Москву [21].

Сносясь такими «любительными» грамотами с ханом, московские цари в это же время, согласно условию заключенного мира между Россией и Польшей, исподволь готовились к походу на Крым. Само собой разумеется, что как польский король, так и московские цари в таком предприятии, как война против бусурман, не могли обойтись ни без запорожских, ни без малороссийских козаков. А между тем у запорожских козаков с гетманом обеих сторон Днепра в это время шли сильные пререкания и большой раздор. Гетман Иван Самойлович в пространном письме, писанном в конце октября 1686 года к севскому воеводе Леонтию Романовичу Неплюеву, высказывал в самых резких словах причины своего неудовольствия на запорожское войско.

«Да будетъ вашей милости извѣстно, что на Запорожье послано отъ меня запасу 500 бочекъ, денегъ 2000 золотыхъ, горѣлки 5 бочекъ; только-жъ я, вслѣдствіе ихъ неблагодарности, пожалѣлъ утруждать людей и подводы подъ тотъ запасъ, потому что ни при какихъ изъ бывшихъ гетмановъ подводами имъ запасовъ не вожено и не только подводъ не посылано, но издавна, даже при Хмельницкомъ, запасовъ совсѣмъ не давано. Только Брюховецкій тотъ обычай ввелъ, чтобъ имъ давать всякій годъ запасы, но и при Брюховецкомъ запасовъ подводами (к ним) не вожено,— сами они, запорожцы, отъ Кишенки челнами отыскивали запасы вешнею порой. Какъ тогда, такъ и теперь, подводами имъ запасовъ не годится посылать, и впредь имъ въ томъ слѣдуетъ отказать. А что до того, что я, уже при своемъ урядѣ, много разъ тотъ запасъ подводами посылалъ, то дѣлал я то для того, чтобы справиться съ ними во время ихъ шатости, такъ какъ они въ прошлыя времена не только къ полякамъ, но даже къ бусурманамъ обращались со своими обсылками. И то радѣніе мое объ ихъ управленіи чинилъ по моей вѣрности къ великимъ государямъ и потому, что не могъ съ ними тогда сладить. Нынѣ же, когда, по мирнымъ договорамъ, они уже поступили въ подданство царского пресвѣтлаго величества, гладить ихъ тѣмъ не годится. Конечно, давать имъ запасовъ я не отказываюсь и какъ опредѣлилъ приготовлять по 500 бочекъ онаго на каждый годъ и назначилъ давать имъ по 2000 золотыхъ готовыхъ денегъ, такъ всегда и будетъ все то доходить къ нимъ... Такимъ-же способомъ и въ этотъ годъ, еще къ ранней весны я писалъ имъ, что запасъ уже готовъ и чтобъ они сами для себя отыскивали его. Я обѣщалъ имъ доставить до Кодака, откуда они могли бы уже и сами его забрать, такъ какъ и дальше того бѣгаютъ въ Варшаву и въ Краковъ за хлѣбомъ, а тутъ дома почему-бы имъ не взять его? Однако они, упорно ставъ на своемъ, не захотѣли отыскивать его. Писалъ ко мнѣ генералъ и воевода Григорій Ивановичъ Косаговъ о томъ, что они, запорожцы, негодуютъ противъ меня, припоми-

ная, какъ имѣ въ городах нѣтъ, по волѣ ихъ сердецъ, чести. Но они и сами не хранятъ чести: пріѣхавъ въ города, они причиняютъ убытки (и дѣлаютъ) озорничества, старшину побиваютъ и людей всякихъ безчестятъ и хотели-бы такъ делать, какъ дѣлали при Брюховецкомъ. Въ какой-бы городъ они ни пріѣзжали, останавливаясь тамъ на дворахъ, окна въ избахъ вышибали и печи разбивали, питье сами себѣ насильно у людей забирая, безпрестанно упивались, старшого городового или меньшого, кого хотѣли, побивали, и за то никогда не несли наказанія. Всего этого я, при моемъ урядѣ, не допускаю, да и допустить не хочу. Въ городахъ приказываю удерживать ихъ и впредь самовольства имъ не позволю, за что они и гнѣваются и негодуютъ на меня, забывая то, что во всемъ сами виноваты, потому что не хотятъ быть въ настоящемъ исправленіи» [22].

Несмотря на такое негодование против запорожцев, гетман Самойлович при всем том вынужден был отправить к ним в виде вспомогательного отряда на все время зимы 400 человек козаков Гадячского полка с запасами по одному возу на козака ис охраной в числе нескольких человек простых людей, которым, по доставке в Запорожье провианта, велено было препроводить назад из-под фур лошадей [23].

Выражая свое крайнее неудовольствие на запорожцев в письме к воеводе Неплюеву, гетман Самойлович в то же время не поскупился изобразить их в самом непривлекательном виде и в послании к царям. Вследствие этого ноября 10 числа из Москвы в Запорожскую Сичь послана была на имя кошевого атамана Федора Иваника и всего находившегося при нем посольства царская грамота от царей Иоанна и Петра и царевны Софии Алексеевны. В этой грамоте государи упрекали запорожцев за то, что они, несмотря на готовившуюся войну России с Крымом, не перестают сноситься с бусурманами. Крымский хан, ожидая со дня на день прихода русских ратных людей к его владениям, уже покинул полуостров и вышел в Перекоп; все турки и татары, живущие в Кызыкермене, Тавани и Ослам-городке, почуя беду, находились в большом опасении, а в это время кошевой атаман и все запорожское посполъство, несмотря на такое положение дел, ссылаются с теми кызыкерменцами, ездят к ним по разным своим делам и принимают у себя кызыкерменских купцов, приезжающих для продажи соли в самую Сичь. Осуждая такие поступки запорожского войска, цари предписывали кошевому атаману сделать «крѣпкій заказъ» козаков запорожского войска из Сичи в Крым и турецкие ниже Запорог на реке Днепре городки не пускать, ни с какими товарами и хлебными запасами не ездить и в наставшее военное время неприятелям вспоможения в их хлебной скудности не чинить. «А что ты, кошевой атаманъ, въ листахъ своихъ къ кызыкерменскому бею и къ другимъ пишешь и не прописываешь того, что ты подданный нашего царского

величества, то ты дѣлаешь то непристойно, понеже Запорожье и вы обрѣтаетесь въ подданствѣ у насъ, великихъ государей, у нашего царского величества, подъ нашею царского величества высокодержавною рукою, въ чемъ на вѣрную свою службу и на вѣчное намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, въ подданство и присягу свою учинили. И тебѣ-бъ, кошевому атаману, впредь въ листахъ своихъ прописывать подданнымъ нашего царского величества. А что у васъ впредь учнется дѣлать, вы-бы о томъ къ намъ, великимъ государямъ, къ нашему царскому величеству, и къ подданному нашему гетману Ивану Самойловичу, писали» [24].

И строгость приказа и самое положение дел заставляли запорожцев повиноваться требованиям московского правительства. Торговые сношения с Кызыкерменем запорожцы принуждены были прекратить, взамен того они должны были собрать сведения о подлинных намерениях татар в Крыму. Удобным поводом к последнему представлялась доставка царской грамоты в Бахчисарай. Для отправки царской грамоты назначен был, с общего совета кошевого атамана Федора Иваника и воеводы Григория Косагова, запорожский козак Иван Кириллов Богацкий с козаком сумского полка Григорием Собченком да курским рейтаром Григорием Кичигиным.

Иван Кириллов Богацкий, выехав из Сичи ноября 2 дня на Кызыкермень и Перекоп, ноября 12 дня прибыл с четырьмя кызыкерменскими провожатыми в город Бахчисарай. Не доезжая до Крыма, в пути, запорожские посланцы видели какого-то польского полоняника, которого татары везли в Крым; от этого полоняника они узнали, что польский король возле города Белограда разбил ханского сына Нурредин-салтана, с которым было 10 000 крымских татар, 10 000 янычар да несколько тысяч белогородских татар, самого ханского сына пленил и после того к городу Яссам отступил. По приезде в самый Бахчисарай запорожские гонцы самого хана в нем не нашли и были отведены к ближнему ханову человеку Батырь-аге. Тот ближний человек, Батырь, или Батырча́-ага, взял у запорожских посланцев царскую грамоту, распечатав, прочел ее и сказал, что великие государи все доброе пишут в Крым, а потом в тот же день отправил грамоту к хану в город Козлов, запорожским же гонцам велел ханова приказа в Бахчисарае ожидать. В Бахчисарае гонцы прожили четыре дня и тут, то объясняясь с Батырь-агой, то беседуя с разными другими лицами, успели собрать очень важные сведения о намерениях татар. Прежде всего они узнали то, что все татары очень мало верят мирным заявлениям московских царей: воевода Григорий Косагов, говорил Батырь-ага, затем и прислан в Запороги от царей, чтобы готовиться на татар войной. Но если от войск русских царей будет какой-нибудь промысл на татар, то и татары не будут терпеть, и к дружбе, и к недружбе приготовят себя вполне. На такое заявление запорожские гонцы отвечали Батырь-аге, что воевода Косагов прислан в Запорожье с тем, чтобы защищать

царские города от наездов татар, а не с тем, чтобы воинский промысл против них чинить. Затем Батырь-ага в разговоре объявил, чтобы великие государи отпустили мурзу Селешова в Крым, потому что ханово величество царского посла Алексеева и гетманского посыльщика Лисицу уже отправил в Москву. Запорожские гонцы и на это нашли у себя ответ: великие государи, говорили они, уже давно отпустили от себя мурзу, и тот мурза находится у гетмана на пути в Крым. При объяснении с гонцами Батырь-ага, между прочим, спросил их и о том, будут ли московские цари присылать хану казну, т. е. попросту сказать, давать дань за все прошлые годы, когда они не отпускали ее в Крым. На такой запрос гонцы дали уклончивый ответ, ссылаясь на то, что они о таком деле не знают ничего. Живя в Бахчисарае, запорожские гонцы узнали и о том, что когда в Сичи появился с русской ратью воевода Григорий Косагов, то сам хан со своей ордой вышел за пять верст от Перекопа на Каланчак и стоял там, опасаясь московских ратных людей, до Петрова дня; узнав же, что воевода Косагов, стоя возле Сичи, делает город, а войной в Крым не думает идти, оставил у Перекопа салтан-калгу, а сам ушел в Крым. Оставленный салтан-калга стоял у Перекопа до приезда запорожских гонцов и потом, войдя в Крым, в ту же ночь послал на подворье к козакам толмача с запросом, зачем они присланы в Крым. Козаки тому толмачу ответили так, что пришли они с царской грамотой в Крым, а что в той грамоте — не ведают ничего. После этого салтан-калга распустил свое войско по домам, а сам совсем ушел в Крым. Хотел было салтан-калга из Перекопа идти в Белогородчину на выручку ханского сына, высланного против польского короля; но, услыхав о разгроме татар королем, свой поход отложил. Когда же польский король ханского сына взял в полон, тогда крымцы отпустили от себя польского ксендза, который прислан был для чего-то королем в Бахчисарай, но был закован там в кандалы и ходил целое лето в тех кандалах. Теперь того ксендза хан приказал расковать и ради мира с королем велел «съ великою честью» в Польшу отпустить, дав ему на дорогу рыдван о двуконь; такой же рыдван дал тому ксендзу и Батырь-ага.

Находясь в Бахчисарае, запорожские гонцы узнали, что крымский хан посылал к калмыцкому тайше Аюку письмо с просьбой о помощи против польского короля; но калмыцкий тайша́ вместо ответа велел обрезать ханскому гонцу уши, губы и нос и в таком виде отпустить его в Крым. Кроме того, запорожские гонцы дознали и то, что в Крыму уже в течение двух лет не родился хлеб и был большой недостаток в конских кормах.

Отпуская из Бахчисарая запорожских гонцов, Батырь-ага им объявил, что у хана-де был такой план, чтоб ему самому ныне под государевы украинские города идти, а янычарам идти под Запорожскую Сичь, где воевода Косагов с московскими ратными людьми стоял, и для того похода хан изготовил было уже и большое число

гатарских войск, но когда получил мирную грамоту от царей, то войска те по домам распустил.

Когда запорожские гонцы были уже в обратном пути, то видели возвращавшуюся из похода на польского короля татарскую орду; о белогородской же орде гонцы слыхали, что она оставила у себя третьего салтана для обороны против короля [25].

Оставив Бахчисарай, запорожские гонцы направились сперва в Сичь, а из Сичи декабря 13 дня прибыли в Москву и привезли с собой от Селим-Герая, Багатырь-Гераева сына, лист. В своем письме Селим-Герай писал, что, согласно просьбе великих государей об отпуске задержанного в крымской Украйне русского гонца Никиты Алексеева, гонец и все бывшие с ним русские невольники «без убытка» отпущены из Кызыкерменя вверх по Днепру в Запороги. Отпуская царского гонца, ханское величество надеется, что великие государи, в свою очередь, отпустят крымского гонца Мубарекшу-мурзу Селешова в Крым. Относительно же упрека со стороны царских величеств ханскому величеству в нарушении соседской дружбы и в нечинении ответа по поводу набегов на Украйну азовских людей он, Селим-Герай, отвечает, что напротив того, дружбу соседскую нарушает не хан, а сами московские цари: подданные московских царей, донские козаки, захватили под Черкасским городком крымского человека Абду-агу и до сих пор держат его у себя. Кроме того, те же козаки, выплыв в Азовское море на каюках, воевали азовских, ногайских и черкесских людей; потом, соединясь с калмыками, ходили в Чунгур и много конских стад взяли у татар, и хотя крымский хан не раз писал о том царям, но ответа от них на то никакого не получил. Поэтому нарушение соседственной дружбы происходит не от хана, а от самих же царей. И если московские государи действительно желают держать с ханским величеством дружбу и прочный мир, то пусть они присылают, по установленному обычаю, казну (т. е. дань) к разменному пункту под Переволочну на Днепре, вместе с казной пусть шлют царскую грамоту и задержанного в Москве крымского мурзу. Тогда будет между Крымом и Москвой настоящий мир. А что до просьбы государей не ходить против польского короля войной, то татары и не думали на короля ходить, а сам король на них трижды приходил, но, однако, «во всѣхъ своихъ приходахъ темнымъ лицомъ назадъ возвратился» [26].

На такой ответ московские цари написали хану декабря 25 дня третью грамоту с уверением дружбы и любви и извещением об отпуске гонца Мубарекши-мурзы Селешова «съ удовольствованіемъ по посольскому обыкновенію» через Запороги в Кызыкермень. Замедление тому послу учинилось оттого, что и царскому гонцу Алексееву сделано было замедление в отпуске у татар. Впрочем, отпуская крымского мурзу, великие государи поставляют при этом ханскому величеству на вид то, что ханское величество не пишет ничего в своем листе о примирении Магмет-султанова величества с польским

королем и не дает никакого ответа на то, почему с крымской стороны делаются частые загоны под украйные малороссийские и великороссийские города и чрез те загоны причиняются «многія разоренія и нестерпимыя досады» жителям тех городов. Вместо того ханское величество упрекает великих государей за действия на Азовском море донцов и указывает на это, как на повод к разрыву дружбы Крыма с Россией. Чтобы раз навсегда прекратить ссоры, великие государи находят за лучшее выбрать между Запорожьем и Кызыкерменем одно из пристойных мест, выслать туда по равному с обеих сторон числу полномочных людей и установить между царским и ханским величеством прежнюю дружбу и любовь [27].

Написанную грамоту велено было при особом письме послать сперва в Запороги и из Запорог отправить «безъ замотчанія» в Крым с тем козаком, какого «въ ту посылку выберетъ самъ кошевой атаманъ». На случай же, когда хан согласится на съезд представителей в каком-нибудь месте между Запорожьем и Кызыкерменским городком для прекращения обоюдных набегов и ссор, воеводе Григорию Косагову приказано было послать в Крым особых из сичевого товарищества полномочных людей. Григорий Косагов, получив разом царскую грамоту и царское письмо, известил государей января 16 дня 1687 года, что царское письмо он послал в Сичь к кошевому атаману Филону Лихопою, и в Сичи на раде письмо то было прочтено всем низовым козакам, а после той рады к воеводе Косагову приехал с пятью куренными атаманами сам кошевой атаман и объявил, что для отсылки царской грамоты в Крым наряжен козак Игнат Комалдут. И точно, козак Игнат Комалдут прибыл к воеводе января 17 дня и в тот же день с колонтаевским козаком Голубинченком был отправлен в Крым [28].

Такая неопределенность отношений между Москвой и Крымом длилась в течение конца 1686 года и начала 1687 и держала в напряжении не только крымских татар, но и запорожских козаков. Последние с большим нетерпением ждали, чем кончится задуманный русскими поход на Крым.

Первый поход открылся с весны 1687 года. Для похода в Крым поднято было до 100 000 великороссийских и до 50 000 малороссийских войск. Главнокомандующим великороссийских войск назначен был князь Василий Васильевич Голицын. Начальником малороссийских козаков состоял гетман Иван Самойлович. С князем и гетманом должны были действовать заодно и запорожские козаки. У запорожских козаков кошевым атаманом на ту пору был Филон Лихопой.

Князь Голицын двинулся в путь раньше гетмана Самойловича и уже мая 20 числа перешел с войском два притока речки Липнянки, впадающей в реку Орель при Нехворощанском городке. Русские двигались большей частью по направлению к югу и расположились у речки Орлика [29].

Гетман Самойлович поднялся из городов Украйны в конце месяца мая и шел от города Полтавы с девятью украинскими полковниками, двумя полковниками компанейскими и одним полковником сердюцким; при тех полковниках были: один обозный, один судья, один писарь и два асаула. Перейдя реку Орель, гетман июня 2 дня соединился у левого берега ее с князем Голицыным и двинулся к реке Самаре [30]. Дойдя до Самары, военачальники прежде всего должны были сделать на этой реке 12 мостов и по этим мостам в течение четырех дней перевозить свои обозы по две тележки в ряд. Вероятно, в это время князь Голицын посетил стоявший у Самары Николаевский пустынный запорожский монастырь и сделал в нем «вкладъ въ 15 рублей» [31].

Перейдя реку Самару, соединенные русско-козацкие войска стали у Острой могилы и тут, близ речки Кильчени, совершенно высохшей на ту пору от летних жаров, выкопали для питья несколько колодцев в аршин глубиной. Добытая в колодцах вода оказалась и хорошей на вкус, и в достаточном количестве. От Острой могилы войска, оставя свою временную стоянку, пошли на речку Татарку и оттуда взяли направление между Великих Плес. От Великих Плес прошли через левые притоки Днепра Вороную [32] и Осокоровку, где «рѣчка Терги притягла отъ моря» [33]. Далее войска двинулись на речку Вольную, где «рѣчка Крымка притягла отъ Конской». От Вольной войска пошли на вершину Каменки [34]. В это время в армии говорили, что войско идет по правую руку Каменки, и тогда участник похода генерал Патрик Гордон велел искать Каменку, но, по его словам, этой речки не нашли. От Каменки войска двинулись к речке Конским Водам, или Конке, впадающей на две мили ниже острова Хортицы и на 7 миль ниже Сичи, где нашли довольно травы, но мало леса и нездоровую воду. Здесь обе части войска соединились вместе и расположились на стоянку: раньше того некоторая часть армии пошла через речку Московку и так как это был более краткий путь, то она и пришла сюда раньше. Июня 13 числа быстро построили через речку Конку мосты и начали советоваться о дальнейшем маршруте. В это время получено было известие о том, что впереди все сожжено и стояло в дыму и пламени [35]. Недалеко от левого берега Конки русско-козацкие войска заметили впереди себя несколько небольших отрядов татар и быстро рассеяли их [36]. Июня 14 числа армия переправилась через Конские Воды и пошла по сожженным степям. От пыли и отвратительного запаха идти было тяжело; в особенности трудно и нездорово было как для людей, так и для лошадей. Потом войска расположились на небольшой речке Олбе (dem klienen Flusse Olba), невдалеке от Великого Луга, где нашли много воды и травы [37]. В этот день сделали две мили назад. Июня 15 числа двинулись по сожженным степям к речке Янчокраку [38], где нашли мало травы и никакого леса, но зато множество диких свиней. Тут лошади, видимо, стали худеть, солдаты начали заболевать. Июня 16

числа пошел сильный дождь, который, однако, только прибил пыль, но не освежил растительности. В это время сделали мосты из фашин через речку Янчокрак, которая в этой местности, благодаря дождю, сделалась очень болотистой; понадобилось три часа, чтобы переправиться через нее. От Янчокрака войска следовали по голым сожженным степям до речки Карачокрака. Июня 16 числа лошади были уже сильно истомлены, а травы так было мало, что ее хватало на столько, чтобы только сохранить жизнь животным, и если бы приблизились татары, то лошади едва ли в состоянии были вывезти не только телеги с жизненными припасами, но и пушки; кроме того, все знали, что далее все сожжено и опустошено. Следовательно, нечего было и думать о завоевании Крыма. В это время, после долгих споров, решено было часть армии послать на днепровское низовье, а главную поднять до таких мест, где можно было бы найти продовольствие для конницы. Июня 18 числа главная армия направилась [39] обратно ближайшим путем [40]. Перейдя речку Янчокрак, войска стали лагерем на возвышении Великого Луга, где нашли воду и немного травы, но никакого леса. В этот день прошли 3 мили. Июня 19 числа армия отдыхала и в этот день отправлен был гонец в Москву с известием о возвращении войска обратно. Июня 20 числа армия продолжала путь далее, перешла маленькую речку Олбу и остановилась на реке Конские Воды, где нашла в избытке траву, лес и воду, хотя вода была нездорова. В этот день гетман с козаками перешел через реку и стал лагерем на «той» стороне, русские же на «этой». Было решено отдохнуть здесь несколько дней, чтобы откормить лошадей, изнуренных и не могших везти далее пушки и аммуницию; но это принесло мало пользы, так как от воды, вредной для здоровья, в это время и людей и лошадей погибло немало [41].

Так описывает весь маршрут соединенных русско-козацких войск участник похода генерал Патрик Гордон в своем дневнике.

Сам гетман Иван Самойлович о первом походе русско-козацкой армии на Крым доносил в Москву, что от реки Самары русские обозы «пошли дикими полями и, пройдя нѣсколько десятковъ дней, приблизились къ Крыму за 100, а к Сѣчѣ запорожской за 30 или 36 верстъ, за рѣчку Карачокракъ, откуда зѣло горѣли сердца наши достигнути Перекопа и самого Крыма» [42], но пожар, поднятый татарами в степи, начиная от Конских Вод и до самого Крыма, т. е. на расстоянии по приблизительному расчету ста верст, помешал начальникам войска привести свое желание в исполнение.

Степной пожар, как причина неудачи первого похода на Крым, был в то время у всех на устах. И точно, татары и далеко раньше и много позже этого времени весьма часто прибегали к этому средству для того, чтобы отвратить поход в степь какого-нибудь опасного для них врага. О страшных размерах степных пожаров в прошлые века, когда все степи покрыты были густой, высокой и непролазной, точно лесная чаща, травой, можно до некоторой степени

судить по теперешним пожарам в бывших ногайских и запорожских степях. Когда загорится в степи сухая трава, тогда, при господстве там в мае и июне северо-восточных ветров, настает настоящий, со всеми ужасами, ад. Пламя катит верст на 100, на 120 вперед; повсюду раздается страшный треск; воздух делается нестерпимо удушлив и необыкновенно горяч; пожарная гарь слышится за шесть, за восемь часов, не доезжая до места огня; дым валом валит полосой ширины в 15—20 верст. Земля делается настолько горяча, что на ней нет никакой возможности стоять. Все, что ползало по степи, жарится, лопается и распространяет везде едкий смрад. Все, что ходило по степи — звери, дикие кони, рогатый и мелкий скот, дикие свиньи, различные грызуны — все, почуяв беду, бежит от огня стремглав, падает и погибает в пламени и в дыму. Верховые кони, обыкновенно раньше других животных чуя степной пожар, приходят в сильное беспокойство, постоянно ржут и стараются увлечь своих седоков в противоположную сторону от того места, где разливается страшное пламя огня. После такого пожара на сотни верст вся степь превращается в черное поле смерти, где надолго исчезает всякая жизнь. Всякие корма на такой степи исчезают совсем, и нужно ждать слишком большого дождя, чтобы привести землю в надлежащий ее вид, а после дождя необходимо ждать 10—15 дней, чтобы иметь подножный для скота корм. Таковы последствия степных пожаров теперь, но они были гораздо страшней двести — триста лет тому назад при сплошных и непроходимых травах в степи, особенно когда татары зажигали их в разных местах и когда движение ветра шло навстречу шедших по степи войск. Поэтому нет надобности заподозревать показание вождей русско-козацких войск, которые считали причиной неудачи первого похода на Крым степной пожар, хотя рядом с этим могло быть немало и других причин, как теперь некоторые исследователи стараются это доказать [43]. Стихийная причина, т. е. поднятый татарами в степи пожар и гибель через то степных кормов, главнейшая из причин неудачного похода русско-козацких войск на Крым. Но и тут некоторые из историков ставят вопрос, кто же собственно был виновником пожара в степи, сами ли татары или же вместе с ними и козаки? Уже очевидец первого похода в Крым иностранец Гордон уверял, что это дело не обошлось без содействия козаков: козаки, опасаясь, чтобы Москва, покорив Крым, не отобрала вольностей и прав у самих козаков, могли подать крымцам мысль произвести в степи пожар и не допустить москалей в Крым. Однако Гордон высказал в этом случае лишь собственное мнение и не подтвердил его никакими доказательствами, а потому, не прибегая к предположениям, следует в этом случае помнить то, что степной пожар, как средство защиты от врагов, весьма часто практиковался у татар, и незадолго перед походом русских на Крым татары таким же способом спаслись в Буджаке от польского короля.

Для того, чтобы скрыть отступление всей русско-козацкой армии, а также для того, чтобы не дать возможности крымскому хану послать орду против польского короля, а белогородским и буджацким татарам соединиться в одно, решено было на военном совете июня 17 дня отправить отряд великорусских войск в числе 20 000 человек и отряд малороссийских козаков также в 20 000 человек, или 8 полков да несколько тысяч запорожских козаков к урочищу Каменный Затон, где стоял воевода Григорий Косагов, там велено соединиться им с Косаговым и идти в поход к Кызыкерменскому городку. Начальствование над отрядом великороссийских войск поручено было окольничему Леонтию Романовичу Неплюеву, а начальствование над малороссийскими полками предоставлено было гетманскому сыну, полковнику Григорию Ивановичу Самойловичу: «И велѣли мы, на ту сторону Днѣпра переправившись, къ прежде реченному городку Кызыкерменю идти и осадить его шанцами; в тѣхъ промыслахъ приказалъ я быть и атаману кошевому съ войскомъ низовымъ, который, бывъ у меня въ обозе, обѣщался во всѣхъ работахъ быть тщательнымъ и вѣрнымъ... Хотя мы и надѣялись на Днѣпровскіе луга, что (они) не лишатъ насъ конскихъ кормовъ, для чего и оперлись было обозами съ пожженныхъ полей о днѣпровыя воды; но и въ нихъ никакой прибыли не обрѣли, вслѣдствіе тѣхъ причинъ, что въ Днѣпрѣ превеликія воды (стоят), которыя еще не скоро опадутъ, показались только островы и холмы... Ради того стали нынѣ надъ Конскою-Водой, выше устья Янчокрака, противъ Великаго Луга, въ сорока верстахъ отъ Сѣчи запорожской, а сколько времени можно будетъ стоять, столько и постоимъ» [44].

Простояв у Конских Вод сколько было возможно, русско-козацкие войска двинулись выше и дошли до реки Самары. На ней уцелело еще 12 мостов от прежней переправы. Первым перешел по мостам гетман Самойлович. Но когда он стал на правом берегу Самары, в это время внезапно все мосты запылали огнем от неизвестной причины и в короткое время все, кроме двух, исчезли. После этого русские занялись сооружением новых мостов на месте сгоревших и потом уже перешли с левого берега реки на правый [45].

Хотя виновник поджога самарских мостов и не был обнаружен, но все стали обвинять в том гетмана Самойловича, что совпадало и с видами начальника русских войск, и с желаниями малороссийской генеральной и полковой старшины: первый, испытав неудачу в походе на Крым, выискивал лицо, на которое можно было бы взвалить всю тяжесть ответственности за несчастный поход; последние, ненавидя гетмана за его корыстный и надменный нрав, давно искали случая, чтобы избавиться от него. Потому, когда русско-козацкие войска перешли реку Самару и стали на правом притоке ее, речке Кильчени, то тут июля 7 дня недруги Самойловича написали «доношеніе объ измѣнѣ и неистовствѣ гетмана къ вели-

кимъ государямъ» и подали его князю Голицыну, а князь Голицын на следующий день отправил то «доношеніе» в Москву [46], и через 14 дней после этого «скончалось гетманство поповичево» [47].

После низложения гетмана отправлен был гонец к сыну его, Григорию Самойловичу, и посланный нашел полковника с обозом ниже острова Томаковки, где вручил ему лист старшины о низложении его отца [48]. Сам князь Голицын написал приказ окольничему Леонтию Романовичу Неплюеву «принять и держать за карауломъ гетманскаго сына, Григорія» [49].

После того главная армия перешла Кильчень и остановилась на рукаве этой речки. Военачальники избрали этот путь, чтобы скорее достигнуть реки Орели, так как до сих пор мало встречали воды и лесу. Июля 10 числа армия выступила рано и шла по большим равнинам. У реки Орели войска имели остановку, где нашли достаточный запас дров, воды и травы. В этот день были сделаны мосты через реку, а 11 числа июля войска перешли Орель, оставили пределы Запорожья и направились вдоль речки Орчика, а потом к реке Коломаку [50].

Пока происходили все эти события, тем временем оставленные на Низу Днепра воевода Григорий Косагов и кошевой Филон Лихопой не без успеха действовали против бусурман. Косагов отправил несколько человек из своего полка судами к городу Кызыкерменю, а кошевой атаман лично пошел против турок. У урочища Каратебеня, на реке Днепре, между кызыкерменцами, с одной стороны, и русскими полчанами и запорожскими козаками — с другой произошел бой «и божіей милостью, а предстательствомъ надежды христіанскія пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, предстательствомъ и молитвами московскихъ и кіевскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, а великихъ государей и всего ихъ государскаго дома прилежною молитвою и счастіемъ, тѣ ихъ, великихъ государей, ратные люди и запорожскіе козаки на Днѣпрѣ турскихъ людей побили и взяли на томъ бою два ушкала, а на тѣхъ ушкалахъ знамена да пять пушекъ да турокъ 29 человѣкъ; а ихъ великихъ государей ратные люди и запорожскіе козаки пришли всѣ съ того боя въ цѣлости» [51].

Считая войну с ханом далеко не оконченной и имея в виду новый поход на Крым, правительница московского государства царевна Софья Алексеевна между другими мерами для успеха в будущей с бусурманами войне предложила князю Василию Голицыну построить на реках Орели и Самаре городки, «дабы оставить въ нихъ всякія тягости, запасы и ратныхъ людей и дабы впредь было ратямъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ» [52].

ГЛАВА ВТОРАЯ

Избрание Мазепы в гетманы Малороссии и обязательства, данные им московским царям в отношении запорожских козаков.— Царская грамота запорожцам об отрешении Самойловича с объявлением в гетманы Мазепы.— Посольство от запорожского войска в Москву козака Матвея Ватаги с пойманным татарским языком.— Письмо от Коша к гетману Мазепе с поздравлением и с пожеланием многолетнего правления Малороссией.— Враждебные отношения запорожцев к крымским татарам, захват ими татарских языков и отправка их с особыми посланцами в Москву.— Пребывание запорожских посланцев в Москве и возвращение их из Москвы в Сичь.— Переписка кошевого атамана Григория Сагайдачного с гетманом Мазепой по поводу обещанной им запорожскому войску помощи против мусульман, а также по поводу отдачи войску перевоза в Переволочне на Днепре и присылки жалованья войску запорожских козаков.

С падением Ивана Самойловича малороссийским козакам предстоял выбор нового гетмана и вместе с тем новых генеральных старшин. Назначение того или другого гетмана в сильной степени интересовало и запорожских козаков: запорожцы уже давно утратили право личных сношений с Польшей и Москвой и если им предстояла надобность в том, то они могли это делать только через гетмана малороссийских козаков. Гетман же наблюдал за запорожцами и в том случае, когда они пытались стать в такие или другие отношения с крымским ханом или турецким султаном. Отсюда естественно, что характер и воззрения гетмана не могли не влиять в известной степени на те или другие действия запорожских козаков. В самом избрании гетмана запорожцы в это время принимать участия уже не могли: и совершенная обособленность между украинцами и войском низовых козаков, и полное самовластие, с которым распоряжалась в Малороссии Москва, сделали это участие для запорожцев невозможным. Поэтому, лишь только в Москве получилось «доношеніе» князя Голицына о необходимости отрешить от гетманского уряда Ивана Самойловича и вместо него избрать нового гетмана, то вскоре затем собрана была рада на реке Коломаке и на той раде июля 25 дня 1687 года вольными голосами «малороссійскихъ козаковъ и генеральной старшины», в действительности же под диктовку князя Голицына и близких клевретов его, выбран был на гетманский уряд бывший обозный войсковой

Иван Степанович Мазепа, старожитного шляхетского украинского рода, Белоцерковского повета, знатный в войске человек [1].

Приняв булаву и присягнув на верность русскому царю, гетман Мазепа подписал 22 статьи и в числе этих статей две касались запорожских козаков. Во-первых, для защиты от крымского хана великороссийских и малороссийских городов держать в пристойных местах полки и для промысла у Кызыкерменя и других турских городков часть тех полков посылать в Сичь и в иные тамошние места и над теми городками военный промысл чинить. Самих запорожцев держать в прежних местах, и борошно, и плату на каждый год им непременно в таком размере посылать, как им при прежних гетманах выдавалась плата всегда; и то борошно, и те деньги к ним на самый Кош запорожский отсылать; а миру запорожцам с Крымом и с городками (турскими) без воли государей никогда не иметь. Во-вторых, для утеснения Крыма и от нахождения крымских орд на великороссийские и малороссийские города войной на сей (левой) стороне Днепра против Кодака сделать такого подобия шанец, как и Кодак, а на Самаре и на Орели реке, и на устьях Орчика и Берестовой построить крепости и малороссийскими жителями населить и о том во все тамошние города универсалы послать с разъяснением о том, что в те места могут все желающие без всякого препятствия приходить; запорожцы же к тем крепостям и к жителям тех крепостей касаться не должны; кроме того, до окончания русско-татарской войны запорожцы и торговых сношений с татарами не должны вести [2].

Эти пункты Мазепа собственноручно подписал в день избрания его на гетманский уряд июля 25 дня, и на том крест и святое евангелие целовал.

Сентября 12 дня на имя кошевого атамана Григория Сагайдачного послана была царская грамота из Москвы в Сичь с известием об отнятии у Самойловича гетманской булавы, о назначении Ивана Мазепы в гетманы малороссийских козаков и о милостях войску низовых козаков за участие в первом походе на Крым.

«Мы, великіе государи, наше царское величество, тебя нашего величества подданного низового запорожского кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго и все поспольство пожаловали, велѣли Переволочанскимъ перевозомъ владѣть вамъ, войску низовому запорожскому; а вашимъ-ли козакамъ у того сбору быть, или по приказу гетманскому его сборщикамъ и сборныя деньги, что собрано будетъ, отдавать вамъ въ войсковой скарбъ, и о томъ велѣно ему, гетману, учинить по своему разсмотрѣнію. Да по нашей государской милости послано къ вамъ наше великихъ государей годовое настоящее жалованье, деньги и сукна, по прежнему, съ стряпчимъ Иваномъ Прокофьевымъ Свинцовымъ да съ посланцами вашими, куреннымъ атаманомъ Юскомъ Михайловымъ съ товарищи; да сверхъ того нашего великихъ государей настоящаго годового жалованья по-

слано къ вамъ за вашу нынѣшнюю службу, что вы были въ полкахъ бояръ нашихъ и воеводъ въ крымскомъ походѣ, изъ полка нашей царственной большой печати и государственныхъ великихъ и посольскихъ дѣлъ оберегателя, ближняго боярина полка дворового, воеводы и намѣстника новгородского князя Василія Васильевича Голицына денежной казны 500 рублевъ, а велѣно ту нашу государскую денежную казну окольничему нашему и воеводѣ Леонтію Романовичу Неплюеву отдать бывшему кошевому атаману Федору Иванику съ товариствомъ на все войско низовое запорожское» [3].

Вместо ответа на милостивую царскую грамоту запорожцы послали в октябре месяце в Москву через козака Матвея Ватагу с 32 товарищами татарского языка, взятого в воинских промыслах над Белогородской ордой, причем, пользуясь таким случаем, козаки просили позволения взять в Сичу две медные со станками и колесами пушки, находившиеся на острове Кодацком в распоряжении Семена Любовникова, взамен старых, негодных к стрельбе пушек, находившихся в Сичи. За присылку татарского языка цари Иоанн и Петр с царевной Софьей Алексеевной благодарили запорожское войско особой грамотой, и на просьбу о пушках отвечали позволением — новые пушки с острова Кодацкого взять в Сичь, старые, негодные к стрельбе, отправить на Кодацкий остров; с острова Кодацкого они будут отправлены для починки в Киев, а из Киева, в надлежащем виде, будут возвращены снова в Запорожскую Сичь [4].

В это же время запорожцы отправили своих посланцев с «поганскимъ языкомъ» и в Польшу. С 26 сентября по 10 октября в городе Злочове находились 10 человек запорожских козаков со старшиной Вышетравцем, и им выдано было за все время пребывания в Злочове 523 злотых и 15 грошей [5].

Октября 4 дня запорожцы написали Мазепе письмо, в котором поздравляли его с получением гетманской булавы, желали много лет оставаться на гетманском уряде, быть полезным своей отчизне Украйне и своему малороссийскому народу, оказывать ласку войску запорожскому и не «хирхелёвать на искорененіе войска, якъ началъ было хирхелёвать надъ нимъ зрадца поповичъ». Письмо отправлено было депутацией из четырех полковников и 80 человек рядового товарищества во главе с бывшим кошевым атаманом Федором Иваникой да Афанасием Марченком. Мазепа с большим удовольствием принял поздравление запорожцев, послал им гостинец по сто золотых, по одной куфе горилки и по десять бочек борошна на каждый курень, а на атаманов куренных по кармазину, кошевому Григорию Сагайдачному и войсковой старшине, т. е. судье, писарю и асаулу, вдвое против куренных атаманов [6].

Но напрасны были старания запорожцев: Мазепа не мог быть истинно национальным деятелем. Не мог быть потому, что по воспитанию и по понятиям он был более поляк, чем малороссиянин, и его натуре противны были все простонародные стремления и традиции

малороссиян. Скрывая, однако, до поры до времени свои настоящие инстинкты, Мазепа, как ловкий, воспитанный и превосходно образованный человек, прекрасно подделался под тон Москвы и старался казаться поборником великороссийских интересов и монархических начал в Малой России. Русские цари безусловно верили искренности Мазепы и предоставляли в его руки все средства (русские войска и наемные компанейские полки) для обороны против его зложелателей и против мнимых врагов Великой России. Таким образом Мазепа, прикрываясь силой и правом, дарованными ему Москвой, выступил против стремлений низшего класса людей Малороссии и, вместе с тем, против массы запорожского войска. Но малороссийская масса и масса запорожского войска, понимая настоящие стремления Мазепы, всеми мерами противилась ему, и эта борьба, то усиливаясь, то ослабляясь, смотря по времени и обстоятельствам, длится целых двадцать лет (1687—1708) и составляет сущность отношений между Мазепой и запорожским Кошем.

Первое столкновение между запорожцами и Мазепой началось уже вскоре после избрания последнего на гетманство.

В декабре месяце кошевой атаман Григорий Сагайдачный известил гетмана Мазепу через нарочных посланцев о своем походе на бусурманские вежи. Для этого похода собрано было пехотное и конное войско и взяты были войсковые клейноты. Пехотное войско под начальством самого кошевого ходило правой стороной Днепра под турецкие городки; конное войско под начальством атамана Ирклеевского куреня Федора и бывшего кошевого атамана Филона Лихопоя ходило левой стороной Днепра. Поход увенчался полным успехом, и запорожцы «при многихъ трудахъ и храбрости, а особенно милостію божіею и счастіемъ ихъ царского величества», захватили живыми несколько человек татар «изъ городской орды», шедшей по направлению к Крыму на низовом шляху, лежащем над Черной долиной. Декабря 16 дня походное войско было уже в Запорожской Сичи, и тут татарские «вязни» были подвергнуты допросу с целью добытия от них вестей о бусурманских замыслах. После такого допроса решено было собрать большое посольство от всего запорожского войска, взять двух татарских «вязней» и отправить их в Москву для «вѣдомостей». Для поездки в столицу назначены были бывший кошевой атаман Филон Лихопой, атаман Ирклеевского куреня Федор, атаман Титаровского куреня Ильяш, атаманы куренные — Конеловский, Каневский, Минский, Левушковский, Крыловский и к ним несколько рядовых козаков, в числе коих — Степан Рубан, Василь Мазин, Матвей Ирклеевский (нужно думать Ирклеевского куреня), всех счетом 40 человек. Выехав из Сичи, запорожские посланцы направились на Переволочну, Решетиловку, Гадяч, Конотоп и из Конотопа прибыли в Батурин. Гетман Мазепа, приняв запорожское посольство и узнав, в каком числе оно вышло из Сичи, нашел невозможным отпустить его в полном составе

в Москву и, ссылаясь на царский по этому поводу указ, дозволял ехать не больше четырем — пяти козакам. Запорожцы сильно противились этому, но гетман долго не уступал. Потом, однако, взяв во внимание то обстоятельство, что во главе посольства стоял Филон Лихопой, бывший кошевой атаман и «знатный человѣкъ въ козацкихъ подвигахъ», позволил идти в Москву Лихопою «самъ десять», а 30 человек из его спутников оставил близ города Батурина на прокормление и обо всем этом своевременно известил князя Василия Васильевича Голицына через стольника Андрея Ивановича Лызлова.

Отпущенные из Батурина января 14 дня 1688 года, запорожские посланцы прибыли в Москву января 24 дня в числе не десяти, а одиннадцати человек и там при расспросе в приказе Малой России дали такого рода показания. Слышали они (уже в пути), что к Запорожской Сичи приходила в большом числе крымская орда и добывала ее в течение трех дней, но милостью божией и счастьем великих государей «потѣхи себѣ и поиска никакого не учинила и пошла прочь от Сѣчи». О крымском хане от выходцев и от взятых языков им известно, что он возымел замысел и уже находится в полной готовности идти на малороссийские и великороссийские украинные города. О турском султане посланцы слыхали, что он удавлен, а на его место посажен другой, а кто именно — неизвестно. О Венгерской земле цесарского величества римского им известно, что там был бой с турскими и с крымскими войсками и во время этого боя пало много татар и турок, в том числе калга-салтан, тело которого отправлено было до Крыма. О королевском величестве польском ничего не известно, а пересылок у короля с ханом не было никаких.

Независимо от показаний запорожских посланцев дали свои показания и привезенные ими пленные бусурманы — турской породы кызыкерменский житель Умерко Усманов и черный татарин села Октая Тугайко Шамакаев. Первый взят был запорожскими козаками на половине дороги от Кызыкерменя к Перекопу, куда он ехал с женой и с несколькими товарищами для покупки хлебных запасов. Запорожцы, напав на проезжавших татар, трех человек из них живьем в полон взяли да трех же человек и одну женщину зарубили и только шесть человек татар от них «отсидѣлись». О положении дел в Крыму и в Константинополе Умерко Усманов сообщил такие сведения: турский султан действительно удавлен и на его место посажен брат его Урхан-султан. Новый султан находится в Константинополе и оттуда прислал в Кызыкермень свой указ с известием о выступлении в город четырех тысяч человек пехоты с пушками и со всякими воинскими запасами «для осторожности отъ московскихъ войскъ». Прежний султан был убит вместе с великим визирем собственными его приближенными людьми, турками и арабами, в Венгерской земле. В Венгерской земле у турок были бои многие и на всех боях тех туркам и татарам удачи никакой не было.

Другой полоняник, Тугайко Шамакаев, про султана, крымских татар и польского короля сказал те же речи, что и турчин Умерко. После сделанного показания оба полоняника били челом великим государям о дозволении им креститься в православную христианскую веру и о принятии их на русскую службу.

Изложив все обстоятельства, происшедшие в Сичи и в Венгерской земле, запорожские посланцы просили великих государей за верную царским величествам службу и за воинские походы пожаловать их поденным питьем и кормом на время прожития в Москве и при отпуске на время поездки из Москвы до Сичи.

По той челобитной запорожских посланцев приказано было навести справки, какой корм и какое питье даваны были низовым посланцам в прежние годы. По наведенным справкам оказалось, что в прошлом году были в приезде кошевые посланцы Матвей Царевский с Филоном Лихопоем и с другими товарищами, привозившие татарских языков, и что в то время им дано было денег на день по два алтына, вина по 3 чарки, меду по 1 кружке, пива по 2 кружки, а на отпуске денег по 4 рубля, сукна кармазинного, тафты и пару соболей в четыре рубля. Другим посланцам, бывшему кошевому атаману Федору Иванику и Афанасию Марченку с товарищами, ездившим в сентябре месяце с поздравлением к гетману Мазепе и оттуда являвшимся в Москву, дано было денег по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, а на отпуске — денег по 8 рублей, по сукну кармазину, по тафте одной, по паре соболей в шесть рублей каждая пара. Третьим посланцам, приезжавшим в Москву в октябре месяце, Матвею Ватаге [7], с двадцатью тремя человеками товарищей и со взятыми в плен крымскими татарами дано было денег — Ватаге по 2 алтына и по 2 деньги, козакам по 10 денег, вина Ватаге по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, козакам вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки на день, а на отпуске Ватаге — 6 рублей, сукно аглинское, тафта, пара соболей в 2 рубля каждая, козакам — денег по 4 рубля, по сукну аглинскому, по паре соболей в 2 рубля каждая пара, да в дорогу поденного корму на 3 недели по тому ж, по чему им давано в Москве; кроме того, ветчины три полтя, вина два ведра и пива 4 ведра, а для топления изб и для варения пищи давано было по 2 воза дров на неделю да для вечернего сидения по 4 деньги свеч сальных на сутки, а на приезде, когда они были у руки великих государей, в тот день дан был им корм и питье с поденным вдвое.

Сообразно таким справкам приказано было выдать посланцам кошевого атамана Григория Сагайдачного Филону Лихопою, Федору, атаману Ирклеевского куреня, Ильяшу, атаману Титаровского куреня, да восьми человекам рядовых козаков «поденнаго корму и питья противъ пріезду бывшаго кошевого атамана Федора Иваника»: денег по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, Федору и Ильяшу и прочим козакам «противъ пріѣзду

Матвѣя Ватажника», первым по 2 алтына и по 2 деньги, козакам по 10 денег, вина Федору и Ильяшу по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки, козакам меду по 2 чарки, пива по 2 кружки; а на приезде, когда они будут у руки великих государей, в тот день дать им корм и питье с поденным вдвое; а на отпуске дать им, Филону Лихопою 8 рублей, сукно кармазин, тафту, пару соболей в 6 рублей; Федору и Ильяшу денег по 6 рублей, по сукну аглинскому, по тафте, по паре соболей в два рубля пара на человека; восьми козакам денег по 4 рубля, по сукну аглинскому, по паре соболей в два рубля пара человеку да в дорогу поденного корму на три недели по тому ж, по чему давано им в Москве да, купя в ряду, дать два полтя ветчины; кроме того, с даточного двора дать два ведра вина, четыре ведра пива, а для топления избы и варения кушаньев по 2 воза дров на неделю да для вечернего сиденья по 2 деньги свеч сальных на неделю.

Назначенное по росписи содержание показалось запорожским посланцам очень скудным, и потому они подали челобитную о прибавке царского жалованья за их «вѣрную службишку» въ такомъ количествѣ, какъ самъ Господь Богъ извѣститъ великихъ государей». «Тѣмъ вашимъ великихъ государей жалованьемъ (по 10 денег на день), мы, холопи ваши, поденнымъ кормомъ передъ своею братьею оскорблены, и прежъ сего, государи, давано нашей братіи поденный кормъ сполна и сверхъ поденнаго корму прислано было нашей братьи ваше великихъ государей жалованье на многіе государскіе праздники, а намъ, холопямъ вашимъ, вашего великихъ государей жалованья праздничнаго ничего не бывало; а того вашего великихъ государей поденнаго корму намъ, холопямъ вашимъ, не стаётъ и мы, холопи ваши, купя хлѣбъ, соль и другой харчъ, живя въ Москвѣ, испроѣдаемся» [8].

Великие государи, по той челобитной приказали выдать козакам сверх поденного корма и питья 5 ведер вина, 10 ведер меду и 10 ведер пива, 2 полтя ветчины да 1 стяг говядины и после этого запорожцы, по-видимому, остались довольны царской к ним милостью.

Все запорожские посланцы отпущены были из Москвы февраля 6 дня. Вместе с ними посланы были царские грамоты к гетману Ивану Мазепе и к кошевому атаману Григорию Сагайдачному. В грамоте к Мазепе цари похваляли гетмана за то, что он не пустил всех сорока человек запорожских посланцев в Москву и предписывали ему на будущее время пускать не более 2 или 3 человек. Кошевому атаману Сагайдачному выражалась благодарность за верную войска запорожского службу с наставлением и впредь с такой же верностью великим государям служить и над неверными бусурманами вольный промысл чинить [9].

В то время, когда посланцы запорожских козаков находились в Москве, в это самое время кошевой Григорий Сагайдачный, задумавший предпринять новый поход против бусурман, но не

имевший у себя на то достаточных сил, обратился к гетману Мазепе с просьбой о высылке в Сичь вспомогательного отряда около 1000 человек из малороссийских козаков [10].

Мазепа, обязавшийся в качестве регимептаря запорожского войска оказывать запорожцам помощь в борьбе с неверными, ответил Сагайдачному через нарочно посланного в Сичь козака Тимоша Пиковца письмом о готовности прислать кошевому военную помощь для борьбы против бусурман.

Однако прошло много времени, и запорожцы, не видя от гетмана никакой помощи, а чрез то не имея возможности начать похода против бусурман и испытывая большой недостаток в прокормлении своих лошадей, решили отправить из Запорожья в украинские города на зимовлю несколько сот человек конного войска. Недовольный таким постановлением запорожского войска, гетман послал кошевому атаману Григорию Сагайдачному через товарищей Полтавского полка свой лист и в том листе писал, что из Запорожья уже слишком много, не в пример прошлым годам, вышло на зимовлю в украинские города низового товарищества, и то товарищество причиняет большую докуку жителям.

Запорожцы, получив гетманский лист, по своему обычаю, прочитали его в своей посполитой раде и, выразумев смысл того листа, чрез тех же товарищей Полтавского полка ответили Мазепе, что во всем этом деле сам же гетман и виноват, потому что он не позаботился прислать вспомогательного войска от себя для совместной борьбы малороссийских и запорожских козаков против бусурман. «Если-бъ войско городовое было при насъ, то мы, взявъ Бога на помощь, по нашей силѣ, чинили бы въ пристойныхъ мѣстахъ промыслъ надъ непріятелями святого креста и в города бы не шли. А великая докука украинскимъ людямъ происходитъ не отъ насъ, а больше от компанѣйцевъ и сердюковъ, которые уже съ давнихъ лѣтъ сидятъ (в городах) и утѣсненіе людямъ чинятъ. Сердюки и компанѣйцы и по настоящее время великимъ государямъ не оказали еще службы никакой: а мы, войско запорожское, будучи подъ высокодержавною пресвѣтлыхъ монарховъ рукой и работая вѣрно службой своей, чинимъ промыслъ надъ крымскими и турскими людьми по нашей силѣ на обыклыхъ мѣстахъ» [11].

Глухое недовольство запорожцев на гетмана Мазепу скоро перешло в открытое, и они явно стали возбуждать народ Миргородского и Лубенского полков против притеснявших чернь полковых старшин. Этим хотел воспользоваться гетман заднепровской стороны, принадлежавшей Польше, Андрей Могила [12], выбранный в гетманы еще в 1685 году в городе Немирове после смерти гетмана Куницкого [13]. Мазепа перехватил одно письмо Могилы к запорожцам и поспешил донести о том в Москву. Из Москвы получен был приказ укротить запорожцев оружием с помощью бывших в распоряжении Мазепы великороссийских полков.

Запорожцы, не подозревая о таком распоряжении, послали Мазепе новое письмо.

На этот раз они обратились к гетману с упреком за то, что он нарушает исконные права запорожского низового войска. Гетман, принимая в свои руки булаву, дал обещание быть «во всемъ желательнымъ» запорожскому войску, а теперь вдруг совершил неслыханное за все время существования войска дело: он задержал посланного из города Немирова от польского гетмана Андрея Могилы в Запорожскую Сичь козака с листом. Это — такое дело, на которое ни один из предшественников Мазепы не отваживался: «Мы, войско запорожское, по милости божіей, передъ свѣтлыми монархами нашими по сіе время ни въ чемъ не потеряли вѣры. Прочетъ тѣ листы, умѣли бы къ пресвѣтлымъ монархамъ отослать и вашей вельможности объявить. Того для покорно вашей вельможности просим: изволь намъ, войску, объявить, о чемъ тамъ писано, и прислать списокъ съ техъ листовъ, чтобъ войско не скорбѣло о томъ» [14].

Высказав свое неудовольствие, запорожцы при всем том не хотели мстить злом за зло и извещали гетмана Мазепу через своего кошевого атамана Григория Сагайдачного о действиях и намерениях врагов святого креста, крымских и белогородских татар: крымский хан находился в Крыму; Кантемир-салтан с частью орды ради наставшего голода в Крыму пошел против черкес; калга-салтан в Белогородчину пошел; а крымские чаусы постоянно приказывают, чтобы орда, по возвращении двух названных салтанов домой, готовилась в поход на Русь. По этому случаю запорожцы давали гетману совет — разослать универсалы всем жителям городовым с предупреждением быть готовыми к отпору врагов, а о дальнейших действиях их обещали немедленные и точные известия подавать [15].

На все упреки запорожских козаков гетман Мазепа отвечал им по статьям. Во-первых, большого войска не высылал он из Украйны в Запорожье потому, что боялся оставить Украйну без защиты в случае прихода крымского хана с ордой, который, по настоятельным слухам, постоянно доходившим из Крыма в малороссийские города, действительно имел намерение сделать на Украйну набег. Ради этой причины гетман с самой осени и до последнего времени всех малороссийских козаков в вооруженной готовности держал и как собственное, так и «охотницкое» войско утруждал, а оттого и не мог отправить на зимнее время нужное число войск в запорожский Кош. Во-вторых, верно служа их царским величествам и желая сохранить хлебные «монаршескіе» запасы под Кодаком, гетман отправил туда для оберегания запасов более полуторы тысяч человек козаков; кроме того, с тою же целью гетман послал из великороссийских и малороссийских городов ратных людей к другим местам, что также послужило причиной помехи отправления из Украйны в Запорожье вспомогательного отряда войск. В-третьих, украинское

конное войско козаков не было и по другим причинам послано в Сичь: вследствие трудности из Украйны в Запорожье пути, вследствие сильных морозов, свирепствовавших на ту пору в краю; вследствие недостатка в Запорожье кормов, от чего и сами запорожские козаки бросали свои места и шли на прокормление в города, к тому же и украинские кони не привыкли добывать себе из-под снега кормов. Посылать же запорожцам пехоту не было цели никакой, потому что конного неприятеля можно только конным войском воевать. Пехоту же можно было послать лишь в самую Сичь, но Сичь и самими добрыми молодцами, при помощи божией крепка. Гетман посылал «немалое войсковое собраніе» с асаулом Войцею под город Кызыкермень и по этому поводу писал к запорожцам в Сичь, чтобы и они приняли участие в походе полчан под Кызыкермень или под другой какой-либо турецкий городок. Однако запорожцы в том походе Войцы участия почему-то не приняли и тем в немалое удивление гетмана привели. Относительно полезности или бесполезности компанейских конных и пехотных полков гетман, вопреки заявлению запорожцев о бесполезности их, утверждает противное тому, что они «не безъ потребы въ малой Россіи пребываютъ». Наемные войска и в других государствах с давних пор имелись и теперь имеются и содержатся они «для скорейшаго въ военномъ дѣлѣ поступка». В Малой России пехотные и конные полки, находясь во всегдашней готовности к войне, не только не приносят какого-нибудь вреда, напротив того, служат «для всенародной цѣлости щитомъ»: где только окажется надобность в войсках, туда они по приказанию региментарскому немедленно спешат и немедленно дают отпор врагам; тогда как малороссийские козаки, занятые своим хозяйством, несмотря на крепкие приказы гетмана, не могут так поспешно выступать в поход: «Того ради оставьте, ваши милости, нелюбовь противъ оныхъ, но любите ихъ по братскому пріятельству, помня, что вы и одной породы, и одной вѣры, и у однихъ пресвѣтлыхъ монарховъ находитесь въ обладаніи». А что касается задержки Могилина посланца, ехавшего из Немирова с листом в Запорожскую Сичь, то гетман уверяет козаков, что он сделал то не из какой-нибудь неприятности к ним, а «изъ подлинной нужды и должности своей», потому что храня верное подданство их царскому пресветлому величеству, он не только не смеет, но и не желает скрывать перед светлыми монархами присылку «зарубежныхъ» листов. А так как Могила послал свой лист через малороссийские гетманского регимента города, то гетман иначе не мог и поступить, как задержать его у себя и объявить о том пресветлым монархам в Москву. От монархов же гетман получил милостивый указ прислать тот лист в Москву, в Малороссийский приказ, что и было в точности исполнено им. Когда же пресветлые монархи усмотрели, что в том листе шла непристойная и противная мирному договору речь от Могилы к запорожским козакам, то они

решили написать о том польскому королевскому величеству с просьбой возбранить Могиле такую безрассудную смелость. «Ваши милости, вѣдайте, что пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе монархи наши, ихъ царское пресвѣтлое величество, установивъ вѣчный миръ съ его королевскимъ величествомъ, на вѣки въ мирныхъ договорахъ утвердили и съ обѣихъ сторонъ полными присягами закрѣпили то, что какъ городовымъ, такъ и низовымъ войскомъ запорожскимъ надлежить владѣть превысокому царскому пресвѣтлому величеству и никто со стороны королевского величества не смѣетъ ни посылать своихъ листовъ, ни вносить словесныхъ, противныхъ миру, рѣчей какъ въ города нашего регимента, такъ и на Запорожье... Исполняя приказаніе своихъ монарховъ и охраняя мирные договоры, я потому и задержалъ тотъ листъ Могилинъ. О моемъ же расположеніи къ вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, вы можете судить по тому, что я уроженецъ того же малороссійского края, какъ и вы; происходя отъ тѣхъ же предковъ войска запорожскаго, я долженъ верно служить ихъ царскому пресвѣтлому величеству и никогда не думалъ желать вамъ зла, напротивъ того, думалъ объ умноженіи всякаго счастья для васъ. Вы сами можете судить о моемъ усердіи къ вамъ послѣ пребыванія въ прошлую осень тысячи человѣкъ вашего товарищества у насъ, когда я однихъ сукнами, другихъ деньгами, третьихъ шубами удовольствовалъ, не считая того, что особо послано къ вамъ на Кошъ... Изложивъ все это вашимъ милостямъ, предлагаю и совѣтую вамъ поступать такъ: если вы получите откуда-нибудь мимо нашего вѣдома и мимо нашей воли письма, безъ воли царского пресвѣтлого величества и безъ нашего гетманского вѣдома не отписывать на нихъ, но присылать ихъ къ намъ, а мы къ царскимъ пресвѣтлымъ величествамъ будемъ ихъ отсылать и сообразно указу царского величества будемъ поступать, чтобы и волю монаршескую исполнить, и мирный договоръ соблюсти» [16].

Лишая запорожцев возможности самостоятельно сноситься с царственными и властными лицами соседних им держав, гетман Мазепа при всем том требовал от них, чтобы они доставляли ему всякие сведения о военных действиях и намерениях турок и татар. Так, когда распространился слух о низвержении Магомет-султана с престола, то гетман обратился к запорожцам с просьбой доставить ему «подлинныя вѣсти о непріятельскомъ поведеніи бусурманъ». Но запорожские козаки, имевшие столько причин к недовольству на гетмана, ответили ему «язвительнымъ выговоромъ, присланнымъ на письме», и тогда гетман занес на них новую жалобу в Москву [17].

Однако эти пререкания между запорожцами и гетманом Мазепой скоро прекратились и ни к каким на этот раз серьезным последствиям не привели. В начале месяца марта запорожцы послали гетману Мазепе очень длинный лист и в этом листе просили о закреплении за войском низовых доходов с Переволочанского пере-

воза на Днепре, о присылке в Сичь бубен и армат и рочного или годового жалованья, о подтверждении исконных вольностей козаков, об извещении военных замыслов гетмана в предстоящем лете против бусурман и присылке в Сичь нескольких тысяч рублей для уплаты сторожевым козакам. Что же касается известия гетмана об отправлении им под турецкие городки войскового асаула Войцы с отрядом малороссийских козаков в помощь запорожским козакам, то запорожцы свидетельствовались Богом, что от Войцы они не получали никаких вестей.

«Вельможный мосце пане гетмане войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго, а нашъ вельце мосцивый пане и добродѣю. Въ наставшее время постнаго поприща намъ, всему войску низовому, пришло на мысль поздравить вельможность вашу съ постомъ святымъ четыредесятницей: дай, Христе Боже, вельможности вашей сей пост святой в добромъ здравіи и въ счастливомъ на многія лѣта пановаиіи проводить его, дабы Господь всемилостивый, при добромъ здоровьи, даровалъ вамъ должайшій вѣкъ для опоры вѣры христіанской, на страхъ и разореніе всѣмъ врагамъ и непріятелямъ креста Христова, на побѣду и утѣшеніе христіанъ, и дабы вы дождались святыхъ страстей его, а потомъ трехдневному воскресенію поклонились — того мы сердечно, по нашей искренной расположенности, желаемъ. Когда посланные съ листомъ вельможности вашей прибыли до Коша къ нам цѣлы и невредимы, тогда мы, принявъ из рукъ ихъ листъ вельможности вашей, сообразно обычаю нашему войсковому, въ посполитой радѣ публично его прочитали и уразумѣли, что вы, вельможность ваша, пишете намъ въ отвѣт на прежний нашъ листъ и на реляцію нашу, какую мы предъ симъ вельможности вашей писали. Съ посланными вельможности вашей мы посылаемъ и собственныхъ благоразумныхъ товарищей нашихъ, Власа, Костю и Моисея, съ листомъ о нуждахъ и потребностяхъ нашихъ. Прежде всего напомнимъ вельможности вашей о Переволочанскомъ той стороны перевозѣ. Этимъ перевозомъ жаловали насъ пресвѣтлые монархи наши за нашу вѣрную працу и службу, пишучи къ намъ в поважныхъ монаршескихъ грамотахъ своихъ прошлою осенью за счастливаго рейментарства вашего, дабы съ него на наши низового войска нужныя потребы пожитки отбираемы были. Тогда и вельможность ваша, тому не переча, писалъ къ намъ, черезъ посланныхъ нашихъ, сдаваясь на волю войсковую нашу, чтобы мы, для отобранія доходовъ нашихъ, держали тамъ дозорцу нашего. Какъ и прежде писали мы вельможности вашей, желаемъ мы, чтобы на томъ трактѣ оставался дозорца, высланный отъ вельможности вашей, а причитающіяся намъ отъ того перевоза деньги, на каждый годъ по 12 000 рублей на Кошъ присылались. Такъ и теперь мы до вельможности вашей пишемъ, вамъ подтверждая и напоминая, добродѣю нашему, дабы тотъ перевозъ нашъ, дарованный отъ пресвѣтлыхъ монарховъ наших, ни въ чемъ не былъ нарушенъ,

и денегъ на каждый годъ съ того перевоза намъ, войску низовому, дабы присылалось; теперь же вельможность вашу просимъ прислать намъ съ ласки вашей на расходы войсковые наши выбранныя отъ прошлаго года деньги съ того перевоза. Но кромѣ того пресвѣтлые и премилосердые монархи наши отъ милостивыхъ щедротъ своихъ жалуютъ каждый годъ насъ, слугъ своихъ и вѣрныхъ подданныхъ, обыкновеннымъ своимъ каждогоднымъ жалованьемъ и за вѣрную нашу имъ, великимъ государямъ, службу милостивымъ монаршимъ жалованьемъ насъ обсылаютъ. Такъ и вельможность ваша, как рейментарь и настоящій опекунъ нашъ, изволь каждый разъ напоминать о томъ рочномъ жалованьи и о всѣхъ нашихъ недостаткахъ войсковыхъ пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ. А больше всего постарайся о томъ, чтобы намъ было такъ, какъ было за блаженной памяти отца ихъ, к Богу отошедшаго, великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, за рейментарство славной памяти Ивана Брюховецкаго, когда намъ, войску низовому, на каждаго человѣка присылалось по жупану да по двѣнадцати копъ денегъ. Потомъ, по взятіи небожчика Брюховецкаго на тотъ свѣтъ, сколько послѣ него не было гетмановъ и рейментарей, то всѣ они на свой пожитокъ то жалованье обращали да и теперь обращаютъ. Мы просимъ вельможность вашу, как добродѣя нашего, не лишайте насъ, какъ слугъ своихъ, панской любви и зичливости вашей; окажите ваше усердіе и постарайтесь все то, что доходило намъ съ давнихъ временъ, испросить у пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ. Какъ прежніе, отошедшіе къ Богу, великіе государи наши, отецъ ихъ превеликихъ государей, и братъ, содержали насъ, войско запорожское низовое, въ своей монаршей милосердой ласкѣ и призрѣніи, во всякихъ правахъ, свободахъ и вольностяхъ войсковыхъ, такъ и настоящіе государи наши, какъ содержатъ насъ при всѣхъ тѣхъ вольностяхъ, такъ и впредь да будутъ насъ въ милости своей содержати и ласку свою монаршескую намъ во всякихъ желаніяхъ да оказуютъ, по старанію и ходатайству вельможности вашей, добродѣя и опекуна нашего. Въ этомъ мы и на будущее время имѣемъ надежду. Съ своей стороны, увидя такую ласку отъ пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ и отъ вельможности вашей, мы будемъ готовы вѣрно и радѣтельно служити имъ, проливаючи потъ свой за имя Бога нашего на превысокую славу пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ, на пожитокъ христіанству всему. Писали мы предъ ликъ вельможности вашей, дабы вы съ ласки панской вашей сообщили намъ, войску низовому, о замыслахъ своихъ военныхъ на предстоящее лѣто, ежели будете собираться на непріятеля креста Господня; и теперь о томъ покорно просимъ, чтобы вельможность ваша черезъ сихъ нашихъ посланныхъ отписали и обо всемъ объявили. А какъ просили мы вельможность вашу, чтобы вы для сторожи нѣсколько тысячъ намъ прислали, такъ и теперь покорно просимъ: изволь, вельможность ваша, какъ отецъ и опекунъ, о насъ, тебѣ вѣрныхъ слугъ, промышляти и намъ

для сторожи нѣсколько тысячъ прислати, ибо, ваша панская милость, самъ добре знаешь, что мы, тутъ оставаясь, ни сѣемъ, ни оремъ, только отъ работы своей имѣемъ. Также объ арматахъ и о бубнахъ, какъ уже нѣсколько разъ писали, такъ и теперь наипокорно просимъ, чтобы вельможность ваша къ намъ на Кошъ нѣсколько штукъ арматъ и бубенъ безъ отказа прислали. Пишешь, вельможность ваша, до насъ, укоряя о невысылкѣ войска нами и поставляешь всѣмъ намъ на видъ явный, что ты Войцу, асаула, съ немалою купою войска под Кызыкермень послалъ и черезъ него до насъ, войска низового, писалъ, высказывая желаніе, чтобы мы на славу пресветлыхъ монарховъ нашихъ, любовною згодою, либо подъ Кызыкермень, либо на другое мѣсто сообща съ тѣмъ войскомъ надъ непріятелями промыслъ попрацовали. Этого мы и сами очень хотѣли, да и время у насъ на то было. Но Богъ свидѣтель душамъ нашимъ, что никакими письмами мы не были извѣщены отъ пана асаула и въ тотъ часъ о томъ узнали, когда онъ городки тѣ (турецкие) увидя, назадъ съ войскомъ повернулся. Очевидно, панъ Войца подобнымъ умысломъ хотелъ такъ поступити, дабы только ему одному, а не намъ, войску, досталась слава; однако, это иначе сталось, и лучше и для славы и для пожитка было-бъ, если-бы онъ далъ знать и намъ, войску низовому. Доложено въ листѣ вельможности вашей о пѣхотахъ и о компанѣяхъ, дабы мы не показывали вражды имъ, но миловали по-братерски згоду, какъ люди одной породы, одной вѣры и однихъ пресвѣтлыхъ монарховъ. Всѣ мы это хорошо знаемъ; но и то знаемъ, что хотя черезъ насъ больше працы и услуги пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ происходитъ, но къ намъ, войску, такой платы, какъ имъ, не доходитъ — имъ каждый годъ по кафтану, по кожуху и по нѣскольку копъ грошей платятъ; о томъ мы имѣемъ скорбѣть немало. Такимъ образомъ, поручивъ вашему вниманію посланцевъ нашихъ и пожелавъ добраго здравія вельможности вашей, отдаемся ласкѣ вашей панской. Съ Коша марта 3, року 1688. Вельможности вашей, добродѣя нашего, всѣхъ бояръ щиро зичливый и въ услугѣ повольный слуга Григорій Сагайдачный, атаманъ кошовой войска ихъ царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго низового съ товариствомъ» [18].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Царский указ о построении на реке Самаре крепости Новобогородицкой.— Протест по этому поводу со стороны запорожских козаков.— Письмо запорожцев к гетману Ивану Мазепе в Батурин и дворянину Семену Москалю на остров Кодак.— Просьба, отправленная запорожцами к царям о нестроении на запорожской земле городов, и ответ на то запорожцам со стороны царей. Построение городов Новобогородицкого и Новосергиевского.— Награда, данная Мазепе и генеральной малороссийской старшине за построение крепостей.— Присылка запорожцам царского жалованья и благодарность за то от войска царям.— Посольство от кызыкерменского бея к запорожским козакам и волнения по тому поводу в Запорожье.— Розмир запорожцев с татарами и походы их на Низ к турецким городкам.

Возникшие пререкания между запорожскими козаками и гетманом Мазепой, на время было прекратившиеся, снова возобновились по поводу затеянного московским правительством сооружения русских крепостей на реке Самаре, у северо-западных пределов запорожских вольностей. Сооружение самарских крепостей взял на себя Мазепа уже в самый день избрания его в гетманы. По первоначальному плану Москвы таких крепостей должно было быть несколько: в царской грамоте на пожалование Мазепе гетманского уряда говорилось, чтобы он «для утѣсненія и для удержанія Крыма отъ нахожденія поганскихъ ордъ на великороссійскіе и малороссійскіе украйные города, сдѣлалъ на сей сторонѣ Днѣпра, противъ Кодака, шанецъ, а на рѣкѣ Самарѣ; на рѣчкѣ Орели и на устьяхъ речекъ Берестовой и Корчика (Орчика) построилъ-бы города и населилъ-бы ихъ охочими малороссійскими людьми» [1]. Однако на первых порах дело ограничилось пока построением двух крепостей на реке Самаре. С этой целью апреля 18 числа 1688 года гетману Мазепе через стольника Андрея Ивановича Лызлова послана была царская грамота с приказанием собрать 20 000 человек войска малороссийских козаков для строения самарских крепостей и для промысла над Крымом. В помощь гетману назначен был и воевода Григорий Иванович Косагов [2].

Со стороны московского правительства построение крепостей на границе Запорожья, кроме открытой цели иметь постоянный базис для войны с бусурманами, заключало в себе и скрытую цель

занять наблюдательный пост в виду поселений запорожских козаков и обезвредить действия их, а потом, с течением времени, и совсем прибрать к своим рукам. Запорожцы ясно видели, какую цель соединяла Москва с построением самарско-орельских крепостей и стали на страже своих собственных интересов.

Первая весть о приказании построения на реке Самаре городов дошла до запорожцев не от гетмана, а от их посланца Филона Лихопоя, находившегося в то время в Москве и отправленного туда за получением царского жалованья для войска. Запорожские козаки, узнав о таком распоряжении московского правительства, поспешили написать (апреля 24 дня) лист к гетману Мазепе с извещением, что ни кошевой атаман Григорий Сагайдачный, ни все войско запорожское низовое, верховое, днепровое, кошевое, будучее на лугах, на полях, на паланках, и на урочищах днепровых и полевых со всем поспольством старшим и меньшим, не позволят ставить никаких городов на реке Самаре. Войско немало дивится приезду на реку Самарь от воеводы Леонтия Романовича Неплюева дворянина Семена Григорьеича Москаля с острова Кодака, где он оставлен был после первого похода на Крым при «государскихъ» хлебных и военных запасах. Этот дворянин Семен Москаль вместе с полтавским хорунжим явился неожиданно для запорожцев «въ лѣсную пущу и пасѣку вѣкуистую дѣдизную войсковую» и стал осматривать там на Кильчени и на Самаре места для сооружения крепости. «На какомъ основаніи, какимъ способомъ, чьимъ совѣтомъ и поводомъ это делается, мы немало тому дивимся: от вѣка въ вѣкуйстой пущѣ нашей никто не ставилъ никакихъ городовъ; не было этого даже и тогда, когда мы находились подъ владеніемъ пановъ отчизныхъ, ляховъ, которые не выпирали насъ из прадѣдзны нашей и изъ пасѣки войсковой и никакихъ, кромѣ Кодака, не строили у насъ городовъ». Запорожцы просили гетмана Мазепу, как законного рейментаря своего, заступиться за них перед великими государями и исхлопотать царский указ о нестроении никаких городов на реке Самаре и тем «не вкорочать» им их вольностей войсковых, за что обещали «барзо и горячо» молить Господа Бога подать помощь богохранимым силам монаршим, также самому гетману вельможному, всем православным людям и всем рыцарям христианским против «агарянъ, непріятелей креста Господня», все их крепости в ничто обратить, всю реку Днепр от них очистить и все выходы, давние козацкие проторить. Не за грунт, не за маетности и не за роскоши луговые, а за вольности войсковые, за превысокую славу монархов и за набитки людей посполитых запорожцы всегда верно великим государям служили. Да и теперь они всегда «с достоинствомъ грýди свои подставляютъ, гóловы свои молодецкія покладаютъ и нещадно кровь свою и потъ проливаютъ не за что другое, не за какія-нибудь ужитки, а только за помянутыя вольности и за церкви божіи».

Посылая Мазепе этот лист, запорожцы вместе с тем отправили к нему одного татарского языка, пойманного под турецким городком, и напоминали гетману о недавней отправке к нему трех своих козаков с изложением потребностей и нужд как самого войска, так и стоявшей в ту пору запорожской сторожи на Низу: для своей сторожи запорожцы просили прислать две тысячи рублей денег, потому что само войско, по своей бедности и по израсходованию всех медных денег, находившихся в скарбнице войсковой, не имело чем стороже от себя заплатить [3].

Вслед за посланным письмом гетману Мазепе запорожцы послали письмо на остров Кодак дворянину Семену Григорьевичу Москалю с тем же извещением, что они ни в коем случае не позволят строить на Самаре городов, хотя с полным самоотвержением готовы воевать против неверных и за имя Бога и за царя [4].

Не довольствуясь письмами к Мазепе и к дворянину Москалю, запорожцы июня 5 дня отправили в Москву посланцев со взятым ими татарским языком и через них заявили свою жалобу на построение самарских крепостей самим государям и правительнице Софье Алексеевне.

Из Москвы на жалобу запорожских козаков послана была июня 14 дня на имя кошевого атамана Григория Сагайдачного царская грамота, в которой говорилось, что гетман Мазепа вышел из Украйны не для чего иного, как для похода против бусурман и строит самарские крепости не против запорожцев, а против исконных врагов святого креста.

«Божіею милостію отъ пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей, и наследниковъ, и государей, и обладателей нашего царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Григорію Сагайдачному и всему будучему при тебѣ поспольству наше царского величества милостивое слово.— Указали мы, великіе государи — наше царское величество, ближнему нашему окольничему и намѣстнику карачевскому Леонтью Романовичу Неплюеву съ великороссійскими конными и пѣшими ратными многими людьми да вѣрному подданному нашему войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Степановичу съ малороссійскими полками идти на нашу великихъ государей службу для промысла надъ непріятельскими крымскими людьми и подъ городки, подъ Кызыкермень и иные. Да имъ-же окольничему нашему и воеводѣ, и подданному нашему гетману, указали мы, великіе государи, за помощіею божіею и за предстательствомъ пресвятыя Богородицы и за молитвами московскихъ и кіевопечерскихъ чудотворцевъ на рѣкѣ Самарѣ для наивящаго непріятелю

утѣсненія и для защищенія отъ ихъ-же непріятельского приходу на великороссійскіе и малороссійскіе городы, а паче защищая самихъ васъ, нашихъ царского величества подданных в Сѣчѣ живущихъ, построить городъ и быти тому городу для пристанища нашимъ царского величества ратнымъ людямъ и для склада всякихъ запасовъ впредь, дастъ Богъ, воинского на Крымъ походу. А нынѣ намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, вѣдомо учинилось, что у тебя, атамана и у всего войска низового, о томъ городовомъ строеніи нѣкое сомнѣніе быти имѣетъ, будто-бы тѣмъ строеніемъ права и вольности ваши были нарушены и въ рыбныхъ ловляхъ, и въ пасѣкахъ, и въ звѣриныхъ добычахъ учинились убытки, о чемъ вы и къ подданному нашему, гетману, писали. И мы, великіе государи, наше царское величество, васъ, атамана и все низовое войско, сею нашею царского величества грамотою милостивою обнадеживаемъ, что вамъ, кошевому атаману и всему войска низового запорожского поспольству, та на Самарѣ крѣпость въ тяготу и во отнятіе пожитковъ вашихъ ни чемъ быти не имѣетъ и права ваши и вольности нарушены никогда не будутъ, а пасѣки и рыбныя ловли и всякую добычь на обыклыхъ мѣстахъ имѣти-бъ вамъ попрежнему безъ всякаго сомнѣнія, а обидимы ни отъ кого не будете; в томъ-бы вамъ на нашу царского величества милость быти надежными; а когда по милости божіей у насъ, великих государей, у нашего царского величества, нынѣшняя война съ крымскими людьми престанетъ, и тогда въ той Самарской крѣпости нашъ царского величества указъ милостивый учиненъ вамъ будетъ. А то вышепомянутое городовое строеніе дѣлается не для иного чего, только для славы имени божія и на защищеніе великороссійскимъ и малороссійскимъ народамъ, а паче и самихъ васъ, отъ нашествія поганыхъ бусурманъ и для промысла надъ ними. И вамъ-бы, кошевому атаману и всему войска низового запорожского поспольству, сей нашъ великихъ государей указъ вѣдать и намъ, великимъ государямъ, нашему царскому величеству, служить вѣрно и надъ общими всѣхъ христіянъ непріятелями, надъ турскими и крымскими людьми, воинскій промыселъ, при помощи божіей, чинить обще съ нашими царского величества великороссійскими и малороссійскими ратьми, а съ крымскимъ ханомъ и съ турскими городками не мириться и ни о чемъ съ ними не ссылаться; а служба ваша у насъ, великихъ государей, никогда забвенна и милость наша государская отъ васъ отъемлема не будетъ» [5].

Одновременно с царской грамотой отправлен был к запорожским козакам и гетманский лист. Гетман, подобно царям, писал запорожцам, что возводимые на Самаре крепости строятся по приказанию великих государей, перечить воле которых ни в коем случае нельзя, и что цель построения этих крепостей не «утискъ и обида» для низового запорожского войска, а защита его и всего малороссийского народа от неприятелей. Письмо Мазепы отправлено было запорож-

скому войску через козака Семена Вергуна, который вместе с тем вез кошевому атаману Григорию Сагайдачному подарок от гетмана в тысячу червонцев. Отправляя своего посланца в Запорожскую Сичь, гетман Мазепа через него же извещал козаков о предпринимаемом походе своем на самарские броды и о намерении от Самары идти на Крым, а также о скором прибытии с той же целью воеводы Григория Косагова на Запорожье [6].

После всего этого запорожцам ничего другого не оставалось ответить гетману, кроме того, что перечить воле государей они не смеют [7], и тогда гетман Мазепа поспешил известить о том царей через особо посланное (июня 23 дня) письмо в Москву. В своем письме Мазепа писал, что кошевой атаман Григорий Сагайдачный с покорностью явился на остров Кодак и взял оттуда новые пушки, присланные из Москвы взамен старых для запорожского войска. Князю Василию Голицыну гетман Мазепа сообщил, независимо от письма к царям, «о несопротивленіи запорожцевъ царской волѣ касательно построенія крѣпости на рѣкѣ Самарѣ» [8].

Затаив в себе на время чувство недовольства за построение русских крепостей на реке Самаре, запорожские козаки перенесли свое внимание на ближайших своих соседей, турок и татар. Весной 1688 года куренные атаманы Кузьма Порывай да Иван Шумейко с 15 товарищами отправились для воинского промысла из Сичи к устью Днепра. Выйдя к морю и миновав турецкие городки, Порывай и Шумейко заняли там наблюдательный пост и оставались в таком положении до Петрова дня. Накануне самого Петрова дня они узнали, что к ним ехали еще три конных козака с шестью конями. Но об этом проведал кызыкерменский бей и послал за ними «для взятія языка» на двух лодках турок, 35 человек. Посланные турки, отошед от Кызыкерменя на 3 дня пути, остановились в урочище Кардаш-Урман и пробыли там 17 дней; на 18 день наехали к ним на стан три конных запорожских козака, и турки немедленно обступили их кругом. Но так как в том месте было болото, то турки могли схватить только одного козака с шестью конями, а другие два ушли в болото и «оттопились» от своих преследователей. Захваченного в плен козака турки послали в город Кызыкермень лодкой, а взятых при нем шесть голов коней отправили туда же полем с двумя турками, между коими был Ахмет Рамазанов из Кемлова. Но когда турки, шедшие полем, отошли всего лишь на три часа пути от урочища Кардаш-Урма то на них наскочили козаки, стоявшие при устье Днепра, отбили всех коней у них, захватили в полон турчина Ахмета Рамазанова и с этой добычей поспешили в Сичь [9].

В Сичи бывший на ту пору кошевой атаман Филон Лихопой дал Кузьме Порываю и Ивану Шумейку свой лист и отпустил их с четырьмя товарищами к гетману Мазепе, выехавшему в то время на реку Самару в виду постройки на ней московского городка. Кошевой просил гетмана наградить посланных козаков «за ихъ вѣрные

труды» и отправить к великим государям в Москву. Мазепа, приняв июля 20 дня Кузьму Порывая и Ивана Шумейка и расспросив их обо всем случившимся с ними на устье Днепра, отпустил их в числе семи человек [10], после совета с воеводой Неплюевым, в Москву.

Кузьма Порывай и Иван Шумейко прибыли в Москву августа 10 дня, были у царской руки и, рассказав там о бывшем деле на устье Днепра, прибавили к тому несколько вестей о крымском хане, польском короле, запорожском войске и о действии русских строителей крепости на реке Самаре. Крымский хан, по их словам, находился в Крыму; польский король стоял на Глиняном поле; запорожские козаки — в розмирьи с турками, а русские люди — при постройке крепости на Самаре реке: «Какъ были они на Самарѣ рѣкѣ, то при нихъ городовой стѣны сдѣлано было въ вышину человѣка въ два. А что городъ тутъ построенъ, то им отъ того утѣсненія никакого въ томъ нетъ и о томъ (они) благодарятъ Господа Бога».

В Москве пожелали отобрать сведения и у самого турчина Ахмета Рамазанова. К сказанному козаками Ахмет Рамазанов прибавил вести о калге-салтане, который, по его словам, воротившись из Венгрии, стоял за Бугом над Делигулом, выше Кочубеева (теперь Одессы), с сорока или тридцатью тысячами человек орды татар калга-салтан имел приказ от хана оберегать Крым и турские на Днепре городки от христианских войск. Самому хану от турского султана было извещено, чтобы он не надеялся на помощь от него и самолично защищал Крым от врагов. Турецкий султан с визирем живет в Царьграде, а султанские войска с сераскер-пашой стоят в Бабе. В городе Кызыкермене находится не больше 1000 человек «всякихъ чиновъ людей», остальные, вследствие голода, разбежались еще в прошлом году, и хотя в Кызыкермень прислано из Царьграда 20 с хлебом стругов, но того хлеба не станет и на полмесяца жителям городка. Об Ураз-мурзе и его белогородской орде слышно то, что с ним польские сенаторы чинят договор, чтобы сделать размен пленных с той и другой стороны. А с запорожцами у турок никаких пересылок нет [11].

Не успели Кузьма Порывай и Иван Шумейко отъехать из Москвы, как тут же явились новые от запорожского войска посланцы, куренные атаманы Иван Лотва и Макар Донской с товарищами.

Причина их приезда в Москву была такова. Гетман Иван Мазепа и воевода Леонтий Неплюев, стоя таборами на речке Кильчени, получили известие от каких-то людей, будто бы «запорожцы взяли себѣ намѣреніе учинитися упорными противъ монаршеского указу и учинили перемиріе съ крымскимъ ханомъ и съ турскими городками». Желая проверить это известие на месте, гетман Мазепа и воевода Неплюев отправили июля 11 дня в Запорожье нарочных посланных с увещательными письмами к низовым козакам. Запорожцы, прочитав те письма, стали «выговариваться из такового оболганія» и сперва написали о том гетману и воеводе письмо;

а потом послали двух своих куренных атаманов Ивана Лотву да Макара Донского с шестьюдесятью товарищами, выбранных всем войском [12]. Они «крѣпко обязывались, что у них никакой противной мысли не бывало, и обѣщались, что они, как на вѣчное подданство великимъ государямъ святой крестъ цѣловали, так вѣрно до скончанія житія своего пресвѣтлѣйшимъ монархамъ своимъ служити имѣютъ, а тѣхъ оболгателей, которые, ихъ въ должности надлежащей неистовствіи ославляли, просили гетмана наказать жестокимъ наказаніемъ». Правда, запорожцы получили лист от кызыкерменского беглербея, но тот лист доставил им толмач немировского гетмана Могилы и касался он исключительно вопроса о размене пленных. Толмач был послан господином Могилой для окупа невольников и ходил с той целью по Белогородчине и по всему Крыму и оттуда отпущен был на запорожский Кош с письмом к запорожскому войску от кызыкерменского бея. В этом письме бей ставил на вид низовому войску то, что еще в прошлом году он отпустил «на совѣсть» в Сичу четырех человек запорожских невольников — Шоха, Яцка Молчаненка, Еська Стряпченка и одного старого человека — да в текущем году козака Незамайковского куреня Степана Кулька. Из этих козаков кто обещал за себя уплатить хлебом, кто людьми — татарами, кто талерами, но и до сих пор, однако, никто из них не дал окупа за себя: Шох обещал две бочки муки и одну бочку пшена; Молчаненко обещал вернуть за себя турчина, взятого в двух суднах на реке Днепре; Стряпченко учинил присягу своему хозяину турского полоняника за себя прислать; Степан Кулько обещал уплатить 150 талеров за свободу свою; а за старого козака — полоняника товарищи его обещали 8 бочек муки прислать, но ни один из них не исполнил вполне обещания своего. Напротив того Яцко Молчаненко, явившись в Кош к бывшему тогда кошевому атаману Григорию Сагайдачному, занес на кызыкерменского бея жалобу, и тогда после того турские люди приехали в Сичь, то кошевой атаман приказал взять для Яцка Молчаненка на 40 талеров товару у них и через тех же купцов велел к самому бею отписать, чтоб его люди впредь не смели ездить в Сичь. Поэтому кызыкерменский бей нового кошевого атамана Филона Лихопоя просил приказать всем названным четырем козакам, выпущенным «на совѣсть» из полона в Сичь, весь обещанный ими выкуп полностью уплатить, за что, в свою очередь, обещал промышлять о том, чтобы другим запорожским невольникам по откупу свободу дать. «А Игнатій Яцко взялъ у нашего человѣка торгомъ нѣсколько кожуховъ и новыхъ товаровъ и тѣ вели заплатить, и если какой-нибудь нашъ полоняникъ пообѣщаетъ выкупъ за себя, отпусти его на совѣсть къ намъ, и я велю обѣщанный имъ выкупъ заплатить» [13].

Для полного оправдания себя перед гетманом Мазепой кошевой атаман Филон Лихопой отправил ему и самое письмо, которое прислал кызыкерменский бей.

После этого гетман Мазепа, убежденный доводами запорожских козаков относительно неизменной верности их московским царям, принял с лаской посланцев их Ивана Лотву да Макара Донского с их товарищами и, выбрав из них «лучшихъ 10 человѣкъ» [14], отправил всех с письмом к великим государям и к князю Василию Голицыну в Москву. Иван Лотва и Макар Донской прибыли в Москву августа 10 числа, когда в ней находились еще Кузьма Порывай и Иван Шумейко.

Те и другие запорожские посланцы были милостиво приняты в Москве, получили там обыкновенное царское жалованье, кроме того особо, ради праздника Успения пресвятой Богородицы, праздничное жалованье и отпущены были на Сичь.

Вместе с ними посланы были две царские грамоты, к гетману Ивану Мазепе и к кошевому Филону Лихопою. В грамоте к кошевому атаману Лихопою запорожцы похвалялись за верную великим государям службу и извещались вместе с тем о том, что им, по челобитью гетмана Ивана Степановича Мазепы, через особо присланных из Сичи запорожских козаков, Якова Костенка и товарищей его, отправлено августа 14 дня обыкновенное и прибавочное жалованье на Кош. За то войско запорожское должно верно и радетельно великим государям служить, всякий воинский промысл над неприятелями креста Господня чинить, всякие о нем сведения гетману Ивану Степановичу Мазепе доставлять, в совете и в послушании по прежнему обыкновению с ним быть [15].

Августа 17 дня все запорожские посланцы, как Кузьма Порывай и Иван Шумейко, так Иван Лотва, Макар Донской и Яков Костенко, оставили Москву и направились на Тулу и оттуда на малороссийские города. При этом Костенку с товарищами отпущено было 40 подвод, Лотве с товарищами 8, Порываю с товарищами 5 подвод. Подарков атаманам дано на человека по шести рублей, по сукну аглинскому, по тафте, по паре соболей в два рубля каждая пара; кроме того, поденного корма на дорогу. Особо велено было послать оставшимся в городах малороссийским запорожским атаманам по сукну анбургскому, мерой полпята аршина [16].

Пока названные запорожские посланцы успели доехать из Сичи в Москву и вернуться из Москвы в Сичь, тем временем началась постройка городка на реке Самаре, столь желательная для Москвы и столь же нежелательная для запорожского войска. Главная крепость основана была «на русской сторонѣ рѣки, оподаль отъ Днѣпра» [17]. Она заложена была весной, в марте месяце, и «совершенное воспріяла бытіе свое въ первыхъ числахъ августа» 1688 года. Строителем ее был инженер-полковник («нѣмчинъ») фон-Зален («Фонзалинъ»), присланный для той цели на Самарь из Москвы. Непосредственными начальниками при построении были: гетман Иван Мазепа, воевода Леонтий Романович Неплюев и Григорий Иванович Косагов. Внутри крепости сооружена была деревянная

во имя пресвятой Богородицы церковь, заложенная апреля 23 дня в пятницу на святой неделе, на праздник живоносного источника, освященная августа 1 дня. От этой церкви и самая крепость названа была Новобогородицкой. Кроме церкви в крепости были возведены и другие здания: двор для воеводы, 260 просторных с сенями изб, в том числе одна изба приказная и три избы воеводские, из коих некоторые были перевезены в крепость с острова Кодака; 2 пороховых погреба, 1 ледник и 1 баня, рубленные; 17 раскатов пушечных по городу; 17 для полковых припасов сараев плетеных, в том числе три сарая из байдачных досок; 7 дворов с шестью избами (в том числе две светлицы) гетмана Мазепы, генеральной малороссийской старшины и полковников «для хлѣбныхъ опрятовъ». Строителями всех этих зданий были люди полков Косагова, Неплюева, царские стрельцы и малороссийские гетмана Мазепы козаки. С наружной стороны крепости назначен был инженер-полковником особый посад и вокруг посада сделана была валовая крепость с семнадцатью выводами; кругом валовой крепости выкопан был ров шириною с одной стороны, от поля, полтретьи, с другой — $1^1/_2$ сажени, глубиною от реки Самары $1^1/_2$ сажени и столько же с другой стороны: на проездах этой крепости поделаны были рвы мощеные; через рвы наброшены мосты с надолбами, а внизу сваи вбиты деревянные. Кругом та крепость валовая имела 1641 сажен. Самый город вокруг имел земляного окопу 600 сажен, в подошве 18 сажен; высота его валов до щита заключала в себе 2 сажени; высота щита извне $^1/_2$ сажени, изнутри 1 сажень, глубина рва — 3 сажени [18].

В крепость назначен был воевода и целый штат служилых лиц при нем: дьяк, подъячий, аптекарь с лекарствами, голова, целовальник на кружечный двор и струговые мастера. Число войска по росписи должно было быть: рейтар, копейщиков и солдат 4491 человек, но налицо состояло 4014 человек. Всем рейтарам, копейщикам и солдатам назначено было определенное денежное и хлебное жалованье (рожь, мука, сухари, рыбий жир, пшено, соль, овсяная мука, или толокно, крупа гречневая), которое перевезено было в крепость частью из Киева, а большей частью с острова Кодака [19].

Посад крепости был заселен великороссийскими и малороссийскими поселенцами. Поселенцам велено было садиться за валом на посаде с правом торговать разными товарами, медом и водкой в кабаке, и в сентябре месяце того же года здесь поселена была тысяча семейств из разных малороссийских полков; а в октябре месяце один из обывателей крепости доставил в Москву к царскому столу в подарок «виноградъ въ патокѣ». Как ратным людям, так и поселенцам предписано было особой царской грамотой не причинять никаких обид и утеснений кодачанам, севрюкам и запорожцам, если они пожелают завести поселки вверх и вниз по реке Самаре ради промыслов, охранять их пасеки и не мешать их промыслам [20].

Воеводой крепости определен был сперва Константин Малиев, но гетман Мазепа нашел Малиева слишком тихим человеком («онъ человѣкъ есть въ словѣ зѣло тихъ») и потому временно сдал крепость думному дворянину Григорию Ивановичу Косагову, которого потом последовательно сменили Иван Федорович Волынский [21] и дьяк Иван Иванович Ржевский [22].

Кроме возведенной крепости гетман Мазепа проектировал построить еще другую при устье речки Быка, падающей в реку Самару. «То мѣсто смежно съ шляхами, которыми ходятъ бусурмане-татары подъ города царского величества и если посадить въ ту крѣпость людей, то отъ той сторожи никто не могъ бы скрыться и пробраться тайно в города» [23].

По окончании работ прислан был для осмотра города «знатный посланный царскій» стольник Борис Васильевич Головин с похвальной грамотой и с наградами Мазепе, малороссийской старшине и полковникам [24]. Гетман Мазепа получил «многоцѣнный» подарок «кафтанъ байберекъ золотой съ пуговицами и алмазами» и 800 рублей денег [25], а старшина и полковники были одарены атласами («объярами»), камками («байбереками») и соболями [26].

Гетман, получив «дорогоцѣнный» подарок, выразил князю Голицыну свою глубокую благодарность и обещал верно служить и всякого добра желать великим государям, не щадя здоровья своего, «до тѣхъ поръ, пока будет духъ в тѣлѣ его». «А дѣло (построение крепостей), которое въ прошломъ году намъ на статейныхъ выпискахъ, ваша княжеская вельможность, изволилъ подать, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ первыхъ числахъ августа совершенное воспріяло бытіе; это богоугодное дѣло, то-есть построеніе на Самарѣ крѣпости, сдѣлано не только къ расширенію государской державы и къ умноженію монаршеской на весь міръ славы, на страхъ и утѣсненіе бусурманъ, на защищеніе и оборону христіанско-православнаго народа, но и на крѣпкій выузданный своеволи непостоянныхъ людей мунштукъ» [27].

По окончании построения крепости гетман Мазепа и окольничий Неплюев разъехались восвояси — первый в Батурин, второй в город Севск [28].

Вынужденные против воли признать необходимость построения крепости на реке Самаре, запорожцы не переставали, однако, высказывать свое неудовольствие по этому поводу и вскоре после окончания построения города написали гетману Мазепе письмо с укоризной за появление в запорожских вольностях московской крепости, за бездеятельность его в отношении врагов православной веры, бусурман, за удержание у себя следуемых войску запорожскому хлебных запасов и за недопущение в Сичь малороссийских ватажников с разными продуктами.

«Уже раньше этого мы писали черезъ батуринскаго сотника Дмитрія Нестеренка къ вашей вельможности, сообщая вам о слѣ-

дующемъ: мы ожидали отъ вашей милости, что, изготовивши полки вашего регимента, вы со всѣми вашими городовыми войсками и полками, учините настоящимъ лѣтомъ мужественный съ непріятелемъ бой; но нынѣ видимъ, что то войско стоитъ даромъ и собрано оно только для основанія города, да и городъ такъ разумѣемъ, какъ нужно, что онъ не особенно нуженъ и не для чего его было тамъ строить, развѣ только для убытка, удержанія и умаленія намъ, войску, а не для убытка и ущерба непріятеля. И было-бы достойнѣе вашей вельможности, если-бы вы, какъ мы писали, вмѣстѣ съ монаршескими силами, предприняли войну и пошли на непріятеля крѣста святого и, разбивъ укрѣпленные городки и замки его, въ техъ готовыхъ городкахъ владѣніе свое установили. Тогда-бъ славнѣе была-бы и наша жизнь, и всего народа христіанскаго малороссійскаго утвердилось-бы житіе, слава въ сосѣднихъ государствахъ и монархіяхъ возросла-бъ. А непріятель, видя то, принужденъ былъ-бы падать духомъ, чрезъ что всѣ давнія казацкія стежки и дороги водянымъ путемъ были-бы протоптаны, непріятелямъ была-бы немалая досада и утѣсненіе. Тогда-бъ мы имѣли въ Бозѣ такую надежду, что силы непріятельскія не могутъ устоять противъ войск монаршескихъ... А какъ раньше писали мы относительно ватагъ и людей торговыхъ, что зѣло тому удивляемся и крѣпко на то жалуемся, ничего не зная, ради какихъ причинъ в теченіе всего лѣта не пропускаютъ ни къ намъ ватагъ и торговыхъ людей, ни отъ насъ никого изъ козаковъ, такъ что добывши рыбу, намъ некому ее и продать. И подлинно уже в теченіе трехъ лѣтъ мы въ такомъ положеніи. А ваша вельможность, ставъ на собинномъ урядѣ гетманомъ, уже въ то время обѣщали войску быть намъ желательнымъ всегда и надлежаще удовлетворить насъ, ватаги къ намъ пропускать, борошно въ обыкновенное время давать; однако, вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ борошна намъ нѣтъ; о другихъ непріятностяхъ мы и не упоминаемъ,— о томъ вѣдаетъ только Богъ. Чего ради нынѣ изволь, ваша вельможность, приказать, чтобы къ намъ были пропускаемы и на перевозахъ не были задерживаемы ни ватаги, ни общіе охотники; об этом мы всѣ тебя, какъ регимента, просимъ: не изволь забывать насъ, как истинныхъ слугъ своихъ. Подлинныхъ вѣстей о поведеніи непріятельскомъ послѣдняго времени мы никакихъ не имѣемъ; только выходцы передаютъ, что часть орды, в числѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ салтанами пошла под слободы или под Каменецъ-Подольскій — точно не знаемъ. Подавъ милость и разсужденіе обо всемъ, предаемся съ нижайшимъ поклономъ. Съ Коша августа въ 24 день 1688 года. Вельможности вашей, благодѣтеля нашего, всего блага истинно желательные и къ службѣ готовые Хвилонко Лихопой, атаманъ кошевый войска их царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго низового съ товариствомъ» [29].

В более резкой форме выразили запорожцы свое негодование по поводу построения Новобогородицкой крепости в письме к вое-

воде Григорию Косагову. По отходе из Новобогородицка гетмана Мазепы и воеводы Неплюева в крепости оставлен был с войском воевода Григорий Косагов и ему приказано было от царей и гетмана Мазепы отправить в Сичь посланцев и через них объявить запорожскому войску о намерении совместного с запорожцами чинения воинских промыслов против неприятелей. На такое заявление кошевой атаман Филон Лихопой со всем товариством запорожских низовых козаков послал воеводе письмо, исполненное жестоких укоризн за отнятие у войска привольев на реке Самаре.

«Листъ вашъ, который вы прислали къ намъ сентября 12 дня черезъ вашихъ посланныхъ, мы получили. Въ этомъ листу вы извѣщаете насъ о томъ, что, по указу государскому, по отшествіи къ городамъ окольничаго Леонтія Романовича Неплюева и его милости господина гетмана, ваша милость оставлены въ томъ новомъ городѣ съ войсками для промысла противъ хана и его ордъ. Но вы во всѣхъ вашихъ листахъ пишете объ этомъ, толкуя только на словахъ, а не на дѣлѣ о промыслѣ, тогда какъ вамъ тою войною совсѣмъ не для чего хвалиться и писать объ ней, точно мы ничего того не знаемъ. А мы хорошо знаемъ, что не черезъ кого иного, только черезъ совѣтъ вашъ и пуща наша вѣковѣчная и пасѣка разорена, а городъ тотъ, который теперь построенъ, вовсе не есть то городъ, а одинъ учиненный смѣхъ. Вы оглянитесь только назадъ, и увидите, что всѣхъ тѣхъ, кто хотелъ лишить насъ нашихъ вольностей и умалить нашу войсковую честь, всѣхъ тѣхъ встрѣтила хула и пагуба. Остерегайтесь же, чтобы и васъ не постигло то же, что постигло бывшаго гетмана. Какъ тогда было наказаніе отъ Господа Бога, такъ и теперь Господь Богъ все то взыщет на душахъ вашихъ. И вы не старайтесь причинять обиды и притѣсненія товариству ни тѣмъ, которые въ Кодацкой крѣпости, ни тѣмъ, которые въ Самарѣ» [30].

Ввиду предстоявшей борьбы русских с бусурманами и ввиду трудности самого дела и гетману Мазепе, и воеводе Косагову ничего не оставалось делать, как держать себя на мирной ноге в отношении запорожских козаков и отвечать им на их письма в добром и успокоительном тоне.

Сентября 12 дня гетман Мазепа послал запорожцам длинное письмо и, называя их «милыми пріятелями и братіями», сообщал им о том, что великие государи как хранили раньше, так и всегда хранят запорожское войско в милостивом призрении и, по челобитью войска, а по прилежному прошению гетмана, повелели выдать козакам манаршеское годовое жалованье «съ прибавочнымъ своимъ милостивымъ дарованіемъ». Это жалованье, по монаршему указу, велено было послать через «знатную особу» из полка думного дворянина Григория Ивановича Косагова; по особенному же к запорожцам вниманию гетман, ради сохранения и целости казны той, отправил от себя батуринского сотника Нестеренка. Гетман надеется, что «добрые молодцы», приняв то милостивое жалованье,

отдадут великим государям «покорное» челобитье и покажут себя достойными царской награды: «Такъ какъ чинъ вашъ рыцарскій не для чего иного, какъ только для творенія надъ непріятелями креста святого военнаго промысла, и то вамъ утѣха и похвала, что вы бусурманъ непріятелей побѣждаете и темъ намъ, наслѣдникамъ своимъ, чуть-ли не на весь свѣтъ имя доброе стяжаете, то не пренебрежите, ради дѣлъ рыцарскихъ, сколько Богъ подастъ вамъ силы и помощи, и чините надъ непріятелемъ раденіе... Да и мы, гетманъ, при богохранимыхъ монаршескихъ силахъ, гулять не будемъ, станемъ поступать сообразно нашей должности, не будемъ щадить трудовъ и работы надъ тѣми всего христіанства непріятелями. И въ этомъ ваша милость, всѣ будьте совершенно надежны, потому что, хотя пресвѣтлые монархи наши нынешнимъ летомъ всѣхъ своихъ силъ на войну противъ непріятелей, кромѣ нѣсколькихъ полковъ, и не выводили, однако на будущее время они не оставятъ того намѣренія, которое уже предпринято» [31].

Царское жалованье «отпущено» было из Батурина сентября 10 дня с подъячим Андреем Щоголевым и сотником Димитрием Нестеренком и отправлено было «безъ всякаго нарушенія» сперва в Новобогородицкую крепость к воеводе Григорию Косагову, а от Косагова с усиленным конвоем доставлено было в Запорожскую Сичу. Запорожцы выразили большую благодарность великим государям за милостивое жалованье и обещали «вѣрно при надлежащей статечности царскому пресвѣтлому величеству служить и послушными гетману быть» [32].

Выражая за присланное жалованье благодарность царям, запорожцы при всем том, вопреки требованию гетмана Мазепы, решительно отказались сноситься с воеводой Косаговым и доставлять ему всякие вести о замыслах бусурман. Такое, по их выражению, неподобное дело невозможно было по двум причинам: по очень большому расстоянию и по очень большому опасению от рыскающих везде неприятелей. Запорожцы находили, что так как воевода имеет царский указ идти к Перекопу, то лучше всего ему последовать сообразно указу и идти на неприятелей походом. Тогда и запорожцы с большой охотой пойдут не только к Перекопу, но и к самому Крыму. Но только в намерении Косагова они имеют большое сомнение, и хотя бы действительно оказалась большая надобность в походе, то воевода найдет причину отговориться от такого дела. Поэтому лучше было бы, если бы сам гетман прислал запорожцам несколько тысяч собственных козаков; тогда запорожцы могли бы в начале зимы пойти и под Перекоп, и под турецкие городки или в другие, где случай указал бы, места. «И если, вельможность ваша, на прошеніе наше такъ учините, и то дѣло будетъ пристойнѣйшее и подлиннѣйшее и у пресвѣтлыхъ монарховъ нашихъ будетъ намъ съ похвалою. А что пишите къ намъ о запасахъ, которые къ намъ всегда на подводахъ присыланы были какъ при быв-

шемъ гетманѣ, такъ и нынѣ изволь, вельможность ваша, приказать къ намъ на Кошъ привезти; в чтобъ мы имѣли изъ Коша тѣ запасы отыскивать, то неподобное дѣло» [33].

За столь «угодное великимъ государямъ обѣщаніе» со стороны запорожцев верно служить царскому величеству, цари приказали послать им похвальную грамоту через посланца Лотву с товарищами. С своей стороны гетман «зѣло похвалялъ запорожскихъ молодцовъ» и увещал их всегда быть верными Москве. Что же касается упрека, который запорожцы сделали гетману за то, что он не шел обще с окольничим и воеводой Неплюевым разорять турецкие городки, то это сделали запорожцы не по праву и не к лицу: «И то вы пишите непристойно: когда пресвѣтлѣйшіе монархи наши премудро разсмотрительнымъ своимъ разумомъ вѣдаютъ, какимъ порядкомъ и въ какую пору премощныя силы свои къ добыванію крѣпостей посылати, и вѣдаютъ, въ какую пору отъ того удержати, то они, пресвѣтлѣйшіе монархи, премощные суть направители войны и мира, а мы, подданные, должны есмы слѣдовати ихъ монаршеской волѣ». А что до того, будто бы гетман оказывает слишком мало запорожцам ласки, то это запорожцы совсем напрасно говорят. Напротив того, гетман, чему может быть свидетелем весь малороссийский народ, всегда и хлебом, и солью, и добрым принятием, и денежными подарками, и разными гостинцами, посылаемыми на Кош, оказывал склонность запорожским козакам. Да и то неправда, будто бы гетман запрещал ватагам с запасами из Украйны в Запорожье ходить: того у него не было и в уме; днепровые побережники могут сами подтвердить, что такого запрета ни в прошлом, ни в настоящем лете не было и быть не могло. Было лишь запрещение не ездить, вследствие опасности от набегов татар, по соль на реку Берду. Ввиду стечения больших войск на Самаре-реке сами ватажане избегали идти с продажными запасами в Запорожскую Сичь и предпочитали, где поближе, свои запасы продать, чтобы и деньги тот же час взять и всякой опасности избежать. Что же касается хлебных запасов, пожалованных государями запорожским козакам, то они, как уже и раньше писано о том, вследствие занятия военными переходами украинских людей, не могут быть доставлены в Сичь, а будут привезены в крепость Кодак и из Кодака своевременно будет извещено о том в Кош.

Желая выказать свое усердие и свою верность московским царям, гетман Мазепа поспешил сообщить великим государям о требовании со стороны запорожцев войны против бусурман и представил козаков «людьми необузданными, которые вяжутся не въ свое дѣло» вместо того, чтобы слушаться на этот счет царского пресильного монаршеского указа [34].

Но московскому правительству нужно было так или иначе успокоить запорожских козаков; оно имело в виду новый поход на Крым и начало брать к тому разные меры заранее. Так, в конце

месяца сентября новобогородицкому воеводе Григорию Косагову и дьяку Макару Полянскому предписано было обжечь все степи по направлению к Перекопу и к Сичи, в особенности же по окрестностям реки Самары, но делать это велено было через людей надежных и «чиновъ пристойныхъ» с остереганием, чтобы о том не узнали запорожские козаки [35]. Для того же, чтобы узнать подлинные вести о крымцах и о настроении самих козаков, велено было послать надежного человека в Запорожскую Сичь. По царскому приказу воевода Новобогородицкого городка Иван Волынский послал солдатского строя майора Юрия Буша. Возвратившись из Запорожья к воеводе в городок, Юрий Буш донес, что, будучи в Сичи, он слыхал и на раде, и в куренях, что запорожцы верно служат великим государям и никаких сношений ни с кем не имеют; с Крымом же у них перемирие установлено для соляного промысла на короткий срок, и как козаки наберут соли, тогда размирятся с ним. Хан же крымский, собравшись со всей ордой, пошел по вызову к турскому султану для каких-то дел. В бытность свою в Сичи Юрий Буш застал там гетманского посланца Григория Старосельского, присланного Мазепой с той же целью — для собирания вестей о намерениях запорожских козаков. Запорожцы весьма дружелюбно отпустили от себя Буша и дали ему провожатых до Кодака. Григорий же Старосельский оставался некоторое время по отъезде Буша в Сичи и затем уже оставил Кош [36].

Самому воеводе Григорию Косагову приказано было пока списываться с запорожскими козаками ради воинского промысла и добывания сведений о замыслах бусурман; в случае же подхода крымских и белогородских татар под Новобогородицкий городок, чинить, обще с войском низовым, промысл против бусурман, но самому лично для той цели в Запороги не ходить и людей ратных туда не посылать. Кодачанам и севрюкам, которые живут теперь и впредь ради промыслов, будут жить в вершине и внизу по Самаре-реке, к устью ее, обид и утеснений не чинить никаких и крепко остерегать от того, чтобы и пасеки их, и всякие промыслы на Самаререке были в целости и охранении от ратных людей; а черкасам прихожим, без царского указа, никому селиться и строить возле города того дворов не велеть, кроме торговых людей, которые будут со всякими товарами и съестными запасами приезжать: таким торговым людям всякую повольность чинить, привет к ним держать, всячески их оберегать, места им отводить, чтобы приохотить их и впредь приезжать и от приездов не отлучить [37].

Приказание, полученное Косаговым от царей о решительном приготовлении к действиям против мусульман, как нельзя больше совпало с общим настроением запорожских козаков. Козаки, собравшись в числе 250 человек перед Филипповым постом, отправились из Чортомлыцкой Сичи под начальством Ивана Гусака для промысла в поля и для взятья языков. Иван Гусак повел козаков

под турецкие городки и расположился на шляху, ведшем из Кызыкерменя в Перекоп. Гусак стоял на том шляху в течение одиннадцати дней и дождался того, что на него наткнулся перекопский бей Шангирей-салтан, с агою Саит-Касимом и со ста двадцатью татарами. Шангирей-салтан раньше этого времени вышел из Перекопа с целью взять у русских языков и добыть подлинную весть о царском и козацком войсках, для чего он направился на речку Самарь под Новобогородицкий городок. Пройдя степью 8 дней тихо, чтобы не изморить коней, татары не дошли до городка за 6 миль и там поймали четырех человек козаков, ходивших за добычей на зверей. Но в тот же день в степи поднялась сильная вьюга и пошел большой снег, вследствие чего татары нашли за лучшее поворотить к Перекопу назад. Проскакав три дня, татары стали на Соленых Водах, в одном дне хода от Кызыкерменского городка, и начали там кормить своих лошадей. Тут, в ночное время, наскочили на татар запорожские козаки, следившие в течение суток за движениями их и на урочище Белоозерце произвели над ними погром: многих татар побили, потому что они не давались живьем, десять человек взяли в полон, больше ста штук захватили с собой коней и отбили всех пленных козаков, взятых под Новобогородицким городком. Возвращаясь назад, запорожские козаки из пленных десяти человек татар четырех срубили в пути, потому что они были столь сильно ранены, что не могли за козаками идти [38].

Нужно думать, что эти же походы запорожских козаков против мусульман разумеет и Ивашка Григорьев, московский стрелец. Ивашка Григорьев, московской рати стрелец, послан был вместе с другими стрельцами августа месяца 1688 года для доставки хлебных запасов из Киева в Новобогородицкий городок. После «отдачи хлѣбныхъ запасовъ» Григорьев в Киев ехать не захотел и «остался отъ своей братьи для гулянья въ Новобогородицкомъ городкѣ», а из того городка скоро пробрался вместе с ватагой запорожских козаков в самую Сичь, где на ту пору кошевым атаманом был Филон Лихопой. В Сичи Ивашка Григорьев и прожил больше года среди козаков и принимал участие в походах запорожцев рекой Днепром под турские городки — Кызыкермень, Аслам и Стороханский [39] — и степью под крымские улусы к речке Тонкой. Запорожцы предпринимали эти походы много раз и всякий раз угоняли от крымских улусов и от турецких городов большие конские стада [40].

Возвратившись в Сичь, запорожские козаки решили всех пленных татар числом шесть человек отправить в Батурин и из Батурина доставить в Москву. Для этого выбрано было 30 человек козаков [41] под командой атамана Роговского куреня Семена Ганджи. Посланцы прибыли в Батурин и привезли гетману Мазепе письмо от новопоставленного кошевого атамана Ивана Гусака. В этом письме сказано было то, что, согласно гетманскому желанию добыть подлинные вести «о поганскомъ поведеніи» татар, запорожские козаки

по обыкновению своей молодецкой охоты и по древним обычаям своим, чиня повольность превысокому монаршескому престолу и своему регименту, гетману малороссийских козаков, собравшись немалым числом, ходили «остерегать» бусурманские шляхи и на том промысле счастьем царского пресветлого величества и своей молодецкой отвагой побили перекопскую и городчанскую орду и после того со всей своей ватагой и с Иваном Гусаком, который в нынешнее время (писано декабря 10 дня) учинился атаманом войсковым, возвратились с языками благополучно в Сичь. Из Сичи кошевой атаман пленных татар отправляет к гетману через лично участвовавших в походе козаков и просит его вельможность оказать за труды и учиненные работы им милость господскую свою. Языков же, сняв с них допрос, к царскому величеству отослать и для «ожившленія коней и самихъ (козаковъ) становище имъ зимнее доброе въ городахъ показать».

Отправляя это письмо, кошевой Иван Гусак от себя и от всей старшины передавал гетману низкий поклон и обещал «вѣрно и радѣтельно» пресветлым монархам и самому гетману служить; за то просил своего благодетеля и отца «запорожское войско въ призрѣніи и добротной милости блюсти, понеже войско на нужную потребу свою не имѣетъ ничего, надѣется на господскую милость одну и ждетъ, что его вельможность не презритъ войско милостивымъ окомъ своимъ».

Гетман Мазепа, несмотря на усердную просьбу кошевого атамана Ивана Гусака, всех посланцев низовых в числе 30 человек в Москву не пустил и дал дозволение ехать к царям только пятнадцати «самымъ знатнымъ и въ промыслахъ военныхъ труждающимся» козакам; да и то, опасаясь, чтобы «поступокъ его не былъ похуленъ» в Москве, он послал извинительное великим государям письмо, а вместе с тем обращался с просьбой «къ своему зѣло милостивому господину пріятелю и благодѣтелю» князю Василию Голицыну исходатайствовать запорожским посланцам, как «знатнымъ въ Запорожьѣ и бывалымъ въ промышленныхъ трудахъ людямъ увидѣть пресвѣтлыя монаршескія великихъ государей и великой государыни ихъ царского пресвѣтлого величества очи».

Впрочем, ходатайствуя за запорожцев и стараясь о снискании им милости великих государей, гетман Мазепа в то же время представил князю Голицыну неблаговидный поступок запорожских козаков по отношению к царскому толмачу и высказывал просьбу «обличить» по этому поводу козаков «въ царствующемъ градѣ Москвѣ». Дело касалось толмача Дениса Лихонина, который послан был по царскому указу в Крым и ехал туда вместе с гетманским «посыльщикомъ» через запорожскую степь. Запорожцы, вообразив почему-то, что оба посланца едут в Крым с целью заключить с ханом мир, схватили их и стали добиваться от них листов; не добившись листов, хотели к пушкам приковать, для чего собирали раду два

раза и только под конец, едва через силу, отпустили посланцев в Крым. Гетман, узнав о том, тех козаков немало «гонялъ», а в их лице и все войско низовое в том непристойном поступке уличал. Откуда дошла к запорожцам весть о цели поездки царского толмача в Крым, гетман никак не мог узнать, и хотя он «накрѣпко» подверг по тому поводу допросу взятых запорожцами в плен татар, но ничего и от них не узнал: татары говорили одно, что ни запорожцы о том их не спрашивали, ни они о том запорожцам не сказывали [42].

Тем временем запорожские посланцы Ганджа с товарищами и татарские пленники Маймуйлайк Жумашев с другими татарами прибыли в Москву и дали там показания о замыслах турок и татар. Крымский хан, калга-салтан и нурредин-салтан отправились в Белогородчину; турецкий султан послал из Царьграда хану саблю да кафтан, приказывая ему идти на войну в Мультанскую землю за то, что мусульмане цесарскому величеству поддались. Калга-салтан после похода в Белогородчину прошел в Венгерскую землю и скоро думает вернуться в Крым. Сам же турецкий султан находится в Царьграде, войска́ его стоят по границе от Венгерской земли; цесарские войска вели большие бои с турскими и отняли у турок много городов. С польским королем у хана пересылок нет. А около Перекопа и по Перекопскому валу никаких построек и починок не сделано и только в прошлом году крымцы, услыхав о том, что на Крым московские ратные люди идут, решили на перекопский замок четыре пушки встащить; всех же пушек больших и малых во всем Перекопе будет около ста. Хан же в то время выходил для отпора русских на Молочные Воды со всей ордой, и все татары находились в великом опасении от русских войск. А насчет царского величества войск в предбудущее лето у крымских татар, от взятых ими языков, ходит такая молва, что если настанет весна, то русские двинутся всеми силами на Крым, и татары очень опасаются того. Поэтому хан отдал приказ всем своим ордам в полной готовности быть: кроме того, к приходу русских войск хан надеется заручиться помощью от напских (sic) ногайцев, горских черкес и белогородских татар; а придут ли еще к крымцам калмыки, о том неизвестно никому. Правда, раньше этого времени послы калмыцкие часто приезжали в Крым, да и теперь калмыцкий посол с отрядом в 1000 человек и с 3000 для продажи коней в Белогородчину пошел, но какие цели имеет он, также неизвестно никому. От турского султана крымцы помощи не ждут, потому что турский султан едва ли будет в состоянии сам себя «очистить» от цесарских войск. На хлеб у крымцев в прошлом году был урожай и в нем они скудости не имеют никакой. В таком же положении находятся и жители Кызыкерменя, Шахкерменя (Шагинкерменя) и других турских городов: около них строений и починок нет никаких [43].

Прибывшим в Москву запорожским посланцам дано было по приезде на харчи: денег 1 рубль, вина 3 ведра, меду 3 ведра, пива

8 ведер; потом по докладу князя Василия Голицына выдано было на харчи: денег 1 рубль, вина и меду по 4 ведра, пива 12 ведер. Для выдачи же продовольствия на последующие дни взяли во внимание роспись, представленную в октябре и ноябре месяцах, когда в Москву приезжали запорожские посланцы Матвей Ватага и Яков Гусак с пленными татарами. Рассмотрев поданную роспись, великие государи января 13 дня приказали выдать Семену Гандженку и всем его товарищам в такой мере продовольствие, какое выдано было Якову Гусаку. А именно: Семену по 2 алтына, козакам по 10 денег, вина Семену по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки; козакам вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки в день. На отпуске дано: Семену денег 6 рублей, сукна аглинского 5 аршин, тафты 5 аршин, пару соболей в 2 рубля; козакам денег по 3 рубля, сукна по одному аглинскому, соболей по паре в два рубля. В дорогу поденного корму на 3 недели по тому же, по чему им давано на Москве, да дан купленный в ряду осетрик; кроме того, питья по два ведра пива и вина. А на приезде, как были запорожские посланцы у руки великих государей, в тот день дан им корм вместо стола с поденным вдвое. Для топления избы и для приготовления кушаньев давалось им по возу дров на неделю да для вечернего сидения по две деньги сальных свечей на сутки [44].

В день отъезда из Москвы запорожские посланцы получили две царских грамоты для передачи их гетману Мазепе и кошевому атаману Гусаку. В грамоте к Мазепе государи «похваляли» гетмана за его верную службу и за присланне взятых в плен татар и приказывали написать от себя к кошевому атаману и всему войску с теми же запорожцами письмо с наказом чинить над турскими и крымскими людьми всякие промыслы, доносить о всех воинских поведениях гетману малороссийских козаков и, согласно прежним царским указам, оказывать полное повиновение ему. В грамоте к кошевому атаману Гусаку высказывалась такая же похвала низовым запорожским козакам за их верную службу великим государям и также предписывалось, на сколько Бог подаст помощи, промышлять над турскими и крымскими людьми [45].

В то время, когда цари и гетман Мазепа всякими мерами старались удержать возле себя запорожских козаков, в это же самое время на них простирали взоры свои и мусульманские соседи их. Так, в начале декабря месяца пришло от кызыкерменского бея Тимур-шаха-мурзы к кошевому атаману Ивану Гусаку письмо, которое произвело немалое смятение в среде козаков. Письмо это прислано было с видимой целью размена пленных татар на пленных козаков, но с действительной целью завязать сношение с войском низовым: турки знали о приготовлениях русских по второму походу на Крым и потому хотели заручиться союзом с запорожцами против них [46]. Запорожцы поняли, разумеется, настоящую цель присылки письма, и потому многие из них приняли кызыкерменского гонца

далеко не так равнодушно, как следовало того ожидать. Собравшись на общую раду в Сичи, они стали шуметь и кричать: одни говорили, что было бы весьма хорошо для войска заключить с Крымом мирный договор и тем открыть с татарами свободный торг; другие, напротив того, доказывали, что крымцам верить нельзя, а нужно с ними воевать. Последние ждали, что живший в ту пору в Запорожье начальник русских войск Григорий Косагов поведет козаков на Крым и откроет с татарами войну. Не для чего иного построен и Новобогородицкий городок, как для борьбы с врагами святого креста. Но надежды на Косагова по-прежнему оставались для запорожцев все еще одной мечтой и все Запорожье сильно волновалось чрез то: «Насъ просто обманываютъ,— говорят, будто крѣпость построена для военнаго времени, а на войну не идутъ, и выходитъ, что ее построили только въ досаду намъ» [47]. Однако, к серьезным последствиям это волнение, как и большая часть всех подобных волнений среди запорожских козаков, не привело, тем более, что с наступлением весны 1689 года русские цари безотлагательно решили предпринять второй поход на Крым.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Второй поход русско-козацких войск на Крым.— Движение русско-козацких войск к Перекопу и возвращение их назад чрез речку Белозерку к реке Самаре.— Бунт иноков Самарско-Николаевского монастыря и усмирение их русскими войсками.— Построение русскими новой крепости выше Вольного брода на реке Самаре.— Посольство от крымского хана к запорожским козакам с мирными предложениями.— Удаление князя Голицына из Запорожья и ответ запорожцев крымскому хану.— Недовольство гетмана Мазепы на запорожцев за сношение их с ханом.— Сношение запорожских козаков с польским королем.— Волнение и моровая язва в Запорожье.— Установление дружеских отношений между гетманом Мазепой и запорожскими козаками.— Приготовления запорожцев к борьбе против бусурман.

Несмотря на печальный результат первого похода русских на Крым, московское правительство не думало оставлять мысли о борьбе с ханом, и в 1689 году снова двинуло свои войска в числе 112 000 человек против татар. В этом походе принимало участие и войско запорожских низовых козаков. И на этот раз начальником русских войск назначен был князь Василий Васильевич Голицын, но гетманом малороссийских козаков был уже не Самойлович, а Иван Мазепа, а кошевым атаманом запорожских козаков состоял Иван Петрович Гусак, сменивший собой Филона Лихопоя. Иван Гусак еще в апреле месяце, 11 числа, сообщил гетману приятную весть о разбитии цесарцами турок под Адрианополем и вслед за этим сообщением поспешил выступить со своим войском в помощь русско-козацким полкам [1]. На этот раз путь военачальников шел через реки — Орель, Самарь, Карачокрак, Белозерку и Каирку, далее через Овечьи воды, Зеленую и Черную долину и Каланчак [2]. Во время пути русско-козацкие войска выдержали два сражения — одно, пройдя Зеленую долину, мая 14 дня; другое в Черной долине мая 16 дня. Вероятно, к этому же времени нужно отнести показание козака «сѣчинского» полка, уроженца города Кишеньки, Юшки Гаврилова [3] о действиях сеченского полковника Лугивского, ходившего из Запорожья с московскими полками под Перекоп, о возвращении его из-под Перекопа назад, о хождении самого Юшки Гаврилова с товарищами для загона лошадей под город Кызыкермень и о взятии его там с двумя козаками в турецкий полон [4].

Мая 20 дня соединенные русско-козацкие войска были уже у Перекопа, и хотя второй поход их на Крым не был так несчастлив, как первый, но все же результаты его были слишком невелики: простояв у Перекопа несколько времени в тщетной надежде на предложение мира со стороны татар, русско-козацкие войска повернули от Крыма назад. Июня 1 дня князь Голицын достиг речки Белозерки, левого притока Днепра, и расположился лагерем в виду Запорожской Сичи, желая дать отдых своим войскам. Простояв у речки Белозерки в течение нескольких дней, Голицын снялся с лагеря и поднялся выше в степь. Июня 12 дня он дошел до речки Самары и остановился в виду Новобогородицкого городка.

В это время произошло печальное дело осады русскими войсками Самарско-Николаевского запорожского монастыря. Запорожские козаки, наружно примирившиеся с мыслью о построении на реке Самаре русских городков, в душе не переставали, однако, возмущаться против московского правительства за построение их, и в этом усердно поддерживали козаков иноки Самарско-Николаевского монастыря. Возмущение против русских поднято было каким-то монахом из польских шляхтичей и подготовлено еще раньше возвращения Голицына из второго похода на Крым. С возвращением же из Крыма князь Голицын решил искоренить всякую мысль о вражде иноков к русским и велел обложить войсками кругом весь монастырь. Тщетно кошевой атаман Иван Гусак хлопотал у Голицына и у его любимца гетмана Мазепы о помиловании иноков, русские войска, несмотря на все просьбы кошевого Гусака, «облегли крѣпкимъ облежаніемъ» весь монастырь, прекратили всякий выход из него монахам и вход в него посторонним лицам, захватили в свои руки всю монашествующую братию и подвергли ее жестоким пыткам и истязаниям. После этого благосостояние Самарско-Николаевского монастыря надолго пало и из стен его немало разбежалось иноков, искавших себе спасения в дальних от Запорожья странах и в безопасных от всяких нападений обителях [5].

В это же время князь Василий Голицын, стоя в Новобогородицкой крепости, отдал приказание построить на реке Самаре в урочище Сорок Байраков, выше Вольного брода, обыскав место, новый город «со всѣми городовыми крѣпостями и съ оборонною отъ непріятелей твердынею, въ которой бы крепости могло построиться и жить, кроме воеводского двора и церковного мѣста, и казенныхъ и зелейныхъ амбаровъ и погребовъ, 500 человѣкамъ ратнымъ людямъ пѣшого строя» [6].

Город этот заложен был после осмотра местности полковником Вильямом фон-Заленом июня 20 дня 1689 года и окончен июля 18 дня того же года. Он построен был рейтарами и солдатами под руководством воеводы Ивана Волынского и дьяка Макара Полянского «на угожомъ и оборонномъ мѣстѣ, у водъ, родниковъ, лесовъ,

сѣнныхъ покосовъ, ровныхъ и хлѣбородныхъ полей». В нем возведены были: воеводский двор, приказная изба, казенный погреб, для полковых и хлебных припасов амбары, 50 для служилых людей изб, а по углам сделаны были особые выводы. Вокруг города сделан был ров и вокруг рва земляной в 600 сажен длины от поля вал или окоп; по тому валу устроены были караульные и проездные с верхним боем башни и поставлены рогатки, а по горе от реки Самары поделаны надолбы; по стенам поставлено было 50 раскатов, а с двух противоположных сторон устроено было двое, по две сажени ширины, ворот. Мерой весь город тот 376 сажен без 12 вершков; вышина городовой стены в пошве (подошве) 8 сажен; высота до щита — 2 сажени; щит по стене высоты с лицевой стороны 1/2 сажени, с внутренней стороны 1 сажень; всей вышины городовой стены со щитом полутретьи сажня. «А отъ города къ рѣкѣ Самарѣ, по обеимъ сторонам рѣки лесъ большой и учиненъ заповѣдникъ внизъ рѣки по Великій курганъ, что ниже Вольного брода, а вверхъ по Великій буеракъ и по лесокъ, который вышелъ из большого лѣса въ тотъ Великий буеракъ».

По приказу князя Василия Голицына, этот город назван почему-то Новосергиевским городком [7]. У летописца Самуила Величка под 1690 годом упоминается на реке Самаре городок Вольный, или Новосергиевский [8], и этот Вольный городок, очевидно, и есть новый город Голицына, построенный «на рѣкѣ Самарѣ, у Вольнаго брода».

Земляные укрепления этого городка сохранились еще и до настоящего времени на правом берегу Самары, выше села Вольного Екатеринославской губернии Новомосковского уезда и носят общее название у местных жителей «городка» [9].

Июня 24 дня гетман Иван Мазепа, оставив реку Самару, ушел со своими козаками в Гетманщину, а через три дня после отхода гетмана из Запорожья оставил реку Самару и князь Василий Голицын.

С возвращением русско-козацких войск от Перекопа к реке Самаре Новобогородицкой крепости оставлены были все «государскіе хлѣбные и боевые запасы» — возы, пушки, порох, пули — и с этого времени крепость Новобогородицкая надолго сделалась местом для постоянного резерва московских войск в борьбе с турками и татарами и частью с войском низовых козаков [10].

Итак, ни первый, ни второй поход русских на Крым не увенчались успехом и помимо бесславия русскому оружию принесли много бесполезных денежных затрат и привели к потере большого числа людей. Однако, для самой Москвы эти походы не могли иметь такого решающего значения, как для Украйны и в особенности для Запорожья: Москва сильна была и своим правительством, и своими военными силами, и своим значительным расстоянием от Крыма. Не в таком положении было Запорожье: близость сильного врага

и отсутствие значительных боевых сил поставили запорожских козаков в очень незавидное положение после двукратной неудачи русских в Крыму и после последних отхода из Запорожья в Москву. Оттого с этого времени мы видим колебание запорожских козаков то в одну, то в другую сторону: с одной стороны, запорожцы выказывают несомненную склонность к московским царям и желают твердо стоять за них против мусульман; с другой стороны, боясь турок и татар, они входят в мирную сделку с бусурманами и выступают против интересов московских царей. Понятно, что считать запорожцев за такой их образ действий изменниками русского царя нельзя, а надо, глядя на такие действия их, помнить истину, что всякому человеку ближе всего свой интерес, и с этой точки зрения судить их. Так запорожцы действительно и представляли себе свое положение после печального похода русских на Крым. К тому же перед глазами у них был Новобогородицкий городок, где засели московские воеводы и московская рать, представители иных, чем в Запорожье, порядков и начал.

Когда русские и украинские войска повернулись назад, Иван Гусак проводил князя Голицына до речки Белозерки, откуда сам поспешил в Сичу. В Сичь в это время прибыл гонец с листом от крымского хана, и кошевой атаман собрал по тому поводу войсковую раду для чтения присланного листа. В листе хан предлагал запорожским козакам мировую, а за то давал им два обещания: «Которая была ихъ козачья вотчина на рѣкѣ Самарѣ и гдѣ нынѣ поставленъ городъ, они, крымцы, имъ, козакамъ, поступаются; по рѣчкам и вѣ степяхъ по самое Чермное (т. е. Черное) море всякими угодьи, и въ тѣх угодьях по рѣчкамъ и по лугамъ звериною и рыбною ловлями (заниматься) и по соль ходить повольно и безопасно». Но как ни заманчиво было предложение хана, запорожцы, выслушав ханское письмо, оставили его на тот час без всякого ответа и мирно отпустили ханского гонца в Крым [11]. В то время, ввиду близости русской армии, ни кошевой атаман, ни все запорожское войско не могли иначе и поступить. Но после отхода гетмана и князя из пределов Запорожья у козаков свободно развязались руки, и они ясно представили себе свое незавидное положение: предоставленные собственным силам, запорожцы должны были выносить всю тяжесть от наступления со стороны мусульман на собственных плечах. Мусульмане же, счастливые двойной неудачей русских во время их похода на Крым и оттого гордые сознанием собственного величия, естественно, могли думать о походе на Украйну и из Украйны на южные города московских царей. В таком случае они могли обрушиться всей массой своих орд прежде всего на запорожских козаков. И запорожцы для того, чтобы отвратить от себя страшную грозу, уже тотчас после отхода князя Голицына из Украйны решили воспользоваться недавним предложением крымского хана и вступить с ним в мирный договор. Исполнение этого поручения возложено было на атамана

Незамайковского куреня Процика, или Прокопа Лазуку. С этой целью в Сичи собрана была войсковая рада и на той раде составлен был лист с условиями мира между Запорожьем и Крымом. Условия мира были таковы: крымцы должны дать обещание, что они не будут препятствовать запорожцам «промышлять всякими промыслами по всѣмъ рѣчкамъ, лугамъ и угодьямъ безъ всякаго вредительного опасенія» со стороны татаръ. Запорожцы взамен того дают обещание не мешать крымцам, когда хан сам пойдет с ордой или вместо себя пошлет своих салтанов и мурз под украинные города московских царей [12].

Посланный с этими условиями мира в Крым атаман Процик Лазука имел там полный успех: хан совершенно принял предложение запорожцев и отправил в Сичь вместе с запорожским посланцем одного мурзу и 20 янычар с письмом к кошевому атаману и ко всему войску низовых козаков: «И въ то время запорожцы о томъ миру противъ того письма (ханского) межъ себя вѣрились: запорожцы цѣловали крестъ, а мурзы съ янычары за хана шертовали на куранѣ (приносили присягу на коране). И былъ тотъ мурза съ янычарами въ Сѣчѣ дня съ четыре, изъ Сичи отпущенъ въ Крымъ съ честью. И нынѣ запорожцы по той присылкѣ съ ханомъ и съ татары въ миру и подъ турскіе и крымскіе города для здобычи не ходятъ» [13].

Когда гетман Мазепа узнал о мире, происшедшем между запорожскими козаками и крымским ханом, то он прибег к самой решительной и рациональной в таких случаях мере: он издал запрет всем малороссиянам провозить из Украйны в Запорожье хлебные и другие продовольственные запасы и отрезал доступ запорожцам в города Малороссии.

После этого положение запорожцев сразу оказалось столь незавидным, что им ничего другого не оставалось делать, как изворачиваться и просить снисхождения у гетмана. Кошевой атаман Иван Гусак, и раньше того не особенно сочувственно относившийся к мирной сделке запорожцев с крымским ханом, потом согласившийся на то лишь под давлением всей козацкой массы, теперь написал Мазепе письмо августа 11 числа 1689 года и в том письме уверял гетмана «въ своей сердечной и истинной вѣрности и правдѣ служить царскому пресвѣтлому величеству» и в полной готовности со стороны козаков «полагать молодецкія головы и проливать кровь христіанскую за престолъ монаршескій». Письмо послано было в город Батурин через козаков Каплинца и какого-то Максима, козака Сергиевского куреня. Кошевой просил гетмана ходатайствовать перед великими государями о присылке низовому войску милостивого жалованья и с своей стороны дозволить пропуск хлебных запасов из городов Украйны в Запорожье. За такую милость Гусак от всего войска обещал не переставать чинить промысл над неприятелем креста Господня и в знак своей верности доносил гетманской вельможности, что христианский цесарь победил под Адрианополем турецкого султана и едва не взял его в плен, если бы

султан не убежал в самый город; что цесарь расположился у стен города, держит турок в осаде и может взять в свои руки самый город [14].

В ответ на письмо запорожских козаков гетман Мазепа отправил из Батурина в Сичь подъячего малороссийского приказа Савина с значным козаком Кнышенком и с двумя запорожцами и через них писал кошевому и всему низовому войску о том, чтобы они от перемирия с бусурманами, согласно обещанию верно служить великим государям, отстали и начали военный промысл против них чинить. А так как в это же время к запорожскому войску послано было царское жалованье через дворянина Никифора Путятина и то жалованье уже дошло до города Севска, но тут было задержано, то гетман послал спросить в Москву, отсылать ли ему в Сичь царское жалованье и собранное с Переволочанского перевоза годовое борошно и отпускать ли ему запорожских посланцев или же удержать при себе до тех пор, пока запорожцы не разорвут с Крымом мира и не дадут обещания начать с ним войну [15].

Тем временем запорожские посланцы Каплинец и Максим, козак Сергиевского куреня, были уже на пути из Москвы и испытали большую неприятность близ Севска: выехав из города, они сперва попасли своих коней и потом, дождавшись ночи, отправились в путь. В это время на них напали жители деревни Позднешовки, побили запорожских провожатых, отняли у запорожцев пожалованную им от государей бочку меду в дорогу и выхватили из саней сакву, в которой были жалованный жупан червоный, два шелковых плетеных пояса, два вершка (верха для шапок) кармазиновых, четыре лота шелку, одна белая рубаха и одни шаровары. Кроме этого, по приезде в город Батурин на тех же запорожских посланцев напали стрельцы полка Спешнева и убили двух товарищей [16].

Известие об этом привело в сильное негодование все Запорожье, и тогда властный Кош, не довольствуясь установленными отношениями с Крымом, решил найти себе более могущественного покровителя, нежели хан, и остановил свое внимание на польском короле. Обстоятельства, по-видимому, вполне благоприятствовали тому. В начале августа того же 1689 года Мазепа выехал из Украйны в Москву, и запорожцы распустили слух о том, что гетман Мазепа будет сменен с уряда и вместо него «нѣкій иной чинъ имѣетъ быти». Они приглашали к себе торговых людей из Украйны и объявляли им, что татары козакам не враги, что хан отпускает всех недавно взятых на берегу Днепра в полон христиан. Однако слух оказался наполовину неверным, и в конце сентября гетман вернулся на Украйну, и тут через преданного ему запорожского писаря Сажка узнал о слухе, пущенном запорожцами на Украйне, а также и о том, что запорожцы задумали войти в союз с польским королем и отдаться ему в протекцию.

И точно, запорожцы надумали не только о союзе с польским

королем, но даже о подданстве ему. Основание к тому имелось у них полное. Лучшие и более прозорливые люди из запорожского низового войска далеко раньше этого времени задумывались о будущей судьбе «матки отчизны» своей. Уже раньше того некоторые из запорожских патриотов думали о том, как бы вырвать Запорожье из рук Москвы, которая все ближе и ближе подбиралась к «низовымъ молодцамъ» и шаг за шагом лишала их исконных вольностей, дорогих сердцу каждого козака. Сперва высказана была мысль о том, чтобы соединиться с Турцией, но потом остановились на мысли вернуться к Польше. Ноября 5 дня 1689 года запорожцы, собравшись на раду, решили снарядить большую депутацию и отправить ее с листом к польскому королю Яну Собескому. Кошевой атаман Гусак, человек с задатками сильной воли и с несомненными административно-полководческими дарованиями, своими поступками и смелостью несколько напоминавший знаменитого кошевого Ивана Сирка [17], но человек еще молодой и малоопытный, хотя и был против такого решения войска, но под конец должен был уступить народной воле и принять решение рады о посылке письма к королю. В составленном по этому поводу письме запорожцы объявляли королю, что Москва нарушает их вольности, что она хочет сделать их рабами царей и бояр и потому просили королевское величество о том, чтобы он «привелъ ихъ подъ свою державу», за что обещали верно служить ему, как служили их деды и отцы прежним королям. «Пусть святой духъ освѣтитъ сердца вельможностей вашихъ,— писали запорожцы польскому гетману,— и дастъ вамъ здравый совѣтъ, а наше желаніе таково, чтобы оба народа, польскій и малороссійскій, соединились в одно». Посланцами от низового войска к королю были куренные атаманы — Незамайковского куреня Процик Лазука и Кисляковского куреня Забияка с двумястами человек рядовых козаков. Они снабжены были от кошевого атамана проезжим листом и особым к коронному гетману, с просьбой о покровительстве запорожскому войску, письмом [18]. В числе последних находился и бывший стрелец Ивашка Григорьев, раньше того ушедший из Новобогородицка в Сичь «для гулянья». Находясь несколько времени в Запорожье, Ивашка Григорьев слыхал от многих козаков, что войско запорожское склоняется к польскому королю потому, что недовольно жалованьем, присылаемым ему от московских царей: по 10 алтын да по 2 локтя сукна на человека в год, а от короля-де польского они чают себе большей платы [19]. Но эта жалоба, если она и высказывалась, очевидно, шла из среды маломыслящих людей, живших лишь интересами дня и вовсе не заглядывавших в грядущие времена. И точно, в данном случае выдвигался вопрос чрезвычайной для запорожцев важности, который далеко не всем из них мог вместиться в голову: требовалось спасти вольности от притязаний Москвы, которая с огромными силами уже пробиралась в Крым и если на первый раз не взяла его, то зато побывала в самом сердце Запорожья, открыла

все козацкие нетри, построила на заветной всем козакам реке Самаре городки Новобогородицкий и Новосергиевский.

О сношении запорожцев с польским королем гетман Мазепа узнал от самого же запорожского посланца Процика Лазуки. Процик Лазука, посланный с тайным наказом от кошевого атамана и войскового писаря в Варшаву на сейм еще в декабре месяце, в «Пилиповский» (Филиппов) пост, не только не оправдал возложенного на него доверия, но даже раскрыл все планы кошевого и самого короля сперва одному своему приятелю Федору Ельцу и потом через него самому гетману Мазепе. Федор Елец, козак Киевского полка, с дозволения своего полковника, ездил «въ польскую сторону съ торговыми вещами» и пробрался в самую Варшаву. В Варшаве он увидел давнишнего своего знакомого Процика Лазуку, вошел с ним в приязнь и даже заключил на том с ним клятву. Процик Лазука «ради благочестиваго христіанства» обещал Ельцу объявить обо всем, что скажут ему король и коронный гетман литовский, и для того приказал ему из Варшавы заехать в город Немиров и там ожидать его, Лазуки, прибытия. В Немирове же Лазука обещал дать своему приятелю и лист к коронному гетману от запорожского войска. Федор Елец всем тем воспользовался как нельзя лучше: он свиделся с Лазукой в селе Ковалювце возле Немирова и потом сам был доставлен киевским полковником Григорием Карповичем к гетману Мазепе. Мазепа, тотчас по прибытии к нему Ельца, немедленно отослал его в Москву и вместе с ним послал писанное к нему лично Процикомъ Лазукой из Польши письмо. Сам от себя гетман писал в Москву, что посланец запорожских козаков Процик Лазука давал ему «предосторогу» о неприятельском с польской стороны против великих государей намерении, сообщал известие о намерении великого литовского гетмана Сапеги в предстоящую зиму исполнить злое намерение поляков в отношении русских и прислал даже запорожский лист до гетмана коронного писанный и нарочно им, Мазепой, удержанный, в котором «безумное атамана кошевого и писаря объявляется суесловіе» [20].

Вслед за прибытием Ельца пришло к Мазепе письмо и от Лазуки. Лазука доносил, что будучи на сейме в Варшаве, он слыхал сам-насам от короля о том, что у них было постановлено. Во-первых, определено было — сейму не быть в течение семи лет; во-вторых, решено было, что поляки заключат мир с ордой втихомолку, а относительно похода на орду пустят только одну славу; поляки уже получили город Каменец, но распускают слух, будто будут воевать его мечом. Кроме того, король изустно сказал Лазуке о том, чтобы запорожцы, дети его, немного пообождали, и тогда он, как благожелательный для своих подданных отец, отберет их к себе. «А что король говорилъ мнѣ (бодай ему не допомогъ Богъ въ томъ!), я сообщу твоей милости тайно отъ другихъ. И слыхалъ я снова изъ королевскихъ устъ, что поляки будутъ около Полоннаго и около Бердичева сѣна робить,

тамъ-же будетъ и войско ихъ зимовать, и то будто-бы для того, чтобы ударить на татаръ. Листы тѣ, которые король будетъ посылать, отправляй, милостивый добродѣю, до Сичи тѣмъ-же человѣкомъ, которому я выдалъ ихъ, ибо то умный и опытный человѣкъ [21]. Листъ, который написанъ былъ изъ Сичи до короля, я отдалъ королю; а листъ, который написанъ былъ до польного гетмана, я задержалъ у себя и посылаю его для лѣпшаго уразумѣнія твоей милости. А того человѣка, будь ласковъ, награди, такъ какъ я самъ, покинувъ все въ Немировѣ, не имѣю худобы никакой, ибо, какъ идетъ поголоска, того человѣка, гдѣ-то за городомъ, въ Курчакѣ, татары разбили и чуть было въ неволю не захватили. Изложивъ все это твоей панской милости, остаюсь благожелательнымъ какъ передъ свѣтлымъ государемъ. Тебѣ, милостивому государю, пану и добродѣю, тотъ человѣкъ скажетъ устно очень секретную рѣчь, которую я слыхалъ отъ польного гетмана и своими глазами видѣлъ его. Твоей милости Процикъ Лазука, полковникъ на тотъ час будучій» [22].

В Москве уже знали о сношениях запорожских козаков с Польшей от находившегося при польском короле русского резидента Волкова. Волков успел донести в Москву о цели приезда запорожских посланцев в Варшаву и о результате их миссии. Посланцы, явившись к королю, передали ему, что запорожцы не получают от Москвы хлебных запасов, что они сильно стеснены и не могут свободно ходить на низовья Днепра за добычей; что это обстоятельство поставило их в необходимость помириться с крымским ханом, но что они теперь бьют челом королю, чтобы он принял их под свою оборону и прислал бы им свой указ о том, как им быть с московскими царями и крымским ханом. Кроме того, Волков доносил, что он осведомился у коронного гетмана Яблоновского о причине приезда запорожских посланцев к королю, и гетман ответил, что запорожцы приехали для вступления в королевскую службу под тем предлогом, что к ним цари не присылают хлебных запасов и что у них оттого большой голод, но что король ни в коем случае не примет их под свою протекцию, так как не желает нарушать мирного договора Польши с Россией. От тайного же сторонника своего, какого-то подольского православной веры шляхтича, занимавшего должность покоевого при королевской особе, русский резидент слыхал, что король призывал к себе Лазуку и Забияку и дал им обещание принять запорожцев в оборону «тайными вымыслами». Имея дружбу с Крымом, король всеми мерами старался произвести между городовыми и запорожскими козаками смуту с той целью, чтобы всех вообще козаков привести к себе, потому что вечный мир, установленный между Польшей и Россией, королю невыгоден и непотребен,— ему жаль городов и земель, уступленных московским государям [23].

Процик Лазука, возвратившись в Запорожскую Сичу, привез с собою 300 червонцев, данных королем для раздачи низовому товариству. Об этом немедленно известил гетмана Мазепу его тай-

ный сторонник Михайло Сажко, запорожский войсковой писарь [24]. Тогда гетман послал от себя в Сичь козака Горбаченка и приказал ему сойтись с Процико́м Лазукой и подробно от него разузнать о всех разговорах, которые он слыхал в Польше. Процик Лазука в тайной беседе с Горбаченком сообщил ему, что запорожских посланцев король принял с большим почетом, что коронный гетман увещевал их служить королю, а сам король, вручая Лазуке 300 червонцев для раздачи запорожскому товариству, обещал прислать потом побольше через каких-то знатных особ киевских. Сам от себя Лазука просил Горбаченка передать гетману Мазепе, чтобы он не верил полякам: «Изъ того, что я слыхалъ тамъ отъ короннаго гетмана и другихъ знатныхъ пановъ, вижу, что они зла желаютъ нашей Украйнѣ» [25].

Не получив таким образом от польского короля решительного ответа, запорожские козаки снова вернулись к вопросу о дружбе с крымским ханом и на этот раз решили закрепить с ним вечный мир. По этому поводу между товариством образовалось две партии,— одна партия за союз с Крымом против Москвы; другая партия за союз с Москвой против Крыма. Одним казалось выгоднее быть в миру с Крымом, чтобы пользоваться добычей соли и рыбы в крымских озерах; другим казалось полезнее держаться Москвы, чтобы получать от царей денежное и хлебное жалованье.

Первая партия, однако, взяла верх над второй, и запорожцы в начале 1690 года вновь вошли в сношение с крымским ханом.

Гетман Мазепа, узнав о таком решении, послал января 11 числа запрос в Москву о том, как ему поступить с государевой казной, присланной для запорожского войска с запорожскими посланцами Каплинцем и Максимом, находящимися в Батурине.

Казну велено было задержать, а запорожских посланцев отпустить в Сичь.

Марта 5 дня гетман отпустил посланцев в Сичь и с ними отправил гадячского сотника Подлесного да батуринского козака Даниила Бута с обширным листом оставить «непотребное дѣло» и снова возвратиться к русским царям. Вместе с запорожскими посланцами отпущен был бывший кошевой атаман Филон Лихопой, который, выехав еще прошлой осенью с товарищами из Запорожья, прожил в течение всей зимы на становищах в малороссийских городах. Отпуская Каплинца и Филона Лихопоя в Сичь, гетман советовал им по прибытии на Кош объявить всему войску о том, чтобы оно, во имя всегдашней своей верности московским государям, сменило настоящего кошевого Ивана Гусака и войскового писаря Михайла Сажка и вместо них выбрало других лиц, а перемирие с бусурманами порвало раз и навсегда. Того требует и честь славных рыцарей низовых и прямая польза их [26].

«Мои милостивые пріятели и братія, господине атамане кошевой и все старшее и меньшее товариство войска ихъ царского пресвѣтлого величества. Не меньшая печаль и немалая скорбь намъ, гетману

и всему войску запорожскому городовому, отъ того происходитъ, что вы, братія наша, то-жъ что и мы, будучи Малой Россіи истинные сыновья, не хочете въ общей съ нами обрѣтатись единомышленности и по присягѣ вашей не радѣете быть у великихъ государей своихъ, ихъ царского пресвѣтлого величества, въ надлежащемъ послушаніи и покорности, но столь далеко забрели в упрямствѣ своемъ и ожесточились, что обратили всегдашнюю монаршескую милость великихъ государей во гнѣвъ и, не смотря на многократные указы монаршескіе и непрестанныя напоминанія разорвать съ бусурманами миръ, вы все-таки, къ удивленію всего христіанскаго мира, никакой готовности къ разорванію мира не показали. Напротивъ того, еще не такъ давно, въ присутствіи находившагося въ Запорожьи царского посланного, какъ самъ, ваша милость, атаманъ кошевой, такъ и писарь вашъ Сашка, многое прекаліе чинили противъ монаршеского имени и тѣмъ пресвѣтлымъ монархамъ нашимъ еще большую досаду причинили, и хотя государи, как христіанскіе цари, не отмѣнили своего обыкновеннаго милосердія, приказавъ отпустить къ вамъ вашихъ посланныхъ Ивана Каплинца съ товарищами, но все-же ни своего милостивого жалованья, которое уже на дорогѣ находилось, ни хлѣбныхъ запасовъ и перевозныхъ переволочанскихъ денегъ посылать къ вамъ не велѣли. Посланныхъ вашихъ мы безъ задержанія къ вашимъ милостямъ отпускаемъ и съ ними своихъ посланцевъ, съ нашимъ листомъ, сотника полкового гадячского, Тишку Подлѣсного съ товариществомъ посылаемъ и, не теряя надежды на склоненіе сердецъ вашихъ, прилежно и горячо напоминаемъ, чтобы вы, ваша милость, оставивъ неповиновеніе монаршеской волѣ, безотлагательно склонились къ счастливому и похвальному съ непріятелями разрыву и больше съ ними проклятого союза не держали. Еще недавно то было, когда вы, ваша милость, видя учиненное, вслѣдствіе необходимыхъ и уважительныхъ причинъ, монаршеское съ бусурманами перемиріе и не найдя въ томъ для себя никакой корысти, но вспоминая смѣлыя противъ бусурманъ дѣла своихъ предковъ, сами противъ нихъ воспалились, какъ содержится это въ нашей памяти, и хотя снова, ради окупа невольниковъ, чинили съ ними, бусурманами, миръ, однако-же дѣлали то на короткое время и долго не держали его. А нынѣ, когда всѣ христіанскія государства находятся съ ними въ войнѣ, вы, не стыдясь страха божьяго, не разсудивъ о вашей правдивой христіанской должности, такъ долго и такъ твердо держите съ ними перемиріе, что, несмотря на приказаніе монарховъ своихъ, разорвать не хочете. И не стыдно-ли вамъ, живя подъ своими монархами и защищаясь монаршескою милостью, держаться такого упрямства, которое вмѣсто славы знатную срамоту приносит? Для прибыли-ли или для доброй памяти на предбудущіе вѣка вы то дѣлаете, что указа монаршеского, которого, какъ божьяго повелѣнія, всѣмъ намъ надлежитъ слушать, вы не послушали? Уже-ли у васъ нѣтъ такого человѣка, искренне

любящего правду, который-бы далъ вамъ толчокъ, ради исполненія воли монаршеской и распространенія доброй славы вашей, къ чиненію промысла надъ тѣми непріятелями бусурманами? Всѣмъ вамъ, какъ старшимъ, такъ и меньшимъ, достойно было-бы здравымъ умомъ и единомышленнымъ совѣтомъ разсудить о томъ, что то дѣло есть дѣло очень безчестное и въ предбудущія времена на войско срамоту приносящее; когда христіанскіе монархи со своими святыми союзниками непріятелей бусурманъ со всѣхъ сторонъ воюютъ, вы, съ бусурманами братаясь, чините имъ охлажденіе и отдохновеніе. Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ-бы крымскій ханъ изъ Крыма на помощь упадающему турчанину, если-бы вы въ воинскихъ промыслахъ противъ бусурманъ обрѣтались и если-бы вы къ перемирію и всему христіанству вредительному, и монархамъ своимъ противному, не пристали? Но когда тѣ непріятели, послѣ многихъ надъ ними отъ христіанъ побѣдъ и безъ вашего имъ вспомоществованія, притѣснены будутъ до конечного разоренія, на что и нужно, при помощи божіей надѣяться, то тогда какъ вы поступать будете и на кого у васъ будетъ надѣжда въ то время? Польская страна, какъ сами знаете, въ той-же союзной войнѣ противъ бусурманъ обрѣтается и поступка вашего похвалить не захочетъ. А если-бы кто-нибудь (из поляков) въ томъ и далъ вамъ поблажку, то тутъ самая память вамъ подскажетъ, что если-бы войску запорожскому было хорошо при польской державѣ жить то не было бы надобности и Хмельницкому возставать противъ того. И если вы испортите то, что сдѣлали раньше васъ добрые молодцы, то какова-же изъ того выйдетъ вамъ похвала? И такъ ради будущихъ неудобствъ и страшного безчестья, которое вы себѣ навлечете, вы, ради Бога, ради спасенія вашихъ душъ и ради цѣлости малороссійского народа, учините послушаніе своимъ пресвѣтлымъ монархамъ, разорвите то свое христіанству вредительное съ непріятелями бусурманами перемиріе; оставьте ту ненадобную отговорку, будто того учинить нельзя ради товарищества, на добычахъ обрѣтающагося, ибо я знаю, что тому товариству въ один часъ можно послать предостереженіе, такъ что съ нихъ ни единъ волосъ не пропадетъ. И коль скоро вы то благое и богобоязливое послушаніе учините, тотчасъ мы постараемся о томъ, что вамъ пришлютъ милостивое монаршеское жалованье и отъ насъ борошно и деньги перевозныя; сверхъ того вамъ умножится и на будущія времена монаршеская милость и наша региментарская любовь, и дача особая будетъ дана. А главное изъ того розмирья выйдетъ то, что всѣ христіанскіе народы возрадуются отъ вашего постоянства; если-же къ тому и промыслы свои покажете, то заслужите похвалу всего свѣта, доброю молвой вездѣ расходящуюся. А что посланнымъ вашимъ въ Батуринѣ учинилось печальное дѣло и что тамъ были убиты до смерти два вашихъ товарища, то ради того случая не печальте сердецъ вашихъ, потому что убійство то случилось по одной злобѣ убійц, а не по приговору кого-

нибудь, и наказаніе тѣмъ убійцамъ, по указу царского пресвѣтлого величества, будетъ по истинѣ и по справедливости» [27].

Независимо от этого гетман Мазепа послал особых «подлинныхъ людей» в Запорожскую Сичь и в турецкие городки для собирания там точных вестей.

Однако посланцы не принесли гетману никаких вестей. «Подлинныхъ людей» кошевой совсем не пустил в городки; Каплинец и Лихопой отказались гетману писать. Но у Мазепы был верный слуга переволочанский дозорца Иван Рутковский, который не замедлил снестись с гетманским посланцем Бутом, находившимся в Сичи, и с его слов поспешил послать Мазепе «подлинную» о запорожцах весть. Положение дел в Запорожье, по словам Рутковского, было таково.

В то время, когда Бут находился в Сичи, туда прискакал какой-то козак Миргородского полка верхом на лошади без седла («охлупъ») и объявил о том, что гетман Мазепа собрал полки для того, чтобы идти против татар и два полка, Полтавский и Миргородский, имел послать под турецкие городки; полковники двух последних полков условились собраться на реке Ингульце и оттуда идти под Кызыкермень. Получив такую весть, запорожские козаки, собравшись на раду, решили о походе малороссийских полков под Кызыкермень предупредить турецких властей и для этого отправили войскового пушкаря с двумя простыми козаками. Войсковой пушкарь поскакал в Кызыкермень и о грозившей опасности городку объявил кызыкерменскому писарю Шабану. Шабан написал запорожцам благодарственное письмо и тут же объявил, что мусульмане не боятся встречи с малороссийскими полками, так как к турецким городкам скоро будет крымский хан, только что одержавший победу над немцами в Венгерской земле и теперь направлявшийся к Кызыкерменскому городку. Платя благодарностью за благодарность, Шабан предупреждал кошевого Гусака, что на крепость Кодак идет московский воевода с полком, но что запорожцы, несомненно, найдут себе помощь у хана для отражения их врагов. В то время, когда войсковой пушкарь прибыл в Кызыкермень, там находился атаман Незамайковского куреня Иван Коваль, хлопотавший об отдаче какого-то козака Филиппа вместо пленного татарина. Кызыкерменский бей дал и войсковому пушкарю и атаману Ковалю по письму от себя и отпустил их в Сичь. Письма были доставлены в Сичь и прочтены на раде в присутствии всех козаков, но запорожцам сильно не понравилось то, что хан шел с победоносным войском назад: они опасались, как бы он не обратил своего оружия и на самих козаков. Но тут от татар пришла новая весть, что они действительно ждут к себе хана и не на одних словах готовы помогать запорожцам: уже и теперь татарская орда, быв под Черным лесом и услыхав, что запорожцы ждут к себе возвращения отправленного к польскому королю собственного посла, которому компанейские войска «заступили» путь, послали от себя отряд на выручку того посла.

Эта весть совершенно успокоила козаков, но сам кошевой атаман Иван Гусак или колебался насчет истинных намерений татар или же хотел в отношении Мазепы вести независимую политику от козаков и потому, готовясь отпустить от себя гетманского посланца Бута, просил его передать дозорце Рутковскому, что он вовсе не враг ни гетмана, ни царя, и если гетман пожелает что-нибудь учинить против врагов, то пусть даст о том весть, и кошевой готов будет служить гетману и радеть государям. Но такому настроению кошевого Гусака помешало одно обстоятельство, происшедшее в Кызыкермене и сделавшееся известным в Сичи.

В Кызыкермень из города Лебедина приехал один человек по фамилии Иван Гутник и привез туда для продажи партию сукна. Явившись к писарю Шабану, он скоро подружился с ним и, подвыпив, стал говорить, что у него дома есть дети, которые ходят в школу и учатся читать письма и что для науки своих детей он хотел бы получить от писаря какие-нибудь листы, за что готов писаря даже и подарить. Писарь Шабан, не подозревая в той просьбе никакого дурного умысла, собрал писанные к нему от запорожских козаков письма и передал их Гутнику для его детей. Гутник стал те письма читать и удивлялся тому, как запорожцы величают крымского хана. Но случившиеся там запорожские козаки услыхали чтение своих писем и сразу поняли коварный умысел гетманского агента. Гутник же, дав писарю кинбияк (?), поспешил уехать от него, направив свой путь через запорожскую степь. За ним поехали и бывшие в Кызыкермене козаки. Прибыв в Сичь, они объявили в ней о том, с чем ехал через Запорожье лебединский купец, и кошевой атаман послал за ним войскового асаула в догон. Но было уже поздно, и Гутник, оставив степь, успел доставить добытые им письма в Переволочанский перевоз. Тогда кошевой атаман, сильно озлобленный таким обстоятельством, распорядился не пропускать никого в Запорожье без предварительного обыска, и кроме вина и тютюну не позволил ничего привозить в Сичь. Он видел, что по Запорожью везде снуют гетманские агенты, в виде торговцев и купцов и стараются разузнать все тайны запорожского войска. При всем этом гетман все-таки успел разузнать, что запорожцы с особенным нетерпением ждут возвращения своего посла от польского короля, и что как только тот посол прийдет, то они заключат с Крымом мир и пойдут войной на Москву: им бы только Полтаву захватить, а там они сумеют всех к себе привратить. Гетман знал и то, что не переставая думать о войне, запорожцы вышли по несколько человек из каждого куреня частью на собственные речки и побросали язы для рыбных добыч, частью на урочище ниже турецких городков «съ ясками повольно» [28].

Пока шли эти объяснения между гетманом Мазепой и запорожскими козаками, тем временем крымский хан, возвращаясь из похода на Венгерскую землю, прошел в Белогородчину и оттуда

направился в Крым. Дав в Крыму несколько времени отдохнуть своим коням, он задумал, собрав большие орды, идти мимо Кызыкерменского городка чигиринской стороной на украинные города. Тогда гетман Мазепа, получив такую весть, собрал свои полки и вышел с ними сперва к Гадячу, а потом спустился поближе к Днепру в городок Голтву. Но неприятель, увидя собранные малороссийские полки, открытого нападения сделать не посмел и послал несколько загонов под Черкасы, Белую Церковь и Синяву да под Новобогородицкую крепость и другие самарско-орельские городки. Для защиты Новобогородицкого городка гетман поспешил отправить марта 9 дня из Полтавского полка 1000 человек козаков, а сам отступил в Лубны и послал государям запрос как ему дальше поступать. Но государи предоставили гетману окончить это дело так, как он сам лучше найдет. Тогда гетман, продержав всю зиму сторожу от татар, расставил по всему берегу Днепра от Орели до Киева войска в орельско-самарских городках, Переволочне, Келеберде, Кременчуке, Потоке, Власовке, Городище, Чигирин-Дубровке, Жовнине и Еремеевке,— а сам вернулся в Батурин 1689 года марта 15 дня.

Мазепа был убежден, что неприятели, благодаря взятым мерам, не посмеют делать нападений на малороссийские города. Запорожцы же одни без татар не казались страшными для гетмана: он был уверен, что если бы они и захотели внести между малороссийским народом мятеж, то не могли бы найти сочувствия себе. К тому же гетман отдал всем полковникам крепкий приказ никого из городов в Запорожье ни с борошном, ни с чем другим, ни порожнем для рыбной ловли не пропускать; а если бы кто пожелал идти для рыбных ловель в реку Буг или в речки полевые, или в озера «на сей сторонѣ Днѣпра, которыя повыше Сичи суть», то таковой должен давать за себя поруку, что он с той рыбной добычей возвратится без замедления назад и ни на какой своевольный путь не пойдет. Гетман взял все меры и относительно запорожских посланцев, которые находились под Немировым, в обратном пути, чтобы их «перенять и въ свои руки загрести»: он поставил «бдительнаго и нелѣнивого, въ вѣрности извѣстного человѣка» полкового конного асаула Ивана Рубана с отрядом в несколько сот человек доброго товарищества на правой стороне Днепра меж Черным лесом и Чигирином, куда послам лежал обратный путь. Асаулу Рубану гетман отдал строжайший приказ «неусыпное око» над ними иметь, всякими способами радеть, чтобы их в Батурин привести, за что гетман от имени великих государей самому асаулу Рубану и его наследникам обещал великую милость оказать и награждение дать [29].

Московское правительство, похваляя гетмана за его распоряжение и деятельность во время прихода на чигиринскую сторону татар, имело, однако, главную мысль о том, чтобы так или иначе вновь запорожское войско на свою сторону склонить.

Но случившиеся в то время обстоятельства не только не благоприятствовали такому стремлению московского правительства; напротив того, сильно взволновали запорожское войско и поддержали в нем враждебное настроение против Москвы, в особенности же против гетмана Мазепы. Названные выше запорожские посланцы Иван Каплинец да Максим, козак Сергиевского куреня, заявили жалобу севскому воеводе Ивану Юрьевичу Неплюеву и гетману Мазепе о пограблении у них возле Севска разных вещей из их личного скарба и об убиении двух их товарищей, асаула Степана Рудого да козака Леска, из которых первый умер немедленно, а второй немного спустя, февраля 22 дня в Батурине, за Путивльскими воротами, на рогу. Следствие по убийству тянулось с февраля месяца до июня, и по розыску дела оказалось, что убийцами запорожцев были сиповщики Фома Никифоров, Андрей Учуй, Михайло Дубовый да Данило Гордеев с товарищами, всех девять человек. Они напали на двух названных запорожских козаков и одному из них в трех местах голову пробили, а другого до полусмерти прибили, а платья, сняв с них, в навоз против войсковых изб спрятали. По этому поводу из Москвы пришел приказ сперва пытать порознь каждого из убийц, находившихся под караулом в Батурине, а потом казнить их смертью, если они сделали такое злодеяние по умыслу; «буде-же совершили его пьянскимъ обычаемъ», оставить в живых, но подвергнуть пытке и допросу и потом подвергнуть наказанию. Гетман Мазепа нашел, что убийцы совершили «свое дѣло» в пьяном виде и потому, не подвергая их пытке, одних из них велел сослать на вечное житье на Самарь, других в Переяслав. Но первые, вследствие морового поветрия, открывшегося в то время в Запорожье, оставлены были в Батурине на неопределенное время и только вторые отправлены были с женами и детьми на место ссылки [30].

И разбойство русских и самое решение по этому поводу со стороны гетмана вызвало у запорожцев большое негодование и поддержало враждебное настроение против Москвы.

В это же время произошло и другое обстоятельство, сделавшее немалое волнение между запорожцами. В конце апреля месяца в Запорожье открылось моровое поветрие, не прекращавшееся в течение всего лета. От того поветрия в Новобогородицкой крепости поумирало много московских ратных людей, в том числе и сам воевода крепости Алексей Иванович Ржевский с сыном [31]. Соседний с Новобогородицким городом, Новосергиев, или Вольное, весь вымер и навсегда остался в запустении. От Самары моровое поветрие спустилось ниже и коснулось самой Сичи.

Гетман Мазепа узнал о моровом поветрии, открывшемся в Запорожье, от своего дозорцы Ивана Рутковского, которого известил о том мая 10 числа 1690 года китайгородский сотник Семен Ревенко.

Вслед за моровым поветрием появилась в августе месяце в Запорожье саранча. Страшная масса ее заслонила солнце, помрачила

небо, наполнила воздух невыразимым смрадом и задушила своим зловонием множество лошадей, волов и коров [32].

Узнав об открывшейся в Запорожье моровой язве, гетман Мазепа поспешил сообщить о том в Москву. Он писал, что многие из реймента гетманского люди, ужаснувшись моровой язвы, «повтикали» из Новобогородицкой крепости в разные стороны. Многие из великороссийских ратных людей также бежали из города; они «тулялись» по степям, по байракам, по лугам и по островам днепровским и в тех разных местах одни поумирали, другие, хотя и остались живы, скрывались друг от друга. Тела умерших оставались долго в тех «пустыхъ» местах и наводили великий страх на живых людей. Ввиду такого страха гетман, желая прежде всего сохранить царскую казну в городе Новобогородицке, приказал послать в дикие поля возле города тысячу человек козаков Полтавского полка и на смену его столько же козаков Миргородского полка. Но козаки тех полков, не раз бывавшие в бою с неприятелем, не решались идти на явную смерть в Новобогородицк. Тогда Мазепа распорядился послать за реку Орель самого полтавского полковника Федора Жученка. Федор Жученко повиновался воле гетмана, но скоро донес ему, что половина злосчастного города сделалась добычей страшного пожара и потому спрашивал, как поступить ему с уцелевшим в нем имуществом. Гетман велел полковнику наблюдать город от окончательного со стороны неприятелей разорения, а самим полчанам предписал отнюдь не брать никаких вещей умерших от моровой язвы людей,— ни одежды, ни денег, которые бы нашлись в диких полях и байраках; людей «повѣтренныхъ» к себе не пускать, рыбы у запорожских промышленников не покупать [33].

Это распоряжение, в связи с прежним обстоятельством, еще более возбудило запорожцев против гетмана Мазепы.

А между тем московское правительство, уже давно знавшее о намерении запорожского войска отдаться под протекцию польского короля и заручиться постоянным союзом с крымским ханом, решило во что бы то ни стало отклонить запорожцев от такого дела. Гетману Мазепе вновь предписано было, чтобы он приложил всякое старание привести запорожцев к послушанию и к разрыву с татарами. И гетман приложил свои старания, действуя то увещаниями, то деньгами. В этом случае весьма много помогла Мазепе та неустойчивость и в мыслях, и в действиях, которая составляла характерную черту козаков запорожского низового войска и которая обыкновенно проявлялась как раз в самые решительные моменты их намерений: запорожцы всегда любили пошуметь, наговорить много угроз по адресу своих зложелателей, любили «покуражиться», как они сами говорили о себе, а потом внезапно смирялись и приходили совершенно к другому решению. Так у них бывало зачастую. Так произошло и на этот раз.

Гетман Мазепа, получив царское предписание, выбрал самого ловкого и самого хитрого из своих сподручников козака Горбаченка и, вручив ему письмо и денежные подарки для кошевого атамана и старшины, отправил его в Сичь. В своем письме Мазепа поздравлял все запорожское низовое войско с праздником светлого Христова Воскресения, объявлял кошевому атаману Ивану Гусаку о посылке ему подарка в 20 левов, всей старшине в 8 левов на человека и за то обращался к ним со словом убеждения отстать от бусурман и пристать по-прежнему к своим православным царям [34].

Посланец прибыл в Сичь мая 12 дня и в тот же день вручил войску гетманский лист, а кошевому атаману и старшине передал гостинец левами. Гетманский лист, по обычаю войска, прочитан был на раде и через два дня после того на него написан был ответ. В ответном письме запорожцы писали, что гетман ничего им нового не сказал, кроме того, чтобы козаки разорвали с неприятелями мир и взялись за военный промысел против них. Убеждая в этом запорожское товарищество, гетман сам не только для того никакой помощи войску не оказывает,— ни деньгами, ни хлебным продовольствием, но даже охотного люда из Украйны на Запорожье не пускает и только сладкими своими обещаниями запорожцев, точно малых детей, утешает. От этого он красноречиво собой напоминает известную пословицу: «Доки зійде сонце, жебы роса очи ихъ выість». А чрез это может выйти вместо старой, добытой отвагой добрых молодцев, войсковой славы, столь дорогой для всего козацкого народа, одна пагуба для запорожского низового войска. «Много разъ мы писали до вашей вельможности, требуя отъ васъ, чтобы вы прислали намъ все необходимое и все потребное для военнаго предприятия, денегъ на сторожу, хлѣбныхъ запасовъ на войско, свободнаго къ намъ прохода охочимъ людямъ, но вы, ваша вельможность, того не дѣлали и теперь не дѣлаете, а только, утешая своей ласкою, тѣм насъ впевняете. Поэтому намъ, не видящимъ отъ васъ никакого вниманія и расположенія, зачѣм же власне съ непріятелями розмириться и какое намъ от того будетъ потомъ утѣшеніе и награда, развѣ сами себѣ уменьшимъ пожитку? Да и можем-ли мы съ нашими малыми силами возстать противъ такого воинственнаго непріятеля? Если, вельможность ваша, потребуете отъ насъ, чтобы мы розмирились съ непріятелями, то намъ нельзя будетъ послѣ этого не только распространиться, но и носа высунуть. Другое дѣло будетъ, когда вы учините досыть все такъ, какъ мы просили въ первомъ и въ теперешнем просим письмѣ: тогда мы не будемъ больше причинять вамъ въ этомъ дѣлѣ никакого безпокойства. Если-же вы не исполните согласно нашей просьбы, то не утруждайте больше ни себя, ни насъ, и подобныхъ писемъ къ нам не присылайте. А что пишете, ваша вельможность, о томъ, что пресвѣтлые монархи наши указали быть намъ сим лѣтомъ на военной службѣ, то мы всегда готовы к военному промыслу, и за нами это дѣло не станетъ, да и сборовъ намъ боль-

шихъ не прійдется чинить: какъ скоро зачуемъ о сближеніи сил монаршихъ, не замѣшкаемъ того-жъ часу и перемиріе съ непріятелемъ разорвать. А на сей часъ сообщаемъ вѣсти, какія имѣемъ о непріятельскомъ положеньи: крымскій ханъ находится въ Ядерномъ, вся орда повернула до Крыма, сын хана находится въ Бѣлградѣ» [35].

К листу от всего запорожского низового войска особо приложено было письмо к гетману Мазепе от кошевого атамана Гусака и от всей «за нимъ» войсковой старшины. Кошевой от себя и от всей старшины благодарил гетмана «упавши до ногъ его» за присланные в подарок левы и обещал с своей стороны всяким добром «отдячити и зичливыми услугами отслужити», но при этом покорно просим гетманскую ясновельможность исполнить просьбу всего запорожского низового войска: принять жалобу на уряд, т. е. на начальников переволочанских: на сотника и на шапа́ра за то, что они невыносимые кривды, убытки и бедствия людям причиняют, над войском запорожским насмехаются, говоря торговым людям, чтобы они не возили в Запорожье ничего другого, кроме дегтю да горилки. Такие слова — большая скорбь и обида для войска, и кошевой со старшиной просит гетманскую вельможность не оставить втуне таких слов переволочанских начальников [36].

После этого гетману ничего не оставалось сделать, как задобрить запорожцев. Он послал им, при самом любезном письме годовое борошно и деньги с Переволочанского перевоза от прошлого года, обещал, кроме того, прислать деньги от царской казны и малороссийского скарба. Но за все то настоятельно просил низовое товарищество разорвать перемирие с бусурманами, которые, не опасаясь запорожцев и считая их своими друзьями, успели сделать несколько на христиан нападений под Белой Церковью, на Миус и Калмиус и увести немало людей православных в поганскую неволю. Гетман убеждал запорожцев вспомнить рыцарскую отвагу и чинить на татар нападение, как делали это полковые асаулы малороссийского войска Рубан у Мотронина и Иван Искра на вершине Вовчей, отнявший взятый татарами ясырь под орельскими городками, и полковник Семен Палий с молодцами Переяславского полка под Белой Церковью за Гнилым Текичем [37].

Такие доводы подействовали, наконец, на запорожцев. Уже в мае месяце отряд запорожского войска ходил в помощь полякам против татарских загонов и на обратном пути получил от коронного гетмана Яблоновского проезжий лист через польские владения [38]. В июле месяце сам гетман Мазепа писал к великим государям, что запорожцы, как донес ему бывший в Запорожьи священник из города Кобеляк, объявили свое намерение сделать нападение на турецкие городки по Днепру. По этому поводу Мазепа поспешил послать кошевому атаману Ивану Гусаку известие об отправлении малороссийского войска под город Кызыкермень «для разоренія» турских крепостей и просил кошевого помогать ему собственными войсками

или, по крайней мере, «не давать знать татарамъ о таковой посылкѣ» [39]. Конечно, запорожцы приняли и ту и другую гетманскую просьбу с большой охотой, но зато в счет будущей своей услуги просили гетмана исходатайствовать у царских величеств денежное и хлебное жалованье для войска за два прошедшие года [40].

Просьба запорожских козаков на этот раз была исполнена без замедления. Сентября 17 дня по указу великих государей прибыл в Запорожскую Сичь стольник, воевода и полковник Афанасий Алексеевич Чубаров; с ним вместе прибыли конотопский сотник Федор Кандыба и арматный асаул Тимош Пиковец с особыми подарками на войсковой скарб и на божию церковь от самого гетмана Мазепы. Стольник привез с собой червонные золотые, кармазинные и амбургские сукна, атласы, бархатные вершки, соболи, свинец и зелье (порох). Все это жалованье еще с прошлого года задержано было в городе Севске, но теперь благополучно доставлено было в Сичу и роздано по составленной у гетмана Мазепы росписи кошевому атаману, старшине и всему войску. Сентября 19 дня у кошевого Ивана Гусака, куренных атаманов и у всего войска низового собрана была большая рада. На ту раду кошевой вышел в кармазиновом, подбитом соболями кафтане и с камышиной, оправленной золотом и дорогими каменьями; куренные атаманы также все вырядились цветно и стройно. Перед началом рады пушкари стреляли из пушек, довбыши били в бубны и литавры [41]. На собранной таким образом раде все войско низовое постановило с крымским ханом и с турскими городками учиненное перемирие разорвать и в первых числах следующего месяца в турские городки с этой целью розмирное письмо послать. А для известия о таком решении великим государям определено было отправить куренного атамана Переяславского куреня Ивана Рубана и с ним от всякого куреня по одному человеку.

Обо всем этом донес гетману Мазепе стольник Афанасий Чубаров сентября 21 дня со стану подле реки Соленой, отъехав 15 верст от Сичи [42]. Сам гетман поспешил известить о том великих государей, радуясь повороту чувств со стороны запорожского низового войска [43].

Независимо от донесения Афанасия Чубарова гетман Мазепа получил донесение и от самого кошевого атамана. Кошевой атаман Гусак со всем низовым товариством сообщал гетману, что запорожское войско принимало в Кошу царского стольника и бывших с ним сотника Кандыбу и асаула Пиковца в полной посполитой раде. На той раде прочитана была с полным вниманием грамота царских помазанников божиих, аки дар многоценный, и вслед за грамотой выслушан был лист гетманский. Державнейшие великие государи изволили явить свою монаршескую милость, прислали отправленное еще в прошлом году, но задержанное в городе Севске, царское жалованье. Теперь это жалованье, по челобитью гетмана, добродея запорожского войска, благополучно дошло в Сичь и роздано всему как старшему, так и младшему товариству. И присылка этого жало-

ванья оказалась как нельзя более кстати: вернувшись в прошлом году из похода под Перекоп на Сичу, запорожцы, рассудив, что им нечем содержаться, нашли нужным учинить с бусурманами и с крымским ханом перемирие: «Что имѣли мы раньше запасовъ, то ходячи подъ Перекопъ въ двѣ дороги, съѣли, надѣясь на монаршескія силы и на взятіе Перекопа; но Голицынъ не только намъ, но и всему городовому войску, учинилъ великій жаль и слова монаршого не статчилъ, и мы никакого утѣшенія из того витязства не получили; а вслѣдствіе того и перемиріе (с бусурманами) учинили. А что вельможность твоя, пишешь, почему мы о святой Троицѣ розмирья съ крымскимъ царствомъ не учинили, то мы рады были-бы учинить то розмирье, но, какъ раньше въ первомъ нашемъ письмѣ вамъ писали, такъ и теперь пишемъ, что по божьему попущенію между нами вкинулось моровое повѣтріе, отъ чего мы ни одного товарища (козака) не могли задержать, да и до настоящаго времени всѣхъ не можемъ на Кошъ собрать. За то, вельможность ваша, на меня гнева твоего не накладай. Отъ насъ-же, войска запорожскаго, никому изъ городового товариства, какъ старому, такъ и молодому, кривды никакой не дѣлается, находится-ли кто на Кошу или остается одностайне на рѣчкахъ полевыхъ. Какъ детямъ одного отца наше товариство городовымъ вашей вельможности товарищамъ, одинъ одному, кривды ни на Днѣпрѣ, ни на рѣчкахъ полевыхъ не чинятъ. А мы, войско запорожское, какъ усердно и вѣрно на вѣчное подданство пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государямъ непрестанно служили, такъ и будемъ служить, а вельможность вашу, какъ добродѣя и рейментаря нашего имѣть себѣ желаемъ. И такъ какъ мы не имѣемъ другого отца и иного опекуна, кромѣ вельможности вашей, сіяющаго въ качествѣ свѣтлаго дня для всей Малой Россіи, то мы покорно просимъ вашу вельможность, чтобы вы на насъ, запорожское низовое войско, имѣли ваше ласковое и веселое панское око. Смѣемъ и теперь покорную нашу до вельможности вашей, добродѣя и рейментаря нашего, внести просьбу: изволь похлопотать для насъ, войска запорожского, у великихъ государей, помазанниковъ божіихъ, чтобъ къ намъ и за настоящій годъ дошло монаршее ихъ жалованье. А что до присяги гетмана Зиновія Хмельницкаго и всего низового и городового войска, учиненной великому государю, блаженной памяти Алексѣю Михайловичу, отцу великихъ государей, то мы по той присяжной нашей присягѣ и теперь все войско запорожское низовое, общее съ городовымъ, держимся и остаемся подъ счастливою рукою ихъ царскаго пресвѣтлаго величества и готовы одностайне исполнить все повелѣнное намъ отъ великихъ помазанниковъ божіихъ, лишь бы насъ, войско запорожское низовое, ихъ десница не забывала» [44].

Отпустив от себя царского стольника Афанасия Чубарова, запорожцы немедленно снарядили большое посольство в числе около 80 человек и отправили его сперва в город Батурин, а из Батурина

велели ехать в Москву [45]. Во главе этого посольства были атаманы куреней Переяславского Иван Рубан и Крыловского Харько, называемый иначе Захарием; за ними следовали: асаул Леско Сила, писарь Яков Богун, атаман Ирклеевского куреня Цабиля, атаман Щербиновского куреня Губа [46].

Запорожские посланцы везли с собой два письма,— одно к гетману Мазепе, другое к великим государям. В письме к Мазепе кошевой атаман Иван Гусак и все запорожское поспольство предупреждали гетмана о выезде из Сичи Ивана Рубана и атамана Харька с товарищами в Москву и просили его вельможность отпустить всех посланных к великим государям для получения на наступивший новый год [47] монаршеского жалованья с прибавкой сукнами и деньгами; кроме того, независимо от царского денежного жалованья, товарищество добивалось получить от самого гетмана хлебные запасы, которых за целый год не было прислано. За присланные же деньги — тысячу червонцев на войсковой скарб, полтораста золотых на божью церковь, за подарок златоглавых риз, епитрахиля и сосудов церковных запорожцы били гетману челом и усердно его благодарили. Не довольствуясь этим, запорожцы покорно просили гетмана приказать «своимъ господскимъ словомъ, чтобы въ войско запорожское ватажники съ запасомъ приходили», да чтобы в войсковой скарб денежный сбор от Переволочанского перевоза присылали. По ходатайству его вельможности и по милости великих государей войско запорожское пожаловано было Переволочанским перевозом, но только от того перевоза для войска никакой нет прибыли: на том перевозе ходят две липы (лодки) гетманского дозорцы Рутковского, одна липа сотника Полуяна да одна липа священника Василия, которые и берут себе всю от перевоза денежную прибыль. За все будущие милости гетмана войско обещает, когда сойдется снизу все товарищество до Сичи, послать розмирный лист к турецким городчанам о святом Покрове и чинить с бусурманами воинские промыслы. Относительно морового поветрия, бывшего в Запорожье, козаки писали, что теперь его нечего опасаться, так как оно уже совершенно прекратилось [48].

В таком же духе писало все запорожское низовое войско, кошевое, днепровое, низовое, будучее на полях, на полянках, на всех урочищах — днепровых и полевых, в Москву к великим государям. Пожелав пресветлым монархам доброго здравия, победы и одоления на всех врагов православной восточной церкви, войско извещало об отправке в Москву «знатныхъ особъ» Рубана и Харька с товарищами, било челом, приклонивши к стопам царским свои головы, о милостивом жалованьи на наступивший год за верные свои службы и выражало полную готовность чинить, не дальше Покрова, розмир с бусурманами [49].

Едва прибыли Иван Рубан и атаман Харько в город Батурин, и едва гетман успел отправить в Москву гонца с запросом, пропустить ли ему из Сичи в столицу посольство от Коша [50], как запорож-

ское низовое войско отправило к гетману Мазепе новых посланцев, атаманов Полтавского и Кущовского куреней с товарищами. Новое посольство выражало гетману большую благодарность за присланное им в Кош жалованье и борошно и просило немедленно дать знать в Сичу, будет или не будет война с бусурманами. Гетман, получив такой запрос, поспешил ответить запорожцам, что лист их запросный он послал в Москву, но известия оттуда, за осенним беспутьем, получит, вероятно, не так скоро; что с бусурманами у русских война и раньше никогда не прекращалась, но как будет теперь он, гетман, того на письме сказать не может, так как всякие военные замыслы, как запорожцы сами хорошо то понимают, должны сохраняться в строгой тайне. Дав такой уклончивый ответ на запрос войска о войне противобусурманской, гетман Мазепа вслед за тем октября 17 дня послал кошевому атаману Гусаку свой лист с известием, что по ходатайству его, гетмана, и по щедроте великих государей, запорожским козакам велено выдать годовое царское жалованье, которое будет прислано по первому зимнему пути в Батурин, а оттуда доставлено в Сичу. Но только гетману немало удивительно то, что запорожцы, пообещав разорвать мир с бусурманами не дальше праздника Покрова, однако и до последнего времени этого не делают и никакой о том не подают вести. Ввиду этого, гетман советует запорожцам непременно разорвать с бусурманами перемирие, чтобы не навлечь на себя «монаршескую немилость, регментарскую нелюбовь и всего свѣта неславу», и немедленно открыть с бусурманами военный промысл [51].

Тем временем первые посланцы запорожского войска Иван Рубан и атаман Харько с товарищами, прибыв в Батурин, отправились, по указанию гетмана, в Конотоп и простояли там две недели. Гетман задержал их частью с той целью, чтобы пустить их в Москву не раньше зимы и тем устранить всякую возможность занесения в столицу морового поветрия; частью с тем, чтобы до отхода их в путь получить от государей указ, как с ними поступить. Но так как запорожские посланцы постоянно докучали гетману об отпуске их в Москву, то гетман «боясь, по его словам, привести ихъ въ отчаяніе и горшее неповиновеніе и тѣмъ не посѣять прекаліи и плевельныхъ рѣчей, каковыхъ въ сіе время нужно было особенно остерегаться», отпустил их в город Севск и сообщил о том севскому воеводе Леонтьеву, а потом донес и в Москву к государям; самим же запорожцам на семьдесят одного человека выдал подорожную и приказал доставлять им во всех городах, где нужно, 40 подвод без всякого замедления [52].

По получении извещения от гетмана Мазепы о выезде запорожских посланцев государи приказали отправить два указа, один в Севск на имя воеводы Леонтьева, другой в Калугу на имя воеводы Сухово-Кобылина. Воеводе Леонтьеву приказано было в случае приезда в город Севск запорожских посланцев, принять их, поставить на добрых дворах, где пристойно, дать им пристава и тому

приставу внушить иметь к ним привет, ласку и бережение и объявить им, чтобы они оставались в Севске впредь до царского указа. Жалованье им приказано было выдавать, применяясь к прежним примерам, из кабацких и таможенных доходов. А платье их, суконное, киндячные и кумачные кафтаны и сорочки, которые у них окажутся, перемыть и купить им по сорочке и по порткам из севских же доходов. Товары, седла, оружие, которые будут с ними, все описать, оставить в Севске и велеть сохранять в целости, чтобы все то не погнило, не было испорчено ржой или мышами. При отпуске из Севска также оставить их лошадей и кормить до возвращения посланцев из столицы. Из Севска их отпустить с приставом в Калугу не раньше, как за две недели до праздника Рождества Христова. Если же запорожцы начнут жаловаться на задержание их в городе Севске, то говорить им, что такое задержание произошло от того, что в Запорожьи в недавних месяцах и числах был мор и чтобы они не имели в том задержании никакого сомнительства, а также не обижались бы за распоряжение о платье, как, ввиду прилипчивости болезни, это делается во всех государствах. В Москву же они будут отпущены скоро и получат указ о том от великих государей. На такое распоряжение воевода Леонтьев отвечал государям, что на встречу запорожских посланцев он посылал майора Луцевина да стародубца Лихонина и от них узнал, что всех посланцев 71 человек и при них 82 лошади; что моровое поветрие было с весны в Запорожьи небольшое и теперь совершенно там прекратилось; что платье, в котором они выехали из Запорожья, они побросали в Глухове и что кошевой атаман и все низовое войско после их отъезда хотели розмириться с бусурманами. Приезжих поместили в ямской слободе, дали им приставом Дениса Лихонина и назначили содержание из остаточной от прошлого года наличной денежной казны на всех 71 козака по 26 алтын и 4 деньги на день, кроме того, на месяц по полусотни муки ржаной на человека, всем обще круп овсяных 2 чети, соли $3^1/_2$ пуда, применяясь к прежним дачам. Тут же им в приказной избе объявили, что они будут, ввиду морового поветрия, оставлены в Севске до зимнего пути и до морозов, после чего поедут в Калугу и из Калуги в столицу [53].

С такими же точно наставлениями послан был царский указ и воеводе Сухово-Кобылину в Калугу. По росписи, приложенной к указу, определено было выдавать Ивану Рубану по 3 алтына и по 2 деньги, вина по 3 чарки, меду и пива по 3 кружки; козакам семидесяти человекам по 10 денег, вина по 2 чарки, меду и пива по 2 кружки человеку на день [54].

Оба воеводы, севский и калужский, получив царские указы, исполнили их в точности. Севскому воеводе запорожские посланцы отвечали, что товаров у них никаких не имеется; что платья свои они еще в Глухове побросали; что о задержании своем в городе Севске они никакого сумнительства не имеют, лошадей своих они сдали на

прокорм в севский уезд, а седла и ружья отдали, по росписи, для склада в казенный амбар на присмотр осадному голове Гломаздину.

Пробыв до зимнего пути в городе Севске и потом получив 28 рублей, 13 алтын и 2 деньги да 20 ведер вина на прокорм в течение осьми дней в дороге, запорожские посланцы из Севска переехали в Калугу, а из Калуги прибыли в Москву [55].

По приезде в Москву запорожские посланцы получили содержание — на 71 рубль двуденежных хлебов, калачей столько ж, рыбы свежей мерзлой на 3 рубля, пол-осьмины круп, муки на 6 алтын и 4 деньги, по 3 воза дров на неделю, ценой 2 алтына и 2 деньги за воз, для топления палат и для варения кушанья, товарищам Ивана Рубана по 2 алтына и по 2 деньги человеку на день, а в тот день, когда были у руки великих государей, дано было корма с поденным вдвое, на отпуске же к прежнему в прибавку по 1 рублю, а всего с прежним по 5 рублей на человека; самому Рубану и его товарищу Фоме [56] приказано было на отпуске дать сукна англинского по 5 аршин из казенного приказа [57].

Отпуская из Москвы запорожских посланцев, великие государи велели вручить им грамоту для передачи кошевому атаману с объявлением, что посланцы войска запорожского низового Иван Рубан и атаман Харько были допущены пред очи государей и что всему войску низовому посылается милостивое государево жалованье.

На отъезде из Москвы запорожские посланцы Иван Рубан с товарищами подали челобитную великим государям на том, что будучи задержаны в течение шести недель в Севске, они «испроѣлися», потому что там им выдавалось царского жалованья всего лишь по одному литовскому чеху; кроме того, когда они были в Севске, у них пало 8 лошадей, да на выезде из города пало от голода 3 лошади. И потому козаки просят великих государей выдать им жалованье за «пропалыхъ» лошадей да приказать вернуть им рухлядь из казны, отобранную у них в Севске. По той челобитной запорожских посланцев велено было государями послать грамоту севскому воеводе Леонтьеву с приказанием выдать атаманам по 7 денег, рядовым козакам по 4 деньги на день из кабацких и таможенных доходов; о лошадях же приказано было сделать розыск, а ружья и всякую козацкую рухлядь возвратить в целости и всех посланцев отпустить из Севска на Запорожье без задержания [58].

Таким образом, вернувшись вновь под власть московских государей и под регимент малороссийского гетмана, запорожские козаки открыли набеги на татарские и турецкие города и селения и в этом провели конец 1690 года. Так, в исходе ноября этого года запорожцы напали на Перекопской дороге, в урочище Стрелице, под предводительством ватага Максима на татарский отряд, провожавший ханскую казну и немецкий ясырь из Очакова до Крыма, пять человек татар из того отряда насмерть убили, а четырех живыми с собой взяли и в Москву отослали [59].

ГЛАВА ПЯТАЯ

Появление в Запорожьи Петрика и планы его об освобождении Малороссии и Запорожья от московского ига.— Письмо гетмана Мазепы к запорожскому товариству по поводу бегства в Сичь Петрика.— Брожение умов в Запорожьи вследствие бегства туда из Гетманщины козаков и посполитых людей, питавших ненависть к Мазепе.— Приезд царского посла в Сичь с жалованьем и недовольство запорожских козаков на Москву.— Волнение в Сичи по поводу отправки гетманского посланника в Крым.— Казнь козака Матвеевца кошевым атаманом Гусаком и ропот за то на него со стороны товариства.— Удаление Петрика в Кызыкермень и из Кызыкерменя в Крым.— Письмо Петрика к запорожскому войску.— Договор Петрика с крымским ханом, извещение о том запорожцев и разделение их на два лагеря.— Объявление Петрика гетманом Малороссии, выступление татар из Крыма к Каменному Затону и свидание их с запорожцами.— Отношение кошевого атамана Гусака к Петрику и настроение козацкой массы в Запорожьи.

Начало 1691 года ознаменовалось для запорожских козаков появлением у них некоего Петрика, который пришел в Сичь со смелыми задачами человека так или иначе спасти родину от самовластия гетмана Мазепы и от грозившей Малороссии опасности быть вконец подавленной со стороны Москвы. Это не был какой-нибудь проходимец, искавший приключений среди запорожского войска. Это была горячая голова, ясно сознававшая недуги своего отечества, твердо решившаяся взять на себя роль спасителя Украйны и заодно с ней Запорожья и с этой целью удалившаяся в Сичь [1]. Запорожье еще сохранило некоторую независимость от Москвы и потому через запорожцев можно было добиться полной независимости Украйны, если только ясно представить им печальное положение дел на Украйне, если свернуть козаков в сторону от Москвы и объявить последней открытую и решительную войну. Запорожцы, всегда мужественно стоявшие за свои вольности и старокозацкие права, теперь, в такой решительный момент, могли встать поголовно, как один человек, и спасти Украйну и Запорожье от страшной им Москвы, против которой они глухо боролись уже со времени гетмана Богдана Хмельницкого.

Появление Петрика на историческом поприще Запорожья и Малороссии произошло при следующих обстоятельствах. Петрик, называемый иначе Петром Ивановичем Иваненком или

Петром Ивановичем Петричевским, был родом из Новосанджара Полтавского полка, занимал должность старшего канцеляриста при генеральной войсковой канцелярии, был женат на племяннице генерального писаря Василия Леонтьевича Кочубея по имени Ганне. Принадлежа к натурам живым, беспокойным, легко увлекающимся, но вместе с тем считающим себя призванными к великим делам и чрезвычайным подвигам, Петрик составил себе план отторгнуть, посредством Крыма и Турции, Малороссию от Великой России, сделать ее независимой от Москвы и открыть крымцам походы на города российского государства. Своими действиями он хотел повторить действия гетмана Петра Дорошенка, несколько лет тому назад пытавшегося те же самые замыслы привести в исполнение. Обстоятельства по началу благоприятствовали Петрику как в самой Украйне, так и в Запорожьи. Дело в том, что и предшественники гетмана Мазепы и сам Мазепа раздачей земель чиновно-административному сословию Малороссии, закреплением за чиновным сословием людей простого звания, а также введением откупной системы так называемой «оранды» шинков сильно восстановили против себя и простой народ и малороссийское козачество. Многие из украинских жителей, недовольные заведенными на родине порядками, стали бросать села, деревни и хутора и убегать на Запорожье, на вольные земли и воды. Прибыв на Запорожье, они говорили, что на Украйне жить невозможно; что там завелись новые, из малороссийской же братии, паны, закрепостившие за собой множество народа; что там нельзя заниматься свободно промыслами и торговлей; что там, наконец, уже давно ничего нет малороссийского, а все повелось панское.

Этим недовольством малороссийского народа, а чрез него и запорожцев, и решился воспользоваться Петрик для своих целей. В январе месяце 1691 года, после праздника святого Крещения, приехали из Москвы в Батурин особые нарочные с царским жалованьем гетману и всей малороссийской генеральной старшине посланцы. Гетман, получив привезенное жалованье, некоторым из полковников, бывшим на ту пору в Батурине, лично вручил их часть, а некоторым, не случившимся в гетманской столице в тот час, отправил собственными посланцами. Между неприехавшими был полтавский полковник Федор Жученко. К Жученку послан был на всеедной неделе старший канцелярист Петрик Иваненко. Передав жалованье по принадлежности и получив от полковника благодарственный гетману Мазепе «респонсъ», Петрик из Полтавы уехал в Новосанджар, будто бы с тем, чтобы навестить там своих родных. Выехав из Новосанджара уже великим постом, Петрик, неизвестно для каких целей перебрался за реку Ворксла в поле; там он оставил, под скирдой сена, свои сани и, сев на коня, в сопровождении своих слуг, направился Днепром по льду и скоро прибыл в Запорожскую Сичь [2].

Прибыв в Сичь, Петрик объявил козакам, что он ушел из Украйны на Запорожье единственно вследствие изменившихся

к нему чувств Мазепы: «Гетманъ сталъ къ нему быть недобръ, оттого онъ и покинулъ его» [3]. Сидя в Сичи, Петрик первое время, однако, ни о чем другом, по-видимому, не думал, кроме своих семейных дел. Так, из Сичи он написал в это время два письма,— одно к дяде своей жены, генеральному писарю Василию Кочубею, другое к самой жене Ганне. В письме к Кочубею он говорил, что бежал на Сичь от злой жены своей, посягавшей на его собственную жизнь; а в письме к жене писал, что, не называя ее «непристойныхъ и злотворныхъ» поступков, он предоставляет ей жить, богатеть и прохлаждаться без своего мужа, а для него просит прислать зеленый кафтан, один котел, треног да ременное путо; хлопство же оставить в целости, как было [4].

Гетман Мазепа, узнав о бегстве Петрика в Сичь, написал в Кош письмо с известием о покраже Петриком из генеральной канцелярии каких-то бумаг, с увещанием запорожцев отстать от Петрика и с требованием прислать беглеца в Батурин. Петрик, разведав о предписании гетмана, стал ходить по куреням, бить челом козакам и просить их не выдавать его гетману. Козаки то обнадеживали его, то говорили, что беглеца надо выдать гетману. Собрана была рада и на раде поставили вопрос, как быть с Петриком. Тут также одни высказались, что Петрика нужно выдать гетману, а другие, напротив того, возражали, что этого не следует делать. В числе последних был и сам кошевой атаман Иван Гусак, который говорил в том духе, что если выдать одного Петрика, то это значит лишиться на будущее время всех, имеющих приходить в Сичь: в Сичи спокон веков ведется такой обычай, что там всем вольный приход. После долгих споров последняя партия взяла верх, и Петрик остался в Сичи. Ловкость, находчивость, знание канцелярского дела были причиной того, что скоро после этого Петрик, приобрев доверие козаков, сделан был писарем запорожского войска.

Настроение, охватившее в это время массу запорожского войска, как нельзя более соответствовало планам Петрика. Это настроение выразилось нескрываемым негодованием против гетмана Мазепы, и виновниками того были малороссийские козаки и посполитые люди, оставившие Гетманщину и ушедшие в Запорожье. Подавляемые самовластием гетмана, возмущаемые произвольной раздачей с его стороны различным своим «похлѣбцамъ» людей и маетностей и увеличением податей и налогов, недовольные стеснительными мерами в отношении продажи в городах спиртных напитков, негодующие на гетмана за стремление его создать в Малороссии дворянское сословие, за введение ненавистной панщины, за постоянные сношения его с Москвой и за запрещение свободных сношений Малороссии с Запорожьем, малороссияне открыто выказывали свою ненависть к гетманским порядкам и, не стесняемые никем в Запорожьи, дали толчок здесь к народному брожению. Беспокойное настроение запорожской массы не замедлило сказаться весьма скоро.

В начале февраля месяца 1691 года приехал в Сичь стольник Афанасий Чубаров, подъячий Вонифатий Парфентьев и гетманские посланцы Глуховец и Харевич с царским жалованьем в 500 червонцев, несколько штук соболей и сукон, 500 бочек муки и собранных с Переволочанского перевоза 5000 золотых [5]. Приняв царские дары, запорожцы стали негодовать на то, что жалованья прислано им мало; один из куренных атаманов, взяв соболя, бросил их на землю и закричал: «Это жалованье не въ жалованье! Служимъ мы долго, а кромѣ этого ничего больше не выслужили! Такіе соболи мы и прежде видали! Пришли къ намъ москали, велятъ намъ съ туркомъ воевать, а сами съ ними мирятся». Другие козаки в тон куренному атаману кричали так: «Если такъ, то надобно старшихъ москалей побить или въ Чортомлыкъ посажать, остальныхъ въ городки отдать. Соболи присланы только четыремъ, а надобно присылать намъ всѣмъ, какъ донскимъ козакамъ присылаютъ. Велико жалованье прислали 500 червонцевъ! Намъ надо присылать по 5000» [6].

Едва успели отъехать из Запорожья царские посланцы, как в Сичь явился от Ивана Мазепы посланец Пантелеймон Радич. Радич послан был с гетманскими листами собственно в Крым с скрытой целью, как кажется, предупредить хана насчет замыслов Петрика, но с видимой — размена христианско-мусульманских пленных. Поездка Радича в Крым, вследствие неизвестности запорожцам настоящей цели ее, возбудила у них подозрение. Поэтому, когда Радич с товарищами прибыл в Сичь и, явившись на войсковой совет, подал там кошевому атаману гетманское письмо, то запорожцы, выражая негодование по адресу Мазепы, стали кричать: «Недавно гетманъ зневолилъ (насъ) своими письмами съ ордою розмириться, а теперь васъ посылаетъ въ Крымъ видимо о насъ торгуясь». Когда же Радич обратился к козакам с приличным на такой крик выговором, то козаки едва не прибили посланца и его спутников поленьями. Потом, собирая ежедневные рады, они хотели было вернуть посланца назад, не допустив его до Крыма. И только после многих крамол, собравшись на новую раду февраля 17 дня, постановили отпустить Радича к Кызыкерменю, причем нашли нужным послать вместе с ним собственного толмача с реестром забранных татарами в полон козаков [7].

В тот же день, т.-е. февраля 17 числа, кошевой атаман Иван Гусак написал письмо гетману Мазепе, в котором прежде всего просил прислать недополученное войском за прошлый год жалованье и дать известие относительно времени похода царских войск против неприятелей; затем упрекал его за гадячских мещан, являвшихся сперва в Сичь, а потом в город Батурин «для закупленія» Переволочанского перевоза; укорял за город Келеберду, куда запорожцы, благодаря распоряжению гетмана, не имели свободного права присылать на зимовлю своего «войскового арматнаго стада»; негодовал за раздачу на Украйне маетностей знатным товарищам

запорожского войска; требовал дать пристанища тем из козаков, которые, уйдя из Малороссии в Запорожье, много трудились на военном поле, а потом пожелали для отдохновения вернуться на родину; домогался присылки для низового войска, кроме 500 бочек муки, отрубей из всех мельниц полтавского полка; упрекал гетмана за то, что он дозволяет ходить двум парам лип (лодок) на Переволочанском перевозе на сотника и священника Переволочны, наконец, выставлял на вид то, что гетман только на словах, а не на самом деле, показывает запорожскому войску свою ласку и приязнь [8].

Еще не пришел ответ от гетмана запорожцам на такое письмо, как в Сичи произошло обстоятельство, взволновавшее все курени: это казнь кошевым атаманом Иваном Гусаком козака Матвеевца [9].

Об этом событии передает очевидец Емельян Доброскок так. Это было в четверг на второй неделе великого поста. В Деревянкинском курене был козак Матвеевец, в попойке веселый товарищ, на войне удатливый козак, много раз бывавший ватагом, не раз бравший в полон татар, доставлявший их в Москву и чрез все то стяжавший себе уважение от всех своих «куринчиковъ». Будучи однажды в Москве, Матвеевец виделся там с людьми имеретинского («милитинскаго») царя, которые приглашали его, когда он вернется в Сичь, набрать возможно большее число товарищества и идти к пределам имеретинской земли для покорения людей, не подчинявшихся имеретинскому царю, за что и ему самому и его дружине обещалась большая награда и добыча как лично от царя, так и от войны с неприятелями. Для верности дела один из людей царя, черкешанин, даже заключил договор с Матвеевцем. Вернувшись из Москвы в Сичь, Матвеевец получил от черкешанина «картку», в которой ему напоминали о его обещании послужить и показать радение имеретинскому царю. Тогда Матвеевец «пріохотилъ» многих товарищей, составил себе план похода и решил идти челнами сперва по Днепру, из Днепра рекой Конкой до вершины ее, от Конки, перевезя челны через поле на лошадях, до реки Калмиуса; затем по Калмиусу [10] снова в челнах до Азовского моря и, наконец, Азовским морем до самой земли имеретинского царя. Сообразив весь этот путь, Матвеевец стал просить кошевого о двух морских судах, какие минувшей осенью взяты были кошевым атаманом с низовым войском на Днепре у неприятелей после розмирья с ними. Кошевой атаман Гусак отвечал на тот раз Матвеевцу отказом, но пообещал ему исполнить его просьбу спустя некоторое время. Прошла зима; пошли весенние воды. Тогда велено было все суда, стоявшие ниже Сичи для защиты от турецких городов, взять под охрану. Матвеевец, видя, что его желание не исполняют, очень опечалился и, заметив один, стоявший под Сичью, дубовый челн, направил к нему своих товарищей, убогих «харпаковъ», изъявивших согласие ехать с ним в дорогу, чтобы они взяли тот челн и увезли его в дальние от Сичи

места. Но кошевой атаман Иван Гусак, узнав о том, потребовал к себе Матвеевца для допроса. Матвеевец пошел к кошевому не один, а взял с собой товарищей, куренного атамана Москальца, знатного товарища Остапца и около двух десятков простых козаков. Придя к кошевому, он стал спрашивать, зачем его звал кошевой к себе. Кошевой с гневом напал на Матвеевца за то, что он, без позволения, забирает челны и уходит из Сичи в неведомый путь. Матвеевец стал отговариваться, и кошевой, выйдя из себя, ударил его по щеке. Не стерпев обиды, Матвеевец схватил кошевого за грудь и стал с ним драться. За кошевого вступились куренные атаманы, за Матвеевца — его товарищи. Но сторона Матвеевца была перебита и перевязана. Матвеевца и его товарищей обвинили в бунте; троих бунтовщиков, самого Матвеевца, Москальца и Остапца сковали железными ланцюгами, но товарищи Матвеевца разбрелись, Москалец ушел; остались только двое — сам Матвеевец и Остапец. В пятницу второй недели великого поста кошевой Гусак собрал раду, на раде изложил преступление Матвеевца и спросил, какого наказания достоин он. Бывшее на ту пору низовое товарищество и куренные атаманы на такой спрос кошевого ответили, что Матвеевец и его товарищ достойны смертной казни. Тогда решено было осужденных казнить немедленно. Палач, татарский невольник, Матвеевцу немедленно отнял голову, и казненный того же дня был погребен на месте казни; но с Остапцом случилось удивительное чудо: несколько раз татарин ударил его по шее, но никак не мог отрубить ему головы: так и остался он недорезанным. Тогда товарищи взяли его на излечение и стали заживлять его раны. После этого войско запорожское стало негодовать и «похваляться на зомсту» (месть) на кошевого Гусака за то, что он, не дождавшись козаков, ходивших на днепровые луга и в другие места ради рыбной добычи, казнил всеобщего любимца, козака Матвеевца. Особенное неудовольствие высказывали на кошевого те триста человек козаков, которые занимались ловлей осетров в днепровских порогах: они «чинили великое прекаліе» на кошевого за то, что он такого человека, как Матвеевец, много раз бывшего в военных промыслах, осудил не по обычаю и поведению запорожского войска. Козаки находили, что Гусак казнил Матвеевца из зависти, боясь, чтобы войско не избрало его своим кошевым [11].

Гетман Мазепа о происшествии, бывшем в Сичи, донес царям особым листом, в котором высказывал свое негодование по адресу кошевого, называя казнь козаков варварским поступком со стороны Ивана Гусака: «Такого скораго и сурового каранья на Запорожьѣ отъ бывшихъ атамановъ кошевыхъ надъ проступками не бывало, знати (знать) то сей атаманъ Иванъ Гусакъ взялъ межи войскомъ низовымъ силу, что такъ поступити важился» [12].

Самим запорожцам гетман Мазепа в это время отправил обширный лист в виде ответа на посланное ими марта 17 дня

укоризненное письмо. На запрос запорожцев о времени похода царских войск против неприятелей, гетман отвечал, что на подобный вопрос он вовсе ничего не может отвечать, потому что разглашать о том преждевременно нельзя, чтобы не дать неприятелю времени собрать собственных для отпора сил; когда же окажется надобность в походе, то запорожское войско будет о том извещено царским указом и гетманским универсалом и за свои подвиги против бусурман получит монаршескую милость и гетманское доброжелательство. О гадячских мещанах, хлопотавших «о закупленіи» Переволочанского перевоза, гетман заявляет, что те люди много причинили ему неприятностей, досад и «ругательныхъ словъ» и потому гетман сам приносит на них жалобу в Кош. По поводу запрета присылки в Келеберду на зимовлю «войскового арматнаго стада» гетман отвечает, что он никогда в том войску никаких препон не делал и никаких пожитков с Келеберды себе не присваивал, и если запорожцы не всегда встречали там радушный прием от местного сотника, то причиной тому они же сами: приезжая туда на зимовлю, они держат себя там слишком надменно («всякій изъ нихъ высокимъ себя чинитъ тамъ») и много себе позволяют, причиняя людям немало кривды и неприятностей. Нужно, чтобы Кош, отправляя козаков из Запорожья в малороссийские города для отдохновения, посылал с ними, для удержания их от самовольства старших «крѣпостью умоцованныхъ», и чтобы те козаки располагались на жительство к своим родным и знакомым и не причиняли никаких неприятностей бедным людям. Что касается требований со стороны запорожского войска присылки ото всех мельниц полтавского полка отрубей, то об этом не было никаких распоряжений ни от прежних гетманов, ни от предшествовавших государей и потому в войско как посылалось, так и теперь посылается 500 бочек муки разом, не считая того, что дается по частям («на раздробь») всем запорожским козакам, приезжающим к гетману и уезжающим от него. Из перевозных же доходов гетман ни единого шеляга на себя не берет и все, что получается, отправляет в войско запорожское, исключая того, что зарабатывают перевозом две пары лип на божии церкви и на сотника в Переволочне, но и это установлено еще прежними гетманами, до уряда самого Мазепы. А что до раздачи заслуженным лицам из запорожского войска разных маетностей на Украйне, будто бы «для похлѣбства дѣлающейся», то и это неправда: еще со времени гетмана Богдана Хмельницкого и до Мазепиного уряда в малороссийских городах всегда значные и заслуженные добрые молодцы войска запорожского, не только на старшинстве бывшие, но и рядовые товарищи, кто того был достоин, «заживали», с царской и войсковой ласки, разные маетности, и теперь делается то же самое, нового же ровно ничего, и раздача таких маетностей никакого убытка войску запорожскому не причиняет. О внимании же и приязни гетман-

ской к запорожскому войску всем известно: гетман никогда никого из запорожских товарищей не отпускал от себя без подарков деньгами и сукнами и всегда старался у великих государей о прибавке войску запорожскому милостивого царского жалованья и теперь будет стараться о том же, лишь бы только запорожское войско, согласно своей присяге, верно служило монархам, не верило никаким клеветникам, которые вносят раскол и ссору между товариством низовым и гетманом и причиняют беды державе великих государей и вред отчизне Малой России [13].

Нельзя не заметить того снисходительного и заискивающего тона, в каком написано к запорожцам гетманское письмо. Оно и понятно: бегство в Запорожье Петрика, недовольства, отовсюду раздававшиеся на гетмана в Малороссии, волнения в самом Запорожьи сильно беспокоили Мазепу, и ему нужно было так или иначе успокоить запорожцев, а для этого следовало обратить их внимание на другую сторону. Гетман от имени великих государей послал представление кошевому атаману Гусаку оставить всякие раздоры и чинить промысл против врагов святого креста, для чего им дозволялось взять старые челны на реке Самаре у Новобогородицкого городка.

Но этот призыв не произвел должного действия на запорожский Кош. Против крымцев в это время действовали только так называемые охотницкие козаки. Руководимые каким-то сотником Юском да фастовским полковником Семеном Палием, они напали в начале весны на урочище Пересыпи, за Очаковым, на возвращавшихся «съ нѣмецкой войны до Крыма» татар, шедших под начальством двух салтанов — Девлет-Герая и Батырь-Герая. В этой стычке запорожцы многих неприятелей в плен забрали, многих покололи, немало добычи захватили и одного языка гетману Мазепе отослали, которого гетман в свою очередь отправил в Москву [14].

Сам вельможный Кош ответил гетману только в начале месяца мая. Для того отправлен был в город Батурин сичевой козак Федор Лях с обширным от всех запорожцев письмом. И тон, и содержание письма показывают, что запорожцы вовсе не думали смиряться перед гетманом и что они по-прежнему считали себя обиженными им. Прежде всего они потребовали от гетмана выдачи им пожалованных от государей челнов и необходимого количества для починки их железа и смолы, а потом разразились укоризнами на гетмана за построение Новобогородицкого городка, за утайку восьми тысяч «перевозныхъ грошей» от Переволочанского перевоза, за недоставку муки с мельниц Полтавского полка, за недозволение проживать запорожцам вместе с их арматными конями в Келеберде, за допущение гетманским посланцем Пантелеймоном Радичем, ездившим в Крым для размена пленных, захвата на реках Миусе, Калмиусе и Берде запорожских рыбных и соляных промышленников в бусурманскую неволю, когда, вследствие пущенного

Радичем преждевременного слуха о имеющем быть мире между Украйной и Крымом, те промышленники слишком далеко углубились в татарские урочища и были полонены бусурманами.

Многочисленные тайные агенты, которыми Мазепа наводнил Запорожье, поспешили отправить ему важные вести из Сичи и объяснить настоящее в ней положение дел. По словам таких агентов, в числе коих был какой-то «законникъ», запорожцы, после двухдневной рады, тайно отправили от себя двух куренных атаманов с товариством в Крым, с целью замириться с ханом; к тому подбивал их «проклятый» Петрик, который советовал запорожцам идти войной на Украйну и, оставляя в ней в покое посполитых людей, истребить всех панов да сердюков, захвативших на Украйне маетности, и поставить гетмана «съ своей руки» [15].

При всем том гетман старался держаться с запорожцами на мирной ноге. Он приказал воеводе Новобогородицкого городка передать запорожцам пожалованные им лодки, а от себя послал в Сичь четыре воза «гнучого» железа, 10 бочек смолы для поправки челнов; кроме того, на сооружение сичевой церкви пожертвовал сто золотых грошей, 12 бочек разного борошна, 10 полтей и 10 сал [16]. Что до обвинений, высказанных ему Кошем, то на них гетман отвечает по пунктам. Город Новобогородицкий построен не по гетманской воле, а по воле самих государей и жаловаться на это дело, столь спасительное для всех христиан в борьбе с бусурманами, нет никакого резона, скорее запорожцы могли бы быть недовольными за построение турками днепровских городов Шагингирея и Кызыкерменя, закрывших козакам выход на Черное море, нежели на сооружение Новобогородицка, возведенного не для утеснения запорожских вольностей, а для отражения бусурманских на Запорожье и на Украйну постоянных набегов. Недоплата перевозных денег от Переволочны — простое со стороны запорожцев недоразумение: запорожцам посланы деньги все сполна, и если бы было доказано обратное, то за утайку тех денег дозорца гетманский Иван Рутковский будет лишен жизни. Хлебные запасы, в количестве 500 бочек муки также все сполна отправлены в Запорожскую Сичь, сверх этого гетман немало роздал запасов хлеба частью отдельным лицам низового товариства, частью полевым ватажникам, частью тем «заслуженнымъ», которые, находясь в войске в нищете и убожестве, в городах проживали. Келеберда как была, ~~так и осталась~~ на положении всех городов Полтавского полка: гетман из нее ничего себе не берет, но ставить ли там одних коней арматных, а товариства не ставить — об этом не было и речи, потому что все города войсковым становищам подлежат. А что до захвата промышленных людей на Миусе и Калмиусе в бусурманскую неволю через преждевременное оглашение гетманским посланцем Радичем о имеющем быть мире между русскими и крымцами, то в том гетманский посланец не виноват нисколько, и кто пустил такую поголоску о мире

и тем причинил шкоду бедным людям, не взявшим чрез то мер предосторожности и ушедших далеко от своих пределов, за то пусть сам Господь Бог отомстит ему на его голове [17]. Пантелеймон Радич, посланный в Крым и в другие крымские «бусурманской владзы края о свободѣ невольничей», не выполнил своего поручения вследствие перемены бывшего хана и салтанов на новых и вернулся назад из Крыма с одним знатным татарином, которому дано было поручение всех бывших в малороссийских и великороссийских городах пленных татар зареестровать и доставить о том ведомость новому хану в Крым. Опасаясь некоторых «неуважныхъ людей» из запорожского войска, Радич, по собственной воле, нашел нужным в Запорожскую Сичь вовсе не заезжать, а от Кызыкерменя прямо к Переволочне пробраться. Сделал это он отнюдь не сообразуясь с волей гетмана, а по собственному желанию. Находясь в Крыму, Радич слыхал, что крымцы очень склонны заключить с русскими государями мир, но русские государи на тот мир, без согласия соседних государей, особенно польского короля, не согласны и потому запорожцам следует держаться того же положения в отношении крымских татар [18].

О своих сношениях с Кошем гетман сообщил в Москву, причем присовокупил к тому известие о бегстве «здрайцы» Петрика в Запорожье и «о переймѣ превратного его злоумія письма», писанного из Сичи в Малороссию к какому-то канцеляристу [19].

В одно время с тем, как велась официальная переписка между Кошем и гетманом, шла тайная «черезъ певныхъ и секретныхъ гетманскихъ посланцевъ» переписка между гетманом же и кошевым атаманом. Гетман, соблюдая строгую тайну, извещал Ивана Гусака о скорой и непременной войне России с Крымом и советовал кошевому ввиду того собрать запорожское войско «укупу» на Коше. Не имея оснований не верить гетману, Гусак собрал все войско до Коша и ждал с нетерпением, когда гетман объявит о походе во всеобщее сведение. Но так как проходили дни за днями, и гетман не объявлял никакого похода, то кошевой очутился в весьма затруднительном положении и с трудом мог удерживать на Кошу войско, которое, получая ничтожное жалованье и не имея никакой добычи, стало уходить к польскому королю на службу. Положение кошевого сделалось еще более затруднительным от того, что он в это же время должен был ладить с крымским ханом. Пользуясь печальным случаем захвата бусурманами на какой-то реке, вместе с челном, козака Искры и желая вызволить несчастного пленника из неволи, кошевой атаман Гусак, сообща с добрыми молодцами, отправил в Крым несколько человек товарищества с видимой целью заключить перемирие с Крымом, с действительной проведать о том, что делают в Крыму бусурмане и сколько осталось их дома. Пребывая с гетманом в прежней дружбе, кошевой с возвращением в Сичь из Крыма посланного товарищества, немедленно известил о том гетмана, а пока

наипокорно просил его сообщить секретным способом через щирых людей своих, как ему, кошевому, поступать с войском: если военного дела совсем не будет, тогда нечего войска и на Кошу держать, а нужно отпустить его на добычи, потому что до сих пор (до 5 числа июля месяца) ни козаки, ни чумаки, согласно гетманскому указу, не имеют позволения оставить Запорожской Сичи и идти в города на промыслы [20].

Каков пришел от гетмана Мазепы на запрос кошевого атамана ответ — неизвестно, но в конце того же июля месяца Мазепа отправил к царям грамоту о запорожском козаке Куленке с его товарищами, которые «во время сраженія съ калгой-салтановъ взяли одного языка», а в начале августа месяца сам получил тревожные вести о настроении запорожского войска. Августа 13 числа Мазепа послал из Батурина в Переволочну своего челядника к дозорце Ивану Рутковскому с приказанием достать в Днепре живого осетра и, «осоливши его добре», доставить его, как можно скорее, в город Батурин, куда гетман «на сей часъ сподѣвается къ себѣ гостя вдячного изъ Москвы».

Пользуясь таким случаем, дозорца Рутковский послал гетману Мазепе весть о делах и настроении запорожского войска. Жил за порогами Днепра, писал Рутковский, один «врѣльскій» [21] человек. Понимая письмо, он находился при божьей церкви; но потом, оставивши Запорожскую Сичь, вернулся к себе и от преданных гетману лиц, его гетманской особе слишком известных с некоторых пор, рассказал о «злостяхъ и шаленствѣ» Петрика, убежавшего на Сичь [22]. Петрик «прибираетъ» к себе кошевого с товариством, в особенности козаков того куреня, в котором сам живет, и подбивает их идти войной на Русь (т. е. Малороссию), пользуясь «теперешнимъ миромъ». «Я, говоритъ онъ, пане кошовый, горло свое ставлю, и велю мене на составы порубати, коли тобѣ вся Украйна, почавши одъ самой Полтавы, не поклонится; тилко хоть шесть тысячей озми (возьми) орди (орды) да пойдемъ въ городи: мене пошли впередъ съ килко сотъ конми въ Полтавщину,— я знатокъ, зъ якого конца зачати, да и дѣдусь мой не буде спати за свою зневагу, що его зкинули съ полковництва, а гетманъ заразъ на Москву утечетъ, бо тамъ его вся душа, а тутъ тилко тѣнь его, войску запорозкому; одни скарби (ы) въ Польшу сестрѣ отвезъ, а теперь на Москву другіе почавъ возити, та и самъ туди-жъ къ чорту покрутится, одно (лишь только) съ татарами перейдемо Днѣпръ. Якъ бувъ гетманъ на Москвѣ, такъ рокъ (рекъ), щобъ такій городъ посередъ Сѣчи поставити, якъ на Самарѣ побудовавъ». В другой раз тот же Петрик в разговоре с кошевым атаманом говорил так: «Пане кошовый, не помогутъ (— развѣ не помогутъ) намъ братя наше, которихъ сердюки — арендарѣ (-ре) да тіе дуки (богачи), що имъ царѣ (цари) маетности понадавали, мало живихъ (выхъ) не идятъ (ѣдятъ), едва почуютъ, що ты зъ войскомъ рушишся

зъ Сѣчи, то сами оны (они) тихъ чортувъ панувъ подавятъ, а мы же прійдемо на готовый ладъ, да и коло (около) самого гетмана есть тамъ добріе люди, которыхъ лѣпшъ (лучше) послухаютъ, нежели его самого, не знаючи допустятъ утекати зъ Москви, и такъ ему мало одного часу одъ нихъ не склалося лихо». На такие речи Петрика кошевой атаман Гусак различно отвечал ему, смотря по собственному настроению: коли был трезв, то журил Петрика и говорил ему так: «Покинь, Петре, не брыдь ледачого»; да и от стариков ему за такие речи доставалось в бороду. А когда кошевой был пьян, то и сам много ледачого говорил, и на тот час «статечные и зичливые» козаки принуждены были по необходимости молчать [23].

Посылая в Батурин такую весть, дозорца Рутковский просил гетмана отнюдь не открывать там имен тех «особъ, которые суть зичливые въ Сѣчи вельможности гетманской», потому что раньше того, когда кто-то из Батурина в Сичь сообщил о пересылке от какой-то особы для гетмана цидулки, то ту особу едва козаки не убили, и она «выкрутилась только чернецствомъ да священствомъ», т.-е. через монахов да священников.

Но гетман Мазепа, помимо дозорцы Рутковского, получал вести и от своего козака Сидора Горбаченка. Сидор Горбаченко прислал в Переволочну «цидулку» с какой-то загадочной формулой: «Тотъ писалъ — хто читавъ, а гдѣ скрыто — мало хто вѣдаетъ» и, по-видимому, давал ответ Мазепе по поводу его требования о выдаче «запорожца» (конечно, Петрика), которого козаки не желали выдавать гетману.

Запорожцы, ничего того не подозревая, показывали свое расположение гетману Мазепе и обращались к нему с просьбами о даровании им разных милостей. Так, осенью того же 1691 года от кошевого атамана Ивана Гусака и всего запорожского низового войска отправлены были в город Батурин два куренных атамана Ничипор да Яков с писарем, асаулом и с товарищами на 60 конях для поездки в Москву за получением там годового войску запорожскому жалованья. Гетман беспрепятственно пропустил из Батурина в столицу запорожское посольство в полном его составе и получил за то благодарность от всего низового войска. Выражая свою признательность за возможность войсковым посланцам «обачить монаршескія очи», запорожцы вслед за тем отправили к самому гетману двух козаков Петра Гука и Ваську Переяславского куреня с новой благодарностью за присланное белое железо для церкви и напоминали Мазепе о его обещании прислать для сичевой церкви «намѣстныхъ» образов, белого железа на две «бани», т. е. на два купола («желѣза того было 600 и 3 аркуши»), и на другие церковные потребы, а также доставить кресты, невод и за прошлый и настоящий год запасы. «И то вельможности вашей сообщаемъ, что въ грошахъ великій барзо стался бракъ, такъ что за чехи ни въ коемъ случаѣ нельзя купить борошна: эти чехи находятъ гладкими

и потому негодными. Мы-же ихъ не куемъ, и откуда они приходятъ, туда и отходятъ. Теперь-же отъ приходящихъ къ намъ изъ Украйны людей пущена, ради ихъ наживы, такая молва, что какъ арендари, такъ и полковники принимаютъ деньги только на выборъ, а ватажане, понадававъ намъ чеховъ то за рыбу, то за иную добычь, потомъ за борошно вновь не хотятъ брать. У насъ ходитъ монета, подобная той, какая ходитъ на Руси (т. е. въ Малороссіи), и мы иной не имѣемъ монеты — ни талеровъ, ни червонныхъ золотыхъ. Черезъ это ватажане съ Руси (Малороссіи) перестали ходить къ намъ, и мы не знаемъ, сдѣлано-ли то по рейментарскому указу, или сталось то безъ рейментарскаго указа». Об этом кошевой Иван Гусак просил гетмана дать свой ответ войску, а пока благодарил его вельможность за какой-то «подаруночекъ» и извещал о том, что салтан с ордой, лишь только станет Днепр, имеет намерение вторгнуться за Днепр [24].

Запорожское посольство выехало из Сичи сентября 22 дня с извинительным листом от всего низового войска к пресветлейшим державнейшим великим государям за то, что войско без указа и маестаты великих монархов с бусурманами перемирие заключили: то сделано было ради нужды, бедности и убожества запорожцев, а теперь, согласно указу великих монархов, запорожцы готовы за православную веру кровь свою проливать и за государево величество жизнью своей жертвовать [25].

Так прошла осень и настала зима. Запорожские козаки, отвлеченные на время мелкими походами против татар, с наступлением зимы вернулись к своим куреням и зимовникам, и тут снова вышло на сцену дело бывшего малороссийского войскового канцеляриста Петрика: Петрик, теперь уже не скрывая своих планов и намерений, начал открыто делиться своими мыслями с передовыми козаками запорожского товарищества и старался, так или иначе, поднять все войско против Москвы и ненавистного малороссийскому народу гетмана Мазепы. Слова Петрика подхватывались тайными агентами гетмана Мазепы, находившимися в Сичи, передавались его дозорце Рутковскому в Переволочну и из Переволочны доносились в Батурин. Рутковский, извещая гетмана о затеях Петрика, прибавлял, что, по собранным из достоверных источников сведениям, под гетмана подкапывается генеральный писарь малороссийского войска Василий Кочубей, имеющий виды на гетманскую булаву. Этот Кочубей для того и Петрика в Сичь послал: «Знаю, что гетманъ не будетъ живъ, говорилъ наединѣ одному полтавцу Петрикъ, отъ моего пана писаря: писарь хотелъ, усмотря время, его заколоть, и я живу каждый день, ожидая о том вѣдомости» [26].

Не дождавшись, однако, вести от Кочубея и не встретив полного и решительного сочувствия от запорожских козаков, Петрик внезапно и тайно от всех, кроме самого кошевого атамана Гусака, ушел после Егорьева дня из Сичи в турецкий город Кызыкермень;

за ним последовало около 60 человек запорожских козаков и в числе их козак Василий Бузский. Целью поездки Петрика в Кызыкермень было поднять татар против Москвы за освобождение Украйны, так как в Запорожьи он нашел недостаточное число сочувствующих его предприятию людей.

Прибыв благополучно в Кызыкермень, Петрик спустя неделю написал оттуда запорожцам письмо. В том письме он просил прощения у товарищества за то, что ушел из Сичи без ведома войска, благодарил за хлеб, за соль и за избрание его в войсковые писаря, а после всего того изложил низовому войску весь свой план, ради которого он оставил Украйну, бежал в Запорожье и из Запорожья ушел в Кызыкермень: «Часто многимъ изъ васъ говорилъ я, въ какомъ опасеніи отъ разныхъ непріятелей пребываетъ нашъ малороссійскій край и до какого приходитъ упадка, благодаря ненавистнымъ владѣтелямъ; и говорилъ, чтобъ вы промыслили объ этомъ усердно; но такъ какъ никто не хотѣлъ приняться за дѣло, то я сталъ за войско запорожское и за весь малороссійскій народъ, для чего вошелъ въ государство крымское; когда предки наши жили съ этимъ государствомъ в союзѣ, то никто намъ не смѣялся, а теперь всѣ вы, добрые молодцы, будете довольны договоромъ, который я заключу съ Крымомъ» [27].

Запорожские козаки, получив Петриково письмо, собрались на раду и на ней стали говорить, что Петрик неспроста ушел в Крым и что про то, вероятно, знает кошевой атаман. Кошевого атамана стали «истязать» (допрашивать), но он клялся, что о замыслах Петрика не знает ничего. По прочтении Петрикова письма между запорожцами произошел разлад: одни, главным образом старшина, отвергали предложение Петрика войти в союз с крымцами; другие, большей частью чернь или сирома, объявляли, что они готовы войти с ним и с крымцами в союз и идти походом на государевы украинные города. Рада окончилась тем, что кошевой атаман Иван Гусак написал Петрику письмо и в том письме спрашивал его, кто послал его из Малороссии в Запорожье и имеет ли он от человека, который его послал, какие-нибудь листы и если имеет, то кому писаны те листы [28].

Сам Петрик между тем из Кызыкерменя переехал в Крым. Явившись в Крым, он обратился за содействием в своих планах к крымским мурзам; но мурзы, за исключением немногих лиц, отнеслись к предложению Петрика слишком легко и устроили для него самое лучшее, чего он особенно желал — свидание с ханом наедине. Представ пред ханским лицом, Петрик сразу ему объявил, что он прислан в качестве доверенного лица от всего войска запорожских козаков с предложением заключить общий союз для совместного похода под города московского царя. Кроме Запорожья хан может вполне надеяться и на всю Украйну, горевшую ненавистью против Москвы за введение ею порядков, ненавистных жителям всех малороссиї

ских городов. Счастье неожиданно помогло просителю: в это время к Петрику из Украйны пришли какие-то четыре козака, и находчивый писарь уверил хана, что то прибыли полномочные малороссийские люди просить у крымцев помощи против москалей. Хану такая просьба вполне по сердцу пришлась: перед этим он вел с Москвой переговор о том, чтобы заключить обоюдный мир, но так как условия, предложенные Москвой, не понравились ему, то он только ждал случая, чтобы отомстить Москве. К тому же хан никак не мог забыть и двух походов русских на Крым.

Во все время, пока Петрик хлопотал в Крыму, запорожские козаки были с гетманом Мазепой на мирной ноге. На ту пору у них состоял кошевым атаманом Федько. Кошевой Федько извещал гетмана малороссийских козаков, что запорожцы приняли у себя царского гонца Василия Айтемирова и гетманского гонца Василия Велецкого, отправленных вместе с сотником Якимом Кнышом к хану в Крым. Для безопасности гонцов запорожский Кош отрядил двух значных козаков Ивана Лотву да Якова Ворону, которые, проводив гонцов в самый Кызыкермень, от Кызыкерменя вернулись вместе с Якимом Кнышом назад. Теперь, отпуская от себя Кныша, запорожцы заносят гетману жалобу на его дозорцу Рутковского, который еще с зимы не пропускает в Сичь ватаг, идущих с борошном за рыбной добычей на Низ. Весь запорожский Кош просил гетмана избавить козаков от подобных своевольств и напоминал ему о его обещании прислать черного железа на церковную потребу и ланцюгов для поднятия крестов на сичевой храм. Кроме того, запорожский Кош заносил свою жалобу на некоторых малороссийских козаков, которые, ходя на бесбашей, причиняют крымскому ханству много шкод и тем дают повод для татар накекать на низовых козаков, будто бы те шкоды причиняют ни кто другой, как именно запорожские козаки. За всем тем кошевой атаман Федько подавал гетману Мазепе весть о назначении в Кызыкермень беем Кеенан-мурзы, который перед тем был в Москве и потом, находясь проездом в Сичи, «мило вспоминалъ гетманское рейментарское имя», а теперь из города Кызыкерменя пишет гетману свой лист [29].

Тем временем Петрик успел добиться того, о чем он так усердно хлопотал Горячая речь, большая находчивость, смелый план увлекли хана войти с ним в союз, и хан заключил с Петриком, как представителем всего войска запорожских козаков, формальный договор. После заключения того договора Петрик апреля 11 дня принес от себя присягу «на вѣчный отъ войска запорожскаго крымскому панству покой».

«Я, Петръ Ивановичъ, писарь войска запорожскаго низового, присягаю всемогущему Господу Богу во святой Троицѣ единому, и пресвятой Дѣвѣ Маріи и всѣмъ святымъ, что, соболѣзнуя о потерѣ и послѣдней пагубѣ отъ явной и несомнѣнной съ разныхъ сторонъ происходящей опасности милой отчизнѣ нашей Малой

Россіи и всѣмъ, въ ней находящимся обывателямъ и желаетъ сохранить, при всемогущей помощи Бога, цѣлость ея, писалъ я нѣсколько разъ, ради учиненія съ крымскимъ царствомъ вѣчного мира, до писаря кызыкерменскаго Шабана и теперь пишу до его милости пана кызыкерменскаго бея. То все я на вѣчное время, до конца моей жизни, додержу и буду стараться привести къ тому всѣхъ имѣющихъ при мнѣ быти властей. Между нами, войскомъ запорожскимъ и царствомъ крымскимъ, будетъ вѣчный миръ и братерская згода, мы будемъ другъ друга оборонять отъ всякихъ, съ какихъ бы сторонъ не наступали, непріятелей, и кому будетъ наяснѣйшій ханъ его милость и все крымское царство пріятелемъ, тому и мы будемъ пріятелемъ, а кому будетъ непріятелемъ, тому и мы непріятелемъ, также кому мы будемъ пріятелемъ, тому и царство крымское имѣетъ быть пріятелемъ, а своевольныхъ людей будемъ укрощать съ обѣих сторонъ правомъ призвоитымъ. Все это я въ цѣлости додержу и никакого пункта не нарушу, въ чемъ мнѣ, Боже, да помоги. А если-бъ съ моей стороны была настоящему миру какая-нибудь отмѣна, то пусть меня на душѣ, и на тѣлѣ, и въ замыслахъ Господь Богъ покараетъ. Аминь. Вышеименованный писарь Петр Ивановичъ» [30].

Мая 18 числа Петрик написал на имя кошевого атамана Федька другое письмо и в нем изложил самые статьи договора, которые он с крымским ханом учинил. В тех статьях было сказано так: по освобождении Украйны из-под ига Москвы Ахтырскому и Сумскому полкам со всеми городами и принадлежностями их быть под властью войска запорожских козаков; Харьковский и Рыбинский полки на чигиринскую сторону перевести; чигиринская сторона имеет быть в границах, как ее Хмельницкий с ордой завоевал, и также должна под власть запорожских козаков поступить. За ту подмогу Петрик вместо воздаяния обещает всем татарам Муравские шляхи отворить [31]. Заканчивая самое письмо, Петрик говорил так: «Кто хочетъ — добывай себѣ рыбу, соль и звѣря, а кто хочетъ добычи московской, пусть идетъ съ нами, потому что мы скоро съ войскомъ запорожскимъ и съ ордами пойдемъ у Москвы всю Украйну отбирать» [32].

Того же месяца мая, 27 числа, Петрик послал в Сичь кошевому атаману Федьку третье письмо, в котором извещал запорожское войско, что сам хан ушел воевать немцев [33], а на Украйну вместо себя послал калгу-салтана, который скоро будет в Каменном Затоне, куда для заключения договора должны приехать кошевой атаман и представители от всего запорожского войска.

Независимо от Петрика писал кошевому сам калга-салтан. Он извещал Федька, что, хотя вследствие сборов хана в турецкую землю замедлил выходом из Крыма, тем не менее вскоре с войском крымским, ногайским и черкесским, с братом своим Маберек-Гераем и с Яман-Сагайдаком, готов идти «на потребу» запорожского войска. Относительно запорожских посланцев, отправленных от вой-

ска в Крым для обоюдного размена пленных людей, калга-салтан писал, что хотя они несколько времени, вследствие военных в Крыму сборов, и были задержаны на месте, но тем не менее в тот день, когда татары выйдут из Крыма, выйдут вместе с ними и сичевые посланцы. Что же касается самих полоняников, то калга-салтан просил нисколько не сомневаться на этот счет: за них много раз ходатайствовал пан писарь Петро, и как только татарское войско дойдет до Каменного Затона, то о таком деле салтан нисколько не постоит и надеется и другие вопросы к обоюдной пользе свести [34].

Запорожцы, получив письма Петрика и калги-салтана, по-прежнему разделились на две партии: партию сиромы и партию старшин. Первая партия принимала предложение Петрика и намеревалась идти на Украйну с тем, чтобы бить там богачей-дуков и арендарей — грабителей; вторая партия отвергала предложение Петрика и не соглашалась с первой. В то время кошевым атаманом был все еще Федько. Старшина нашла, что кошевой не умеет управлять страстями черни и потому решила выбрать вместо него нового кошевого. Федько сперва противился такому решению, но когда козаки бросились за поленьями, то он поспешил отказаться от своего звания и тогда вместо него выбран был прежний кошевой атаман Иван Гусак. Зная настроение массы, Гусак сперва отказался было от предложенной ему чести и привел козакам такое сравнение: «Теперь, когда свѣтъ зажженъ, вы меня въ этотъ огонь гоните, чтобъ я гасилъ его: кто такое дѣло началъ, тотъ пусть и кончитъ». Но потом, в силу настояний всего товарищества, Гусак взял булаву в руки и поспешил успокоить войско [35].

Гетман Мазепа, имевший много врагов на Украине, хотел было воспользоваться затеей Петрика и уничтожить одного из своих скрытых недоброжелателей генерального писаря Василия Кочубея: будучи сам «Махіавель и хитрый лисъ», как называли его запорожцы, Мазепа всю затею Петрика взвалил на плечи Кочубея. Последнему грозила неминуемая беда, но он в июне месяце написал оправдательный лист киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому и в нем клялся и душой, и телом, и имуществом, что он неповинен «в зломъ начинаніи» Петрика, несмотря на клевету, которую распускают его враги.

«Его милость (гетманъ Мазепа) какъ сначала сталъ связывать бѣгство Петрика съ моимъ именемъ, такъ и теперь свого вымысла не выпускаетъ изъ головы, а различные клеветники подтверждаютъ возводимую на меня ложь. Они говорятъ, во-первых, будто-бы я далъ ему, Петрику, на приведеніе какихъ-то моихъ замысловъ полторы или три тысячи золотыхъ денегъ, для подтвержденія чего присланъ былъ изъ Полтавщины одинъ хлопецъ, служившій при Петрикѣ, но раньше того бывшій въ Запорожьи и будто бы слыхавшій въ Сичѣ о полученіи тѣхъ денегъ изъ устъ самого Петрика; но

только когда хлопца спросили о томъ здѣсь (въ Батуринѣ) канчуками, то онъ отклонилъ отъ меня такую напасть; во-вторыхъ, прошлой зимой донесено было изъ Полтавщины, будто несомнѣнно я далъ тому Петрику деньги и не три тысячи золотыхъ, а двѣ тысячи червонныхъ золотыхъ; въ-третьихъ, донесено кіевскому полковнику, что какой-то запорожецъ говорилъ, будто бы я далъ Петрику въ руки денегъ въ битыхъ талерахъ 30 000 золотыхъ; въ четвертыхъ, полтавскій протопопенко, будучи въ Кызыкерменѣ, донесъ ясневельможному о слышанномъ тамъ, будто я по два или по три раза посылалъ свои листы до крымскаго хана, затягивая его на войну противъ христіанъ». Во всем этом Кочубей считал себя совершенно неповиннымъ и «пренаикрѣпчайше просилъ у митрополита отческаго милостиваго себѣ заступленія, превысокого представительства и премудраго предложенія, абы человѣка без суда и розыска не изгубили и не испровергнули» [36].

Тем временем Петрик вновь написал июня 22 дня из Акмечети (Симферополя) к запорожскому войску письмо и в нем снова возбуждал козаков к восстанию против московского правительства, малороссийского гетмана и призывал к союзу с Крымом.

«Не разъ открыто говорилъ я вамъ, старымъ и меньшимъ, добрымъ молодцамъ, въ какой опасности обрѣтается нашъ малороссійскій край и до какого упадка приходитъ отчизна наша чрезъ ненавистныхъ монарховъ, среди которыхъ мы подлинно житіе свое имѣемъ: какъ львы лютые, рты свои разверсши, хотятъ поглотить насъ о всякое время, т. е. учинить своими невольниками. И недивно, что такъ поступаетъ король польскій, потому что мы издавна были его подданными и, за божіею помощью, съ ордами при Хмельницкомъ выбились изъ подданства и такой ему причинили уронъ, отъ котораго онъ и по сіе время не можетъ оправиться и всѣми силами старается, какъ бы снова взять въ подданство малороссійскій народъ, и черезъ насъ отомстить за учиненную ему обиду. Ханъ крымскій за то на насъ враждуетъ, что мы ему и всему его государству, живя въ сосѣдствѣ съ давнихъ поръ на полѣ и на водѣ чинили бѣду въ людяхъ и добычахъ, какъ и теперь чинимъ. Не удивительно, что московскіе цари, которые не черезъ мечъ нами завладѣли, перевели нашъ край чигиринскій на заднѣпровскую сторону, обсадились нашими людьми со всѣхъ сторонъ, и откуда бы ни пришелъ непріятель, наши города и села попаливъ, нашихъ людей въ неволю набравъ, возвращаются назад, а Москва за нами, какъ за стѣною, цѣла и всѣмъ этимъ не довольствуясь, старается всѣхъ насъ сдѣлать своими холопами и невольниками. Для этого первыхъ нашихъ гетмановъ Многогрѣшного и Поповича (Самойловича), которые за насъ стояли, забрали совсѣм въ нѣволю, а потомъ и насъ всѣхъ хотѣли взять въ вѣчное подданство, но имъ Господь Богъ, ради невинныхъ нашей братіи душъ, не помогъ привести въ исполненіе своихъ замысловъ: они хотѣли разорить Крымъ, осадить своими

людьми кызыкерменскіе города, потомъ прогнать насъ изъ Сѣчи и учинить по городамъ воеводъ. Не могши исполнить этого, они позволили нынѣшнему гетману пораздавать городовой старшинѣ маетности, а старшина, подѣлившись нашею братіей, позаписывали ихъ себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчность и только что въ плуги не запрягаютъ, а уже какъ хотятъ, такъ и поворачиваютъ, точно невольниками своими. Москва для того нашимъ старшимъ это позволила, чтобъ наши люди такимъ тяжкимъ подданствомъ оплошились и не противились москалямъ исполнять надъ нами свои замыслы, т. е. учинивъ по городамъ воеводъ своихъ, взять насъ въ рабство вѣчное: когда наши люди отъ такихъ излишнихъ податей и тяжестей замужичѣютъ, то Москва Днѣпръ и Самару осадитъ своими городами, какъ уже въ Орликѣ городѣ и на Самарѣ въ двухъ городахъ москалей посадили, а въ это лѣто надъ Днепромъ въ Протовчѣ и на Самарѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ города чинить имѣла. Къ тому-же я вамъ, добрымъ молодцамъ, много объявлялъ, что король польскій, имѣя досаду на царей московскихъ за то, что они не воевали Крыма, хотѣлъ съ ордами идти на Москву, но прежде отобрать въ свое подданство нашу Украйну. Если-бы это ему удалось, то хорошо-ли-бы намъ было? Сами вы, добрые молодцы, подлинно знаете, что дѣлалось при Чарнецкомъ и при другихъ панахъ лядскихъ, которые приходили на нашу Украйну, какъ они насъ мучили. Не бывали-ли братья наши на колахъ, въ прорубяхъ въ водѣ, не принуждены-ли были козацкія жены дѣтей своихъ въ вару варить, не поливали-ли ляхи людей нашихъ на морозѣ, не сыпали-ли они огонь за голенища, не отнимали-ли жолнѣры имѣнія? Этого ляхи еще не забыли и теперь готовы тоже самое надъ нами дѣлать. А если-бы московскіе цари заключили миръ съ крымским ханомъ, для чего уже и посла своего в Крымъ послали, а насъ своими городами надъ Днѣпромъ и надъ Самарою осадили, то развѣ не исполнились-бы ихъ замыслы, то развѣ не сдѣлали-бы насъ сперва паны, а потомъ москали какъ птицу, хотя крылья и имѣющую, но ощипанную и развѣ спокойно не учинили-бы насъ своими вѣчными невольниками. Если-бы король польскій или цари московскіе съ крымскимъ ханомъ помирились, то къ кому-бы намъ было приклониться, кто-бы намъ въ такой бѣдѣ подалъ помощь? Если и нынѣ, когда мы за Москвой находимся, татары берутъ насъ въ неволю и кто какъ хочетъ, такъ и пользуется, то тогда еще больше брали-бы и пользовались, а въ городахъ кызыкерменскихъ вы вновь давали-бы отъ звѣрей и отъ рыбъ десятину, а отъ соли и отъ котла по полуефимку. Много разъ, во время моего пребыванія в Сѣчѣ, я совѣтовалъ вамъ, добрымъ молодцамъ, взяться за такое дѣло и не допустить до послѣдняго упадка и до крайней опасности нашу любезную отчизну Украйну; но такъ какъ никто изъ васъ взяться за то и стоять за своихъ людей не захотѣлъ, а уже много разъ наша Украйна имѣла быть заневолена, то я, оставивъ отца своего, жену, дѣтей, род-

ственниковъ, съ немалою маетностію, пришелъ къ вамъ, добрымъ молодцамъ, на Запорожье и, призвавъ нынѣ Господа Бога и пречистую Его Матерь, христіанскую заступницу, на помощь, взялся за то дѣло... А потомъ, пріехавъ въ Қызыкермень, договорился объ учиненіи мира съ беемъ, его милостью Қеенанъ-мурзою. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Перекопъ, тѣ статьи и присягу, которыя чинилъ въ Қызыкерменѣ, я подтвердилъ на вѣчныя времена съ наияснѣйшимъ ханомъ его милостью и со всѣмъ государствомъ крымскимъ. Это видѣли очами своими и ваши посланцы Леско Сыса съ товариствомъ и вамъ, добрымъ молодцамъ надѣюсь, уже пересказали. Богъ видитъ, что не для своей славы, а для цѣлости и обороны малороссійскаго нашего края, для помноженія и охраненія вольностей запорожскаго низового и городового и для вольной войсковой на Днѣпрѣ добычи я началъ это дѣло. А чтобъ вамъ, добрымъ молодцамъ, славному войску запорожскому, все то отъ мала до велика было вѣдомо, посылаю пункты и присягу свою вашей милости. Тѣ пункты и присягу я учинилъ именемъ всей Украйны и всего запорожскаго войска и далъ ихъ государству крымскому, а его милость Қеенанъ-мурза-бей свои статьи и присягу далъ отъ всего Қрыма. И то все я вамъ посылаю. Тѣ статьи отъ слова до слова вы можете вычитать въ посполитой радѣ и въ нихъ, какъ я разумѣю, вы ничего вреднаго для себя и отчизны нашей любезной не найдете. А если-бы изъ милостей вашихъ кто-либо сказалъ, для чего мы имѣемъ воевать своихъ отцовъ, матерей, женъ и пріятелей и куда мы, разоривъ нашъ край, дѣнемся или кто дастъ намъ тогда хлѣба; то не дай, Боже, чтобы мы воевали свою отчизну, и я вамъ, добрымъ молодцамъ, предлагаю, какая-же то добрая птица, которая мараетъ и разоряетъ гнѣздо свое и что то за добрый господинъ, который воюетъ свою отчину? Когда-же придемъ къ Каменному, то ваша милость, добрые молодцы, кто захочетъ съ нами идти въ нынѣшнюю дорогу и пособить компаніи, тутъ-же изъ Сѣчи прибывайте, и мы будемъ имѣть съ вами совѣтъ, куда намъ съ ордами идти, дабы городамъ своимъ, селамъ и людямъ въ нихъ находящимся, никакой и самой малѣйшей обиды не учинити, ибо не для того начали мы дѣло, чтобы своихъ людей воевать, а для того, чтобы при помощи божіей, освободить ихъ и себя отъ москвичей и пановъ нашихъ грабительной неволи. А какъ, за благоволеніемъ и помощью Бога и за вашимъ войсковымъ вѣдомомъ и совѣтомъ, это дѣло окончится, то вы сами, какъ разумныя головы, разсудите, лучше-ли быть въ неволѣ или на волѣ, лучше-ли быть чужимъ слугою или себѣ господиномъ, лучше-ли быть у москаля или у поляка невольникомъ мужикомъ, или лучше вольнымъ козакомъ. Ибо когда славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницкій съ войском запорожским и съ ордами изъ-подъ лядскаго ига выбился, то не добро-ли нашей Украйнѣ дѣлалось? Или не было-ль у козаковъ злата, серебра, добрыхъ суконъ, коней и иной скотины? А когда мы стали

московскимъ царямъ холопами, то наша чигиринская сторона пришла въ полное разореніе, а насъ перегнали на сю сторону Днѣпра, то ни у одного нашего брата не только животовъ, но и лаптей не стало; большая часть нашей братіи очутилась въ московскихъ городахъ заневоленной и всякій годъ берутъ ихъ тамъ татары вмѣсто дани въ тяжкую крымскую неволю, о чемъ не стоитъ и писать много, потому, что сами вы, добрые молодцы, знаете, какъ дѣлалось сею зимой въ полку Переяславскомъ, а раньше того въ полку Харьковскомъ подъ Зміевымъ и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, объявляю вашимъ милостямъ и то, что господинъ заднѣпровскій гетманъ, по совѣту всѣхъ полковниковъ, тайно прислалъ ко мнѣ человѣка съ такимъ словомъ, какъ только мы съ ордами къ Самарѣ приблизимся, то всѣ они отъ Москвы имѣють отстати и, соединясь съ нами, пойдутъ воевать Москву; этотъ человѣкъ и теперь при мнѣ обрѣтается, и я вашимъ милостямъ, какъ дастъ Господь Богъ придти къ Каменному, покажу его вамъ, а что онъ говорилъ тутъ подъ присягою, то слышали ваши посланцы и вашимъ милостямъ, прибывъ въ Сѣчу, изустно и подробно обо всемъ скажутъ. Поэтому будьте, ваша милость, во всемъ надежны и безопасны, и кому люба благостыня, и вѣра своя, и отчизна, свобода женъ, дѣтей и родственниковъ отъ московской неволи, идите съ нами. Если-же кто хочетъ идти въ добычу на рыбу, соль и звѣря, то пусть идетъ внизъ Днѣпра, на Молочную, на Берду, на Богъ-рѣку, куда кто захочетъ, только берите съ Коша письма, дабы о васъ вѣдало крымское государство, чтобы отъ васъ не было Крыму и городкамъ какого нибудь убытка, а отъ Крыма и отъ городковъ вамъ не только не будетъ не малой обиды и убытка, но даже и волосъ съ головы вашей не пропадетъ. А салтанъ, его милость, отпуская впередъ себя Батырчу-агу и нѣсколько мурзъ, отпускаетъ къ вашей милости и одного вашего посланца Ивана Щербину, а другого Якова Ворону, отпуститъ, когда самъ за Перекопъ выйдетъ. А въ слѣдъ за Батырчей-агой идетъ и самъ калга-салтанъ, и какъ прійдетъ къ Каменному-Затону, тамъ обо всемъ будетъ словесная рѣчь и дума» [37].

В том же іюне мѣсяце, как рассказывал об этом старосанджаровский житель, освободившийся из крымской неволи, Никита Антоненко-Сластюн, крымский хан, вместе с калга-салтаном, Батырча-мурзой, многими беями и мурзами и другими крымскими начальниками, выехал в Черную долину в самый понедельник зеленых святок и, находясь в разстоянии одной или полуторы мили от Перекопа, учинил на открытом месте раду. На другой день после той рады калга-салтан призвал к себе из Перекопа Петрика, бывших с ним 15 человек козаков и несколько человек запорожцев, нарочно из Сичи в Крым присланных для освобождения из неволи пленников и в числе их Никиты Антоненка-Сластюна. Когда Петрик, по тому зову, прибыл из Перекопа в Каланчак, то его немедленно объявили гетманом всей Малороссии и дали ему хоругвь большую, прапор

малый, бунчук с конским хвостом, пернач серебряный, чугу златоглавую [38] и коня с полным прибором турецкого; ближнему советнику Петрика [39] коня и чугу одну; пятнадцати козакам его и приехавшим для освобождения из неволи полоняников запорожцам дали по одному киндяку и по паре сапог сафьяновых. На другой день после этого Петрик призвал к себе всех запорожских посланцев и освобожденного из неволи Никиту Антоненка-Сластюна и, выпивая вино, стал говорить им, что чрез него имеет начаться такая война, во время которой отец на сына, сын на отца пойдет; но все это он усмирит, только бы пристало к нему войско низовое. Говорил он и то, что переселит жителей с левой стороны Днепра на правую и сделает свободными всех от аренд, индуктов, сердюков, подвод, ральцев и других повинностей. Передавал он и то, что надеется получить помощь в малороссийских городах и что имеет больше поводов сердиться на Кочубея, чем на Мазепу.

После объявления Петрика гетманом, хан поехал против маджаров (венгров), а калга-салтан, Батырча-мурза и Петрик решили идти к Каменному Затону, несколько выше Чортомлыцкой Сичи у левого берега Днепра, там, где речка Конка впервые впадает в Днепр [40]. Прежде прихода к Каменному Затону Петрик отправил письмо к Ивану Гусаку с требованием, чтобы кошевой встретил его в Каменном Затоне с хлебом-солью. На это кошевой послал Петрику ответ, что кто его отправил в Крым, тот должен и встречать, а как кошевой его не посылал, то не намерен его и встречать. Самому калге-салтану кошевой отписал, что запорожцы, соблюдая верность царскому пресветлому величеству, до Петриковой душегубной прелести не склоняются, отчизны своей воевать с ним не станут, а калгу-салтана просят, чтобы он Петрика, как Иуду и изменника, и близко не приводил к ним. После Петрова дня пришел сперва на Каменный Затон Батырча-мурза с 5000 татар, а за ним калга-салтан и сам Петрик с 15 000 татар и 12 человеками запорожских козаков [41].

Прибытие Петрика в Каменный Затон, как и следовало ожидать, произвело в Запорожьи большое замешательство среди козаков, и если они не пошли навстречу татар, то тому был причиной кошевой Иван Гусак, человек твердой воли и прозорливого ума. Не желая ставить себя в открытую вражду против татар, он поспешил «поновить» с крымским юртом и с турскими на Днепре городками мир на том, чтобы козакам вольно было на низовьях Днепра добываться рыбными ловлями и соляными промыслами. В то же время он твердо решил так или иначе отвратить запорожскую чернь от предприятия Петрика. Между тем в Запорожье уже начиналось настоящее брожение умов. Пользуясь поновленным с бусурманами миром, одна ватага запорожских козаков, предводимая каким-то полковником, двинулась было к низовьям реки Днепра с намерением подать известие тем товарищам своим, которые раньше того ушли

в немалом числе на промыслы к лиману Днепра. Но этому движению воспрепятствовали сами бусурмане, которые не хотели пустить двигавшейся ватаги козаков мимо турецких на Днепре городков, и тогда полковник, руководивший ватагой, остановился на острове, называемом Носоковским, и стал принимать к себе всех приходивших к нему людей. Другая ватага выбралась было сухим путем возами для соляной добычи к Азовскому морю на урочище Берды. Кошевой атаман эту часть промышленных козаков велел остановить и впредь до будущего рассмотрения своего в Каменном Затоне задержать. Но только эта ватага, собрав большой табор возле себя, стала ждать прихода Петрика и татар и потом хотела идти на Молочные Воды и на Берды. Тогда кошевой Гусак объявил, что кто дерзнет идти ватагой из Каменного Затона, того он прикажет «жестокою висѣлицею наказать». Третья ватага числом около 500 человек под начальством ватага Мартышевского, собравшись «пѣхотнымъ походомъ», пошла на Азовское море «для учиненія надъ бусурманами водными проходами промысловъ», но задержалась в одном месте по письму кошевого Гусака. В это время какой-то золотарь из Опушного заколол ватага Мартышевского, но козаки застрелили золотаря, выбрали себе другого ватага́ и пошли на море; дорогой, идя по лугам, они много бед людям принесли и объявляли везде, что им уже не для чего возвращаться назад. Четвертая козацкая ватага стояла в поле недалеко от Сичи, ожидая там случая, куда бы ей пойти. Кроме этого было еще несколько ватаг. Такова ватага Федька́, который стоял на Сокольной и грабил проезжих людей; и хотя за ним посылали, чтобы он ехал в Сичь, но он не слушался того приказания. Возле Федька́ стоял какой-то Степан с такой же своевольной, что и при Федьке, которая отбирала у проезжих людей хлеб, рыбу, котлы и ждала Петрикова прихода [42]. Все это в сильной степени беспокоило кошевого Гусака, который, желая очистить проезжие пути от разных ватагов, имел послать по два козака из каждого куреня. Но более всего тревожила кошевого Гусака весть о затее Петрика и о приходе с ним в Каменный Затон татар. «Кошевой и куренные атаманы съ товариствомъ,— писал сам гетман Мазепа в Москву,— неотходно отъ Сѣчи обрѣтаются и чаютъ нынѣ въ Каменной-Затонъ калги-салтана съ ордами и съ измѣнникомъ плутомъ Петрикомъ... Но если онъ, тутъ, придетъ на то урочище Каменный-Затонъ, то они хотятъ порадѣть: ухвативъ въ свои руки, тамъ-же умертвить» [43].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Отправка гетманом Мазепой в Сичь посланца Горбаченка.— Тайная беседа Горбаченка с кошевым Гусаком и извещение о том от гетмана в Москву.— Приезд Петрика в Каменный Затон; свидание его с кошевым Гусаком.— Рада в Запорожской Сичи по поводу предложения Петрика и уклончивый ответ со стороны кошевого Гусака.— Универсал гетмана Мазепы к малороссийским козакам с объявлением о замыслах изменника Петрика.— Обмен посланцами гетмана Мазепы и кошевого Гусака по поводу замыслов Петрика.— Первый поход Петрика на Украйну и быстрое возвращение его назад.— Вопрос об арендах на Украйне и вмешательство в это дело запорожских козаков.— Второй поход Петрика на Украйну и позорное отступление его.

Гетман Мазепа, уверившись доподлинно в неизменной преданности запорожских козаков русскому престолу, отправил в Сичь, по приказу царей, своего посланца Сидора Горбаченка с тем, чтобы похвалить Ивана Гусака и все запорожское войско за постоянство и за верность великим государям и уговорить кошевого атамана, дабы он того плута Петрика схватил и в город Батурин прислал. Посланец должен был передать всему войску гетманский лист, а с кошевым атаманом поговорить наедине и за его услуги двойную «заплату» ему пообещать, в залог чего передать ему гостинец — 20 ефимков и турецкую саблю в 40 рублей да товарищам его судье, писарю и асаулу по 10 ефимков также наедине вручить. Гетманский посланец, прибыв в Сичь, прежде всего представился кошевому Гусаку и имел с ним тайный разговор. Кошевой Гусак зазвал Сидора Горбаченка к себе в чулан и там, поцеловав перед ним крест, стал уверять, что он во всем желает добра гетману и что гетман по тому самому нисколько не должен сомневаться в нем. Затем, когда в Сичь приехал татарский посол, и на собранной раде был вычитан Петриков лист, то кошевой, вернувшись к себе, пригласил гетманского посланца в курень и изложил ему все то, что на раде произошло. Кошевой рассказал, что у них в Сичи был один козак, который за свое злое дело, т. е. за то, что многие в курене вещи покрал, был прикован «къ кобылицѣ» за шею замком, но ему кто-то тот замок на шее разбил и он из Сичи к Петрику ушел. Того козака будто бы сам гетман с листами к Петрику прислал; но козак, находясь в Сичи,

зарыл от страха где-то в землю листы. Только ни сам кошевой, ни запорожские козаки не верят в пересылку через того козака гетманских листов; если гетману и городовому войску была какая-нибудь «налога» от Москвы и нужно было за ту «налогу» запорожское войско поднять, то он бы к самому войску, а не к «тому дураку» свой лист послал. Ни турецкому, ни Петрикову листам запорожские козаки веры не придают, потому что в них нет правды никакой и все то измышляют гетманские враги с намерением ссору с Москвой учинить и военный поход на украинные города объявить. У гетмана немало таких врагов, и если он не отсечет трем «тамошнимъ» голов, то ни ему в гетманстве покоя не знать, ни Украйне добра не видать: первому — Полуботку; другому — Михайле, а третьему — что всегда при нем живет, сам додумается, кому. А относительно запорожцев пусть гетман не думает, будто все бунты начинаются именно от них или от тех, что́ приходили на добычу из городов, т. е. от козаков Лубенского полка, которые не хотят аренды платить, оттого бунтуются и желают с Петриком идти, или от козаков Гадячского и Полтавского полков, которые говорят, что гетман в городах и в селах много старост постановил, потому бунтуются и Петрика ждут. Хотя всех таких в Запорожье набралось до 10 000 человек, но кошевой отпустил их за добычей по соль, и когда часть их, вместе с войском низовым, повстречалась с татарским послом, то она даже и не хотела слушать «прелестныхъ» татарских листов. А что пишет крымский хан, требуя присяги себе от атаманов всех куреней, когда он придет в Каменный Затон, то они никогда той присяги ему не дадут и сам кошевой атаман без аманатов с татарской стороны в Каменный Затон не пойдет: он будет просить хана к себе и поступит так, как скажут атаманы куреней. Если же хан в Сичь не пойдет, то тогда, когда татары пришлют 12 человек «добрыхъ людей», кошевой сам-друг или сам-четверт может поехать в Каменный Затон, и то единственно для того, чтобы истинную правду узнать, а вовсе не для того, чтобы татарам присягать и, чего не дай Господь Бог, великих государей воевать. Да и где денутся запорожские козаки, когда потеряют последнюю частицу своей земли? Нелюбо им уже и то, что на Заднепровье пусто и нет там никого. Бывший во время этого разговора при кошевом атамане, товариществе и старшине «зѣло старый» козак говорил, что он уже несколько десятков лет, благодаря Бога, прожил и многих, которые с великими государями хотели вести войну, помнил хорошо, но только никто того не учинил, а потому и «сей безъ всякой добродѣтели щенокъ», что́ может учинить, если все козаки единодушно будут держаться стороны московских царей? Особо от других, наедине, кошевой атаман гетманскому посланцу говорил, чтобы гетман прислал к нему какого-нибудь «доброго и надежного» козака, но так, дабы никто о том не знал, и чтобы тот человек в то время, когда придет в Каменный Затон «тотъ дуракъ», был бы там с кошевым и обо всем доподлинно гетману пере-

дал; да чтоб гетман тысяч 15 000 войска в каком-нибудь тайном месте приготовить велел, и когда «тотъ еретикъ» задумает свой умысл, «на слободы или гдѣ ни есть» обратить, то чтобы над ним можно было немедленно промысл учинить и самого его в руки захватить. А за все то кошевой атаман велел передать гетману просьбу о том, чтобы Москва милостивее обходилась с малороссийскими людьми, так как всякий, кто ни приедет в Запорожье из городов, жалуется на живущих в городах москалей, что они малороссийских людей бьют, крадут и насильно отнимают у них добро, а детей увозят в возах в Москву. Сам Горбаченко, находясь в раде запорожских козаков и присматриваясь к тамошнему поведению их, усмотрел, что меж низовыми козаками, из голытьбы, нашлось много малодушных и легкомысленных голов, которые, забывшись, говорили много противных речей, показывали явную склонность к врагу Петрику и к «бусурманской прелести» татар, рассуждая так, что не для чего им такого случая упускать, который может им добычу принести [1].

Отпуская из Сичи гетманского гонца, кошевой атаман Гусак и все войско низовых козаков написали гетману июля 4 числа из Коша письмо низовых и в нем обещали «во всякой вѣрности царямъ и гетману пребывать и никакимъ обманчивымъ и прелестнымъ словамъ у себя мѣста не давать», и кроме одного «своего недостатка», который они допускали и в прошлые времена, другого не чинить, а именно: ради рыбной, звериной и соляной добыч держать с бусурманами мир. Во всем остальном, как обещались козаки верно царским величествам служить за веру христианскую и за церкви божии стоять, так и пребудут верными навсегда. А за все то и гетман пусть явит им милость свою: возвратит тех людей, которые «ненадлежаще» находятся в подданстве по полкам. Особо от всего товарищества написано было от кошевого, судьи, писаря и асаула гетману секретное письмо. В этом секретном письме кошевой атаман благодарил гетмана «за поздравленіе его на урядѣ кошевства» и за присланные ему и главной старшине гостинцы и призывал Бога во свидетели, что как, не будучи еще на уряде кошевства, он пребывал расположенным к гетманской вельможности господской, так и теперь, насколько хватит сил, останется в «пріятной желательности» к своему благодетелю и отцу. В доказательство же своей вѣрности объявлял, что запорожским козакам изменник Петрик посылает Батырчу-агу, двух беев и мурз с несколькими людьми и приглашает охочих из козаков идти войной на Москву. Но только ни кошевой, ни запорожские козаки без воли гетмана не решатся ни на какое дело, и какой совет подаст им сам гетман, как «милый» их отец, на том они и будут пребывать, а в случае прихода Петрика и татар в Каменный Затон, кошевой со всем войском немедленно о том гетману даст знать. Гетман же, в свою очередь, должен озаботиться о том, чтобы изготовить войска тысяч девять человек, с которым

кошевой мог бы «добре» против общих врагов постоять. Кроме собственного письма кошевой Гусак в знак своей верной службы царям послал гетману подлинные, писанные рукой Петрика, статьи, на которых последний крымскому хану присягу свою учинил [2].

Гетман Мазепа, едва дождавшись прибытия своего гонца, со всеми привезенными им письмами от запорожских козаков, со всеми добытыми статьями Петрика и со всеми сведениями относительно поведения запорожской голытьбы, немедленно отправил того же гонца в Москву, вручив ему для великих государей собственный гетманский лист с объявлением о готовности в случае прихода врагов к украинским городкам из-под Гадяча идти за реку Псел [3].

Великие государи, получив все посланные Мазепой известия относительно Петрика и запорожцев, приказали отправить гетману лист, в котором, снимая с него всякое подозрение за сношение с Петриком через посредство беглого козака, за все его скорые и умные распоряжения жаловали милостиво и премилостиво похваляли, и такой же лист велели послать из Москвы в Сичь с обнадеживанием монаршеского жалованья низовым молодцам [4].

Тем временем, после отъезда из Сичи гетманского посланца Сидора Горбаченка, прибыли июня 8 числа в Каменный Затон Петрик, Батырча-ага и с ними около 30 000 татар и около 1000 человек черкес; при Петрике было около 30 человек запорожцев и в числе их — самыми близкими Василий Бузский и Иван Щербина. Последним указано было «прельщать» низовых козаков и склонять их на сторону Петрика и татар. Для этого Василий Бузский дал козакам, бывшим при Петрике, липу, и те козаки перевезлись из Каменного Затона в Сичь. Через четыре дня после прибытия в Каменный Затон Петрик, выбрав какого-то козака, велел ему переправиться через Днепр и доставить кошевому атаману Ивану Гусаку письмо. В посланном письме Петрик извещал, что вскоре имеет прибыть в Каменный Затон калга-салтан со множеством орд и что кошевой атаман с войском низовых козаков должен сделать салтану встречу в поле с хлебом-солью; если же этого кошевой не сделает, то Петрик захватит в свои руки всех запорожских промышленников на речках Молочных и на Бердах [5].

Когда посланный человек прибыл с таким письмом к кошевому Ивану Гусаку, то кошевой Гусак, взяв письмо и прочитав его, человека избил, поданное письмо собственной рукой изорвал и тут же открыто объявил, что он никогда того не сделает, чтобы почитать встречей салтана, врага святого креста, что он, как был, так и останется постоянным в своей верной службе великим государям [6].

Но Петрик и Батырча-ага, встретив такой отпор со стороны кошевого Гусака, на том не успокоились: они начали раздавать запорожским козакам ружья и лошадей, и тогда к ним стало переходить товарищество из Сичи в Каменный Затон. Так, перешел атаман Пашковского куреня Леско Сыса со всей пехотой. Немало потяну-

лось к Петрику и малороссийских городовых козаков; услыхав о приходе татар в Каменный Затон, городовые козаки в большом числе пустились в Запорожскую Сичь. Гетманский дозорца старался задерживать их у Переволочны и давал пропуск только более или менее благонадежным, например, таким, которые шли с чернецом [7].

Тех, которые пошли было в низовье Днепра за рыбной и соляной добычей, Петрик вернул назад и приказал им следовать за собой. А за теми, которые двинулись было на Молочную и на речки Берды, послал 2000 человек орды и приказал ей вернуть всех таких козаков в Каменный Затон, в случае же сопротивления велел жечь их возы и самих с лошадьми гнать в татарский стан. В те промыслы пошел было табор в 3000 человек. Вернув этот табор назад, Петрик велел поставить его так, чтобы на 10 козаков приходилось 100 человек татар.

Петрик, имея целью обмануть гетмана Мазепу, рассылал по городам письма и в тех письмах объявлял, что он не ищет гетманства, потому что гетман имеется уже готовый, что он хочет быть лишь писарем при гетманской особе и имеет надежду, придя за реку Самарь, видеть все войска на своей стороне. Особо от этих листов посланы были и другие какие-то листы в Запорожскую Сичь. В Сичи те листы читались до полудня и во свидетельство слов тех листов водили в Каменный Затон государевых послов, которые шли в Запорожье из Москвы. Сичевые гультяи подняли бунт и хотели было истребить всех атаманов, чтобы они не дали никакой вести гетману Мазепе о происходившем в Сичи. Но гетман получал вести то от русских людей, бывших в Сичи, то от случайных проезжих, как, например, от бывшего духовником у козаков инока Межигорского монастыря Дорофея; то от самих же запорожских козаков, каковы, например, Степан Рубан, Гаврило Пуленко и другие, которые хотели гетману и великим государям верно служить. Так, сами запорожцы схватили в Каменном Затоне двух человек татар и одного из них закололи, а другого под предлогом доставки до «господы» [8], козак Гаврило Пуленко, сам-шост, доставил для расспросных речей гетману Мазепе, а гетман Мазепа поспешил отослать его в Москву.

Желая вернее подействовать на запорожскую толпу, Петрик распустил слух, будто он имеет у себя какие-то секретные письма гетмана Мазепы, разделяющего вместе с ним все его планы и предприятия. После такого заявления кошевому атаману ничего другого не оставалось делать, как послать избранных к Петрику козаков для рассмотрения гетманских листов. Июня 16 дня, в субботу вечером, кошевой Гусак и все низовое запорожское войско послали несколько человек куренных атаманов и с ними бывшего кошевого атамана Григория Сагайдачного в Каменный Затон и велели им «досмотрѣть» те письма, какие имеются у Петрика. Куренные атаманы с Григорием Сагайдачным пробыли в Каменном Затоне весь день воскресенья и, возвратясь к ночи в Сичь, объявили, что Петрик

действительно ссылается на какие-то гетманские письма, но что он не желает им показывать их, а покажет только самому кошевому атаману, когда кошевой приедет лично в Каменный Затон. Тогда, июля 17 дня, в понедельник кошевой атаман Гусак, с ним несколько куренных атаманов, 600 человек товарищества [9] сели в лодки и от Сичи направились к Каменному Затону.

Подойдя к урочищу, они пристали к одному острову и стали советоваться, каким образом им стать в Каменном Затоне и видеться с калгой-салтаном. Снесшись с калгой-салтаном, они выпросили у него четырех мурз заложников, оставили их на острове, а сами вышли на левый берег Днепра и стали там «вооруженнымъ чиномъ». Калга-салтан, узнав о переправе Гусака с правого на левый берег, послал к кошевому людей и через них просил со всем товариством явиться к нему в салтанский намет, стоявший поодаль от левого берега Днепра. Кошевой атаман сперва отговаривался и в свою очередь просил салтана приехать к запорожскому товариству, но посланные салтана возразили, что «непристойно такому великому господину», как калга-салтан приходить первому к запорожскому войску. Тогда кошевой атаман, посоветовавшись с товариством, решил идти к салтану. Тут татары подвели кошевому коня, и он, взяв с собой несколько человек куренных атаманов, приехав к салтанскому намету и нашел там, кроме салтана, писаря Петрика. Когда кошевой и куренные атаманы вошли в намет салтана, то поздоровались с ним [10], заняли, по его приглашению, указанные места и провели в намете время с обеденного часа до вечернего. Кошевой атаман прежде всего обратился с вопросом к салтану, от кого привез Петрик в Крым письма и каковы те письма. На это салтан отвечал, что Петрик писем ни от кого ему не привозил; но, приехав в Крым, уверил хана и салтана на словах, что он обнадежен самими запорожскими козаками. Кошевой на это возразил, что запорожцы Петрика к хану не посылали и когда он бежал из Запорожья, вовсе о том не знали. После этого кошевой с тем же вопросом обратился к Петрику. Петрик сперва отговаривался и требовал, чтобы запорожцы безусловно верили его слову, но потом, когда кошевой настойчиво потребовал от него гетманских писем или хотя присяги в том, что он имеет их, сознался, что у него никаких гетманских писем нет, что его никто из старших, ни из меньших к тому делу не подговаривал, а заключил он мирный договор с крымским ханом «своимъ разумомъ, ужалившись тягостями и нестерпимыми обидами малороссійскаго посполитаго народа». После такого разговора с Петриком калга-салтан потребовал от куренных атаманов принести присягу на приязнь крымскому государству: во время похода татар на Украйну Крыму не вредить; татар, которые будут возвращаться из-под русских городов с добычей, не громить. Когда куренные атаманы дали на том присягу, то калга-салтан начал настаивать на том, чтобы немедленно идти на города московских царей [11]

Но от этого предложения кошевой атаман старался всячески отговориться: он попросил у салтана три дня на размышление, говорил, что без рады всего низового войска сам не может такого дела решить, поставлял на вид, что идти ему в такой трудный поход не с кем, потому что одна часть его войска ушла к устью Днепра в Прогнои, другая к урочищу Бердам и Молочным на соляную добычу; на Кошу же осталось войско ненадежное и приневолить его к такому делу решительно невозможно. Однако ни кошевой, ни старшина никого не будут неволить, и кто из войска захочет идти в поход, того не будут удерживать, кто не захочет, того силой не будут высылать. Впрочем, не желая брать на себя никакой ответственности, кошевой атаман спросил на этот счет совета у бывших с ним куренных атаманов и тут одни из атаманов дали такой ответ, что не приходится войску идти заодно с бусурманами воевать православных христиан, а другие отвечали так, что коли уж салтану принесли присягу, то можно с ним и на войну под малороссийские города идти. После всех этих разговоров калга-салтан и Батырча-ага подарили кошевому серого коня с седлом и со всем конским убором, кроме того, чугу златоглавную да кафтан бархатный, куренным атаманам и знатным козакам по кафтану да по чуге, а «своевольцамъ», бывшим при татарах, дали денежное жалованье, по коню да по саадаку и после того всех отпустили в Сичь. Во время разговоров кошевого атамана и знатного товарищества пришлое с ними войско все время стояло у днепровского берега до поворота к нему атамана. К вечеру того же дня кошевой с товариществом был уже у левого берега Днепра, а к ночи — в запорожской Сичи.

На другой день июля 18 числа, во вторник, калга-салтан и Петрик прислали в Сичь козака Сысу с запросом, пойдет ли кошевой с ними на войну или нет. Кошевой собрал рано утром войсковую раду и на ней предложил вопрос, как быть с Петриком. На этот вопрос дан был двоякий ответ: одни говорили, что не годится с бусурманами ходить войной на христиан, другие доказывали, что после принесенной присяги татарам можно с ними и на войну идти. Кошевой был на стороне первых, и потому сложил с себя свое звание; за ним последовали судья, писарь и асаул; в свое оправдание они говорили, что их принуждают разные крикуны идти с бусурманами на православных христиан, но они не хотят допустить во время своего управления Запорожьем такого зла. Между войском целый день происходило полное разногласие: одни кричали «добре», другие кричали «зле»; в это время весь день атаманская «комышина» лежала на столе среди вечевой площади и всякий, кому ее предлагали, отказывался от нее. Ранним утром следующего дня выступили на площадь знатные товарищи, заслуженные и престарелые воины, и собрали новую раду. Они решили просить кошевого и всю старшину вновь взять на себя свои должности и по-прежнему управлять войском. Кошевой, писарь, судья и асаул после долгих колеба-

ний и упрашиваний со стороны товарищества, наконец, согласились возвратиться к прежним должностям. Тогда атаман, выйдя на раду, сказал: «Кто хочетъ идти за плутомъ Петрикомъ, того я не удерживаю, а кто будетъ постоянно сидѣть на Кошу, того высылать не буду». Калга-салтан просил кошевого прислать из Коша знатных людей, которые «къ Петрику привязались», но кошевой отказал ему и в этом, говоря, что он «о всемъ о томъ поведеніи донесетъ письмомъ гетману» [12].

Между тем гетман Мазепа, получив все известия из Запорожской Сичи, сперва сообщил о том в Москву, потом, июля 28 дня, разослал по всем своим полкам универсал, в котором предостерегал своих козаков «отъ плута и здрайцы» Петрика, приглашал всех слушаться одних своих старшин, держаться стороны царского пресветлого величества; изображал, как, живя «статечно» под высокодержавною великого государя рукой, все обогатились во всяком пропитании, имуществе, добре; напоминал, до чего доведены были обитатели тогобочной Украйны, особенно в то время, когда полковник Сирко внес «мѣшанину» в город Умань и другие места, многим людям смерть приготовил, многих заставил лишиться имуществ и потом, не будучи в состоянии удержаться на своем «непрочномъ житіи», ушел оттуда других слобод искать; представлял действия Сулимки, Суховия, Ханенка, разорившие и в пустыню обратившие тогобочную Украйну, достойную слез и великой жалости. В заключение гетман призывал всех к строгому повиновению и ненадежных людей приказывал заключать в колодки и отсылать к нему в Батурин [13].

Вероятно, в таком же роде послан был лист от гетмана и запорожским козакам на имя кошевого атамана Гусака. Этот лист до нас не дошел, но кошевой, приняв его и вычитав, отвечал гетману следующее: «У войска запорожскаго злого умысла нѣтъ, и знать того не хотимъ; къ такому безумію склоннымъ можетъ быть только тотъ, кто Бога единаго въ Троицѣ не знаетъ. Правда и Хмельницкій былъ в союзѣ съ татарами, но потомъ поддался пресвѣтлымъ монархамъ. Тогда въ посполитой радѣ такой приговоръ былъ, чтобъ никакихъ досадъ на Украйнѣ не было; а нынѣ утѣсненія чинятся. Ваша вельможность правду пишете, что при ляхахъ великія утѣсненія войсковымъ вольностямъ были; за то Богданъ Хмельницкій и войну противъ нихъ поднялъ, чтобъ отъ ихъ подданства освободиться. Тогда мы думали, что во вѣки вѣковъ народъ христіанскій не будетъ въ подданствѣ; а теперь видимъ, что бѣднымъ людямъ хуже, чѣмъ было при ляхахъ, потому что кому и не слѣдуетъ держать подданныхъ, и тотъ держитъ, чтобъ ему сѣно или дрова возили, печи топили, конюшни чистили. Правда, если кто по милости войсковой въ старшинѣ генеральной обрѣтается, то такому можно и подданныхъ имѣть, тогда никому не досадно, какъ и при покойномъ Хмельницкомъ бывало. А нынѣ слышимъ о такихъ, у которыхъ и отцы подданныхъ не держали, а они держатъ и не знаютъ, что дѣлать съ бѣдными

подданными своими. Такимъ людямъ подданныхъ держать не слѣдуетъ, но пусть, какъ отцы ихъ трудовой хлѣбъ ѣли, такъ и они ѣдятъ» [14].

Пока происходил этот обмен писем гетмана с кошевым, возле Петрика стали собираться охочие до войны запорожцы. После ухода кошевого атамана Гусака из Каменного Затона в Сичь Петрик и калга-салтан простояли еще около недели в Затоне, поджидая к себе своевольных запорожцев. Когда таких запорожцев собралось 500 человек, то Петрик и калга-салтан собрали раду и на той раде решено было «звать» Петрика гетманом; в это время калга-салтан дал Петрику клейноты, и Петрик, приняв их, стал считать себя гетманом и выбрал для себя старшину: трех полковников, Василия Бузского, Кондрата Михайлова и Леска Сысу, и шесть человек сотников. После этого, для пополнения численности своего войска, Петрик послал к запорожским ватажанам, находившимся на Молочных Водах и Бердах, посланца и через него приглашал их к себе для похода в московскую землю, в противном случае грозил всех их изловить и в татарскую неволю отдать. От Каменного Затона Петрик поднялся выше, и в шести милях от Затона на речке Маячке встретил ватажных людей, шедших с Молочной с добычей; их было около 3000 человек. Узнав подлинно, что все замыслы Петрика дело «воровское» и что при нем не было кошевого, ватажане заперлись было на острове над Маячкой и отказались идти вместе с Петриком. Но на утро Петрик прислал своих людей в табор ватажан с приглашением идти к нему на соединение. Тогда некоторые из ватажан послушались этого приглашения и пошли к Петрику. Петрик сделал некоторых из них урядниками и они, возвратившись в табор, стали разбирать свои возы. Увидя такое дело, другие ватажане начали бежать из табора. Петрик послал за бежавшими татар и запорожцев, которые вернули их назад. Справившись с ватажанами, Петрик поднялся к речке Московке и отсюда отправил «прелестныя письма» в Полтавский полк к царичанским и китайгородским жителям с разными доводами сдаться ему. От Московки Петрик поднялся к речке Татарке на левом берегу Днепра, против Кодацкого порога [15], и тут вместе с калгой-салтаном собрал раду для решения вопроса, с чего начать свой поход на Украйну, т. е. идти ли прямо на Полтавский полк или же сперва взять самарские городки. Решено было прежде всего идти к самарским городкам не для взятия их, а для прокормления скота, которому нечего было есть, так как в полях весь хлеб был потравлен и притолочен массою татарских коней. От самарских городков положили идти к речке Орели, служившей раздельной линией между Запорожьем и Гетманщиной, и взять поорельские городки Царичанку и Китай-город. Дойдя до речки Самары и перейдя ее, Петрик разослал от себя июля 29 дня орельским жителям такого рода «прелестный» универсал.

«Вамъ всѣмъ, товариству и посполитымъ обывателямъ орельскихъ мѣстъ доброго отъ Господа Бога здоровья и благополучія

желаю! Уже вашимъ милостямъ извѣстно, что я, зная въ какомъ стѣсненіи живетъ войско запорожское, а также видя несносныя кривды въ отношеніи васъ и притѣсненія, происходящія отъ Москвы и отъ нашихъ немилостивыхъ пановъ, и по всему тому, имѣя намѣреніе избавить васъ отъ подданства, ушелъ въ крымское государство и съ этимъ дѣломъ въ Крымъ ѣздилъ. Теперь, когда я вышелъ съ ордами изъ Крыма къ Каменному-Затону подъ Сичу, то тутъ все войско запорожское, при кошевомъ атаманѣ и всѣхъ куренныхъ атаманахъ, учинило войсковую раду; въ это время утвержденъ былъ съ крымскимъ государствомъ вѣчный миръ, скрѣпленный съ обѣихъ сторонъ присягой, послѣ того, на другой радѣ, по волѣ всемогущаго Бога, меня выбрали гетманомъ и приказали съ тѣми ордами и съ войскомъ запорожскимъ идти войной для вашей обороны противъ Москвы. Ради этого, рушивши изъ Каменного-Затона со всѣмъ запорожскимъ войскомъ и соединившись съ тѣмъ войскомъ, которое было на Молочной, и со всѣми ордами, находящимися при калгѣ-салтанѣ, мы пришли до Самары, откуда и шлемъ вамъ нашъ листъ настоящій дабы вы, давши вѣру тому и учинивши между собой настоящій порядокъ, выслали на встрѣчу его милости салтана и войска запорожскаго свою старшину и сами въ ту военную дорогу съ нами на непріятеля своего, москаля, готовились, чтобы не носить больше невольническаго ярма на своихъ вольныхъ козацкихъ шеяхъ и скинуть его съ помощью божіей. Вѣдайте, что эта война на москаля не ради чего иного началась, какъ ради вашихъ вольностей и общаго всенароднаго посполитаго добра. Нѣтъ надобности много писать вамъ,— сами знаете, что дѣлаютъ съ вами москали и драпежные (хищные) паны и что вамъ чинится отъ арендарей,— все то сами хорошо знаете, потому что они объѣздили вамъ ваши шеи и всю вашу худобу позабирали. Станьте-же, безъ всякой отговорки, за свои вольности, беритесь сполна, со всею щирою правдою съ нами, войскомъ запорожскимъ, и теперь, когда Господь Богъ всемогущій поможетъ выбиться изъ-подъ ярма московскаго, то вы учините у себя такой порядокъ, какой сами захотите и будете пользоваться такими вольностями, какими пользовались предки ваши за Хмельницкаго. Теперь войско запорожское утвердило вѣчный миръ съ крымскимъ государствомъ на такихъ условіяхъ, чтобъ чигиринская сторона Днѣпра намъ отдана была съ принадлежностями въ тѣхъ предѣлахъ, какъ Хмельницкій съ ордами отвоевалъ ее; да чтобъ сегобочная сторона, со всѣми полками и городами, при насъ оставалась, а кромѣ того, чтобъ вольно было, безъ всякой дани, добывать рыбу, соль, звѣрей въ Днѣпрѣ, Бугѣ и во всѣхъ рѣкахъ и рѣчкахъ. Тогда выбившіеся, съ божіею помощію, отъ теперешняго подданства, могутъ, куда захотѣть, туда и идти на свою родину, гдѣ раньше того кто проживалъ,— безпокойства и тревоги ему нигдѣ не будетъ, потому что крымское государство на томъ и присягу дало свою, что будетъ насъ всегда оборонять отъ Москвы, отъ ляховъ и отъ

всякихъ другихъ непріятелей. Если-же теперь вы не встанете за свои вольности, то сами знаете, что потеряете; вы останетесь вѣчными московскими невольниками и никто за васъ никогда болѣе не заступится; а теперь чего у Бога милостиваго просили, того и дождались, беритесь только смѣлѣй, всеми силами своими за вольность свою. Желая вамъ, чтобы вы были вольными, жили въ покоѣ и во всемъ успѣхъ имѣли, поручаю васъ Господу Богу! Данъ на Самарѣ 1692 року, іюля 29. Звишменованный гетманъ (Петро Ивановичъ) рукою властною. Такъ какъ мы имѣемъ работу около добыванія Самары, то прибывайте къ намъ немедленно со всѣмъ своимъ военнымъ порядкомъ; если-же не прибудете, то смотрите, чтобъ сами не потеряли своего дѣла» [16].

Разослав свои универсалы по южным малороссийским местечкам и городам, Петрик решил взять приступом в ночь с субботы на воскресенье, июля 31 дня, Новобогородицкую крепость. С ним были все козаки ватажане с полковником Сысой и 500 человек татар, как те, так и другие пешие. Козаки и татары подступили к нижнему городу, успели зажечь две башни и несколько дворов и захватить около ста штук овец и несколько ульев, но в это время по ним начал стрелять из пушек гарнизон из верхнего города, и козаки стали отступать. Во время отступления один из полковников Петрика, Кондрат Михайлов, и два козака, Яков Макаров и Иван Демков, попались в руки защитникам города и потом отправлены были в Москву, где они дали свои показания о всем ходе дела Петрика до прибытия на Самарь. Приговоренные к смертной казни и помилованные по ходатайству царицы Натальи Кирилловны, но наказанные кнутом и «заорленные» клеймом на левых щеках с буквой В, они сосланы были в Сибирь в дальние города на вечное житье [17].

Между тем Петрик от реки Самары двинулся дальше к берегам реки Орели. Жители орельских городков Царичанки и Китай-города встретили его с хлебом-солью, и Петрик, не найдя здесь сопротивления, двинулся к Маячке. Петрик ожидал и от жителей Маячки того же, что выказали перед ним жители двух названных городков, но маячанцы, несмотря на посланный им «прелестный листъ властнаго гетмана» отделывались молчанием.

Тем временем гетман Мазепа уже давно собирал полки, чтобы двинуться навстречу Петрику и калге-салтану и разом истребить всю их затею. Он дожидался только русской рати, но не дождавшись ее, послал свои полки к Маячке. Тогда Петрик и калга-салтан немедленно повернули назад, быстро перешли речку Самару и очутились на речке Татарке. На Татарке от Петрика ушло большинство запорожцев, кроме 80 человек, с которыми он направился к Перекопу и расположился там в ханских окопах. Гетман донес письмом (октября 20 дня) в Москву «объ отвращеніи запорожцевъ отъ татаръ», и запорожцам послано было из Москвы жалованье 1000 золотых червонных через дворянина Зеленого и подъячего Русинова.

Посланцы прибыли в Сичь в начале декабря, а 23 декабря оставили ее благополучно и направились через Малороссию в Москву [18].

Из Перекопа Петрик вновь стал посылать запорожцам свои письма, развивая мысль, что дело, начатое им, далеко еще не приведено к концу и что он, Петрик, не успокоится до тех пор, пока не окончит его. Но в Сичи он совсем уже не встретил никакого сочувствия. Кошевого Гусака, обвиненного в получении подарков от приходивших с Петриком татар, сменили с кошевства и назначили вместо него Василия Кузьменка; вместе с кошевым сменили судью, писаря и асаула. При смене прежней старшины многие курени были разбиты, сичевая церковь забросана поленьями, торговые люди ограблены [19].

Гетман Мазепа находил, что для удержания запорожских козаков от своеволия на будущее время нужно построить крепость в Каменном Затоне и содержать там постоянный с орудиями гарнизон. Но иначе посмотрели на это дело в Москве.

Правительство обратило внимание на то, что как Петрик, так и запорожцы указывали на два зла, практиковавшиеся на Украйне: отдачу в аренду шинков и пожалование чиновникам маетностей или земель вместе с людьми. Спрошенный по этому поводу гетман Мазепа отвечал, что аренда, столь ненавистная украинскому народу через жидов, необходима для добывания денег на войсковые расходы, но что о замене этого способа собирания податей в Малороссии он давно хлопочет и ждет ответа от старших и меньших самого народа особ. Относительно земель гетман отвечал, что маетности, пожалованные чиновным людям по царским указам, отобраны быть не могут; маетности же, дарованные по гетманским универсалам, могут быть и назад отобраны от тех чиновников, которые не состоят у дел или почему-либо негодны к службе. О таких-то маетностях главным образом и хлопотали запорожцы: «Запорожцы много разъ писали намъ, считая для себя непріятной, а для народа обременительной раздачу многихъ селъ разнымъ лицамъ въ подданство; да и нынѣ черезъ нарочного нашего посланца знатнаго козака Юска, которого мы посылали къ нимъ с увѣщательнымъ листомъ, словесно наказывали, чтобъ маетности отъ меньшихъ особъ были отобраны: не такъ вступаются они объ уничтоженіи аренды, какъ объ убавкѣ тѣхъ маетностей, и если мы ихъ не отберемъ, то между народомъ встанетъ смута. Мы уже давно разослали повсюду универсалы, чтобъ никто изъ владѣльцевъ не смѣлъ въ пожалованныхъ ему селахъ отягощать жителей большими работами и поборами и дѣлать имъ какія-бы то ни было обиды, чтобы на владѣльцевъ притѣснителей крестьяне подавали намъ челобитья, по которымъ будетъ непремѣнно расправа» [20].

К самим запорожцам в Москве отнеслись, по всем видимостям, вполне благосклонно. В последних числах ноября послан был из Москвы в Сичь воевода Зеленый с милостивым царским жалованьем

запорожскому войску. Прибыв в Батурин, воевода Зеленый взял с собой, по указанию гетмана, для охраны казны, короновского сотника Тихона Довгелю да товарища сотни батуринской Сидора Горбаченка. Провожатые воеводы взяли с собой гетманский «упоминательный» лист с предписанием, дабы запорожцы, обретаясь в надлежащей верности к великим государям, приняли с благодарностью милостивое жалованье и служили великим государям всегда в непоколебимой верности и радении. Жалованье было доставлено по назначению, и гетман Мазепа в начале декабря донес о том в Москву [21].

Но ни царская милость, ни предписание гетмана не могли успокоить запорожскую массу в то время, когда в Крыму находился Петрик с его планами отторжения Малороссии от Москвы. В начале 1693 года Петрик вместе с нурредин-салтаном, Шир-беем и сорока тысячью [22] татар, склонив на свою сторону нового хана Селим-Герая, сменившего собой Саадат-Герая, вновь собрался походом под малороссийские города. Решено было снова начать с Запорожья.

В начальных числах месяца января прибыл в Сичу из Кызыкерменя некий Шабан и стал спрашивать козаков, по многу ли им царь плотит жалованья. Козаки отвечали, что царского жалованья им приходится по 18 шагов. Тогда Шабан спросил козаков, как им лучше, получать ли по 18 шагов, или же, когда придет хан, получать по 10 червонных на козака. Приезд нежданного гостя произвел сильное смятение в среде запорожских козаков. В это же время, а именно января 14 дня, в субботу прибыл в Сичь известный ватаг, некогда бывший кошевой Федько, и тогда в Сичи открылось настоящее междоусобие. Прежде всего сбросили с кошевства Василия Кузьменка, потом козаки одних куреней пошли войной на козаков других куреней, всю церковь забросали поленьями, одного знатного козака Корсунского куреня убили, всех торговых людей ограбили, на иных платья посдирали, но в конце концов снова вернулись к Василию Кузьменку и на кошевстве его поставили. Все это произошло вследствие прибытия Федька, который, очевидно, держал сторону татар и Петрика, но, не успев склонить к тому Кузьменка, собрался зачем-то уходить в города.

На другой день после происшедшего в Сичи смятения кошевой Кузьменко получил весть от одного козака, видевшегося на Низу Днепра с городчанскими татарскими овчарами, о выходе «нѣкоего салтана съ ордой» из Крыма к турецким на Днепре городкам: салтан ждал Петрика, соединясь с которым, думал первее всего ударить на Запорожскую Сичь, а потом идти под малороссийские царского величества города. Кошевой не замедлил сообщить о том Мазепе через знатного Сергиевского куреня козака Максима, выехавшего из Сичи «на зимовлю для прокормленія въ города», и советовал гетману взять свои меры предосторожности, не допустить бусурман

до разорения сел и захвата у крестьян животов, и хотя кошевой еще не вполне верил полученным слухам, но все же находил, что «лучше времени быть осторожнымъ, нежели послѣ бѣды мудрствовать». Вслед за тем тот же кошевой получил «подлинную, неотмѣнную и совершенную вѣдомость» о выходе из Крыма ханского сына и Петрика с огромной ордой к турецким городкам для похода оттуда под малороссийские города и также поспешил уведомить о том гетмана Мазепу через нарочного гонца, атамана Пашковского куреня: «Простите меня,— заключал свое письмо к Мазепе кошевой,— что худо писалъ, понеже зѣло прилежной и скорой приказъ былъ». Гонцу велено было скакать день и ночь, чтобы как можно скорей донести гетману необходимую весть и дать ему возможность достойно встретить врагов.

Вслед за сичевым гонцом поскакал к Мазепе другой гонец, от дозорцы Рутковского, с известием о том, что подлинно «подъ городки» пришел с Петриком ханский сын, а за ханским сыном идет и сам хан и идут они сперва под Запорожскую Сичь, а оттуда под Переволочну и далее под порубежные малороссийские города. Рутковский немедленно оповестил всех по городам людей о приближении татар и поднял в них настолько дух, что люди ни «сполоху не боятся, ни сумнѣнія межъ собой никакого не берутъ». Но главные пути уже сделались опасными от татар, и всех едущих откуда-либо в Сичь хватают и Петрику отдают. Запорожский козак Уманского куреня Яков, приезжавший в Переволочну «за своимъ нѣкакимъ дѣломъ» и уже выбравшийся было с ватажкой в Сичь, вернулся от Саксагани снова в Переволочну, потому что пройти в Сичь за ордой он уже не мог. «Не съ добрымъ умысломъ пріѣзжалъ въ Переволочну сей уманскаго куреня козакъ, потому что сталъ въ той господѣ, въ которой стоялъ Сидорецъ, а нынѣ съ ватажкою возвратился въ Переволочну назадъ; какъ они не поступаютъ, мы имъ не вѣримъ, и сами себя стережемъ». О подлинном настроении запорожских козаков дозорца имел самые верные известия от собственного шпиона, какого-то «писаря кошевого» (т. е. писаря при кошевом или писаря войскового), который клятвенно выражал свою готовность верно служить гетману, но за то просил исхлопотать у ясновельможного благодетеля «на вспоможеніе чего-нибудь, что ни есть доброе», но чтобы только подарок тот дошел по назначению, а не так, как послан был «черезъ Сидорца съ прилучившеюся монаршеской казной, когда гостинецъ тотъ въ раздѣлъ пошелъ» [23].

Но гетман Мазепа и без того всячески старался угождать запорожским козакам и так или иначе расположить их к себе. Так, в это время он послал в сичевую Покровскую церковь полный резной работы, «съ изуграскимъ (иконным) украшеніемъ, какъ требуетъ лѣпота божественной церкви», иконостас. Иконостас этот отправлен был с господарем гадячского замка Степаном Трощинским; с ним посланы были мастера дела, иконник и столяр, первый для того,

чтобы поставить на пристойном месте каждую икону, второй для того, чтобы починить попортившееся в дороге. Посылая такой ценный подарок запорожцам, гетман высказывал пожелание, чтобы козаки жили в добром здравии и согласии, имели крепость и силу, всегда побеждали неприятеля и чрез то приобрели добрую славу и чтобы в будущем церкви божии православные воздвигались не только в самой Сичи, но воссияли бы и на Низу Днепра в жилищах бусурманских, на славу монаршего престола и хвалу низового войска [24].

Не о том думали Петрик и его властный покровитель крымский хан. Петрик, по приказанию хана, отправил воззвание в Сичь и приглашал все низовое войско пристать к нему и к бывшим с ним татарам для борьбы против гетмана и царей московских.

«Милостивый господине атамане, и все старшее и меньшее славного войска запорожского низового товариство. Вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, старшему и меньшему славного войска запорожскаго товариству, отдаю мой низкій поклонъ и желаю от Господа Бога доброго здравія, счастливого поведенія и надъ всякими врагами побѣды и одолѣнія. Ваша милость, всъ старшіе и меньшіе добрые молодцы, войско запорожское, уже знаете то, для чего я пошелъ въ Крымъ и о какомъ дѣлѣ съ крымскимъ царствомъ прошлымъ лѣтомъ я договаривался,— это вы знаете, вопервыхъ, изъ статей, которыя я отослалъ вамъ, ваша милость, въ письмѣ; вовторыхъ, изустно вы говорили въ Каменномъ-Затонѣ со мной и съ бывшимъ калгой-салтаномъ и ради этого вы изволили отпустить, ваша милость, охочее войско въ виду похода, заодно съ ордой, на (украинскіе) города для освобожденія изъ подданства (Москвѣ) нашей малороссійской породы. Но когда мы пришли съ товариствомъ вашимъ на Русь (южную) и помирились съ орельскими городами, тогда въ крымскомъ государствѣ произошло большое замѣшательство: изъ Бѣлогорода пришла вѣсть, что мурзы и беи, ходившіе на нѣмцовъ съ ханомъ, не захотѣли повиноваться хану; тогда и мурзы, бывшіе съ нами, встревожились этимъ и, принудивъ калгу-салтана, не сдѣлавъ никакого потребного дѣла, возвратились назадъ. Придя-же въ Крымъ они какъ хана, такъ и ходившого съ ними калгу-салтана, отставили отъ господарства. Теперь-же, когда въ Крымъ пришолъ новый его милость ханъ, Селимъ-Гирей, которого всѣ крымскіе господа такъ искренне желали и при которомъ все хорошее и раньше чинилось, у новаго хана, со всѣмъ господарствомъ крымскимъ, была рада. На этой радѣ постановили, если Господь Богъ поможетъ, исполнить то, что хотѣли: вырвавъ изъ московскаго подданства нашу Украйну и освободивъ ее отъ всего злого, жить съ нами побратерски, какъ было при славной памяти гетманѣ войска запорожскихъ козаковъ, Богданѣ Хмельницкомъ. Въ виду этого ханъ, его милость, отдалъ приказаніе идти въ походъ всѣмъ своимъ силамъ, а именно: ордѣ крымской, бѣлогородской, ногайской, джа-

манъ-саадакамъ, черкесамъ и калмыкамъ, а для совершенной надежды всѣмъ придалъ имъ своихъ сейменовъ, людей огнистыхъ. Съ этими силами ханъ, его милость, отправилъ всѣхъ своихъ сыновей-салтановъ; намѣстникомъ отъ себя назначилъ славного рыцаря Шанъ-Гирей (Шагинъ-Гирея) — салтана, которому далъ полномочіе съ вами, добрыми молодцами, запорожскимъ войскомъ, говорить и миръ поновить,— тотъ именно миръ, который вы учинили и своею клятвою подтвердили въ Каменномъ-Затонѣ въ прошедшее лѣто. Я снова вамъ, добрымъ молодцамъ, объявляю, что ханъ, его милость, для нынѣшняго дѣла, которое предпринимается ради цѣлости и обороны крымскаго и малороссійскаго государства, проститъ вамъ, войску запорожскому, всѣ тѣ убытки, которые ваше товариство захватомъ коней и людей причинили въ разныхъ мѣстахъ государству крымскому. Только вы, ваша милость, добрые молодцы, стойте на одномъ словѣ — сдѣлать что-нибудь себѣ и Украйнѣ доброе. Если-же вы будете поступать то такъ, то сякъ, какъ прошлымъ лѣтомъ поступали, то смотрите, чтобы вы себя не потеряли, потому что господа крымскіе все, что межъ вами дѣлается, уже уразумѣли и на томъ постановили, чтобъ съ этого времени не имѣть отъ васъ ни докуки, ни убытковъ, ни обмана. Я же вамъ, добрымъ молодцамъ, и совѣтую и прошу васъ: возьмитесь вы со всей крѣпостью за свои войсковыя вольности и за цѣлость всего малороссійского и, пользуясь большимъ собраніемъ орды, идите, ваша милость, со всѣмъ товариствомъ и съ клейнотами войсковыми немедленно, и мы надѣемся, что лишь только вы пойдете, то мы согласимся со всѣмъ краемъ и, при помощи Бога, отъ Москвы освободимся. Когда-же, ваша милость, нынѣ не пойдете, то вѣдайте, что вы погубите ваши вольности, а Украйны до вѣку изъ московскаго подданства не вызволите. Когда-же, ваша милость, нынѣ пойдете, то какъ здѣсь, по выходѣ изъ Сичи, кого захотите, старшимъ назначите, такъ и на Руси, когда Господь Богъ дастъ намъ соединиться съ нашимъ краемъ, какой пожелаете, порядокъ учините. А что нѣкоторые между вами, добрыми молодцами, говорятъ, что и лѣтомъ, когда орда и войско запорожское ходили въ походъ, тогда не шли, какъ обѣщали, на Москву, а привели орду въ свои-же козацкіе города, то вы, ваша милость, добрые молодцы, сами разумныя головы и знаете то, какъ идти на Москву, не согласившись о томъ со всѣмъ краемъ. Когда-же нынѣ, ваша милость, изволите пойти, то, лишь только дастъ Богъ, согласимся со всѣми городами, тотъ часъ-же, при помощи божіей, пойдемъ на Москву и, что тамъ Господь Богъ позволитъ, то мы тамъ, въ Московщинѣ, и чинить будемъ. Тутъ-же вашимъ милостямъ, добрымъ молодцамъ, сообщаю о малороссійских купцахъ, въ Крыму задержанныхъ, о Захарѣ Яковенкѣ, Зелененькомъ и Константинѣ. Яковенко пойманъ съ листами от московского и гетманского пословъ писанными; а за Зелененькимъ и за Константиномъ то открылось, что они посланы его милостью, господиномъ Мазепою въ лазутчи-

кахъ, въ чемъ они, побранясь между собой, сами признались и, если-бы не было здѣсь насъ, то съ душами и съ пожитками, всѣ бы здѣсь пропали, а нынѣ мы ихъ всѣхъ при себѣ содержимъ. Вручая вашу милость Господу Богу, вашимъ милостямъ желательный пріятель и слуга Петръ писарь» [25].

Не довольствуясь отправкой этого обширного воззвания, Петрик вложил в него еще две «цыдулки» и в первой из этих «цыдулок» писал следующее.

«И то, ваша милость, добрые молодцы, разумныя головы, войско запорожское, разсудите вы, что не всегда московскіе цари такое вамъ будутъ давать жалованье, какъ теперь часто присылаютъ червонные золотые: это Москва дѣлаетъ потому, что слышитъ въ лѣсу волка, а когда это дѣло минетъ, то не только того жалованья не дастъ вамъ Москва; но, помирившись съ Крымомъ (какъ нынѣ о томъ усердно старается), васъ изъ Сичи выгонитъ, вольности ваши войсковыя отниметъ, Украйны нашей часть отдастъ ордѣ въ неволю, а остатокъ возьметъ въ свою неволю вѣчную. И тогда къ кому приклонитесь, кто вамъ поможетъ и кто изъ неволи (чего не дай, Боже) избавитъ васъ? Сами, ваша милость, добрые молодцы, войско запорожское, знаете ту, по истинѣ правдивую, сказку, что за кого стоитъ крымскій ханъ, тотъ будетъ и панъ. Если московскіе цари съ крымскимъ ханомъ вѣчный миръ учинятъ, о чемъ такъ прилежно стараются, то хотя бы вы и къ полякамъ кинулись, то не будетъ вамъ отъ нихъ помощи, потому что поляки и сами Москвѣ ничего не сдѣлаютъ, а Москва съ Крымомъ сдѣлаетъ все, что захочетъ; теперь уже Москва на Самарѣ свои города имѣетъ, въ Кіевѣ и въ Переяславѣ людей своихъ держитъ и въ иныхъ нашихъ городахъ силу (войско) свою имѣетъ; а когда еще запретъ Днѣпръ, то никому и никакъ нельзя будетъ дохнуть. Дивно то, что прежде вы всѣ жаловались на неправды отъ Москвы и отъ своих господъ, вы говорили, что нѣтъ такого человѣка, который-бы началъ дѣло и подалъ-бы вамъ поводъ. А теперь, когда, за божіимъ позволеніемъ, такіе люди нашлись на то дѣло, ваши войсковыя вольности въ рѣкѣ Днѣпрѣ и въ иныхъ мѣстахъ окрѣпили, а потомъ хотѣли вашихъ женъ и дѣтей и жилища ваши вырвать изъ московской неволи и отъ рабства господъ украинскихъ, тогда вы неохотно выказали на то вашу волю: вы только охочее войско на Русь пускали, а сами, лучшіе люди, въ Сичи остались. И развѣ вамъ то не любо, что хоть вы Крыму и убытки чините, однако вездѣ вы безопасно, до самого моря добываетесь и рыбой, и солью, и звѣремъ. А къ Москвѣ вы привязались даромъ, какъ та рыба судакъ, которой, хотя неводомъ и не тянутъ, сама привяжется къ нитѣ: сами, ваша милость, знаете, не туда-ли рыболовъ кладетъ ту рыбу судака, куда и ту, что затянетъ неводомъ? Такъ если и васъ москаль затянетъ въ свою мочь, хотя вы теперь и даромъ держитесь, то также поступитъ, какъ и съ тѣми людьми, которыхъ давно въ своей власти имѣетъ. Я совѣтую вашимъ милостямъ,

добрымъ молодцамъ, если вы хотите доброе что сдѣлать и свои вольности спасти, то дѣлайте это нынѣ-же, пока время имѣете; а когда время это упустите или потеряете, то ужъ никогда его имѣть не будете, и какъ лишитесь своихъ вольностей, такъ возьмете на свои души грѣхи всей Украйны, которая вами защищается и на васъ надѣется» [26].

В другой «цыдулкѣ», приложенной к тому же первому воззванию к запорожским козакам, Петрик писал так.

«Напрасно, ваша милость, называете меня въ вашемъ письмѣ измѣнникомъ и прелестникомъ. Чѣм я васъ, добрыхъ молодцевъ, обманулъ и прельстилъ? Развѣ тѣмъ, что предоставилъ въ вашу волю Днѣпръ и всѣ находящіяся возлѣ Днѣпра рѣчки, гдѣ вы всюду, до самого Очакова, безопасно добываетесь и рыбою, и солью, и звѣремъ? Вы сами знаете, какіе пожитки отъ того имѣете, однако, вамъ это, кажется мнѣ, немило и недостаточно, что вы меня, вашего слугу войскового, за вольности войска запорожскаго сердечно убивающагося, безвинно хулите и безчестите. Знайте, господа молодцы, то, что если это дѣло пройдетъ даромъ, которое я, при помощи божіей, для вашей прибыли и для блага нашего малороссійскаго народа началъ, и вы, добрые молодцы, за него не возьметесь, то ужъ не знаю, будете-ли вы добычиться на Низу и на Молочной рѣкѣ солью, рыбою и звѣремъ» [27].

Положение запорожцев было таково, что им, во что бы то ни стало, нужно было выиграть время, пока и сами они усилятся и гетман Мазепа соберется с полками для отпора наступающих врагов. Для этого нужно было вступить в переговоры с Крымом,— благо повод всегда был налицо: мирные промыслы запорожских торговцев на рыбу и на соль. Поэтому из Сичи отправлена была какая-то депутация к нурредин-салтану с письмом и от него к новому хану. Депутаты должны были хлопотать о том, чтобы утвердить присягу, какую заключил еще гетман Богдан Хмельницкий с Крымом и какую при прошлом хане запорожцы заключили в Каменном Затоне.

На представления запорожцев нурредин-салтан отвечал письмом из урочища Носоковки. Предпослав кошевому атаману и всему старшему и меньшему куренному товариству свое поздравление, он извещал их о повороте из Крыма запорожских посланцев и о выезде в Сичь вместе с запорожскими посланцами посланцев наияснейшего крымского хана с письмом ко всему запорожскому войску; просил, по прибытии крымских посланцев, прочитать и выразуметь письмо хана, заключить всем войском святой покой и вечное перемирие с Крымом и потом готовиться для союзного действия с нурредин-салтаном против врагов Украйны и Запорожья. Сам нурредин-салтан со всеми крымскими силами уже идет к запорожцам вслед за ханскими послами и когда дойдет до Сичи, тотчас «разговорится съ козаками устными рѣчами», а пока желает им всякого добра от Бога [28].

Но запорожцы за это время уже успели получить известие от гетмана Мазепы о полной готовности дать отпор бусурманам и потому сразу переменили свой тон в отношении нурредин-салтана. Они ему отписали, что готовы, согласно условию, заключенному с калгой-салтаном, ввиду того, чтобы безопасно заниматься соляными, рыбными и звериными промыслами, держать полный мир с Крымом, но идти в поход под города русского государя не желают.

Тогда нурредин-салтан обратился к запорожцам с листом и напомнил им об их желании подтвердить присягу, принесенную войском в Каменном Затоне. Условия той присяги предъявлены были в ту пору вместо запорожцев Петриком и состояли в том, что козаки обещали идти в воинский поход заодно с крымцами и соглашались отпустить от себя охочее войско под команду калги-салтана. Однако, в настоящее время они от того обязательства отказываются, заявляя, что на московскую войну не пойдут и при всем том желают такого мира, чтобы им вольно было и рыбой и зверем довольствоваться. «Такого вашего мира намъ ненадобно и отъ нынѣшняго времени отъ насъ вы покоя уже никакого имѣть не будете; а на то наше письмо, если мира надобно, пусть или самъ кошевой атаманъ съ товариществомъ, подумавъ, возможно скорѣй къ намъ для устнаго разговора пріѣзжаетъ, или нѣсколько знатныхъ человѣк изъ товарищества присылаетъ; если же вамъ мира ненадобно, то вы на сей намъ листъ послѣдній учините отвѣтъ» [29].

На все предложения, угрозы и предостережения Петрика и нурредин-салтана запорожцы ответили письмом, составленным января 15 дня войсковым писарем Созонтом Грабовским. Начав отдаленно с небесных знаков, открывающих дурную или хорошую судьбу человека, затем перейдя к почитанию православных царей, всесильно обретающихся панов, родных отцов и матерей, дорогих сродников, начитанный и красноречивый писарь войсковой Созонт Грабовский перешел, наконец, к самой сущности дела и обратился с жестокими упреками к «проклятому воплощенному врагу» Петрику. «Хотя ты, Петре, именуешься человѣкомъ православнаго рода, но взялся, на все злое, устремившись, за такое дѣло, черезъ которое много христіанскаго народа погибло. Воистину, Господь не потерпитъ, но отомститъ за это. Ты вносишь губительное опустошеніе мечемъ своимъ, вмѣстѣ съ богомерзкими бусурманами, въ самое основное гнѣздо православія, Москву, или, правильнѣе сказать, Малую Россію. Разсуди же сіе: на кого та вся клятва падетъ, какъ не на тебя самого. И въ самомъ дѣлѣ, пока ты что-нибудь сдѣлаешь или и ничего не сдѣлаешь Москвѣ, а народу малороссійскому уже явная, чеезъ твой с государствомъ крымскимъ воинскій походъ, пагуба настанетъ, чего не дай, предвѣчный царю небесный. Впрочемъ, объ этой твоей губительной затѣѣ мы, войско запорожское, доподлинно еще не знаемъ и желаемъ вполнѣ довѣдаться и совершенно убѣдиться: по наущенію-ли кого другого, или-же самъ собою, какъ намъ до-

кладываешь, въ листѣ своемъ, къ намъ писанномъ, яко-бы за отчизну нашу стоя, поднялъ на то крымское государство, чтобы, избавившись и освободившись отъ рабства и подданства, какъ московскихъ, такъ и нашихъ пановъ, принять перемирія на вѣчныя времена, вмѣсто совмѣстной жизни съ Москвой, отъ всего государства крымскаго. Разсуди-же ты о томъ, хорошо-ли такъ будетъ: отлучившись отъ своей православной вѣры, ввергнувши гнѣздо свое малое, бѣдную Украйну, въ сосѣдство с бусурманами, этими супротивными дьяволами, гонителями креста господня, мы погубимъ нашу православную вѣру и, главное, что нужно сказать, попадемъ въ вѣчное рабство и неволю, къ чему не допусти ихъ, Боже, а намъ не дай дождаться этого въ вѣчныя времена. А ты, предавшись отчаянію и забывши создавшого и искупившого тебя кровію своей пресвятою, вмѣсто того, чтобы видѣть послѣ тьмы, въ вѣчные роды, свѣтъ не вечерній, наслаждаться, всегда радуясь о Господѣ, чертогами небесными,— ты самовольно отдался бездонному аду съ душою и съ тѣломъ и устремился на зло и противленіе Богу всемогущему,— единодушно желаемъ тебѣ бесѣдовать на вѣчныя времена. И такъ какъ ты имѣешь данные тебѣ ханомъ, его милостью, клейноты, то съ ними и иди отъ насъ, войска запорожскаго, туда, куда имѣешь намереніе идти, не надѣясь получить клейнотовъ войсковыхъ: такъ какъ ты передался въ Крымъ безъ нашего вѣдома, насъ оставивъ, намъ измѣнивъ и милостью нашею, данною тебѣ, пренебрегъ, то и теперь безъ нашего вѣдома походъ твой дѣлай, а намъ больше ни въ чемъ не докучай» [30].

Еще резче ответили запорожцы нурредин-салтану. Они положительно ему объявили, что ни писать «псу» Петрику, ни выходить из Сичи вовсе не желают [31]. Это было ответом огромного большинства запорожского войска и только самая ничтожная часть его, да и то подонки общества, пристала к Петрику.

Таким образом, все предприятие Петрика и его бусурманских союзников и на этот раз окончилось ничем: «Они своими погаными попытками монаршеской державы только коснулись», как выразился Мазепа в своем письме по этому поводу в Москву.

Гетман Мазепа остался вполне доволен приемом, оказанным войском запорожских козаков Петрику и пришедшим с ним татарским ордам. Сообщая о том во все малороссийские полки, он писал: «Когда бусурмане, желая прежде всего прельстить къ своему соединенію запорожскихъ козаковъ, подошли под Запорожскую Сичь, то запорожцы, стоя непоколебимо въ вѣрности своей къ великимъ государямъ и въ послушаніи къ намъ, отказали имъ поганцамъ сурово, говоря, что не только не будутъ имъ помогать въ зломъ намѣреніи ихъ, но, если-бы они настаивали на своемъ, готовы будутъ бой съ ними чинить. О томъ походѣ татаръ запорожцы прислали намъ извѣстіе во вторникъ, хотя поганцы ударились въ среду подъ Переволочну въ походъ» [32].

Относительно верности запорожцев русскому престолу Мазепа в это же время, а именно января 31 дня, написáл письмо и в Москву. В этом письме гетман рассказывал о том, как нурредин-салтан и некоторые другие салтаны с ордой более чем в 40 000 человек, с побудки проклятого и скверного врага и изменника Петрика, пошли было из Крыма на разорение малороссийских городов; но, однако, благодаря радению самого гетмана и усердной службе запорожского низового войска, едва тронули своими поганскими копытами богохранимую землю царей, как немедленно, сломя голову, со стыдом и бесчестием возвратились назад. Неприятели сперва подошли было под самую Сичь и стали прельщать запорожское войско к своему «скверному единомыслію». Когда же запорожские козаки, сохраняя непоколебимое постоянство монархам и послушание гетману, отказались следовать за врагами, то татары пошли под украинные города, сперва под Переволочну, потом под Кишенку. Узнав, однако, о полной готовности со стороны жителей названных городов дать решительний отпор им, [33] они со «всѣми своими нечестивыми силами» повернули «оттоль горѣ рѣки Ворсклы полевою стороною» и рушили под Полтаву. Однако, и под Полтавой, кроме того, что похватали «огурныхъ и недбалыхъ людей на сѣнахъ и на дровахъ», ничего другого не сделали, «отторгулись» на Коломак и далее в дикие поля [34].

Хотя гетман Мазепа и был на этот раз доволен поведением запорожцев, но сами запорожцы не были довольны гетманом. Услышав о действиях татар у Переволочны, Кишенки и Полтавы и об уводе ими в плен многих украинцев, козаки послали Мазепé укорительное письмо и в нем спрашивали гетмана, кто виновник всему происшедшему бедствию, что было причиной замедления со стороны гетмана в отпоре неприятелей и через то «згубы и руины посполитого» украинского народа.

На такое письмо гетман Мазепа отвечал запорожцам обширным листом, в котором старался снять с себя всякую в этом деле вину и взвалить ее то на самих людей, попавшихся к неверным в полон; то на «здрадника, пекельного пса, дьявольского сына, шалберника» Петрика; то, наконец, на самих же запорожцев. Прежде всего, писал Мазепа, бусурмане успели распустить свои чамбулы только до города Кишенки, а от Полтавы они уже были оттерты и бежали стремглав всей своей поганской купой. Затем из украинских жителей они захватили только людей огурных, которые не слушали ни приказа, ни угроз старших, беспечно проживали по уединенным хуторам и беспутно в самое тревожное время ездили по сено и по дрова в разные места. Да и возможно ли всякий раз предупредить поганский набег на украинские города? Готовы ли к этому были всякий раз антецессоры или предшественники Мазепы? Известно, что поганцы большую часть своих вторжений делали внезапно и так же внезапно исчезали. И теперь, хотя запорожские посланцы, прибывшие в Бату-

рин с известием о походе нурредин-салтана на Украйну, сообщили о том, татарам ничего нельзя было сделать: гетман узнал о вторжении салтана во вторник, в среду и в четверг изготовил арматные тяжары, в пятницу рушил поспешно в военную дорогу к Лубнам, а неприятели, побывав под городами, в эту же пятницу отошли назад. И то нужно сказать, что двигаться всякий раз со всеми тяжарами против легкоконного врага гетману невозможно да и для края весьма невыгодно: известно, что ни украинские, ни великороссийские войска без сена, дров и оброков не могут проходить по городам, а в таком случае, при частых походах наших, мы сами бы разорили собственный край; край же наш и без того беден лесом и всякой растительностью, что же другое от того могло бы выйти кроме шкоды и опустошения? Нужно и то припомнить, что все предшественники Мазепы, в случаях вторжений неприятельских на Украйну, лично против них никогда не поднимались, а посылали против них свои отряды, и если бы всякий раз двигаться против бусурман с войсками и с тяжарами, то это было бы неприлично рейментарскому званию гетмана и весьма убыточно для войска, да и как гетману гоняться пехотой и конницей за легким и быстрым неприятелем? Если же Мазепа и двинулся с войсками против нурредин-салтана, то он опасался, как бы тот неприятель не сунулся меж украинские города по наущению скаженого пса изменника Петрика. Этот безбожный изменник Петрик и виновен в набеге татар на города. Нельзя скрыть и того, что немало виновны в этом и сами же запорожцы: Петрик, этот щенюк пекельный, исполнившись яда, обокрал канцелярию, опозорил гетмана, ушел в Сичу, рассеял там зломысленные плевелы и так подольстился к войску, что даже был выбран писарем войсковым. Когда же гетман потребовал выдачи изменника Петрика, то запорожцы отказали ему в том и чрез то подвергли Украйну бедствиям от бусурман. Теперь остается, взяв в помощь Господа Бога, соединиться всем вместе и действовать против поганцев, пока станет здоровья и пока будут целы головы на плечах [35].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приезд гетманского посланца Трощинского в Сичу и нарекания со стороны запорожцев на Мазепу.— Извинения, посланные по этому поводу гетману со стороны кошевого Кузьменка.— Отписка гетмана в Москву и ответ царей на отписку гетмана.— Сношения мусульман с запорожцами.— Присылка в Сичь царского жалованья и обещание со стороны запорожцев верно служить царям.— Просьба запорожцев к гетману о поднятии войны против бусурман.— Выбор кошевого Рубана, перемирие с Крымом и переписка по этому поводу с гетманом и с Москвой.— Волнение в Запорожье во время прибытия туда гетманского посланца Кныша и толмача Волошанина.— Объяснение гетмана с войском низовых козаков.— Просьба к запорожцам патриарха Адриана о выручке из татарского полона боярских детей Шишигиных.— Доброе настроение запорожцев в отношении гетмана.— Новый призыв Петрика к запорожцам и отказ со стороны их Петрику.— Подвиги запорожцев против татар и похвала им со стороны патриарха Адриана.— Семен Палий и запорожцы.

Появление Петрика с татарами в городах Украйны, хотя и не имело особенно важных последствий, произвело, однако ж, большое смятение в среде запорожских козаков. И это вполне понятно: увлеченные заманчивыми планами Петрика об отторжении Украйны от Москвы, татары с большим рвением бросились из Крыма на левый берег Днепра и обрушились на пограничные орельские местечка и города. Такие действия татар поставили в крайне двусмысленное положение запорожцев: по справедливому и здравому рассуждению они должны были действовать в таком случае против татар, и в этом деле им должны были помогать малороссийские козаки и русские, стоявшие на Украйне, полки. Однако московское правительство, слабое в то время двоевластием своих царей и потрясенное недавним бунтом стрельцов, не могло думать о войне против мусульман. Сам гетман, без воли царей, не смел предпринимать решительных мер против татар. Такое положение между двух огней заставляло запорожцев бросаться от одной крайности к другой: то заключать с татарами мир, то объявлять им вражду; то изъявлять свою покорность гетману и московским царям, то выражать свое неудовольствие против гетмана и московских царей. В существе дела запорожцы были на стороне московских царей; потеряв всякую надежду получить какую-нибудь помощь от Москвы, запорожцы просили, по

крайней мере, расширить гетманские права и тем предоставить гетману самостоятельные действия против мусульман. Такое «шатостное» положение со стороны запорожских козаков продолжалось около двух лет и все-таки это зависело не от них. Винить в этом случае запорожское войско в измене царям нет оснований никаких: объяви Москва сегодня войну против бусурман, сегодня же и запорожцы пошли бы против них воевать, потому что к войне у запорожцев была и потребность, и страсть. Лучшим подтверждением этих слов может служить поход царя Петра на турецкий город Азов весной в 1695 году. Но пока открылся этот поход, запорожские козаки в течение 1693 и 1694 годов поставлены были в необходимость искать защиты только у самих себя, высказывать вследствие этого свои неудовольствия гетману и московским царям и за то получать от них названия изменников и «шатостныхъ» людей.

Первым поводом к пререканию между гетманом и запорожским Кошем послужил приезд господаря гадячского замка Степана Трощинского в Запорожскую Сичь 1693 года февраля 13 дня. Степан Трощинский послан был гетманом еще в половине месяца января с целью доставки в Сичь резного иконостаса, пожертвованного в новый святого Покрова храм. Для того храма Мазепа давал разный запас, отправлял деньги, иконы, посылал столярных мастеров и, наконец, отправил через пана Трощинского целый иконостас. Степан Трощинский, доехав до города Полтавы, задержался там вследствие набега на Украйну татар и поднявшихся через то военных тревог. Прождав в Полтаве до тех пор, пока орды не повернули из Украйны на Крым, Степан Трощинский двинулся потом вниз и февраля 13 дня прибыл в самую Сичь. Невдалеке от Сичи навстречу Трощинскому вышли собором священники в числе шести особ с местными иконами и сам кошевой атаман с наличным запорожским войском. Священники пешие несли иконы на руках; кошевой и войско везли пушки и «огненное ружье». Приблизившись к послу, все козаки отдали поклон святому иконостасу и сделали честь выстрелами из пушек и из мелкого ружья, после чего взяли иконостас и повезли его в церковь Покрова пресвятой Богородицы в Сичь. В церкви установили, как нужно, иконостас и отпели молебен за здоровье великих государей и гетмана малороссийских козаков. После окончания молебна Трощинский отдал войску гетманский лист, и козаки читали на раде тот лист, «и, благодареніе Господу Богу и благодѣтелю всѣхъ, не говорили никакихъ коварныхъ словъ»; самому же посланцу велели «на госпóдѣ» (в доме) стать. После того пан Трощинский прожил в Сичи 5 дней и в течение этого времени к нему приходили разные бунтовщики, большей частью пьяные люди, по 50, по 100 человек, бранили и бесчестили его, а вместе с ним поносили гетмана и Москву.

Все, что слыхал Трощинский в Сичи, он представил гетману в четырнадцати отдельных статьях.

1. Запорожские козаки без своего посла, которого они отправили в Крым после прихода Петрика на Русь и который все еще не вернулся в Сичь, не хотят дать татарам своего слова и присягнуть на том, как они присягали летом в Каменном Затоне калге-салтану и Петрику.

2. Крымские татары всех тех козаков и всех купцов, которые ходили за своим промыслом в Крым и были забраны на Низу, свободно отпустили от себя.

3. Запорожские козаки просят подлинной ведомости о том, готовиться ли им весной к походу на Крым или нет: если цари и гетман не будут воевать татар, то козаки учинят вечный мир с ордой, как было при Хмельницком учинено, и, соединясь все сообща, пойдут воевать Москву и убивать панов.

4. Запорожские козаки о годовом жалованьи не посылали в Москву потому, что учинили прошлым летом с калгой-салтаном и с Петриком присягу на вечный мир, а для вида отговариваются тем, что боялись задержки своих посланцев в Москве.

5. Но, кроме того, запорожские козаки не посылали в Москву еще и потому, что боялись татар, которые, услыхав о таком посольстве их к московским царям, могли бы забрать тех из товарищей войсковых, которые летовали и зимовали на рыбном и соляном промыслах.

6. Нурредин-салтан со всеми бусурманскими силами и с Петриком стоял под Сичею два дня, а каковы предлагал им словесно и на письмах подавал «прелести», то ему, Трощинскому, тайно запорожский писарь в руки подал; впрочем, войско запорожское, будучи верно великим государям и господину гетману, «въ своемъ совершенномъ постоянствѣ удержалось».

7. Как только Трощинский приехал в Сичь, тогда о татарах там не было никаких известий; но потом запорожцы проведали о скором возвращении татар и начали на Москву и на гетмана свое неудовольствие выражать: «Вотъ панами они называются, а не хотятъ бѣдныхъ людей оборонять; сами по домамъ живутъ, а татары какъ хотятъ, такъ Украйну и разоряютъ. Почему-бы гетману въ степь, къ рѣкѣ Самарѣ, на встрѣчу татаръ, не идти? Развѣ и онъ съ Петрикомъ и со своею старшиной одно разумѣетъ? Или онъ не наговорился съ Москвой о томъ, чтобъ нашъ народъ черезъ татаръ обнищать, а потомъ, когда на Украйнѣ слишкомъ мало останется людей, съ остаткомъ дѣлать то, что дѣлать хотятъ»?

8. Слышим мы, что гетман с Москвой хочет другую Сичь у Каменного Затона делать, чтоб нас в свои руки забрать. Был бы здоров наш Днепр, а мы другую Сичу найдем и все-таки никому над собой смеяться не дадим.

9. Говорили запорожцы и о том, что-де Москва и гетман постоянно пишут к ним, требуют розмирья с неверными и войны против них, а сами всеми силами хлопочут о том, чтобы заключить с Крымом мир.

10. Запорожцы поневоле-де принуждены держать с татарами мир, потому что у них и силы нет с таким великим царством воевать, а кроме того козаки принуждены держать с татарами мир еще и потому, что они и сыты, и пьяны, и одежны от добычи рыбной и соляной.

11. А что по милости царской запорожцы получают казну, то с той казной они давно бы от голода померли, потому что теперь, когда поделятся меж собой, на всякого товарища денег достает не больше 18 шагов, а сукна на человека несколько больше локтя, и выходит, что сердюки и компанейцы получают больше запорожских козаков; пусть гетман даст на всякого козака по 20 золотых, по кафтану да снадобье хлеба, тогда запорожцы не будут с татарами держать мира никогда.

12. Скажи гетману и о том, чтобы ватажников с запасами и со всякими торгами пропускал к нам; если же не будет пропускать, тогда мы будем в другом месте себе хлеба искать, и тогда уже гетман со своим сонмом заднепрянских панов пусть осматривается кругом.

13. При самом выезде Трощинского из Сичи пришли атаманы Брюховецкого и Дядьковского куреней и обратились с такими словами к нему: «Слышишь-ли ты, Трощинскій, скажи обо всемъ этомъ гетману, а гетманъ пусть отпишетъ царямъ, что все войско шумитъ и, какъ говорятъ, что ты ухо гетмана, то для того тебѣ и говоримъ, чтобы ты все гетману передалъ; иному не за обычай то: иной козакъ не посмѣетъ гетману передать, потому что его тотчасъ-же бросятъ въ тюрьму и скажутъ, что у него запорожскій духъ, да и паны не допустятъ гетману передать, а тебѣ добро, потому что ты часто у гетмана и спишь».

14. Хотя такие гнилые слова говорят и не все, но все-таки большая часть, и хотя в Сичи есть люди постоянные и желательные (царям), но они, опасаясь голытьбы, которая может их прибить, молчат; оттого и выходит, что злобных в десять раз больше, нежели добрых людей [1].

Независимо от известий, полученных Мазепой от своего посланца, гетман получил известия о настроении запорожских козаков и от кошевого атамана Василия Кузьменка. Кузьменко писал Мазепе в одной «цыдулкѣ» и в двух листах. Он благодарил гетмана за оказанные милости запорожским козакам и обещался, вместе с писарем войсковым, как великим государям, так и вельможному гетману свое «пріятство соблюдать». Кузьменко особенно прославлял щедроты и усердие гетмана к храмам божиим: «Гетманъ и на главѣ дома Успенія Дѣвы Маріи в кіевопечерской лаврѣ сдѣлалъ неизреченное украшеніе отъ злата и въ запорожской Сѣчи на благословенномъ мѣстѣ славу вѣчную себѣ воздвигнулъ и честь Господеви воздалъ». Просил о пожаловании войску, для уплаты мастерам, строившим церковь в Сичи, пятисот золотых да несколько кусков зеленой полуобъяри на занавес. За все это запорожское

низовое войско многократно благодарит благодетеля своего, желает ему телесного здравия и душевного спокойствия, высказывает надежду, что за такое дело преблагословенная Дева покроет его своим омофором, служители же престола Господня будут возносить за него благоприятную жертву. «А что касается, вельможность ваша, того твоего вопроса, въ миру-ли мы съ бусурманами, или нѣтъ, то на это отвѣчаемъ такъ. Наше перемиріе, которое мы держимъ до сихъ поръ съ бусурманами, никому не дѣлает убытка, но служитъ только къ лучшей прибыли. Возьми въ соображеніе, ваша милость, то что, если-бы мы, войско запорожское, не держали съ татарами мира, то откуда была-бы намъ добыча и харчъ? И то надо сказать, что хотя у насъ съ бусурманами и миръ, но онъ не служитъ помѣхою ни монархамъ нашимъ, ни вельможности вашей, ни всей Украйнѣ; напротивъ того, черезъ это самое вы получаете отъ насъ очень часто и самыя точныя извѣстія (о дѣлахъ въ Крыму). Впрочемъ, въ настоящее время мы, не видя до сихъ поръ у себя посланнаго нашего въ Крымъ товарища, не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ скоро онъ пріѣдетъ въ Сѣчь, тотъ-же часъ извѣстимъ вельможность вашу о томъ» [2].

Оба письма написаны были в официальном тоне и продиктованы всей радой запорожского товарищества. Но к ним приложено было личное кошевого Кузьменка к гетману Мазепе письмо, в котором Кузьменко объяснял, что запорожское войско весьма охотно пойдет на войну против бусурман, лишь бы только на то была воля царей; все бусурмане так привыкли к набегам на украинские города, что для них захватить на Украйне бедных людей то же, что с собственных дворов хлеб или иное имущество свое взять; какая же слава монархам и вельможному гетману от того? Кроме того, гетману нужно во все полки универсалы разослать, в особенности же дозорце Рутковскому приказать, дабы ватаги из Украйны в Запорожье могли безопасно ездить с товарами к запорожским козакам. А за верность великим государям со стороны козаков, за то, что они постоянно без всякого нарушения службу свою хранят, просить государей прислать с прибавкой царской казны. «Впрочемъ, если я что-нибудь непріятное вашей вельможности написалъ, то прости мнѣ, дураку, ибо я пишу по приказу войсковому, и знай, что если-бы какимъ ни есть образомъ донеслось, что я начинаю что-нибудь сверхъ воли козаковъ, то они тотъ-же часъ въ радѣ убили бы меня; а если они что приказываютъ, то добраго не приказываютъ ничего, а противное все; я самъ на обѣ стороны пишу и имъ перевожу въ хорошемъ видѣ на доброе дѣло ваше» [3].

Обо всем, что гетман Мазепа узнал о запорожских козаках, как из показаний своего посланца Трощинского, так и из писем кошевого Кузьменка, он сообщил, марта 1 числа, в Москву особым листом, доставленным тем же посланцем царям. В конце этого листа гетман сообщал и о том, каким образом он распорядился относитель-

но сделанных, вследствие просьбы кошевого атамана Кузьменка и ходатайства воеводы Семена Неплюева, шести пар пушечных колес: по царскому велению, колеса те должны были быть сделаны на Самаре и отосланы в Кодак; но гетман, верный подданный царского пресветлого величества, рассуждая о настоящем поведении запорожцев, нашел нужным тех пушечных колес кошевому атаману и войску не отсылать, потому что запорожцы не имеют от государей никакого указа, чтоб им на войну выступать. Теперь все запорожцы сидят в своем гнезде и охраняют свою Сичь от мусульман, а в таком случае им пушки годятся и без колес. По всему этому гетман находит за лучшее все те колеса до будущей весны в Новобогородицком городке удержать, а будет ли о том иное повеление великих государей, то он «вручаетъ премощной монаршей волѣ» [4].

Ответ гетману Мазепе последовал марта 13 дня. Цари, за обращение гетмана к запорожцам, за посылку в Запорожье церковного иконостаса, за приведение козаков к постоянству и послушанию, за доставку в Москву всех писем и за всю его верную и радетельно-усердную службу, милостиво жаловали и премилостиво похваляли, а о посылке пушечных колес из Новобогородицка в Запорожье советовали ему учинить по собственному рассмотрению [5].

Тем временем запорожцы, не получая от гетмана никакого ответа на свое письмо относительно похода на Крым и не зная, что им предпринять, бросались от одной крайности к другой. Так, весной того же 1693 года крымский хан прислал в Сичь своего посланца с предложением товариству поновить мир, какой был заключен в урочище Каменном Затоне между крымцами и войском низовым. Запорожцы встретили ханского посланца с большим почетом и дали ему присягу строго соблюдать с Крымом мир; для заключения же мирных условий отправили собственных посланцев на Крымский полуостров. Они не отказывались даже и от похода на украинские города, но только не с Петриком, лишенным совсем военных способностей, а с прославившимся в то время военными подвигами знаменитым полковником Семеном Палием: «Дадимъ гетманство Палію, вручимъ ему всѣ клейноты, Палій пойдетъ уже не Петриковою дорогой,— онъ знаетъ, какъ прибрать къ рукамъ украинскихъ пановъ» [6].

Однако, этот мир оказался столь прочным, что в конце месяца марта кызыкерменский бей Магмет прислал козакам укорительное письмо за нарушение данной ими клятвы, требовал освобождения из плена шести человек татар, попавших к запорожцам в полон, и снова предлагал свою дружбу и мир [7].

Но теперь запорожское войско неожиданно перешло в другой тон и стало добиваться, во что бы то ни стало, войны с Крымом и для того стало ждать помощи от гетмана Мазепы и московских царей.

В мае месяце отправлено было в Сичь со стольником Новосильцевым, подъячим Фроловым и гетманским посланцем Олейниченком

войсковое жалованье, сукно, порох и свинец. Особо от гетмана отправлен был Сидор Горбаченко с видимой целью известить запорожцев о присылке им милостивого царского жалованья, с действительной — проведать «о тамошнихъ поведеніяхъ и о всякихъ вѣдомостяхъ». Сидор Горбаченко прибыл сперва в Переволочну к дозорце Ивану Рутковскому и там нашел жителей в тревоге от набега татар, которые перед тем, мая 28 дня, сделали нападение на Нехворощу и Келеберду и захватили там много людей в полон. Ввиду этого дозорца Рутковский нашел за лучшее купить для Горбаченка лодку [8] и в ней отправить его по Днепру, в сопровождении надежных проводников, в самую Сичь.

В Сиче в это время был кошевым атаманом вместо Василия Кузьменка Иван Гусак. Встретив с подобающей честью царских и гетманских гонцов, Гусак и все запорожское войско благодарили царей за присланное милостивое жалованье и объявляли о своей преданности Москве и о нерасположении к Крыму. Сам Гусак в особенности добивался войны с Крымом. «Видишь-ли,— говорил он потом наедине Сидору Горбаченку,— сколько здѣсь прихожей изъ городовъ голутьбы, а въ радѣ противъ всякаго говорить нельзя; если-бы, по радѣніи гетмана, отворилась война на бусурманъ, то вся эта голутьба пошла-бы на войну и всѣ перекатели пропали-бы въ бояхъ» [9].

Отпуская от себя царских послов, кошевой атаман и все запорожское низовое войско вручили им ответное для передачи великим государям письмо и в том письме писали, что они подлинно желают учинить с «головными» своими неприятелями розмир, потому что те неприятели постоянно наступают «своимъ вольнымъ промысломъ» на запорожских козаков и на веру всех православных христиан. Но для того, чтобы верно действовать против бусурман, запорожцам нужно иметь помощь из великороссийских ратников и украинских козаков и дозволение открыть поход хотя под город Кызыкермень. Благо и случай к тому благоприятный выпал: хан крымский со всеми силами своими крымскими, черкесскими и калмыцкими предпринял в Венгерскую землю «свой дьявольскій походъ», а других своих салтанов с частью татар послал в какой-то польский повет, якобы на Волынь [10].

В таком же роде написали кошевой и близкие к нему козаки письмо и гетманскому дозорце Рутковскому через нарочного гонца. Отправив тайно к дозорце письмо, они просили как можно скорей («днемъ и ночью») доставить его своему благодетелю, вельможному гетману, в Батурин. Теперь все войско в сильном волнении и одна часть его желает мира, другая мира «не благоволитъ и проситъ» отмщение неприятелям учинить. Пишут же они дозорце «тайно» потому, что в среде их немало есть таких людей, которые, услышав что-либо в Сичи, немедленно доносят о том в турецкие городки [11].

Гетман Мазепа давно уже знал, в каком тревожном положении находились запорожцы, и потому, получив известие от своего дозорцы о желании козаков идти походом против бусурман, поторопился отправить от себя обширный лист в Москву и в том листу, став на точку зрения запорожцев, доказывал, что нужно во что бы то ни стало воспользоваться счастливым положением дел и открыть поход против бусурман. Гетман «дерзаетъ великимъ государямъ писать объ этомъ не ради желанія запорожскихъ козаковъ, а ради большого дѣла превысокаго монаршескаго имени, которое они, бусурмане, не такъ, какъ надлежитъ, почитаютъ, и проситъ, при добромъ запорожцевъ намѣреніи, войска на бусурманскія жилища поднять». Нужно воспользоваться тем благоприятным временем, когда запорожцы еще не успели с турецкими городчанами своего перемирия поновить, потому что после того весьма трудно будет их от бусурман оторвать. К тому же есть немало и других причин, которые настоятельно требуют войны против бусурман. Первая причина — это православная вера и монаршеская слава; вторая причина та, что бусурмане делают набеги на богохранимую царского пресветлого величества державу, главным образом на города Малой России, разоряют там храмы божии, уводят в полон немало козаков и народа христианского; наконец, войны этой, кроме запорожцев, единодушно желают и вся малороссийская чернь, и вся генеральная старшина [12].

Но несмотря на представление гетмана, из Москвы отвечали попрежнему отказом: великие государи воинский поход на турецкие города в предстоящее лето решили «удержать» до тех пор, пока возвратится из Крыма царский гонец Айтемиров с ханским ответом на государеву грамоту и на основании этого предписывали гетману объявить о том и всей малороссийской генеральной старшине и всему запорожскому войску. Что же касается неотступной просьбы запорожцев о помощи для борьбы их с мусульманами, то такая помощь излишня для них, потому что большого похода на бусурман не будет, а о мелкой войне не стоит и думать, так как мусульмане всегда живут в большой осторожности и малыми «забѣгами» причинить им какой-нибудь вред невозможно.

Мазепа, выросший в придворной среде, всегда чуткий к переменам тона державных особ, поспешил послать государям оправдательный лист с изъяснением того, что если он и хлопотал, чтобы «наскоро» подать запорожцам просимую помощь, то имел в виду единственную цель — отклонить их от союза с ханом и приготовить к будущему на Крым походу: через это не было бы у козаков такой «противности, какая теперь у нихъ противъ великихъ государей и самого гетмана учинилась» [13].

Когда гетманский гонец скакал с письмом в Москву, в это время между запорожцами распространилась весть о том, будто бы гетман, поднявшись из Батурина, прошел к Гадячу и остановился в нем с войсками, готовясь выйти на войну против татар. Обрадованные

такой вестью, запорожские козаки немало не медля, отправили 18 человек из своей среды к Мазепе с просьбой о том, чтобы он подал им помощь в предстоящей борьбе войска против бусурман. Гетман, приняв козацких посланцев, одним из них велел вернуться вместе с письмом к атаману Гусаку; другим — остаться при себе для доставления вестей на случай войны. Но оставленные при гетмане запорожские посланцы, увидя собственными очами, что гетман из Батурина не трогался никуда, стали просить его отпустить их в Сичь; но Мазепа нашел нужным, впредь до царского указа, удержать их при себе [14].

Несмотря на такую неудачу, верная Москве партия запорожцев все еще не теряла надежды на возможность войны с Крымом и потому июня 23 дня кошевой атаман Иван Гусак послал грамоту царям с выражением готовности войска верно служить Москве, с просьбой о прибавке низовому войску царского жалованья и о дозволении запорожцам сделать нападение на татар.

Но в этот же день в Запорожье произошло большое смятение среди козаков, следствием чего было то, что большинство запорожцев признало мир с Крымом необходимым для себя, и когда кошевой Гусак объявил себя против такого решения войска, то Кош лишил его булавы и вместо него выбрал кошевым Семена Рубана, атамана Полтавского куреня, а собравшееся войско распустил по разным местам для рыбных промыслов и для добычи соляной [15].

Гетман Мазепа, узнав о происшествии в Сичи, поспешил послать в Кош успокоительный универсал. Но масса запорожская, уже давно изверившаяся в Мазепе, вычитав тот «поважный» гетманский лист на «повальной» раде, не нашла нужным даже отвечать на него и послала гетманскому дозорце жалобу на Мазепу за то, что он задерживает у себя запорожских послов и без «слушного указа» не отпускает их от себя. Будучи обижены гетманом в одном, запорожцы не хотели просить его ни о чем другом: раньше, ввиду задуманного похода против бусурман, они сделали было распоряжение не допускать из Украйны в Запорожье никаких ватажных людей; теперь же, вследствие несостоявшегося похода русских на Крым, просят дозорцу дозволить всем ватажанам и купцам свободно проезжать из Украйны в Запорожскую Сичь. К тому же теперь нет никакой и опасности от татар: только что возвратившиеся от крымского хана запорожские послы, нашедшие его в Белогородчине, на устье Дуная, в Килии, заключили там с ним мирный договор [16].

Гетманский дозорца о происшествии, случившемся в Запорожской Сичи, проведал и другим путем: он держал на откупе войскового писаря запорожских козаков Созонта Грабовского и от него получал первые и самые достоверные известия о всех важнейших делах в Сичи. Созонт Грабовский, прежде чем отослать дозорце

письмо кошевого Рубана и всего войска, сделал на нем собственноручно приписку с изъяснением истинного положения в Запорожьи дел. В этой приписке значилось, что Иван Гусак добровольно снял с себя кошевство вследствие нежелания козаков разорвать с Крымом мира; что в турецкий город Кызыкермень прибыл какой-то купеческий караван, который намеревается идти сперва в Сичь, а из Сичи на Украйну, в города; что в караване том находятся двое интересных для дозорцы людей [17]; что в Царьграде выкуплен на волю некто Челин и отправлен в Крым; извещая обо всем этом в своем письме, Созонт Грабовский просил дозорцу прислать верного и нарочного для всяких вестей человека в запорожскую Сичь и самого писаря каким-нибудь гостинцем подарить: «Скороскоро до мене посылай посланца своего вѣрнаго, увѣдомлю о всемъ, да съ гостинцемъ посылай» [18].

Гетман Мазепа, по получении от своего дозорцы последних вестей, поспешил послать о том весть в Москву. В письме, писанном июля 2 дня, он сообщал, что после прибытия в Сичу от хана запорожских и вместе с запорожскими ханских послов, доброе намерение козаков служить Москве «развратилось», и теперь все козаки, даже те, которые всегда были против мира с Крымом и против всех вообще бусурман, решили возобновить и на долгое время подтвердить с Крымом мир, на тех условиях, как год тому назад в Каменном Затоне он был заключен. Бывший на ту пору кошевой атаман Иван Гусак, сохраняя неруши[illegible]о верность великим государям, восстал против перемирия с Крымом, не пошел на собранную по этому поводу раду и отказался от своей булавы. Тогда войско, руководимое толпой неспокойных и мятежных голов, вместо Ивана Гусака выбрало на атаманство Семена Рубана, куренного Полтавского куреня, который еще раньше, чем был поновлен с татарами мир, стоял в числе других за Крым.

Сообщая царям о событиях, происшедших в Сичи, гетман Мазепа высказывал сожаление о том, что запорожцы ввели его в обман своими просьбами о присылке к ним вспомогательных войск для борьбы против бусурман, что по теперешнему их поведению можно судить, как мало заслуживают они доверия к себе; что между ними есть немало «шатостныхъ и непостоянныхъ» голов, делающих то, что им прихоть, а не то, что благоразумие велит. Теперь запорожцы, возобновив с крымцами мир и надеясь на спокойное настроение со стороны татар, станут кичиться перед гетманским послом и «противъ нынѣшняго со стороны царскаго величества отозванія» дадут гордый ответ. Уже и теперь запорожские козаки, гордые миром через Крым, не сочли нужным ответить на гетманский лист с предложением военных промыслов против бусурман: они отписали лишь гетманскому дозорце о выборе у них Семена Рубана вместо Ивана Гусака, самому же гетману отказались вовсе писать [19].

Осудив поведение запорожских козаков, Мазепа тем не менее не переставал сноситься с ними по разным делам. Еще до похода на Украйну «щенюка» Петрика посланы были к крымскому хану «для добрыхъ мирныхъ дѣлъ» царский гонец Василий Айтемиров и гетманский посланец Василий Велецкий, но и до последнего времени ни тому, ни другому не было отпуска из Крыма.

В виду этого в половине июля месяца 1693 года, по царскому приказу, гетман Мазепа отправил в Крым надежного и бывалого человека, толмача Петра Волошанина, с царскими грамотами к крымскому хану и лично к русскому гонцу Василию Айтемирову. В качестве спутника Волошанину Мазепа определил доверенного козака Якима Кныша. Отправляя толмача с царскими грамотами, гетман дал ему собственную грамоту для вручения великому визирю и особое письмо для передачи кошевому атаману Семену Рубану. В письме к Рубану Мазепа объяснял кошевому, что упомянутый толмач Петро Волошанин посылается не для чего иного, как для разузнания, почему царский гонец Василий Айтемиров и гетманский посланец Василий Велецкий так долго задерживаются в Крыму, а также для отыскания некоторых пленных, как например, сотника китайгородского Белана, захваченных татарами в разное время в украинских городах. Предупреждая об этом кошевого атамана, Мазепа просил не задерживать толмача в Сичи и, дав ему надежных провожатых, отправить поскорее в турецкий городок Кызыкермень [20]. О таковом действии своем гетман Мазепа сообщил через своего гонца Романа Селезнева также в Москву, вручив ему для передачи царям копии с самих писем, посланных к Айтемирову в Крым и к Рубану в Сичь [21].

Из Москвы гетману отвечали похвальным листом, о пропуске ватаг на Запорожье велели по своему усмотрению чинить, а относительно бывшего кошевого атамана Ивана Гусака объявляли, что служба его царскому величеству известна и что пусть он царской милости ожидает за нее [22].

Отправляя в путь толмача Волошанина, Мазепа в это же время должен был отпустить от себя и запорожских посланцев, девять человек, оставленных им еще в мае месяце для подания будто бы в Сичу вестей на случай, если откроется у русских с бусурманами война и бесцельно проживавших в гетманской столице Батурине. Уже в начале июля месяца гетман послал известие в Москву о том, что запорожские посланцы, оставленные в Батурине, не желают дольше оставаться в нем и усиленно просятся об отпуске их в Сичь. Ввиду этого, гетман, не желая дольше удерживать их при себе, отпустил посланцев на Сичь, но дал им лист для передачи кошевому атаману и всем низовым козакам с объявлением о том, что на поход против татар к нему, гетману, до сих пор не пришел повелительный монаршеский указ, а как только тот указ придет, гетман немедленно

войску запорожскому о том даст знать. Лично государям Мазепа по этому поводу писал так: «Если-бы въ то время намѣреніе запорожскихъ козаковъ, по вашему монаршескому указу, было поручено мнѣ, то я могъ бы еще въ ту пору привести войско запорожское до чиненія военныхъ промысловъ противъ тѣхъ креста святого враговъ, особенно въ виду того, что и самъ, бывшій на тотъ часъ, кошевой атаманъ Иванъ Гусакъ всѣхъ товарищей настойчиво къ тому побуждалъ, и многіе изъ товарищей вмѣстѣ съ Гусакомъ хотѣли разорвать съ бусурманами перемиріе и начать съ ними войну и, какъ разумные политики, они писали, что война та можетъ окончиться и счастливо, и прибыльно, коли не откладывать ее на долгій срокъ; если-же войну отложить на размышленіе и на долгій срокъ, то для счастливого окончанія ея могутъ найтись разныя препятствія. Такимъ образомъ, когда я безъ вашего, великихъ государей, премощного монаршеского указа, не смѣлъ имъ наскоро оказать никакого вспомоществованія, а посланные мои гонцы о томъ къ вамъ, великимъ государямъ, на долгое время задержаны были въ Москвѣ, тогда доброе намѣреніе тѣхъ лучшихъ запорожскихъ людей, не пришло въ исполненіе: въ это время, вернулись изъ надунайскаго города Киліи отъ хана запорожскіе посланцы и принесли въ Сичь извѣстіе о подтвержденіи бывшаго въ Каменномъ-Затонѣ перемирія у татаръ и козаковъ. Тогда легкомысленные и шатостные люди подняли своею рѣчью на ноги всѣхъ козаковъ и не только пресѣкли всякую мысль о разрывѣ съ татарами и о начинаніи противъ нихъ военныхъ промысловъ, но даже съ радостью захотѣли съ ними поновить перемиріе. Въ это время лишился атаманства и кошевой Иванъ Гусакъ; само же войско, собранное в Сѣчь ради будущихъ военныхъ промысловъ, было распущено по разныхъ мѣстамъ для рыбной и соляной добычи. Теперь трудно настроить войско запорожское такъ, чтобы оно отъ поновленнаго съ поганцами перемирія отстало, и нынѣ гетману съ войскомъ и съ народомъ нужно всякой отъ запорожцевъ шкоды ждать» [23].

И точно, запорожцы вновь стали во вражду к гетману, и эта вражда с особенной силой выразилась с прибытием в Сичу царского толмача Петра Волошанина и гетманского посланца Якима Кныша.

Выехав из Батурина июля 14 числа, Яким Кныш встретил толмача Петра Волошанина у крепости Переволочны и направился с ним прямо в Сичь. Июля 21 дня Яким Кныш и Петро Волошанин прибыли в Сичь и в тот же день представились кошевому атаману Семену Рубану и всему сичевому товариству. Семен Рубан собрал войсковую раду из наличных козаков и на той раде гетманский посланец вручил кошевому царскую грамоту и гетманские листы. Кошевой, приняв грамоту и листы, передал их писарю Созонту Грабов-

скому и велел ему вычесть ее перед товариществом вслух. Когда писарь взял в руки царскую грамоту и дошел в ней до тех слов, где сказано было, что «нынѣшняго лѣта воинскому походу подъ турецкіе городки не быть» и что того желают сами государи, а не гетман и его старшина, то запорожцы, прервав чтение, стали кричать, что это сделано несомненно по гетманскому желанию и что самая грамота также несомненно исходатайствована у великих государей тем же гетманом с целью оправдать себя и всю старшину в глазах запорожских козаков. После этого запорожцы стали кричать, как они, уведомившись, что походу под турецкие городки не бывать, учинили с мусульманами мир, а гетман, узнав о том, сделал под них подкоп и послал для добычи под Очаков, на Прогнои, бывшего кошевого Федька [24]. «Тотъ Ѳедько похваталъ, ходившихъ за солью, турокъ и татаръ, и многихъ изъ нихъ побилъ, а татары побрали за это нашихъ запорожцевъ, невинныхъ, на соляной добычѣ, 50 человекъ. Гетманъ долженъ намъ выдать всѣх плѣнныхъ, взятыхъ Ѳедькомъ, и его самого, а если этого не сдѣлаетъ, то пусть ждетъ насъ съ ордами къ себѣ на зиму въ гости,— увидитъ тогда, что ему, его панамъ, арендарямъ и дозорцамъ будет. Бывшій гетманъ Иванъ Самойловичъ такого подкопу надъ нами не дѣлалъ; однажды только попробовалъ было онъ сдѣлать такой-же подкопъ, но когда Сирко написалъ ему, что на него готовится сто тысячъ сабель, то онъ испугался и прислалъ тотчасъ-же къ намъ вина, ветчины и всякаго запаса. А этотъ гетманъ называетъ насъ пастухами, а его дозорца, Рутковскій, ватагъ съ запасами на Запорожье не пропускаетъ: только мы скоро Рутковскаго возьмемъ въ руки, чтобъ намъ больше пакости не дѣлалъ. Пока Мазепа будетъ гетманомъ, намъ отъ него добра нечего чаять, потому что онъ всякого добра желаетъ Москвѣ и на Москву смотритъ, а намъ никакого добра не желаетъ; только тотъ гетманъ будетъ намъ на руку, котораго мы поставимъ въ черной радѣ» [25].

О воинском промысле запорожские козаки говорили так, что они только тогда пойдут на бусурман, когда получат от Москвы помощь войском и жалованье деньгами в таком количестве, как посылает она донским козакам. Впрочем, искренне желали мира с неверными только пехотные козаки; конные же напротив того, хотели против бусурман войны, потому что во время войны они могут получить языка, обменять его на пленного козака, могут продать его и получить прибыль за него. Гетман, приказывая запорожцам идти войной на бусурман, сам посылает в Крым послов для обмена бывшего китайгородского сотника Белана, который запорожцам делает такую же шкоду, как и бывший кошевой Федько. Прийдя в сильный гнев, запорожцы подконец хотели было взять у толмача письма, распечатать и прочесть их, но от того удержал их писарь войсковой.

Оставив без всякого ответа гетманский лист, запорожцы три дня держали у себя послов [26], поджидая, пока не придут в Сичь с воинских промыслов запорожские и городовые козаки. Только тогда, когда в Сичи собралась масса городовых козаков, кошевой атаман вторично собрал раду и поставил всем вопрос, как поступить с грамотами и с толмачом. Тогда на раде постановили толмача отпустить, мир же с турецкими городками только с приходом русских войск разорвать, а до тех пор о том и не помышлять, потому что от этого выгоды войску не будет никакой.

Августа 9 дня войско отпустило из Сичи царского толмача и с ним вместе отправило своих посланцев: Данила, козака Щербиновского куреня, да Андрея толмача, козака Донского куреня, с просьбой к нурредин-салтану в Крым об освобождении пятидесяти человек запорожских козаков, взятых турками на добыче соляной после промысла Федька. Посланцам своим войско велело объявить в Крыму, что Федько ходил не из Запорог, а из малороссийских городов и что о его замыслах запорожцы вовсе не знали ничего.

Волнение, поднявшееся в Сичи, не улеглось и с отъездом из нее царского посла. На этот раз запорожцы, недовольные чем-то на нового кошевого Семена Рубана, снова хотели избрать Гусака. Но Иван Гусак открыто всем объявил, что он согласится принять атаманскую булаву только тогда, когда войско порвет с неверными мир. Но запорожцы ради одного Гусака отказались разрывать с татарами установленный мир и нашли нужным по-прежнему оставить Семена Рубана своим кошевым, переменив только войскового судью, вместо Фирса избрав Андрея Горба, человека постоянного как в поступках, так и в речах.

Понося Мазепу и осуждая все его дела, запорожцы не пощадили в этом отношении и самой Москвы: куренные атаманы, приходя к кошевому Рубану в его курень, говорили между собой, что когда московские войска, придя под турецкие городки, ничего не сделают там и повернут назад, то запорожцы, соединясь с ордой, станут бить москалей.

Тайный сторонник Мазепы войсковой писарь Созонт Грабовский, беседуя с Якимом Кнышом, объявил ему наедине, что как только хан крымский вернется из Венгерской земли, так запорожцы немедленно утвердят с ним мир и потом пойдут на великороссийские города: «Въ малой-же Россіи имъ не для чего воевать, потому что она сама въ себѣ, кого надобно, повоюетъ: винокурники, пастухи, овчары и голутьба всѣхъ своихъ начальниковъ и пановъ побьютъ. Хотятъ запорожцы идти на великороссійскіе города за то, что имъ присылается изъ Москвы не такое жалованье, какъ донскимъ козакамъ. Запорожцы сердятся и за то, что на Самарѣ построены города и осажены людьми; что вырубленъ ихъ стародавній лѣсъ; что на Орели сидитъ воевода съ воинскими людьми, тогда

какъ въ статьяхъ Хмельницкаго написано такъ, что московскимъ ратнымъ людямъ быть на Украйнѣ только въ трехъ городахъ. И то запорожцамъ въ большую тягость, что Москва гетмановъ, старшину и полковниковъ, кого виновнымъ найдетъ, безъ вѣдома козаковъ беретъ и ссылаетъ въ Сибирь: виновныхъ въ какой-либо винѣ нужно судить по войсковымъ правамъ. Обидно запорожцамъ и то, что когда они просятъ войска въ помощь себѣ, то гетманъ и воевода отговариваются тѣмъ, что на то указа нѣтъ, безъ котораго они не смѣютъ никуда войскъ посылать, чѣмъ точно водятъ запорожцевъ за шею: отъ татаръ низового войска они не боронятъ, напротивъ того, черезъ войско и сами въ покоѣ живутъ, войску-же черезъ то убытокъ одинъ: татары хватаютъ ихъ братію и въ неволю шлютъ. Оттого запорожцамъ непремѣнно нужно выбиться изъ-подъ московскаго ярма: когда они достигнутъ того, тогда не будетъ имъ плѣненія отъ бусурманъ» [27].

При отпуске из Сичи Кныша запорожцы вручили ему для гетмана Мазепы письмо и велели передать последнему обо всем, что Кныш, находясь в Сичи, слыхал.

В этом «невѣжливомъ и досадительномъ» письме, как сам гетман его обозвал, козаки называли Мазепу не отцом, а вотчимом Украйны, желающим ей не добра, а ищущим ей зла, и напоминали ему, как он сам же, подбивая все низовое войско против «головныхъ» неприятелей и врагов святого креста и тем самым обнадежив всех козаков, заставил всех воинского похода ожидать, а потом вдруг объявил, что без воли и царского указа войско не может ни подниматься, ни идти против бусурман. Тогда войско, не ожидая от гетмана промысла против бусурман, принуждено было, ради недостатков своих, перемирие с ними поновить. Поновив же перемирие и прекратив всякие поиски против них, войско вдруг узнало о том, что гетман отправил от себя в Прогнои Федька и сделал то не столько для добывания языков, сколько для смятения и пагубы низовых козаков. Тот Федько, по гетманскому наказу, взял живьем на соляных промыслах 40 турок и очаковских волохов и 8 из них человек изрубил; за это очаковцы и перекопцы напали на запорожских козаков, 52 человека взяли живьем, 4 человека закололи насмерть, некоторых ранили в бою; из последних немало было привезено в Сичь. По всему этому запорожцы немало дивятся «такому скверному» промыслу Федька и задают гетману вопрос, не хочет ли он искоренить тем самым весь свой народ? Осуждая «безчестный» промысл гетмана, отдающего христиан в неволю бусурман, войско объявляет, что не потерпит ему, если он не доставит в Сичь безвинно захваченных козаков и если он и впредь такую же измену и пагубные дела будет чинить: лучше вспомнить древнюю воинскую доблесть и не дать рже съесть себя... Пусть гетман пришлет взятых Федьком турок и волохов в запорожскую Сичь, и войско отправит их для обмена на своих, отосланных в неволю, козаков.

Пусть гетман пришлет также и самого Федька для наказания его за то, что он, за войсковой хлеб и за доброту, нанес войску такую пагубу и причинил множество хлопот. Пусть бы Федько иначе объявил славу свою,— не так объявили ее под Очаковом Новицкий, а под Кызыкерменем этой зимой Палий, который с 20 000 войска полонил 18 человек татар и на то место столько же поморозил своих козаков. Пусть бы Федько так же рыцарски поступил, как поступил знатный товарищ Максим, козак Сергиевского куреня. Максим, не желая чинить никакого подкопа и измены войску запорожских козаков, пошел в дикие поля и там, при божьей помощи, побил нещадно бесбашную [28] орду, хватавшую возле Келеберды и Переволочной, на переволочанском шляху, в неволю христиан. Тому Максиму от всего войска — слава и похвала, а Федьку — бесчестье и немилость и от невольников проклятье. Заканчивая свое письмо, запорожцы просили гетмана не задерживать у Переволочны проезжих с хлебными запасами ватаг и торговых людей, шедших из украинских городов в Сичь [29].

Написанный лист вручен был гетманскому посланцу Якиму Кныш и сам Кныш мирно отпущен был из Сичи «на города». Выехав из Сичи, Яким Кныш пристал к какому-то греческому каравану и вместе с ним потерпел «пригоду» (бедствие) от татар: у речки Омельника на караван наскочил татарский чамбул или разъезд, который разгромил купцов и вместе с ними пленил Кныша с имевшимися при нем листами от запорожских козаков. Но на ту пору случился в степи запорожский ватаг Максим Зацный, который, узнав о бедствии, постигшем купеческий караван, бросился по следам татар, настиг татарский чамбул из Чапчаклии за Бугом-рекой, там всех «поганцевъ въ трупъ положилъ», десять человек языков в полон взял и меж ними гетманского посланца Кныша с большими при нем листами нашел, которого немедленно на свободу отпустил. После этого Яким Кныш прибыл в Батурин и обо всем случившемся с ним гетману Мазепе сообщил.

Гетман Мазепа, ожидавший от запорожцев «всякой пріязни и послушанія» и вместо того нашедший «дотклівое, ущипливое и вельми досадное отъ нихъ письмо, какихъ не пишутъ не только младшіе старшимъ, но и равные къ равнымъ», не замедлил дать им на него обстоятельный ответ. Запорожцы, писал Мазепа, упрекают его за то, что он не идет ни на Крым, ни на турецкие днепровские городки; но они забывают то, что гетман без монаршеского указа вовсе не может предпринимать таких дел. Упрекают запорожцы гетмана и за то, что он побуждает их идти на бусурман, а сам не идет; но они и тут забывают то, что все предшественники Мазепы сами под неприятельские земли не ходили, а только до войска низового «уставочно» писывали, приказывая над неприятелями военный промысл чинить. «Ваши милости, вопреки правды, называете насъ отчимомъ, будто мы не имѣемъ попеченія о цѣлости Украйны и, преподнося

намъ такія острыя стусы, сами оказываетесь несправедливыми, когда поступаете такъ, какъ вамъ хочется, а не такъ, какъ монаршескій ихъ царского пресвѣтлого величества повелѣваетъ указъ и какъ указываетъ вамъ наше гетманское наставленіе и совѣтъ: отъ монарховъ и отъ насъ писано вамъ, чтобы вы надъ непріятелями промыслы чинили, а вы снова съ ними перемиріе подтвердили; поступая такъ самовольно сами, вы, однако, насъ злословите и тѣмъ навлекаете на себя то, что кто-нибудь и васъ назоветъ пасынками, а не сынами отчизны Украйны. Многократно нарекаете на насъ и за то, будто вы прошлой зимой дали намъ знать о непріятельскомъ приходѣ, а мы будто не дали тѣмъ непріятелямъ отпора. Но мы, какъ тогда писали вамъ, такъ и теперь повторяемъ, что ваше извѣстіе о тѣхъ непріятеляхъ пришло къ намъ, в Батуринъ, во вторникъ, а бусурмане съ нурединъ-салтаномъ, по наущенію проклятаго измѣнника Петрика, успѣли подойти к Переволочнѣ на другой день, въ среду; когда же съ войсковыми тяжарами управились и рушились въ пятницу изъ Батурина, непріятели бросились под Полтаву и въ тотъ-же день, сломя голову, повернули назадъ... Вы упрекаете насъ и за то, будто мы допускаемъ ходить отважнымъ рыцарямъ изъ городовъ подъ бусурманскія жилища и будто въ прошлое время напрасно трудились подъ Кызыкерменемъ Новицкій и Палій. А особенно сердитесь за то, что бывшій кошевой атаманъ, панъ Ѳедько, погромилъ съ товариствомъ въ Стрѣлищѣ бусурманъ и побралъ нѣсколько языковъ; вы хотите за это Ѳедьку отомстить и требуете выдачи его. На это мы отвѣтимъ такъ: не слѣдовало-бы вамъ въ тѣхъ военныхъ поступкахъ учить насъ,— мы и сами, по милости Бога, имѣемъ столько разума, чтобы разобраться въ томъ. А что Новицкій и Палій, бывъ подъ Кызыкерменемъ, важныхъ результатовъ не оказали тамъ, то вѣдь и сами монархи иногда даромъ возвращаются назадъ. Да и ходили-то тѣ названные Новицкій и Палій подъ городъ Кызыкермень не съ тѣмъ, чтобы городъ тотъ добыть, а съ тѣмъ, чтобы страхъ и шкоду непріятелямъ учинить, и вернулись не напрасно они: запирая непріятелей въ валахъ, они воротились съ языками до насъ. Панъ-же Ѳедько, бывшій кошевой атаманъ, съ вашимъ-же низовымъ товариствомъ въ поле ходилъ не съ тѣмъ, чтобы на Стрѣлицу хотѣлъ пройти, въ чемъ мы и не поощряли его, а съ тѣмъ, чтобы поближе гдѣ-нибудь настигнуть враговъ, но ни на Бердахъ, ни на Молочныхъ, ни на Тонкихъ, ни на Сивашѣ, ни на Каланчакѣ не могъ найти языка и потому принужденъ былъ къ Стрѣлицѣ идти, гдѣ помощью Бога, ему и посчастливилось хорошо. Но нехорошо то, что вы за то поганское пораженіе гнѣваетесь на него. Если васъ тревожитъ въ этомъ случаѣ то, что вы съ ними, погаными, подтвердили миръ, то Ѳедько и не зналъ того. Да и то вы знаете, что ваши условія безъ нашего гетманского вѣдома состоялись и что мы никакихъ обязательствъ не брали на себя... И такъ за ту невинную вину непригоже выдавать вамъ пана Ѳедька:

дастъ Богъ, съ теченіемъ времени, и самъ онъ, панъ Федько, непремѣнно пріѣдетъ къ вамъ и какъ задушный войска низового товарищъ вашъ, удостоится полной дружбы отъ васъ. А что до вашего упрека въ томъ, что мы не совѣтуемся съ вами о походахъ на военные промыслы противъ бусурманъ, вамъ не объявляемъ о томъ и чрезъ то будто приказуемъ вамъ шкоду чинить, то тутъ самое дѣло оправдываетъ насъ: всякое войско, собираясь против непріятеля въ походъ, не разглашаетъ о томъ, а старается внезапно обойти и ударить на него. Такъ и намъ замысла и намѣренія своего въ такихъ дѣлахъ объявлять никому не надлежитъ. Да если-бы мы когда нибудь къ вамъ и написали о томъ, то безъ сомнѣнія изъ Сѣчи-же непріятели и узнали-бы все и не только стали-бы осторожно себя вести, но и приготовились-бы дать отпоръ. Вѣдь вы и сами не захотите скрывать того, что въ Сѣчи есть не мало такихъ людей, которые все, что они только услышатъ на радѣ войсковой, читанное въ листахъ, или слышанное на словахъ, сейчасъ-же передаютъ о томъ въ Кызыкермень. А что до вашихъ обѣщаній и до вашихъ угрозъ, соединившись съ татарами, идти на истребленіе насъ, то мы, какъ всегда рады всякому изъ васъ доброму молодцу, нисколько не испугаемся и тогда, когда кто изъ васъ, желая христіанскаго кровопролитія, захочетъ на недоброе дѣло придти. Мы, гетманъ, и все войско городовое, кромѣ того, что носимъ такіе-же сабли при боку, какія всякій воёвникъ носитъ при себѣ, и помощью всесильнаго ими отбороняемся отъ враговъ, но мы имѣемъ кромѣ того и другую, сильную и крѣпкую, великихъ государей защиту для себя... Да если-бы вы, озлобившись, пошли по селамъ и по украинскимъ хуторамъ и произвели разоренія тамъ, то вы привели-бы въ слезы и въ убытки вашихъ отцовъ, братьевъ, сестеръ, дядей, тетокъ и другихъ кровныхъ и знаемыхъ своихъ. А если-бы вы еще и церкви, на хвалу Его святого имени поставленныя, поруйновали вездѣ, то какое-же вамъ самимъ отъ того было-бы утѣшеніе и какая была-бы слава? Вы не только всѣми народами были-бы обруганы и срамотною гоньбою обнесены, но и самъ Господь Богъ не далъ бы вамъ жить на свѣтѣ и не оставилъ-бы безъ наказанія вашихъ душъ... Однако, мы думаемъ, что никто изъ васъ, розумныхъ и уважныхъ головъ, не осмѣлится выходить на опустошеніе своей отчизны и на терзаніе ей внутренностей; конечно, вы только на словахъ такія неподобныя рѣчи можете плодить; да и не на томъ положило свое основаніе войско ваше запорожскихъ низовыхъ козаковъ, чтобы своей отчизнѣ приносить вредъ; а на томъ свило оно свое гнѣздо, чтобы на полѣ и на морѣ бусурманъ воевать и ихъ поганскія жилища разорять, чѣмъ всѣ ваши предки войска запорожскихъ козаковъ стяжали себѣ доброе имя на весь свѣтъ. Наконецъ, если вы, ваша милость, не будете ихъ царского пресвѣтлого величества указы исполнять и не перестанете насъ вашими пасквилями и ущипливыми языками донимать, то объявляемъ

вамъ о томъ, что мы прикажемъ всѣхъ ватажныхъ людей задерживать въ городахъ и ни одного человѣка изъ нихъ до васъ въ Сичь не пускать» [30].

Для того, чтобы сделать известным поведение запорожцев царям, гетман Мазепа отправил в Москву своего посланца Якима Кныша и приказал ему словесно сообщить думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву обо всем, что привелось ему слышать в Сичи. На бумаге он, гетман, тех запорожских речей не писал потому, что «вслѣдствіе своего безумія и невѣжества и вслѣдствіе своего развращеннаго поведенія, запорожскіе козаки произносили не только на гетмана, но и на силы царскихъ пресвѣтлыхъ величествъ многія дерзостныя прекеканія и хульныя нареченія и будутъ такъ хулить до тѣхъ поръ, пока у нихъ будетъ на атаманствѣ Семенъ Рубанъ, настоящій ихъ кошевой». Этот кошевой, задержав гетманского толмача, обесчестил и изувечил его, бил обухом его по голове. Как после всего этого поступать «съ буесловымъ, самовольнымъ и злоумышленнымъ» войском запорожских козаков? Забыв страх божий, запорожские своевольники напали на греческих купцов, ехавших из Нежина через Запорожье в турецкие города, и когда гетман представил атаману требование отыскать пограбленный козаками товар, то кошевой отказал ему в том, дав такой ответ, что такого товара он вовсе не может отыскать [31].

Врччая думскому дьяку Украинцеву гетманский лист, Яким Кныш от себя о запорожцах и их замыслах сообщил, что по возвращении из Венгрии в Крым хана и татар, запорожцы имеют намерение непременно заключить с ними мир и идти сообща с бусурманами на великороссийские города [32].

Известию, присланному Мазепой, придали в Москве весьма серьезное значение, и потому решили взять против запорожцев крайние меры: посланы были приказы воеводам белгородскому Борису Петровичу Шереметьеву и севскому князю Петру Лукичу Львову быть готовыми к воинскому походу с конными и пешими войсками и, по первому требованию гетмана, идти «безъ мотчанія» к отпору неприятелей, крымских татар и запорожских козаков, чинить над ними промысл, сколько поможет Бог. Самому гетману послана была царская грамота с известием, что в его распоряжение даны воеводы Шереметьев и Львов с наказом проведать о злом намерении запорожских козаков и всеми мерами стараться отводить их от того. «А что запорожцы говорили на радѣ непристойныя слова и писали къ тебѣ, подданному нашему, въ листу своемъ съ Кнышомъ невѣжество, о томъ мы, великіе государи, нашей царского величества грамоты посылать къ нимъ не указали, потому что послана къ нимъ недавно наша царского величества грамота, съ которой посланъ къ тебѣ, нашему подданному, чрезъ войскового канцеляриста Михайла Забѣлу, августа 29 дня, списокъ и о посылкѣ той грамоты нашей на Запорожье, буде доведется, велѣно тебѣ, подданному

нашему, учинить по своему разсмотрѣнію. И если та грамота наша будетъ къ нимъ послана и они ничѣмъ не отзовутся на нее, то тогда и будетъ учиненъ нашъ указъ. А что они писали тебѣ о присылкѣ волоховъ и бусурманъ, которыхъ взялъ ѳедоръ Степановъ [33] съ товарищами, для размѣна на нихъ запорожскихъ козаковъ, взятыхъ на соляной добычѣ, то мы великіе государи, указали на этотъ счетъ пообождать въ виду того, что запорожцы сами послали въ Крымъ, для освобожденія тѣхъ козаковъ, посланцевъ, козака куреня щербиновского да толмача Андрея, и велѣли посланцамъ говорить передъ татарами, что ѳедоръ ходилъ изъ городовъ, а не изъ Запорожья, и что тѣ козаки взяты на добычѣ обманомъ. И если запорожскимъ посланнымъ въ Крыму откажутъ и взятыхъ козаковъ безъ размѣна не освободятъ, и запорожцы снова начнут просить о присылкѣ къ нимъ взятыхъ ѳедоромъ волоховъ и бусурманъ, то тебѣ-бъ, подданному нашему, по своему разсмотрѣнію учинить и о томъ намъ, великимъ государямъ, отписать; главное, на что тебѣ въ этомъ дѣлѣ надо смотрѣть, это то, чтобы не повадить запорожцевъ, не опечалить городовыхъ и полевыхъ воинскихъ промышленниковъ и не опорочить мужества и храбрости ихъ» [34].

Весть о посылке в Москву Якима Кныша скоро дошла в Кош, а слухи о решительных мерах, предпринимаемых Москвой, заставили запорожцев вновь обратиться с письмом к Мазепе. Сентября 11 дня они написали длинное письмо гетману и поспешили отправить его с нарочным козаком.

В этом письме запорожцы писали, что напрасно гетман, ссылаясь на все прежние ответы к нему войскового Коша, находит, будто козаки нанесли ему большое оскорбление и тем самым стали во враждебное и неприязненное к нему отношение: руководясь одною истиной, козаки на такое обвинение отвечают, что если они так и поступили, то имели на то полное основание; они хорошо знают, что дерзко перечить и неприлично отвечать своему начальнику — противно Богу и сделали так вследствие унижения со стороны самого же гетмана их чести и славы и вследствие порицания им всего запорожского низового войска. Однако, измены в том с их стороны никакой не было: они как служили своим монархам и как оказывали повиновение гетману, так верно и теперь служат и повинуются, но ни от монархов, ни от гетмана не имеют никакого внимания и никакого призрения. Если же гетман и недоволен на запорожцев, то недоволен за то, что они возбуждали его к войне против бусурман, и в этом с их стороны не могло быть ничего дурного; напротив, чрез то могла быть лишь одна «вѣкопомная» слава, как запорожскому войску, так и самому гетману. На единодушное желание войска войны с бусурманами гетман пишет, чтобы войско не учило его и не возбуждало к военному промыслу, а раньше того много раз писал запорожцам, называя их и самого себя сынами единоутробной матери восточной кафолической церкви, купленными

кровью Сына Божия, и настаивал, чтобы они, живя во благе и послушании, не склонялись ни на какие бусурманские льстивые обещания и ни на один час ни в чем не верили им. И запорожцы, помня страх божий и гетманское назидание, соблюдали постоянство, за которое не следовало бы называть их пасынками украинской отчизны. Из уст гетмана запорожцы слышат и благословение и проклятие: благословляя, гетман называет их сынами единоутробной матери восточной церкви; проклиная, называет их вместо истинных сынов пасынками и тем самым заставляет козаков искать себе такого отца, который не называл бы их пасынками. Теперь гетман, отказывая запорожцам в помощи, требует от них военного промысла над неприятелями, и запорожцы всегда готовы стараться для военного промысла и славного дела, но сами они, при своем бессилии, не могут вполне показать своего рыцарства и заслужить милости монаршей и внимания своего рейментаря. Впрочем, при всем том, они и теперь находятся далеко не в бездействии: добрые молодцы из запорожского товарищества, зная все пути рыцарского дела, с полной отвагой на поле и на море шкодят над бусурманами, кладут их под свои ноги и доставляют живых языков гетманской вельможности и великим государям. А что до упрека гетмана за перемирие, заключенное запорожцами с бусурманами и требование его разорвать это перемирие и расправляться мечем с татарами, то это перемирие полезно и самому гетману, и запорожскому войску: гетман чрез то часто узнает «авизіи» о неприятельских замыслах; запорожцы чрез то получают хлеб, соль и всякого рода изобилия. Довольствоваться тем, что получает войско от гетмана и от великих государей решительно невозможно: по дувану (разделу) на каждый курень приходится по шести бочек муки, присылаемой в Запорожье с гетманской ласки, да по два алтына (иногда с небольшим) денег и по одному аршину сукна на человека, присылаемых с милости монаршей. Если войско будет надеяться на такое жалованье и не иметь другого промысла, то можно-ли ему довольствоваться им в течение долгого времени? Ей-ей, во веки нельзя! Оттого запорожцы могут жить, только сами о себе стараясь. Состоя в перемирии с бусурманами, они все-таки не оставляют своих рыцарских дел, делают на них из своего славетного гнезда, Сичи, постоянные набеги и впредь о том же будут стараться. В таком случае враждовать и гневаться на запорожское войско нет никакого основания. Сам гетман, известный своей скрытностью, тайно от запорожского войска посылал в Прогнои, ради неприятельских языков, бывшего кошевого Федько, и тот Федько принес большой вред войску: он захватил в полон несколько человек бусурман, а бусурмане забрали около 70 человек запорожского товарищества. Наконец, что касается упрека со стороны гетмана кошевому Семену Рубану, по побуждению которого будто бы написаны все укорительные письма гетману и который будто бы дерзнул коснуться гетманского гонора гнилыми

словами, то на это все войско отвечает, что содержание всякого письма большей частью зависит не от кошевого, а от всей войсковой рады: что войско прикажет написать в письме, того ни пан кошевой, ни писарь, без разрешения войска, переменить не могут. Все докорливые речи, которые дошли до гетмана, писаны с порады войска и вызваны были его неприязнью к запорожцам. Как поступает гетман, так делают его дозорца Иван Рутковский и сборщики «мостовой» платы у Переволочны: Рутковский присылает запорожцам муку в смоляных и дегтярных бочках, а сборщики удерживают у перевоза малороссиян, идущих в Сичь с различными харчами, и большие с них взимают поборы. Так как этого раньше никогда не было, то запорожцы просят гетмана того дозорцу от должности отставить, а «индуктовыя сдирцы» раз навсегда прекратить [35].

Высказавши Мазепе все, что было на душе, запорожцы сделались несколько уступчивее в отношении гетмана, а гетман в свою очередь стал несколько внимательнее в отношении запорожцев. В Москве также отнеслись к запорожцам благосклонно и нашли нужным послать им подарок сто половинок шиптуховых сукон; в это же время приказано было послать подарок в 30 рублей и бывшему кошевому атаману Федору за его царскому величеству верную службу.

С царским подарком послан был подъячий Лука Хлопенский. Выехав из Москвы в начальных числах сентября, подъячий прибыл в город Батурин и там вручил сукна гетману Мазепе, а сам вернулся в Москву. В Батурине, при осмотре пожалованных сукон, оказалось, что три половинки их были запачканы дегтем. Гетман, узнав о том, сильно обеспокоился этим обстоятельством, но все-таки нашел нужным отправить целиком царский подарок запорожскому войску и препоручил исполнить это дело одному из самых хитрейших людей своего регимента, козаку Сидору Горбаченку. Горбаченко, выехав из Батурина и добравшись до Запорожья, остановился в семи милях от Сичи и оттуда послал о себе известие кошевому атаману Семену Рубану. Кошевой атаман Семен Рубан, по получении известия о прибытии гетманского гонца, собрал большую войсковую раду и для устранения могущих произойти между козаками беспорядков отдал приказание по всем куреням запечатать все шинки со спиртными напитками. Прибыв в Запорожскую Сичь, Сидор Горбаченко явился прямо в раду, собранную, по обыкновению на главной площади в виду сичевой церкви. Помолясь на церковь и поклонившись на все четыре стороны честному товариству, Сидор Горбаченко вручил кошевому гетманский лист и просил «вычти» его на раде. Кошевой атаман, взяв в руки тот лист, передал войсковому писарю, и писарь вычитал его перед всем товариством. Козаки выслушали весь лист до конца, благодарили великих государей за присланный подарок; осмотрели подарки и нашли, что раньше того никогда от царей не было присылаемо такого хорошего сукна. Но писарь и судья, заме-

тив три половинки сукна запачканными дегтем, поспешили спрятать их под спуд и объявили козакам, чтобы они расходились по своим куреням, потому что сукна и без их присутствия будут приняты все сполна [36].

Октября 23 числа гетман Мазепа извещал через почту государей о добром расположении к нему запорожских козаков и о том, что они вновь выступили врагами бусурман. Так, в это время бывший кошевой атаман Филон Лихопой разбил турок, находившихся в Кызыкермене, и взял несколько человек из них в полон; запорожцы через гетмана просили государей о дозволении размена пленных козаков на пленных бусурман [37]. Одновременно с Лихопоем действовал против татар и бывший кошевой атаман Федько, перед этим бивший челом великим государям за «пребогатую монаршескую милость» и обещавшийся за то верно служить царскому престолу. Федько послан был самим гетманом с отрядом козаков «подъ непріятельскія жилища для добытія татарскаго языка и для провѣданія о намѣреніяхъ и замыслахъ непріятельскихъ». Вследствие больших снегов и крепких морозов Федько долго, однако, не подавал о себе никаких известий, но потом одна часть его товарищества вернулась в города, а другая вместе с самим Федьком осталась у устья реки Днепра, близ неприятельских жилищ, «для чиненія дальнѣйшихъ поисковъ о языкѣ» [38].

Но гетмана заботила в это время кроме Запорожья еще и сама Малороссия. В Малороссии в то время всех занимал так называемый арендный вопрос. Как известно, гетман Мазепа отменил «оранду», в виде временной меры, лишь на один год. По истечении года он собрал в Батурине старшин и когда выяснилось, что сбор денег с торгов и шинков принес гораздо меньше доходов, нежели прежде, то гетман поставил вопрос, как быть в этом случае. На такой запрос генеральная старшина отвечала так, что выгоднее и менее для населения разорительна аренда, нежели пошлина. Тогда гетман напомнил старшине, что такое решение вопроса снова вызовет неудовольствие со стороны запорожских козаков. На на это гетману ответили тем, что запорожцам до того никакого дела нет, да и к тому ж они и у себя допускают такую же «оранду», какая существует в городах: от всякой куфы или бочки наличного количества вина они отбирают целую треть на старшину и на куренных атаманов, а остальное велят продавать по установленной войском цене. Но Мазепа, не довольствуясь таким ответом, отобрал мнения на этот счет и от простых людей, и когда большинство и здесь подало свои голоса за «оранду», тогда гетман обратился за утверждением такого решения в Москву [39].

Тем временем весть о сношениях гетмана с Запорожьем скоро дошла в Крым и была принята там как дурной для татар знак. Вследствие этого в начале января 1694 года кызыкерменский бей написал кошевому атаману Семену Рубану письмо с уверением

добрых чувств к запорожскому войску товариству и с просьбой о присылке в Кызыкермень пленных татар.

Что ответил на то бею кошевой — неизвестно. Но того же января 24 дня Семен Рубан послал благодарственное письмо Мазепе за присылку в новосооруженную «въ цѣломъ деисусѣ иконнымъ изображеніемъ» в сичевую церковь св. Покрова жертвенника, воздуха и светильников для престола; извещал о посылке к гетману четырех пленных турок и о возвращении в Крым из Белогородчины хана «подъ часъ рождественскихъ святъ» [40].

Но едва прошло после этого несколько дней, как в Сичи снова началось брожение среди козаков. В это время кошевой атаман получил обширный лист от беглеца Петрика с новым приглашением идти на борьбу с Москвой. С получением письма Петрика в Запорожьи опять поднялся спор: одни хотели идти за Петриком, другие отказывались от того. Всех больше тянули к Петрику временно проживавшие в Сичи ватажные промышленники, пришедшие туда из малороссийских городов: «Это такіе люди, что, живучи на Украйнѣ, не смѣютъ языка раскрыть тамъ, а какъ только заберутся въ Сѣчь, откуда у нихъ плодятся рѣчи и разсказы, возбуждающіе къ бунтамъ! Иной мелетъ спьяна, а иной хоть не пьетъ, дьявольскій сынъ, да безъ пьянства горечью дышетъ, собака, и не токмо что на гетмана и на пановъ, но и на самихъ монарховъ съ желчью слова говоритъ» [41].

Гетман зорко следил за настроением запорожских козаков и обо всем происходившем у них получал точные сведения через тайных агентов своих, находившихся в самой Сичи. Мазепе то доносили, что запорожцы стали на мирную ногу в отношении бусурман [42]; то сообщали, что козаки, познав бусурманскую неправду, постановили розмириться с ними и даже задержали у себя двух турчинов и несколько человек татар, выехавших из Крыма на Украйну с козаком Петром Вербецким, с целью отыскать своих пленных сыновей и обменять их на пленных христиан [43]. И точно, апреля 13 числа кошевой атаман Семен Рубан доносил гетману о сражении запорожцев под Кызыкерменем и о взятии козаком Максимом Сергиенком нескольких татар в неволю. Однако, спустя десять дней после этого, сам гетман Мазепа писал в Москву, что к нему прибыл из Запорожской Сичи в город Батурин «певный» козак, который для того и находился в Сичи, чтобы, доведавшись основательно о всяком намерении запорожцев, о том гетману давать знать. Теперь этот козак, явившись с вестями, сказывал, что кошевой атаман Семен Рубан и все запорожское войско принимали у себя ханского посланца, возобновили и подтвердили прошлое, бывшее в Каменном Затоне, перемирие с ханом; передавал, будто хан вновь имеет подняться со своими ордами в предстоящее лето на Украйну, полагаясь не столько на свою саблю и военные промыслы, сколько на «обманчивыя прелести», которыми обнадеживает его проклятый враг Петрик [44].

И действительно запорожцы, смущенные предложением Петрика, все еще продолжали волноваться и никак не могли в целой массе отказаться от его химер, а потому делились на партии и вели между собой ожесточенный спор. Самые благомыслящие из них хотели, во что бы то ни стало, похода на Крым, но не находили поддержки в том ни от гетмана, ни от царей. Что такое козак без войны? То же, что писарь без правой руки: без войны он и наг, без войны он и голоден. Козаку воевать с бусурманами, по выражению старого малороссийского летописца, что соловью петь. Для того козак и родился на свет, для того он и живет. Имея существенную и настоятельную необходимость в войне с бусурманами, запорожцы решили вновь обратиться с просьбой о том в Москву.

Апреля 30 числа кошевой атаман Семен Рубан, войсковой судья Андрей Кондратьев, войсковой писарь Созонт Грабовский и войсковой асаул Петр Иеремеев со всем запорожским низовым войском написали письмо «пресвѣтлѣйшимъ, державнѣйшимъ государямъ, благочестивымъ христоименитымъ помазанникамъ» и отправили его с значным козаком Максимом в Москву. В этом письме было сказано, что запорожцы, «обуздавъ свое свободное невѣжество премилостивыми словами высокоповажной и похвальной монаршей грамоты», разорвали мир с бусурманами, и теперь готовы явить монархам должное радение, идти путем своих предков, с давних пор по-рыцарски действовавших, за имя божие и за достоинство престола отцов и праотцов царского величества над бусурманами промышлявших. Однако, не имея собственных сил столько, чтобы «въ конецъ богомерзкихъ агарянъ поганскія жилища разорить», кошевой и все войско просят великих государей очистить закрытый и запорожским, и малороссийским, и великороссийским войскам путь вниз по Днепру и снести с «сатанинскаго основанія» турецкий город Кызыкермень с околичными его селениями над рекой Днепром... Кроме того, все запорожское низовое войско «сумнительно о непространной и зѣло стѣснительной его милости ясновельможнаго гетмана свободѣ»: в своих «управахъ рейментарскихъ» в отношении воинских промыслов гетман Иван Степанович Мазепа не так свободен, как его предшественники, и не может сам лично без царского указа с войсками против бусурман подниматься. И это у всех соседних христианских народов к великому удивлению служит; войску же запорожскому и всему малороссийскому народу, вследствие несвободного в областях царского величества гетманского жительства, наносится нарекание. Тогда и войско запорожское, и народ малороссийский, и люди великороссийские получили бы чрез свободные действия гетмана «отраду и тріумфъ веселый». Да и бусурмане не имели бы на запорожцев поднимать меча своего. А теперь, едва запорожское войско успело с бусурманами мир порвать, как они в ночь на 23 апреля, с воскресенья на понедельник, на святого великомученника Георгия Победоносца, ворвались под

самую Сичь, и хотя людям принесли небольшой вред, зато угнали у них большие стада коней. Запорожцы, собравшись в малой «чадцѣ», учинили за теми бусурманами погоню и на реке Ингульце, неподалеку от поганского жилища Қызыкерменя, всю свою утрату отгромили и даже двух крымских татар в полон взяли, которых вместе «съ рыцарскимъ человѣкомъ» Максимом и бывшим при нем товариством, «что въ плѣнъ татаръ гонило», в город Москву отослали. «Окажите вашу милость, благочестивые цари, нашему товариству, вашимъ подданнымъ, и не откажите имъ даръ подати. А они, какъ раньше, такъ и впредь, не перестанутъ съ нами, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, усердно всякую въ воинскихъ и во всѣхъ вѣрностяхъ службу исполняти. Въ слѣдъ же за подаяніемъ нашей челобитной грамоты повелите, ваше царское пресвѣтлое величество, безотлагательно вельможному его милости, пану Іоанну Стефановичу Мазепѣ, обѣихъ сторонъ Днѣпра гетману, при силахъ вашихъ монаршескихъ, великороссійскихъ и малороссійскихъ, подъ Қызыкермень, со всѣмъ для войны необходимымъ, на ниспроверженіе оного жилища бусурманскаго, простовати. Если-же повелѣньемъ васъ, благочестивыхъ монарховъ нашихъ, отъ того вельможный панъ гетманъ будетъ удержанъ и если ему на благое и всему христіанству пожительное и хвалебное, а на бусурманъ губительное дѣло, не будетъ указа, то мы единодушно желаемъ, чтобы, по премощному и премилостивому монаршему указу, вельможный его, милость панъ гетманъ вмѣсто себя наказнаго отъ боку своего съ войсками, городовымъ и охочимъ, ради воинского промысла и ради сокрушенія поганскаго жилища и Қызыкерменя, со всѣмъ необходимымъ отправилъ, съ каковымъ войскомъ и мы соединившись за благое дѣло, сколько намъ Господь Богъ помощи подастъ, возстанемъ» [45].

Молодому русскому царю Петру Алексеевичу вполне по душе была просьба запорожских козаков. Он унаследовал от прежней политики мысль завладеть берегами Черного моря, более выгодного для России, чем холодное и мертвое Белое море, и эту мысль он хотел привести в исполнение. Но прошлое показало, что кроме сильной армии к тому нужны еще разные прикладные знания. И царь усердно подготовлялся к тому, хотя приведение в исполнение своей мысли откладывал на будущее.

Неизвестно, что ответил царь Кошу на его письмо, можно лишь догадываться, что ответ был если не вполне, то все же благоприятный для запорожских козаков, что дает повод думать дальнейшее поведение их.

Когда «рыцарскій человѣкъ» Максим вернулся из Москвы в Запорожье, в Сичи некоторое время еще продолжались раздоры по поводу предложения Петрика и крымского хана, но с выбором нового кошевого атамана Ивана Шарпила противники Петрика и хана взяли верх над остальными [46]. Тогда в конце

месяца июня запорожская ватага, предводимая Климом Цюцюренком, имела схватку на реке Днепре с татарами [47]. Вслед за тем другая, в 400 человек, запорожская ватага, жалея о своей братии, взятой азовцами на речках Бердах и Молочной, предводимая ватагом Семеном да полковником Леском Максименком, отомстила «веть за веть» бусурманам: она прокралась по Днепру и по речке Конке мимо турецкой крепости Асламкерменя, выплыла из Очаковского лимана, пристала у берегов Крыма, вышла из лодок на сушу; сожгла и обратила в прах несколько десятков ханских селений и «изобильно источивъ кровь, много бусурманъ въ трупъ положила», до тысячи человек взяла в плен азовцев, детей, мужчин и женщин; до тысячи человек освободила из плена русских и потом, потопивши в каком-то месте все свои челны, повернула сухопутьем до того места, где, по условию, ее ждало конное войско низового товарищества, и так благополучно пришла в запорожскую Сичу. Из Сичи 400 человек запорожских козаков с 75 пленниками татар, предводимые ватагом Семеном да полковником Леском Максименком, отправились в город Батурин с целью испросить у гетмана Мазепы разрешения о проезде в Москву к великим государям с тем, «чтобы великіе государи подая охоту войску низовому къ воинскимъ промысламъ, всѣхъ посланныхъ принявъ, своимъ государскимъ множайшимъ жалованьемъ милостиво удовольствовали». Гетман Мазепа, изумленный приездом огромной запорожской ватаги, стал было ссылаться на царский указ о запрещении пускать в Москву в большом числе запорожские депутации, «стыдилъ и отговаривалъ въ такихъ купахъ къ государямъ не ходить», самый же ясырь советовал оставлять в Сичи и брать окуп за него от родных самих же пленных. Но на все те доводы запорожцы возражали гетману тем, что они для того и здоровье свое тратили, и в крымские юрты «водою впадали», и села неверных пустошили, и несколько сот христиан из бусурманского полона на волю освободили, и неприятельский ясырь мужского и женского пола «загорнули» — все это с той целью делали, чтобы великим государям добыть славу, а себе от них получить награду. А что до удержания ясыря в самой Сичи, то они на этот счет с кошевым своим разговор уже имели, но как для окупа нужно заключить с бусурманами временное перемирие, то атаман отказал в том просителям. Когда же гетман, несмотря на такие доводы, не хотел отпустить в столицу больше ста человек депутатов, то козаки решили лучше совсем вернуться с ясырем в Сичу, нежели в таком малом количестве ехать к государям. После этого Мазепа принужден был сделать уступку и из четырехсот двумстам позволил ехать в Москву, а двумстам велел оставаться на Украйне, но испрашивал милости у государей как для тех, которые поехали в Москву, так и для тех, которые оставлены были в Гадяче, «хотя-бы по одному портищу сукна, дабы сіи (последние) превысокое монаршее имя ровно прославляли и о мно-

голѣтнемъ великихъ государей царствованіи Господа Бога молили и впредь на вѣрныя царского пресвѣтлого величества службы забирались» [48].

И великие государи смиловались и приказали выдать 196 козакам, оставленным при гетмане, по аглинскому сукну, мерой в 5 аршин; но зато велели объявить им, «что впредь ихъ братьѣ, запорожцамъ, та дача не въ образецъ, и буде которые въ тѣхъ малороссійскихъ городахъ изъ такихъ-же ватагъ оставаться учнутъ, тѣмъ жалованья великихъ государей въ присылкѣ изъ Москвы не будетъ» [49].

Как бы то ни было, но действия запорожских козаков против бусурман приобрели симпатию и среди москвичей и сделались известны патриарху всероссийских церквей Адриану: патриарх Адриан за мужественный подвиг козаков освобождения из турецкой неволи православных христиан послал им благодарственную грамоту на текст: «благодаренія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ» [50].

Мужество запорожцев тем громче прославлялось в Москве, что сам Мазепа, выславший в это время по царскому повелению свои полки в дикие поля для защиты русских промышленников против бусурман, никакого в том успеха не имел. Для той цели гетман отправил Полтавский, Гадячский, пехотный Кожуховский полки и конную Ростковского компанию и приказал им идти к речкам Калмиусу и Бердам и делать там нападение на азовских бусурман. А чтобы иметь верный в том успех, гетман велел пустить рыбных и соляных промышленников впереди полков, самим же полкам скрыться у берегов названных рек «въ приличныхъ мѣстахъ». Когда же жители Азова выйдут против русских промышленных людей, тогда полки «должны возмездіе имъ за нашихъ людей воздать». Но начальники посланных полков должны были действовать не одни, а вместе с войском запорожских козаков, и если бы им не случилось над теми азовцами промысла учинить, то они, соединясь с войском тех же запорожских козаков, должны идти под крымские жилища бусурман и там поиски над неприятелем чинить. По такому гетманскому приказу собрались 10 000 «добрыхъ людей», которые, двинувшись в путь, перешли речки Орель и Самарь и уже «притянули было до Вовчей рѣки». Но тут «непостоянная и дерзостная чернь», не уважая ни имени царей, ни не понимая собственной пользы своей, стала толпами возвращаться назад, отговариваясь тем, что ей неудобно ради военных промыслов ходить в такие далекие места, потому что дома у нее наступили жатвенные и сенокосные работы в полях, и если она пропустит это дорогое для себя время, то в таком случае дойдет до полной нищеты. Оттого вся эта толпа дальше названных мест не пошла. Тогда полковники всех названных полков, увидевши в той черни несклонность к войне, ничего другого делать не нашли, как стать обозом у Орели-реки,

а для приведения в исполнение гетманского приказа, отправить в дикие поля, с конной компанией и с выборным товариством всех полков, бывшего кошевого атамана Федька с наказом ему объезжать полевые шляхи и, где случится, на неприятеля напасть, чинить промысл над ними [51].

О таком положении дел гетман сам донес в Москву. На запорожцев он не имел никаких поводов роптать и показывал полное доверие к ним. Так, около этого времени из Москвы на имя гетмана послана была грамота для передачи ее в Сичь с приказанием Кошу отпустить в «надлежащій путь» царского толмача и крымского гонца. Но гетман, ввиду того, что к нему донеслась весть о добром намерении запорожцев мирно и без замедления отпустить обоих посланцев, нашел нужным царскую грамоту удержать у себя и послать ее в Кош только тогда, если бы запорожцы вздумали почему-либо задержать у себя обоих гонцов [52]

Но запорожцы думали теперь о другом, и поощряемые удачным походом собственных ватажан против азовских людей, снова поднялись против бусурман. На этот раз ими руководил Иван Шарпило, то есть сам кошевой атаман. Соединившись с отрядом донских козаков, Шарпило вышел из Сичи с семью стами низовых козаков и двинулся в урочище Чангар. Там он разгромил какой-то татарский городок, выдержал кровопролитную битву на Молочных Водах от нурредин-салтана, отнял у неприятелей 7 пушек, захватил в плен несколько мусульман и под конец навел такой страх на крымских татар, что сам нурредин-салтан, собравшийся было на Слободскую Украйну войной, принужден был чрез то отложить свой поход [53].

Не удовольствовавшись походом на Чангар, тот же кошевой в начале осени ходил на какой-то город Паланку, вместе с отрядом малороссийских козаков [54]. Отбив у бусурман немалое число конских голов, овец и рогатого скота, но не успев, вследствие погони со стороны врагов, со всей добычей вернуться в запорожскую Сичь, Шарпило расположился в урочище Ольхах, у низовьев Днепра. Из урочища Ольхов он несколько раз ходил, ради тех же промыслов против бусурман на урочище Стрелицу, но не имея языка, не мог опустошить того пути. После этого неприятели подстерегли козаков и внезапно напали на них; Шарпило, побившись против бусурман, нашел за лучшее вернуться в Сичь. Но в Сичи этот поход не понравился козакам и потому атаман Шарпило тотчас по прибытии в Кош лишен был атаманской булавы и вместо него выбран Петро Прима, он же Примась [55].

Новый кошевой атаман, собрав незначительный отряд козаков, той же осенью повторил низовой поход против бусурман, но не поддержанный вовремя Мазепой, значительных успехов не имел. Дав салтанам «по кавалерству» отпор, кошевой, вследствие ничтожности своих сил, не мог сломить всех бусурман и без добычи вернул-

ся в Сичь. Пробыв в течение всего лета в воинском походе и потому не успев заготовить ни пропитания для людей, ни корма для лошадей, кошевой Примас по прибытии в Сичь, нашел нужным декабря 8 дня написать гетману Мазепе письмо и в том письме просил его принять в украинские города 300 человек запорожских козаков для прокормления их на время зимы.

Далеко не по вкусу пришлась Мазепе такая просьба кошевого Примаса, и он долго, по его собственным словам, «сокрушался и высушивалъ свой мозгъ» над тем, как бы «привести запорожцевъ въ такой чинъ», чтобы они не составляли тягости для жилых украинских людей, и под конец назначил тремстам козакам становище в городе Келеберде, а остальным приказал разойтись по домам малороссийских родичей и свойственников своих [56].

Но что значило это одолжение гетмана для трехсот козаков, когда вся масса запорожского войска не знала, чем ей существовать и когда она, жаждавшая войны с бусурманами, вернулась в Кош ни с чем и могла ожидать нападения на Сичь от самих татар? Хотя Москва и не забыла прислать запорожцам [57] обычное жалованье (оно прислано было в половине октября через подъячего Протопова), но это было не жалованье, а убогая милостыня: по одному аршину сукна да по два злотых на козака, отчего и выходило, что с ханом выгоднее было запорожцам иметь дело, чем с Москвой: от хана зависели и обмен полоняников, и охота на зверя, и ловля на рыбу, и добыча на соль [58].

Узнав о перемене настроения запорожских козаков, гетман Мазепа поспешил сообщить о том в Москву. В своем письме, писанном января 5 дня 1695 года, гетман доносил, что запорожцы «за поводомъ нынѣшняго кошевого атамана» подлинно примирились с бусурманами; что торговые люди, живущие в городах Украйны, вследствие этого начали тайно уходить со своими товарами, годными для продажи, из украинских городов в Крым. Ввиду этого гетман отдал приказ останавливать купцов на проезжих дорогах и брать их в тюрьму, а купеческих проводников в Батурин для показания присылать; над запорожцами же, которые, пользуясь указом, данным еще за царя и великого князя Алексея Михайловича, проводят зимы с конями в местечке Келеберде, велел малороссийской старшине «пильное око имѣть» [59].

Известив царей о положении дел в Сичи, гетман Мазепа не оставил в покое и самих козаков: он отправил им лист и в том листе настойчиво советовал отстать от крымского хана, взамен того собрать отовсюду все свои силы и ждать предпринимаемого царями похода под турецкий город Азов, где козаков ждали и слава, и добыча, и несомненный успех [60].

Вслед за гетманским листом послана была февраля 8 дня кошевому атаману Петру Приме и всему войску низовых козаков грамота от самих царей. В той грамоте говорилось о том, что царям

чрез присланных в Москву куренных атаманов Федора Кахеновского (вероятно правильнее Кохановского) да Дементия Величковского, учинилось известно о намерении двух крымских салтанов идти войной на украинскйе царского величества города. За такое известие цари и кошевого атамана Приму, и все запорожское войско милостиво похваляют и поощряют. Зато не одобряют цари намерение запорожских козаков за их «пересылки съ бусурманами о мирѣ». Запорожцы, помня свое обещание, без указа царского величества перемирия с бусурманами не должны чинить и тем бесславия на себя не наводить, а всеми мерами, сухим и водным путем, над ними воинские промыслы чинить, за что запорожскому войску и теперь уже послано царское денежное жалованье, да и на будущее время козаки не будут забвенны от царей [61].

После этого запорожским козакам не оставалось ничего другого, как чинить промысел против бусурман [62].

Таким образом, запорожцы со времени смерти знаменитого кошевого атамана Сирка в течение 15 лет, с 1680 по 1695, не совершили почти ни одного, кроме двух-трех походов, достойного истинных рыцарей подвига и не извлекли для себя ничего из предприятий неутомимого Петрика. Среди запорожцев не было в то время ни одного человека с таким полководческим гением, каким обладал кошевой Сирко. Был, правда, на Украйне в то время славный своими подвигами против поляков и бусурман полковник Семен Филиппович Палий. К нему все Запорожье жадно простирало свои взоры, но Палий тянул в другую сторону. Палий, как и все истые запорожцы, был поборником народовластия на Украйне, защитником личной свободы и политической автономии, ненавистником панского самовластия и чванства и противником рабства во всякой его форме и во всех сословиях, но он свил себе гнездо вдали от Запорожья, за правым берегом Днепра, в Фастовщине. Часть Заднепровья, т. е. область от Днепра до Днестра, теперешние Киевская и Подольская губернии, по миру 1680 года между Россией, Турцией и Польшей признана была нейтральной и обращена в пустыню без городов и населения. Между тем давление низшего сословия в Левобережной Украйне во время гетманства Самойловича и особенно Мазепы, положившего начало «панщинѣ» (барщине), заставляло и простую чернь, и козаков бросать селения и города на Украйне левой стороны Днепра и бежать на Украйну правой стороны, признанную по трактату 1680 г. ничьей. К тому же с 1683 польский король Ян Собеский открыто вступил в борьбу с Турцией и вел эту борьбу до 1691 года. Нуждаясь в боевых силах, Ян Собеский не только не препятствовал переходу козаков в пустынную область и не только позволял им заселять избранные ими места, а даже обратился с королевским универсалом к козацким предводителям с объявлением о том, что он предоставляет в полную собственность весь между Днепром и Днестром пустынный край козакам и за то просит их помогать ему

в борьбе против бусурман. В силу такого универсала масса черни и козаков, недовольных порядками, заведенными в Левобережной Украйне в регументарство ненавистных гетманов Самойловича и Мазепы, устремилась за правый берег Днепра, и скоро там появились села, города и козацкие полки. Явились и исторические деятели. В числе последних по своим выдающимся боевым и колонизаторским способностям был полковник Семен Гурко, или Палий. Сын простого козака, Палий родился в Борзне, потом ушел в Запорожье, где, по преданию, и получил прозвище Палия. Потом, оставив Сичь, Палий собрал вокруг себя ватагу из молдавских, поднестрянских и запорожских выходцев и с ними расположился на житье в городе Фастове. Вся его жизнь от юношеского возраста и до глубокой старости представляет собой ряд войн и боевых подвигов с поляками, татарами, турками и их христианскими и нехристианскими подданными и сторонниками. Теснимый отовсюду и потерявший под конец надежду усидеть в своей Фастовщине, Семен Палий пришел к мысли, что ему крепче будет не под польским королем, а под русским царем. И Палий стал просить царя о принятии его в русское подданство. Но московское правительство, боясь нарушить мир с Польшей, отклонило просьбу Палия. За Палия ходатайствовал сам гетман Мазепа, в душе ненавидевший славного полковника и так или иначе хотевший видеть его не у дел, но и хлопоты Мазепы были напрасны. Мазепа писал в Москву, что Палий, отчаявшись, может уйти к татарам и тогда за ним уйдут и запорожцы. «Палѣю,— писали по этому поводу из Москвы,— перейти на Запорожье вовсе не безчестно: какимъ путемъ онъ вышелъ изъ Запорожья въ Польшу, темъ-же путемъ можетъ возвратиться изъ Польши въ Запорожье». Но Палий сам не хотел идти на Запорожье: «На Запорожье идти мнѣ не хочется; хотя войско и два раза туда звало меня и предлагало кошевое атаманство и даже высшій чинъ; однако, я, привыкши къ городовому житью, идти въ Сѣчь не желаю, потому что, пришедши туда, въ низовое войско, долженъ буду дѣлать то, чего войско захочетъ. Лучше мнѣ еще въ Хвастовѣ до времени держаться, нежели вдругъ невѣдомо куда оттуда уходить... Жаль мнѣ сильно разстаться съ этимъ мѣстомъ не только потому, что тамъ много домостройства моего, пространное поле хлѣбомъ засѣяно, но и потому, что я взялъ это мѣсто пустое и населилъ его не польскими подданными, но отъ рѣки Днѣпра, частію изъ войска запорожскаго, частію изъ волоховъ; церкви божіи украшенныя устроилъ, чего непригоже покинуть». Кроме того Палий не хотел идти в Сичь еще и потому, что считал грехом и позором оставлять в Фастове на пагубу своих людей, которые, имея жен и детей, не могли идти в Сичь, оставаясь же в Фастове без Палия, неминуемо должны были погибнуть от ляхов, власть которых не хотел Палий признать над собой [63].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Первый поход Петра I на Азов.— Вести, добытые запорожцами о положении дел в Крыму.— Вести от пойманных в степи татарских языков.— Разгром татарского загона Иваном Гусаком.— Движение русско-казацкой армии по степи под начальством боярина Шереметева, гетмана Мазепы и запорожской флотилии по Днепру под командой кошевого атамана Максима Самойленка.— Взятие запорожцами турецкой крепости Тавани.— Возвращение запорожцев в Сичь с кошевым Самойленком.— Поведение 600 человек козаков, оставленных в Тавани.— Положение пленных мусульман в Запорожской Сиче.— Поход кошевого атамана Гусака к Очакову.— Благодарность запорожскому войску от гетмана Мазепы и выдача козакам царского жалованья.— Месть татар и набег их на Украйну.— Геройский подвиг запорожцев под Голтвой и гибель Петрика.— Письмо к запорожскому войску от гетмана Мазепы с выражением благодарности за успешные действия против татар и с извещением о посылке войску царского жалованья.

Весна 1695 года принесла запорожцам совершенно новые веяния, пробудила в них новые чувства и вызвала их к высоким подвигам; слава их оружия, до тех пор несколько померкшая, вновь прогремела и разлилась дальше пределов Украйны. В это время царь Петр Алексеевич открыл первый поход под турецкий город Азов. «Русскій царь Петръ Алексѣевичъ, желая имѣть отверзтыми двери изъ Меотическаго озера (Азовского моря) въ Эвксинопонтъ (Черное море), а войску низовому запорожскому отворить ворота Днѣпромъ въ Очаковскій лиманъ и въ то-же Эвксинское море, предпринялъ походъ подъ турецкій городъ Азовъ» [1]. Однако, собираясь походом под Азов, царь Петр Алексеевич открыто объявил о походе на Крым. То делалось с тем, чтобы «оплошить турокъ и нечаянно напасть на Азов» [2]. Апреля 2 дня об этом извещен был Петро Прима, кошевой атаман запорожских козаков. Запорожцы воспрянули духом от такого известия и скоро доставили гетману важные вести о состоянии города Азова и о положении дел в Крыму. «При нынѣшнемъ годовомъ веселомъ торжествѣ Воскресенія Христа Спасителя,— писали они в письме к гетману,— благопривѣтствуемъ благодѣтеля нашего и желаемъ, дабы сей прехвальный праздникъ изволилъ провести въ радости, въ ненарушеніи здравія, но въ одолѣніи надъ врагами креста святого и вѣры нашей православной». Предпослав такое приветствие вельможному гетману, запорожцы

затем сообщили ему о том, что к нему послано несколько человек товарищей войсковых, бывших в Крыму и узнавших там о всех планах татар, просили его прислать в войсковой скарб две тысячи рублей; особо на войсковую сторожу сто ефимков церковных, не задерживать ватаг, идущих из Украйны в Запорожье, и выпустить из тюрьмы какого-то Андрея Стародуба. О крымских вестях они писали, что хан уже готов был отпустить и царского гонца Айтемирова и гетманского посланца Велецкого из Крыма на Русь, но в это время стало известно, через взятых в полон двух человек донцов, о предпринимаемом походе московских царей на турецкий город Азов, и хан снова задержал гонцов у себя, сам же стал готовиться к походу под Азов и ждет лишь, по обычаю всех мусульман, появления луны, и как только увидит молодую луну, тотчас и поход будет у бусурман. О старом султане турецком писали козаки, что он «совершенно» удавлен и на его место посажен его сын. Молодой султан присылал к хану с кафтаном и «съ голымъ» мечем при запорожских посланцах своего чауша́, чтобы хан в течение двух месяцев стал против цесаря в цесарской земле; но хан отговорился тем, что ему нужно собственную землю против московских царей защищать, и теперь со всеми ордами он готовился идти под Азов [3].

Вслед за известием запорожских козаков гетман Мазепа получил известие и от собственных людей. В четверг на светлой неделе асаул Полтавского полка Никита Пляцкой [4], будучи с охотным войском в диких полях, на урочищах Яланских и Галчуских вершин [5], недалеко от Волчьей реки, поймал там 25 человек азовских татарских языков и привез их в Батурин апреля 15 дня. Поставленные на допрос главные из пойманных татар представили гетману такой рассказ. Вышли они в числе 46 человек под начальством Байши-аги, для добычи и для загона языка, из Азова под великороссийские города близ Тора-реки; с ними «увязались» один турчин да русской породы какой-то капитан. Ухватив где-то одного козака, они, за вешнею водой, дальше идти не могли и повернули назад, причем 10 человек возвратились в Азов, а 36 с Байшой-агой пошли в дикие поля, надеясь там на речках степных найти загонщиков-козаков и покорыстоваться от них. Когда же они остановились ночевать у Яланских и Галчуских вершин, то там на них напал ватаг Пляцкой и сперва отогнал у них лошадей, а потом напал на них самих, одиннадцать человек с агой побил, а двадцать пять человек с собой захватил. Татарские языки о деле в Азове и в Крыму передавали так. О задуманном русскими царями походе под город Азов еще в прошлую осень известил азовского бея калмыцкий тайша Аюкай, а бей азовский сообщил о том крымскому хану и турскому султану, и стали они слабые места в Азове починять. А в том Азове три города каменных, четвертый земляной, который все три каменных города обнял; а у того земляного города кругом ров в семь сажен глубиной и жители предстоящей весной думали

поглубже тот ров подкопать. Пушек, пороха и всяких запасов хлебных и воинских множество в нем. Войска пехотного огненного в том городе тысяч семь, а конницы, всегда готовой на бой, около тысячи человек, всем им годовое жалованье дают; в случае прихода противных (русских) войск бусурмане и до трех тысяч конницы наберут. По последнему зимнему пути азовский бей в четырехстах человеках ходил подъездом под донской город Черкаск; под городом тем большой бой учинил, много донцев побил и асаула Максима Малишку с осмью донцами в полон взял и те донцы подтвердили дошедший к азовцам слух о сборах русского войска под город Азов. Кроме того весной посылали из Азова 150 человек подъезд для языка под Изюм и Маяк, великорусские города, ухватили там 25 человек и привели их в Азов. Тут один из пойманных языков сообщил азовцам всю правду о будущем походе русских под Азов и за то на свободу отпущен был, а остальные в неволе находятся и теперь. О хане крымском в Азове не слышно ничего, и пойдет ли он с ордами против московских царей, нет о том вестей никаких. Войско же турское о празднике св. Георгия имеет морем в судах в Азов придти и жалованье годовое с собой привезти, а сколько того войска, о том неизвестно никому. О султане турском известно то, что он ходил в польские края и все бусурмане с великой добычей вернулись назад.

Собрав все эти сведения, гетман Мазепа немедленно отправил нарочного в Москву гонца с объяснительным от себя письмом. В этом письме он прибавил к рассказанному то, что крымский хан отправил своего каймакана в Царьград с приветствием нового султана «по взятіи державы» и с просьбой о присылке помощи в Крым; кроме того, извещал и о том, что татарские орды уже собрались на Салгире в Крыму и готовятся идти в поход в «подполнъ мѣсяца сего».

На письмо гетмана послана была из Москвы царская грамота с благодарностью за доставку важных вестей, с похвалой за верную и усердно-радетельную службу и с приказанием написать похвалу запорожским козакам и объявить им о том, чтобы они и впредь доставляли всякие сведения обо всем, что касается бусурман [6].

Но запорожские козаки и без того не забывали бусурман. В марте месяце, около 10—12 числа, татарский загон числом близко ста человек переправился у Кызыкерменя через Днепр, прошел на реку Малый Ингул, от Ингула на речку Малую Висунь и от Висуни «для несытой добычи своей» хотел под Белую Церковь и под Немиров пройти; но только тут, на кызыкерменском шляху, на него напал бывший кошевой Иван Гусак с 120 человек [ами] охотницких козаков. Гусак тот татарский загон погромил, немало татар в труп положил, а девять человек живьем взял и апреля 7 дня в Батурин отослал. Из Батурина Иван Гусак с большим числом своих козаков и с пленными языками, в числе девяти человек, хотел было ехать

в Москву, чтобы за свои «сугубные нужды и труды, по трудной дорогѣ въ досадное и студеное время» награду от царей получить. Но гетман Мазепа нашел возможным пустить в Москву только 50 человек козаков для доставки татарских языков. Последним гетман, перед отпуском в Москву, учинил допрос и из того допроса узнал, что крымский хан заболел, но как только он станет здоров, то у татар, по обычаю, заведенному с давних пор у мусульман, будет собрана рада в Крыму и что на той раде приговорят, так тому и быть, т. е. или идти или вовсе не идти на войну. Но только в то время, когда татарские языки были в Крыму, никакого решения не было пока; носился только слух, что предстоящим летом сам хан никуда на войну не пойдет, потому что боится, чтобы козацкие ватаги вновь не прокрались в Крым, как прошлое лето они Чангары прошли, и не учинили бы какого урона крымским жильям. О «проклятомъ» Петрике сказывал один из языков, что он находится вблизи Тягина, в одном из белогородских сел, и там по ханскому приказу получает месячный корм.

В Москве Иван Гусак и 53 человека козаков были милостиво приняты и за службу пожалованы «излишнимъ жалованьемъ отъ царей» [7].

Независимо от этого, ввиду предстоящего похода, посланы были в самую Сичь от гетмана подарки — несколько штук сукна, полутузинков,10 куф горилки на каждый курень и 500 золотых на сторожу; кроме того, особо на церковь сичевую 300 золотых. Посылая такие подарки в Кош, Мазепа приказывал запорожцам взамен того немедленно разорвать с бусурманами перемирие и готовиться к походу на Крым.

Запорожцы приняли гетманский приказ «съ радостною вѣстью» и за доставленные подарки «дяковали своего великаго добродѣя, главы своя низко преклонивши», прося принять от войска маленький подарочек осетрины за большой подарок. При всем том они не преминули поставить Мазепе на вид то, что для предстоящего военного похода войско не имеет надлежащего запаса ни одежды, ни оружия, ни «грошевой казны» и потому просили ясновельможного гетмана, яко чадолюбивого отца своего, сделать войску вспоможение в его нужде, обещая за это всегда верно и радетельно «працѣвати» своему добродею и немедленно розмириться с бусурманами. Излагая такую просьбу, кошевой атаман Максим Самойленко Сергиевский [8] и все запорожское войско вместе с этим спрашивали гетмана о «наукѣ и порадѣ», как им выходить в поход, т. е. полем или водой, и где предстать «предъ свѣтлые очеса» гетманской вельможности [9].

Предварительные сведения о положении дел у татар собирались в течение всей наступившей весны и только летом русско-козацкие войска вышли походом на далекий юг против мусульман. В это время русская армия, разделенная на три части, шла по Дону, по Волге

и по Днепру; последняя, состоявшая из великороссиян и малороссийских козаков, находилась под начальством боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Ивана Степановича Мазепы [10]. Мазепа «рушилъ» из Батурина мая 17 дня и переправился с левого на правый берег Днепра, выше Переволочны, у Мишурина Рога, а Шереметев переправился через Днепр у Переволочны. Тут оба военачальника соединились вместе и от Переволочны пошли «звычнымъ» трактом через степные речки и долины под город Кызыкермень, куда и прибыли июля 24 числа. Одновременно с малороссийскими козаками шли по Днепру на своих чайках и запорожские козаки под начальством кошевого атамана Максима Самойленка, сменившего Петра Приму. Кроме Кызыкерменя русско-козацким войскам приходилось иметь дело еще с тремя турецкими крепостями — Мустриткерменем или Таванью на острове Тавани, стоявшем среди Днепра, против Кызыкерменя; Асламкерменем, стоявшим против Кызыкерменя, под речкою Конкою, на крымском берегу, и Мубереккерменем, или Шагин-Гиреем, находившемся через речку Конку, на острове Тавани, против Асламкерменя [11].

По донесению боярина Бориса Петровича Шереметева в Москву дело под Кызыкерменем произошло так. Боярин и гетман прибыли с полками к городу Кызыкерменю июля 24 числа часа за два до ночи. Того же дня у русских с кызыкерменцами был бой и во время этого боя попался в плен русским какой-то волошанин. На следующий день русские ратные люди и малороссийские козаки, подступивши к самому городу, учинили шанцы и с 25 по 30 неотступно, днем и ночью, палили из пушек по городу и посбивали верхние бои и туры, бывшие на городской стене, а также поотнимали у неприятелей пушки, выставленные против русских обозов и шанцев. Июля 30 числа часу в пятом дня была взорвана через подкоп угловая, от очаковской стороны, с поля и большого рва, башня, вместе с находившимися в ней пушками; от этого взрыва, а также и от гранатной стрельбы произошел в городе пожар, а во время пожара стали разрываться ядра и «духомъ» поднимать на воздух и выбрасывать за город людей. В это время ратные русские люди, со знаменами и барабанным боем, вскочили через башенный пролом на городскую стену и вступили с неприятелями в сильный бой. После пятичасового боя русские побили на том приступе турок, волохов и татар «и въ томъ числѣ приводцовъ ихъ». Тогда неприятели, видя большой вред для себя от пушечных и ручных ядер, от затхлости воздуха и поднявшегося пожара, ушли было и заперлись в меньший городок. Но увидя, что из меньшего городка им не уйти на Днепр, вследствие спуска их водных суден от города вниз, подняли большой крик и плач, выбежали из меньшего города на проломленную стену, приклонили знамена, замахали шапками и стали просить о пощаде и о готовности отдать оставшийся город и пушки

в руки русских людей. Для переговоров о мире неприятели выслали к русским на шанцы писаря Шабана и с ним несколько человек горожан. Тогда боярин и гетман послали в город ратных людей и приказали им привести к себе бея, агу * и других «урядниковъ» Кызыкерменского городка. Когда же раненый бей, ага и другие были приведены в обоз и у них отобраны были городские ключи, тогда русские ратные люди отступили к шанцам, а бея и агов с товарищами отправили для обережения в обоз, пока бусурмане выйдут все из города. Июля 31 числа боярин и гетман с старшиной и с войском вышли сами к воротам города для принятия мужчин, женщин и детей и наблюдали за выходом их из опасения того, чтобы ратные люди, а более всего черкасы и запорожские козаки, соблазненные добычею и пожитками, не ворвались в город и не учинили бы пакости какой-нибудь. Простояв все время, пока бусурмане выходили из городка, по обеим сторонам ворот, боярин и гетман велели принять их и отдать для сбережения по полкам; некоторых, впрочем, поймали себе русские ратные люди, украинские и запорожские козаки. Взято было: бей 1, агов 10, знамен турецких 2, пушек медных 14, ключей городских 3; кроме того, особо у гетмана оказалось несколько пушек, агов и других турецких старшин. После принятия людей и пушек боярин и гетман, с общего совета, велели город Кызыкермень до основания разорить, чтобы в нем неприятель на будущее время никаких пристанищ не имел, так как разбитые и разломанные места его за отсутствием камня, извести, лесу и каменного дела мастеров, сделать и починить по прежнему состоянию было нельзя. Так как в большом, в среднем, и в малом городах все дома и все строения были истреблены огнем, башни и городские стены взорваны на протяжении нескольких сажен, и возле города, на посадах, все дворы и заведения дотла были сожжены, то по всему этому, ратных людей оставить в нем было нельзя [12].

Так действовали под Кызыкерменем русские ратные люди и украинские козаки. На долю собственно запорожских козаков пришлась крепость Мустрит-Тавань или собственно Тавань; они окружили эту крепость лодками и промышляли над ней до тех пор, пока Шереметев и Мазепа не взяли город Кызыкермень. Тогда и Тавань, видя, что Кызыкермень «поклонился» военачальникам русско-козацких войск, «поклонился» войску запорожских козаков. Жители двух других замков Асламкерменя и Муберекерменя, видя падение Кызыкерменя и Тавани, бросили большие пушки на произвол и бежали с имуществом в Крым.

При сдаче жителей Кызыкерменя на волю победителей запорожские козаки стояли лодками по Днепру у городских стен и принимали в лодки мужчин, женщин и детей, которые бросались со стен города вниз и отвозились от Кызыкерменя в Тавань. В это время запорожцы захватили много ясырю и еще больше того разной

добычи: последнюю они сложили в огромную кучу на острове Тавани и безобидно поделили между собой.

Покорив русскому оружию названные города, боярин и гетман оставили в одном из них, Тавани, несколько сот человек русско-козацких войск и 600 человек запорожских козаков, а сами возвратились прежним трактом на Переволочну и Мишурин Рог. После отхода гетмана двинулись в Сичь и запорожские козаки со своим кошевым атаманом Максимом Самойленком, обремененные добычей и множеством пленных бусурман. Из привезенных запорожцами в Сичь турок и татар одна часть умерла; другая добровольно крестилась и была отпущена на свободу в великороссийские и малороссийские города; а третья часть, замышлявшая погибель Кошу и всему войску, была выведена за Сичь и вся, начиная от малых до старых, мужчин и женщин, без пощады истреблена [13].

Возвратившись в украинские города, гетман Мазепа, по царскому новелению, отправил свой лист через Сидора Горбаченка кошевому атаману и всему товариству с предписанием оказывать помощь тому войску из великороссиян, украинцев и самих же запорожских козаков, которое оставлено было в Таванском городке. Чтобы иметь больше свободы во время обороны против бусурман, гетман приказал кошевому атаману вывести запорожское войско из Тавани и поместить его в Мубареккермень и Асламкермень. Независимо от этого гетман Мазепа, в помощь охранителям взятых городов, послал по 500 человек козаков со всяким запасом из Лубенского и Гадячского полков; запорожцам с особым нарочным отправили по кожуху на козака на время зимних холодов. Кроме всего этого гетман отдал приказ лубенскому полковнику Леонтию Свечке приготовить в течение зимы полторы тысячи отборных полчан, взять необходимый для них хлебный запас и при первой возможности идти на низовья Днепра и поправить, чем только будет возможно, взятые турецкие города, хотя бы только насыпать в телеги песку и расставить их вокруг городков.

На лист гетмана Мазепы через его же посланца отвечал ноября 7 дня 1695 года кошевой атаман Иван Гусак. Кошевой Гусак писал, что запорожцы, собравшись на Коше в посполитой раде, выслушали гетманский лист с приказом о сохранении крепости Таванского городка на славной реке Днепре. Удержать и сохранить эту крепость они готовы уже потому, что тем самым могут обезопасить путь своему конному войску, ходящему для промыслов на Крым, и морскому войску, ходящему в Черное море против врагов святого креста, и могут расширить свои владения в бусурманских становищах против городка, стоящего у речки Конки. Запорожцы к шестистам человек своего товарищества, стоящего в городке, готовы дать еще несколько человек, чтобы только доставить «притулища» своим «рыцарскимъ людямъ», а нечестивым бусурманам еще больший внушить страх. Что же касается Асламкермеия и Муберекмер-

меня, то первый из этих городков совсем разрушен, второй совсем сожжен и потому исправлять их за зимним временем никак нельзя. Асламкермень пострадал прошлую осень, когда козаки были под башней Очакова и пожгли там почти все посады и ближайшие к ним места; тогда, приступив к Асламкерменю, они до самой земли разломали все башни и все стены его, попортили и завалили камнем все его колодезя. А Мубереккермень, стоящий над Конской рекой, при общем разорении сожжен и стены его еще в то время были разрушены и лежали на земле. Желая пресветлым государям во всякое время верную службу служить, чтоб от них монаршую милость иметь, запорожцы могли бы вывести свое товарищество и в другое место из Таванского городка, снабдив его пушками для отпора бусурман; но ввиду того, что товарищество в наступившую зиму уже успело расположиться и засесть в Таванском городке, свести его на новое место оттуда никак нельзя. Только весной можно будет оставить Тавань и приготовить новое место козакам; теперь же, сидя в Тавани, запорожцы, пока станет у них сил, будут оказывать христианскому войску помощь, а неприятелям давать отпор [14].

Вернувшийся из Запорожья в Батурин Сидор Горбаченко словесно гетману Мазепе передал, что сам кошевой атаман Иван Гусак и сичевое войско ходили на низовье Днепра против бусурман, были под вежею или замочком-городком, стоящим со стороны Стрелицы, на Перевозной пристани, против Очакова, на морском берегу, делали приступы к тому городку, и хотя, за твердою крепостью и скорым изгоном, не взяли его, однако пожгли все пашни и огромные запасы сена, бывшие там, захватили много скота и овец, но вследствие наступивших «зимностей» скоро возвратились в Сичь, наведя боязнь и трепет на Очаков и соседние с ним бусурманские города.

Гетман Мазепа, узнав о таком действии козаков, послал им самое радушное письмо с обнадеживанием «прещедрого царского жалованья оразъ» и с просьбой беспрестанно воевать ту погань, бусурман, и нещадно их жилища разорять [15].

Повинуясь воле Коша и надеясь на милость царей, таванские запорожцы безвыходно сидели в городке и переносили там большие бедствия от зимних холодов. Декабря 9 дня из Таванского городка прибыл в Батурин переволочанский сотник, ездивший для отправки хлебных запасов и для отвоза шуб, и о положении дел в городке передал гетману в таких словах. Ратные люди царского величества, запорожские козаки и сердюцкая пехота встретили сотника с особенной радостью и выразили большую благодарность за присланные им шубы и хлебные запасы, в которых они так нуждались вследствие наставшей зимы. Сотник собственными глазами видел, что сердюцкая пехота и козаки Гадячского и Лубенского полков и «прибылые» люди, находившиеся при козаках, сделали себе земляную крепость при каменном Таванском городке: от каменного городка до реки

Днепра они насыпали высокий вал и выкопали глубокий ров; на валу, для отстрела бусурман, поставили коши и деревянные надолбы, а из Непра (Днепра) пустили воду в ров «и для того надежная имъ можетъ быти, при божіей помощи, на зиму оборона; только во время вешнее отъ великой воды имѣетъ быти поврежденіе въ тѣхъ рвахъ». Но зато защитники городка терпят большую нужду от недостатка изб: в городке не только нет никаких изб, но нет и порядочных куреней, таких, какие имеются в Сичи у запорожских козаков; вследствие скудности леса на днепровских островах, в крепости построены самые малые курени, так что козакам приходится едва ли не под открытым небом на голой земле лежать, не имея никакой защиты «отъ зимнихъ досадъ». Впрочем, те же козаки, терпя нужду вследствие недостатка куреней, в то же время нашли нужным соорудить деревянную церковь в Таванском городке. Кроме неприятности от зимних холодов войско жаловалось также на большую тоску, нападавшую на всех козаков в далекой и тесной крепости вокруг ненавистных бусурман, и потому просило гетмана прислать на смену другое войско.

Сидя в Таванском городке, запорожцы «отзывались» к крымскому хану с предложением купить у них весь мусульманский ясырь, на что хан дал им такую «отповѣдь», что он сам пойдет в города московских царей, наберет там потребное ему число невольников и тогда выкупит весь имеющийся у запорожцев ясырь [16]. И свою угрозу хан, как потом оказалось, действительно в исполнение привел.

В том же декабре месяце отправлены были депутаты из Сичи в Москву за царской казной для тех козаков, которые выдержали «цѣлорочную» службу в Таванском городке. По «щедрой милости» царей на 600 человек козаков выдано было 6000 золотых, т. е. по 10 золотых на каждого козака. Гетман отправил эту казну через «умыслныхъ» посланцев своих Семена Карпеку и Омельяна Гнилого в Запорожскую Сичь и просил кошевого атамана, чтобы эти деньги розданы были именно тем, которые в течение года выдержали службу в Таванском городке. А чтобы в этом случае не произошел какой-нибудь обман, гетман подавал кошевому совет поручить это дело куренным атаманам, потому что каждый куренной атаман хорошо знает своих козаков. И когда те деньги до Сичи дойдут, то войско должно вручить их «добрымъ изъ товариства козакамъ» и отослать в крепость Тавань. После же раздачи казны таванским козакам кошевой должен смотреть за тем, чтобы козаки, взявши казну, до конца года не смели с острова уходить [17].

В то время, когда часть запорожских козаков находилась в Таванском городке, в это же время, в половине января 1696 года, огромное число татар, во главе которых стояли калга и нурредин-салтан, в отместку русским за потерю Кызыкерменя и других городков, ворвались в украинские города и прежде всего бросились

в повет Полтавского полка. Здесь они разорили Китай-город, Кишенку и Келеберду. Из области Полтавского полка татары ударились в Миргородский повет, снесли огнем и мечом все побережные села и города, а «жителей, гдѣ нагибали, рубали въ пень». Гетман поспешил выслать против татар три полка, но эти полки, узнав от пойманного языка о многочисленности бусурманских сил, заняли у города Голтвы выжидательный пост; при украинских козаках были и запорожские козаки в числе 600 или 700 человек. Несколько человек пехотных козаков из тех полков вышли было за голтвянские подворки навстречу бусурман, но, не устояв против превосходства врагов, скоро вернулись назад. Вместе с пехотой отважно вышли на голтвянские огороды за «тыны» (т. е. плетни) и запорожские козаки; но когда те тыны уничтожил татарский «тумолтъ» [18], то запорожские козаки все были изрублены саблями бусурман и так «за цѣлость своей отчизны опочили вѣчнымъ сномъ». От Голтвы часть татар снова повернула в повет Полтавского полка. Здесь она перешла Ворсклу-реку, левый приток Днепра, и стала добывать местечко Нехворощу, против которого стоял на левом берегу реки Орели Нехворощанский во имя Спаса монастырь [19]. Не будучи в состоянии причинить местечку никакого вреда, орда сожгла вновь построенный с фольварками монастырь и после того поспешила уйти в Крым [20].

В это же время в числе татар был Петрик, заклятый враг Москвы. Он вновь призывал на войну против Москвы, для защиты отчизны, запорожских козаков. Но на этот раз ни один человек не пошел к нему; напротив того, сам Кош известил гетмана о грозящей Украйне беде от бусурман. Для самого Петрика этот поход был роковым: он был убит под городом Кишенкой козаком Якимом Вечирченком и не вызвал ни в ком ни жалости, ни слез.

Гетман, очень довольный запорожцами за присланное известие о намерениях татар, хотя это известие и несколько поздно дошло до него, прислал им, апреля 4 числа, благодарственный лист, прося «и впредь о намѣреніяхъ и непріятельскихъ оборотахъ увѣдомлять». Сообщив им о погроме, сделанном бусурманами в малороссийских городах, он уведомлял Кош об отходе крымских татар в Крым, а белогородских — в Белоград. В заключение своего письма извещал козаков об отправке им «рочного съ прибавкой денежного жалованья» прямо на Сичь, а хлебного жалованья только в крепость Кодак, куда, за неимением собственных подвод, просил выслать из Сичи челны и довезти тот хлеб в самый Кош, в чем козаки не встретят препятствий при вешней воде даже в самых порогах Днепра [21].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Второй поход Петра под турецкий город Азов.— Предложение гетмана царю Петру о построении для плавного похода судов.— Отход в Черное море атамана Чалого и ватаги запорожских козаков.— Приезд в Сичь гетманского посланца с предложением идти в поход против бусурман.— Жалоба запорожцев на недостаток судов и на грабежи со стороны бусурман.— Донесение о том царю Петру.— Письмо запорожских козаков к гетману о присылке хлебных запасов ввиду предстоящей с бусурманами войны и ответ на то гетмана козакам.— Движение гетмана Мазепы с князем Долгоруковым из украинских городов вниз по Днепру и вести, полученные ими о действиях бусурман.— Подвиги запорожцев против бусурман до прибытия русско-козацких войск.— Ватаг Чалый и кошевой Мороз у берегов Крыма, на Черном море и в лимане Днепра.— Трагическая кончина Чалого и мужественные подвиги Мороза.— Поездка запорожских добычников в Москву.— Запрещение гетману о допущении в большом количестве запорожских посланцев в Москву.

Первый поход русских под турецкий город Азов окончился торжеством для бусурман и бесславием для русского царя Петра: Петр принужден был покинуть Азов, успев разрушить в нем лишь две-три крепостные каланчи. Но в то время ни соседние державы, ни сами подданные русского царя не знали еще, что над Россией занялась новая заря и что молодой русский царь с настойчивостью, свойственной всем гениальным людям, не положит оружия до тех пор, пока не одолеет врага. Усилив свои войска, настроив новых кораблей, вызвав к себе заграничных мастеров, заготовив большое количество различных боевых средств, царь Петр Алексеевич объявил второй поход на город Азов. Все малороссийские и запорожские козаки также призывались к походу против бусурман. На этот раз гетман Мазепа, желая угодить царю, выказал готовность соорудить морской и речной флот из 2000 человек запорожцев, которые, плавая по морю, не будут допускать турок под город Азов; а также, заняв места в низовьях Днепра, будут защищать владения малороссийских и запорожских козаков. На такое дело гетман просил 2000 четей хлебных запасов да одну тысячу рублей, а местом для построения судов указывал город Брянск. Царь с радостью принял план Мазепы, но нашел нужным поставить ему на вид, чтобы в случае замедления постройки судов в далеких брянских лесах, гетман озаботился приготовить их в украинских

городах и доставить мимо Переволочны, устья Орели, Кодака до самого Очакова Днепром [1].

В это время кошевым атаманом запорожских козаков был Иван Гусак. Оставаясь на Кошу в ожидании получения гетманской казны на постройку судов, Иван Гусак в апреле месяце 1696 года отпустил в море атамана Чалого с пятьюстами отборных козаков [2]. Сам же известил гетмана письмом, что между низовым товариством есть еще несколько человек охотных козаков идти в море против бусурман, для чего просил гетмана, за неимением денег в Сичи, прислать для построек судов царской казны.

Получив такое заявление со стороны кошевого Гусака, гетман Мазепа, желая доподлинно узнать боевые средства запорожских козаков, отправил в Сичь с листом батуринского сотника Сидора Горбаченка и велел ему обо всем низовое войско основательно расспросить и немедленно о том в Батурин сообщить.

Сидор Горбаченко прибыл в Сичь апреля 25 дня, ночью, а на утро следующего дня был уже в раде с гетманским листом, вручив его кошевому атаману Ивану Гусаку. Кошевой Гусак, приняв гетманский лист, приказал читать его всем козакам. Выслушав гетманский лист, в котором предлагался низовому войску в предстоящее лето поход на Черное море против неверных бусурман, все козаки единогласно дали ответ, что они готовы предложение гетмана с радостью принять, но затрудняются лишь тем, что не имеют у себя в наличности надежных судов. Во всей Сичи только и есть 50 челнов, да и те без починки не могут в дело идти: для них нужны и смола, и пенька, и другие припасы. Десяток же, другой судов, добытых козаками перед тем у бусурман, можно найти и возле самой Сичи, но они слишком расшатаны от частого плавания по водам и потому требуют слишком большой починки и упорного труда. Правда, во всем Запорожье имеется достаточное число судов, но на них выплыли из Сичи и из Таванского городка в море до 1000 человек запорожских промышленных козаков; они сели по 30 человек в каждый челн и захватили с собой три пушки в поход.

Находясь в Сичи, гетманский гонец сам видал, как туда шли многие городовые козаки, прослышавшие о имеющей быть раздаче царской казны всем охотникам до воинского похода против бусурман. Там же гетманский гонец узнал и о набегах татар на области Запорожья: в первый раз татары, в числе 500 человек, делали подбег к самарским городкам и захватили в них несколько человек людей и несколько голов лошадей: в другой раз, перед праздником святого Георгия, татарский чамбул захватил на рыбной ловле, ниже Таванского городка, на Днепре, 80 человек запорожских козаков. Христианские же выходцы принесли из Крыма такую весть, что турецкий султан уже отдал было приказ крымскому хану идти в Венгерскую землю войной, но хан на указ султана дал ответ, что предпринимать ему далекий поход ни в коем случае нельзя,

потому что он ждет прихода на Крым московских и козацких войск и что запорожцы уже разгуливают по Черному морю на своих челнах.

Отпуская от себя гетманского гонца, козаки вручили ему для передачи Мазепе собственное письмо, в котором, поблагодарив гетмана за его желание «расширить и умножить честь всего православнаго христіанскаго воинства», с тем вместе просили его прислать в Сичь хлебные запасы и денежную казну, за что обещались за монаршеский престол, за счастливое панование гетмана и за всех православных христианских людей, сколько Бог подаст им помощи и сил, воевать против неверных бусурман. Все войско и теперь готово воевать против своих исконных врагов, но для этого требуется иметь несколько морских челнов. Хотя запорожцы и сами имеют кое-какие под рукой челны, но те челны слишком мелки и годны только для Днепра; пускаться же в них в «столь мятежное море» никак нельзя. Правда, было у запорожцев 10 легких водных судов, но в них вышли в море 500 человек промышленных козаков. Поэтому войско просит гетмана приложить старание изготовить подошвы и дерево для 40 морских стругов, а к тому дереву закупить железа, канатов, смолы, конопати, полотна и якорей, и все то доставить в самую Сичь, а вместе с тем прислать хлебные запасы и царскую казну на раздел между козаками «для мушкетной стрѣльбы».

Сильно не понравилась Мазепе такая речь запорожцев, и потому едва Сидор Горбаченко вернулся в Батурин, как гетман вновь послал в Сичь своего гонца с обширным листом. В этом листе он писал, что не такой надеялся получить от них ответ, как получил: он рассчитывал, что запорожцы безотлагательно пойдут в поход и тем немедленно чинят помешку против бусурман и не позволят им подать помощи под город Азов. И вместо всего того запорожцы поют одно, что у них не на чем в море уйти и потому требуют сооружения сорока морских челнов со всякими принадлежностями к ним. Но пока будут сделаны требуемые струги, чрез то уйдет немало времени и удобная минута для нападения на врагов невозвратно минет. По всему этому гетман находит «непристойною рѣчью» речь запорожцев о требовании ими хлебных запасов и денежной казны, в припасах и в казне впредь до монаршего распоряжения, дает им отказ; относительно морских челнов советует самим изготовить их и, как можно скорее, идти на них в море против бусурман [3].

Отправив такой внушительный лист в запорожский Кош, гетман Мазепа вслед за тем, мая 6 дня, отправил «нижайшее» письмо в Москву. В этом последнем письме Мазепа сообщал, что он посылал своего нарочного гонца в Запорожскую Сичь и через того гонца приглашал козаков идти в морской поход, объявив им о пожаловании из монаршей казны тысячи рублей на закупку хлебных запасов и на постройку морских челнов. На это предложение запорожские козаки «показали охоту и обѣщали особенное тщаніе къ тому

приложить», но в то же время объявили о том, что у них нет для морского похода никаких средств и потому просили доставить к ним из городов подошвы, доски, железо, смолу, конопати, полотно и несколько якорей для сорока челнов, а кроме того требовали немедленно прислать в Сичь пожалованную государем тысячу рублей на военные запасы и на флот. Однако, гетман нашел за лучшее царских денег и хлебных запасов к запорожцам не посылать из опасения того, чтобы они без дела не издержали казны и не разобрали хлебных запасов «безъ оказанія службы» по куреням и чтобы «чрезъ-то самому гетману такое дѣло въ неразсмотрѣніе не было причтено». К тому же и некоторые из самих запорожских козаков, «доброратные и усердные къ государю и къ самому гетману», также не советовали посылать в Сичь ни хлебных запасов, ни жалованной казны. Но гетман просит самого государя разрешить этот вопрос: то есть задержать ли жалованные козакам хлебные запасы, или же немедленно их в Сичь отослать.

Ставя Петру на разрешение такой вопрос, гетман Мазепа в то же время спрашивал государя, в какую пору выходить ему с полками и где соединиться с воеводой Борисом Петровичем Шереметевым, чтобы в предстоящее лето на службе великого государя состоять: «Въ кои числа изъ домовъ подниматься и гдѣ съ бояриномъ и воеводой соединиться имѣемъ, а если подъ Очаковомъ промыслы военные можно чинити будетъ, то о томъ тщаніе наше будетъ прилежное; только-жъ сего лѣта рѣка Днѣпръ такая быти оказуется, что нынѣ даже раннею весной въ ней очень мало воды, а погоды скуднѣйшіе быть имѣютъ,— трудно будетъ переправлять черезъ пороги водяныя суда: для того нужны большія суда. Доносят мнѣ приднѣпровскіе побережные люди, что какъ еще съ зимы въ Днѣпрѣ оказалось мало воды, такъ и теперь часъ отъ часу все уменьшается».

Ответ на гетманский запрос последовал мая 20 числа. Царь Петр Алексеевич вполне одобрял гетмана за его распоряжение относительно сбора всех войск у реки Псла, но касательно времени выхода в воинский поход оставлял это дело на рассуждение его самого и воеводы Бориса Петровича Шереметева. К запорожским же козакам царь приказал написать письмо с тем, чтобы они в предстоящее лето шли на Черное море для чинения воинского промысла над бусурманами и для отвращения неприятельских сил от турского города Азова. Тем же из них, которые находились вместе с русскими ратниками в Таванском городке, велел послать из Киева на Переволочну 3000 четей хлебных запасов и ржаной муки [4].

В то время, когда шли эти пересылки между гетманом и царем, запорожцы в числе 500 человек под начальством атамана Чалого [5], выплыли в море против бусурман. Разгуливая по морю на своих чайках, сичевики напали на турецкие суда, сцепились с теми судами в абордаж, взяли 8 судов, шедших с хлебными запасами в Очаков

и 9 с разными товарами, многих турок отдали морским волнам, многих забрали в полон и привели в запорожскую Сичь [6].

И гетман Мазепа только теперь нашел нужным послать в запорожскую Сичь через батуринского сотника Дмитрия Нестеренка милостивый царский указ, 1000 рублей денег на постройку морских судов, несколько бочек хлебных запасов валкой в двести подвод и, кроме того, в подмогу для борьбы против бусурман снарядил полковника Константина Мокиевского с киевским полком, но за все то потребовал от запорожцев немедленного выхода в днепровский лиман [7].

Но запорожцы за несколько времени до получения указа уже действовали против бусурман. В половине июня бывший кошевой атаман Иван Гусак с товариществом в несколько сот коней вышел в «дикіе поля для взятья языка» и, залегши на шляху на Конской реке, стал там подстерегать прихода татар. Тут натолкнулся на Гусака загон татар из 37 человек, высланный ханом для захвата «русскаго языка о малороссійскихъ православныхъ воехъ» под город Новобогородицк. Этот загон напрасно провел несколько дней под Новобогородицким городком и уже повернул назад. Запорожцы, увидев скачущий по степи татарский загон, погнались за ним вслед и добежали до урочища Токмача; тут они напали на бусурман, нескольких человек убили, одного, по фамилии Булай, взяли в полон живьем. Вернувшись в Сичь, козаки представили Булая кошевому Морозу, а Мороз пленного татарина отправил с участниками дела, Костей Гордиенком и Федором Макляком с товарищами, к гетману Мазепе в табор на реку Коломак. Мазепа донес о том июля 4 числа в Москву. Пользуясь таким случаем, гетман извещал государя о планах татар. Когда русские войска, писал Мазепа со слов пленного татарина Булая, стали собираться возле Белгорода, а сам гетман, переправившись с войском через реку Псел, направился прямо к Коломаку трактом, идущим на Самарь, то крымский хан, захватив на реке Волчьей, впадающей в Самарь, рыбных промышленников, узнав о движении русско-козацких войск, вышел на Сиваш между Перекопом и Чангарами, у Гнилого моря, и собрал там генеральную раду. На раде было решено ждать приближения русско-козацких войск к реке Конке и там дать им решительный бой, загородив дальнейший путь в Крым. Заняв позицию на Сиваше, хан под Азов отправил нурредин-салтана с 10 000 войск. Независимо от хана под Азов послано было в три приема 45 турецких каторг. Сам турецкий султан несколько раз отправлял к крымскому хану приказ о том, чтобы он шел без всякой отговорки со всеми своими ордами в помощь туркам, против немецких войск. Но хан дал султану решительный отказ, ссылаясь на опасность со стороны русских, которые, идя под Азов, могли завернуть в Крым и попленить там у татар жен и детей. Хан послал только своего сына Казы-Герая к Белогородской орде, занявшей

положение около реки Днепра и ждавшей ханского приказания ввиду предстоявшей войны [8].

Но услуга запорожцев русскому царю и гетману этим не исчерпывалась. Получив денежную казну, а вместе с ней «поважную» царского величества грамоту и с тем вместе «певную» часть хлебных запасов, запорожцы отправили из Коша государю благодарственное от всего товарищества письмо и в том письме объявили, что они «съ охочимъ» сердцем выбрались (июня 30 дня) в числе 1740 человек под предводительством кошевого атамана Якова Мороза к Черному морю на только что сделанных морских челнах в плавный поход и имеют искреннюю готовность, насколько подаст им Господь Бог сил, чинить промысел против бусурман, врагов православной веры и святого креста [9].

В свою очередь о выходе запорожцев в море известил царя Петра и гетман Мазепа [10]. Сам гетман отправил к Азову 15000 войска под начальством Якова Лизогуба, июля 6 дня сошелся на речке Коломаке с боярином Шереметевым, спустился оттуда до речки Берестовой, где простоял табором до последних чисел июля, оберегая границы Украйны от внезапного набега татар.

Тем временем кошевой Яков Мороз, ватажный атаман Чалый и полковник Мокиевский, выйдя из Сичи, спустились вместе по Днепру до так называемого Козьего Рога или Кызымыса [11]. У Козьего Рога Мокиевский отделился от запорожских козаков, но тут же скоро узнал, что часть оставленного им на острове Тавани войска восстала против него и выбрала полковником хорунжего Сергея Солонину. Тогда Мокиевский нашел нужным вернуться в Сичь и из Сичи немедленно гетману Мазепе о происшедшем в Тавани сообщил. Гетман Мазепа, для разузнания об истинном положении дел, отправил от себя генерального хорунжего Ефима Лизогуба, Солонину же от полковничьего чина велел отрешить и вместо него вновь Мокиевского восстановить.

Между тем кошевой Мороз, ватажный атаман Чалый и запорожские козаки продолжали свой поход в низовье Днепра. Уже в июле месяце, выплыв в открытое море из лимана Днепра, они разделили на две части весь свой флот и одна часть, 340 человек с Чалым во главе, отправилась к крымскому городу Хозлеве, на козацком языке Козлов [12], а Яков Мороз остался в море гулять.

Не доходя пяти верст до города Хозлеве, атаман Чалый оставил все свои чайки у крымских берегов, сам же с ватагой вышел на материк и сделал набег на вежи оседлых татар. Разорив два татарских села и взяв в плен 62 человека мусульман, Чалый снова вернулся к своим челнам и, благополучно севши в них, поплыл назад морем в днепровский лиман. Уже козаки успели приблизиться к турецкому городу Очакову, но тут против них выстроилось несколько турецких каторг и фуркат, и они поспешили пристать к Козацкому острову и окопаться в нем. Два дня они отбивались от бусурман,

а в ночь со второго на третий день снова сели в лодки и поплыли вверх. Дойдя до Стрелицы и до урочища Сагайдачных кучугур, козаки увидали, что водным путем идти им дальше нельзя, а потому высадились на левый берег Днепра и пошли пешком в ольховый лес. Но здесь на них напали — крымский хан с одной стороны и гнавшиеся за ними по морю янычары с другой и, «обточивши ихъ дробною, огнистою и арматною стрѣльбою», беспощадно разили со всех сторон. Козаки, по рассказу одного из соучастников дела, Данила Татарчука, мужественно защищались в течение всего августа 27 дня, но под конец, обессиленные от недостатка воды и уставшие от потери физических сил, решили сдаться вместе с добытым ясырем в руки бусурман. Чалый, убивший двух турок, заранъше предсказал сам себе смерть от врагов. И действительно, по приходе к ним, он был убит. Остальные козаки, числом 340 человек, были взяты живьем и отправлены в Очаков в плен. Хан, получив пленных козаков, даровал им жизнь и пожелал обменять их на пленных мусульман [13].

В то время, когда одна часть запорожских козаков подвизалась на низовьях Днепра, другая часть их действовала на Черном море против бусурман. Здесь управлял сам властный кошевой атаман Яков Мороз, командовавший над козаками в 40 морских челнах. Заметив где-то на море турецкий флот, козаки внезапно бросились на него, разбили три турецких судна и при этом захватили 5 турецких писем, которые визирь вез с собой к хану в Крым. После всего этого козаки повернули с моря в устье Днепра, но тут им заступили место с двух сторон скопища бусурман: на гирле турецкие войска, с поля хан со всей ордой. Бусурмане стали делать «наступы» на козаков и много им «наскучать». Кошевой атаман сперва дал им бой, но потом, рассудив, что он не может с товарищами своими подняться вверх по Днепру, пристал до Стрелицы, все суда и вещи в реке потопил, а сам с войском и с языками, числом 27 человек, пеш ночью промеж ордами до Таванского острова и оттуда до Сичи в целости пришел. Из Сичи кошевой, собрав большую депутацию в 600 человек козаков, все турецкие письма с собственным листом гетману Мазепе отослал. В своем письме Яков Мороз писал так: «Получивъ высокопочтенную государскую грамоту и отцовское вашей вельможности повелѣніе, посланное войску запорожскихъ козаковъ, о выходѣ въ Черное море противъ враговъ, мы сдѣлали то не словомъ, но по своему древнему отважному рыцарскому промыслу, совершили то самым дѣлом, лишь только намъ выпало къ тому время. Выплывъ на Черное море въ 40 судахъ, которые могли сдѣлать только отъ убожества своего, мы, не морща чела, знатно отвагами своими стали противъ непріятелей святого креста и, встрѣтясь съ каторгами на морѣ, сильно ударили на нихъ; однако, вслѣдствіе малости своихъ судовъ, не могли имъ сдѣлать большого зла, хотя и одержали побѣду надъ нѣкоторыми изъ нихъ.

Послѣ этого, повернувъ воднымъ путемъ въ гирло Днѣпра, мы увидѣли много поганскихъ силъ, оттого пристали къ другой, со степи, сторонѣ и пѣшіе ушли вдоль Днѣпра. Нынѣ съ нововзятыми языками посылаемъ то знатное товарищество наше съ двумя полковниками, Григоріемъ Сагайдачнымъ, Петромъ Сорочинскимъ и съ тремя ватажными асаулами, которые въ трудахъ обрѣтались вашей милостиваго добродѣя вельможности, и покорное прошеніе приносимъ, чтобы ваша вельможность, посмотрѣв на такіе труды и рыцарскія отваги ихъ, изволили отпустить ихъ къ пресвѣтлому монаршескому престолу, дабы они отъ царскаго пресвѣтлаго величества могли пріобрѣсти себѣ милость. Чрезъ тоже товарищество, ѣдущее къ вельможности вашей, посылаемъ для передачи его царскому пресвѣтлому величеству наше желательное прошеніе: изготовить намъ для морскихъ походовъ на 40 струговъ подошвы, досокъ, желѣза, якорей, парусовъ и другихъ необходимыхъ къ тому вещей и къ предстоящей осени прислать; о послѣднемъ мы особый листъ и къ его царскому пресвѣтлому величеству посылаемъ. Мы же, войско запорожское низовое, подѣлавъ изъ тѣхъ пожитковъ собственными руками струги морскіе, будемъ всеусердно и вѣрно служить найяснѣйшему монаршескому престолу, а вашей вельможности наносить нескончаемую славу» [14].

За это время, июля 17 числа, русскими войсками, под начальством самого царя Петра, малороссийскими козаками, под командой наказного гетмана Якова Лизогуба, взят был турецкий город Азов. После счастливой победы царь Петр Алексеевич послал Мазепе письмо и в нем требовал на радостях гетмана к себе. Мазепа немедленно выехал навстречу государю и нашел его в слободском городке Острогожском или Рыбном.

В отсутствии Мазепы, августа 20 числа, названные запорожские полковники, асаулы и козаки, в числе 600 человек, пришли в Батурин, но увидели гетмана только в сентябре 14 числа, по возвращении его домой.

Мужественные подвиги запорожцев в открытом море, их героическая стойкость в борьбе с многочисленным врагом в низовьи Днепра, трагическая кончина одного из их вождей давали козакам полное основание рассчитывать на большую награду со стороны царя и должное внимание со стороны гетмана. Но гетман Мазепа, сам не обнаживший сабли за интересы русского царя, при всем том получивший от него большие дары, выступил ярым защитником царских интересов, когда к нему явились запорожские депутаты с просьбой разрешить им свобоный проезд в Москву. Опираясь на указы прежних царей о непропуске в столицу запорожцев в слишком большом числе, Мазепа не сделал исключения и на этот раз: он отправил представление к царю о приезде запорожских депутатов в числе 600 человек и от себя лично подавал мысль дозволить приезд в Москву только двумстам козакам, а остальным

четыремстам оставаться в Батурине и в нем ждать возвращения своих товарищей из Москвы. Молодой царь, находившийся под обаянием недавнего свидания с Мазепой, обольщавшим всех своим польско-иезуитским обращением, во всем согласился с представлением гетмана Мазепы и приказал четыремстам козакам остаться в Батурине, а двумстам позволил явиться в Москву. Но запорожцы, чувствуя за собой нравственное право, отказались принять такую честь. Запорожские же вожаки в решительном тоне объявили, что «въ двухсотенномъ числѣ» они отнюдь в Москву не пойдут, потому что оставленные при гетмане 400 человек козаков не только лично полковников, но и всю старшину, едучи в Сичь, в дороге перебьют. В Сичи и теперь после похода козаков в Черное море с ватагом Чалым, когда часть их была перебита, часть забрана в плен, все еще имеется большая масса войска, ходившая, по воле царя, в Черное море против бусурман, в настоящее время отправившая своих посланцев к гетману Мазепе и ждущая воздаяний за свои труды.

Получив такой ответ, гетман Мазепа вновь запросил царя, что предпринять против запорожских козаков, которые, стоя долго в украинских городах, «обыклымъ своимъ непостоянствомъ въ конецъ притѣсняютъ и разоряютъ малороссійскихъ людей».

На второй гетманский запрос царь отвечал, что из всех 600 запорожцев никого не следует пускать в Москву. Однако, ввиду того, что они на Черное море ходили, 3 корабля турецких разгромили и бусурман в плен много побрали, а также ввиду того, чтобы они и впредь верно ему, великому государю, служили и над неприятелями промысл сухим путем и морем чинили, великий государь послал им жалованья по 1 рублю на человека, а всем вместе 600 рублей, кроме того, по аглинскому сукну, мерой по 5 аршин; зато впредь ту дачу их братии, запорожским козакам, ни в образец, ни в пример не выписывать. Деньги же и сукна с подъячим Афанасием Инеховым приказал прямо в Батурин отослать и там «велѣлъ гетману ихъ шести-стамъ человѣкамъ роздать, самихъ-же (козаков) изъ малороссійскихъ городовъ въ Запорожье отпустить, а къ Москвѣ не отпускать» [15]. Но пока царское жалованье пришло в Батурин, тем временем запорожцы, снявшись со становищ, какие им были показаны в малороссийских городах, «путь свой къ Сичѣ завзяли», и гетманские посланцы догнали их уже возле перевоза Переволочны и там «съ рукъ въ руки порядне козакамъ царскую казну передали» [16].

Не дождавшись возвращения шестисот человек своих посланцев, запорожцы и кошевой атаман Яков Мороз, сентября 11 дня, отправили к Мазепе новых своих товарищей, полковников Герасима Крысу и Ивана Сухого, с партией в 80 человек, с каждого куреня, как у них водилось, по два козака, с просьбой пропустить всех в Москву, где они имеют просить царя прислать войску жалованья в 1300 рублей и дозволить обменять 340 пленных козаков, взятых

в неволю с ватажным атаманом Чалым у устья Днепра, на 340 мусульман. Изложив все это в своем письме, запорожские козаки просили гетмана не оставлять их своими вестями о будущих предприятиях войны, чтоб не быть им в таком неведении, как были они при взятии города Азова от русских войск [17].

Когда новые посланцы прибыли в Батурин, то их оказалось вместо восьмидесяти сто десять человек. Тогда гетман Мазепа 30 человек из них удержал при себе, чтобы козаки в проездах людям жилым да и в городе Москве не докучали казне, а остальных направил в Севск, надеясь на то, что отсюда их в таком большом числе не пропустят в Москву [18].

Царь Петр Алексеевич, сильно недовольный вследствие присылки такой многолюдной депутации от запорожского Коша, вновь предписал гетману не допускать в таком большом количестве запорожских посланцев в столицу.

Гетман Мазепа, получив такой приказ, поторопился послать царю верноподданический лист, в котором писал, что запорожцы в «своихъ дѣлахъ люди прикрые, въ прошеніяхъ докучливые»; что, несмотря на представляемые им доводы, они никакого на то внимания не обращают и всегда требуют, чтобы им позволено было ехать в Москву в таком числе, какое написано в войсковом их от кошевого к гетману письме; что потому лучше было бы послать царскую грамоту в самую Сичь кошевому атаману и всем козакам, дабы они «великолюдныхъ купъ» в Москву не смели носылать и тем докуки великому государю не дерзали наносить; теперь же, отпуская 80 человек запорожских посланцев в Севск, гетман рассуждал так, что им там будет перебор, и что только часть их будет отпущена в Москву, а часть возвращена назад; это было бы тем именно хорошо, что тогда бы они могли наконец понять, что пропуск их в большом числе в Москву воспрещается не по «вымыслу» гетмана, а по указу самого государя. Впрочем, осудив так запорожцев, просил государя взять то в расчет, что ввиду существующей против бусурман войны, в настоящее время запорожцев не следует оскорблять, а нужно всячески к военным делам приспособлять [19].

Но запорожцы все еще не могли никак унятся, и вслед за отъездом названных полковников из Сичи кошевой атаман Мороз написал гетману Мазепе новое письмо о выезде в Батурин двух куренных, Тимофея ктитаровского куреня и Степана донского куреня, с шестью товарищами. Кошевой Мороз просил Мазепу пропустить названных атаманов без замедления в Москву для челобитья о размене взятых в плен козаков на пленных турок или татар [20]. Последнюю просьбу гетман Мазепа нашел возможным принять без возражения и обоих атаманов немедленно отпустил в Москву.

В Москву запорожские посланцы прибыли октября 1 дня и там, по приезде их, стали наводить справки о том, по какой росписи им содержанис выдавать. Для этого нашли «роспись корма и питья»,

по которой даваны были в прошлом 7202 (1694) году, в ноябре «гетманскимъ посланцамъ запорожскимъ козакамъ, атаману брюховецкаго куреня Лендѣ Леску, атаману пашковскаго куреня да четыремъ товарищамъ ихъ, пріѣзжавшимъ для позволенія о размѣнѣ плѣнныхъ запорожцевъ на плѣнныхъ татаръ». После той справки прибывшим козакам дано было на приезд: харчей на 20 алтын, вина простого $1^1/_2$ ведра, меду 3 ведра, пива 6 ведер; на время прожития в Москве дано всем — по рублю и по десяти денег; для топления светлиц и для варения еств по 2 воза дров, в 2 алтына за воз да по две деньги свеч сальных на сутки; на отпуск дано — денег по 4 рубля, сукна аглинского мерой по 5 аршин, соболей по 1 паре каждому козаку в 2 рубля каждая пара, да в дорогу дано корму — полоток ветчины, четверик круп, четыре пуда соли, полведра уксусу, да вина столько, сколько на приезд дано [21].

Взятие русскими турецкого города Азова произвело большое впечатление на современников. Отголосок об участии запорожских козаков в обоих походах под Азов сохранился в одной великороссийской народной песне, дошедшей до наших дней.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Пролегала-протекала мать Камышенка-река.
Что на той ли быстрине, на Камышенке-реке
Как плывут там выплывают два снарядные стружка,
А на стружечках гребцы — удалые молодцы,
Удалые молодцы — все донские козаки,
Все донские козаки да гребенские, запорожские.
Они весело гребут, сами песенки поют:
Они хвалят-величают православного царя,
Православного царя, анпиратора Петра [22].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Приготовление запорожских козаков к новому походу против турок и татар.— Заготовление малороссийскими полковниками для плавного похода морских челнов.— Справка Мазепы по поводу высоты воды на порогах Днепра и донесение о том полковника Кармазина.— Движение гетмана Мазепы и князя Долгорукого в 1697 году вниз по Днепру к турецким городам.— Переправа русско-козацких войск через пороги Днепра.— Встреча Мазепы и Долгорукого запорожцами близ Чортомлыцкой Сичи.— Прибытие военачальников к турецким городкам и укрепление русскими городка Тавани.— Возвращение военачальников назад и передача ими охраны крепости отряду московских войск и запорожских козаков.— Возвращение запорожцев в Сичу, несмотря на предписание гетмана оставаться на Низу Днепра.— Отправка Мазепой и Долгоруким большого отряда войск к Тавани и выступление запорожцев на подмогу тому отряду.— Действия запорожцев у Тавани и награда гетману от царя.

Взятие русскими города Азова вызвало месть со стороны турок и татар и побудило их идти походом на малороссийские города, чтобы вознаградить себя за потерю у Азовского моря. Вести о таком решительном намерении бусурман принесли в Старосанджар два товарища из ватаги погибшего геройской смертью атамана Чалого, Андрушка и Левко, ушедшие из очаковской неволи [1], и значный товарищ Полтавского полка Кирик Шарый, прошлой зимой захваченный с «выросткомъ» сыном бусурманами, проходившими через село Петровку [2] в Крым, служивший потом у какого-то татарина под Карасевым, потом бежавший через Сиваш в Сичь, а из Сичи через Полтаву в Батурин [3]. Доставленные в город Батурин октября 26 дня, запорожские выходцы принесли важные вести о замыслах бусурман. Взято всех запорожцев с Чалым да с Богданцем в турецкую неволю 340 человек. Турки всех их держат вместе и ожидают вести от Сичи, будет ли или не будет за них «замѣна», а «терменъ» (срок) той замены — 30 дней: если за них не будет прислана «замѣна», то все они будут розданы на каторги и отправлены в Царьград. Но из 340 человек двоим, самим рассказчикам, посчастливилось из той неволи уйти; а как вышли они из Очакова, тому недели четыре есть. Когда были они в Очакове, то видели, что турки к старому верхнему каменному городу новый, также каменный, при-

строили и тот город окопали глубоким рвом, а поодаль от того рва за городом, от моря до моря, обвели вокруг высоким и широким с раскатами валом. В тех городах запасено множество армат, гранат («кгранитовъ»), пороха, пуль («куль») и всяких военных припасов, каторгами по воде доставленных. Войска там с белогородским пашой десять тысяч человек, не считая того, которое на каторгах да на «дробныхъ» судах состоят. Все лето стояли там два салтана с Белогородской ордой, а этой осенью вся та орда пошла вверх Буга-реки, не то в Полесье, не то в польские города. А недели за две, за три перед Дмитриевым днем [4] и все каторги и другие суда должны были уйти в Царьград на обычное становище зимнее. На зимнее время и белогородский паша, оставив у Очакова нужное количество войск, имеет в Белогородчину уйти. За четырнадцать дней перед бегством козаков в Очаков прибыл водой до крымского хана турецкий посол. В честь его прихода очаковцы из всех арматныхъ «штукъ» и из «дробной стрѣльбы» стреляли в Очакове: тот посол привез им весть, будто турское войско в это лето где-то побило 40 000 немцев. Носился также у очаковцев слух, будто у турок с поляками заключен мир; а как только станет зима, то все крымские и белогородские орды пойдут войной в сегобочную сторону под малороссийские города. Ожидая к предстоящему лету прихода русских войск, очаковцы отнюдь ничего на зиму не сняли, все сады повырубили, рвы возле огородов позакапывали землей, весь посад за новым рвом от поля очистили и на поле от земляного вала несколько окопов сделали [5]. Сами крымцы выгнали все свои «статки» (скот) за Перекоп и обороняют их двумя салтанами с значительной частью орды: «А то для того, что въ Крыму въ это лѣто не только хлѣбъ, но даже и трава не родила, и бусурмане ни себя, ни своего статка не могутъ прозимовать; а также для того, чтобы въ будущее лѣто малороссійскаго войска не допустить въ походъ подъ Очаковъ или подъ Перекопъ»[6].

Но если бусурмане принимали свои меры для защиты себя от русско-козацких войск, то, в свою очередь, русские прибирали всякие средства для нападения на бусурман. Октября 4 дня предписано было царской грамотой гетману Мазепе послать на смену Серденяцкого полка в город Тавань новый, под начальством Дмитрия Чечеля, полк; а в случае прихода под тот город бусурман и самому иметь «обереженіе и пильное тщательство отъ нихъ». Затем велено было из Переволочны и из Новобогородицкого городка отправить в город Тавань хлебные запасы для русских войск, а из Тавани взять рваную пушку и взамен ее новую послать. В случае выхода из Таванского городка запорожских козаков в Сичь, оставить в нем 2000 человек военных людей, так чтобы 1000 из них была великороссиян, 1000 малороссиян. А кошевому атаману и всем козакам написать, чтобы они в случае прихода бусурман выходили всем своим войском неприятелей отражать.

По такому предписанию гетман уже 15 октября отправил на низовье Днепра полковника Чечеля. Но полковник Чечель, дойдя до Переволочны и переправившись с левого на правый берег Днепра, несколько замешкался там, поджидая царских хлебных запасов, которые шли на возах в количестве четыреста четырех четвертей. Когда возы дошли до Днепра, то, для спешности дела, их переправили частью у Переволочны, частью у Кодака. Потом, соединив их в «дикихъ поляхъ», двинули под город Тавань. Гетман обещал царю «о цѣлости Тавани имѣть самое усердное стараніе», для чего уже и теперь послал туда собственного реймента 1000 человек. Кошевому атаману он отправил письмо с приказанием, дабы он, со всем войском низовым, в том «бодро прилежалъ и городъ тотъ въ нерушной цѣлости оберегалъ»[7]. В виду предстоящего похода гетман просил царя «дать милостивое монаршее наставленіе, съ какимъ полкомъ ему противъ тѣхъ непріятелей ополчаться и какъ имъ отпоръ давать», а кроме того прислать два можчира[8] и к ним гранатного запаса в находящиеся при гетмане стрелецкие полки[9].

Тем временем полковник Дмитрий Чечель, посланный в город Тавань, прибыл на место и своим полком сменил полк Гаврила Ясликовского, стоявший там целый год на царской службе. К тому же времени доставлено было водой 50 возов из Киева через Переволочну и Запорожье и 1200 рублей в город Тавань для 500 человек запорожских козаков, находившихся в царской службе на Таванском острову. Но, вероятно, присланные деньги не совсем правильно были распределены, потому что 50 человек козаков оставили город Тавань и пошли к гетману просить себе награды сверх присланной царской казны, о чем гетман сообщил царю, не зная, как с просителями поступить[10].

Приготовления к походу длились в течение всей зимы 1696 года и в продолжение весны следующего года. В ноябре месяце гетман Мазепа отправил в Сичь Сидора Горбаченка с письмом к кошевому атаману Якову Морозу, содержащим приказание передать посланцу старую разорванную армату, находящуюся в Таванском городке, для замены ее новой арматой меньших размеров. Пользуясь этим случаем, гетман внушал запорожскому войску быть верным великому государю, находиться в гетманском повиновении, крепко держать Таванский городок и ни под каким видом не допускать к нему неприятелей святого креста.

Отвечая на гетманский лист, запорожцы, в свою очередь, пользуясь случаем, обратились к гетману с просьбой оказать им разные милости. Так, они просили его вельможность порадеть о сичевой церкви пресвятой Богородицы, которая «была искоренена не отъ какого-нибудь нерадѣнія, а единственно отъ напраснаго огня», но теперь снова офундована во славу имени божьего: кошевой и товариство просят гетмана ту «новосозданную церковь взять въ свое

призрѣніе», заплатить 1000 червонцев мастерам — ремесленникам и прислать небольшой запас борошна для того, чтобы в той церкви «была предложена» бескровная жертва за пресветлого монарха и за вельможного гетмана. Кроме того, запорожцы просят гетмана, ввиду распространившихся слухов «о переборѣ денегъ чехового хода», т. е. о запрещении принимать в скарб малороссийского войска старые стертые чехи, отменить такое распоряжение и оставить в обращении прежние монеты, потому что уже теперь, через один слух, в народе малороссийском происходит большое смятение, а в Запорожьи — большая турбация. Запорожцы, имея у себя много чехов и часто отправляясь в малороссийские города за покупкой борошна или других каких-либо предметов необходимости, не могут платить никому в городах своими деньгами и возвращаются в Кош, ничего не купивши [11]. Независимо от этого кошевой и все запорожское войско просят гетмана прислать в Сичь подошв, досок, якорей, железа и парусов на постройку сорока морских судов, за что обещают в точности исполнить все требования гетмана и при первой возможности выступить в Черное море против бусурман.

Гетман на этот раз беспрекословно исполнил требование запорожского войска и не замедлил отправить из города Брянска в Сичь «къ прежнимъ струговымъ припасамъ» на 40 стругов железных якорей 40, холста на паруса 8000 аршин, смолы 80 бочек, железа 480 пудов, канатов 800 сажен, веревок 7900 аршин [12]. Кроме того, особо, в виде подарка, послал кошевому атаману Морозу 20 чехов талеров, судье Власу Опаненку, писарю и асаулу — по 10 талеров [13] и о готовности запорожцев идти для борьбы с бусурманами сообщил письмом в Москву, присовокупив к тому предложение построить на собственный счет 50 морских судов [14].

Царь, получив письмо гетмана Мазепы, принял предложение его с особенным восторгом и отправил приказание выслать в Москву запорожских мастеров, умеющих строить морские суда.

По тому царскому приказу кошевой Мороз послал самых лучших мастеров, Василия Богуша с Мартыном Романовичем да Авдием, товарищем Шкуринского куреня, которые прибыли в Москву декабря 11 дня и оттуда отправлены были в город Брянск для отыскания годного на суда леса и для рубки его [15].

С наступлением весны приготовления к походу усилились.

В феврале месяце, ввиду обеспечения запорожцев, на случай похода, послано было в Сичь через стольника Елеферия Жеребцова царское денежное жалованье [16]. Но в это время гетману приходилось усмирять таванских запорожцев, которые по жалобе на них белгородского полковника Станцеля, задержали, без всякого будто бы повода, государевых ратных людей, били их камнями и поленьями и едва не убивали до смерти [17].

Марта 31 дня, 1697 года, гетман Мазепа послал в Нежинский полк универсал и в том универсале приказывал собрать тысячу

подвод для препровождения военных и хлебных запасов до Сичи и оттуда вниз под город Кызыкермень [18].

Апреля 27 числа Мазепа получил известие о результате работ по изготовлению морских судов. Посланный им в главные города малороссийских полков козак Иван Сухина доносил, что в течение последних месяцев у малороссийских полковников изготовлено было 70 морских судов и 600 речных лодок «на лиманъ и на днѣпровскую воду способныхъ, которыя судна полковники тѣ, съ иного козака по полтинѣ, съ иного по талеру емля, своими деньгами дѣлали». Суда были бы и раньше готовы, но замедление в постройке их произошло по вине трубчевского воеводы, запрещавшего мастерам рубить лес в зимнее время. Благодаря, однако, настоянию Сухины часть их была окончена к 27-му апреля и тогда же отправлена под командой запорожского мастера Богуша к устью реки Десны и Сейма, а часть окончена в начале мая.

Ввиду трудности переправы судов через пороги Днепра гетман позаботился навести справку о том, как велика в порогах вода и когда удобнее всего пускаться с флотилией вплавь по Днепру. Ответ на гетманский запрос пришел апреля 27 дня от кодацкого полковника Федора Кармазина. Полковник Кармазин доносил, что, получивши регментарское письмо, он вычитал его вместе со своим товариством в Кодаке и тот же час «безо всякой мѣшкоты» отвечает, что «вода нынѣ въ порогахъ великая обрѣтается, и будетъ она пребывать, хотя помалу, до святого іерарха Христова, Николая, а послѣ праздника святого Николая черезъ недѣлю начнетъ спадати скорѣе, нежели пребывала, и ныне, сими часами, по преполовеніи Господнемъ, часъ и пора самая переправлятись» [19].

После всех этих приготовлений назначен был день похода — мая — 25 числа 1697 года. В объявленном походе русские войска должны были идти под начальством белгородского воеводы князя Якова Федоровича Долгорукого; малороссийские козаки — под начальством гетмана Ивана Степановича Мазепы.

Лишь только гетман двинулся в поход, как на пути из Батурина в Глухов прибыли к нему 30 человек запорожцев с неким козаком Михайлом, ушедшим из турецкой неволи и принесшим важные вести о военных делах бусурман [20]. Михайло был родом из Печерского местечка, взят в плен бусурманами еще в малых летах, прожил у какого-то купца турчина 15 лет и потом бежал с несколькими товарищами, когда плыл на судне из Царьграда в Козлов по торговым делам. «Въ это время запорожское сѣчевое товариство, бывшее въ плѣну бусурманскомъ, плывя съ турками Черным моремъ, божіим призрѣніемъ и данною ему отъ Бога помощью, посѣкло въ кораблѣ тѣхъ турокъ и сдѣлалось свободнымъ». Прибыв на турецком корабле до урочища Стрелицы, козак Михайло и бывшие с ним запорожские товарищи, бросили там свое громоздкое судно, оттуда до самой Сичи добрались пешком и там раскрыли все военные пла-

ны турок и татар. По их словам, одна часть турецких войск, под начальством Алим-паши, на 3 галионах, 5 каторгах и 20 фуркатах имела намерение подойти водой под городки Тавань и Кызыкермень; другая, в числе 5000 человек на 5 галионах, 5 каторгах и 20 фуркатах, уже пошла под город Азов. Впрочем, по соображениям самих же выходцев, едва ли войска, которые посланы под Тавань и Кызыкермень, могут подойти на таких больших судах к названным городкам,— скорее они отправлены для обороны Очакова и для замкнутия со стороны Черного моря днепровских гирл.

Для точной и скорейшей передачи добытых сведений запорожское войско поспешило отправить к гетману названных выходцев и придало к ним несколько человек сичевых козаков. Через последних войско просило гетмана, как можно скорей, прислать в Сичь необходимые для похода запасы и морские челны, нужно думать, именно те челны, постройка которых затянулась до весны. Гетман Мазепа, приняв запорожских посланцев, выходца Михайла отправил в Москву, а сам поспешил выходом к порогам Днепра [21].

Разделив на две части все свои войска, гетман Мазепа главной массе велел идти «плавнымъ походомъ» по Днепру до Кодака [22], а сам с меньшей массой войск пошел в тот же поход «землей». Великороссийские войска, собранные для похода под Киевом на Днепре, должны были следовать за флотом малороссийских козаков и также идти до Кодака. Сам начальник этих войск, князь Яков Федорович Долгорукий, бывший до тех пор в городе Белгороде, двинулся на соединение с гетманом сухим путем, имея при себе часть пехотного и конного московских полков и часть слободского козацкого полка. За Яковом Долгоруким следовал севский воевода Лука Федорович Долгорукий.

В средних числах июня месяца гетман Иван Мазепа и воевода Яков Долгорукий сошлись на реке Коломаке. От реки Коломака они двинулись за реку Орель и там с общего совета решили оставить для охраны малороссийских и слободско-украинских городов, на случай внезапного нашествия бусурман, на реке Коломаке князя Луку Долгорукого и на вершине реки Орели, выше городов в урочище Хрещатом, миргородского полковника Даниила Апостола. Последнему дан был приказ, «абы онъ бодрствовалъ на уторчки непріятельскія и, съ согласія воеводы сѣвскаго, давалъ имъ отпоръ». Кроме того, для обережения от белогородских татар начальники русско-козацких войск особо оставили при днепровском берегу бывшего охотницкого конного полка полковника Илью Новицкого с козаками, приказав ему «неусыпную имѣть бодрость и осторожность отъ наступленій непріятельскихъ».

Оставив реку Орель, гетман и воевода июня 24 дня [23] пришли обозами «до лѣваго берега Днѣпра, къ Кодацкой пристани, выше днѣпровскихъ пороговъ обрѣтающейся», и тут приняли все меры к тому, чтобы благополучно переправить через страшные пороги

Днепра все свои речные и морские суда. Дождавшись прибытия судов, гетман Мазепа посадил на них «военныя строенія» и велел спускать последовательно весь русско-козацкий флот через днепровские пороги [24]. Переправа через пороги Днепра была очень трудная, продолжалась в течение двух недель и стоила гибели многих хлебных запасов, оружия, судов и людей: «Притомъ и люди нѣкоторые изъ войска кончиною смертною отнялись, ибо гдѣ о каменные пороги судно разбилося, тамъ и всѣ хлѣбные и ружейные запасы приходили въ утопленіе, и люди попадали не въ безопаство». В то время, когда русско-козацкие войска переправлялись через пороги Днепра, в это время как раз против Кодака, показалась белогородская орда, которая угнала несколько десятков запорожских лошадей, а у селитренного майдана захватила несколько человек самих козаков. Одновременно с белогородской ордой по другому берегу Днепра, ниже того места, где впадает в Днепр река Самарь, за переправлявшимися отрядами русско-козацких войск наблюдала крымская орда [25].

Июля 6 числа гетман Мазепа переправился с левого берега Днепра на правый и оттуда послал универсал всем наказным полковникам об оставлении им, для охраны украинских городов на случай татарских подъездов, княза Луки Долгорукого и полковника Даниила Апостола «до властного поворота гетмана и воеводы изъ похода». Когда плавное войско после «зѣло великихъ, многоработныхъ трудностей и тяжконосныхъ для ратныхъ людей бѣдствій» перешло, наконец, днепровские пороги, тогда и сухопутные русско-козацкие войска, стоявшие дотоле у левого берега Днепра против Кодака, переправились с левого берега на правый реки [26]. Июля 11 дня, после переправы табора через реку Днепр, войска поднялись к Кодацкой пристани [27] и двинулись правым берегом реки к Вильному порогу «до отрадныхъ мѣстъ на пространную и неимѣючую въ себѣ препятствій днѣпровскую воду». Для «осторожности и для страха» от неприятельского набега гетман оставил у Кодака гадячского полковника Михайла Боруховича с полчанами, не вместившимися в водные суда. Июля 13 дня сухопутные войска были уже у Вильного порога, не доходя урочища Кичкаса, и там начали пересаживаться с обозом в водные судна, в чем провели времени пять дней; к тому же приходилось ждать прибытия некоторых судов, так как далеко не все они успели переправиться через пороги Днепра; некоторые из этих судов с воеводой Семеном Неплюевым пришли только 15 числа, а некоторые «и съ 19 по всѣ дни волоклися». Когда было подсчитано число всех, прошедших пороги, судов, то оказалось, что «отъ тѣхъ пороговыхъ жестокостей» пострадало — больших, для морской глубины приготовленных, 17 судов; а онодревых дубовых и липовых, долгиной немалых, с камышовой обшивкой, на лиман способных, «пошло въ потерку и потеряніе 53 лодки». Июля 18 числа из Таванского городка прибежал гонец от Василия

Бухвостова и объявил военачальникам, что турки заняли Исламкермень и готовятся взять Шингирей городок. Тогда военачальники отправили вперед себя два вспомогательных отряда,— гетман с Яковом Лизогубом, князь с Семеном Протасьевичем Неплюевым, и написали кошевому атаману с войском, чтобы он сообща с теми посланными отрядами шел на оборону Таванских городков. Сами военачальники июля 20 сели в водные лодки и в полдень того же дня, при выстрелах на всех речных и морских судах из мелкого ружья и из армат, от Вильного порога двинулись мимо острова Томаковки плавным путем вниз по Днепру. Отходя от Вильного порога, гетман Мазепа оставил весь тяжелый обоз на материке с лубенским полковником Леонтием Свечкой и отдал Свечке такой приказ, чтобы он со всем своим обозом от Вильного порога перешел на остров Томаковку и там оставался табором «во всякой осторожности» или до дальнейшего указа или же до гетманского поворота снизу вверх реки Днепра. «Для того оставилъ я,— писал гетман в своем письме к царю,— на помянутыхъ мѣстахъ полковниковъ гадячскаго подъ Кодакомъ, а лубенскаго при островѣ, дабы не только грамоты отъ васъ, великого государя, къ нам надлежащія, и письма наши съ вѣдомостями къ Москвѣ посланныя, могли надлежаще доходити, но и намъ изъ сего воинскаго плавного похода изъ судовъ выгрузиться» [28].

Когда гетман и воевода шли по Днепру, то всякий раз при их остановке на ночь и при «рушеніи» утром в путь, на всех судах войска стреляли из мушкетов и из армат.

Июля 22 дня, в обеденную пору, военачальники остановились у Чортомлыцкой Сичи, в урочище Каменном Затоне, и там встречены были кошевым атаманом Григорием Яковенком и знатными козаками [29], которые «привитали» их словом победы над бусурманами. В это время воевода князь Яков Федорович Долгорукий дал запорожским козакам семь стругов и по одному талеру на человека, а гетман Мазепа подарил по золотому на 4000 человек. Но тут же оба военачальника дали приказ кошевому собрать несколько человек «добрыхъ» молодцов и с ними плыть вперед для борьбы с неверными бусурманами. И кошевой не замедлил исполнить данное ему приказание. Собрав войско, он немедленно двинулся вперед к турецким днепровским городкам. За кошевым атаманом и его отрядом двинулись вниз по Днепру и сами военачальники, гетман Мазепа и воевода князь Яков Долгорукий, и через три дня после того, а именно июля 25 дня, прибыли под город Кызыкермень. Здесь, у стен города, гетмана и воеводу встретили кошевой атаман Яковенко и отряд запорожских козаков, которые опередили на несколько времени шедший за ними козацко-русский флот. Запорожцы и здесь приветствовали гетмана словом и в честь его выпустили из мушкетов столько выстрелов, что от той стрельбы помрачился воздух и заволоклось туманом солнце. Польщенный таким вниманием, гетман Мазепа

подарил запорожцам 2000 золотых из собственной казны [30]. Тут кошевой обрадовал военачальников вестью, что татары, услыхав о движении по Днепру русских войск, оставили Исламкермень и ушли прочь.

По приходе на место гетман и воевода решили сосредоточить свои силы только в Таванском и Кызыкерменском городках, а Шангирей на воздух взорвать, потому что он стоял на две версты выше Тавани и вместо пользы мог приносить русским один вред. Тавань определили укрепить новыми стенами и посадить в нем значительный гарнизон. Июля 30 дня, после молебна и водосвятия, около старого города Тавани заложили новый, более обширный город; тот город укрепили глубокими рвами, обнесли толстыми, высокими каменными с большими раскатами стенами и по стенам завалили дерновыми и земляными кошами. Для возведения того города нарочно присланы были какой-то инженер-немчин и русский дворянин Василий Бухвостов [31].

Едва русские приступили к укреплению Таванского городка, как у левого берега Днепра со стороны Конских Вод показались сперва небольшие отряды татар, а потом явился и сам хан с огромной ордой. Наблюдение за движениями неприятеля поручено было запорожским козакам, которые стояли в лодках ниже Кызыкерменя на урочище Высшей Козацкой Головы [32] и оттуда следили за татарской ордой. Августа 2 дня к Таванской крепости с левой стороны подошли крымцы, с правой белгородцы, а августа 10 дня стали подступать к Тавани со стороны моря и турецкие войска. Кошевой атаман Григорий Яковенко дал знать гетману Мазепе о том, что вверх по Днепру плывут на многих водных судах турецкие войска. Всем стало очевидно, что неприятели готовились охватить русских со всех сторон и грозили отрезать им путь. Августа 12 дня татары подослали к запорожцам, стоявшим на Таванском, выше Раскопанки, какого-то «крымскаго бусурманскаго человѣка». Тот человек подъехал с левой стороны Днепра и потребовал к себе от запорожцев для разговора толмача. Запорожцы, желая знать, о чем будет речь, послали от себя одного своего товарища, «добре знающаго агарянскимъ языкомъ». Когда тот товарищ явился к крымскому человеку, то бусурманин его спросил, для каких мер обретается тут войско низовых козаков. На то товарищ отвечал ему, что войско низовое собрано потому, что видит бусурманские силы, которые идут водным путем к кызыкерменским местам. После этого татарин, испытывая толмача, спросил, правда ли то, что запорожского войска в судах до 14000 человек. На это запорожский толмач отвечал, что низового войска здесь имеется 10 000 человек, а вместе с гетманским и боярским всего 200 000 человек. Тогда татарин вменил запорожскому толмачу такой ответ в ложь, распростер руки свои на такие слова и с удивлением сказал: «Намъ, всему государству крымскому дивно то, что вы, войско запорожское низовое, при храбрости горячей своей, груди подставляете и кровавые бои съ нами чините для

москалей, не вѣдая того, что москали давно васъ, козаковъ, ненавидятъ, совершенно хотятъ всѣхъ васъ въ неволю отдать, какъ и выдали уже; а если-бы вы, оставя москалей, съ нашимъ государствомъ крымскимъ свое радѣтельное пріятство хранили и въ перемиріи съ нами жили, то мы-бъ знали, какую честь, похвалу и какую награду за такую вашу рыцарскую храбрость вамъ оказать, а не такъ, какъ москали, которые ни во что имѣютъ васъ, такихъ храбрыхъ людей». Выслушав такие слова, сказанные, очевидно, от всей орды, запорожский толмач выбранил татар «за такое проклятое поганское желаніе», а самому бусурманину дал такой ответ: «Вѣдайте вы, бусурмане, что какъ его милость, господинъ ясневельможный гетманъ, такъ и мы, войско низовое, исповѣдуя истинную христіанскую вѣру, должны умирать за крестъ святой и за православнаго своего единаго монарха, подставляя против васъ, бусурманъ, свои груди, и мы надежду въ праведном Бозѣ полагаемъ, что нынѣ всѣхъ васъ, бусурманъ, одолѣем и впредь будемъ одолѣніе получать». После этих слов оба толмача прекратили свой разговор и разошлись каждый в свою сторону [33].

Несмотря на долго длившиеся сборы к походу, несмотря на прибытие к Таванскому городку, гетман и воевода, при виде массы врагов, решили за лучшее внезапно покинуть Тавань и подняться вверх по Днепру. Чем руководились в этом случае начальники русско-козацких войск, в точности неизвестно. Может быть, они опасались быть отрезанными от бусурман, может быть, хотели обеспечить малороссийские города от набегов татар. Сам гетман писал царю, что он переправился через Днепр и ушел на речку Орель «для отвращенія бусурманъ отъ великороссійскихъ и малороссійскихъ царскаго величества городовъ» [34].

Так или иначе, но покидая турецкие городки, гетман и воевода оставили в них всего до 6000 человек и в том числе до 1000 человек запорожских козаков вместе с кошевым атаманом Григорием Яковенком. Запорожским козакам гетман дал 1000 червонцев и наказал им жить мирно с русским войском и единодушно держаться против бусурман в случае прихода их к городкам [35].

Августа 20 числа военачальники двинулись в путь и сперва поднялись до Запорожской Сичи, а от Сичи августа 26 дня добрались до острова Томаковки, где стоял тяжелый обоз с Леонтием Свечкой. У острова Томаковки гетман приказал своим войскам высадиться на сушу, а все большие и малые суда передать запорожцам. Здесь гетман получил известие о том, что в Сичь явился из-за границы «какой-то плутъ», который подговаривал запорожское войско идти в польскую сторону на заграничную службу. И по тем подговорам уже отправилось две ватаги, одна пешая в 400 человек с ватагом Каневского куреня Морозом, а другая конная в 80 человек с бывшим кошевым атаманом Морозом; третья же ватага собиралась с каким-то Кравцом Шкуринского куреня. Гетман поторопился

послать на имя наказного кошевого атамана Федора Ивановича письмо в Чертомлыцкую Сичь и в том письме доказывал, что ходить запорожцам в заграничную службу без воли государя и неудобно да и нельзя. Уже и раньше запорожское войско, уходя в заграничную службу, от того терпело много бед: одно — никакой себе корысти не получало, а другое — в трудных случаях нашло себе там «скончение». Кроме того, по вечному миру, установленному между Россией и Польшей, Польша никого из малороссиян и запорожцев ни явными, ни тайными способами не должна подговаривать на свою службу и даже добровольно к ней приходящих принимать не могла. Поэтому гетман предлагал запорожскому войску отыскать того плута, который «разсѣваетъ подговоры» и прислать его в Батурин. А для того, чтобы «пространнѣе изустными словами предложить войску увѣщаніе», гетман посылает в Сичу знатных особ, Ефима Лизогуба и Федора Кандыбу, и вручает им для войска, на Коше находящегося, тысячу золотых да атаманам куренным по сукну тузинку на кафтаны [36].

Наказной кошевой атаман Федор Иванович и все бывшее на Кошу войско, получив от гетмана дары, послали ему благодарственный лист и выразили в нем желание, «дабы дающая рука его вельможности войску низовому запорожскому никогда не оскудѣвала». Относительно же человека «той породы, что войско запорожское въ страну польскую затягаетъ», заявили, что такого ляха у них на Кошу никогда не бывало и все войско о нем ничего не слыхало. Если что и было между козаками, так это то, что некоторые из товарищества, не имея себе ниоткуда пожитков, хотели было идти в польскую сторону ради добычи, но такого дела им войско не позволило чинить [37]. В это же время, а именно августа 23 дня, кошевой атаман Григорий Яковенко, остававшийся с войском возле Тавани, у днепровского берега, выше Яремовки и зорко следивший за всяким движением неприятеля, увидел 4 турецких судна, внезапно ударил на них и, обратив их в бегство, завладел одним из них, взяв при этом у врагов одно знамя и одну пушку [38].

Тем временем сам гетман Мазепа от острова Томаковки поднялся до Грушевки и расположился там табором. В это время к нему явилось несколько человек запорожского товарищества с новым письмом от кошевого атамана и с турецким языком, недавно под Таванью на воде взятым. Гетман, поблагодарив войско за присылку языка, возвратил его назад в Запорожскую Сичь и, пользуясь случаем, написал запорожцам убедительное письмо не покидать Таванского и Кызыкерменского городков и всеми силами оборонять их от бусурман. То дело, то есть очищение реки Днепра от бусурманских жилищ, есть зело потребное дело; еще за покойного кошевого Сирка запорожцы писали к бывшему гетману, а теперь в своих письмах к самому Мазепе обновили свое прошение о том, чтобы «для отворенія на Черное море дороги» очистить Днепр. И теперь те письма

запорожского войска лежат частью в канцелярии у гетмана, частью обретаются в приказе в Москве. По тех просьбах и докуках великий государь указал гетману идти с войском под турские городки и свои великороссийские силы туда же велел отпустить. И теперь, когда Бог посчастил те городки в руки забрать, нужно все силы приложить к тому, чтобы удержать их за собой и чрез то отверстые ворота к Черному морю иметь. Сам гетман для того, чтобы подать опору и помощь находящимся в городках русско-козацким войскам, сообща с русским воеводой, послал к Таванскому городку свежий в 1000 человек отряд. Начальнику того отряда, лубенскому полковнику Яковлеву, и всем старшим и меньшим особам отдан приказ нигде не мешкать «подалѣ города» и, хотя бы им пришлось сквозь неприятеля пробиваться, непременно войти во внутрь городка для общего отпора бусурман. Тому отряду, едущему к Таванскому городку, запорожское войско, находящееся в Коше, должно свою помощь оказать и приложить старание о том, чтобы провести его в самую Тавань; если же того почему-либо сделать будет нельзя, то, по крайней мере, поставить его вблизи города для общих, вместе с запорожскими добрыми молодцами, промыслов. Ради православной христианской веры, ради монаршеской милости и ради подлинных выгод запорожцы отнюдь не должны ни отходить, ни отдаляться от занятого ими городка, но изыскать всякие способы к тому, чтобы «урывать непріятелей, давать имъ знакъ, дабы поганцамъ страхъ могъ быти къ прекращенію ихъ поганского намѣренія». А наградой за «неотходную» из-под Тавани службу по 2 талера каждому товарищу будет, на 1000 человек 2000 талеров; если же окажется какая скудость в хлебных запасах, то в таком случае можно из Сичи взять из 100 кулей запаса, которые нарочно для такого случая в войсковой шопе [39] оставлены [40].

Гетман не напрасно обращался к запорожским козакам с просьбой об удержании ими Таванского городка. Уже вскоре после отхода его вверх по Днепру кошевой атаман Григорий Яковенко и бывшее при нем товарищество оставили Таванский городок и августа 28 числа, в субботу, пришли в Сичь. Как только кошевой пришел в Сичь, в тот же час его сбросили с атаманства за то, что «онъ не умѣлъ чинить около непріятеля промысла и до того дѣла былъ неохотенъ и боязливъ» и выбрали вместо него атаманом бывшего войскового асаула, именем Григория. К этому-то кошевому атаману и явился гетманский посланец, лубенский асаул Яковлев. Поклонившись ему при всем собрании, Яковлев передал войску приказание гетмана чинить промысл против неприятеля в Таванском городке, в случае наступления туда бусурман, а о себе сказал, что он, по воле гетмана, ведет под тот же городок отряд козаков в 1000 человек. Выслушав такой приказ, все козаки и сам новый кошевой атаман решили исполнить волю гетмана и в ближайший вторник 31 числа идти к Таванскому городку, а для известия о том опреде-

лили послать к гетману сичевого козака Якова Ворону, чтобы он его вельможности словесно мог о решении войска доложить [41].

Обо всем, что произошло в городе Тавани после отхода оттуда русско-козацких войск и что случилось в это время в Сичи, гетман донес царю в обширном письме, писанном из табора при Кодацком перевозе сентября 4 дня 1697 года и доставленном в Москву знатным войсковым товарищем Федором Топольницким.

«Повернувшись, вмѣстѣ съ ближнимъ вашего царского пресвѣтлого величества бояриномъ и воеводою бѣлогородскимъ и намѣстникомъ великопермскимъ, княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ, съ плавного похода изъ-подъ Таванского города въ нашъ таборъ подъ Томаковку, я писалъ къ вамъ, великому государю, донося чрезъ почту о всякихъ поведеніяхъ, а также и о томъ, что при отходѣ нашемъ изъ-подъ Таванска, я, послѣ долгого убѣжденія, напоминанія и предложенія, оставилъ подъ городомъ кошевого атамана Яковенка съ товариществом в тысячу или больше человѣкъ, приказавши имъ именемъ всемогущого вашего царского пресвѣтлого величества указа, чтобы они, вмѣстѣ съ великороссійскими людьми, оставленными въ новомъ городѣ Таванскѣ, задержались на нѣсколько недѣль, чинили надъ непріятелями промыслъ, сколько хватитъ способностей и силы, въ награду за что мы дали имъ, при отходѣ нашемъ, кромѣ прежнихъ нашихъ подарковъ, еще 2000 золотыхъ. Потомъ, отправляя изъ обоза отъ урочища Томаковки знатную часть войска реймента нашего въ помощь оставленнымъ въ городѣ Таванскѣ, писали мы кошевому атаману и всему при немъ войску запорожскому, прилежно увѣщевая ихъ, чтобы они оказали помощь и проводили-бы въ путь нашихъ людей, посылаемыхъ въ городъ Тавань, а также и сами находились въ бодромъ и добромъ противъ тѣхъ непріятелей подвигѣ и промыслѣ и ни въ коемъ случаѣ не отходили-бы оттуда до тѣхъ поръ, пока не уйдутъ непріятели, обѣщая имъ за понесенные въ военныхъ оказіяхъ труды особенную денежную награду, а именно по 2 талера на человѣка. Списокъ съ письма, которое писалъ я къ нимъ, посылаю нынѣ въ приказъ Малой Россіи. Теперь-же, вмѣсто моей надежды, мнѣ принесли извѣстіе изъ Сичи, что запорожцы, оставленные мной подъ городомъ Таванскомъ, не сдержавши своего слова пробыть извѣстное время въ военныхъ промыслахъ, съ побудки неспокойных головъ, бывшихъ между ними, стали враждебно относиться къ своему кошевому атаману и, не слушаясь его, всѣ возвратились въ Сичь, гдѣ лишили его атаманского уряда и вмѣсто него выбрали бывшого своего асаула, человѣка къ уряду неприличного и никакой знатности и заслуги в Сичѣ между козаками не имѣющого. Потомъ я писалъ съ дороги до полковника лубенского (Свечки) «жестоко» напомнить запорожцамъ о премощномъ монаршемъ указѣ и моемъ гетманскомъ словѣ, чтобы они безъ всякой отговорки шли къ городу Таванску и старались-бы какъ о томъ, дабы доставить в городъ

нами людей посланныхъ, такъ и о томъ, дабы промышлять надъ непріятелями, надѣясь за то на будущее время получить вашего царского величества милость, которая всегда и поможетъ и обогатитъ ихъ. Съ тѣмъ письмомъ и отправилъ моего нарочного знатного козака въ Сѣчу, черезъ которого и ближній бояринъ и воевода писалъ о томъ-же къ стольнику и полковнику, посланному въ Тавань изъ Томаковского обоза. И тотъ посланный козакъ возвратился оттуда к намъ въ обозъ, на пристань Кодацкого перевоза, и принесъ письма какъ боярину и воеводѣ, такъ и мнѣ, гетману, писанныя. Въ тѣхъ письмахъ сказано, что по письмамъ и повелѣніямъ нашимъ войско низовое съ атаманомъ своимъ кошевымъ, новопоставленнымъ, охотно пошло изъ Сѣчи снова на Низъ, августа 31 дня, обще съ вышереченными ратными вашего царского пресвѣтлого величества людьми, которые отъ насъ изъ обоза въ Тавань посланы черезъ того-жъ козака, изъ Сѣчи къ намъ возвратившагося. И то какъ словесно, такъ и письменно намъ донесено, что по 28 число августа непріятельскихъ приступовъ подъ Таванскій городъ не бывало. А письма тѣ туда-жъ, въ малороссійскій приказъ вашего царского пресвѣтлого величества посылаемъ. И какъ тамъ то войско низовое съ тѣми людьми военными, отъ насъ посланными, поступитъ и какое имѣти будетъ поведеніе, и что дѣлаютъ непріятели, о томъ ожидаемъ впредь вѣдомостей подлинныхъ, для которыхъ нарочно козаковъ вновь въ Сѣчу послали. Тутъ-же покорно доношу вамъ, великому государю, что изъ заграничной стороны внеслась въ Сѣчь нѣкаясь обмана, призывающая на службу запорожцевъ; по этой ложной молвѣ еще съ весны этого лѣта отправились въ Польшу двѣ ватаги запорожского товариства,— одна пѣшая съ ватагомъ, прозываемымъ Морозомъ, козакомъ каневскимъ, въ 400 человѣкъ; а другая конная съ Морозомъ, бывшимъ атаманомъ кошевымъ, въ 80 человекъ; а нынѣ, какъ мнѣ донесли, какой-то Кравецъ, Шкуринского куреня, подбираетъ себѣ третью ватагу, имѣя намѣреніе идти въ ту-же польскую дорогу. И я, гетманъ, по должности моего уряда, как словесно наказного кошевого атамана съ куренными атаманами и съ товариствомъ во время встрѣчи съ ихъ стороны меня, такъ и письменно журилъ ихъ за тотъ непорядокъ, приказывалъ прекратить и удерживать отъ того зазыва людей своевольныхъ. Съ моимъ листомъ я посылалъ въ Сѣчь войскового генерального хорунжого Ефима Лизогуба и конотопского сотника Ѳедора Кандыбу, которымъ они, запорожцы, отвѣтили, будто теперь у нихъ въ Сѣчѣ нѣтъ ни одного такого товарища, который хотѣлъбы идти въ Польшу на службу. И хотя отъ нихъ пользы для службы мало, больше-же всего, какъ сказано выше, нерадѣнія, но я, имѣя въ виду то, чтобы они не отбѣгали отъ вашей великого государя монаршей милости, поступилъ съ ними ласково: во время прихода моего съ войскомъ плавнымъ походомъ отослалъ имъ черезъ руки черниговского полковника три тысячи золотыхъ, которыми деньгами

кошевой атаманъ съ товариществомъ, при нем будучимъ, идя подъ Тавань, подѣлился. Потомъ я самъ, прибывши въ Тавань, далъ имъ, кошевому съ товариществом двѣ тысячи, а во время отхода тысячу золотых; а теперь отослалъ въ Сѣчь черезъ названныхъ генерального хорунжего и конотопского сотника тысячу золотыхъ грошей да на жупаны каждому атаману по сукну тузинку; да кромѣ того обѣщалъ имъ денегъ, если останутся при Тавани. Всѣ эти подачи большой убытокъ причинили убогому войсковому скарбу, кромѣ особых дачъ, которыя имъ давались. Тутъ-же покорно докладываю вамъ, великому государю, что бывший атаманъ кошевой съ товариществомъ, будучи въ плавномъ походѣ ниже Таванского города, во время нашей бытности возлѣ того города, по своей вѣрности и желательству, прислалъ ко мнѣ листъ, объявляя о непріятельской бусурманской прелести, какую толмачъ ихъ поганскій запорожскому толмачу, тамъ-же къ берегу днѣпровскому приблизившись, выговаривалъ. Этотъ листъ, а также и списокъ съ моего листа къ атаману наказному кошевому, черезъ хорунжого нашего генерального посланный, а также и отповѣдь на тотъ листъ мой отъ нихъ принесенную, посылаю въ приказъ Малой Россіи для вѣдома вамъ, великому государю. И о томъ покорно доношу, что, ставъ изъ плавного похода въ обозовое ополченіе и пришедъ къ пристани Кодацкой, переправились съ войсками черезъ рѣку Днѣпр сентября 3 дня, а 4 того-жъ сентября, пошедъ отъ днѣпровского берега, пришли къ рѣкѣ Орели для обороны отъ непріятельскихъ приходовъ вашихъ царского пресвѣтлого величества великороссійских и малороссійских городовъ. О тѣхъ непріятеляхъ мы и теперь отъ полковника миргородского, на Орели съ войскомъ стоящего, и отъ Пляки, ватага полевого, узнали, что они немалою купою черезъ вершину рѣки Самары на сю сторону городовъ переправились. Тамъ около Орели мы разсуждать будемъ, гдѣ намъ найти приличное мѣсто для ставки обозомъ и сколько времени намъ ждать милостивого царского пресвѣтлого величества указа; о томъ просимъ съ войсками, которыя въ теченіе 16 недѣль, обрѣтаясь въ трудахъ и подвигахъ военныхъ, слишкомъ оголодали и изнужились. Посылая объ этомъ нарочного, Ѳедора Топольницкого, нашего знатного товарища войскового, къ вамъ, великому государю, къ вашему царскому пресвѣтлому величеству, отдаюсь яко наипокорнѣй вашего царского пресвѣтлого величества благостынѣ. Данъ въ таборѣ у пристани перевоза Кодацкого, сентября 4 дня, 1697 года» [42].

Отправив такое донесение царю в Москву, гетман и воевода тем временем перебрались у Кодацкого перевоза через реку Днепр, дошли до реки Орели и от Орели поднялись до Ворсклы реки; с Орели они послали на подмогу оставленным в Тавани великороссийским ратникам и малороссийским козакам 760 человек лубенцев и 300 человек ратных царских людей, потом с Ворсклы гетман отправил в ту же Тавань 1500 человек полтавцев и 300 лубенцев под

командой полтавского полкового судьи Буцкого. Последнему приказано было доехать до Сичи верхом, в Сичи оставить лошадей, сесть на оставленные в ней челны и в тех челнах плыть под Тавань. Потом из местечка Опошни гетман и воевода послали к Тавани войска еще 20 000 человек и, также велели им сперва ехать до Сичи на лощадях, в Сичи сесть на челны и так плыть Днепром до Тавани, сколько станет челнов на людей; не вместившимся в челнах идти параллельно берегу пешком [43].

Решительные намерения гетмана вернули снова к делу запорожцев: они вновь выступили против бусурман. Встретив некоторое число посланных гетманом козаков, запорожцы 4 сентября провели их в город Тавань тогда, когда к крепости уже явился Сераскир-паша с 10 000 татар. Сентября 9 дня кошевой атаман с отрядом запорожцев, несмотря на сильное сопротивление со стороны белогородских татар, успел переправиться через Днепр и вступить в Тавань, где необыкновенно радостно был встречен русскими и запорожскими козаками, осажденными от мусульман. Русские засели в городке и мужественно отбивались от многочисленных врагов. Запорожские козаки защищали один из четырех раскатов (башен) крепости и упорно отражали бусурман. Тогда бусурмане подослали одного из своих к кошевому и запорожцам с предложением сдаться, чтобы не губить понапрасну своих сил. Но на такое предложение козаки ответили тем, что убили подосланного к ним мусульманина.

После этого неприятели поделали шанцы у самой Тавани, вошли с двух сторон в ров, подкопали три бастиона и взорвали часть стены, но взять крепости все-таки не могли, потому что осажденные с своей стороны насыпали внутри насыпи и делали рвы..

Насколько трудно было в это время положение запорожцев в Тавани — это видно из писем властного кошевого атамана Яковенка к наказному кошевому Яську Федоренку [44]. Яковенко просил Федоренка как можно скорей («наипильне днемъ и ночью разрываться») идти, со всем войском («оразъ колько-колько есть на Кошѣ войска»), из Коша в Тавань на помощь козакам против бусурман, а также донести о положении дел гетману Мазепе и молить его о присылке в Тавань малороссийских полков [45].

Положение дел в Тавани в самом деле было весьма серьезно. Помощь, посланная от гетмана, находилась еще в пути, а между тем враги не прекращали своих нападений на защитников крепости. Покинув Тавань, неприятели перешли к Кызыкерменскому городку. Но потерпев и здесь неудачу, мусульмане сентября 23 дня вновь перешли под Тавань и решились склонить на свою сторону запорожских козаков. Для того они бросили в город посредством стрел, во избежание убийства своих посланцев, два письма, одно от татар, 23 сентября, а другое от турок, 24 сентября [46].

«Черкасамъ, атаманамъ, сотникамъ и всей козацкой черни многое поздравленіе. Мы съ вами старые друзья. За что-же вы противъ

насъ бьетесь? Зачѣм за Москву умираете? Ведь Москва съ вами не очень добрыя дѣла творитъ. Нашъ государь васъ къ себѣ приглашаетъ. Не бойтесь ничего дурного. На той сторонѣ гдѣ стоятъ каторги, тамъ увидите ханское желтое знамя. Пусть кто-нибудь изъ вашихъ приходитъ къ этому знамени. Мы ханскому величеству донесемъ и все станется, дастъ Богъ, по вашему желанію. Если-же это слово непригодно,— какъ себѣ знаете, а ваши грѣхи на вашихъ шеяхъ. Я здѣсь такой человѣкъ, что меня послушаютъ».

«Отъ войска турецкого и отъ хана крымского слово старшинамъ и всему козацкому войску, находящемуся въ городѣ. Нашъ падишахъ — старѣйшій надъ всѣми землями. Городъ, который вы заняли — его городъ. Сдайте его намъ добровольно, если хотите себѣ здоровья; а не сдадите, такъ мы его возьмемъ съ помощью Бога и Мухаммада, пророка его, и тогда васъ мечемъ истребятъ наши рыцари. Однажды и дважды вамъ говоримъ: сдайте городъ. Сегодня-же отпишите намъ отвѣтъ».

Запорожцы на эти письма отписали так:

«Мы, старшины великихъ войскъ московскихъ, и мы старшины войска запорожского и городовыхъ и охотныхъ полковъ, приняли въ руки свои листъ вашъ, намъ чрезъ стрѣлу поданный, въ которомъ просите сдать городъ вамъ и устрашаете своими кавалерами и мечемъ. Знайте, что мы не походимъ на васъ, бусурманъ, и не вѣримъ вашимъ лживымъ пророкамъ, а надѣемся на всемогущого Бога и на пречистую его матерь, твердо уповаемъ, что вы не возьмете нашего города, пока не заржавѣли наши сабли и не ослабѣли руки, а хлѣбныхъ и боевыхъ запасовъ у насъ много. Не устрашайте насъ угрозами и не прельщайте обманами. Дѣлайте, что хотите, а мы не подумаемъ отдавать этого города въ вашу область, но всякій часъ ожидаемъ къ себѣ войскъ и готовы мужественно стоять, пока силъ нашихъ станетъ, за вѣру православную, за честь и за имя нашего государя. Надѣемся при помощи божіей нанести вамъ великое пораженіе и будетъ вамъ вѣчный срамъ».

Письмо, по примеру врагов, послано было из города посредством стрелы [47].

После этого неприятели безуспешно простояли под крепостью 16 дней, с 25 сентября по 10 октября, пытаясь посредством приступов и подкопов взять городок. Под конец, услышав о приближении к Тавани свежих русских сил, которые шли под начальством полтавского полковника Ивана Искры, враги отступили от нее.

Из запорожцев во время осады неприятелями Таванского городка было убито 48 человек, ранено 78. За участие в таванском и кызыкерменском деле кошевому атаману дано было 50 ефимков, писарю — 30, асаулу — 25 [48].

Так окончился этот бесславный для гетмана Мазепы на низовье Днепра поход.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Новые приготовления гетмана Мазепы и воеводы Долгорукого к походу под Тавань.— Обращения запорожцев к царю с просьбами о денежной награде.— Разведка гетмана о положении дел у бусурман.— Недостаток челнов у запорожцев и старания их о построении морской флотилии.— Отправка Мазепой ватаги козаков для разведки о намерениях бусурман.— Присылка от гетмана в Сичь хлебных запасов и войсковых клейнотов.— Движение Мазепы и Долгорукого с войсками по степи к Таванскому городку.— Движение кошевого атамана Яковенка вниз по Днепру.— Отступление русско-козацких войск от Таванского городка.— Мир России с Турцией в Карловичах в 1699 году.— Раздор между запорожцами, сердюцкими козаками и великороссийскими ратниками в Тавани и жалобы по этому поводу от Коша гетману и царю.— Отправка царского посла в Сичь.— Челобитная запорожцев царю за лишение их вольностей на реке Самаре.— Тридцатилетний мир России с Турцией в 1700 году.

Не успели гетман Мазепа и воевода князь Долгорукий вернуться из-под Таванского городка, как вновь начали готовиться в поход к низовьям Днепра. На этот раз гетман прежде чем выйти в поход отдал приказ ноября 24 дня 1697 года полтавскому полковнику Ивану Искре привести в известность все урочища, острова, реки, озера, лиманы, броды, ветки и балки Днепра, начиная от Мишурина Рога и кончая устьем Буга с Песчаным бродом и Очаковым. Составленный по этому поводу «реестръ прикметъ» дает точный и подробный материал для топографии всей поднепровской части Запорожья XVI века [1].

Пока шли эти приготовления к новому походу, тем временем запорожские козаки, пользуясь удобным случаем, обращались с просьбами то к гетману Мазепе, то к царю Петру Алексеевичу о выдаче им жалованья за их верные и неизменные службы. Прежде всего запорожцы отправили двух челобитчиков, полковников Якова Покотила да Лукьяна Тимофеева, с просьбой о выдаче жалованья 1100 козакам, сидевшим в Таванском городке до весеннего времени.

По этой челобитной государь велел выдать 1100 запорожцам — денег 1500 рублей, сукон 100 портищ, пищалей 125. Кроме того, особо тем пятистам запорожским товарищам, которые после отхода воеводы Долгорукого и гетмана Мазепы оставались в Таван-

ском городке, велено было выдать на человека по 2 рубля с полтиной.

Вслед за этим кошевой атаман Григорий Яковенко и все низовое товарищество послали к царю Петру Алексеевичу куренных атаманов Федора Лысого да Семена Ганджу с просьбой о выдаче войску запорожскому денежного годового прибавочного жалованья. Федор Лысый и Семен Ганджа прибыли в Батурин с товарищами в числе 315 человек, которые привезли с собой отнятый у бусурман значок и несколько человек бусурманских языков. За многолюдством они были расставлены на становищах возле Батурина и прожили в малороссийских городах больше месяца.

И на эту просьбу последовала царская милостивая грамота о пожаловании кошевому атаману Григорию Яковенку и всему при нем запорожскому поспольству за верные царскому пресветлому величеству службы годовое против прежнего жалованье [2]. Жалованье велено было отправить в Запорожье со стряпчим Михайлом Васильевичем Текутьевым, ведавшим приездами и отпусками гетманских и запорожских гонцов и посланцев [3]. Особо тем 315 козакам, которые жили на становищах у Батурина, приказано было выдать по 1 рублю да по 1 портищу на человека.

Царское жалованье для 1100 человек запорожцев, сидевших в Тавани, и для 315 человек, привезших турецкое знамя, доставлено было декабря 4 дня 1697 года подъячим Иваном Петровым в город Батурин. В это время находившиеся возле Батурина 315 человек козаков, ссылаясь на то, что они и голы, и босы, изъявили желание получить свою долю не в Сичи, а в самой Украйне, хотя в то же время объявили о необходимости оставаться до весны в украинских становищах. Гетман Мазепа, выслушав такое заявление, не пожелал взять на себя решение такого дела, снесся по этому поводу с самим государем и при этом, пользуясь случаем, осмелился напомнить царскому пресветлому величеству о прежней своей просьбе за 600 человек запорожцев, ходивших с полковником Иваном Искрой из Сичи «на выручку» к городу Тавани, и спрашивал у государя, следует ли и тем 600 запорожцам уделить часть из присланного жалованья.

Государь на оба гетманские запроса отвечал одним указом: отдать ли в городах или послать на Кош денежное жалованье, сукна и пищали, назначенные для таванских запорожских сидельцев, и из того жалованья отделить ли часть кошевому атаману, писарю и асаулу, бывшим в той же осаде и шестистам запорожцам, приходившим под Тавань с полтавским полковником Искрой — о том «сдѣлать гетману по собственному разсмотрѣнію, по тамошнему дѣлу, какъ-бы лучше и пристойнѣе все дѣло вышло» [4].

По такой резолюции шестистам запорожцам выдано было 1200 рублей денег, т. е. по 2 рубля на каждого человека [5], а остальным козакам роздано было жалованье по гетманскому усмотрению.

Удовлетворив все претензии запорожцев, Мазепа стал собирать сведения о намерениях бусурман, для чего отдал приказ по своим полкам, дабы охочие полевые козаки радели о добывании татарских языков. По тому гетманскому приказу некто Петро Ялове житель города Царичанки, «прибралъ къ себѣ» ватагу более, чем в 20 человек, дошел с той ватагой до самого устья реки Днепра, нашел там около 30 человек запорожских козаков и с теми козаками залег стерегти шлях от Перекопа к Очакову и там у урочища Нижних Кучугур, прилегающего к Стрелице, на сей стороне Каланчака, «постигъ» двух человек татар и двух человек турецких людей. После этого, сопровождаемый запорожским ватагом, Яловец привел пленных в Батурин и отдал их на допрос гетману. Пленные языки дали немало весьма полезных для гетмана указаний. Крымский хан вместе с Юсуп-пашой, по отходе из-под Тавани, пошел к турскому султану просить, чтобы падишах или лично шел отбирать назад взятые русскими города, или же великого визиря с войсками для той цели отправил. Идя к султану, хан велел по всему Крыму разослать бирючей или деллялов и через них всем крымцам объявить о том, чтобы они отговаривались своих захудалых лошадей и собирались в поход. В это же время туркам от сераскер-паши отдан был приказ помогать хану в предстоящей с русскими войне. Но только турки не сочувствовали приказу сераскер-паши и отказывались тем, что с них довольно воинских трудов и в летнюю пору. У Очакова и Таванского городка оставлены были два паши, но падишах приказал за какой-то проступок с их стороны власть над войском у них отнять. В Крыму в это лето был большой на людей мор, от которого много татар в разные стороны разошлось, но потом то моровое поветрие стало утихать. Сам турецкий султан обретается в Адрианополе и там против него поднялось смятение от янычар. Те янычары ходили против немцев на бой и когда возвращались назад, то на пути убили визиря за то, что он им денег не доплатил. Когда же султан узнал о таком поступке янычар, то послал против них отряд войск к одному мосту, по которому они должны были проходить, и велел тому отряду тот мост подрубить. И когда то все случилось так, как повелел султан, то янычар, обвалившихся на мосту, догнали немецкие стрелки и изрубили их «въ пень» [6].

Все эти вести гетман Мазепа нашел столь важными для будущей войны, что и самих бусурман, и тех козаков, которые их привезли, поспешил отправить в Москву [7].

За доставленные сведения о поведении бусурман гетман Мазепа получил от царя большую похвалу.

Такую же похвалу получили и запорожские козаки. К запорожским козакам царь Петр Алексеевич в это время особенно благоволил и это выразилось в щедрых подарках им. Так, января 11 дня 1698 года царь послал Мазепе указ с милостивым жалованьем 975 запорожцам, бывшим в Таванском городке в осаде от бусурман.

Жалованье это состояло из денег, сукон и пищалей, по великороссийскому счету равнялось, кроме сукон, 2802 рублям, по малороссийскому — 14 410 золотых. Гетман на каждого козака дал по 3 рубля денег да по портищу сукна, 2 полковникам, 2 асаулам да 10 сотникам по 4 рубля на человека. А что осталось денег и сукон после раздачи, то гетман нашел нужным сохранить для будущего времени, чтобы роздать таким козакам, которые «за труды и за службы покажутся быть годными».

Исполняя царскую волю о раздаче запорожцам жалованья, гетман дал обещание государю сделать предписание запорожским козакам, находящимся на становищах в украинских городах, впредь людям никаких отягощений не чинить и уходить на свое «обыклое» место, Сичь. И хотя запорожцы ранее весны не имеют обыкновения возвращаться в Сичу, но гетман напишет о том всем, которые в разных полках и городах находятся, и сообщит им волю государя [8].

В половине января того же 1698 года царь Петр Алексеевич послал с подъячим Иваном Инеховым в город Батурин другое денежное жалованье для 130 запорожцев, которые приходили с Кардашина «сидеть» в Таванский городок: им велено было выдать по 1 рублю денег и по 1 портищу сукна на человека, «буде подлинно тѣ запорожцы изъ Кардашина пришли и въ осадѣ обще съ иными найдовалися» [9].

Тем временем делались-разные приготовления к новому походу. Но, как и раньше, они шли очень медленно. Главное затруднение состояло в неимении лодок для речного похода. Марта 10 дня гетман Мазепа написал письмо царю Петру Алексеевичу и в том письме изложил, что обременять вновь жителей малороссийских городов постройкой судов он ни в коем случае, вследствие могущего произойти чрез то народного ропота, не может. Народ и без того негодует за беспрерывные требования от него подвод для доставки хлебных запасов в Тавань и в Запорожье. У запорожских козаков от прошлогоднего похода оставалось «полковыхъ» судов счетом 50, на половину, однако, попорченных ими через возку в них дров, травы «и другихъ потребностей»; липовых и дубовых лодок можно было собрать в Запорожье до 80, но в них слишком мало может поместиться походного войска [10]. Правда, гетман через стряпчего Михаила Васильевича Текутьева, ехавшего в Сичь с царским жалованьем, писал запорожским козакам письмо с приказанием без всякой отговорки сделать 40 судов к весеннему походу из присланных к ним в прошлом году от великого государя подошв (основ) и других лесных материалов. Но посланные к запорожцам подошвы и лесные материалы, вследствие умаления воды в днепровских порогах и оттого вследствие невозможности переправы их через пороги, оставлены были в «тиховодныхъ мѣстахъ» под Кодаком и сданы были в ведение кодацкого полковника с товариством. Другие же,

необходимые к тем подошвам, материалы, как-то: якоря, железо, полотно, пенька, веревки, смола и канаты отданы были нарочно присланным к Кодаку запорожцам и должны были быть доставлены в Сичу. Но на тех запорожских нарочных, как раз перед прибытием в Кодак с войском самого гетмана, когда они за пьянством забыли всякую от врагов осторожность, напал татарский чамбул и захватил у них коней. Кроме того большое затруднение доставляет гетману и все запорожское войско: приученные гетманом и князем в прошлый поход к большим денежным и другим подаркам, козаки уже теперь требуют себе денежной платы и домагаются «надлежащаго» в городах прокормления. И вообще запорожцы весьма неохотны к настоящему походу. Еще в прошлый поход, прибыв к Таванскому городу и остановившись у урочища Голой Пристани, они, хотя и учинили там с неприятельскими судами «воинскую зацѣпку», но дальше этого не пошли, отговариваясь тем, что против них стоит слишком много неприятельских судов, снабженных пушками, с которыми ни они, ни предки их никогда «открытымъ лицомъ» не воевали, и что против военных турецких каторг слишком утлы и мелки запорожские лодки. Оттого запорожцы больше нападали на купеческие каторги, и если были иногда застигаемы у днепровского гирла, где-нибудь возле Очакова, турецкими военными каторгами, то, не вступая с ними в бой, уклонялись от них к урочищу Стрелице, там их рубили или топили свои челны, а сами уходили до Сичи пешком. По всему этому Мазепа не ждал от запорожцев, хотя они под Таванским городом и показали в прошлый поход «усильственный съ погаными бой», существенной помощи в предстоящем походе и просил государя побудить их к тому своей царской грамотой [11].

Сам Мазепа, желая добыть подлинные вести «объ оборотахъ» бусурман, на первой неделе великого поста отправил бывшего кошевого атамана Ивана Гусака с товариществом, зимовавшего перед тем возле Батурина, к реке Бугу, дав ему компанейского сотника Павла Федорова рубановского конного полка с «знатною» частью товарищества [12] и приказал ему проследить за татарами, которые будут строить мост на реке для переправы по нем белогородцев через Буг. Гусак и сотник Федоров, претерпевая страшные стужи и большие нужды, долго поджидали бусурман и, наконец, уже в мае, 20 числа, дождались прибытия в урочище Сугаклею одного белогородско-ногайского загона, числом в 76 человек, под начальством Девлетаги. Татарский загон, переплыв вброд реку Буг, направился в город Крылов, что у правого берега реки Днепра, для поимки русского языка. Перейдя с несколькими десятками лошадей реку Буг, татары скоро добрались до урочища Сугаклей и как раз в полдень нарвались на Федорова и Гусака, когда они стояли на стану. Козаки храбро напали на татар, пока они не успели устроиться кошем и вступили с ними в бой. Бой длился два часа. Под конец, когда

Девлет-ага, потеряв под собой коня, сел на другого коня и обратился в бег, то за ним побежал и весь его чамбул. Тогда козаки побежали по следам татар и одних из них побили в поле, других разогнали, а третьих, числом шесть человек, взяли в полон и представили гетману Мазепе в табор под Човными. Гетман, подвергнув допросу взятых татар в плен, отправил их, вместе с Иваном Гусаком и Павлом Федоровым в Москву, причем о последних двух просил государя пожаловать их, ради понесенных ими трудов и ради службы на будущее время, своим царским жалованьем [13].

Пленные татарские языки, поставленные на допрос, показали, что о намерении русского царя идти на турок и татар уже давно известно в Крыму, а именно известно то, что московские войска «на три части пойдутъ»: одни сухим путем на Крым; другие от Азова на городок Горбаток, что на Конских Водах, а третьи водой на Чангар. Против тех, которые будут идти сухим путем, станут нурредин и калга-салтан с ордой; против тех, которые пойдут водой, станут турецкие войска, которые также придут водой. Кроме того в Измаил и Килию пришли 4 паши с большим числом турецких войск [14]. Они послали от себя в польские края подъезд для разузнания о тамошних делах и если получат весть, что польские войска пойдут в Белогородчину и под Каменец-Подольск, то и сами туда же пойдут; если же польские войска в Белогородчину и под Каменец-Подольск не пойдут, то наши двинутся сухим путем к Очакову, а оттуда под Кызыкермень и Тавань. Сам турецкий султан, а вместе с ним и крымский хан, находятся в Адрианополе, откуда намереваются идти в Венгерскую землю; туда же велено идти Казы-Гераю с ногайской и городской ордой. В Крыму всю зиму был великий мор на людей, который теперь, однако, совершенно утих [15].

За доставленные вести Павел Федоров и Иван Гусак с товарищами были награждены деньгами и подарками и отпущены домой [16].

Несмотря на такую грозу, запорожцы не спешили приготовлениями к походу на низовье Днепра. Июня 2-го дня кошевой атаман Григорий Яковенко и все запорожское низовое войско послали гетману Мазепе, через козака Якова Пащенка и Степана Ляшенка, свой лист с уведомлением о том, что хотя им и велено было забрать в Сичь все присланные от государя и находившиеся в Кодаке подошвы для сооружения морских челнов, но войско того приказания тотчас исполнить не могло: одна часть его в то время ходила в воинские промыслы на низовье Днепра; другая часть, сообразно рыцарскому обычаю, находилась в поле, а третья часть была на речках полевых. Теперь же, когда войско вернулось в Сичь, кошевой атаман немедленно отправил «нѣкоторое свое товариство» в Кодак и велел ему доставить свои подошвы и все лесные материалы в самую Сичь. Когда же посланные справятся со своими делами, то войско обещается немедленно взяться за сооружение мореходных челнов и просит только прислать несколько денег («золотыхъ

грошей») для расплаты с мастерами и ковалями, которые будут делать гвозди, скобы и иные на морские суда оковы, все остальное запорожцы сделают сами без платы, и когда все будет готово, исполнят царскую службу с большой охотой. Теперь же просят гетманскую вельможность оказать им милость прислать для сичевой святопокровской церкви, «выставленной коштомъ и стараніемъ» самого же гетмана, на крышу и на три креста господня жести или белого железа и на окна надлежащих оболоней, «особливо же всего иконнаго изображенія зупольного [17] олтаря Господня». За исполнение такой просьбы преблагословенная Дева Мария покроет его вельможность своим омофором, украсит его душу боголюбивой лепотой, избавит от всяких бедствий и умолит своими материнми молитвами сына своего, Христа Бога нашего [18].

Хотя гетману и не нравилась медленность сборок к походу со стороны запорожцев, тем не менее он старался исполнять все их просьбы в точности. Так, через посланца своего, Якима Кныша, он отправил в Сичь 500 бочек борошна, собранного у Переволочанского перевоза; кроме того послал войску знамя с изображением на нем покрова пресвятой Богородицы и литавры и обещал исхлопотать для запорожского войска у великого государя «особливое военное знамя» [19]. Не забыл гетман и таванских запорожцев, для которых просил великого государя о выдаче хлебных, в виде крупы, запасов и на ту гетманскую челобитную последовала царская милость [20]. Нужно думать, что именно в это же время по челобитной Мазепы послано было из Москвы таванским запорожцам зелья (пороху) сверх годового количества 50 пудов ручного, 50 пудов пушечного и 30 пудов свинцу [21].

Удовлетворяя все просьбы запорожцев, гетман Мазепа немало однако тому дивился, что они так долго не отвечали ему на его предписание о заготовлении челнов к предстоящему походу и ничего не сообщали ему о своих планах: два раза он писал им приготовить со всей «пильностью» для плавного похода мореходные струги и изготовиться в военный поход в предстоящее лето, и только после третьего раза, когда гетман послал к запорожцам с борошном, со знаменем и с котлами (бубнами), Якима Кныша, они написали гетману благодарственный лист от всего войска [22].

Что было причиной такой медлительности со стороны запорожцев — неизвестно. Но получив хлебные запасы и приняв «барзо учтиво и хвалебно» пожалованные клейноты, запорожцы запасы спрятали «въ удобныя мѣста до слушного часу» и написали гетману от всего войска живейшую благодарность и дали обещание верно служить великому государю [23]. После всего этого гетману Мазепе ничего другого не оставалось, как идти походом против бусурман. На этот раз он пошел уже не плавным, а сухим путем и притом не правым, а левым берегом Днепра. Отправив впереди себя в Таванский городок четыре полка, гетман оставил при себе шесть полков

и с ними двинулся от Батурина к реке Коломаку, где соединился с князем Яковом Федоровичем Долгоруким, а от Коломака пошел к реке Орели и июня 7 дня был уже табором за Орелью [24]. От реки Орели, перейдя Самарь, гетман и князь двинулись «перекопскою стороной»; однако, боясь безводья и бескормицы в перекопской степи, повернули к городу Тавани и потом послали от себя отряд в 10 000 человек под город Очаков. Кошевой атаман Григорий Яковенко шел плавным путем к днепровскому лиману и чинил промыслы против неприятелей.

Но поход этот окончился не только неудачно, а даже позорно для гетмана и воеводы. гетман и воевода, рассчитывая легко покончить с Очаковым, скоро убедились, что взять его они вовсе не могут: «Намъ не образецъ запорожцы, которые въ малолюдствѣ ночью воровски проплываютъ, или сухопутьемъ пробираются къ морю. У насъ большіе обозы. Какъ только мы туда дойдемъ, въ Царьградѣ узнаютъ и пришлютъ противъ насъ на каторгахъ войско. И теперь стоять намъ подъ Кызыкерменемъ и Таванскомъ невозможно: люди отъ недостатка продовольствія разбѣгаются; запасъ на пять мѣсяцевъ на подводахъ привезти сюда трудно, а тѣ, которые отправлены были на судахъ, пропали въ порогахъ, и здѣсь ни за деньги не купить, ни саблею ничего достать невозможно. Поэтому лучше назадъ воротиться» [25].

Так гетман и воевода действительно и воротились ни с чем из похода, еще раз показав свою неспособность к военным подвигам [26].

Вместе с гетманом и воеводой покинул город Тавань и кошевой атаман Григорий Яковенко. Покидая низовье Днепра, Григорий Яковенко оставил в Тавани несколько человек запорожского товарищества и приказал им не переставать бороться с врагами святого креста.

Оставленные в Тавани запорожцы, сколько могли, исполняли приказ своего атамана, и в конце декабря месяца в числе девяти человек, под начальством товарища Сергиевского куреня, Максима, ходили к урочищу Стрелице и захватили там четырех татар в плен [27], за что гетман исхлопотал для таванских запорожцев хлебные запасы от царя [28].

Мелкие действия запорожских козаков общему делу нисколько не помогли и потому уже в октябре месяце 1698 года между Россией и Турцией открылись переговоры о перемирии на венгерском сейме в придунайском городе Карловичах. Января 14 дня 1699 года по Карловицкому договору «единодушнымъ» соглашением России и Турции постановлено было: «Да престанетъ великая брань и война, и рать, и сраженіе, и обоюду отдалятся и истребятся враждебныя дѣла и отъ подданныхъ его царскаго величества москвитиновъ и козаковъ, и иныхъ, предѣламъ мусульманскимъ, и крымскимъ и инымъ его султанову величеству подлежащимъ мѣстомъ и подданнымъ никакой набѣгъ и вредительное дѣло, и ни тайно, ни явно, никакой вред учинити» [29].

Перемирие заключено было на два года, и гетману Мазепе послан был апреля 6 дня список с договорной грамоты между русским царем и турецким султаном.

Гетман Мазепа, получив список с грамоты, объявил о том после праздника Христова Воскресения генеральной старшине и полковникам, а потом всему малороссийскому козацкому войску и простому народу.

Несмотря на состоявшееся перемирие, запорожские козаки вовсе не думали прекращать военных действий против бусурман. Так, мая 4 дня, кошевой атаман Мартын Стукало (он же Стук), со всем товариством низовых козаков, отправил просьбу к гетману Мазепе о присылке на Кош денег и борошна для запорожского войска, которое «собралось немалымъ собранiемъ и изъ котораго находится много охотниковъ как для добыванiя языковъ, такъ и для отпора непрiятелей на случай, если-бы бусурмане захотѣли исполнить свои мысли около взятья городовъ Таванска и Кызыкерменя, согласно вѣстям, которыя получены были запорожцами и черезъ запорожцевъ доставлены гетману». Кошевой атаман усердно просил возможно скорей прислать необходимые деньги и запасы в Сичь, в противном случае собранное войско могло разойтись по городам и по разным местам и тогда трудно было бы собрать его со всех сторон «къ охотному военному дѣлу» [30].

Не дождавшись ответа на просьбу о помощи хлебом и казной, тот же кошевой Мартын Стук донес гетману о том, что сичевое товариство, собравшись с ватажным атаманом во главе, ходило плавным способом по Днепру на лиман, взяло там под Очаковым двух бусурманских языков и возвратилось назад [31].

Весть о походе запорожцев против татар дошла до царя в Москву и царь Петр Алексеевич отправил к гетману Мазепе грамоту с приказанием послать известие запорожскому войску о состоявшемся мирном договоре между Турцией и Россией и с требованием прекращения со стороны козаков всяких ссор и задоров с турками и татарами [32].

В самый Кош с тем же известием посланы были стряпчий Михайло Текутьев да подъячий Степан Фролов. Кроме известия о перемирии царские посланцы везли запорожскому войску обыкновенное годовое жалованье с прибавкой 50 половинок амбургских сукон и две ризы, камчатую и тафтяную с подризниками, поручнями и епитрахилями для сичевой святопокровской церкви.

Получив царские дары, запорожские козаки и кошевой атаман Стукало послали государю обширный лист с пожеланиями всех благ царскому пресветлому величеству — долголетнего и счастливого царствования, победы и покорения «всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ» супостатов, радостного, после земного монаршеского престола, достижения небесной обители; обещали, согласно царскому приказанию, оберегать города Таванск и Кызыкермень, выручать

находившихся в них московских ратных людей всем войском своим и доносить гетману обо всех замыслах бусурман, а за все то просили государя удовлетворить войско прибавкой жалованья к обыкновенному годовому жалованью деньгами, сукнами, свинцом и порохом, «такъ какъ у запорожскихъ козаковъ, государскимъ счастіемъ, пушекъ достаточно умножилось, а зелья къ пушкамъ весьма мало присылается, чрезъ что при происходящемъ денежномъ и суконномъ дѣлежѣ порохъ никогда не дѣлится, да и для потребы самыхъ пушекъ едва на полгода его хватаетъ». Кроме того запорожское низовое войско било челом царскому величеству и на том, дабы государь приказал выдать из казны мастерам, построившим, по царскому приказу, в прошедшее лето, для морского похода 40 челнов, по 10 рублей за каждый струг, всего 400 рублей за 40 челнов [33].

Царские послы, возвратившись из Запорожья в Москву, сообщили там обо всем, что им пришлось видеть и слышать в среде козаков. Известия, привезенные ими, были вполне успокоительного характера.

Но едва прошло два месяца после возвращения Текутьева и Фролова в Москву, как царь получил весть о том, что августа 15 дня между запорожскими козаками, сердюцкими людьми гетманского регимента и великороссийскими ратниками в крепости Тавани и Кызыкермене произошли жестокое междоусобие и побои. На ту пору воеводой русских ратных людей был Иван Аверкиев Опухтин, подполковником солдатским Андрей Тимофеев Англеров, пехотным сердюцким полковником Яков Покотило. Воевода Опухтин известил гетмана Мазепу, что виновниками междоусобия и побоев были сеченские козаки, за что-то не взлюбившие русских и малороссиян [34]. Сеченские козаки, которые живут на службе великого государя в Таванске, дерутся с ратными людьми, живущими в Кызыкермене и Таванске, не дают им прохода на рынках, чинят задоры, сами уходят в каменный Таванский городок, там запершись, бросают камнями и палками в ратных людей, не позволяют им торговать ни на рынках, ни в указанном от больших ворот против земляного города месте, и когда ратные люди приходят на рыночное место, бьются с ними и едва до смерти не убивают, особенно разбойствуют те запорожцы, которые ходили на Зарубок и из Крыма к Тавани возвратились; они прогоняли русских к городской башне, бросали в них поленьями, били полуполковника русской службы Англерова и выбили каменьями из городка самого воеводу Опухтина, когда он пытался унять их и привести к послушанию. Воевода Опухтин посылал к находившимся в то время в Таванском городке и присланным от кошевого атамана, полковнику Михаилу Костенку, писарю и асаулу с просьбой унять запорожцев, но полковник, писарь и асаул на то отвечали, что таванские запорожские козаки чинят то самовольно и удержать их от такого дела невозможно. При всем том

воевода Опухтин, по челобитной запорожцев, выдал им, смотря на их бедность, 16 кулей четвертных хлебных запасов. Но запорожцы все-таки не переставали чинить задоров и побоев московским ратным людям и заодно с ними козакам сердюцкого полка полковника Якова Покотила и городовым козакам переяславского наказного полкового асаула Степана Томары.

В таком виде изложили свою жалобу на таванских запорожцев воевода Опухтин и полковник Покотило. Иначе представил это дело запорожский полковник Михайло Костенко в письме к кошевому атаману Петру Приме и всему старшему и меньшему сичевому товариству.

«Не чернилами, но слезами описываемъ случившуюся войску запорожскому низовому бѣду нашу, которая учинилась намъ въ 15 день августа отъ воеводы (Опухтина) да отъ пѣхотного полковника Покотила и отъ всѣхъ ратныхъ людей и сердюковъ. Напоивъ своихъ людей виномъ, они велѣли добывать насъ, какъ будто непріятелей, въ городкѣ, а добывъ насъ, они, воевода и Покотило, велѣли до смерти побивать каменьемъ неизвѣстно ради какихъ причинъ. И такъ тѣ убійцы по приказу своихъ начальниковъ, въ то время убили до смерти товарища Пластуновского куреня Левку, козакамъ Менского куреня, Петру, Яцку Рудому да Савкѣ Старому Деревинкинского куреня, двумъ Сергіевского куреня, атаману Лукьяну Лотвицкому, мучительски головы до мозгу разбили безъ всякой надежды остаться живыми, церковного пономаря убили и всѣмъ намъ, находившимся въ томъ городкѣ, однимъ руки и ноги поломали, головы, ребра и всѣ уды сокрушили, всѣ имѣнія наши войсковыя и церковныя побрали. Прежде всѣхъ шальной Покотило, бѣгая съ голою шаблей отбилъ казну войсковую [35]; за нимъ москвичи и сердюки, видя его сумашествіе, начали грабить котлы [36], ружья, одно себѣ забирали, другое о камни разбивали, кафтаны, ямурлуки, деньги и всѣ вещи наши разграбили, имущества людей купецкихъ, то-есть вина, меды и бочки, поразбивали, запасы и соль нашу, ругаясь по землѣ поразсыпали и самую церковь божію святого великомученника Христова Георгія алтарь кровію нашею, волоча крывшихся въ церкви, осквернили, такъ что въ ней невозможно и безкровной жертвы приносити. Но Покотило, не довольствуясь пролитою кровію нашею, похваляется всѣхъ насъ побить и изъ города выбросить, ссылаясь на указъ гетмана, что особенно насъ устрашило. Ради того посылаемъ къ вамъ, войску низовому запорожскому, коннаго нарочного посланца нашего, бывшого писаря Захарку, и просимъ себѣ отъ вашихъ милостей скоро письменного отвѣта, какъ намъ поступить съ собой и какъ сидѣть безъ котловъ голодными. О той бѣдѣ нашей извольте написать къ ясновельможному, его милости, господину гетману, что мы отъ непріятелей — бусурманъ и отъ ихъ пушекъ и гранатъ не имѣли такого урона въ здоровьѣ и имуществѣ своемъ, какъ симъ временемъ отъ своихъ христіанъ, черезъ которыхъ

и всѣ наши строенія разорены, и сами мы не знаемъ, гдѣ приклонить наши разбитыя головы. Посылая при этомъ роспись наших убытковъ, просимъ усердно, покорно, слезно и униженно вашихъ милостей о скоромъ намъ указѣ и о наставленіи, какъ намъ поступить, однимъ-ли съ душами уходить, или-же съ войсковыми клейнотами и церковною утварью къ вамъ на Кошъ являться. Вельможный гетманъ пишетъ въ почтенномъ письмѣ своемъ черезъ посланныхъ нашихъ, дабы мы весь годъ великому государю служили, за что обѣщаетъ и казны и запасовъ, сколько можно будетъ, прислати, а того не вѣдаетъ, какъ Покотило безвинно наше товарищество побиваетъ и какъ меня, полковника, онъ приказалъ сердюкамъ безъ милосердія обухами до смерти бити, еслибъ не оборонилъ подполковникъ солдацкого полка, Андрей Тимоѳеевичъ Англеровъ».

В приложенной при письме Костенка росписи значилось, что именно у запорожских козаков пограблено: в Донском курене солдаты и сердюки 4 пищали взяли, 4 изломали, два котла да четыре рубля «у покойника» взяли; в Конеловском курене пищаль да саблю да два котла разбили и один кафтан в лоскутья изорвали; в Деревянкинском курене семь золотых да два мушкета взяли; в Сергиевском одну пищаль да десять ефимков взяли; в Калниболотском два котла разбили; в Уманском мушкет, кафтан и две шапки захватили; у ивановского козака (т. е. у козака Ивановского куреня) два котла изломали; у пономаря кафтан суконный да пояс большой и ключи церковные взяли; у джереловцев (козаков Джереловского куреня) цепи, натруски (т. е. пороховницы) и мерочки побрали [37].

Кошевой атаман Петро Прима, получив такой лист от таванского полковника Костенка, немедленно послал через козаков Харька Коломыйченка и Семена Рубана письмо Мазепе и в том письме извещал гетмана, что войско запорожское, услышав о неладах между русскими ратными людьми и запорожцами в Тавани и желая установить там «тихомирную обыклость, какова на стародавнемъ гнѣздѣ войсковомъ чинится», постановило на войсковой раде отправить из Коша двух полковников, одного в Кодацкую крепость, другого в Таванский городок. Тем полковникам приказано было, придя на место, унять раздоры между запорожцами и великороссийскими и малороссийскими войсковыми людьми. Сердюцкому полковнику Покотилу и таванскому воеводе Опухтину Кош написал просьбу оказывать склонность посылаемому от запорожского Коша полковнику Михайлу Костенку и сообща с ним стараться о водворении в Тавани доброго порядка. Но едва полковник Костенко прибыл в Тавань, еще в то время, когда он не успел и осмотреться в ней, как был обруган и осмеян полковником Покотилом. Потом тот же Покотило, согласясь с воеводой Опухтиным, государевыми людьми и сердюками, захватил «на добровольной дорогѣ» Костенка и избил его обухами едва не до полусмерти, после чего, не могши проникнуть через

затворенные ворота в город, Покотило перебрался «съ многолюдствомъ» московским и со своими сердюками через каменную стену города и, добыв там саблю, стал рубить всех, кто только попадался ему, до смерти, отдав такой же приказ и всем бывшим с ним людям. Те люди ограбили войсковую и церковную скарбницу, забрали продовольственные запасы, порох, соль, деньги, ворвались в церковь, перебили козаков, там скрывшихся, разорили и разметали все курени, разбили котлы, изломали оружие и причинили очень много убытку ни в чем не повинным таванским козакам запорожским. Соболезнуя в такой беде несчастным страдальцам, все войско единодушно и слезно просит гетмана, как своего законного регментаря, разобрать поступок злого кровопролийцы христианского Покотила, учинить над ним управу и или наказать его от себя лично, или же прислать его для наказания в Кош запорожский, а все убытки за разграбленные вещи взыскать с виновников погрома.

Гетман Мазепа всему происшедшему в городе Тавани по справедливости придал особенную важность; опасаясь, чтобы огонь вражды между запорожскими козаками и русскими ратными людьми не принял особенно больших размеров, гетман дал обещание кошевому Приме немедленно послать от себя в город Тавань «знатную, постоянную и богобоязливую особу», такую же особу просил послать и от запорожского Коша для розыска о виновниках «завода» и для наказания их «надлежащимъ наказаніемъ» [38].

Не дождавшись приезда обещанной гетманом богобоязливой особы, запорожцы через месяц после происшествия Тавани снарядили большое посольство и отправили его к царю Петру Алексеевичу в столицу. Послано было 76 человек разных куреней низового товарищества, во главе которых стояли полковники Иван Мартышевский, Василий Донец, писарь Иван да асаул Федор [39].

В это время у запорожских козаков назрело несколько жалоб, просьб и претензий, и они все то изложили на письме к гетману Мазепе и к царю Петру Алексеевичу, и те письма вручили главным представителям своего посольства.

Прежде всего запорожцы обращались с просьбой как к гетману Мазепе, так и к царю Петру Алексеевичу о прибавке «сверхъ прошлогодняго годового» жалованья в деньгах, сукнах, порохе и свинце. Уже несколько лет ни пороху, ни свинца не дают они в раздел, потому что и того и другого слишком мало им присылается на Кош, и хотя у запорожцев в последнее время, благодаря вниманию государей и самого гетмана, пушек «довольно примножилось», но зато, не имея достаточно боевых запасов, они не могут «тѣшиться» и стрелять из пушек по своему положению ни в дни празднества, крестного хода, похорон знатного товарищества, годовых нарочитых праздников, во время приема монаршеских посланных и при почитании имени великого государя. Кроме этой просьбы запорожцы просили и гетмана и государя об уплате мастерам-лодочникам за

сооружение ими сорока судов по 10 рублей за каждое судно, которые сделаны были для плавного похода в прошлое лето: да явит государь свою милость войску и прикажет выдать из своей монаршей казны требуемую сумму и прислать ее на Кош для раздачи работникам [40]. Тут же запорожцы били челом о братии своей, страждущей в бусурманской неволе, а именно о тех трехстах пятидесяти козаках, которые во время царского похода на турецкий город Азов отважно действовали под начальством атамана Чалого на Черном море и счастливо крымские берега громили, но потом на обратном пути были в полон взяты и посажены на каторги неприятельские; запорожцы, указывая на наступившее мирное время, усердно просили освободить несчастных «изъ тяжкой неволи и пустить ихъ на волю». Особо от просьбы о трехстах пятидесяти невольниках запорожцы просили о бывшем товарище Дядьковского куреня Иване Гадяцком, козаке «давнемъ и во всѣхъ поступкахъ воинскихъ способном», который мужественно сражался с татарами под городом Голтвой во время набега туда многочисленной орды татарской, но был побежден вместе с украинскими козаками [41], взят в плен бусурманами и хотя «ради старшинства у сѣчевого товариства» помилован от смерти, зато отправлен был в Крым, в неволю. В той неволе он томился до того времени, пока над ним не сжалился атаман Дядьковского куреня: отправившись из Сичи в Крым, он взял Гадяцкого на поруки, а сам вместо него «сѣлъ в неволю». Теперь Гадяцкий, пришедши в Сичь, слезно просит кошевого атамана и все товарищество сыскать взятого в плен атаманом Федьком несколько лет тому назад на реке Молочной татарина Текелды и усланного куда-то [42] во внутрь России, и вернуть в Крым,— взамен того татарина Гадяцкому обещали дать свободу. Независимо от перечисленных просьб запорожские козаки заносили жалобы от всего войска царю и гетману на воевод — Новобогородицкой крепости Петра Иванова Потемкина и Кызыкерменского городка Ивана Аверкиева Опухтина и сердюцкого полковника Якова Покотила. Воевода Потемкин «вступается въ ненадлежащія ему дѣла и чинитъ войску противныя затѣи». Так, запорожцы «за нѣкоторое неисправленіе и за совершенныя вины» отставили строителя собственного, возведенного войском, Самарского Святониколаевского пустынножительного монастыря, игумена Алимпия, и писали к отцу игумену Межигорского монастыря, дабы он приобща самарскую обитель к своей Межигорской, прислал от себя какого-нибудь исправного и в поступках искусного человека, который бы мог быть строителем обители. По той просьбе запорожского войска и по благословению киевского митрополита в Святониколаевский монастырь прислан был искусный старец иеромонах Никита Подвалинский с дьяконом. Но прибывшего старца Никиту воевода Потемкин почему-то не пустил в обитель и никакого места ему у себя не дал, чему войску запорожскому причинил большую досаду. Запорожцы уже давно терпят стеснение своих вольностей

в самарских владениях и, не желая пока, до удобной поры, беспокоить самого государя, чтобы доподлинно узнать, кому издавна принадлежит река Самара, упрекают гетмана Мазепу, который, хорошо зная, что река Самара «отъ многихъ лѣтъ прямая запорожская, а ничья иная», позволяет полковникам и селитренникам разорять ее, делать на ней селитру и давать на запорожские угодья гетманские универсалы в том рассуждении, будто бы войско городовое и низовое одного запорожского имени и будто бы в той реке Самаре «должна быть неотлагаемая часть» и для самого гетмана. Не отказываясь от того, что войско городовое и войско запорожское носят одно общее имя и находятся под одним гетманским регементом, запорожское войско, однако, «никакой общины употреблять не смѣетъ и не хочетъ». Наконец, через поименованных своих посланцев, Донца и Мартышевского, запорожцы вновь заявляют свою жалобу на воеводу Опухтина и на полковника Покотила, которые «отъ малыхъ ссоръ и драки учинили великій бунтъ и буйство» среди козаков, находящихся в числе 500 человек в Таванском городе на службе великого государя.

Запорожское поспольство прибыло в столицу в полном составе в ноябре месяце, было принято государем и отпущено назад с объявлением о скорой отправке в Сичь зимним путем с особым посыльщиком обыкновенного годового без прибавки жалованья, о котором «указъ царского величества впредь учиненъ будетъ». Для исследования о таванском кровавом деле назначены были стольник Клим Чихачев да подъячий Осип Гаврилов, которые должны были ехать через Севск прямо к Тавани, минуя Батурин и, приехав на место, дождаться там посланного человека от гетмана Мазепы для розыска дела, потом объявить о себе воеводе Опухтину, сделать подробный допрос всему, что написано в жалобе кошевого Петра Примы и в донесении гетману воеводы Ивана Опухтина и виновным в преступлении ратным русским людям учинить наказание «по указу, по уложенію, и по новоуказаннымъ статьямъ, а взятое на виновныхъ, доправя, возвратить челобитчикамъ»; виновных же черкасских людей должен наказать присланный от гетмана человек по указу великого государя и по праву войска, с возвращением награбленных челобитчикам имуществ. «А что потому великого государя указу онъ учинитъ, ему, Климу Чихачеву, ѣхать къ великому государю къ Москвѣ и тотъ сыскъ и изъ него перечневую выписку за своею рукою привезти и самому явиться и сыскъ и перечневую выписку подать въ приказѣ Малыя Россіи думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищами» [43].

Как окончился разбор таванского дела — неизвестно, но в феврале месяце следующего 1700 года запорожскому войску назначено было царское годовое жалованье: кошевому атаману 2 вершка бархатных на шапки, 2 сукна кармазина по пяти аршин сукно, атласу да камки по 10 аршин, две пары соболей по семи рублей пара, два

сорока соболей по 50 рублей каждое сорок, судье, писарю и асаулу по вершку бархатному, сукна кармазина по пяти аршин, атласу по 10 аршин, соболей по паре в 7 рублей пара, по сорока соболей в пятьдесят рублей каждое сорок; всему поспольству дано 500 золотых червонных, 150 половинок шиптуховых сукон, 50 пудов зелья и 50 пудов свинцу, обертев в рогожи и увязав веревками против прежних таких же отпусков. Для доставки всего названного царского жалованья в Запорожскую Сичу назначен был жилец Даниил Андреев Жедринский [44].

Даниилу Жедринскому дан был подробный наказ ехать сперва в Батурин к гетману, взять там роспись для раздачи запорожцам жалованья и с той росписью ехать немедленно в Запорожье. Не доезжая самой Сичи послать от себя подъячего Степана Фролова с известием о своем прибытии с царской казной и с милостивой грамотой в Запорожье. Явившись же в Сичь, подать кошевому атаману царскую грамоту и спросить о его здоровье. А когда кошевой спросит о здоровье государя, то ему говорить, что когда он, Жедринский, отпущен был из Москвы, то великий государь был на своих великих и преславных государствах российского царствия в добром здоровье. После такого ответа объявить всему запорожскому войску о присылке ему милостивого жалованья на весь год и то жалованье раздать кошевому атаману, старшине и всем посполитым людям по росписи, какову гетман Мазепа даст. Вручив же жалованье, всему войску от имени великого государя передать, дабы оно верно и радетельно служило ему, оберегало Кызыкермень и Таванский городок от бусурман, проведывало всякие вести о замыслах врагов и как можно чаще писало о том гетману Ивану Степановичу Мазепе. Если же кошевой атаман и все поспольство станут говорить, почему в царской грамоте не прописано поименно, как всегда раньше водилось, царское годовое жалованье козакам, то отвечать на это, что послу неведомо о том и что для раздачи жалованья выдана ему роспись из приказа Малой России, о росписи же, выданной гетманом Мазепой, отнюдь никому не говорить на Коше. В случае же не окажется налицо тех людей, которым в гетманской росписи будет написана дача, то назначенные подарки или взять назад и отвезти в Батурин к гетману Мазепе, чтобы гетман Мазепа потом раздал их по собственному усмотрению тем людям, коим они назначены по праву. Находясь в пути и будучи в Сичи, «накрепко» проведывать, можно ли ожидать от запорожцев верности в службе великому государю и нет ли у них с кем-либо ссылок или к ним каких-либо присылок, много ли их товарищества в Таванском городке, в каком почитании находится у них и у татар Петрушка вор, нет ли у них с ним ссылок каких, а также где находится крымский хан, крымская и белогородская орда и не чаят ли крымских и белогородских орд рано весной под великороссийские и малороссийские города. Проведав обо всех этих статьях тайно, чтобы «тѣхъ запорожцовъ

ко лжѣ какой не принудить и въ какое сомнѣніе не привесть», обо всем в статейный список написать и тот список, по возвращении в Москву, в приказ Малой России подать.

Послам даны были грамоты на имя гетмана Ивана Мазепы и кошевого атамана Петра Примы с извещением тому и другому о посылке войску запорожскому царского годового жалованья и о внушении ему за то верно служить и радеть великому государю [15].

Царский посланец выехал из Москвы февраля 15 дня, прибыл в Батурин февраля 27 дня. Из Батурина царскому послу дан был спутник лубенский хорунжий Григорий Стрельниченко, который должен был доставить в Сичь 3640 золотых от Переволочанского перевоза да 400 бочек хлебного запаса с недочетом ста бочек хлеба, немолотого за скудостью воды на мельницах. Оставив Батурин, царский посол апреля 8 дня прибыл до Сичи. Не доезжая до самой Сичи, посол отправил от себя подъячего Степана Фролова и навстречу послу выслан был войсковой асаул спросить его от имени кошевого о здоровье. У самой Сичи встретил посла сам кошевой атаман Прима с войском, и тут войско стреляло из мелкого ружья. Когда же посол вступил в «замокъ», то в это время стреляли из пушек «изо всего снаряду». Войдя в Сичу, посол и козаки сперва выслушали в церкви молебное пение, а после молебна в тот же день вышли на войсковую раду. На раде царский посол выполнил все так, как ему написано было в наказе, вручив при этом кошевому атаману для прочтения царскую грамоту и передав ему царское жалованье для раздачи его по росписи всей запорожской старшине и посполству. Кошевой атаман, выслушав царскую грамоту и получив годовое жалованье, выразил свою благодарность великому государю и гетману Ивану Степановичу Мазепе за их «прилежное» о войске попечение. На третий день после приезда посла собрана была новая рада, на которую призваны были Даниил Жедринский, Степан Фролов и лубенского полка хорунжий Григорий Стрельниченко. Когда означенные лица явились в раду, то козаки «съ великимъ воплемъ» стали кричать, что им прислано 150 половинок амбургского сукна «некорыстно и безъ сорочекъ, а напредъ того присылываны были сукна добрыя и въ сорочкахъ», да кроме того три половинки не целы, а надрезаны. Куренные атаманы Иван Заика да Иван Нос кричали, что полученные ими соболя также надрезаны и что поэтому они будут о том писать государю. На тот крик посол объявил всем недовольным, что он доставил царские подарки все в целости за печатью и за крепким караулом и что поэтому козаки затевают то дело напрасно. На такой ответ козаки кричали пуще прежнего и говорили, что подъячему Фролову следует насыпать песку в пазуху и посадить его в Чортомлык речку. Но на том неудовольствие козаков и кончилось: послы были отпущены в курень, а потом апреля 12 числа беспрепятственно выехали из Сичи и через девять дней прибыли в Батурин. В Батурине они объявили о проис-

шедшем в Сичи гетману Мазепе. Но гетман Мазепа царским послам ответил, что «на непостоянство запорожскихъ козаковъ смотрѣть и имъ вѣрить нечего, потому что они будутъ впредь смирнѣе и постояннѣй» [46].

Отпуская от себя царских послов, запорожские козаки вручили им два письма, одно для гетмана Мазепы, другое для царя Петра Алексеевича. В письме к гетману запорожцы благодарили его за царское жалованье, за присланные от перевоза деньги и за хлебные, 400 бочек, запасы, просили о досылке еще ста бочек и в то же время жаловались на то, что царское жалованье прислано им без прибавки и в худом виде,— сукна худые и резаные, соболя с боков также обрезаны и испорчены. Вместе с этой жалобой на скудость царских подарков запорожцы высказывали свое неудовольствие и самому гетману по поводу дозволения с его стороны разным промышленным людям заводить у реки Самары, «подлинной войсковой отчизны», селитренные майданы. Не жаль было бы, если бы гетман только сам имел на реке Самаре селитренные заводы для войсковой потребы, но дело в том, что он и другим селитренникам на «подлинныхъ войсковыхъ земляхъ» позволил варить селитру, и те люди «даромъ» вотчину войсковую пустошат, сами же получают себе корысть и «безчисленно» богатеют. Запорожцы подлинно знают и хорошо помнят о том, что та река Самара еще при покойном Хмельницком, да и после него, до самых походов великороссийских войск до Крыма, никому кроме них не принадлежала («поддана») и ни от кого до того времени не была опустошаема. Еще в то время, когда заложен был на Самаре Новобогородицкий город, еще в те поры прислана была им «обнадежеванная» великого государя грамота, что те города не будут им ни в тяготу, ни в обиду, ни в отнятие пожитков. И ту грамоту, списав ее слово в слово, запорожцы посылают гетману «для лучшого увѣренія». Да и сам гетман не раз писал запорожцам, что городовое строение на устье реки Самары никакого вреда не принесет им; теперь же сами запорожцы видят опустошение в своих землях как от самарцев городовых, так и от селитренников, и если последние будут «упоромъ своимъ» делать селитренные майданы вблизи земли запорожской, то у козаков не обойдется с ними «безъ разоренія и задоровъ» [47].

В письме к великому государю **запо**рожцы, «воздавъ челобитное до земли поклоненіе» за присланное жалованье, в то же время били челом на том, что им немалое утеснение на реке Самаре чинится и что они, несмотря на просьбы о том как гетману, так и самому государю, не имеют себе ни единой отповеди и даже потеряли всякую на ответ надежду. Не получили они полного удовлетворения и в присланном жалованьи государя: в прошлом году прислано было им 200 половинок добрых амбургских сукон, а в нынешнем только 150 половинок простых шиптуховых сукон и то с недостачей нескольких аршин в половинках; соболи присланы также нецелые,

с пришивными хвостами, без печатей, «нещадно изъ боковъ обрѣзанные и вельми худые», каких еще никогда запорожцам не было присылаемо, да и роспись всем подаркам почему-то прислана без печати. Донося обо всем том великому государю, запорожцы желают знать, присылаются ли царские щедроты в таком виде от самого государя, или же они переменяются в руках его посланцев. Как бы то ни было, но запорожцы бьют челом великому государю впредь прислать больше против нынешнего жалованья в деньгах, в сукнах, в зелье и в свинце, за что все козаки обещают быть и в настоящие и в грядущие времена «послушливы и благотворительны» и сохранять свою верность «непоколебимо» [48].

Гетман Мазепа, отправляя оба листа запорожцев, ему лично и государю писанные, с царским послом Жедринским, в свое оправдание писал государю, что запорожцы не имеют повода жаловаться на селитренников, так как те люди делают свои майданы не при самой реке Самаре, а в полях, поодаль, и от того убытка им не может быть никакого [49].

Все недоразумения, происшедшие между великороссами, малороссиянами и запорожскими козаками в городе Тавани, можно объяснить ничем иным, как полным бездействием тех и других в отношении неприятелей: русским ратникам и запорожцам, привыкшим к военным действиям, после Карловичского перемирия все еще оставленных в Тавани, ничего другого не оставалось делать, как или драться между собой, или же делать мелкие на бусурман набеги. Так именно в это время перекопский каймакан и сам крымский хан заносили жалобу таванскому воеводе Ивану Опухтину за причиненные татарам в разных местах от козаков и русских обиды, убытки и разорения. Однажды, когда хан вышел из Крыма, пришел к Кардашину и стал там на ночлеге, в ту ночь явилось 18 человек [50] четвероконных и пеших козаков, захватили там тридцать голов лошадей и поранили несколько человек татар, потеряв убитыми двух собственных людей. В другой раз «воровскіе козаки» из Шангирея и Таванского городка напали на одного янычанина Магмета, который ездил с товарами к Днепру, распродал там свои товары и возвращался назад. Напав на проезжавшего меж Шангиреем и Колбруном (вероятно, Кинбурном), они убили его на месте, взяли его товары и 400 ефимков денег. В третий раз «воровскіе люди» [51] Таванского городка напали на другого янычанина на Белом озере, разграбили всю его телегу, взяли 20 лисиц, 5 соболей. Наконец были и такие, которые, пользуясь установленным между московским государем и турским султаном мирным договором, приходили в турскую сторону на службу, жили там по несколько времени, потом ночью забирали разные вещи (саблю в серебряной оправе, шубу суконную «на бѣлѣ черевьѣ мѣху») и убегали на свою сторону. И перекопский каймакан и сам крымский хан просили воеводу Опухтина возместить все убытки родственникам потерпевших, воров и убийц разыскать, наказать

без снисхождения: «И вы-бы для дружбы тѣхъ воровъ и душегубцевъ и взятые товары къ намъ прислали, и буде тѣхъ воровъ и взятыхъ товаровъ къ намъ пришлете, дружба наша исполнена будетъ; а буде тѣхъ воровъ и взятыхъ товаровъ къ намъ не пришлете, то между нами въ томъ будетъ остуда» [52].

Несмотря на такую жалобу каймакана, запорожцы весной 1700 года вновь угнали у татар 55 голов лошадей и причинили татарам разные «грабительства». Тогда гетман Мазепа отправил в Сичь «умыслныхъ» [53] посланцев и через них велел кошевому и всему товариству отыскать виновных «злочинцевъ», учинить «неотволочную и слушную» управу, вещи пограбленные разыскать и лошадей непременно потерпевшим возвратить [54].

Сидя в Тавани, запорожские козаки причиняли и другие неприятности туркам: они способствовали бегству из Очакова потурнакам и одного такого отправили к гетману Мазепе, а Мазепа с запорожским товариством отослал его к царю для отобрания от него вестей бусурманских [55]. За службу своих товарищей запорожцы просили гетмана исходатайствовать у царя обыкновенное для войска годовое жалованье, и гетман по этому поводу писал лист к царю Петру Алексеевичу [56].

Мелкие действия русских и запорожцев, находившихся в Тавани, против татар и турок не нарушали, однако, мирных отношений, установленных в Карловичах между Турцией и Крымом, с одной стороны, и Россией — с другой. Июля 3 дня 1700 года перемирие в Карловичах было подтверждено полным миром на 30 лет в Константинополе [57].

Условия этого мира состояли из двенадцати пунктов, из коих четыре пункта касались и запорожского низового войска: 1) Козаков казнить смертью, если они в мирное время пойдут войной на турецкие и крымские места. 2) Козакам вольно промышлять зверем и рыбой вплоть до устья Днепра. 3) Никаким поселениям, начиная от Сичи и кончая устьем Днепра по всему днепровскому берегу, кроме небольшого укрепления для переправы проезжих через Днепр людей, впредь не быть. 4) Приднепровские городки, взятые у турок силой русско-козацкого войска, как, например, Тавань, Кызыкермень, Нустриткермень, Шагингирей, разорить до основания [58].

«Священному царскому величеству покоренные и подданные, или москвичи или козаки и иные, по рубежьямъ мусульманскимъ, таманскимъ и крымскимъ, и достальнымъ, и подданнымъ ихъ-же никакихъ набѣговъ и непріятельствъ да не творятъ, и неспокойные и своевольные козаки съ чайками и съ суды (судами) водяными да не выходятъ на Черное море и никому убытку и урону да не наносятъ, но жестоко содержаны да будутъ отъ своевольствъ и напусковъ; и статьямъ мирнымъ противныя и доброму сосѣдству противящіеся смятенія и расположенія, если когда объявятся

явно, съ жестокостью да накажутся... Да отъ Перекопскаго замка начинающейся заливы Перекопской [59] двѣнадцати часовъ разстояніемъ простирающейся зємли, отъ края до новаго города Азовскаго, который у рѣки Міюса стоитъ, среди лежащія земли пустыя и порожнія и всякихъ жильцовъ лишены да пребудутъ [60]; также во странахъ рѣки Днѣпра отъ Сѣчи, города запорожскаго, который въ рубежахъ московскаго государства на вышереченной рѣки берегу стоитъ, даже до Очакова, среди лежащія-жъ земли, кромѣ новаго села, на обоей сторонѣ Днѣпра, равнымъ образомъ пустыня и безо всякаго жилища порожжіе да пребываютъ, а близъ городовъ съ обѣихъ сторонъ мѣсто довольное на виноградыи огороды да оставятся. Ниже разоренные городки паки да построятъ, но порожжіе да пребываютъ, и на мѣстехъ, которымъ порожжимъ пребыть взаимнымъ согласіемъ показалось, буде какой городокъ подобный найдется, тотъ также съ обоихъ сторонъ да разорится, ни таковы мѣста да состроиваются, ни да укрѣпляются, но какъ суть порожжи, да оставлены будутъ... А буде во время сего мира или перемирья межъ крымцами и козаками и общественно межъ обоими государствіи (-ами), по наченшейся нѣкоей трудности, возбудится споръ и ссора межъ порубежными губернаторы, и салтанами и иными начальными, удобно разсмотрѣна да будетъ, а зачавшимся труднѣйшимъ деламъ, имѣвъ пересылку съ государствомъ Оттоманскимъ, мѣрою пристойною къ дружбѣ и къ миру да успокоятся, и для подобныхъ порубежныхъ ссоръ ни войны, ни бой да не вчинается, но совершенно и съ превеликимъ радѣніемъ тщатись, дабы покой съ обѣихъ сторонъ крѣпко блюденъ... У Днѣпра рѣки населенные Тавань, Кызыкермень, Устреткермень и Сагинкермень городки да разорятся съ тѣмъ уговоромъ, дабы впредь никогда на тѣхъ мѣстехъ городкамъ и никакому поселенію не быть; а рѣчныя мѣста съ своими землями какъ до сей войны были, такъ во владѣніи Оттоманскаго государства отъ его священного царскаго величества да возвратятся и во владѣніи Оттоманскаго государства да пребудутъ. А преждереченныхъ тѣхъ городковъ разоренье по утвержденіи сего мира чрезъ великое посольство да послѣдуетъ тотчасъ, и въ 30 дней безъ откладки во исполненіе да приказано будетъ и да совершится. А воевода и ратные люди высокопомянутого царского величества, которые въ вышереченыхъ городахъ нынѣ суть, со всѣми пушками и воинскимъ пріуготовленіемъ и съ пожитками, и съ хлѣбными запасами, безбѣдно и съ безопаствомъ выходя, въ свои стороны да переберутся; а при выходѣ и возвращеніи никакое непріятельство и своевольство и никакой уронъ и убытокъ вышеречнымъ да не наносится отъ народа татарскаго, или отъ покоренныхъ Оттоманскому государству, или отъ ратей, или подданныхъ, или иныхъ, кто-бы ни есть они были; а межъ тѣмъ временемъ ратные люди, и московскіе и козацкіе, или въ вышеупомянутыхъ городкахъ сущіе, или исходящіе, или

возвращающіеся съ лутчимъ обученіемъ да удержатся, и никоими мѣрами да не простираются, или чего ни есть, да не замѣриваютъ» [61].

Едва окончились мирные переговоры между Турцией и Россией, как запорожцы обратились через гетмана Мазепу к боярину Федору Алексеевичу Головину, заведывавшему в ту пору Малороссийским приказом, со старой просьбой об обмене пленного товарища Ивана Гадяцкого [62] на пленного татарина Текелды, находившегося во Пскове [63] и с новой просьбой о царском жалованьи для всего запорожского низового войска.

Для того, чтобы испросить царское жалованье, собрано было большое посольство из 80 человек под главенством куренных атаманов (они же именуются и полковниками) Кирика Надтоки и Василия Иваненка, асаула Грицка Лукьянова и писаря Остапа Сербина [64].

Отправляя такое посольство к царю Петру Алексеевичу, кошевой атаман Герасим Крыса и все запорожское низовое войско написали ему челобитную с просьбой о присылке в Кош царского жалованья, с жалобой на подъячего Степана Фролова и на жильца Жедринского, которые, во время доставки жалованья прошлой весной в Запорожье, учинили в городе Кишенке воровство, о каковом воровстве многие люди знают подлинно, и с изъявлением претензии за нарушение вольностей на реке Самаре, искони принадлежавшей запорожскому войску, для удостоверения в чем кошевой Герасим Крыса посылает великому государю и список с грамоты царского величества, данной войску.

Запорожское посольство направилось сперва в Батурин, прибыло в Москву ноября 9 дня и было принято в столице с должным вниманием. В тот же день отдан был приказ в бургомистерскую ратушу выдать на приезд запорожским посланцам — 15 ведер вина, 30 ведер меду, 60 ведер пива, а в остальные дни Кирику Надтоке и Василию Иваненку — по 3 чарки вина, по 3 кружки меду, по 3 кружки пива, остальным козакам по 2 кружки всего питья на день. На отпуск из столицы запорожского посольства велено было дать Кирику Надтоке и Василию Иваненку сукна кармазина, тафты мерой по 5 аршин да по паре соболей в 6 рублей пара; остальным козакам по сукну англинскому мерой по 5 аршин и по паре соболей в 2 рубля пара человеку; кроме того в дорогу особо велено было выдать 15 ведер вина простого. 30 ведер меду и 30 ведер пива да назначить от Москвы до малороссийских городов 82 подводы с телегами и с проводниками.

В самый день отпуска, ноября 22 дня, главным лицам запорожского посольства вручена была царская грамота на имя кошевого атамана Герасима Крысы и всего запорожского низового войска. В той грамоте царь писал кошевому атаману, что посольство запорожского войска принято было в Москве и пожаловано высокими милостями; что челобитная войска о присылке в Кош жалованья

выслушана, и жалованье будет отправлено зимним путем в Сичу, за что низовое войско должно верно и радетельно служить царскому величеству и обязано внушить таванскому товариству жить спокойно и постоянно и во всяких поведениях осторожно, с великороссийскими и малороссийскими людьми, находящимися в Тавани, иметь во всем совет и согласие. Что касается воровства запорожского жалованья, учиненного подъячим Фроловым да жильцом Жедринским, то о том послан будет человек для подлинного розыска и о результате того розыска будет своевременно сообщено запорожскому войску. На жалобу запорожцев по поводу отнятия у них самарских вольностей никакого ответа не последовало [65].

После установления русско-турецкого мира крымский хан Селим-Герай, на основании договорной статьи об обоюдном размене пленных отправил своего посланца Болюбаша через Запорожье к гетману Мазепе для «окупа» татар, находившихся в плену в разных городах южной и северной России, причем просил гетмана о защите отправлявшихся в малороссийские города с товарами разных купцов мусульманских и об удержании плавающих по Днепру к Очакову запорожцев от нанесения убытков мусульманским людям, бывающим в стране козацкой. Ханский посланец, проезжая через Запорожье, увидел в Сичи небывалое в ней дотоле дело, а именно: «новый по размѣру построенный городъ». Того города вследствие установленного мира не должно бы быть. В чем же тут правда, что разорено старое и построено новое, и чего тут доброго для Крыма ожидать можно? В Крыму известно было, что Москва строит в Сичи одни только курени для склада в них, за недостатком другого помещения, на зимнее время хлеба и продовольственных запасов; а в действительности тут делается нечто другое. Увидя в этом нарушение мира, Болюбаш решил написать о том хану, что по словам посланца, будет ему не особенно приятно и о чем он, конечно, сообщит султану.

С такой претензией приехал Болюбаш к Мазепе в Батурин, и гетман Мазепа поспешил поскорее отделаться от неприятного гостя. От татар, находившихся в неволе, гетман узнал, что Болюбаш человек «армянской породы, но что онъ уже давно учинился бусурманиномъ» и кое-что понимал в инженерском деле. Поэтому Мазепа, дав ему «доброго» пристава, немедленно отпустил его прямо на Переволочну «мимо» городов малороссийских [66].

Более серьезным вопросом после заключения мира с Турцией и Крымом оказался вопрос о разрушении турецких городков Тавани, Кызыкерменя и Шагинкерменя, до тех пор находившихся под охраной русско-козацких войск. Исполнение этого дела возложено было царем на князя Ивана Михайловича Кольцо-Мосальского. Кольцо-Масальский получил несколько тысяч великороссийских ратников и сверх того две тысячи засеймских войсковых людей от гетмана Мазепы. Соединясь с последними под Царичанкой у реки

Орели, князь Кольцо-Мосальский отправился к низовью Днепра, но при разрушении крепостей встретил большое затруднение со стороны находившихся в них запорожцев [67]. Тем не менее все три крепости были разбиты и боевые принадлежности их забраны (1701 г.). Тогда запорожцы всячески старались выказать свое неудовольствие русским: они не пускали к себе никого из царских войск, отказывались содействовать русским в доставлении из Таванского города в Сичь боевых орудий и хлебных запасов, не принимали к себе приезжавших по этому поводу гетманских посланцев; если же и принимали, то встречали их с бесчестьем, а самому гетману писали ругательные письма и только одно поручение на себя взяли — охрану государевой казны, перевезенной в Сичу. Но всего больше выказали запорожцы ненависти к русским, когда узнали, что князь Кольцо-Мосальский вместо разоренных турецких городов на днепровском низовье заложил новые в виду самой Запорожской Сичи. Для этого выбрано было место у реки Днепра «въ урочищѣ, на горѣ, у Каменнаго Затона, въ пристойномъ мѣстѣ, подлѣ рѣки Бѣлозерки, противъ Никитина Рога». На это дело поставлено было 3558 человек ратных людей Белогородского и Севского полков под командой князя Кольцо-Мосальского; к ним в августе и в сентябре месяце присоединено 6000 человек козаков, взятых из малороссийских полков от гетмана Мазепы; малороссийским козакам прибавлены были также ратные люди из Новобогородицкой самарской крепости [68].

Сопротивление, которое оказали запорожцы при разрушении турецких городков русским властям, объяснялось не тем, что запорожское войско будто бы в самом принципе выступало врагом русского царя, а тем, что покоренные бусурманские городки и насиженные в течение долгого времени православно-русскими людьми, оно считало собственностью если не всей России, то ближайшим образом Запорожья. Для чего же было предпринимать столько труда, терпеть столько лишений при завоевании и потом при удержании этих городков, если вновь возвращать хотя бы и развалины их в руки ненавистных бусурман? И русские не только возвращают бусурманам взятые городки, а даже строят новый, в виду самой Сичи, свой собственный городок. Для чего же это? Не для чего, рассуждали запорожские патриоты, как для умаления исконных козацких вольностей, которыми так дорожили низовые молодцы и за которые бились их деды и отцы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Участие запорожских козаков в великой Северной войне.— Поход запорожцев в Псковскую область и недовольство ими со стороны гетмана Мазепы.— Действие запорожцев под Быховым.— Нападения со стороны запорожцев на селитренных людей возле реки Самары.— Сношение запорожцев с крымским ханом и разграбление ими турецких купцов.— Меры, принятые в Москве, для укрощения запорожцев.— Кошевой атаман Константин Гордиенко.— Сношения запорожцев с крымским ханом.— Ответ, полученный ими от хана и повинная перед русским царем.— Отправка царского жалованья запорожским козакам.— Новые волнения в Запорожье по поводу построения русскими городка в урочище Каменном Затоне.— Нападение запорожцев на царскую казну и отправка по этому поводу в Сичь Курбатова, стольника Протасьева и подъячего Павлова.— Бесчинства запорожских козаков на проезжих дорогах возле Буга, Днестра, Ягорлыка и Каменного Затона.— Виды на запорожцев со стороны турецкого султана и крайнее недовольство на них со стороны гетмана Мазепы.

Константинопольский мир, закончивший в 1700 году войну России с Турцией, особенно необходим был для царя Петра Алексеевича; замирившись с турками, царь открыл весьма упорную и весьма продолжительную, длившуюся 21 год, войну со Швецией. Но насколько этот мир был желателен для русского царя, настолько же, если не больше, он был не желателен для всего запорожского войска. С этого времени в Запорожьи поднялись такие смуты, распри и раздоры, которых ни раньше, ни позже того никогда там не бывало: запорожцы то мирятся с Крымом и объявляют себя против гетмана и царя; то они разрывают мир с Крымом, просят прощенья у царя и делают нападения на татар, грабят проезжих турецких купцов; то они разбивают царских гонцов и захватывают в свои руки казну; то восстают против своих же товарищей за подобные не рыцарские дела и отправляют посланцев в Москву с просьбой о пожаловании казной и с обещанием верно служить царю. Было бы совершенно несогласно с истиной объяснять такое поведение запорожских козаков в отношении русского царя разнузданностью нравов и ненавистью их к законному порядку вещей. Тому много было чисто внешних, от запорожцев не зависящих, причин. Такова прежде всего причина — невозможность, вследствие состоявшего

русско-турецкого мира, вести мелкие войны против бусурман: запорожские козаки, как исключительно военное сословие людей, от войны получали добычу, войной себя одевали, войной себя питали; государево же хлебное и денежное жалованье столь невелико было в сравнении со всей численностью запорожского войска, что оно расходилось по рукам козаков так точно, как расходится капля вина в большой посудине воды. Далее, помимо невозможности запорожцам вести войны с бусурманами, сильно смущало их построение вблизи Сичи московских крепостей: если раньше они возмущались постройкой самарских крепостей, стоявших на значительном расстоянии от главного ядра низового товарищества Сичи, то тем большие опасения возбуждало у них основание Каменнозатонского городка, как раз на виду самой Сичи. Затем большое негодование у запорожских козаков вызвал захват козаками Полтавского полка лучших во всем Запорожье поорельских и посамарских земель, которые запорожцы всегда считали своими, но которые, вследствие неимения у войска жалованных грамот были отобраны по представлению гетмана и по воле царя у запорожцев и отданы полтавского полка малороссийским козакам. Кроме того сильный ропот возбудила в Запорожье вербовка царем запорожских козаков в далекий от Сичи северный поход и особенно для земляных работ при постройке новой столицы при устье реки Невы. Наконец, появление в пределах вольностей запорожских козаков разного сброда людей «то с волошской стороны, то с Дона, то неяких с москалей», то из украинских городов, недовольных гетманским регментом разных людей, сильно смущало и простую массу запорожского войска. В это время в разных местах России поднимался ропот против новых, дотоле невиданных, порядков и затей со стороны молодого и неугомонного государя. Повсюду слышались голоса недовольных за введение разных повинностей и новых налогов; еще больше того возмущались тягостными и слишком продолжительными войнами, поднятыми царем против шведов. И чем дальше какая-нибудь область находилась от Москвы, тем сильнее выражалось в ней недовольство против царя. По всему этому в Запорожьи уже с первого года XVIII века настал настоящий хаос, в котором мелькали разные лица, высказывались разные желания, объявлялись различные протесты, сходившиеся, впрочем, к одному пункту: за вольности, за старые права козацкие стоять против всех и ни под каким видом не поступаться ими.

Таково было положение дел в Запорожьи.

Еще тягостнее было положение дел в малороссийских городах. Исконная внутренняя политика московского государства состояла в том, чтобы отдельные части государства слить в одно политическое тело. С тех пор, как в состав Великой России вошла Малороссия, на нее было обращено особенное внимание со стороны московских царей. Теперь страсть молодого и слишком деятельного царя,

стремившегося все по-своему преобразовать, явно клонилась к тому, чтобы во всех малороссийских городах вместо выборного начала ввести начало назначения от Москвы, вместо украинской генеральной старшины призвать к управлению московских бояр, а вместо всей козацкой массы допустить к службе только избранных лиц, которые составляли бы особые «компаніи» и получали жалованье, а прочие козаки оставались бы при своих домах и, следовательно, были бы на положении простых крестьян.

Такой проект высказан был Петром уже в 1707 году, но вызвал сильное волнение в среде малороссийской старшины [1]. Все опасались такой новизны, все боялись за свою «матку-отчизну» и придумывали такие или иные средства, чтобы ее спасти. Но на что решатся запорожские и малороссийские патриоты, для сохранения своих вольностей и прав, покажут самые события ближайших лет.

Выгоды, полученные русским царем от войны с Турцией, были слишком ничтожны: царь получил Азов и Таганрог, но зато обязался не заселять устьев Днепра. Овладеть же Черным морем он никак не мог — для этого нужно было взять Крым, отвоевать у турок устье Днепра. К тому же берега Черного моря и устье Днепра отдалены были от России громадным пространством безлюдных и со всех сторон открытых степей. Поэтому царю нужно было на время оставить юг. Еще раньше похода на юг к Черному морю, Петр простирал свои взоры на запад к Балтийскому морю. Прибрежье Балтийского моря, так называемая Ливония, искони веков принадлежала России и только орден меченосцев отнял его у древней Руси, а потом всем Балтийским побережьем завладели поляки и шведы и чрез то заслонили для России свет от Западной Европы. Во время войны со шведами могли действовать оба излюбленные детища Петра,— молодая армия и новосозданный флот русский, т. е. там и морское и сухопутное войско могли приобрести отличную боевую школу. Став твердой ногой у Балтийского моря, царь мог открыть себе прямой путь в Западную Европу и воспользоваться всеми плодами ее высокой цивилизации. Самые обстоятельства вполне благоприятствовали планам царя Петра Алексеевича. В то время Швеции готовили войну Дания и Польша, и Петр, рассчитывавший отнять берега Балтийского моря у шведов, мог найти себе союзников в лице двух королей, датского Христиана V и польского Августа II саксонца, возведенного королем, благодаря, главным образом, России.

Со времени Густава Адольфа, т. е. со времени тридцатилетней войны, могущество Швеции выросло до того, что она сделалась первой державой в Северной Европе. От России, по Столбовскому договору, она получила Ингрию и Карелию, от Польши — Ливонию, у датчан же она оспаривала Шлезвиг-Голштинию, по Вестфальскому договору приобрела Померанию. В половине XVII века весь бассейн Балтийского моря очутился в ее руках. Но чтобы

утвердить эти приобретения, Швеции нужно было быть наготове и держать сильное войско, так как ограбленные соседние державы искали случая воротить потерю и приемники Густава Адольфа провели свое правление в войнах. В них вырос воинственный дух Швеции и образовалась армия, первая по образцовому устройству в Европе; усилилась королевская власть в противовес аристократии. Особенно со времени Карла XI ко евская власть получила сильное развитие, потому что правительство Швеции решило отнять у шведских дворян захваченные казенные земли и обратить их в пользу государства. Мера эта, известная под именем редукции земель, возбудила сильное неудовольствие со стороны дворянского сословия и, когда ее распространили на Ливонию, то там обнаружилось сильное волнение. Во время такого волнения явился к польскому королю изгнанный из Швеции лифляндский дворянин Иоган Рейнгольд Паткуль, составивший себе план образовать союз северных держав против Швеции. Время для приведения в исполнение такого плана казалось Паткулю вполне благоприятным, так как в Швеции царствовал семнадцатилетний король Карл XII, от которого никто не ожидал отпора.

Итак, усилиями Паткуля, в особенности же в силу различных политических интересов, составился союз Польши, Дании и России против Швеции и этим союзом положено было начать враждебные действия в трех пунктах: Польша должна была напасть на Ливонию, Дания — на Шлезвиг-Голштинию, Россия — на Ингрию. Война эта, продолжавшаяся 20 лет, началась на севере одновременно с другой войной, не менее важной для Европы, а именно борьбой Франции с коалицией из Испании, Англии, Голландии и Германии за так называемое испанское наследство, и эти две войны шли параллельно, постоянно перепутываясь боковыми ветвями [2].

Вступая в борьбу с такой сильной державой, какой было в то время шведское королевство, русский царь стянул все свои боевые силы из великороссийских войск на север. Вместе с великороссиянами должны были действовать и малороссийские козаки, а заодно с малороссийскими козаками и запорожцы.

Главным местом похода для малороссийских полков и для запорожцев указана была Ливония. Запорожцы предварительно обратились к гетману Мазепе с просьбой о высылке им на войско царского жалованья, которое и было выслано на имя кошевого атамана Герасима Крысы через стольника Кругликова [3].

Военные действия открыл польский король в 1700 году в Ливонии. Гетман Мазепа по царскому указу послал отряд козаков в 12 000 человек под начальством собственного племянника нежинского полковника Обидовского с полковниками Искрой и Мокиевским. Обидовский прибыл сперва во Псков, а оттуда поднялся до города Нарвы; но пока он прибыл к Нарве, там уже произошло ноября 19 дня поражение русских шведами [4]. Тогда Обидовский отступил

назад во Псков; но здесь в феврале месяце 1701 года он скончался.

Запорожские козаки вышли в северный поход отдельно от малороссийских; подвигались, по донесению Мазепы царю Петру Алексеевичу, так медленно и так лениво, что едва к маслянице пришли на Смоленский рубеж, причем будто бы во время похода запорожцы причинили столько бед и грабежей жителям великороссийских и малороссийских сел и городов, что всего того и пересказать нельзя. Через все это гетман Мазепа крайне был недоволен на запорожцев и просил государя отдать приказ поставить их во время сражения так, чтобы они вполне искупили свои вины [5]. Сколько правды в этом показании — решить трудно. Во всяком случае нужно думать, что запорожцы неохотно шли с родного юга на далекий и суровый сев̀р, где не могли добиться ни жалованья из царской казны, ни пропитания от местных обывателей, вследствие чего должны были во многих местах силой добывать себе пропитание.

В половине февраля 1701 года в местечке Биржах произошло свидание между царем Петром Алексеевичем и королем Августом II и во время этого свидания состоялся формальный договор между союзниками против шведского короля. В случае счастливого исхода войны Петр возьмет себе Ингрию и Карелию, Август II — Остзейский край. Зато Петр обещает Августу прислать вспомогательное войско в 15 000 человек, доставить продовольствие для войск и уплатить 100 000 рублей. На совещании, при короле были знатные польские паны, которые потребовали сверх того от царя возвращения Польше городов — Терехтемирова, Стаек, Триполья, дозволения вновь заселить город Чигирин и присоединения к Речи Посполитой некоторых сел Стародубовского полка. Но Петр нашел нужным по поводу последнего требования снестись с гетманом Мазепой и для того отправил к нему дьяка Бориса Михайлова. Спрошенный по этому поводу гетман дал царю ответ, что на такое требование соглашаться отнюдь нельзя: тогда жители Левобережной Украйны перейдут в Правобережную, да и запорожцы будут склонны к правой стороне и гетмана будут слушаться только в самых крайних случаях [6]. Объясняясь с гетманом Мазепой, дьяк Михайлов между прочим объявил ему о запорожских козаках то, что бывшие из них в лифляндском походе разорили на возвратном пути несколько великороссийских сел и деревень и умертвили многих крестьян и хотя за то должны были бы понести жестокую казнь, но милостивый государь простил их с условием впредь не делать таких злодейственных дел [7].

Вскоре после этого гетман Мазепа по приказу государя отправил в Лифляндию новый отряд козаков под начальством гадячского полковника Михайла Боруховича, при котором кроме собственного полка было 2000 запорожцев. Борухович находился под командой

князя Репнина и вместе с ним был под Ригой, а потом отступил через Друю и Опочну к Пскову, где Репнин соединился с генерал-фельдмаршалом Борисом Шереметевым [8].

О поведении запорожцев во время Северной войны находим также указания в малороссийской летописи Самовидца. Запорожцы, вследствие нанесения «кривдъ» московским людям и вследствие дороговизны их содержания, отпущены были из-под Пскова в Сичу. Когда они шли литовским краем к Полоцку, то их затянул на службу к литовскому гетману Казимиру Сапеге гетманский слуга Юргевич против «списковыхъ» козаков, которые под руководством воеводы витебского Потея, разорили имения Сапеги, пограбили монастырь Кутенский и вырубили местечки Дубровную и Гайшин. Соединившись с Юргевичем, запорожцы первее всего имели стычку с «списковыми» козаками под Могилевом и прогнали их оттуда. Тогда «списковые» козаки, руководимые князем Огинским, Стеткевичем и другими панами, расположились в Головчине с намерением дать в нем битву Юргевичу и запорожцам. Но запорожцы, предупредив «списковыхъ» козаков, разбили их на рассвете, положили многих из них на месте, самый Головчин разграбили и ни во что обратили. Из-под Головчина запорожцы, несмотря на то что Юргевич очень щедро платил им, ушли на Украйну и только немногие из них остались под Могилевом, где принимали участие в битвах и причинили там большие шкоды [9].

Вражда запорожских козаков против «московскихъ» людей во время похода на север объясняется тем настроением, в каком находилось в то время все запорожское войско. Запорожское войско не переставало негодовать на Москву за постройку на реке Самаре давней русской крепости Новобогородицкого городка и за сооружение новой крепости в Каменном Затоне и уже давно искало случая, чтобы выказать свое неудовольствие гетману и царю за притеснение исконных вольностей своих. И такой случай представила им Северная война. Русский царь выступил на боробу с сильнейшим в то время королем и уже потерпел жестокое поражение под Нарвой. Скоро после этого разнесся слух о том, что турки заключили мир с Венецией и готовились к войне с Москвой; царь был в сильной тревоге и писал по этому поводу наставление Федору Апраксину из Москвы, как оберегать Азов и Таганрог [10]. Одного с турками желал, разумеется, и крымский хан. Понимая всю серьезность положения дел для России, запорожцы приняли иной в отношении гетмана тон. Прежде всего они обратились к нему с претензией на так называемых селитренных людей. Селитренные люди, жившие возле Самары-реки, обязались платой запорожскому войску по 100 золотых с котла, но потом послали заявление в Кош, что они обязательства своего не желают исполнять. Гетман принял сторону селитренных людей и в свою очередь обжаловал запорожских козаков перед царем. «Запорожцы,— писал он царю,— кромѣ

того, что берутъ по 100 золотыхъ съ котла, притѣсняютъ еще селитренниковъ всячески: и деньги, и напитки и харчи берутъ съ селитренныхъ майдановъ безпрестанно, почему селитра дешево продаваться не можетъ. Запорожцы упорно называютъ рѣку Самарь отъ устья до верха, и лѣса по ея берегамъ растущіе и дальніе буераки лѣсовые, и могилы, изъ которыхъ дѣлается селитра,— своими; они грозили майданы селитренные разорить, селитренниковъ съ работниками отогнать, и не только на селитренное дѣло, но ни на какую потребу лѣсовъ самарскихъ никому не давать, какъ паствы скотинѣ тамъ не даютъ. И если при рѣкѣ Самарѣ селитры не дѣлать, то нигдѣ болѣе нѣтъ способныхъ мѣстъ» [11].

Кроме того до гетмана дошли и другие вести относительно запорожских козаков: он узнал, что они вошли в сношение с крымским ханом, приготовили четыре пушки, выбрали из своей среды четырех полковников и решили в числе 3000 человек идти на помощь хану, призывавшему их против ногайской орды. Гетман поспешил осведомиться об этом у самого кошевого атамана и получил от него такого рода ответ: «Трудно было намъ посылать въ Москву и дожидаться монаршеского указа или докладывать вашей вельможности, потому что ханъ позвалъ насъ вдругъ, уже вышедши въ поле; онъ обѣщалъ намъ своихъ коней и уступку всей добычи. Дѣло не сдѣлалось по непостоянству зимы; нѣкоторые изъ нашихъ хотели идти на ханскій призывъ, но всѣмъ Кошемъ мы не поднимались и не на православныхъ какихъ хотѣли идти. Здѣсь исконная вольность: кто куда хочетъ, пойдетъ, и гдѣ хочетъ, добычу беретъ, удерживать войско отъ корыстей невозможно. Да и о томъ докладываемъ, что теперь низовое войско часъ отъ часу стѣсняется людьми городовыми, звѣря и рыбы козакамъ добывать негдѣ, а монаршескимъ жалованьемъ цѣлый годъ прожить нельзя, и потому поневолѣ принуждено наше товариство идти въ помощь хану на орду ногайскую. Намъ кажется, что на это гнѣваться на насъ не слѣдовало, напротивъ, надобно было радоваться, что бусурманы, бранясь между собой, насъ призываютъ. Мы о томъ промышляемъ, чтобы они не только низовое, но и городовое войско призывали себѣ на пагубу» [12].

Считая себя полными хозяевами в пределах собственных вольностей, запорожцы в это же время допустили у себя погром проезжих купцов и находили для того полное оправдание себе. Так поступили они июня 1 дня с цареградскими торговыми греками Григорием Дмитриевым и их пятью товарищами, подданными турецкими. Эти купцы, везшие с собой драгоценные камни, жемчуг и красный кумач, пришли из Царьграда морем в Очаков, из Очакова поднялись вверх по Днепру и по Бугу. От Буга, наняв подводы у каких-то рыболовов, купцы пошли сухопутьем на Чигирин и оттуда имели проехать в другие города для распродажи редких своих товаров. Но едва они успели дойти до реки Ингула, как на них

напала ватага запорожцев, малороссийских козаков и рыбных промышленников, предводимая атаманом Щербиной и асаулом Тонконогом, разграбила весь их караван, забрала все их гарары (тюки) с товарами и отвезла все добро в Сичу, где вся добыча частью была поделена между козаками, частью публично продана [13]. Потерпевшие купцы поспешили сперва занести жалобу силистрийскому сераскер-паше, а потом послали «ходатайственные письма» за себя от иерусалимского патриарха и от мултанского владетеля гетману Мазепе [14]. Силистрийский паша сообщил о том турецкому султану, и падишах с сильным неудовольствием потребовал удовлетворительного ответа по этому поводу у малороссийского гетмана Мазепы через того же силистрийского сераскера [15]. Независимо от жалобы гетману потерпевшие купцы послали жалобу с приложением росписи пограбленных вещей и русскому государю.

Тогда из Москвы июня 18 дня послана была в Сичь царская грамота на имя кошевого атамана Петра Сорочинского с толмачом посольского приказа Кириллом Македонским и с нежинским полковым обозным Федором Кандыбой для розыска об учиненном запорожцами розбое над проезжавшими цареградскими купцами. По той грамоте велено было разыскать воров и разбойников и учинить им «жестокую казнь по указу великаго государя, по войсковымъ правамъ и по разсмотрѣнію гетмана», а пограбленные пожитки возвратить потерпевшим по росписи [16].

На такое предписание запорожцы ответили царю письмом августа 1 дня и в том письме оправдывали себя тем, «будто учинили они за то, что тѣ греки сами были въ томъ винны». Из взятых товаров они одну половину возвратили, а другую при себе удержали, назначив за нее денежную плату.

Когда же товары пришли в Переволочну, то оказалось, что их прислано было слишком мало, а цены за удержанные в Сичи поставлены были слишком низкие. В это время к гетману Мазепе прибыл от силистрийского паши посланный Ибрагим-ага, который ни за что не хотел выезжать из Батурина до тех пор, пока не получит полного удовлетворения за пограбленные товары [17].

После этого в Москве открыто был поставлен вопрос, как поступить с запорожцами, чтобы их укротить. По этому поводу вместо царя, находившегося в то время в походе против шведов, обратился с запросом к гетману Мазепе граф Федор Головин. Но гетман и сам не знал, как ему поступить с запорожцами: «Имѣешь ваша вельможность, самъ высокій разумъ, которымъ великія монаршескія исправляешь дѣла: такъ можешь свободно безъ моего совѣта то разсудить, какого запорожцы наказанія годны. Я бы давно имъ притеръ носы и унялъ ихъ отъ сумасброднаго своевольства, и за нынѣшній проступокъ умѣлъ бы покарать, если-бъ не боялся привести ихъ въ послѣднее отчаяніе и отогнать отъ милости монаршеской. Издавна не разъ бывало, что они, усмотря съ этой стороны

какое-нибудь неудовольствіе, ставили кого-нибудь наказнымъ гетманомъ и уходили въ сосѣднія области, ища заступленія, что́ и теперь сдѣлать имъ нетрудно».

Такой ответ не мог удовлетворить Головина и он предлагал гетману решительно поступить в отношении главных зачинщиков сделанного грабежа: зазвать главнейших из них в Батурин, там их внезапно схватить и отправить в Москву.

Но такого действия гетман никак не мог допустить: «Старинная пословица говоритъ: мужикъ черенъ какъ ворона, а хитеръ какъ чертъ; я уже говорилъ съ запорожцами, которые ѣхали въ Москву за жалованьемъ, пыталъ (допрашивалъ) ихъ о разбоѣ надъ греками, представлялъ, что это дѣло не можетъ успокоиться, пока не выдадутъ заводчиковъ; но у нихъ одинъ отвѣтъ: у насъ нѣтъ никакихъ заводчиковъ, мы всѣ это сдѣлали, все войско запорожское низовое на то позволило. Есть у нихъ писарь Зеленицкій, воръ и давній измѣнникъ, который былъ первымъ совѣтникомъ Петрику, и вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ ушелъ, навелъ на Украйну татаръ и запорожцевъ; разбитый подъ Царичанской, бѣжалъ въ Запорожье и до сего времени тамъ живетъ, оставя въ Полтавѣ отца, мать и жену. Говорятъ о немъ, что онъ великую силу имѣетъ между запорожцами: въ радѣ молчитъ, а по куренямъ тайно что хочетъ, то и дѣлаетъ. Если-бъ далъ Богъ прибрать его къ рукамъ, то тайны запорожскія открылись-бы, ибо нестаточное дѣло, чтобъ запорожцы поступали такъ дерзко, не будучи обнадежены либо отъ хана, либо отъ поляковъ».

Нерешительность гетмана в отношении запорожских козаков вызвала большое неудовольствие со стороны Головина, и Мазепа тотчас поспешил оправдаться перед ним. «Богъ свидѣтель, что я сдѣлалъ так только для того, чтобъ не подать на себя большого подозрѣнія, будто я дѣйствую изъ приватной моей къ запорожцамъ какой-нибудь злости, а не для общаго добра и вѣрной службы, потому что и первое мое донесеніе о грабительствѣ запорожцевъ, шедшихъ во Псковъ на службу, ни во что вмѣнено, а они, возвратясь, своими песьими губами лаютъ: гетманъ хотѣлъ запровадить насъ въ Сибирь или въ Архангельскъ въ вѣчную неволю, привелъ на то государя, чтобъ намъ ни суконъ, ни обѣщанныхъ по пяти рублей на человѣка за наши работы не дали, хотя тѣ деньги и сукна были уже и во Псковъ доставлены. Хотя я ихъ собачьихъ голосовъ не боюсь, однако терпѣть отъ такихъ гультяевъ — вещь тяжелоносна» [18].

Гетман Мазепа далек был от того, чтобы указать на средства, как наказать запорожцев,— в этом случае он остерегался именно того, чтобы через Запорожье на него не поднялась Украйна.

А запорожцы по-прежнему нисколько не унимались от враждебных действий против гетмана Мазепы и поселенных им на реке Самаре промышленных людей: в октябре месяце 1701 года они, не

получая пошлины от селитренных людей, разорили их заводы и запретили размежевку посамарской земли.

Иначе отнеслись к запорожцам в самой Москве. Не подчиняясь гетману и отказывая в выдаче зачинщиков погрома цареградских купцов, запорожцы тем не менее имели неосторожность отправить свою депутацию за получением царского жалованья в Москву. Но едва прибыли в столицу запорожские посланцы Герасим Крыса и его товарищи, как их немедленно посадили в тюрьму и стали допрашивать, были ли они свидетелями погрома селитренников и цареградских купцов. На такой вопрос запорожские посланцы отвечали, что свидетелями разгрома купцов они не были, но войско сделало то с общего согласия, потому что проезжавшие через запорожские степи купцы пренебрегли порядками, установленными войском низовых козаков, не захотели взять запорожской пограничной паланки проводников, как требовал того обычай войсковой, и тем отказались платить пошлину на Кош. Что до селитренников, то Герасим Крыса и его товарищи ответили, что свидетелями их разорения они не могли быть, а только слыхали о том в пути и находят, что товарищество поступило с ними по всем правам, так как оно считало и считает земли по реке Самаре за полную собственность свою и потому не позволит мужикам ею завладеть. За такой смелый ответ некоторые из запорожских депутатов были удалены из Москвы и разосланы по великороссийским городам [19].

После этого февраля 19 дня царь Петр Алексеевич послал из Москвы в Сичь новую грамоту на имя кошевого атамана Петра Сорочинского с приказанием без всяких отговорок возвратить все сполна товары, награбленные у проезжих купцов; в противном случае царь грозил подвергнуть «безъ пощады» смертной казни запорожских посланцев Герасима Крысу и его товарищей и впредь прекратить выдачу жалованья всему войску запорожских козаков [20].

Когда царская грамота доставлена была в Сичу и прочитана на раде, то козаки закричали своему кошевому, чтобы он сам отвечал за все убытки, причиненные грекам, потому что он был и настоящим виновником всего дела и советником дележа товара по куреням, тогда как сами козаки советовали кошевому спрятать все забранное добро в общую войсковую скарбницу до времени. После такого приговора кошевой Петро Сорочинский сложил с себя атаманский уряд и уступил булаву новому кошевому атаману.

Таким оказался козак Платнеровского куреня Константин Гордиенко, вскоре потом приобревший большую известность как у запорожских, так и у малороссийских козаков. Гордиенко, иначе называемый Гординским или Головком [21], по козацкому прозвищу Кротом [22], был самым выдающимся из всех кошевых атаманов конца XVII века и первой четверти XVIII. Родом он был из теперешней Полтавской губернии, в молодости учился в Киевской духовной

академии, из «городовъ» как-то попал в Запорожье, там записался в Платнеровский курень и потом выбран был кошевым атаманом низовых козаков. По своим качествам это был человек храбрый, решительный, смелый: по своим убеждениям это был горячий патриот и фанатический ненавистник Москвы. Как кошевой Сирко, Гордиенко хотел видеть свое Запорожье независимым в политическом отношении от Москвы и в этом духе действовал. Не обладая, однако, ни дальновидностью, ни изворотливостью, ни военным гением Сирка, Гордиенко в меньшей степени мог рассчитывать на успех своего дела, чем Сирко. Если Сирко, умевший до некоторой степени ужиться независимым между Турцией и Крымом, с одной стороны, Россией и Польшей — с другой, если этот бессмертный кошевой, пользовавшийся всесветной славой непобедимого героя, сошел в могилу, не сделавши независимым своего Запорожья, то Гордиенко мог только ввести в заблуждение низовое товарищество и вызвать гнев со стороны русского царя.

Между тем царь Петр Алексеевич, испробовав грозные меры в отношении запорожцев, прибегнул к мерам противоположным. Так, когда была одержана первая победа русских над шведами при деревне Эрестфере и когда вслед за тем гетман Мазепа явился в Москву с тем, чтобы принести поздравление со счастливой викторией, то он получил там большие дары для себя лично и вывез подарок для запорожского войска — 1000 червонцев, несколько штук сукон, несколько соболей и дорогих материй [23].

Но на запорожцев, по-видимому, даже и эти дары мало подействовали. В начале 1702 года вернулись из ливонского похода в малороссийские города гетманские полки и объявили там во всеуслышание, как зло и презрительно обращались с ними великороссийские войска, как они отнимали у них взятую на войне добычу, били, топили в воде. Это обращение так подействовало на малороссиян, что некоторые из малороссийского поспольства даже стали переходить на сторону шведских войск [24].

Таково же точно было обращение москалей и в отношении запорожских козаков. Тогда большая часть запорожцев вернулась в Сичь; некоторые же остались в Польше. В то время в Польше образовались две политические партии, из коих одна стояла за Августа II, выбранного главным образом под влиянием русского царя; другая держалась Станислава Лещинского, поставленного в Польше Карлом XII, шведским королем. Во главе последней партии стояли знатные паны Сапеги. Запорожцы пристали к сапежинцам.

Января 9 дня 1702 года царь послал увещательную грамоту к малороссийским и запорожским старшинам и в этой грамоте писал, что запорожцы «со своими полководцами» верно и радетельно служили государю под Печерами и под Ригой в борьбе со шведскими войсками и получили царский указ с дозволением вернуться

на родину. Возвращаясь домой, они, однако, «презрѣвъ ту свою службу и радѣніе и государскую къ себѣ милость, отъ региментаревъ своихъ отлучились и въ домы свои не пошли, а пристали къ другой сторонѣ, невѣдомо для чего». Государь увещевал всех атаманов, козаков и все поспольство, чтобы они, припомня Бога и крестное свое целование, возвратились по-прежнему в свои дома, за что, а равно и за службу, и военные труды их дано будет щедрое жалованье; в противном случае, те, которые домой не возвратятся, будут лишены царской милости, получат смертную казнь и навлекут на себя проклятие от потомства [25].

Несмотря на такую грамоту, запорожцы все-таки остались в числе нескольких отрядов в Польше при сапежинцах и принимали участие в деле под литовским городом Быховым при осаде и взятии его мозырским старостой Михайлом Халецким. В то время к Быхову двинулись поляки, сторонники Августа II в числе 6000 человек и посланные от гетмана Мазепы 12 000 малороссийских козаков под начальством стародубовского полковника Михаила Миклашевского. Осажденных сапежинцев было 4000 человек разного сброда 1500 и 150 запорожских козаков. Октября 12 дня 1702 года, осажденные сдались на волю победителей и в числе их находились запорожские козаки, которые были приведены в город Батурин. Гетман Мазепа хотел всех приведенных запорожцев казнить смертью, и только бывшие под Быховым малороссийские полковники упросили его не делать того, потому что они дали всем сдавшимся клятву сохранить им жизнь [26].

Но были тут и такие козаки, которые не хотели принимать никакого участия в военных действиях и занимались грабежом и разорением соседних деревень. Они не слушались старосты Михайла Халецкого, напрасно раздававшего им деньги для удержания в повиновении, и своего предводителя войскового товарища Тимофея Радича, старавшегося водворить между ними порядок и спокойствие. Разгневанный царь приказал гетману Мазепе судить их за преступления по войсковым правам, и тогда главные руководители были казнены, а остальные числом 1000 человек [27], немедленно смирились и в начале следующего 1703 года отправлены были гетманом в город Смоленск с тем, «чтоб они никогда не возвращались в малороссийские города для смущения добрых людей» [28].

Все эти строгости еще больше разжигали страсти запорожцев и вызывали у них враждебные чувства прежде всего против гетмана, а надежда на поддержку со стороны Крыма заставляла не повиноваться ни царским указам, ни гетманским универсалам.

Но в это время из Крыма в Сичь пришли недобрые вести: крымский хан, к которому запорожцы обращались за помощью, отказал им в этом, потому что он был в миру с московским царем. Сам хан в этом случае подчинялся турецкому султану. К султану

же незадолго перед тем отправлен был царем великий посол князь Дмитрий Михайлович Голицын для ратификации трактата, заключенного между Турцией и Россией. Удостоенный аудиенции у падишаха, он успел мирно настроить султана в отношении России. Тогда запорожцы, «придя въ чувство», отправили челобитную царю, в которой писали, что турецкие купцы сами были виноваты в своей беде: они не захотели платить войску пошлины и поехали не через Сичь, а степью; запорожцы же хотели преградить им неправильный путь, но встретили вооруженное сопротивление со стороны купцов, призвали к себе на помощь своих товарищей рыболовных промышленников, находившихся возле Буга-реки, и «большимъ собраніемъ» заворотили купцов в Сичь. В Сичи товарищество поделило по куреням только красные кумачи, а камни, жемчуг и деньги возвратило купцам, в заключение челобитной запорожцы просили царя помиловать их, переменить гнев на милость и возвратить низовых посланцев в Сичь [29].

Марта 3 дня отправлено было из Москвы в Батурин на имя гетмана Мазепы подъячим Павловым царское жалованье, состоявшее из денег, бархата, сукон и соболей, для запорожских козаков [30]. Гетман удержал у себя часть этого жалованья для передачи потерпевшим от запорожцев купцам. Предложено было силистрийскому паше получить несколько штук сукон, бархата, атласа и соболей, всего на сумму около 10 000 левов; но паша нашел это слишком недостаточным вознаграждением и тогда Мазепа прибавил к 10 000 еще 400 рублей из запорожских денег, собранных в Переволочне за перевоз: когда же паша нашел и эту сумму небольшой, то гетман еще собственных 640 рублей приложил к ней и только тогда успокоил пашу [31].

Апреля 17 дня Иван Мазепа доносил царю Петру Алексеевичу о том, что легкомысленные и своевольные запорожцы, собравшись большими «купами» в Кодаке около Самарских городков и в городах малороссийских гетманского регимента, чинят похвальбы, обещаются вместо 80 человек, посланных из Сичи и задержанных в Москве, взять 800 человек, нисколько не заботятся о том, что к ним не пропускают хлебных запасов и надеются получить их иным способом: «Оные запорожцы недобрымъ духомъ дышатъ и съ недобрымъ намѣреніемъ такъ великими купами собираются. Стоя на разныхъ мѣстахъ, они многихъ малороссійскихъ городовъ жителей, возвращающихся снизу въ свои домы и отбываючихъ отъ мирового повѣтрія, обходячихъ Каменный-Затонъ степою (степью), спостигши, бьютъ и грабятъ и къ конечной нищетѣ приводятъ; также въ пасѣкахъ и въ рѣкахъ полевыхъ, кого ни есть, найдутъ, то такое-же исполняютъ разбойство и грабежъ, ради которыхъ жителямъ малороссійскихъ украинныхъ городовъ ни до пасѣкъ своихъ и на иныя мѣста за промыслами господарскими отнюдь проѣхати невозможно». По всему этому гетман Мазепа просил государя

дать ему «милостивый наставительный указъ» как ему поступить со своевольными запорожцами, т. е. разорять ли их, когда они приблизятся к малороссийским городам, или же другие какие-либо меры против них взять, а на всякий случай пока придет царский указ, гетман велел собраться конным и пехотным сердюцким полкам и идти на реку Орель [32].

Что происходило в это время в Сичи и каково было подлинное настроение запорожского войска, об этом пространно донесли Мазепе его приспешники, «нижайшій подножокъ» товарищ Роговского куреня Василь Зеленый и «наставникъ» последнего «в добромъ дѣлѣ» отец Антонин Мокиевский. Василий Зеленый состоял сперва писарем запорожского войска, но потом, вследствие разразившегося морового поветрия, ушел в дикие поля на Ингулец и там скрывался всю осень и все лето. Узнав, что моровая «пляга» наконец со дня пророка Ильи «прочь уступила», Зеленый вернулся в Сичу и там увиделся с давним своим наставником отцом Антонином Мокиевским и после совета с ним написал лист гетману Мазепе о происшествиях последних дней в Запорожской Сичи. Первее всего, писал Зеленый, запорожцы сносятся с крымским панством и заводят с ним такое же «братерство», какое было во время небожчика (покойного) Хмельницкого. Другое — запорожцы всецело и «вседушевно» хотят Москву воевати. Для того, чтобы войти в непосредственные отношения с Крымом, запорожцы отправили до Перекопа своих посланцев. Из Перекопа посланцы отправлены были с татарскими провожатыми до Бахчисарая, но в Бахчисарай не попали, а пришли в Карачев [33] город, где находился в то время хан со своим войском. Хан и татары, принявши лист от запорожских посланцев, прочитали его и призвали к себе одного старого татарина и старого же очень опытного запорожского посланца Супруна Стеблиевского (т. е. приписанного к кореню Стеблиевскому), «добре» знавших войну и постановления Хмельницкого. Эти старцы долго говорили публично в присутствии хана о давних войнах и потом были отпущены по «госпóдахъ» (т. е. по домам). Отпустив старцев, хан и его приближенные приступили сами к совещанию. Во время этого совещания хан решительно отказался от предлагаемой войны; зато все «панове» высказались за участие в войне. Споря об этом в течение нескольких дней, приближенные хана дошли до того, что хотели «сложить» его с ханства и только после того хан дал свое согласие. Тогда ханские «панове» послали донесение о своем намерении турецкому султану и просили у него позволение о выходе им на войну. После отправки депутатов к султану, татары вновь вернулись к предложению запорожцев и решили в предстоящую зиму идти войной до самой Москвы, для чего предложили запорожским посланцам вопрос, спрашивали запорожских посланцев, будет ли ревностно помогать Крыму низовое войско. Посланцы отвечали, что войско будет во всем согласно с татарами, потому что оно недоволь-

но на москаля, который строит город в Каменном Затоне. А будет ли татарам помогать заднепровский гетман воевать Москву? — спросили татары. Посланцы на такой запрос ответили, что они того не знают. Но на что же они надеются? Надеются «на охотника». А полк Полтавский пойдет ли против немцев? Полк Полтавский не пойдет против немцев,— он будет дома. «Добре,—рекли татаре,— коли не пойдетъ, то все ваше товариство цѣло будетъ; только, чтобы вы додержали слово и не довели насъ до стыда, какъ съ Петрикомъ и съ иными, Суховѣемъ и Ханенкомъ. Впрочемъ, хоть вы всѣ пойдете, хоть не пойдете, только-бы ваши знаки войсковые сѣчевые были съ нами, а мы и сами пойдемъ, хоть и до самой столицы (т. е. Москвы); только мы отъ васъ того желаемъ, чтобы отъ сего времени больше съ Москвой ни листами не засылались, не жили съ ними зичливе, но съ нами оставались въ пріязни и доносили намъ отъ себя всякія вѣдомости, а какая къ нам изъ Царяграда отъ монарха турскаго будетъ вѣдомость, то вскорѣ и вамъ и намъ извѣстно будетъ, и вы во всемъ будьте покойны».

Возвращая запорожских посланцев из Крыма, хан и его панове отправили с ними одного незначного, но только старого человека, татарина сам-треть. Так как в то время настоящий войсковой писарь, заразившийся перед тем поветрием, еще не выздоровел от болезни, то вместо него кошевой атаман обратился с просьбой к Зеленому дать присланному татарину ответный лист до хана и всего крымского панства. Зеленый воспользовался таким приглашением, разузнал о результатах посольства запорожцев в Крым и в то же время исполнил просьбу кошевого. Первее всего запорожцы благодарили хана за присланные им листы и за его внимание ко всему войску. Затем просили его, как можно скорей, уведомить войско в случае получения какого-либо известия от турецкого султана. Далее «всесердечно, якъ старшій товарищъ, такъ и меньшій», просили хана к себе на соединение с ордами с тем, чтобы побить Москву в Каменном Затоне, и оттуда идти далее; обещали с москалями не сноситься и всячески вредить им. Запорожцы не похваляли порады татар за то только, что они откладывают войну на зиму, когда реки станут; лучше было бы тому неприятелю, москалю, теперь же запретить строить вблизи Крыма города и поселяться в них, потому что коли Москва усилится там всякими войсковыми приборами, людьми умножится, то трудно будет выкоренить ее оттуда; теперь же было бы удобно с ней сделать, что угодно.

Написанный лист кошевой атаман взял к себе и сам наедине вычитал его, желая доподлинно убедиться, все ли пункты в нем прописаны, о которых он приказывал. После этого кошевой, не собирая войсковой рады, а только «атаманскую пораду», тихо отпустил из Сичи ханского посла, боясь, чтобы кто-нибудь из москалей Каменного Затона не услыхал о том, что запорожцы послали свой лист

к хану. После отъезда ханского посла из Сичи между запорожцами стали носиться «разные голоса». Одни говорили: «Если орда теперь-же не захочетъ соединиться съ нами и пойти Москвы воевати, а на насъ будетъ (чрез то) опалъ (т. е. гнев) монаршій, то мы отпишемся к Москвѣ до великаго государя, что мы того, войско, ничего не чинили и не знали, да все то панъ гетманъ намъ велѣлъ чинити такъ съ ордою, яко и съ Москвою; то его самого возьмутъ на Москву въ неволю, а мы какъ раньше, такъ и теперь будемъ находиться в ласкѣ и милости монаршей». Другие же так рассуждали: «Коли не будетъ послѣ сего на насъ ласки царской, то мы хочь вѣчно поддамося турецкому монарсѣ, а Москвѣ не дамося в неволю, бо они (москали), вже знаемъ, якъ людей мучатъ». Изображая все это гетману Мазепе, Василь Зеленый от себя осмеливался подать ему совет ради сердечной к его вельможности зичливости потешить чем-либо на этот раз запорожское низовое войско — или отвратить гнев монарший и вызволить из Москвы сичевое товарищество, или же прислать на Кош борошна и написать ласково до войска, но в таком духе, чтобы оно кошевого отставило от его уряда; тем более, что войско имеет быть на него недовольным: во-первых, он всем позбавлял добычи; во-вторых, произвел большую турбацию.

Письмо Василия Зеленого Мазепе, подкрепленное письмом Антонина Мокиевского, писано наполовину по-русски, наполовину по-латыни; в нем Зеленый выставляет себя горячим патриотом всей России, искренне преданным русскому монарху и малороссийскому гетману, но в то же время просит сжечь все посылаемые пункты, чтобы о том как-нибудь не дошло известие в Сичу и чтобы чрез то не погибли оба автора письма и самая святая обитель. «Тутъ всѣ того пилно стерегутъ и довѣдуются о такихъ дѣлахъ. Антона, товмача вашего, завернувши, держатъ въ вязеню крѣпкомъ, поки отъ васъ о немъ до войска письма не будетъ. А все то наигорше кошовый чинитъ своимъ упоромъ и поводомъ» [34].

Узнав о сношениях запорожцев с крымским ханом, гетман Мазепа отправил в Крым собственного гонца и через того гонца просил хана не нарушать мира с Москвой. Хан принял гетманского гонца с честью и обещал не разрывать мира с Москвой, о чем гетман поспешил сообщить графу Головину письмом в Москву и тут же занес жалобу на бегство в Запорожье многих людей из малороссийских городов [35].

Между тем ненависть запорожцев к москалям все более и более возрастала и перешла в открытую вражду. Так, осенью этого же года какая-то гулящая степная ватага напала на капитана Суховольского, везшего с солдатами для стрелецкого полка в Каменный Затон царскую казну, капитана и двух солдат убила, бывшего при них священника исколола и в терновник бросила, а царскую казну себе забрала. Другая подобная же ватага воровским способом «в великороссийских полках у Каменного Затона и у Новобогородицко-

го городка лошадей похватала и с собой угнала [36]. В это же время из Сичи отделилось 600 человек искателей приключений, которые ударились на вершину речки Волчьих Вод и сделали там нападение на промышленных людей, ездивших на свои пасеки и на рыбные ловли [37].

Главной причиной такого озлобления запорожских козаков против Москвы было построение нового русского городка в Каменном Затоне. Сентября 23 дня послана была на имя кошевого атамана Гордиенка царская грамота с приказанием не препятствовать русским людям ломки камня и обжигания извести на построение Каменнозатонского городка [38]. Грамота эта отправлена была сперва к гетману Мазепе и от него через козака Антона Гречаника доставлена в Сичь. В Сичи грамоту приняли, а гетманского посланца приковали железами к пушке и посадили под строгий караул, и хотя тот посланец впал в какую-то болезнь, но его днем отпускали со сторожами, а на ночь, крепко сковав, вновь к пушке сажали и никого к нему не допускали [39].

В это время, а именно октября 11 дня, как сообщал гетману переволочанский дозорца Безкровный, в Запорожскую Сичь приехали от крымского калги-салтана три старых татарина к кошевому атаману с просьбой позволить татарам воспользоваться запорожскими судами для переправы с левого берега Днепра на правый у Тавани, чтобы идти в турецкий город Белоград «для некоторого ихъ сейма». В Сичи собрана была по этому поводу войсковая рада и на ней прочтен лист калги-салтана. В той раде был козак Брюховецкого куреня Тимош, который, выслушав о чем шла речь, сказал кошевому и всему войску такое слово: «Пане атамане кошевой и все войско запорожское! Не доведется намъ на своихъ отцевъ, братьевъ и сестеръ руки свои подымати и на нихъ идти войною». Козаки, выслушав ту речь Тимоша, в тот день ему простили, найдя будто бы он был подвыпивши, но на другой день, выйдя и собравшись на новую раду, велели тому Тимошу «отбить» руки и ноги и в тот же час ему то все учинили, а потом на дровнях выволокли вон [40]. На новой раде козаки приговорили спустить к потребе татар в назначенное место суда и для помощи при перевозе через реку послать им несколько десятков человек сичевых козаков, а для извещения самого калги-салтана отправить двух человек, старого козака Трипутня да козака Роговского куреня Василия Белоцерковского, однако, желая показать себя чистыми в этом отношении перед гетманом Мазепой, запорожцы послали известие о действиях своих гетманскому дозорце Безкровному и вслед за ним самому гетману. Последнему они писали, что крымский салтан, идя из Крыма, прислал в Кош своего посланца Алмат-агу с просьбой, «дабы запорожцы не заборонили ему взять ихъ войсковыя, находящіяся на пристани въ Тавани суда, переправиться ему черезъ Днѣпръ со своимъ дворомъ». Запорожцы, по той просьбе, выбрали двух знатных товари-

щей, дали им свой лист и послали их к салтану на перевоз с той целью, чтобы взять «подлинное уведомление о замыслах татар», а также и с тем, чтобы «они не чинили никакой неправды запорожскому товариству в поле и в речках на обыкновенных добычах» козаков. Тех татар с салтаном шло до 2000 человек; а у Очакова переправилась через Днепр «великая сила» татар, но куда они идут и какое намерение имеют, запорожцы о том не знают ничего; когда же посланцы запорожские привезут какую-нибудь «отповѣдь» на войсковой лист, тогда запорожцы и гетману о том дадут знать. А теперь, пользуясь случаем, просят гетмана оказать свое «господское призрѣніе» на тех товарищей сичевых, которые уже больше года находятся в Москве и до сих пор не возвращаются на Кош: «Въ нашемъ проступствѣ [41] мы пребываемъ причиною всѣ, а не они одни и, виняся передъ вашею вельможностью, просимъ заступиться за насъ передъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ на Москвѣ и прощеніе имъ испросить» [42].

Но просьба запорожцев оставлена была без всякого внимания. Взамен того послана была в Сичь царская грамота с предписанием о том, чтобы козаки не препятствовали великороссийским людям брать в разных местах материалов, годных для построения крепости в Каменном Затоне.

Тогда запорожцы, собравшись на войсковую раду, написали лист уже самому царю и отправили его гетману Мазепе для пересылки в Москву. Содержание того листа было таково:

«Въ нынѣшнемъ 1702 году, октября въ 20 день, донесена къ намъ, войску запорожскому низовому, препочтенная вашего царского величества грамота отъ подданного обѣих сторонъ Днѣпра, гетмана и ставного чина святого апостола Андрея кавалера Ивана Степановича Мазепы, черезъ особаго его посланца. Отдавая честь высокоименитой грамотѣ и надѣясь (слышать) монаршее милостивое слово, мы велѣли читать вслухъ ее для уразумѣнія всякому. Но мы не нашли въ ней ни одного слова на наши проситель-ныя къ вамъ, великій государь, письма, съ которыми неоднократно обращались къ вашему царскому престолу объ отпускѣ нашего, посланного всѣмъ войскомъ, товарищества и о премилостивом отъ царственной руки годового жалованья. Напротивъ того, изъ написанной боярской вашей грамоты мы поняли, претерпѣвая уже второй годъ безъ перемѣны бѣдствія, мы не знаемъ, живы ли или нѣтъ наши товарищи, поѣхавшіе за монаршеской казной: въ присланной къ намъ грамотѣ ничего ваше царское величество не упоминаете о нашихъ товарищахъ, а только изволите приказывать намъ, войску запорожскому низовому, о строеніи города Каменного Затона, дабы мы людямъ, посланнымъ отъ генерала князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальскаго, не возбраняли брать на будущій 1703 годъ камня, извести, гдѣ они найдутъ ее годною на сженіе и на стѣнное строеніе. На это всѣ единогласно вашему царскому

величеству объявляемъ, что совершенно не хочемъ онаго города близъ насъ на Днѣпрѣ имѣть и камня брать на строеніе его не дозволимъ: еще города того и не построили, а мы уже терпимъ большія неправды и убытки въ вольностяхъ козацкихъ нашихъ, чего напередъ сего ни отъ кого не видали по даннымъ намъ древними монархами грамотамъ. Теперь же мы узнали объ особенно сильномъ стеснѣніи, которое терпитъ наше товариство, занимающееся добычей въ полѣ и выше Днѣпра на обыкновенныхъ мѣстахъ: оно не только не можетъ выплыть къ назначенному у запорожской Сичи мѣсту, но даже, вслѣдствіе разоренія московскаго, которое дѣлается изъ Каменного Затона, несетъ знатное убійство. Самъ генералъ, идя прошлымъ лѣтомъ около этого времени, въ Каменный Затонъ съ большой силой для строенія городовъ, отнялъ у насъ перевозъ въ Кодакѣ и поставилъ тамъ сторожу, гдѣ и теперь стоитъ 50 человѣкъ ратныхъ государскихъ людей. Въ самарскихъ же лѣсахъ и въ строеніи мельницъ немалое чинится разореніе отъ полтавскихъ полчанъ и отъ самарскихъ жителей. Такимъ образомъ, видя какъ наша козацкая вольность обращается въ неволю, мы всѣ единогласно не позволяемъ и возбраняемъ строить города въ Каменном Затонѣ. Всегда открыто становясь передъ очи бусурманъ, мы были во всемъ послушны вашему царскому величеству, во всякое время находились на своемъ посту, всегда доставляли вам всякія вѣсти, и теперь все это согласны дѣлать, но приказанія о построеніи города не будемъ слушать и противъ князя Мосальского или другого кого, кто въ предбудущій 1703 годъ явится въ Каменный Затонъ, изготовимся и станемъ къ военному бою со всѣмъ нашимъ всепоспольнымъ товариствомъ. Изложивъ всѣ наши обиды вашему царскому величеству, мы отдаемъ себя во власть великодержавной руки вашей. Вашего царского величества войска запорожского низового атаманъ кошевой Костянтинъ Гордѣенко со всемъ посполъствомъ. Изъ Сичи запорожской 23 октября 1703 года» [43].

Такую смелость относительно русского царя поддерживали в запорожцах крымские татары, которые имели постоянное сношение с Кошем и через своих посланцев обещали козакам деятельную помощь против Москвы, если только она не прекратит постройки своих городов на Днепре. Кроме татар поддержка запорожцам шла и от турок, так как силистрийский паша также недоволен был возведением русских крепостей на Днепре и усматривал в том нарушение мира со стороны России по отношению к Турции, о чем и заявил гетману Мазепе в своем к нему письме [44]. Оттоманская Порта вновь готова была разорвать с Россией мир, и по этому поводу русский резидент Петр Толстой, находившийся в Андрианополе, писал в Москву Федору Головину: «Татары съ великимъ шумомъ просили Порту о разрушеніи мирныхъ договоровъ и о дозволеніи всчать войну съ Россіей. О томъ были у меня съ турецкими министрами многіе разговоры» [45].

Для самого гетмана волнение запорожцев было опасно не само по себе, а по тем смутам, которые оно могло произвести в малороссийских городах: все недовольные гетманскими порядками в городах смело возвышали в то время свои голоса и уходили из городов в Сичь [46]. Этого-то именно и опасался гетман. Поэтому он отнесся в Москву с письмом и просил взять решительные меры для искоренения своевольства запорожских козаков.

Из Москвы для исследования дела на месте послан был в город Батурин скорый гонец Курбатов. Прибыв в Батурин и сделав там допрос, Курбатов узнал, что все жалобы гетмана на запорожских козаков действительно имеют свое основание, почему и обратился с вопросом к самому же гетману, как быть в отношении козаков. Гетман на такой вопрос отвечал, что прежде всего надо иметь в своем распоряжении два или три полка доброй пехоты на тот конец, когда запорожцы и крымские татары соединятся в одно; затем следует прислать в Батурин или в Севск задержанных в Москве запорожских посланцев и следуемую войску денежную казну; последняя должна быть отослана в Сичь только тогда, когда низовое войско покажет несомненные признаки покорности царю. Более решительные меры, как, например, изгнание запорожцев из пределов России или безусловное подчинение их русскому царю, по мнению гетмана, невозможны были вследствие следующих трех причин: во-первых, вследствие того, что если в Сичи сядет тысяч пять человек, то против них надо идти генеральной войной, чего ныне сделать нельзя, а белгородским отрядом их не прогнать; во-вторых, если приступить к ним с войсками, то им будет помощь от хана и крымских татар; в-третьих, если они, испугавшись большого войска, оставят Сичь, то пойдут во владения хана, поселятся в Кардашине внизу Днепра, к морю, или в Прогноях и пущее разорение будут чинить; да и иные к ним будут прибегать. А что турки хотят открыть с русскими войну, то это ясно из всего, потому что без их позволения хан не заключил бы союза с войском запорожских козаков.

Все эти доводы Курбатов принял в резон и с тем отъехал из Батурина в Москву.

Тогда в Москве решили отправить чрезвычайного посла в Сичь с царским жалованьем, с подарками и с государевой грамотой и через того посла привести запорожских козаков к присяге на верность русскому царю. Прежде всего отправлен был стольник Федор Протасьев, а за ним марта 21 дна выехал подъячий Андрей Павлов. Последнему велено было ехать сперва в Батурин и в Борзну, взять там у гетмана и у какого-то торгового москвитина 300 половинок шиптуховых сукон и с ними ехать в Сичь.

Выехав из Москвы, подъячий Андрей Павлов апреля 9 числа нашел гетмана в селе Ярославце в трех милях от Глухова и там пере-

дал ему «наказную память» свою. Гетман, приняв царскую грамоту, писанную лично к нему, и выслушав наказную речь подъячего, объявил, что в царской грамоте велено его, подъячего, вместе с кем-нибудь из гетманских людей отправить в Запорожскую Сичь; но это только в том случае, если царскому послу не будет никакого дурного умысла от запорожских козаков. Объявляя о том послу, гетман заметил сам от себя, что он не есть сердцеведец всему: сегодня запорожцы спокойны, а завтра замыслят что-нибудь злое. Однако повинуясь воле государя, назначил к подъячему своего батуринского сотника Ивана Скоропадского и обещал дать роспись для раздачи государева жалованья по куреням. В тот же день и в том же селе у гетмана Мазепы был обед; на том обеде был подъячий и были запорожцы, отпущенные из Москвы — полковники Герасим Крыса и Лукъян Ирклеевский [47] сидели в светлице с гетманом, а рядовые козаки на дворе в намете. После обеда гетман выходил к тем козакам, что сидели в намете, и делал им выговор с великим гневом за их непристойные поступки. Тогда рядовые козаки и полковники просили прощения у гетмана за разбой над греческими купцами, а относительно прочих поступков заявили, что они в них неповинны: если какие другие проступки и были за запорожскими козаками, то они, посланцы, того не знают, потому что все время сидели в Москве за караулом и теперь, по милости царского величества, отпущены на свободу, за что обещают как великому государю, так и гетману верно служить и непоколебимо радеть. Тогда гетман, снисходя к такому обещанию, объявил, что так как запорожские посланцы пожалованы от его царского величества жалованьем и свободой, то за то они, по приезде в свой Кош, должны быть во всем верны великому государю и послушны ему, гетману. Запорожцы снова подтвердили свой обет верности и тогда гетман ушел в светлицу, а глуховскому сотнику Алексею Туранскому приказал поить и кормить запорожцев в полную их волю. Апреля 12 дня запорожцы отпущены были гетманом из Ярославца и отправилась в дальнейший путь до Сичи. Сам подъячий, получив в Борзне сукна у москвитина, а у гетмана взяв в Батурине роспись жалованья и 8 пар соболей для роздачи их «желательным лицам», отправился из Батурина вместе с сотником Дмитрием Нестеренком, назначенным к подъячему от гетмана, на Конотоп и на Ромен. В Ромне к подъячему явился от гетмана батуринский сотник Яким Кныш и объявил, что гетман приказал ему вместе с подъячим ехать в Запорожье при жалованьи и отобрать у него 8 пар соболей. Приняв гетманского гонца, подъячий в выдаче ему соболей отказал, объявив, что отдаст их ему только при стольнике Протасьеве в Переволочне. Из Ромна подъячий Павлов проехал на Полтаву, а из Полтавы в Переволочну. В Переволочне он съехался со стольником Протасьевым и при нем возвратил соболи гетманскому посланцу Кнышу. Мая 1 дня из Переволочны подъячий вместе со стольником Протасьевым, генеральным

асаулом Иваном Скоропадским и сотником Якимом Кнышом отправился до Запорожской Сичи. Не доезжая самой Сичи, мая 4 числа стольник Протасьев отправил подъячего Хохлова, а генеральный асаул Скоропадский — сотника Кныша к кошевому атаману Гордиенку с известием о приезде его, царского стольника, с жалованьем и с грамотой от великого государя. Кошевой атаман того ж числа выслал навстречу стольнику Протасьеву и к генеральному асаулу Скоропадскому запорожского войскового асаула Ивана Гадяцкого. Иван Гадяцкий, встретив посланцев, спросил их от имени кошевого о здоровье и потом объявил им, чтобы они того же числа в Сичу не въезжали, а ночевали бы вблизи Сичи. Мая 5 числа войсковой асаул велел посланцам ехать вместе с ним в Сичь. И когда стольник Протасьев да генеральный асаул Скоропадский приблизились к Сичи, то кошевой с войском встретил их у Сирковой могилы и потом стольника и генерального асаула спрашивал о здоровье. После этого кошевой попросил стольника подать ему царскую грамоту, и когда стольник подал кошевому грамоту, то кошевой, взяв ее в руки, поцеловал приложенную к ней печать великого государя и потом вновь возвратил ее стольнику. Стольник вручил ту грамоту подъячему Хохлову и велел нести ее, «взяв» перед собой. А когда кошевой целовал царскую грамоту в печать, то в это время все войско стреляло из мелкого ружья. Потом, когда стольник, генеральный асаул и подъячие стали входить «в замок», то козаки стреляли из пушек. По приходе в замок все собрались в церковь и слушали молебное пение и божественную литургию. В тот же день кошевой учинил войсковую раду, на той раде велел быть и стольнику Протасьеву. Стольник, придя на раду, спрашивал по «наказу» здоровье сперва кошевого атамана, а потом всего поспольства от имени великого государя. И кошевой и все поспольство благодарили великого государя за такую милость. После этого стольник вручил кошевому царскую грамоту и ту грамоту прочитали всем козакам в раде. По прочтении первой грамоты кошевой спросил у стольника грамоту о присылке войску царского жалованья. Стольник Протасьев велел подъячему Павлову подать кошевому атаману просимую грамоту. Ту грамоту также прочли всему войску на раде. После этого стольник говорил войску речь, написанную «по наказу на здиркѣ». Тут многие из войска заявии, чтоб ту речь, написанную на «здиркѣ», прочел войсковой писарь всем вслух, и стольник тот «здирокъ» отдал кошевому, а кошевой передал его писарю и писарь прочел его всем вслух. Потом кошевой и все войско приказали прочесть роспись своим войсковым обидам, которые нанесли им князь Кольцов-Мосальский и воеводы самарский и каменнозатонский. По прочтении грамот великого государя, войсковых жалоб и по выслушании от стольника наказной речи, кошевой, старшина и все войско говорили, что они великому государю служили и впредь служить будут верно; измены никакой не

чинили, крымскому хану не присягали и в Крым только для проведывания вестей посылали; крестное же целование учинят по принятии царского жалованья, которое должно быть роздано в той же раде. И то жалованье, по указу и по росписи, стольник роздал кошевому, старшине и всему войску в той же раде. Атаману кошевому 2 сорока соболей да 4 пары добрых соболей, 4 портища сукна тонкого по пяти аршин портище, 2 портища атласу по 10 аршин, 2 камки луданные по восьми аршин и четыре вершка бархатных на шапки. Судье — «кошевому» (т. е. войсковому), писарю, асаулу по сороку соболей да по две пары добрых соболей, по два портища сукна тонкого, по пяти аршин портище по два портища атласу по 10 аршин портище, по два вершка бархатных на шапки. Атаманам куренным, 38 человекам, по две пары соболей. На все войско низовое 1000 червонных золотых, 300 половинок шиптухового сукна, 50 пудов пороху и 50 пудов свинцу. По принятии того жалованья кошевой атаман, старшина и куренные атаманы били челом великому государю за его милость, оказанную войску. Тогда стольник сказал кошевому, старшине и всему войску слово, увещая их, чтобы они, видя к себе прещедрую монаршескую милость, служили великому государю верно и целование на том крестное перед св. евангелием учинили. На то слово кошевой, старшина и куренные атаманы объявили, что они великому государю служить и всякого ему добра хотеть рады, но крестного целования в тот же день учинить не могут, потому что у них будет рада о том в течении всего дня, и что в той раде постановят, о том и стольнику объявят. Но в тот день у них рады не было. Мая в 6 день на праздник Вознесения стольник был в божественной литургии и тут говорил кошевому атаману: 5 числа у козаков рады не было и следовало бы им теперь 6 дня мая учинить ее перед св. евангелием, потому что день этот — торжественный, праздник Вознесения Господня. На то замечание кошевой стольнику ответил, что 5 числа у них рады в Сичи не было, а без рады войско присягать не будет, но рада соберется непременно 6 числа. Того же числа, часу в десятом дня, кошевой атаман прислал своего асаула Гадяцкого к стольнику Протасьеву, генеральному асаулу Скоропадскому и к подъячим и просил всех идти к нему в курень, где были собраны и все куренные атаманы «для разговору о дѣлехъ».

Когда стольник, генеральный асаул и подъячие пришли в курень кошевого, то кошевой, старшина и все куренные атаманы объявили, что войско присягать великому государю не желает, потому что вольности его войсковые «утруднены» на Днепре и на Самаре строением городов Самарою (т. е. Новобогородицкой крепостью) и Каменным Затоном. После этого приказали войсковому писарю читать грамоту государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, в которой изображено о наступлении царских ратей на юрты крымского хана, о строении Новобогородицкого города у реки Самары и о царском приказании запорожскому войску также

чинить над тем же неприятелем воинские промыслы. Потом, по прочтении царской грамоты, кошевой атаман, старшина и все куренные атаманы говорили о том, что им бъявили, будто тот самарский город построен на время для складки хлебных и воинских запасов, пока кончится война с крымским ханом; ныне у государя с турским султаном перемирие, крымский же хан в подданстве у султана, а вышеписанный город Новобогородицкий стоит по-прежнему, и кроме него строится еще город в Каменном Затоне; от тех же городов на Днепре и на Самаре немалая войску запорожскому в его вольностях трудность. А потому, когда те вышеписанные города будут снесены, то запорожцы немедленно свою присягу учинят великому государю. После того запорожцы приказали читать на свои вольности «привелеи» бывших королей польских. На такое заявление кошевого, старшины и куренных атаманов царский стольник ответил: чаял он, что его призвали для учинения присяги великому государю, а не для объявления о строении городов. Те города строятся по воле государя и для целости и охранения всей Малой России от неприятельских приходов; им же, запорожцам, в том никакой трудности нет и не будет; да и годится ли им в том строении монарху своему указывать и быть упорными; пусть бы запорожцы все «нововымышленныя противныя слова отложили» и великому государю присягу учинили, а милость царского величества никогда от них отъемлема не будет. Но это кошевой, старшина и все куренные атаманы объявили, что о той присяге они учинят раду всем войском; и потом стольника, генерального асаула и подъячих из куреня отпустили. Мая 7 дня кошевой атаман и все войско действительно раду учинили и на ней велели быть стольнику, асаулу и подъячим. Когда же стольник, асаул и подъячие пришли в войсковую раду, то кошевой атаман, старшина и иные знатные козаки, как например, бывший кошевой атаман Петро Сорочинский, заявили, что непременно нужно принести великому государю требуемую присягу. Но тут некоторые легкомысленные козаки выказали противность тому и присягать не захотели, упираясь на то, что когда город Каменный Затон снесен будет, то и присяга учинена будет. На то стольник и генеральный асаул возразили, для чего же их в таком случае обнадеживали не только на словах, но и в письмах, для чего их уверяли, что когда они придут с государевой казной и с казенщиками в Сичу, то тогда и учинена будет присяга, а ныне вымышляют «новую противность»? Если б они так не писали, то и посланные царского величества к ним бы не ездили. На то кошевой, судья и писарь в той же раде отвечали: писали они, кошевой и старшина, не своим одним советом, но советом и радой всего войска, ныне же отмена на присягу у войска учинилась через строение Каменного Затона, а не писали они стольнику и генеральному асаулу заранее о такой своей отмене потому, что они ожидали видеть у стольника и асаула царский указ о нестроении города в Каменном Затоне, как просило

о том войско государя. После этого кошевой и все войско разошлись по куреням и тем окончили всю раду. Мая 8 дня кошевой атаман и поспольство дали стольнику Протасьеву и подъячему Павлову листы к государю и отпустили их из Коша.

Мая 19 дня стольник и подъячий приехали в Батурин, а мая 21 дня из Батурина были отпущены в Москву [48].

По отъезде царских посланцев из Сичи, в Запорожье вновь заговорили страсти против гетманских и московских порядков и следствием этого было нападение со стороны козаков на проезжавших людей гетманского регимента и царской службы. Так, в это время ватага запорожских козаков, собравшаяся в числе 70 человек возле Буга и Днестра, напала в урочище Сухом Ягорлыке на гетманского посланца Зигуру Стилевича, родом грека, ехавшего по поручению гетмана из Батурина к силистрийскому паше Юсупу, и убила его до смерти [49].

Для того чтобы прекратить разбои запорожских гультяев, гетман Мазепа отправил за Днепр несколько человек компанейского войска, к которому фастовский полковник Семен Палий присоединил козаков собственного строя. Тогда одни гультяи перешли под предводительством козака Карнауха на левую сторону Днепра, напали на 40 маж чумаков Лубенского полка, ехавших на Берду за солью, разбили все мажи, людей переранили, волов и худобу людскую себе забрали. Другие гультяи под предводительством атаманов Корсуна, Москаля и Ропухи, сделали нападение на ратных людей государевых, шедших до Каменного Затона, и на купеческих полтавских людей, возвращавшихся из Крыма; у первых отняли несколько десятков коней, у других отняли несколько возов, а людей до смерти позабивали [50].

Гетман бессилен был искоренить запорожских своевольников и находил, что вернейшим средством для того, чтобы «нахилить малодушныхъ плутовъ на вѣрность и послушаніе великому государю — было бы искоренить силою оружія проклятое гнѣздо ихъ Сѣчу» [51].

Так писал мая 20 дня гетман ближнему боярину Федору Алексеевичу Головину, извещая при этом его и о той опасности, какая грозила Малороссии и России от турецкого султана вследствие его воинственных замыслов: султан, под предлогом разграничения с поляками земли, в действительности же с умыслом склонить на свою сторону запорожцев, пришел лично к реке Днестру, а силистрийскому паше Юсупу отдал приказ строить города на Днепре, и первее всего на острове Козацком [52].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Проект гетмана Мазепы об искоренении шатости между запорожцами.— Ненависть Мазепы к кошевому атаману Гордиенку и старание его об отнятии у Гордиенка атаманской булавы.— Новый кошевой атаман Герасим Крыса.— Меры Герасима Крысы для искоренения разбойнических действий со стороны степных ватажных атаманов.— Возмущение запорожцев против самарских селитренников.— Меры гетмана Мазепы для усмирения запорожских своевольников.— Жалобы запорожцев, бывших в походе под Ладогой, графу Федору Головину.— Жалоба запорожцев, бывших на работах при устье Невы, в Запорожскую Сичу.— Волнения по этому поводу во всем Запорожьи и в Малороссии.— Избрание в кошевые Константина Гордиенка.— Раздор запорожского войска с гетманом Мазепой по поводу размежевания границы между Турцией и Россией.— Ненависть Гордиенка к русским ратным людям.— Грамоты царя Петра Алексеевича к запорожцам по поводу войны его со шведами.— Появление в Запорожьи донского козака Булавина.— Замыслы Мазепы против царя.

Мера терпения со стороны гетмана Мазепы по отношению к запорожцам казалось переполнилась и он решил употребить против них самые строгие средства. Июня 22 дня 1703 года прибыл в посольскую походную канцелярию под город Шлотбург [1] от гетмана Мазепы глуховский сотник Алексей Туранский и подал там несколько статей относительно того, как быть, если турки пожелают установить между Турцией и Россией границу, по какие места можно допустить такую границу и как искоренить «шатости» между запорожским войском.

Отвечая на эти запросы, царь Петр Алексеевич писал гетману, что границу нужно установить по общему соглашению и при этом смотреть главным образом за тем, чтобы малороссийскому краю не было утеснения, чтобы Каменный Затон не был стеснен той межой и чтобы при том размежевании не было татар, татарских мурз и беев, так как они, согласясь «вмѣстѣ съ плутами запорожцами, всячески тщатся развратити учиненный между государствами миръ».

Для укрепления запорожских козаков в верности русскому престолу гетман предлагал от себя такие меры. Первее всего собрать надежных людей, т. е. компанию сердюков, расставить их в известных местах по днепровскому побережью от Киева до самой Самары и приказать, чтобы они крепко стерегли за тем, дабы из городов

не приходили в Сичу никакие ватаги с хлебными запасами: через тех ватажников прибавляются в Запорожье и войска и запасы, так как не из трости родятся люди в Запорожьи, а от людей же на Украйне. Затем, для верности запорожцев нужно взять у них крепость Кодак и осадить ее государевыми людьми, и если нельзя будет того сделать лаской, то нужно сделать оружием, потому что источником всего зла на Запорожьи служит именно крепость Кодак. Ласку гетман понимает так, что станет посылать по прежнему обыкновению в крепость Кодак хлебный запас из нескольких бочек на нарочных подводах и с теми подводами будет отправлять сердюков «съ тайным ружьемъ». Когда таким образом сердюки войдут в городок, то они сперва могут действовать на кодачан «ласковымъ пріемомъ»; в случае же сопротивления могут бросить несколько бомб для усмирения их. А усмирить кодачан непременно надо, потому что еще не так давно, когда из Орельского городка вышло 40 человек малороссиян на своевольство и когда сотник орельский начал было заворачивать их назад, то кодачане, выйдя из своего городка, убили под сотником коня, ранили сотника, асаула и чуть не разграбили бывших с сотником козаков [2].

Для той же верности запорожцев русскому престолу гетман Мазепа находил нужным взять у них речку Самарь. «О Самарѣ гетманъ доноситъ, что запорожцы, напрасно о томъ вспоминая, непристойно присвояютъ ее, потому что на то они не имѣютъ никакого права. Къ нимъ послана была лишь указная грамота великаго государя во время построенія города с увѣщаніем, чтобы они не дѣлали никакихъ шалостей. Привилейной же государевой грамоты они вовсе не имѣютъ и первая грамота, писанная къ нимъ, сдѣлана по отпискѣ Неплюева, но онъ, покойный, въ воинскихъ случаяхъ былъ сомнительный человѣкъ. А что до того, будто бы они выпросили себѣ привилейную грамоту у польского короля, то король далъ имъ то, чего самъ не имѣлъ. Та рѣчка Самара взята гетманомъ Хмельницкимъ, находилась въ гетманскомъ распоряженіи и всякая добыча (от нея) — десятая лисица, рыбная ловля, степная добыча — шла на гетмановъ. Запорожцы же, взявши ее с пасѣкой при Брюховецкомъ, и то только по урочище Быкъ, присвояютъ себѣ теперь всю степь и владѣютъ ею. Если на ту Самарь будетъ по монаршему соизволенію пожалована грамота, то дать грамоту повелительную, но и то не на все владѣніѣ по той причинѣ, что татары еще мало слушаютъ турокъ и только послѣ того, когда турки окончательно приведутъ татаръ къ повиновенію, чтобы они не вздумали учинить краю (малороссійскому) какого-нибудь бѣдствія».

На такое представление гетмана последовала резолюция от государя: «В грамотѣ на владѣніе рѣчкой Самарой запорожцамъ отказать».

Относительно выдачи привиллегий и жалованных грамот запорожскому войску гетман не должен иметь никаких сомнений: без

его совета ни одно позволение, даже самое необходимое, не будет дано козакам. В особенности же теперь какая нужда давать им привиллегии за преступления их! Для унятия же шатости между запорожскими козаками государь дозволяет гетману поступать с запорожцами по собственному усмотрению, «не прибѣгая, однако, къ тяжкимъ и знатнымъ надъ ними насилованіямъ до прибытія его (государя) къ Москвѣ по самому первому пути». Но ввиду военного похода государь дозволяет гетману все пехотные полки, находящиеся в распоряжении у Ромодановского, поставить на зимние становища в ближних от Запорожья местах [3].

Совершение всех злодеяний со стороны запорожских козаков гетман Мазепа приписывал влиянию на них кошевого атамана Гордиенка, которому искренне желал скорой погибели и о котором писал в Сичъ одному из своих тайных агентов о том, «дабы его, проклятого пса, не стало». И старания гетмана увенчались успехом если не вполне, то наполовину: Константин Гордиенко хотя и не погиб от пули, но зато лишен был кошевья за то, что знался, по уверению самого же гетмана, с ворами и разбойниками и делил с ними добычу. Место Гордиенка занял Герасим Крыса.

Первые действия кошевого атамана Герасима Крысы сильно порадовали было гетмана Мазепу; собравшись с силами, новый кошевой атаман истребил ватагу Москаля, Ропухи и трех товарищей их и уже готовился водворить в Запорожьи спокойствие и порядок, как между козаками вспыхнул настоящий бунт: они разбили несколько новых селитренных заводов на реке Самаре, в том числе и завод самого гетмана, и похвалялись разорить Новобогородицкую крепость и другие московские городки, построенные в Запорожьи. Кошевой Крыса никак не мог справиться с бунтовавшей чернью, между которой более всего выказывали беспокойство праздные гультяи, со всех сторон прибывавшие в Сичь.

Гетман Мазепа, узнав о том, отдал приказ Полтавскому и Серденяцкому полкам быть в готовности идти на усмирение своевольников и ждал только приказания на этот счет из Москвы от ближнего боярина Федора Алексеевича Головина, ведавшего в то время Малороссийским приказом [4].

Но в это же время к Головину пришла жалоба и от самих запорожцев из-под города Ладоги. В Ладоге стоял запорожский полковник Матвей Темник с товарищами, принимавший участие в войне русских против шведов. Сентября 11 дня он послал письмо через полкового асаула и пехотного сотника боярину Головину с жалобой на то, что, состоя уже третий год на государевой службе, он никогда не нес такой нужды, как несет теперь со своими товарищами. Сперва козаки служили под Печерами и Быховым; там они получали по рублю на рядового и несколько больше того на старшину и борошна по одному кулю в месяц на четырех козаков; кроме того имели сухари, крупу, сукно, свинец и порох. Ничего того в настоящее время

кроме одного куля муки на 6 человек да одного четверика круп на 4 человека в месяц они не получают. От этого, питаясь из «своего хребта» и не получая в течение нескольких месяцев ни единой копейки, козаки пораспродовали всю свою движимость, сделались и голы и босы, оттого и просили ближнего государева боярина доставить им средства для их существования. А что до того, что козаки слишком замедлили своим переходом от Новгорода к Ладоге, вопреки приказу самого Головина, требовавшего от них, чтобы они, как можно скорее поспешили своим приходом в город Ладогу, то в том виновны были не козаки, а сам губернатор новгородский: он дал им такое ничтожное судно, в котором не только идти, а даже повернуться нельзя было, чтобы «не запропастить» все войска [5].

В таком же затруднительном положении находились и те из запорожского товарищества, которые исполняли земляные работы при устье реки Невы. Они сперва действовали на войне против шведов, но потом поставлены были на земляные работы и посылали горькие жалобы в Сичу на то, что им не дают ни круп, ни сухарей, а заставляют жить на одном хлебе, да и того дают половину против положенного [6].

Вернувшись потом в Сичу, эти козаки страшно ополчились против русских властей и стали поднимать всех товарищей на ненавистных им москалей. Из Сичи недовольство на русское правительство скоро перешло и в Малороссию, частью через торговых людей, приходивших в Запорожье и потом возвращавшихся в города; частью через самих же запорожцев, которые по древнему обычаю ежегодно оставляли Сичь, выезжали на Украину и пребывали там у своих родных или знакомых в течение всего великого поста до праздника Пасхи. Из малороссийских полков наибольшим беспокойством отличался Полтавский полк, пограничный между Запорожьем и Малороссией: козаки этого полка, покидая города, приходили в Сичь и разжигали ненавистью запорожцев против гетманских порядков в Малороссии. Тогда запорожцы вновь стали кричать, что пора идти на Украину, бить там панов и арендарей.

Несмотря на жалобу гетмана на запорожцев, несмотря на сильное недовольство, выказываемое запорожцами на русское правительство, несмотря на брожение массы в Малороссии, в Москве, при всем этом находили нужным действовать на запорожцев не угрозами, а милостью и снисхождением. Так, ноября 27 дня посланы были из Москвы на имя кошевого атамана Герасима Крысы две царских грамоты, из коих в одной извещалось о скорой отправке в Сичь обыкновенного годового войску запорожскому жалованья [7]; а в другой объявлялось о принятии запорожцев в государеву милость, о подтверждении всех козацких вольностей и об отдаче им самарских грунтов, а также о запрещении воеводе Каменного Затона чинить запорожцам обиды.

Вот эта интересная царская грамота.

«Божію милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя царя нашего царскаго величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Герасиму Крысѣ и всему при тебѣ будучему посполству наше царского величества милостивое слово. Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, по доношенію подданнаго нашего войска запорожского обѣихъ сторон Днѣпра гетмана и ковалера Ивана Степановича Мазепы, что вы, кошевой атаманъ и все посполство, пребываете по древнимъ своимъ обыкновеніямъ намъ, великому государю, въ вѣрности, и чтобъ мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали васъ, дабы вольности ваши и грунта, обрѣтающіеся ничѣмъ были не нарушены и дабы подтвердить то нашею царского величества грамотою. Да вы-жъ, кошевой атаманъ и все будучее при тебѣ посполство, били челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, дабы вамъ отъ воеводы, въ Каменномъ-Затонѣ обрѣтающемся, и отъ ратныхъ нашихъ людей, тамо будучихъ, обидъ и разоренія и убивства не имѣть и чтобъ грунты ваши, прежде отъ насъ великихъ государей вамъ пожалованные, охранены были при прежнихъ волностяхъ. И мы, великій государь, наше царское величество, по прошенію его подданного нашего гетмана и ковалера, призирая на ваши службы и милосердствуя о васъ, войскѣ запорожскомъ, пожаловали васъ, все войско низовое запорожское, повелѣли всѣ тѣ ваши волности хранити цѣло и ненарушимо и владѣть вамъ, какъ изстари отъ предковъ нашихъ, великихъ государей, пожаловано войско запорожское о самарскихъ грунтахъ, и учинить то опредѣленіе нашимъ великого государя указомъ впредь будущею комисіею межъ вами и городовыми, которая по нашему, великого государя указу учинена будетъ; а въ Каменной Затонъ къ воеводѣ нашъ царского величества указъ посланъ съ жестокимъ подкрѣпленіемъ и подъ смертною казнію, дабы онъ и будучіе тамъ ратные люди, имѣли съ вами привѣтство и задоровъ-бы никакихъ отнюдь не чинили и въ волности ваши ни въ какія не вступались, а буде по розыску явятца его воеводы, учиненныя вамъ обиды и неправды, и за то учинено будетъ ему жестокое наказаніе, а вамъ-бы кошевому атаману и всему посполству, по вѣрности своей никакихъ съ ними зацѣпок тѣм ратнымъ людямъ не чинить-же и служить намъ, великому государю, нашему царскому величеству вѣрно и постоянно и въ показаніи тоя вѣрныя своея службы о приключившихся между собою ссорѣхъ, которыя послѣдуютъ подъ сею нашею великого государя грамотою учиненныхъ обидъ, какъ въ Каменномъ-Затонѣ служилымъ нашимъ великого государя людѣмъ, тако и протчимъ учинили розыскъ и доволство и своеволныхъ наказали, чтобъ впредь никакихъ вредителствъ не чинили и служили намъ, великому государю, вѣрно и постоянно» [8].

Из этой грамоты очевидно, что русское правительство, сильно занятое в то время открывшеюся войною со шведами на сѣверѣ, всячески старалось о том, чтобы обеспечить мир для России на юге. На юге же сидели запорожцы, которые были страшны не сами по себе, а через союз с Крымом и Турцией. Этим и объясняется такое снисхождение со стороны царя по отношению к запорожскому войску.

Однако и царская милостивая грамота нисколько не успокоила запорожцев. В декабре месяце того же года запорожцы лишили атаманского уряда Герасима Крысу и на его место снова выбрали Константина Гордиенка.

Гетман Мазепа, узнав о том, пришел в большое негодование. От запорожцев он ожидал всякого зла и бедствия как для царя, так и для самого себя. Отпуская от себя в половине января следующего 1704 года московского подъячего Илью Никифорова, Мазепа велел сообщить боярину Федору Алексеевичу Головину о том, что в Польше «хотятъ начать войну на богохранимую царского пресвѣтлого величества державу и идти на богоспасаемый градъ Кіевъ и на всю Малую Россію. И если то злое дѣло поляковъ придетъ въ самое подлинное дѣло, то царскому величеству не безъ трудности будетъ удержать и успокоить Украйну. Первое и самое большее бѣдствіе — это запорожцы, которые, имѣя въ городахъ отцовъ, дядей, братьевъ и прочихъ родственниковъ, тотчасъ прельстятся на польскіе денежные подарки, которые будутъ имъ объявлены; запорожцы, яко трость, колеблемая вѣтромъ в полѣ, обращаются сѣмо и овамо»[9].

Так трактовал Мазепа запорожцев перед Москвой, и хотя предсказание его не сбылось, тем не менее новый кошевой атаман Константин Гордиенко выступил решительным противником Москвы. Правда, марта 16 дня он написал благодарственный лист царю Петру Алексеевичу за присланное через дворянина Михайла Остафьева годовое жалованье войску, прося при этом по обыкновению о прибавке свинцу и пороху; но в это же время марта 15 дня обнаружено было, что кошевой и запорожцы сносятся с перекопским каймаканом, обмениваются взаимной с татарами дружбой и затевают неприятельское дело против России. Так доносил из Сичи гетману один «доброжелательный» человек, скрывший свою фамилию под буквой С [10], и донесение это отчасти подтвердилось поведением запорожцев. Так, в конце июня, собравшись в числе 3000 человек, они вышли из Сичи с пушками и клейнотами, переправились через Днепр под Кодаком и направились к речкам Самаре и Орели для разорения самарских и орчинских селитренных майданов, для разрушения Новосергиевского городка и отогнания стад у жителей Новобогородицка. Кошевой атаман, видя такое своеволие, хотел сложить с себя свое звание, но бунтари вновь принудили его взять булаву, а сами хотели идти на малороссийские города и удержаны были только своими старшинами; тогда, не желая оставаться

в бездействии, они устремились на соляную добычу [11]. Гетман для охраны малороссийских границ от запорожцев послал к Переволочной наказного полтавского полковника и глуховского сотника с козаками [12].

Но всего больше восставали запорожцы и их кошевой атаман Гордиенко за построение русской крепости в Каменном Затоне, стоявшей на левом берегу Днепра в виду самой Сичи. Между запорожцами и великороссийскими охранителями этой крепости постоянно происходили столкновения и захваты людей в полон с той и с другой стороны. Начальником крепости Каменного Затона был в то время боярин Даниил Романович Шеншин. Июля 2 дня кошевой Гордиенко написал воеводе Шеншину из Сичи письмо, в котором требовал от воеводы, чтобы он возвратил в Сичь взятых им козаков запорожского войска, в противном случае грозил ему отплатить тем же: «Уже въ прежнемъ нашемъ письмѣ мы писали твоей милости, чтобъ ты возвратилъ невинно взятыхъ съ нашей стороны товарищей; но твоя милость отпустилъ къ намъ из тюрьмы («вязеня») лишь одного товарища, а другого, по имени Максима, товарища Левушковскаго куреня, и до сихъ поръ, неизвѣстно для какихъ цѣлей, въ тюрьмѣ связаннымъ держишь; между тѣмъ за нимъ ходятъ для отысканія къ Каменному-Затону его товарищи. Предъявителямъ сего листа, нашимъ товарищамъ, изволь отдать безъ всякой турбаціи и задора помянутого выше Максима. Если же ты не отдашь вмѣстѣ съ симъ листомъ оного невинного товарища, то мы и изъ вашихъ служилыхъ людей возмемъ неповинного» [13].

В таком же духе изъяснялся кошевой атаман Гордиенко и с царским послом по поводу той же крепости в Каменном Затоне и сидевшего в ней «безвинного товарища». Объясняясь с послом, кошевой высказался, чем именно не нравился запорожцам Каменный Затон: воевода Каменного Затона посылает в Сичь людей высматривать и выслушивать, что делают и говорят запорожцы на Кошу, причиняет товариству всяческие обиды, отнимает у них лошадей, бранит их и называет своими подданными, наконец, упрекает их в том, будто они беглых солдат принимают к себе: «Но у насъ такихъ беглыхъ солдатъ въ Сичѣ нѣтъ, а хотя-бы и были, то у насъ издревле такое поведеніе: кто придетъ, тѣхъ принимаемъ, и кто захочетъ, тотъ у насъ живетъ» Как и воеводе Шеншину, Гордиенко грозил и царскому послу, что если воевода не прекратит своих насилий, то это может возмутить против Москвы и все Запорожье и всю Малую Россию.

Как бы в подтверждение этих слов кошевого Гордиенка, гетман доносил царю Петру Алексеевичу своим письмом (июля 20 дня) о смуте, вновь происшедшей в Сичи, об отправлении некоторых из запорожцев на соляную добычу и о мерах, принятых им на случай нападения низового войска на малороссийские города гетманского регимента [14].

Гетман не хотел понять истинных причин недовольства на русское правительство в среде запорожских козаков; он не думал о том, чтобы так или иначе устранить их, и все смуты, происходящие в Сичи, приписывал одному человеку, кошевому Гордиенку. «Кошевой Гордіенко,— писал Мазепа в январе месяце 1705 года в Москву,— благодаря своей хитрости, имѣетъ особенную силу; чтобы провести какое-нибудь дѣло, онъ сперва совѣтуется частнымъ образомъ со всѣми куренными атаманами, а потомъ уже выноситъ свое дѣло на раду, и тогда успѣхъ его затѣй всегда бываетъ обезпеченъ». Гетман признавался, что он изыскивает все средства для того, чтобы извести со света «пса проклятого», но это ему до сих пор не удалось. Оставалось довольствоваться подробными донесениями о всех действиях кошевого тех тайных агентов, которых гетман посылал от себя в Запорожье, и явных дозорцев, какие поставлялись им в крепость Переволочну, на границу между Гетманщиной и Запорожьем.

К этому времени уже сошел со сцены угодливый слуга гетмана Мазепы и закоренелый враг запорожцев дозорца Иван Рутковский и вместо него выступил другой, Роман Селезневич. В феврале месяце Мазепа послал через Романа Селезневича несколько писем в Запорожскую Сичу с требованием полной покорности со стороны войска царскому престолу и гетманскому регименту.

Исполнив волю гетмана, Роман Селезневич в том же феврале месяце писал Мазепе, что кошевой атаман Гордиенко на доставленные в Сичу гетманские письма не дает немедленного ответа, обещаясь прислать его особыми козаками: «для того запорожцы имѣютъ, по древнему обыкновенію, по два человѣка из куреня казенчиками»; товарищество же и того не желает делать и находит за лучшее отвечать гетману «почтой», а не через нарочных посланцев. На самого дозорцу кошевой атаман предъявил претензию за то, что будто бы он доставляет в Кош гетманские письма в распечатанном виде. Дозорца, оправдываясь в этом перед гетманом, заявлял, что кошевой, обвиняя его в таком поступке, просто на просто хочет сорвать на нем свою злобу: он просил дозорцу прислать в Сичу для вновь поставленной старшины гостинца по бочке борошна, но получил отказ в том и теперь взваливает на дозорцу всякие обвинения [15].

Подлинных писем гетмана Мазепы к запорожцам не сохранилось — об них говорится только в донесении гетману дозорцы Селезневича, а потому и самое содержание их доподлинно неизвестно. Можно догадываться только, что кроме требования о повиновении гетман требовал еще от запорожцев вспомогательного отряда для похода на север. По крайней мере, в самом начале июня месяца того же года по царскому указу и по предписанию гетмана, высланы были из Запорожья в город Смоленск несколько человек запорожской пехоты и конницы, которые «въ прошломъ году безопо-

вѣдне» (добровольно) ушли из Инфлянт в малороссийские города и там разжигали ненависть против москалей [16].

Жалобы запорожцев на трудность службы в Инфлянтах имели свое основание: и по своему исключительному положению, как малороссы, и по своим военным приемам, как независимая боевая сила, запорожские козаки во время Северной войны испытывали гораздо большие неудобства, чем великороссийские войска: запорожцы для великороссов на половину чужестранцы, в дележе добычи имевшие последнюю долю, в получении провианта — нередко никакой доли. Оттого и неудивительно их отвращение к походу на север.

При всем том, где была какая-нибудь возможность, запорожцы неизменно служили государю и мужественно сражались с врагами русских, шведами. Еще в 1704 году в июне месяце, оставшийся на севере отряд запорожцев принимал участие в нападении русских на шведов при Черной речке, притоке реки Невы и вместе с другими взял 12 шведских офицеров и несколько человек рядовых, после чего русские и запорожцы перебрались было на Черную речку, но при острове Валкисаре наткнулись на восьмитысячный отряд шведский под начальством генерал-поручика барона Майделя и вернулись с этим известием в только что основанную царем столицу Петербург. В следующем 1705 году июля 28 дня тот же генерал-поручик Майдель подошел к Выборгской стороне против самого Петербурга, переправился на Каменный остров и с него стал было перебираться на теперешний Аптекарский остров, но был отбит русскими батареями. После этого августа 4 дня генерал Майдель прошел к правому притоку Невы Охте выше Петербурга и двинулся по направлению к Шлиссельбургу. Не дойдя двенадцати верст до Петербурга, Майдель стал переправляться через реку Неву. Но за Майделем отправился вслед помощник шлиссельбургского коменданта Бахметьев и шведы, узнав о том, вернулись назад к Охте, где встретили отряд запорожских козаков, на которых и ударили всей своей силой. Запорожцы, уступая большой численности неприятелей, оставили свой пост у Охты и переправились через Неву. Тут к ним подошли две русских шнявы и несколько галер и тогда шведы отступили к городу Выборгу [17].

Кроме походов на далекий север, где запорожцы терпели и от голода, и от сырого климата, и от дурного с ними обращения, большое неудовольствие вызывал у них поднятый одновременно с этим вопрос о размежевании земель между Турцией и Россией и установлении порубежной линии вдоль южных границ козацких вольностей.

Мая 21 числа 1705 года думный дьяк Емельян Игнатов Украинцев известил с урочища Мишурина Рога кошевого атамана Константина Гордиенка о том, что пресветлейший и державнейший государь Петр Алексеевич, желая установить, после долговременной войны с Турцией «святоосвященный покой», повелел ему, дьяку Украин-

цеву, съехаться с турским комиссаром и чинить постановление по мирным договорам; что вместе с думным дьяком велено по грамотам царского величества гетману Мазепе послать для той же цели от себя знатных лиц из малороссийского дворянства и что теперь он, думный дьяк, с знатными малороссийскими особами Григорием Карповичем и Димитрием Максимовичем направляются к реке Бугу для съезда с турецким комиссаром и извещает о том «своихъ милыхъ пріятелей и братію» запорожских козаков.

Вслед за письмом думного дьяка Украинцева послан был в Сичь о том же универсал и от гетмана Ивана Мазепы [18].

Когда письмо дьяка и универсал гетмана дошли в запорожский Кош, то в Сичи кошевым атаманом Гордиенком собрано было по этому поводу одна за другой две войсковых рады. На первой раде решено было написать письмо к думному дьяку с запросом, «какимъ способомъ и по какія примѣты съ турскимъ коммиссаромъ онъ имѣетъ граниченіе утвердити», т. е. «только ли на одной степи или в Днѣпрѣ водой». На второй раде решено было послать думному дьяку письмо с выражением неудовольствия за то, что как сам думный дьяк, так и гетман, извещая запорожцев о имеющейся быть пограничной комиссии, не сообщают войску ни о статьях, на основании которых будет вестись разграничение, ни об уговоре, какой имеет быть у русских с турками, ни о царской грамоте, повелевающей и чинить такое разграничение: «Извѣстно да будетъ вашей милости, что отъ веку не слыхано и нихто то (не) можетъ сказать, чтобъ которого времяни могла въ Днѣпрѣ обрѣтатися граница, но отъ нѣсколько сотъ лѣтъ войско запорожское в Днѣпрѣ Кошемъ обрѣтаяся, владѣя Днѣпромъ, даже до самого морского гирла, ни отъ кого не бывало ограничено и обмежевано, и для того никакимъ способомъ не позволяемъ никому въ давношнемъ нашемъ и старожитномъ днѣпровомъ пребываніи никакихъ границъ заводити. А понеже царское пресвѣтлое величество желаетъ, дабы царству его были опредѣлены границы, а намъ никакою достопочтенною своею грамотою о томъ не давалъ извѣстія, то мы милость вашу на дѣло его монаршее присланного, упрашиваемъ, изволь, милость ваша, государскую его грамоту къ намъ прислать, дабы мы, вычитавъ, выразумѣли о чемъ въ царской его грамотѣ положенныя статьи и какій ваша милость по указу его съ комиссаром турецкимъ имѣти будете договоръ» [19].

Получив такое письмо, думный дьяк ничего другого не мог предпринять, как только отослать его к царю. И тогда царь Петр Алексеевич июня 10 дня отправил на имя кошевого атамана Константина Гордиенка грамоту, в которой говорилось, что напрасно кошевой и все запорожское поспольство «коммиссіальному дѣлу» противятся, опасаясь лишения «грунтовъ» и «животовъ»: царское величество вполне обнадеживает их, что «всѣ ихъ добычи будут по старому» и потому требует от них не чинить «въ коммиссіальномъ

дѣлѣ» никакого препятствия, быть послушными во всем, чего от войска потребует гетман, и служить верно и постоянно великому государю по всегдашней войсковой верности [20].

Одновременно с царской грамотой послан был к запорожскому войску и лист от гетмана Мазепы с наказом «не перечить волѣ царской въ коммиссіальномъ дѣлѣ, чтобы не навлечь тѣмъ монаршего гнѣва»... «Великій государь не для чего иного, только для общого войску низовому и малороссійскому народу добра то разграниченіе» с Портой учинить приказал и чрез то размежевание войску запорожскому ни в вольностях и правах, ни в звериных и рыбных добычах «убыли и уймы не будетъ» [21].

Но запорожцам такие обещания показались слишком неопределенными и потому июня 26 числа они отправили Мазепе обширный лист с повторением своих прежних претензий. Гетман о многом пишет запорожскому войску о прибытии комиссаров к Бугу, о царской грамоте, присланной по этому поводу, о царском приказании чинить с турским комиссаром такой договор, какого потребует сама Порта, но только не пишет войску о сущности самих переговоров и о том, с каким повелением сам он послан от государя в комиссию для «пограничного опредѣленія». «А что, вельможность ваша, писали къ намъ во всѣхъ вашихъ листахъ, припоминая и многократно подтверждая, что не ко умаленію государской земли на семъ разграниченіи обрѣтаетеся, но къ цѣлости и расширенію оной имѣете чинить коммиссію, тогда въ тѣхъ пунктахъ ясно и явно разумѣется быти двояко, понеже для размѣренія царского величества державы и народу россійскому для волного въ добычахъ употребленія. Для чего-же въ прошломъ году Григорій Карповичъ и Дмитрій Максимовичъ съ коммиссаромъ турецкимъ не чинили коммиссіи на той сторонѣ Богу (х которой коммиссіи и велможность ваша поспѣшая вспять возвратился изъ Переволочни) и не разъ мѣрили границы около Днѣстра турецкой [22], убавливая ихъ землѣ пространства, но на сей сторонѣ Богу (т. е. Буга) своего монарха уменшивая пространство подъ городки турчанину, поступали, водя за собою желательного пріятеля даже до самыхъ городковъ, а указывая и отдая самовольно, что по городки имѣетъ быти ему граница означенна. И мы, войско, какъ въ прежнихъ листахъ нашихъ писали къ вельможности вашей, что можете турковъ старыхъ спросить, а любо (либо) и господина Григорья Карповича Коровку, яко старого человѣка, слыхали-ли они, когда въ Днѣпрѣ опредѣленіе границъ; подлинно вѣдаемъ, что не только они того не могутъ сказать, но и вся подсолнечная на то не признаетъ, зачѣмъ старожитныхъ вѣковъ мы, войско, не покидая и давныхъ нашихъ обыкновеней, не только въ Днѣпрѣ границѣ быти не позволяемъ, но совѣтуемъ вельможности вашей съ тѣмъ разграниченіемъ къ городкамъ и не приближатися, а ежели по волѣ вашей достигнете городковъ, мы для уговору о нашихъ грунтахъ и граничного дѣла все отъ

старшего до меньшего будемъ предъ очи ваши приходити, а понеже пресвѣтлого монарха нашего его царского величества салтаномъ турецкимъ въ томъ размежеваніи есть великая потреба, и мы, войско, не чиня государевой волѣ противности, ради-бъ вседушно, дабы какъ былъ вѣку старожитного укрѣпленіе границѣ съ Портою, такъ чтобъ и нынѣ на томъ-же было поновлено: преславной памяти антецессоръ королей польскихъ кроль Витултъ [23], тотъ несытому змію крови христіянской въ разширеніи его панства уста заградивши и збивши съ охочимъ войскомъ запорожскимъ, которые въ то время обрѣталися Кошемъ у Семенова-Рогу у Бога (т. е. у Буга), Старый Очаковъ, гдѣ теперь именуется Сто Могилъ и розоренію до часу сего подавши, постановилъ, укрѣпилъ и утвердилъ быть границѣ туркамъ землею по Сто Могилъ, о чемъ ежели, вельможность ваша, изволите вѣдати, найдете пространно на подписи на камени, надъ Богомъ стоячимъ, а водою въ Днѣпрѣ границу таковымъ утвердилъ способомъ, естли кто хочетъ вѣдати наданные грунты войсковые водою въ Днѣпрѣ, пусть пустится верхомъ въ море съ берега по та, даже пока конемъ не можетъ земли достигнути, по та мѣста отъ того-же вышереченного короля водою есть назначена, которая граница изрядно-бы то за дѣло подлинное устроено было гдѣ-бъ по указу царского пресвѣтлого величества, а вашимъ радѣніемъ, яко ближняго сенатора боку царского, давно поставленная рѣчь была поновлена, дабы отъ всего народа россійского и насъ, войска, здѣсь въ Днѣпрѣ обрѣтающогося, царскому величеству и велможности вашей къ вѣчной памяти была слава и похвала» [24].

Послав такое письмо Мазепе, запорожцы на том не успокоились и через два дня написали гетману другое письмо. Как и в первом письме, они настоятельно просили гетмана об одном, дабы в Днепре никакой границы не было, ибо если назначить черту граничную по городки землей, то они (турки), яко прехитрые и неправдивые люди, по городки впредь идущие [25] времена и Днепр отмежевавши, все наши добычные грунты к себе привращать захотят. А до тех пор, пока состоится пограничное соглашение, запорожцы просили гетманскую вельможность, на случай возвращения посланного в Москву товарищества за годовым жалованьем, известить о том войско «почтеннымъ листомъ своимъ, когда представится въ томъ возможность» [26].

Но гетман Мазепа не только не внял просьбам запорожцев, а послал думному дьяку Емельяну Украинцеву несколько сот козаков Нежинского полка с приказанием оружием «укротить тыхъ псовъ запорожцевъ»; фельдмаршалу же российских войск князю Меншикову донес «о своевольствѣ непостоянныхъ и скаженныхъ псовъ запорожцевъ, которые оказываются противными коммиссіональному дѣлу вслѣдствіе природного своего малоумія и давней бунтовничей намоги». Распущенные еще со времени

Богдана Хмельницкого, они не только не слушали всех прошлых гетманов, но еще, подняв орду, воевали с ними, многие беды малороссийскому краю на правом боку Днепра и разорения причинили и уже во время уряда самого Мазепы учинили Петрика гетманом и приходили с ним и с татарской ордой на Полтавский полк войной, но божией милостью гетман Мазепа так «располошилъ» врагов на реке Орели, что Петрик ушел в Запороги, а калга-салтан бежал дикими полями до Крыма [27].

Несмотря на крайнюю степень раздражения со стороны гетмана Мазепы на запорожцев и на решительные меры, предлагаемые им для укрощения их, царь Петр Алексеевич не находил нужным действовать против них силой и даже в самом конце месяца июня приказал послать им обыкновенное годовое жалованье через дворянина Базлова и подъячего Инехова [28].

После этого и сам гетман нашел нужным переменить свой тон в отношении запорожцев. В свою очередь он отправил им через козака Соловья «сердце до дзвона» (язык до колокола) сичевой церкви и «для окованія того-жъ дзвона штабъ (полосъ) десятокъ», хотя с этим вместе не преминул упрекнуть товарищество за погрaбление низовыми козаками у татар, как о том писал гетману бей бендерский, сорока с лишком шкап [29] и около полутораста ездовых коней, которые будто бы отогнаны были у татар и отправлены козаком Шумейком с товарищами в Сичу, а также послать упрек и самому Кошу запорожскому за вмешательство его в «коммиссіальное дѣло» и за отогнание нескольких штук лошадей от табора комиссаров.

Запорожцы, получив от гетмана подарок, усердно благодарили его за него, но виновными себя в уводе татарских коней не признали и представили доказательства, что хищением татарских коней занимались полковники — миргородский Апостол, и полтавский Искра, из коих последний отправлял от себя партии козаков на урочище Великие Терны для захвата коней. Те козаки и уводили из крымского повета по 50 и более голов коней и отсылали их до пана Искры, чем войску запорожскому «немалыя турбаціи и трудности» наносили, так как от высланной гетманом на степные речки «компанѣи» для отыскания «таковыхъ проступцовъ» невинному товариству запорожскому причинялись бедствия, грабительства и убийства. Так это и всегда бывает: если у крымцев кто-нибудь угонит их коней, то первым делом вину на запорожское товарищество взводят. А запорожцы часто и знать о том ничего не знают. Вот хотя бы козак Шумейко, которого считают виновником этого дела: он еще «на масницѣ» (на маслянице), передъ великимъ постомъ, отъ сего свѣта и отъ займа конного занятъ есть смертію въ Чигиринѣ и на Кошѣ вовсе не знайдуется». Что до упрека запорожцам за притеснения царских комиссаров и за увод их коней, то запорожцы немало удивляются «неправдивому пронесшемуся эху» и на такое донесе-

ние отвечают, что как раньше они никакого сопротивления и ни в чем, кроме вольностей, царскому величеству не оказывали, так и теперь никакой препоны не думают делать, «только бы якъ отъ вѣка старожитного было граничное постановленье утверждено преславной памяти отъ антецессора королей полскихъ, короля Витута, по Бугъ землею, гдѣ ныне Городище Старого Очакова именуется, а водой потоль запустившися конемъ зъ берега у море, ажъ копытомъ землѣ поколь не можетъ засягнути, по тое мѣсто водою съ турецкою Портою тихъ часовъ зазначенна есть граница, такъ и таперешнихъ часовъ отъ комиссаровъ на размежованье ординованныхъ, абы давнему зазначеньюю граници била (была) учинена понова (возобновление) ведлугъ давней постанови, якъ вишей есть написано, а когда (якъ чуемъ подоводне и вѣдаемъ) же оная граничва будетъ зазначенна креса [30] по городки туркомъ землею, тотъ яко прехитрій народъ въ потомніе часи по городки и Днѣпръ зо всѣми намъ належними нашими грунтами отмежевати не занехаетъ, гдѣ намъ, войску, знайдуючися напотомъ нѣгде будетъ и едной лахманки [31] набыти [32], бо гди-жъ не казною царского величества, а не якихъ иншихъ монархъ вспомогательствомъ, тилко еднимъ Днѣпромъ и въ нем грунтами нашими зъ давнихъ часовъ контентуемся промешкуючи Днѣпръ. Прето упрошаемъ велможного пана нашего, соизволте, велможность ваша, по милостивому къ намъ своему призрѣнію, донести царскому пресвѣтлому величеству, дабы препослалъ свой премилостивій монаршій указъ граничним комиссаремъ по Бугъ границу, якъ предъ менованно есть, утвердити, а не у Днѣпрѣ, гдѣ отъ вѣку не слыханно границу зазначати» [33].

После такой просьбы гетман Мазепа снова донес царю о прекословии монаршей воле со стороны запорожцев, и царь Петр Алексеевич вынужден был вновь напомнить кошевому атаману Константину Гордиенку двумя, посланными одна за другой, грамотами о нечинении думному дьяку Емельяну Украинцеву никаких затруднений в установлении пограничной русско-турецкой черты.

«Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, писал царь июля 27 дня из города Вильны, изъ вашихъ листовъ, писанныхъ вами нашего царскаго величества думному дьяку, межевому комиссару и каргопольскому намѣстнику Емельяну Игнатьеву Украинцеву, что вы имѣете сомнѣніе о врученномъ ему, по указу нашего царскаго величества, комиссіональномъ дѣлѣ, будто-бы то чинится къ утѣсненію вашего низового войска всякихъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ и желаете, чтобы онъ для того размежеванія не приближался къ Днѣпру, указывая ему на то, будто-бы у васъ имѣется старый рубежъ, учиненный польским королемъ, до самаго моря и отъ береговъ, пока конь копытомъ достанетъ, объявляя, что ежели помянутый нашъ думный дьякъ, по нашему указу, будетъ чинить ту границу на Днѣпрѣ, то вы придете к нему со всѣмъ своимъ войскомъ; из этого явно то, что вы

нашей воле и высокопотребному для мирного пребыванія обоихъ государствъ подданнымъ, предположенному дѣлу хочете чинить противность; мы немало удивляемся тому, что вы, войско низовое запорожское, вспоминаете о такихъ будто-бы бывшихъ древнихъ границахъ, а то забываете, что съ давнихъ временъ вамъ былъ загражденъ путь на Днѣпрѣ и выходъ въ море ко всякимъ добычам турскими крѣпостями Кызыкерменемъ и другими, которыя съ недавняго времени милостію Вышняго и нашимъ царскаго величества счастіемъ, вѣрнымъ стараніемъ и храбрыми поступками войскъ нашихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, у турокъ взяты и по мирнымъ договорамъ разорены и вмѣстѣ обрѣтаться имѣютъ, звѣриныя-же и рыбныя добычи и ваши пчельники по обоимъ сторонамъ внизъ по Днѣпру для подданныхъ обоихъ государствъ имѣть невозбранно, и тѣмъ мирнымъ постановленіемъ не утѣсненіе, но въ вашихъ временахъ никогда не видимая свобода и пространство приключено, а размежеваніе земель, находящихся у Днѣпра, желается Портой только для признаковъ, чтобы по обѣимъ сторонамъ въ тѣхъ мѣстахъ никакого поселенія и крѣпостей никому строить не позволено было. И мы не сомнѣваемся, что вы, разсудя все это, какъ вѣрные наши подданные, сему нашему изволенію, идущему къ вашей-же пользѣ, никакой противности не дерзнете чинить, но по верности своей къ намъ, великому государю, будете повиноваться нашей волѣ, и то полезное дѣло совершить помянутому нашему думному дьяку безо всякого мятежа допустите, чиня ему въ томъ всякое вспоможеніе, чтобы тѣмъ нашего царскаго величества имени не нанесть безславія и за то не навести на себя нашего царского величества жестокаго гнѣва и отмщенія» [34].

Вмешательство со стороны Коша в дело пограничного размежевания не было вмешательством с его стороны в неподлежащее ему дело: вопрос шел о южной границе владений Запорожья, который был поставлен, с точки зрения запорожцев, вопиюще несправедливо и нарушал исконные права и вольности войска. До 1705 года запорожцы считали последним пунктом своих владений на юго-востоке городище Старого Очакова у правого берега реки Буга и левого берега Днепровского лимана, где урочище Сто Могил [35]. И такая претензия имела свое основание. Дело в том, что с начала XV века, благодаря завоевательным походам литовско-руского короля Витовта, границы Южной Руси далеко раздвинулись к юго-востоку и дошли до берегов Черного моря. Витовт восстановил Канев, основал Черкасы, Кременчук, Мишурин Рог, таможню на острове Тавани, крепость Дашов (Очаков) и гавань в стоянке Хаджи-бей, теперешней Одессе [36].

Но сила была не на стороне запорожцев, и они в конце концов принуждены были смириться и замолчать. Каково было действительное в это время настроение войска — это можно видеть из отповеди кошевого Гордиенка гетману Мазепе, писанной сентября 16 дня

и посланной им в Батурин. В этой отповеди запорожцы и их кошевой то высказывают благодарность царю и гетману за оказанное им внимание присылкой денежного жалованья, то подбирают самые ядовитые выражения для того, чтобы показать, чего в действительности стоют те царские подарки, то, наконец, упрекают царя и гетмана за недосылку давно следуемой войску пороховой и денежной чи.

«Мы, войско запорожское, отпускаючи отъ насъ изъ Кошa присланного дворянина царского величества Петра Базлова, якій былъ зъ монаршимъ его милостивымъ жалованьемъ, въ свой ему путь, вручили до рукъ его нашу войсковую челомъ битную благодарственную до царского величества грамоту, въ якой, вѣдомо велможности вашой чинимъ, отдали по силѣ нашой царскому величеству за премилостивое обослане жалованя з обовязаньемъ самихъ насъ впредь ему, великому государю, быти въ щирой зичливости и до вшелякой службы готовности, и иніи намъ потребніе пункта, въ той же выразили челомбитной, о которихъ велможности вашей вѣдомо да будетъ, ижъ мы, кошовій зо всимъ началомъ и зо всѣми атаманы куренними въ сей присланной царского величества казнѣ такіе приняли соболѣ, якихъ отъ вѣку на Кошъ грубыихъ не присылано: не соболѣ, але голые шкурки, а еще и тимъ огонки и лапки передніе поурѣзовани, прето писали до царского величества о его монаршій указъ упрошаючи, дабы повелѣлъ болшъ такихъ подлихъ соболей, такъ тѣжъ и обрѣзованіи, не присылати бо и... мовати впредь не обѣцуемся. Еще тежъ и о томъ царскому величеству прикладали, ижъ въ першой нашой грамоткѣ, якую презъ полковника нашего Григорія, которій простовалъ въ тотъ часъ по монаршое жалованье, препосилали до царскаго величества, виражали, просячи о присылок дворочной пороховой, свинцовой казны, якихъ роковъ намъ не доходили, теди при поворотѣ полковника нашего теперь зъ столицѣ нѣякой намъ нѣ словесной, а нѣ грамотной не было отповѣди и по прошенію нашему не учинено. Еднакъ-же за другое пишучи до царского величества просили, абы не презрѣвши просьбой нашею, повелѣлъ насъ войско свое вишъ помянутой казной обослати. На якіе теди пункта, намъ потребніе, упрошаемъ велможности вашой, хотѣте, велможность ваша, свой висоце поважній рейментарскій до его царского пресвѣтлого величества причинній заслати листъ, абы за преповажною инстанціею велможности вашой и наша царского величества прозба тща не была. Тутъ-же велможности вашой ознаймуемъ, же мы присланную сумму грошей отъ умис(л)не посланнаго Якима Кныша полчварти тисячи сполне приняли до рукъ нашихъ и, зчитавши ихъ, отложили до скарбници войсковой нашой. Тилкожъ намъ, войску, тіе полчварти тисячи барзо зостаютъ въ подивленіи великомъ, же прошлого року велможность ваша з прещедрой своей ласки намъ рачили прислати пять тисячей, а нынѣшнего року не зуполную сумму велможность ваша прислали,— тилко пол-

чварти тисячи: знать то не ласковое на насъ, войско, от велможности вашой является призрѣніе. Зачимъ велце упрошаемъ велможности вашой: хотѣте, велможность ваша, свою всегдашнюю намъ явивши милость, прислати и тѣ полтори тисячи до сій нашій полчварти, абы была совершенная по такъ рочному сумма; а поневажъ велможность ваша и симъ насъ зъ премилостивой своей ласки звиклимъ нашимъ изволили обослати даткомъ, теди покорне упрошаемъ: извольте, велможность ваша, насъ, войско, въ скоромъ часѣ, не откладаючи до повороту вашего зъ военного походу, нашимъ годовимъ борошеннимъ обослати даткомъ» [37].

Запорожцам приходилось терпеть не только от самого гетмана, но и от разных лиц, ему подведомственных, как например, от гетманского дозорцы Романа Селезневича, опозорившего двух войсковых посланцев. Эти посланцы, возвращаясь от гетмана, заехали в Переволочну и там были у спасского попа в господе (доме) на прогуляньи. Селезневич, увидя там запорожских посланцев, исполнился такой дерзости, что одного бил по щекам, а другого бесчестил многими «простацкими» названиями, заливал ему очи горилкою и другими напитками. «И то онъ не посланнихъ нашихъ, але все войско, насъ такъ велце обезчестилъ, прето мы, войско, соболѣзнуючи своего безчестья нѣчіим инымъ вспартемъ, тилко велможности вашой укладаемся: хотѣте, велможность ваша, зъ Романа, дозорцы переволочанского, учините ему справедливость, иже бы онъ впредь такого дерзновенія и самовольства презъ указъ велможности вашой нашимъ сѣчовимъ товариству не важился чинити» [38].

Вследствие всего этого враждебное настроение запорожцев против гетмана Мазепы и москалей все более и более возрастало и они ждали только случая, чтобы причинить вред своим притеснителям. Но Мазепе доподлинно известно было все, что творилось в Запорожьи, через тех тайных шпионов, которые служили ему за деньги. Таков был запорожский войсковой писарь Василь Зеленый. В половине сентября месяца Зеленый прислал тайный лист Мазепе (за подписью П. К. П. В. З. Н. р. в. л.) и в том письме подробно известил гетмана «о деючихся теперешнего лета поведениях» в Запорожьи. Когда в Запорожье донеслась весть о том, что Мазепа вышел в военный поход и находится уже за Киевом, тогда все козаки единодушно решили идти на Украину и перебить там панов с арендаторами, но все это делалось весьма скрытно и речь о том сперва велась по куреням, а потом уже открыто произносилась на майдане; козаки говорили, что лишь только они выйдут из Сичи, как к ним присоединятся все украинские селения, и тогда, за отсутствием гетманских полков, все паны будут перебиты в одну неделю. Решено было сперва идти по соль до Прогноев, а потом, по возвращении из Прогноев, вернуться до Сичи и идти в полки Миргородский и Прилуцкий разбивать селитренные майданы. Но намерение это не было приведено в исполнение и запорожцы сами своих пограбили на

Буге и на Днепре на добычах. К тому же и соль села в Прогноях и «такъ завзятіе ихъ знищилося, еднакъ на прійдучое лѣто (они) цѣле мѣютъ подъ майданы походъ мѣти». Настоящего ж лета случилось такое обстоятельство: какой-то козак Каневского куреня, будучи в Каменном Затоне, напился пьян, упал в городской ров и уснул в нем, где нашли его москали и взяли под караул. После того запорожцы писали о том козаке в Каменный Затон и просили воеводу выпустить его на волю. Но воевода не внял тем просьбам, и тогда запорожская чернь подняла большой бунт и хотела в ночное время огромным скопом сделать нападение на Каменный Затон, словить несколько десятков москалей и решила даже самую крепость разорить до основания. Но к тому не допустили чернь старые козаки и кошевой атаман Гордиенко. Сам кошевой несколько раз объявлял, что если москали будут безвинно брать в тюрьму запорожских товарищей, то он сам о тридцати конях и не ночью, а днем, сколько схочет, столько и «налыгаетъ» москалей до Сичи. Многие из черни имели намерение также броситься на самарскую толщу и разбить там все пасеки, разбивши пасеки, идти под Вольное и под Самарию (т. е. Новобогородицк) и захватить там череду (стадо коров) и стада коней. «За харцизами, албо коноводами, барзо кошевій руку держитъ и покриваетъ ихъ (ежели будетъ вашей велможности потребно, всѣхъ по имени натермѣновати могу), якъ можетъ; а гдѣ якіе конѣ заиметъ которій, онъ, нѣбы слѣпій за плотъ (плетень) держится, все Искрою да миргородскимъ полковникомъ отмагу чинитъ» [39].

Несмотря на такое шатостное настроение запорожского войска, в это же время шел вопрос о пограничном русско-турецком размежевании. Октября 22 дня между Россией и Турцией установлена была так называемая «межевая запись» стараниями русского думного дьяка Емельяна Украинцева и турецкого паши эффенди Коч-Магмета. Эта «межевая запись» гласила следующее: «Початокъ границъ отъ польскихъ концовъ, гдѣ польская граница скончалась, внизъ рѣкою Бугомъ до нашихъ коммиссарскихъ обозовъ, и отъ нашихъ коммиссарскихъ обозовъ паки рѣкой Бугомъ за два часа до Ташлыка, который называется по-турецки Великій Конаръ [40], и отъ Великаго Конара полемъ поперекъ рѣку Мертвово (т. е. Мертвовод), а перешедъ Мертвово, полемъ черезъ Еланецъ, который по-турецки называется Енгулою, где впадаетъ Великій Ингулъ [41]; потомъ перешедши Великій Ингулъ, полемъ до рѣки Малого Ингульца, а перешедъ Малый Ингулецъ черезъ бродъ Бекеневскій [42], который отъ Кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того броду полемъ прямо до устья рѣчки Камѣнки, где оная впадаетъ въ Днѣпръ, а отъ Кызыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тамъ кончается граница» [43].

Впрочем, в той же «межевой записке» сделана оговорка, что «подданные его царского величества вольно могут ходить на Лиманъ

и на Черное море для своихъ пожитковъ, токмо смирно и безъ оружія».

По донесенію одного из русских комиссаров Димитрия Максимовича гетману Мазепе от 24 октября с Буга и Корабельной, дело об установлении пограничной русско-турецкой черты на этот раз, однако, не было вполне окончено: причиной тому была внезапная смерть турецкого комиссара паши Коч-Магмета и необыкновенные претензии, предъявленные со стороны новых турецких комиссаров.

Дело об определении границ, тянувшееся, как писал Максимович, уже в течение трех лет, с приездом вместо умершего паши Коч-Магмета нового турецкого комиссара, длилось еще около трех недель и все еще не приведено «къ всеконечному окончанію». «Съ сей (т. е. правой) стороны Днѣпра зе́мли и рѣчки воспріяли опредѣленіе не концами или какими, явно положенными знаками, а только изображенной на письмѣ линіею въ такомъ порядкѣ и расположеніи: отъ польской границы внизъ рѣкою Бугомъ до Ташлыка, отъ котораго неподалеку во время чигиринской войны были турецкіе мосты, а отъ того Ташлыка полемъ прямо черезъ Мертвыя Воды, через Великій Ингулъ и Малый Ингулецъ до устья рѣчки Каменки, которая выше Кызыкерменя въ нѣсколькихъ миляхъ въ Днѣпръ впадаетъ. Въ письмахъ, взаимно данныхъ, положены крѣпкія статьи о томъ, что мирные договоры о нестроеніи Кызыкерменя и иныхъ городовъ, о нестѣсненіи вольностей и всякой свободы, о мирномъ между собою пограничномъ пребываніи и все, что въ нихъ на пользу всенародную положено и поставлено, были ненарушимы сохранены. О крымской-же сторонѣ никакой отмѣны въ письмахъ не сдѣлано, потому что когда пришла очередь договариваться о ней, то отъ (турокъ) были предлагаемы неудобо рѣшительные запросы, особенно о Каменномъ-Затонѣ, и хотя мы, согласуясь съ пактами, склоняли ихъ къ согласному той стороны разсужденію, однако они, опираясь вмѣсто дѣствительной причины на свое упорство, это принять по нашему предложенію и описать не захотѣли, чтобъ та сторона въ такомъ порядке оставалась, какъ о ней въ мирномъ договорѣ положено; только къ тому и приклонились, чтобы отложить коммиссію о той сторонѣ до предбудущаго года... Послѣ этого начальные комиссары обѣихъ сторонъ Днѣпра, октября 25 дня, разъѣхались во-свояси».

В конце листа Максимович приложил особую цыдулу, в которой о запорожцах заметил так: «Господа запорожцы до сего времени пребываютъ въ постоянствѣ, и хотя в теченіе цѣлого лѣта чинили похвальбы, однако указами удержаны были, и нынѣ послѣдняя монаршеская грамота, задержанная у думного (дьяка), послана на Кошъ» [44].

Устранив себя против воли от пограничных дел, запорожцы, главным образом их кошевой атаман Константин Гордиенко, взамен того старались сделать вред москалям и вместе с ними людям гет-

манского регимента в других отношениях. Так, когда великороссийские ратные люди должны были переправляться через днепровские пороги в том же 1705 году, чтобы попасть в русские крепости против Сичи и ниже ее, то кошевой Гордиенко отдал тайный приказ кодацкому полковнику дать москалям такого «переправщика», который бы все байдаки русские разбил и всех ратных людей до единого потопил. Такой же ненавистью дышали Гордиенко и его близкие клевреты к посполитым гетманского регимента, поселившимся по реке Самаре и основавшим там свои хутора: считая реку Самарь искони веков собственностью войска, запорожцы отнимали у них скот, разоряли пасеки и угоняли лошадей [45].

Гетман Мазепа подозревал, что такое задорное настроение в войске запорожском поддерживают крымские татары и потому из Москвы послан был для приведения запорожцев на верность государю стольник Федор Протасьев, с которым соединился генеральний асаул гетманский. Но ни стольник, ни генеральный асаул не могли узнать о скрытых замыслах кошевого Гордиенка; сами же запорожцы только «на голых словах декларовались в верности великому государю», а присягу обещали принести только тогда, когда к ним прибудет от царского величества «какая-нибудь знатная особа» и посланный от гетмана с «казенчиками» и с царской казной. О таком поведении «скаженыхъ псовъ запорожцевъ и о врожоной и обыклой нестатечности ихъ», Мазепа донес мая 14 дня 1706 года графу Федору Алексеевичу Головину [46].

В Москве по-прежнему терпеливо относились к непостоянству запорожцев и в конце июня месяца на имя кошевого атамана Петра Сорочинского отправили в Кош годовое денежное жалованье с дворянином Дуровым и подъячим Борисовым [47].

Такое снисхождение Москвы к запорожскому войску объясняется самым положением дел того времени в России: на юго-востоке в это самое время открылся астраханский бунт, на юго-западе показался со своими победоносными полками шведский король, прошедший через Полесье на Волынь и из Волыни имевший намерение идти на Киев. Поэтому русскому царю приходилось не наказывать, а всячески привлекать к себе запорожских козаков. Ввиду близости врага царь Петр Алексеевич июля 4 дня приехал в город Киев и провел в нем полтора месяца. Чтобы дать отпор врагу на случай прихода его в Киев царь августа 15 дня заложил крепость под Печерским монастырем и для производства земляных работ определил малороссийских козаков. Вслед за тем он послал грамоту и в запорожский Кош. В этой грамоте царь извещал, что он с великороссийскими и малороссийскими силами обретается в городе Киеве для данья отпора неприятелю, шведскому королю, и повелевает подданному войску запорожскому прислать некоторое число «добрых козаковъ въ слученіе велико и малороссійскихъ войскъ», за что обещает всему низовому товариству свою царскую милость [48].

Когда царская грамота дошла в Запорожскую Сичь, то там собрана была общая рада и на той раде царский приказ объявлен был вслух всему войску. Охотников до войны оказалось очень много и над ними назначен был полковником знатный товарищ Игнат Галаган.

Отправляя отряд козаков на царскую службу, запорожцы в той же раде сентября 15 дня написали от всего войска обширную челобитную государю и вручили ее полковнику Галагану для передачи «подъ пречестныя стопы царскія».

«Писалъ до насъ, войска запорожского низового, вѣрный обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Степановичъ Мазепа, гетманъ и славного чина св. апостола Андрея кавалеръ, упрекая насъ и грозя вашего царского пресвѣтлого величества монаршескою опалою за то, что будто сего лѣта нѣкоторые козаки нашего войска обдирали, на разныхъ мѣстахъ и дорогахъ, переволочанскихъ и иныхъ жителей полтавского полка, возвращавшихся отъ Буга и Днѣпра, грабили во всемъ и подъ городами дѣлали шкоды, что гетманъ поставлялъ намъ на видъ и требовалъ прекращенія такого своевольства. Тогда мы, подлинно удостовѣрившись о томъ своевольствѣ, немедленно послѣ общей рады нашей послали трехъ на три части полковниковъ нашихъ съ немалымъ числомъ войска для искорененія легкомысленниковъ тѣхъ. Схвативши нѣкоторыхъ изъ нихъ, полковники узнали, что ихъ собралъ на то легкомыслiе бывшій прилуцкій городовой атаманъ съ вольною (ватагою) изъ Полтавы; они причинили немало шкоды въ городаъ и разнымъ людямъ въ дорогахъ, прикрываясь именемъ запорожцевъ. Изъ пойманныхъ легкомысленниковъ, которые поступили по разбойницки, однихъ мы нашимъ войсковымъ правомъ смертнымъ покарали; а другихъ до городовъ, передъ которыми они въ чомъ были преступны, головами изъ войска выдали. Также в сей челобитной грамотѣ нашей доносим вашему царскому величеству, не меньше соболѣзнуя сердцем и о томъ, что когда по вашему царского величества указу, наше войско было на услугахъ военныхъ подъ Печерами въ Москвѣ, то повернувъ назадъ из-под Печеръ въ малороссійские города, многое наше товарищество на обыкновенное житье въ Сичь прибыло, а нѣкоторые, вслѣдствіе пляги (бѣдствія) моровой, въ Сѣчи на тотъ часъ бывшей (отъ которой всѣхъ православѣрныхъ христіанъ отратуй, Боже!), поостались въ городахъ малороссійскихъ. Всехъ этихъ, числомъ тысячу, затягомъ забравши, отпровадили (о чемъ думаемъ неизвѣстно вашему царскому величеству) на государскія ваши водоходныя каторги, а иныхъ безвѣстно въ разныя неволи позадавали, отъ которой неволи нѣкоторые выходцы освободились и намъ, войску, подали о томъ извѣстіе. Соболѣзнуя о нашей братіи, мы бьемъ челомъ вашему царскому величеству: пожалуй, великій государь, ваше царское пресвѣтлое величество, невинно страждущихъ по своему превысочайшему Богомъ вразумленному и Богомъ укрѣпленному царскому разсмотрѣ-

нію отъ той неволи невинной и утрапленія (мученія) освободити и на обыклое съ нами въ Сѣчь запорожскую мѣшканье (жительство) освободить, за что мы, подданное войско запорожское низовое, вашему царскому пресвѣтлому величеству во всемъ вѣчную и радѣтельную нашу службу, до конца жизни, исполнять будемъ, до лица земли челомъ ударяя. Вашего царского пресвѣтлого величества подданного войска запорожского низового атаманъ кошовій Лукіанъ Тимофѣенко съ товариствомъ. Данъ на Кошѣ въ Сѣчѣ запорожской сентеврія 15, 1706 року» [49].

Эта челобитная не застала уже царя в Киеве и просьба запорожцев не имела никаких последствий.

Тем временем гетман Мазепа, узнав о выходе запорожского отряда из Сичи, поторопился предупредить и лично (будучи в Киеве) и письменно ближнего государева боярина Федора Алексеевича Головина о том, что запорожцы не успеют собраться в поход, как будут просить о денежном вспоможении себе. И точно, едва только полковник Галаган вышел с отрядом из Сичи, как к Мазепе пришла просьба о назначении товариству на войсковой поход денежной платы. В сущности Галаган был прав в своем требовании, потому что откуда же было взять запорожцам денег для подъема в такой далекий от Сичи поход? Но гетман на требование Галагана отвечал, что, по всенародному обыкновению, войско сперва служит а потом уже просит платы за труды свои; и вслед за тем, узнав о том, что запорожцы держат свой путь на Киев, известил их письмом, что в Киеве ни царских войск, ни самого государя они не найдут, а потому им следует идти на Белую Церковь и на Полонное и потом явиться перед лицом ближнего государева боярина Федора Алексеевича Головина. Самого Головина Мазепа, впрочем, письменно просил, чтобы он, согласно его обещанию, приказал выдать запорожцам по одному рублю жалованья на человека для поощрения «радѣтельнѣйшей охоты и тщательнѣйшей службы», но за то советовал ему не держать их праздными и, как можно скорее, доставить им какое-нибудь дело, потому что, оставаясь без дела, они будут чинить разорения и грабительство людям, а пограбивши и обнаживши людей, захотят возвратиться на зимние квартиры на Украйну, на Украйне же и без них некуда поместить сердюков и компанейцев — ради этого гетман просил куда-нибудь подальше запорожских козаков на монаршую службу ординовать, чтобы они там и служили и зимние квартиры имели [50].

Между тем запорожцы, выйдя в поход, тщетно добивались получения государева жалованья: как и прежде, так и теперь они должны были питаться от своего «хребта», большей же частью обременять местных обывателей разными требованиями в корме и питье. Местные же обыватели, недовольные поведением запорожских козаков, заносили жалобу на них гетману Мазепе. Тогда Мазепа предписал запорожской пехоте вернуться назад, а коннице

продолжать дальнейший путь и явиться к боярину Головину, который даст ей «по какому-нибудь рублю» на кожухи и отведет квартиры на время зимы. На такое предписание гетмана запорожцы возражали, что конные козаки ни в коем случае не могут покинуть своих пехотных товарищей, в противном случае, если они вернутся из похода, то не будут приняты в Запорожскую Сичу. Взамен приказа гетмана они прислали ему писанный от Коша лист с просьбой о том, чтобы гетман за те убытки, которые запорожский отряд понес в течение целой осени и половины лета, лишившись вследствие похода рыбной и соляной добычи, дал им от себя консистенцию.

Гетман на такое требование со стороны запорожцев предписал им или немедленно идти в Польшу, где они получат зимнюю консистенцию, или же возвратиться назад в Сичу; в противном случае грозил отдать приказ силой выпроводить их из края и не допускать ни в какой город, а для приведения в исполнение своего приказания велел нарядить один полк пехотный в Чигирин и два охочекомонных полка в Белую Церковь, Корсунь и Богуслав. «Трудно мнѣ было монаршую волю перемѣнити, а сгола тѣхъ бездушниковъ, запорожцевъ, ненадобно было на службу военную взывати: они никогда и нигдѣ не могутъ быть постоянными, понеже ни Бога ни государя, ни власти моей гетманской не боятся» [51].

Обиженные таким тоном обращения со стороны Мазепы и лишенные всякой надежды на получение царского жалованья за свою службу, запорожцы с полковником Игнатом Галаганом оставили дальние города и возвратились в Сичу. Поэтому немудрено, что в Сичи с возвратом запорожцев из похода, произошло настоящее смятение. Тотчас собрана была всеобщая войсковая рада и на той раде большинство голосов стало кричать о том, что нужно отправить в Крым знатнейших людей «въ заставу» и просить через них крымского хана прислать запорожскому войску в помощь татарскую орду. Другие тому стали противиться и по этому поводу в Сичи произошла междоусобная драка: «козаки одного куреня пошли на козаковъ другого и непрестанно между собою бьются». Всех больше бунтовал и других к тому бунту возбуждал, как извещал о том Мазепа графа Головина, «древній злохитрій песъ Костя, бывшій кошевій, которій у запорожцевъ мѣлъ любовь». Те «злонравные» запорожцы похвалялись, что они сами себе возьмут награду за то, что, проведя время на службе государя, напрасно погубили целое лето и осень и награды никакой не получили.

Гетман отдал приказ своему дозорце строго наблюдать за тем, чем кончится несогласие между запорожскими козаками, а сам решил на случай положительного намерения их перейти на сторону хана спуститься с полками до Гадяча и предупредить Кош от такого пагубного дела [52].

Однако междоусобие в среде запорожских козаков на этот раз скоро прекратилось. К концу 1706 года кошевой атаман Лукьян

Тимофеенко (он же Лукьян Тимофеевич) успел объясниться с Мазепой и рассеять всякие со стороны гетмана насчет запорожцев подозрения. В это же время царь Петр Алексеевич отдал приказ уничтожить «новоустроенный кабакъ и таможенные заводы» в Каменном Затоне и за то потребовал от запорожцев, чтобы они не смели «ссорно и невѣжливо, подъ опасеніемъ на нихъ гнева монаршескаго», писать воеводам каменнозатонским и пребывали бы с ними в совете и добром обращении.

Запорожцы благодарили царское величество и гетманскую вельможность за явленную им милость, но возражали, что с такими воеводами как бывший Степан Петров Бахметьев и настоящий Илья Родионов Чириков невозможно жить в миру; воеводы хватают ни в чем не повинных козаков в лугу и в других местах и держат их у себя в неволе, точно думают о том, чтобы забирать в Сичи «десятаго отъ козаковъ въ десятину». Так они захватили Максима Шпоченка, козака Левушковского, Грызея, козака Шкуринского, Лукьяна, козака Корсунского, да хлопца куреня Поповичевского. Поэтому кошевой атаман и все низовое товарищество очень просят гетмана Мазепу подействовать на каменнозатонского воеводу вернуть взятых козаков в Сичу для избежания между запорожцами и каменнозатонцами «турбаціи и нечаянной трудности». А что до упрека гетмана запорожскому войску относительно взятых товариществом у путивльца Юрия Беляева десяти куф (бочек) горилки и относительно отогнанных козаками у харьковцев коней, то на это кошевой отвечает: коней у харьковцев взял бывший атаман города Прилук с какими-то своевольниками, хотя и именующими себя запорожцами, но вовсе к запорожскому войску не принадлежащими, а горилку действительно взяли запорожцы, но не десять куф, а «полгварты» куфы, которую они, по своему обыкновению, тотчас же по куреням подуванили, за здравие царского величества и гетманской вельможности всю «до крапли истощили» и очень сожалеют о том, что, имея в руках Юрия Беляева, с душой от себя его отпустили [53].

Вследствие такого представления запорожцев наведена была справка «въ разрядѣ» об обращении их с каменнозатонцами за время от 1702 по 1707 год, и козаки были обвинены в следующих 22 пунктах по отношении «къ годовымъ ратнымъ людямъ въ Каменномъ-Затонѣ и разнымъ посыльнымъ въ тотъ городъ и назадъ изъ него возвращавшимся».

1) Ахтырского полка у козаков, которые были в подводчиках под провиантом у Каменного Затона, запорожцы отобрали 70 лошадей; о том писано в Малороссийский приказ и велено, отыскав тех лошадей у запорожцев, отослать в Каменный Затон, а козакам, чрез старшину, с жестоким страхом объявить — впредь так козакам не чинить; а кто так учинил, тех наказать по их обыкновению. 2) Денежную казну, которая послана была в Каменный Затон,

135 рублей, козаки за Самарью отбили и капитана да трех солдат до смерти порубили. 3) Пятьдесят одну лошадь против города Самары отогнали. 4) Каменнозатонского жителя черкашенина, который послан был в Крым, на дороге захватили, завели в Сичу и там до смерти убили. 5) Города Соколки черкас, которые ехали в Каменный Затон с харчом, били и взяли у них вола да харчей на 27 рублей. 6) На курский стрелецкий Чичагов полк напали, многих перекололи и переранили, да 78 лошадей отогнали и после того, когда кошевой послал в Каменный Затон козаков Кущовского куреня Трофима Черного, Корсунского куреня Лукьяна Романова, Величковского куреня Ивана Григорьева, то козаки эти при допросе в захвате лошадей и не запирались. 7) Атаман Ирклеевского куреня Павел по приказанию кошевого, поймав тех воров, которые отбили лошадей, 13 человек послал в Каменный Затон с козаком Василием Грызеем с товарищами, но Василий Грызей 9 человек из тех воров отпустил с дороги; тогда воевода Данила Шеншин того козака Грызея задержал в Каменном Затоне, а о сыске остальных писал к кошевому и посылал поручика, которого кошевой бил; в письмах Чичагова да Митчеля сентября 30 дня 1703 года сказано, что из вышеписанных воров Трофим Черный да Иван Григорьев из-под караула ушли, а Василий Грызей да Лукьян Романов посланы в Батурин к гетману в 1704 году, а в гетманском доношении написано, что те козаки умерли, один в дороге, а другой в Батурине. 8) У курского Чичагова полка за Днепром 74 лошади отогнали и одного стрельца до смерти убили, а другого поранили; после розыска 50 лошадей прислали, а воры убежали. 9) У дьяка Петра Исакова, который был в Каменном Затоне, да у чугуевских козаков, бывших при том дьяке, 26 лошадей отогнали, и посланные за теми ворами лошадей отбили, а сами воры в степь убежали. 10) Бернерова полка у солдат конское стадо отогнали; те солдаты им не давали; козаки по ним из пищалей стреляли и одного солдата насквозь прострелили 11) Посланному от гетмана кошевой Гордиенко говорил в Сиче, что если Каменного Затона великий государь свесть и разорить не прикажет, то за то быть войне великой; да ему ж (посланному) говорил куренной атаман, чтоб он каменнозатонскому воеводе сказал, дабы воевода отпустил запорожских козаков из-под караула: если же не отпустит, то они прийдут в Каменный Затон и всех людей поколют. 12) Полковник Бернер прислал в каменнозатонскую приказную избу запорожского козака Левушковского куреня Максима Шпоченка; Шпоченко, идя мимо караула, сказался руном (?) и по гетманскому доношению, отослан к гетману для учинения ему указа. 13) На капитана Лошакова, который ехал с товарищем и с солдатами к стругам, запорожские воры наехали с ружьем и по ним стреляли, одного ранили, лошадь с телегой отбили, а в той телеге было остаточных от солдатских дач 50 рублей денег да капитанских денег, рухляди

и платья на 25 рублей; и кошевой из тех воров сыскав двух человек, прислал в Каменный Затон, которые при допросе в том винились и из них один в Каменном Затоне умер, а другой к гетману отослан. 14) На семь человек белогородцев, которые ехали за запасом из Каменного Затона, они ж, воры, напали, 5 человек до смерти побили, а 2 изранили. 15) У харьковского полковника близ Самары из конского стада 180 лошадей отбили; посланные того полка козаки 116 лошадей возвратили, а остальные 74 были угнаны ворами. 16) У фуркатов, которые стояли у Сичи, сиченские козаки, приходя ночью человек по 400, железо убирали и носили в Сичу, да 45 фуркатов, разломав, развезли в Сичу ж; а караульщиков, которые находились у тех фуркатов, били; те фуркаты сделаны в 205 году в Брянске для морского хода из Тавани князя Якова Федоровича Долгорукого и для хлебных запасов и в 206 году те фуркаты от Томаковского острова отправлены для сбережения в Сичу, а когда был выстроен Каменный Затон, то они были перевезены вследствие того, что их занесло песком и сквозь них выросла трава и поросли кусты. 17) Посланного в Каменный Затон откупщика Беляева, которому велено быть на отдаточном дворе у сбора, они в Сиче долгое время держали и били и 5 куф вина взяли, а ныне, по гетманскому прошению, тому кабаку в том городе быть не велено. 18) Васильева полка Данилова на солдат напали, которые ездили за дровами, одного в бороду пострелили, а другого дубьем били и двух лошадей отняли, а из тех воров посыльные от полка поймали черкашенина Буртовского с сыном Кириллом и опознали у него с тех отогнанных лошадей оброть; в допросе же тот козак запирался, а сын его признался, что он видел воров, которые лошадей отняли; он дал сказку в поставке тех воров, но не поставил, почему и был задержан; а по расписному списку Ильи Чирикова написан в колодниках только сын его; велено было, описав его, отослать дело о нем к гетману для учинения указа. 19) Из Каменного Затона в Сичу послан был с листом от генерала Мосальского начальный человек с тремя солдатами; из них 2 человека явились, а начальный человек и один солдат, как передавали, задержаны кошевым в Сиче и находятся в оковах. 20) На солдат, которые посланы были до Переволочны, напали запорожцы и одного искололи, который от раны умер, и пищали у них и почтовых лошадей побрали, и только два человека ушли от них живы. 21) Полковник Романовский посылал в Сичу двух человек урядников для своего дела и из тех посланных один явился, а про другого сказал, что он задержан в Сиче за вышеписанного козацкого сына; в письме кошевой атаман требовал отпустить того хлопца из Каменного Затона, после чего обещал отпустить и задержанного солдата. Запорожцы требовали доставить в Сичу того невинного хлопца Поповичевского куреня, которого Степан Бахметьев свез в Москву из Каменного Затона; если же хлопец не будет отпущен, то присланные из

Каменного Затона будут задержаны в Сиче. Степан Бахметьев в допросе объявил, что такого куреня хлопца и никакого другого он в Москву с собой не возил, а те из виновных запорожцев, которые были задержаны в Каменном Затоне, отданы по росписному списку Илье Чирикову. А в росписном списке Чирикова сказано, что запорожцев задержано в городе 2 человека, но каких куреней, не написано, да и тех велено было, описав об них дела, отослать к гетману для указа. 22) Писал Илья Чириков, что в Сиче кошевой атаман держал за караулом три дня четырех человек куренных атаманов за то, что козаки их куреней грабят проезжих людей по дорогам и к ним, атаманам, их привозят, и кошевой послал 160 человек козаков для сыска и поимки тех воров [54].

Сколько было правды во всех этих обвинениях, возведенных на запорожцев, и насколько были беспристрастны запорожцы в своих жалобах на воевод Каменного Затона, сказать трудно. Одно лишь можно заметить, что озлобление с той и с другой стороны было слишком велико. Запорожцы, считая построение Каменного Затона в виду самой Сичи угнетением своих вольностей, решительно не могли переносить этого, но, не будучи в силах разрушить его, жестоко мстили при всяком удобном случае ненавистным каменнозатонцам. Для запорожцев крепость эта была настоящим бельмом на глазу, и они просили и требовали разрушения ее.

В Москве, однако ж, твердо стояли на том, что крепость построена не для надзора за действиями запорожцев, а для обороны в борьбе с турками. Своевременно и не один раз посылались «крѣпкіе заказы» каменнозатонскому воеводе Даниле Шеншину не чинить с запорожцами никаких ссор, не наносить им обид и грабительств и не брать с запорожских рыбных промышленников и с купцов разных товаров десятины, которую он действительно брал с них, но брал, как сам говорил при допросе, «въ почесть» и по заведенному самими промышленниками «обыкновенію», дававшими всем таванским и каменнозатонским воеводам разные приношения и вином, и чехами, и рыбой. Воеводе Степану Бахметьеву также не раз предписывалось жить с запорожцами в совете, не позволять разным людям чинить с козаками задоров и не вступаться за их грунты. Воеводе Илье Чирикову приказывалось иметь с запорожцами добрый привет и ласку, задора с ними не чинить никакого и «обходиться съ ними, яко съ лехкомышленными»; за ратными людьми смотреть «накрѣпко», а всех задержанных запорожцев в крепости отослать гетману в Батурин [55].

Такие меры, видимо, до известной степени успокоили запорожцев, и гетман Мазепа известил графа Гаврилу Ивановича Головкина о прекращении смут в среде запорожского войска и об оставлении ими всякого намерения относительно союза с Крымом: «Тому воспротивились старшіе тамошніе, здавна въ Сѣчѣ пребывающіе, и совѣтомъ своимъ отъ того всезлобного намѣренія отвратили» [56].

Такое же спокойствие, по-видимому, водворялось и в окраинах Запорожья; так, в апреле месяце того же 1707 года полтавский полковник Иван Левенец захватил за рекой Самарой известного разбойника Лебедина, разбившего в предшествовавшем году греческий караван и разгуливавшего потом в самарских местах. Неспокойно было только возле Буга: там производил опустошение бывший кошевой атаман Константин Гордиенко, почему-то покинувший Сичу и ушедший на Низ. Против него высланы были в мае месяце два компанейских полка, которые однако ни с чем возвратились [57].

В Сичи на ту пору был уже новый кошевой Петро Сорочинский. Мая 29 числа кошевой Сорочинский и все запорожское низовое войско написали челобитную царю Петру Алексеевичу с просьбой о выдаче годового жалованья войску и для получения того жалованья отправили в Москву знатных товарищей: Заику, Константея, войскового писаря, войскового асаула и «обыкновенное» число посполитого товарищества. Вместе с просьбой о жалованьи запорожцы просили государя не винить их в злых действиях своевольных людей, которые набираются от волошской стороны, от Дона, от москалей, гуляют по разным степным местам, причиняют людям по дорогах несносные беды, производят на трактах разбои и, называя себя запорожскими козаками, войско запорожское тем безвинно позорят и перед целым светом оглашают, чрез что на него и гнев царского величества воздвигают. Кроме своевольных людей немалые беды причиняют войску запорожскому и жители Новобогородицкой и Новосергиевской крепостей. Они, с позволения своего воеводы и сотника, смноголюдством врываются во внутрь запорожской паланки; пасеки запорожские разоряют; товарищество и севрюков избивают (одного севрюка совсем утопили); козаков на обыкновенную добычь не допускают, а «на остатокъ сего лѣта, паланку спаливши, севрюковъ разогнали, несносно пустошь внутрь самого угодья, яко сами хотятъ, чинятъ» [58].

Быть может, мирное настроение запорожских козаков и еще несколько бы времени продолжилось, но в это время на политическом горизонте Запорожья показалось одно мрачное облако, и тогда Запорожье внезапно заволновалось, как внезапно приходит в сильное волнение от дуновения легкого ветерка назревающая нива. Причиной тому было появление в Запорожье известного в истории войска донского козака Кондратия Булавина, поднявшего бунт на Дону против московского правительства.

Прежде чем поднять бунт в земле донских козаков, Булавин, по его собственным словам, побывал сперва на Терках, в Астрахани и в Запорожьи [59] и принял присягу на вспоможение себе от терчан, астраханцев и запорожцев. Октября 9 1707 года Булавин разбил высланный против него отряд русских солдат с полковником Юрием Владимировичем Долгоруким, убив последнего на месте, но потом сам потерпел поражение у речки Айдары от донского атамана

Лукьяна Максимова и бежал из Айдарского леса в пределы вольностей запорожских козаков. Прибыв в Запорожье, Булавин сперва остановился в урочище Кленкове на речке Калмиусе; из Кленкова переехал в Сичь, объявился там кошевому атаману, показал «прелестныя письма» к запорожскому войску от всего донского войска, объявил, будто войско донское отложилось от государя и стал приглашать запорожцев идти на Русь бить бояр, дворян, прибыльщиков и подъячих. Три раза по этому поводу собиралась рада в Сичи, и всякий раз «молодята» требовали от войсковой старшины похода на Украину с целью бить панов и арендарей, но всякий раз их удерживали «старики», представлявшие два возражения против похода на города: первое — теплая зима и не совсем замерзшие воды рек; второе — пребывание в Москве запорожских козаков, которые отправлены были туда за жалованьем и чрез бунт сичевиков могли потерять там свои головы.

После такого представления со стороны запорожских «стариковъ» Булавин оставил Чортомлыцкую Сичь и поднялся выше в крепость Кодак. Отсюда он вновь стал действовать на запорожцев, подбивая их к бунту. Бывший на ту пору кошевой атаман Петро Сорочинский решительно отказался действовать заодно с Булавиным. Тогда молодежь лишила Сорочинского кошевства и вместо него выбран был снова Константин Гордиенко. Но и Гордиенко в открытом содействии Булавину отказал, и тогда запорожцы дали донскому атаману такой ответ, что они пойдут с ним на великороссийские города лишь тогда, когда он призовет к себе на помощь калмыков, черкес и татар Белогородской и Ногайской орд, а пока придут орды, позволили ему собирать к себе вольных людей. «А такъ какъ атаманъ Кондратій Булавинъ былъ въ Запорожьи объ сырной недѣлѣ, то у Константина Гордѣевича, и у писаря, и у многихъ атамановъ межъ себя совѣтовали и души позадавали, чтобъ всѣмъ имъ съ войскомъ донскимъ быть въ соединеніи и другъ за друга радѣть единодушно» [60].

После этого около Булавина собралось несколько сот запорожских гультяев, с которыми он перешел с правого берега Днепра на левый и остановился на речке Вороной ниже Звонецкого порога [61], укрепился там окопом и оттуда разослал от себя призывные грамоты, начинавшиеся такими словами: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военным походнимъ атаманомъ Кондратьемъ Афанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять по чистому полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на черны вершины самарскія» [62].

Запорожцы сначала недоверчиво отнеслись к воззванию донского атамана Булавина и в половине месяца февраля 1708 года

отправили (кошевой Гордиенко и товарищество) большое посольство из 88 человек под начальством полковников Федора (Хведора) Довбни и Власа (Уласа) Василенка, войскового писаря и асаула в Москву к великому государю с просьбой о выдаче войску запорожскому жалованья. Они написали в высокопарном стиле челобитную пресветлому царскому величеству, благочестивейшему монарху, помазаннику божию и в ней просили прещедрого государя пожаловать войско годовым «грошовымъ, суконнымъ, пороховымъ и свинцовымъ, большъ надъ (против) прошлорочного, жалованьемъ: минувшихъ годовъ бывало сукна на убранья товаришови на дуванѣ по локтю припаде, нынѣшнихъ-же временъ не только по локтю, лечь (но) и по четвертцѣ на козака не стае». За царскую милость запорожцы обещали верно и с усердным радением, не щадя здоровья, служить государю [63].

Вместо ответа на такую челобитную царь велел послать в Кош грамоту с упреком козакам за то, что войско скрывает у себя бунтовщика донского козака Булавина и не хочет выдать его в руки правосудия.

На царскую грамоту запорожцы отвечали, что хотя бунтовщик Булавин и был на Кошу и хотя он явился туда с «корогво́ю» и хотел обманом затянуть к себе товарищество, но он оставался в Запорожьи недолго, потому что козаки отобрали у него ту «корого́въ» и с бесчестием и поруганием отправили из Коша. Так как из запорожского войска никто к Булавину не захотел идти, то он ушел в ту сторону Дона, откуда и пришел, и теперь войско запорожское не может чинить над ним никакого промысла, потому что козаки по своему обыкновению находятся в разных местах, в лугах и на речках на рыбных добычах. Запорожскому войску положительно известно, что бунтовщик Булавин находится возле Дона и что к нему прибывают из Черкасского городка козаки и кормят его. Поэтому войско донское и должно вменить себе в обязанность поиску бунтовщика и вора. Когда же тот Булавин был на Запорожьи, тогда войску не было об нем никакого извещения, какой за ним проступок и нужно ли ловить его. Кроме того он прежде всего объявился самарскому царского величества стольнику и подполковнику Семену Полуехтовичу Шеншину, от которого свободно был отпущен, находился в последнее время около реки Самары; о нем знали самарские начальные люди и, однакож, не приложили своего старания к его поимке [64].

Апреля 20 числа гетман Мазепа по царскому приказу отправил в Сичь городового атамана Барышевского с приказанием кошевому атаману и всему войску поймать в Сичи вора и изменника Булавина и прислать его в Москву или в Батурин. Не довольствуясь одним приказом, Мазепа одновременно с отправкой Барышевского двинул против Булавина полтавского полковника Ивана Левенца с полком [65].

Но и на гетманское приказание запорожцы отвечали, что того бунтовщика Булавина нет в Сичи, но что они обещают, когда он явится в Сичь, поймать его и доставить в город Батурин [66].

В Москве с большим нетерпением ждали ответа из Запорожской Сичи; велено было по царскому указу задержать запорожских посланцев Федора Довбню и Власа Василенка с товарищами «до совершѣнного отвѣта о Булавинѣ». Всех посланцев поставили «подъ крѣпкую сторожу въ посольскомъ дворѣ» и приказали им списаться по этому поводу с запорожским Кошем. Посланцы, описывая свое положение «не чернилами, но кровавыми слезами», покорно просили господина кошевого атамана (Константина Гордиенка), господ атаманье и все старшее и меньшее товарищество «учинить милость и любовь къ нимъ, посланцамъ, растворить сердца свои, не оставить ближнихъ своихъ въ скорби и конечной печали и, посовѣтовавшись добрымъ совѣтомъ, какъ можетъ и преизможетъ благоувѣтливый старинныхъ головъ и молодыхъ добрыхъ молодцовъ разумъ», поспешить дать ответ в Москву о том разорителе, враге государства и плевосеятеле Булавине и «обратить прескорбные для посланцевъ дни въ пресвѣтлые праздничные дни» светлой недели, для всех радостные, но для них одних печальные [67].

Между тем атаман Кондратий Булавин в начале 1708 года оказался уже на Дону. Здесь он убил атамана Лукьяна Максимова, провозгласил себя атаманом всего войска донских козаков и овладел Черкасским городком. Вести об успешных действиях Булавина на Дону скоро дошли и в Запорожье.

Мая 13 числа собрана была всеобщая войсковая рада и на той раде козаки стали громко выражать свое неудовольствие на куренных атаманов, отговоривших товарищество от участия в предприятии Булавина и требовали от них вести охотников под великороссийские города. По этому поводу в Сичи произошла жестокая драка, после которой решено было вместо великороссийских городов сделать пока нападение на русские посамарские крепости. К счастью, как раз в это самое время прибыли в Сичу из киевского Межигорского монастыря новые иноки на смену прежних. Видя, куда собираются походом запорожцы, иноки вынесли из сичевой церкви на площадь евангелие и крест и стали увещевать козаков не поднимать войны против своих же православных собратий. Перед таким увещанием козаки не устояли и отложили раду до следующего дня, а следующим днем они несколько поуспокоились и забыли о раде прошлого дня.

Мая 17 дня Кондратий Булавин прислал в Сичь на имя кошевого атамана Константина Гордиенка письмо, в котором рассказывал подробности о взятии Черкасского городка, о казни атамана Максимова, о выборе самого Булавина в атаманы донских козаков; тут же сообщал о сборе государевых полков на реке Донце близ Святогорского монастыря и передавал о намерении их идти под

город Черкасск. «И мы всѣмъ войскомъ донскимъ, войсковой нашъ атаманъ Кондратій Булавинъ, просимъ у васъ, атамановъ молодцовъ, у тебя, войскового атамана Константина Гордѣевича, и у всего войска запорожского милости: если услышите про приходъ государевыхъ полковъ на наше разореніе, дайте нам помощи, чтобы намъ статъ сообща и напрасно не дать себя въ разореніе, и гдѣ они будутъ стоять, вамъ-бы о томъ извѣстить насъ вскорѣ. А о чемъ у насъ съ вами, атаманы молодцы, межъ себя былъ совѣтъ на вашихъ господарей и на пановъ, и какъ вы обращались съ нами, тако и дѣлайте, чтобы вашъ благой совѣтъ былъ къ намъ непременѣнъ. А во всемъ вы, атаманы молодцы, войско запорожское, противъ супостатъ надѣйтеся на милость божію, и мы войскомъ донскимъ вамъ всѣ помощники, и о томъ къ намъ въ Печерскій прислать бы вамъ отъ себя человѣкъ 20 или 30 лучшихъ людей» [68].

В конце того же мая месяца Кондратий Булавин прибыл в город Бахмут и оттуда послал в Сичь универсал, в котором призывал всех запорожцев идти под слободу Ямполь [69], чтобы дать отпор князю Василию Владимировичу Долгорукому, назначенному вместо убитого Юрия Владимировича Долгорукого и пришедшему на юг истреблять всех вообще козаков. Запорожцы, получив этот универсал, стали переходить к Булавину отдельными, в числе нескольких сотен человек, партиями. Так, мая 30 числа перешла к нему с кумачевыми знаменами одна партия в 300 человек; июня 9 числа перешла другая партия в 500 человек, всех же набралось около 1200 человек [70].

Царь Петр Алексеевич, узнав о соединении запорожцев с Булавиным по донесению к нему вновь назначенного для искоренения бунта начальника русского отряда князя Василия Владимировича Долгорукого, письмом июня 14 дня приказывал князю «крѣпко смотрѣть о томъ, чтобы не дать случиться запорожцамъ съ донцами», в противном случае может разыграться очень худое дело.

Вслед за тем июня 21 числа наказной атаман войска донских козаков Илья Григорьев прислал в Запорожскую Сичь письмо и в нем убеждал запорожцев не верить «прелестнымъ письмамъ и словамъ того вора Кондрашки Булавина», который распространяет ложь, будто войско донское отложилось от великого государя, и зовет к себе на помощь запорожское войско; войско донское, напротив того, верно служило и служит своему великому государю Петру Алексеевичу и готово положить свои головы за православную веру и за великого государя «и вамъ, кошевому атаману и всему войску, впредь такимъ ворамъ никакимъ возмутительнымъ письмамъ, и его Булавинымъ товарищамъ не вѣрить. А буде такіе воры явятся, то ихъ присылать къ намъ, войску, или въ Троицкій на Таганрогъ, сковавъ за крѣпкимъ карауломъ» [71].

При всей смелости, отваге и находчивости, какую выказал Кондратий Булавин, успех его, однако, был непродолжителен,

чему отчасти виновен был сам атаман, слишком раздробивший свои силы. Так, всех собравшихся к нему охотников он разделил на два отряда и первый отряд в числе 5000 человек отправил под город Азов; другой отряд действовал под начальством атаманов Голого и Драного; от последнего отряда отделился третий отряд под начальством Драного и Беспалого в числе 5000 донцов и 1500 запорожцев и направился к Ямполю. Июля 1 числа атаман Драный был настигнут полковником Кропотовым, посланным от князя Долгорукого, и бригадиром Шидловским недалеко от речки Тора у Кривой Луки и убит на месте. Запорожцы, бывшие с Драным, успели однако спастись и засесть в Бахмутском городке. Но тут на них ударил бригадир Шидловский и стеснил со всех сторон. Терпя большое стеснение от осады, запорожцы выказали Шидловскому готовность сложить перед ним свое оружие; но Шидловский зажег город и истребил в нем всех до единого запорожцев: «Они сдавались намъ, еднакъ въ томъ часѣ намъ не донесено, и они воспріяли по начинанію своему; въ томъ грѣхъ нашъ» [72].

В течение всего этого времени, т. е. с 19 апреля и по 16 июня запорожские посланцы Федор Довбня и Влас Василенко с 88 товарищами находились в Москве и состояли «подъ крѣпкою сторожею въ посольскомъ приказѣ». По обыкновению им выдавалось содержание как на дорогу от города Севска до Москвы, так и во все время их пребывания в Москве, т. е. вино, мед, пиво, харч, свечи; кроме того жаловались деньги, кармазин, тафта, соболя, английское сукно, а на отпуск назначались люди и подводы. «По указу великого государя и по приговору въ ближней канцеляріи бояръ взято по докладной выпискѣ на дачу его великого государя жалованья тѣмъ посланцамъ, будучимъ на Москвѣ, противъ прежнихъ дачъ да осталымъ въ малороссійскихъ городахъ товарыщемъ ихъ 27 человѣкам, запорожскимъ-же козакамъ [73], на поденный кормъ и на иныя приказныя имъ дачи и на отпускѣ, и на прогоны изъ приказа большой казны 1728 рублей 26 алтынъ и 2 деньги. Изъ тѣхъ взятыхъ на ихъ дачу денегъ доведется имъ дать на пріѣздѣ на покупку харчи 6 рублевъ. Поденного корма по опредѣленному изъ ближней канцеляріи указу съ пріѣзда ихъ съ 19 числа апрѣля до его великого государя указу противъ прежнихъ дачъ съ убавкою за ихъ запорожцовъ отъ вора Булавина поступокъ его, что онъ былъ у нихъ въ Сичѣ, а они его не поймали» [74].

Указ на отправку жалованья всему войску запорожскому написан был только в июле месяце 14 числа и для доставки того жалованья на место назначены были дворянин Федосий Михайлов Дуров да подъячий Михайло Вторый, причем войску, по обыкновению, внушалось верно и радетельно служить государю и быть попрежнему во всем послушным верному царскому подданному гетману Ивану Степановичу Мазепе, доносить ему всякие ведомости и остерегать о всяких пограничных случаях [75].

Августа 5 дня запорожцам доставлена была через гетманского нарочного посланца другая царская грамота, в которой изображено было то, что кошевой атаман со всем поспольством только на словах выражает свою верную службу царскому величеству, на деле же не постарался удержать своевольного запорожского товарищества от соединения с погибшим уже вором и бунтовщиком Булавиным, вследствие чего был убит полковник сумской с старшиной. И за то государь на войско запорожское низовое свой «гнѣвливый опаль (опал) и немилость полагаетъ» [76].

Ответствуя «маловажною отпискою на высокопочтеннѣйшую царского величества грамоту», кошевой атаман Константин Гордиенко со всем запорожским поспольством писал царскому пресветлому величеству, что еще с самого начала бунта, поднятого Булавиным в городах великороссийских и малороссийских, кошевой атаман с старшиной войсковой, по верной своей царскому величеству службе, не желая допустить товарищества на то бунтовничье дело, писал до гетмана Мазепы и просил его учинить известным царскому величеству о желании запорожского войска идти против бунтовщика на военную службу. Но так как на такое предложение от гетмана не последовало никакого ответа, то, по такой нужде, некоторые из сичевого товарищества вольные люди, впрочем, в малом числе, ушли до Булавина, взирая на городовых великороссийских и малороссийских людей, которые в числе около 10 000 человек явились на те бунтовничьи булавинские замыслы. Они, эти городовые люди, всему злу виновники, увлекли и запорожцев и навлекли на войско царский гнев и немилость. Иные же и сами, утратив зачинщика всех злых намерений и бунтов, от страха божия, в ничто обратились. А кошевой атаман со всем поспольством как прежде верною, радетельною, постоянною и усердною службою были царскому пресветлому величеству угодны, так и ныне не перестают служить верно, не щадя своего здоровья и желая себе всеусердно от царского величества благопризрительного помилования и прещедрой монаршей ласки [77].

Но нелегко было запорожцам заслужить царскую ласку после участия их в Булавинском бунте. Тем более, что в это время и сам гетман Мазепа обвинял их в разных тяжких преступлениях. Так, октября 6 дня того же 1708 года Иван Мазепа писал из обоза на реке Десне графу Гавриле Ивановичу Головину о том, будто бы запорожцы, находясь в партикулярной битве со шведами под начальством генералов русской службы Бауера и Инфлянта, самовольно оставили поле сражения и ушли в города, разглашая везде, будто неприятель не только их, но и все великороссийские войска разгромил. И хотя гетман послал приказы изловить таких «непостоянныхъ» беглецов, вязать и отдавать их под арест, но никого из них не поймали, потому что они, укрываясь от должной кары, разбежались кто в Сичь, кто на ту сторону Днепра, кто в речки полевые.

Гетман вообще предостерегал графа Головина, что во время войны русских со шведами нужно всегда зорко следить за войском козаков запорожских, потому что «отъ Сѣчи нечего быть безопаснымъ» [78].

Но то был прием Макиавелли, по которому Мазепа, уже давно замышлявший в своей голове перейти на сторону шведского короля, показывал себя перед русским царем чистым, как кристалл, а запорожцев изображал скопищем всяких нечистот, хотя в это же самое время и тем же запорожцам показывал свою приязнь и любовь и советовал им отнюдь не верить русскому царю. По показанию генерального писаря Василия Кочубея, которому трудно в этом случае не верить, гетман Мазепа предостерегал запорожцев в отношении тайных намерений русского царя, который хочет всех козаков «выщинить» (уничтожить) и самое имя их искоренить. Бросив такое крылатое слово запорожцам, гетман, по словам Кочубея, нетерпеливо ждал от них восстания против Москвы; а потому, когда разнеслась весть о том, что запорожцы задумали, согласясь с татарами, сделать набег на слободские полки, то гетман, выражая нетерпение, сказал, что если эти «нецнотливые сыны (недобрые сыны) имѣютъ что дѣлать, то уже дѣлали бы, а не разглашали и не дразнили бы» [79].

Тем не менее царь Петр Алексеевич глубоко верил в искренность Мазепы, велел задержать, по навету гетмана, следуемое запорожскому войску обыкновенное годовое жалованье и только октября 27 дня 1708 года по письму князя Меншикова из-под Макошина близ Сосницы неожиданно и к невыразимому своему изумлению узнал о неверности ему Мазепы. Мазепа, тщательно скрывавший свои сношения со шведским королем, снял с себя маску лишь тогда, когда Карл XII очутился вблизи границ Малороссии.

Наступление Карла XII на Россию началось еще с половины 1708 года. Шведский король составил себе смелый и решительный план — разбить русскую армию, овладеть столицей и подорвать в корне основу русского государства. С этой целью главные роли действующих лиц шведской армии распределены были таким образом, что генерал Любекер получил приказание овладеть Ингерманландией, срыть Петербург и после того идти к Новгороду. Генерал Левенгаупт должен был с возможно большим количеством запасов двигаться к городу Могилеву, там соединиться с главными шведскими силами. Над главными же силами командовал сам Карл XII, который в начале июня месяца перешел реку Березину, дошел до города Могилева, но Левенгаупта там не нашел и двинулся дальше на Мстиславль и Старишки.

Русские нашли за лучшее отступать перед сильным врагом и довольствоваться пока мелкими стычками с ним. В начале октября месяца шведский король был в Костеничах на реке Ипути, притоке Сожа, но и здесь все-таки не нашел генерала Левенгаупта.

Тем временем русский царь Петр Алексеевич, воспользовавшись разделением шведских войск, внезапно напал на генерала Левенгаупта и сентября 29 дня нанес шведам решительное поражение между Старым Быховым и Пропойском у деревни Лесной на речке Леснянке, притоке Сожа. При царе Петре были генералы Инфлянт, Бауер, фельдмаршал Шереметев и князь Меншиков. Разбитый Левенгаупт спасся бегством и только через несколько дней соединился с Карлом в Рахове. Разгромив шведский отряд у Лесной, царь Петр Алексеевич ушел по направлению к Смоленску, а князя Меншикова с кавалерией послал в Малороссию. В Малороссию же направился и Карл XII, куда призывал его гетман Мазепа, решившийся после продолжительных и тайных сношений со шведским королем выступить противником царя Петра. Карл XII прибыл в малороссийский город Новгород-Сиверск и оттуда уже готовился идти к гетманской столице Батурину. Но шведского короля предупредил князь Меншиков, который быстро овладел Батуриным и сжег его до основания. После этого Карл XII в ноябре месяце расположил свои войска на зимние квартиры между Прилуками и Ромнами, Лохвицей и Гадячем. Русский царь привел свою армию в Лебедин, посадил гарнизон в Полтаве, Нежине и Миргороде и тем самым окружил с трех сторон своих врагов. Так прошла вся зима. С наступлением весны 1709 года Карл стянул свои войска поближе и расположился в Опошне, Решетиловке и Великих Будищах. Великие Будища назначены были местопребыванием самого короля. В свою очередь русский начальник войск граф Шереметев подвинулся ближе к шведам и в мае месяце сосредоточил военные силы в городе Голтве при впадении речки Голтвы в реку Псел, левый приток Днепра. Главное начальствование над русскими войсками принадлежало князю Меншикову, который с 1-го апреля до 1-го мая имел свое постоянное местопребывание в городе Харькове и оттуда, для наблюдения над театром военных действий, или лично делал разъезды, или же для того сносился с графом Шереметевым через посредство русского генерала Ренне, стоявшего ниже города Полтавы на берегу Ворсклы. Сам царь Петр Алексеевич в течение всего этого времени с 26-го октября 1708 года по 1-е июня 1709 года находился в разных местах: местечке Погребках (близ Сосницы), местечке Воронеже (близ Глухова), Глухове, Лебедине, Сумах, Ахтырке, Белгороде, Азове, Троицком, городе Воронеже и, наконец, в стане под Полтавой [80].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Обращение царя Петра Алексеевича к запорожцам после измены Мазепы.— Выбор нового гетмана Скоропадского и извещение о том кошевого Гордиенка со стороны царя Петра.— Обращение Мазепы к кошевому Гордиенку.— Отправка царских посланцев к запорожцам с деньгами и милостивыми обещаниями.— Требования, предъявленные царю запорожцами.— Движение запорожцев к Переволочне и соединение их с полковником Нестулием.— Рада в Переволочне.— Разгром запорожцами русских отрядов в Кобеляках и Царичанке и движение их к Диканьке.— Пир у Мазепы и движение запорожцев к Будищам.— Условия договора между запорожцами, Мазепой к Карлом XII.— Движение запорожцев от города Полтавы к Соколке.— Наблюдение за запорожцами со стороны киевского губернатора князя Голицына.— Меры царя для удержания за собой малороссийского козачества и охраны лиц, преданных московскому правительству.

Как для царя Петра Алексеевича, так и для запорожских козаков переход гетмана Мазепы на сторону шведского короля был совершенной неожиданностью. Из запорожцев к этому не был подготовлен даже кошевой атаман Константин Гордиенко, открыто, неизменно и постоянно высказывавший свою глубокую ненависть ко всему тому, что носило название Москвы или что только напоминало ее. Гетман слишком хитро и слишком осторожно вел задуманное им дело и ни единым словом не обмолвился о нем пред кем бы то ни было из запорожцев. Напротив того, все время Мазепа выражал свое негодование на своевольные действия запорожского войска, всегда изображал сичевых козаков в письмах царю зложелателями Москвы, неверными царю людьми, представлял их измениками, клятвопреступниками, достойными искоренения со всем их гнездом и именем. Теперь же гетман сам оказался тем, чем он представлял все войско запорожское перед русским царем.

Гетман Мазепа — натура весьма сложная и потому трудно доступная для понимания. Воспитанный и выросший при дворе польского короля, известного эпикурейца и любодея Яна Казимира, где господствовало тонкое, изысканно вежливое, с виду вполне сердечное, в действительности фальшивое и бессердечное к людям отношение; находившийся потом долгое время при гетмане Дорошенке, выдвинувшем идею об отторжении Малороссии от Великорос-

сии и об отдаче ее Турции; перешедший от гетмана Дорошенка к гетману Самойловичу, известному гордецу, безмерному корыстолюбцу и стяжателю, Мазепа приобрел светский лоск и латинское образование, усвоил польский образ мыслей; в то же время, имея кривую душу, лживое сердце, он мог усвоить тонкое, но бессердечное и фальшивое к людям отношение; мог думать о возможности отторжения Малороссии от Великороссии; мог развить в себе инстинкт стяжания и презрительного отношения к людям, и все это прикрывать наружным благочестием, кажущейся преданностью своим патронам и благодетелям, видимой во всем откровенностью, напускной веселостью и природным юмором. В общем в характере Мазепы сочетались черты частного человека, черты неприятные, своекорыстные и отталкивающие, и черты общественного малороссийского деятеля, хотевшего видеть свою родину независимой в политическом отношении. Мазепа видел, что Малороссия еще со времени гетмана Богдана Хмельницкого была в постоянном шатании; что в ней немало находилось людей, недовольных правительством Москвы и что сами властные лица, присланные от Москвы для управления Малороссией, вели себя далеко не всегда умеренно и с подобающим тактом. Видел Мазепа и то, как печальны были успехи русского царя в первом столкновении его под Нарвой со шведским королем. Он хорошо, наконец, был осведомлен и о том, каков был шведский король и какова была его слава как полководца. И старый гетман впал в раздумье по поводу будущего Малороссии: как сохранить ему Украйну на случай поражения русского царя шведским королем? А поражение такое неминуемо должно произойти. Для этого нужно заранее войти в тайные сношения со шведским королем. Тогда только и именно через шведского короля можно добиться для Украйны независимых прав. И Мазепа решился на такой страшный шаг... Поэтому нет оснований соглашаться с мнением тех историков, которые характеризуют Мазепу только как чудовищного эгоиста и ненасытного честолюбца, совершенно забывшего ради личных выгод и интересов положение управляемого им народа и будущее его родины. Вся беда для Мазепы состояла в том, что он хотел ввести в Малороссии польские порядки и при управлении Украйной старался брать за образец государственное устройство в Польше. Раз ступив на такой ложный путь, Мазепа пошел дальше и, потеряв веру в осуществление своего идеала через Польшу, пошел навстречу шведскому королю. Мазепа находил себе сочувствие в том малороссийском панстве, которое состояло частью из старой православной шляхты, частью из козацкой старшины, стало складываться на Украйне еще со времени гетмана Богдана Хмельницкого и особенно усилилось во время гетмана Самойловича и самого же Мазепы. Правда, это панство стояло сперва за козацкие права и вольности против натиска со стороны Москвы, но потом, не успев сплотиться в сильную политическую единицу и бу-

дучи подавлено Москвой, само пошло против козацких прав, т. е. против того, за что ратовала малороссийская чернь и запорожские козаки, и стала подбивать к тому московских на Украине бояр и воевод.

Как представитель польско-аристократического и бюрократического начала в малороссийском крае, Мазепа по необходимости встречал страшную оппозицию со стороны запорожского войска, которое искони веков своего существования считало себя хранителем народно-козацких начал не только в одном Запорожьи, но и во всей Малороссии. Отсюда вражда Мазепы к запорожцам и запорожцев к Мазепе. Но при уяснении отношений Мазепы к запорожцам, нужно брать также во внимание и самое положение гетмана: находясь, с одной стороны, под давлением русского правительства, с другой — соприкасаясь постоянно с Запорожьем, Мазепа по истине находился между двух огней, и если перед царем злословил запорожцев, а перед запорожцами хулил царя, то делал это нередко по необходимости и из политики, потому что все обстоятельства складывались вокруг него так, что он принужден был кивать то в одну, то в другую сторону. Трактуя запорожцев перед царем как изменников, Мазепа едва ли в крайнем случае решился бы на конечное искоренение всего низового запорожского войска.

Явившись на историческую сцену Малороссии в самое шаткое время, Мазепа уже в первые годы своего управления мог иметь в своем уме мысль об отторжении Малой России от Великой, в особенности же после первого столкновения царя Петра с королем Карлом XII, и потому нет надобности начало его замысла относить ко времени знакомства с польской княгиней Дольской. Страшно скрытный человек, уже раз видевший воочию смерть, когда был пойман в степи запорожцами и представлен на суд перед освирепевшим товариством, но был спасен только заступничеством кошевого Сирка, Мазепа не мог ни с кем делиться своими тайными мыслями. Да и с кем было делиться? Был в Запорожьи кошевой атаман Гордиенко, страшный ненавистник Москвы. Но он слишком открыто действовал. Гордиенко был человек передовой по своим убеждениям — горячий патриот и чистый народник. Он не любил Москвы. Не любил, может быть, потому, что родился вдали от нее, но вместе не любил и Польши. Идеалы Гордиенка были таковы: для Запорожья он хотел устранить всякое вмешательство со стороны Москвы во внутренние дела Коша и так или иначе удержать за войском так называемые козацкие права и вольности, а в Малороссии он желал видеть народное козацкое правление, но без участия местного панства и пришлого боярства. Поэтому ему ненавистен был гетман Мазепа с его полупольскими порядками в Малороссии; ненавистны были и те малороссийские паны, которые играли в руку Москвы. И когда Мазепа поднялся против царя, то Гордиенко по неволе примкнул к нему и по неволе стал действовать с ним заодно. Политический идеал Мазепы был иной, и для достижения

его он шел кривым путем; оттого запорожцы и называли его «хитрый лисъ и махіавель». При всем том те же запорожцы и малороссияне считали Мазепу недюжинным человеком и недаром о нем сложилась пословица «отъ Богдана до Ивана не було гетьмáна».

Но другое дело: верны ли были расчеты Мазепы? Т. е. оценил ли он по достоинству царя Петра? Понял ли он, куда именно пойдет народная малороссийская масса, пойдет ли она против русского царя и станет под знамена иноверного короля или же отвергнет пришлого короля и потянется к «природному» царю? Мазепа не оценил царя Петра; он, по-видимому, не углублялся в течение всей истории малороссийского народа; он не понимал истинных идеалов простой народной малороссийской массы. Вся история Малой России работала на соединение с Великой и в общем вся простая масса тянула к московскому царю. В особенности это видно из всей истории Запорожья: как ни враждебно выступали запорожцы против русского правительства, когда поднимался вопрос о защите козацких вольностей от посягательства со стороны Москвы, как ни строго берегли они заветные, чисто народные идеалы своих предков; но все же и при всем этом масса запорожского войска хотела оставаться за Россией и никак не за Польшей, а тем более за Турцией. Турция — для запорожцев страна бусурманская, Польша страна панская, и запорожцам не приходилось дружить ни с ненавистными бусурманами, ни с чванливыми и надутыми панами. Запорожцам всегда легче чувствовалось в мужицкой России, чем в аристократической Польше, где всякий батрак мнил себя паном, где сословные предрассудки и строгая кастичность играли и не перестают до сих пор играть огромной роли. Да и какой интерес могло представить собой то государство, против которого самим же гражданам его приходилось поднимать оружие на защиту своих человеческих прав, как поднимали козаки против правительства Речи Посполитой?

Идеалом простой козацкой массы было сохранить вольности предков, но под верховенством «добраго и чадолюбиваго монарха россійскаго». И в сущности, на здравый ум простого человека запорожского звания, иначе и быть не могло: занимая открытые и ничем не защищенные степи, запорожцы не могли и думать о том, чтобы держаться независимо от России, Турции и Польши. Другое дело, если бы они занимали малодоступные или вовсе недоступные места, как Крым или Кавказ. Тогда сама природа подсказала бы им действовать иначе; тогда из Запорожья могла бы выйти своего рода Черногория. Но как этого не было, то запорожцы должны были склоняться к одной из сильнейших соседних держав, и в этом случае они, исповедуя православную веру и считая себя одним народом с великорусским, тянулись к русскому царю и в нем видели залог исторического бытия своего. Думать иначе могли только немногие из запорожского войска. Но такие лица или воспитались в Польше или

заражены были польским духом. Таков был и сам Мазепа, который, обладая несомненно умом государственного человека, по своим симпатиям и по всем своим замашкам был более поляк, нежели малороссиянин, и играл скорее в руку Польши, чем России. От того он не знал истинного духа малороссиян, и в этом его главнейшая ошибка: свернуть массу с проторенного ею исторического пути не могут даже гениальные люди, а тем менее люди посредственных умов и дарований.

Что касается запорожцев, то «измѣна» их русскому царю произошла вовсе не по их вине и была исторически подготовлена теми обстоятельствами, в какие Запорожье было поставлено после соединения с Великой Россией. С самого момента соединения Запорожья с Великой Россией запорожцы всегда были на стороне московского царя. Раньше всего они выступили против гетмана Виговского, который уже в 1657 году хотел помириться с Польшей и отторгнуться от России: «Ежели такъ учинити мѣете непремѣнно, то вѣдайте зачасу, ижъ (что) мы, войско низовое запорожское, въ томъ волѣ вашей послѣдовати не будемъ и титулу измѣннического на славное имя наше наволѣкати не хощемъ» [1]. С такой же твердостью стояло запорожское войско за московского царя в гетманство злосчастного Юрия Хмельницкого и в гетманство Якима Сомка. Так, в 1663 году запорожцы писали «несмачный листъ» гетману Юрию Хмельницкому и отступление его от православного монарха называли неизлечимым «шаленствомъ» [2]. Еще большую твердость выказали запорожцы в то время, когда на правой стороне Днепра объявлен был гетманом Петро Дорошенко (с 1665 года), составивший план об отторжении Малороссии от Великороссии и об отдаче ее Турции. Запорожцы называли Дорошенка Иудиным товарищем, постоянно укоряли его за союз с Турцией и Крымом и не раз «пильно» просили прекратить пролитие крови христианской и разорение матки-отчизны, отстать от своих «широкихъ» замыслов и пристать к христианскому государю. И гетман Дорошенко, в конце концов убежденный доводами кошевого Сирка, присягнул на верность русскому царю [3]. Запорожцы пребыли верными русскому царю и во время второго похода турок под Чигирин в 1678 году. Они помогали князю Василию Голицыну во время его походов на Крым; принимали участие в азовских походах молодого царя Петра и выказали мужество при взятии турецких крепостей Тавани и Кызыкерменя на Днепре. Запорожцы оставались верными Москве даже в то время, когда против московских городов поднялся сам крымский хан, подстрекаемый к тому и обнадеженный горячим малороссийским патриотом Петриком. Наконец, запорожцы с 1700 по 1709 год принимали участие и в великой Северной войне русских против шведского короля.

Таким образом вся предшествовавшая до 1708 года история запорожских козаков показала, что они, говоря вообще и исключая некоторые единичные случаи, никогда не были сепаратистами в полити-

ческом отношении. Не будучи сепаратистами, запорожцы, напротив того, были панславистами и в этом случае «голопузые» лыцари опередили и взглядами и действиями своих современников на 200—250 лет вперед: принимая к себе в Сичу и сербов, и волохов, и ляхов, и черногорцев, они как бы самым делом говорили, что сила всех славян в полном единении между собой и в противопоставлении себя всему неславянскому миру.

При всем том, держась стороны московского царя, запорожцы однакоже требовали, чтобы Москва «держала въ захованьи» их предковечные права и вольности и твердо верили, что русские монархи не поднимут на те вольности рук своих. На том именно состоялось и соединение Малороссии и Запорожья с Москвой: «Царское величество будетъ содержать малороссіянъ по ихъ правамъ и вольностямъ и царского величества слово премѣно не будетъ»[4]. Дав такое обещание, московское правительство скоро, однако, отступило от него. Русское государство росло и ширилось, и по мере такого роста развивалась его централизация в ущерб развитию окраин. Малороссия составляла окраину московского государства и должна была почувствовать на себе воздействие его. Уже в 1659 году из Москвы в пять малороссийских городов посланы были русские воеводы. Спустя шесть лет, число воеводских городов в Малороссии было увеличено и самая власть воевод расширена. Самая Малороссия была разделена, по состоявшемуся русско-польскому миру в Андрусове, на две половины между Россией и Польшей. Это была первая причина, вследствие которой запорожцы стали выказывать в отношении Москвы «шатость». Так, в это время запорожцы произвели бунт в Малороссии и истребили нескольких русских воевод. В это же время они убили у себя русского посла Ладыженского, когда узнали, что без их воли и без ведома вся Малороссия поделена была между Россией и Польшей. Запорожцы никогда не отделяли, да и не могли отделить себя от украинцев и, твердо стоя за свои войсковые вольности, вместе с этим стояли за целость всей Украйны, за вольность городовых козаков и за благо малороссийской черни. Нельзя отвергать того, что по временам запорожцы переходили границы умеренности и давали слишком большой простор своим страстям. Но не следует забывать и того, что в Запорожьи, вследствие постоянной смены состава войска и вследствие свободного входа в Сичь и выхода из нее людей всякого звания, проживали рядом с людьми вполне «поважными» всякие «пройдисвиты», которые разжигали при случае бурные страсти молодых козаков и навлекали на Запорожье справедливый гнев со стороны московских царей. Однако, чем дальше, тем теснее становилось малороссийским козакам и черни на Украйне. Особенно это сказалось в гетманство Самойловича и Мазепы. И тот и другой шли вразрез с требованиями народной массы: при них власть московских воевод на Украйне все более и более расширялась, местная стар-

шина порабощала и козаков, и простую чернь, простые канцеляристы получали грамоты на владение маетностями и на обладание людьми, подати и всякие сборы повсеместно увеличивались и вызывали ропот со всех сторон. В это же время, а именно в гетманство Самойловича и Мазепы, положено было начало дворянства в Малороссии; взяты были меры против перехода простых людей в козаки; упрощен был переход козаков, не хотевших нести военной службы, в посполитое сословие. По всему этому имена Самойловича и особенно Мазепы стали произноситься на Украине с омерзением. Не находя никакого исхода, малороссийский народ толпами бежал из городов и селений на Запорожье и совещался с сичевым товариством, как быть, чтобы ввести новые «справы» в Гетманщине. И не раз запорожцы вступали по этому поводу в переписку с Самойловичем и с Мазепой и делали им различные угрозы. Но оба гетмана были сильны покровительством со стороны Москвы, которая позволяла им охранять свою особу татарами или так называемыми компанейцами, или же присылала в их распоряжение русские отряды стрельцов. Оба гетмана поставляли себе задачей, так или иначе смирить Запорожье. Для этого они хотели поставить на границе Гетманщины и Запорожья постоянные царские войска, чтобы прекратить сношения украинских козаков с запорожскими и держать в своих руках привоз хлеба в Сичу. Но когда эта мера не удалась, то решено было построить при самом входе в Запорожье московские крепости. С этой целью возведены были так называемые самарские городки Новобогородицкий и Новосергиевский, а потом построен был Каменный Затон. Последний в виду самой Сичи. Как раньше того Польша, построивши у первого порога крепость Кодак, хотела смирить тем низовых козаков, так теперь Москва, возведя собственные городки, имела явное намерение прибрать к своим рукам Запорожье с его гнездом. Запорожцы сколько могли противились этому и открыто восставали против такого натиска со стороны Москвы и ненавистных им гетманов, то, имея против себя соединенные царские и гетманские силы, временно смирялись, затаив в себе страшную ненависть против небывалых порядков на Украйне и в Запорожье. Но вот настал 1708 год. В Малороссию вошел с полками шведский король Карл XII. На сторону шведского короля открыто перешел гетман Мазепа. И тут для запорожцев настало счастливое время, когда они могли открыто выказать всю свою ненависть к Москве. И что же? Запорожцы далеко не сразу и далеко не все пошли на призыв гетмана и короля. Пошли только немногие да и то под влиянием кошевого Гордиенка; простая же масса много раз колебалась прежде чем последовать за гетманом и королем. И если бы не щедрые обещания Карла XII, не подарки со стороны Мазепы, не настойчивость Гордиенка, то едва ли бы запорожское товариство в общей массе решилось на войну с русским царем.

Так или иначе, во всяком случае запорожцы стояли за свои вольности мужественно, вели свою линию открыто и не лукавили так, как лукавил гетман Мазепа, извиваясь с одной стороны между запорожцами и русским царем, с другой между шведским и польским королем. В то время, когда гетман Мазепа, выступивший в качестве бескорыстного патриота Малороссии, выговорил для себя у польского короля титул князя Белой Руси, запорожцы не думали ни о каких «приватныхъ» выгодах, а радели единственно о благе «матки-отчизны». И тогда, как душа Мазепы представлялась такой темной и загадочной, в это же время душа Гордиенка казалась вполне прозрачной: Гордиенко открыто выказывал свое нерасположение к Москве и открыто в этом духе действовал.

Как бы то ни было, но царь Петр Алексеевич, получив нежданную и негаданную весть о переходе гетмана Мазепы на сторону шведского короля Карла XII, поставил себе задачей, во что бы то ни стало склонить запорожских козаков на свою сторону и отвратить их от союза со шведами. Царь хорошо знал, что значило Запорожье для всего малороссийского народа. Малороссийская масса всегда обращала свои взоры к Запорожью, к голосу запорожцев чутко прислушивались как простые козаки, так и вся малороссийская чернь. Для всякого малороссиянина настроение запорожского войска в известную минуту имело решающее значение, и куда шли низовые рыцари, туда тянуло и малороссийское поспольство. Оно и понятно: Запорожье всегда имело глубокое значение во всей внутренней жизни южнорусского народа и его внешних отношений; оно было отпечатком его заветных стремлений, хранителем его политических и общественных идеалов и всегда служило для южнорусского народа живым предвозвестником свободы и равенства, мужества и храбрости, живым протестом против насилия и рабства. На Запорожье всегда опирались в критические моменты величайшие из малороссийских деятелей. Запорожье, наконец, всегда было ядром военных сил всего южнорусского народа.

Понимая все это лучше, чем кто другой, царь Петр Алексеевич уже тотчас после получения от князя Меншикова известия написал в Сичь октября 30 дня 1708 года на имя кошевого атамана Константина Гордиенка грамоту, в которой увещевал запорожцев пребыть верным русскому престолу и православной вере, за что обещал «умножить» к ним свою милость, которой они раньше того были лишены вследствие наветов на них со стороны коварного Мазепы, обвинявшего их в неверности русскому престолу.

«Божіею поспѣшествующею милостію отъ пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого великого государя царя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и государя и обладателя нашего царского величества подданому низового войска запорожского кошевому атаману Костянтину

Гордѣенку и всему поспольству наше царского величества милостивое слово. Объявляемъ вамъ, вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, что гетманъ войска нашего запорожского Мазепа, забывъ страхъ божій и присягу свою къ намъ и отвергнувся благочестія, измѣнилъ намъ, великому государю, хотя весь малороссійский народъ и землю отдать еретикомъ (-амъ) шведамъ и подъ иго поляковъ и церкви святыя и монастыри православные превратить въ римскую и уніацкую вѣру, переѣхалъ къ шведцкому королю, обманувъ генералную старшину и трехъ полковниковъ с нѣкоторыми немногими изъ кампанскихъ полковъ, будто онъ идетъ по нашему царского величества указу за Десну противъ шведцкого войска и когда ихъ привелъ къ шведамъ, то, по учиненному съ ними уже договору, велелъ ихъ окружить темъ шведамъ и потомъ объявилъ свое измѣнничье намѣреніе и отдалъ тако въ руки непріятельскіе, хотя изъ оныхъ ча... мало кто, кромѣ самыхъ единомышленниковъ ево, сіе проклятое его намѣреніе вѣдали, изъ которыхъ отъ него отданныхъ уже многіе вѣрные къ сторонѣ нашей паки возвращаются. И понеже мы, яко оборонитель всего малороссийского краю, по христьянской должности, стараніе имѣемъ, дабы малороссійской народъ и землю въ порабощеніе еретикомъ шведамъ и подъ иго поляковъ не отдать и ни до какого разоренія не допустить, того ради выдали ко всѣмъ полковникомъ и старшинѣ и всему войску запорожскому наши указы, дабы отъ прелести сего богоотступника и измѣнника Мазепы остерегались и онаго не слушали, но съѣзжались бы вся старшина къ Глухову на избраніе нового гетмана, того ради тожъ и вамъ, вѣрнымъ своимъ подданнымъ, объявляемъ и желаемъ отъ васъ, войска нашего запорожского низового, дабы вы, яко ревнители о благочестіи и правахъ и волностяхъ своихъ на прелести его, измѣнника Мазепы, не смотрѣли и ко оному отнюдь не приставали и его не слушали, но за церкви и монастыри святые благочестивые, дабы оные не были превращены по намѣренію того измѣнника Мазепы въ римскую и уніацкую вѣру и чтобъ малороссійской край не былъ отданъ подъ польское и шведцкое ярмо и права и волности ваши не были нарушены и стояли-бъ противъ оного непріятеля за вѣру православную и за отчизну свою со всякимъ усердіемъ и пребывали къ намъ, великому государю, въ прежней своей вѣрности и прислали-бъ отъ себя съ Кошу на обраніе нового гетмана волными голосы по правамъ и волностямъ войска запорожского изъ старшинъ и знатного товариства, сколко человѣкъ пристойно, къ Глухову, а за вѣрную вашу къ намъ, великому государю, службу милость наша отъ васъ, войска запорожского низового, никогда отъемлема не будетъ, понеже хотя намъ тотъ проклятой измѣнникъ, бывшій гетманъ Мазепа, на васъ войско запорожское низовое, ложныя свои клеветы непрестанно наносилъ, объявляя на васъ, будто вы намъ невѣрны и для того, не зная его злости и измѣны, посланные отъ васъ къ Москвѣ съ челобитьемъ о жалованьѣ, по его письмамъ были нѣсколько времѣни

задержаны, но нынѣ, видя вашу къ намъ, великому государю, вѣрную службу и что тѣ клеветы от него, вора и измѣнника Мазепы, были на васъ, вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, нанесены напрасно и милость наша къ вамъ за вѣрныя ваши и постоянныя службы будетъ умножена, въ чемъ-бы вамъ на нашу великого государя милость быть благонадежнымъ. Дана сія наша царского величества грамота въ обозе при Десне за подписаніемъ власные нашіе руки октября въ 30 день 1708 году. Царь Петръ» (собственноручно) [5].

Отправив к запорожским козакам такую грамоту, царь Петр Алексеевич вместе с этим сделал распоряжение о выборе нового гетмана Малороссии и для этого велел собрать в городе Глухове генеральную старщину, оставшуюся верной русскому царю, и открыть всеобщую раду.

Рада была собрана ноября 6 дня в присутствии князя Григория Федоровича Долгорукого и на ней объявлен был гетманом обеих сторон Днепра стародубовский полковник Иван Ильич Скоропадский.

Царь уведомил об этом запорожцев новою грамотой (от 12 ноября), посланною в Сичь через стольника Гаврила Кисленского, и в ней внушал запорожцам не слушать «прелестей» Мазепы, твердо стоять за православную веру и своего великого государя, быть в послушании новому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, о чем он будет по указам государевым писать войску. За такое послушание будет посылано войску царского жалованья «на каждый курень по 1500 золотыхъ украинскихъ на каждый годъ сверхъ прежняго настоящаго годового жалованья». А за тем жа́лованьем прислать бы войску к великому государю в военный поход посланцев, чере́з которых оно будет прислано немедленно, а сами посланцы не мешкав будут отпущены в Сичу. В доказательство того, по указу великого государя, отпускаются в Кош 14 человек запорожцев, которые были задержаны изменником Мазепой и до сих пор были лишены свободы; из них двух, которым пожаловано царское жалованье, государь отпускает вместе с стольником Кисленским в Сичу [6].

Грамоту повезли царские стольники Гаврил Кисленский и Григорий Теплицкий; вместе с грамотой они везли денег 500 червонцев для кошевого атамана, 2000 для старшины и 12 000 для куренных. Через тех же посланцев обещано было в знак особой царской милости прислать запорожцам войсковые клейноты — знамя, бунчук, литавры и трости — кошевому атаману и войсковому судье [7]. Одновременно с царскими стольниками отправлены были от гетмана Скоропадского лубенский сотник Василий Савич и от киевского митрополита архимандрит Межигорского монастыря Ирадион Жураховский.

Царских и гетманских послов по войсковому обычаю приняли в Сичи «благодарно», стреляли в честь их из ружей и пушек, но во время открывшейся всеобщей войсковой рады в Сичи образовались

две партии: партия старых, опытных козаков, и партия молодых, горячих голов. Первая партия стояла на законной почве и советовала всем твердо держаться русского царя. Первая партия на некоторое время взяла верх над другой и заставила козаков отправить к Мазепе, не называя его никакими титулами, письмо, в котором запорожцы, именуя себе войском его царского пресветлого величества, объявляли, что они готовы стоять за русского царя и за весь малороссийский народ против ворвавшихся на Украйну иноплеменных людей и спрашивали гетмана, каково было намерение шведского короля, приблизившегося к их границам, т. е. не имеет ли он намерения разрушить все их города, как уже и начал это делать. Но против старых козаков выступила молодежь, которой руководил кошевой атаман Гордиенко, фанатически ненавидевший все исходившее от Москвы и от московского царя. Сила оказалась на стороне молодых козаков и кошевого Гордиенка, и тогда запорожцы отобрали у прибывших в Сичь царских послов деньги, а самих стали бесчестить и ругать: архимандрита Межигорского монастыря Жураховского называли шпигом, т. е. шпионом, и грозили сжечь его в смоляной бочке, а других грозились убить или в воде потопить [9]. Обесчестив таким образом послов, запорожцы в ответ на грамоту царя написали письмо и в нем, «не щадя государя за прежнія его къ нимъ враждебныя отношенія, чиня досадительныя укоризны и угрозы, многіе неприличные запросы, съ нареканіемъ и безчестіемъ на самую высочайшую особу царя» [9], предъявили к нему следующие требования: 1) чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть бы на Украине вольнице, как и в Сичи. 2) Чтобы все мельницы по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозы через Днепр у Переволочны, запорожцам отдать. 3) Чтобы все царские городки на Самаре и на левом берегу Днепра у Каменного Затона срыть [10].

В Сичи царский стольник Кисленский нашел одного козака, бывшего мещанина города Сосницы Черниговского полка Ивана Григорьева Яхборского, который тайно подавал стольнику «вѣдомости о злыхъ намѣреніяхъ» кошевого атамана и прочих старшин, хотевших убить царского посла, и дал обещание при отъезде Кисленского из Сичи доносить ему о всех замыслах запорожцев в войско царского величества [11].

В то время, когда царь Петр Алексеевич так хлопотал о привлечении к себе запорожского войска, в это же время и о том же самом хлопотал и гетман Мазепа. Он отправил в Сичь «знатную особу» с универсалом и с листом для всего запорожского низового войска. В универсале Мазепа извещал славных молодцов о том, что передался на сторону шведского короля с той целью, чтобы защищать Украйну от тирании московского царя, который не раз говорил ему, Мазепе, что сделает все, чтобы истребить войско запорожских козаков, это скопище, на его языке, воров и негодяев. Гетман

отлично знает, что москали, отступая перед шведским королем, сами завлекли его на Украйну, но его величество, шведский король, не имеет никакого дурного намерения относительно запорожского войска. Запорожцы должны воспользоваться таким счастливейшим случаем, свергнуть с себя иго московское и сделаться навсегда народом свободным. По всему этому гетман советует запорожцам разорить крепости Каменный Затон и Самарские Городки [12].

Независимо от посылки в Сичь «знатной особы» Мазепа вступил в тайную переписку с Кошем через «писаря войска запорозкаго низового кошового», Григория Рогулю. Сам же Рогуля отсылал свои листы журавскому сотнику Демьяну Якубовичу, которого просил «доложить ясновельможному о семъ, якъ будутъ до Сѣчи послы отъ найяснѣйших милостей, королей шведскаго и польскаго посилати, то щобъ писма поруску писали для нашое невмѣстности и для войскового латвѣйшого вирозумленья» [13].

Запорожцы, получив гетманский лист, не сразу, однако, согласились принять предложение Мазепы и выставили ему несколько условий, изложив их в обстоятельном к нему собственном письме.

«Присланный отъ вашей велможности панской до насъ, войска запорожского низового, особа подалъ намъ на Кошъ обширно выписанный вашъ рейментарскій универсалъ. Все, что выражено въ немъ, прочитано было нами въ общей войсковой радѣ нашей и все то намъ, войску запорожскому, вѣдомо есть. При томъ обширномъ рейментарскомъ универсалѣ вашемъ мы получили и особливый листъ велможности вашей, изображающій вражду и злость московскую. Та злость издавна на отчизну матку нашу, дабы захватить ее во власть и обладаніе, хитро умышляетъ, захвативши-же, въ городахъ украинскихъ людей своихъ посадить желаетъ, а нашимъ людямъ малороссійскимъ несносныя и нестерпимыя здирства и грабительства причинивши, въ Московщину на вѣчное тяжкое и неволное мордерство [14] старается загнати... Такимъ образомъ для того, чтобы не запропастить отчизны и не отдать ее въ рабство и вѣчное невольничье обладаніе московской ненасытности, а также для того, чтобы сохранить всю ея цѣлость отъ той-же московской повадки, разсудили и усмотрѣли, велможность ваша панская, съ общаго согласія и полного совѣта съ генералными особами, полковниками и иною войсковою старшиною, отдаться подъ протекцію, опеку и оборону найяснѣйшихъ королей ихъ милостей шведского и полского, которые, якъ пишитѣ въ листѣ своемъ панскомъ, прирекли своимъ королевскимъ словомъ, подтвердили христіанскою совѣстью и своими завѣрителными писмами, не толко освободить отъ московскаго тиранскаго ярма войско запорожское и народъ малороссійскій, но и сохранить его при стародавнихъ правахъ и волностяхъ. Обнадежившись и увѣрившись названными словами наяснѣйшихъ королей, ихъ милостей, шведского и полского, вы пишите, ваша велможность, и до насъ войска запорожского низового, обязывая

своимъ вѣрнымъ усердіемъ,чтобы мы, какъ сыны православной апостолской церкви, щиро и усердно постояли за милую отчизну матку нашу и для обороны и защиты ея собирались до велможности вашей, постаравшись искоренить находящіеся близъ Сѣчи Каменный-Затонъ и Самарскіе городки. На это мы, кошевой атаманъ и все войско запорожское низовое, симъ листомъ нашимъ войсковымъ объявляемъ, что въ настоящее время, въ виду того, что очень мало войска на Кошѣ и безъ него не можетъ быть общей войсковой рады, мы отправили нарочно на Низъ посланного нашего, чтобы все войско собралось до Сичи и вмѣстѣ сошлось къ предстоящему празднику святителя Христова Николая. Мы просимъ и желаемъ, чтобы къ тому дню, къ празднику святителя Христова Николая (6 декабря), присланы были особы отъ наяснѣйшихъ королей ихъ милостей шведского и полского и отъ велможности вашей для словесной совершенной умовы (договора) и досконалныхъ прогиворовъ войсковыхъ, потому что мы, войско запорожское, отдалившись отъ царя московского, желаемъ знать, под кѣмъ будемъ жить и кого себе за верховнѣйшого пана имѣть и чтобы намъ права и волности и клейноты войсковые и иныя дачи получить, какъ за давнихъ королей полскихъ войско имѣло у себя...; а также, чтобы намъ словесно пристойно и обширно говорити и на одномъ постановити, дабы было за что намъ, войску запорожскому, службы свои раніти въ працахъ войсковыхъ и случаяхъ военныхъ. При этомъ докладываемъ велможности вашей и о томъ, что въ сосѣдствѣ съ нами находятся крымскіе городки и какая отъ васъ увага будетъ съ ними поступити и обойтись; о Каменномъ-Затонѣ извѣщаемъ, что мы не можемъ его без помощи искоренити: благоволите, велможность ваша, прислать намъ на помощь войска военного и тогда мы, атаманъ кошовый съ войскомъ, избивши сіи городки на гнѣздо наше, скоро поспешимъ до обозовъ вашихъ, где они будутъ найдоватися»[15].

Такой ответ немного давал гетману Мазепе, и русский царь мог еще надеяться удержать за собой Запорожье. Ноября 23 дня отдан был царский приказ в главную ратушу о заготовке жалованья войску запорожских козаков: 500 золотых червонных, 150 половинок амбургских сукон в сорочках, 50 пудов пороху, 50 пудов свинцу, кошевому атаману — 2 вершка бархатных, мерой по полуаршина вершок, сукна кармазина, атласу, камки по 10 аршин, две пары соболей по 7 рублей пара, 2 сорока соболей по 50 рублей сорок; судье, писарю и асаулу по вершку бархатному, мерой по полуаршина вершок, сукна кармазина по 5 аршин, атласу по 10 аршин, по паре соболей в 7 рублей пара, по сороку соболей по 50 рублей сорок человеку[16].

Определяя жалованье на запорожское войско, царь был уверен, что этим он расположит запорожцев в свою пользу и отвратит их от гетмана Мазепы и шведского короля. Но запорожская масса и без того пока была на стороне русского царя; против царя были только

некоторые из старшин. О том царь узнал от гетмана Скоропадского, а Скоропадский — от бунчукового товарища Ивана Черняка.

В самом конце декабря месяца 1708 года бунчуковый товарищ Иван Черняк, посланный из Малороссии в Крым с известием о выборе нового гетмана Ивана Ильича Скоропадского, ехал через Запорожье со спутниками Семеном Васильевым Ечемнуком и Григорием Савичем. В самую Сичь они прибыли в навечерие Рождества Христова и были приняты запорожцами очень ласково. Черняк, явившись в Сичу, подал кошевому атаману от гетмана письмо, которое кошевой лично прочел в раде перед всем войском. В том письме было писано о том, чтобы запорожцы ни в чем не верили Мазепе и не соглашались с ним. По прочтении письма кошевой отослал Черняка с радной площади на постоялый двор, а сам, заодно с войсковым судьей, бросил свою шапку на землю, на шапку положил войсковую трость и объявил всем, что он отказывается от своего чина и сдает его другому [17]. Но войско, видя то, стало кричать, зачем кошевой оставляет свой чин, или он хочет служить Мазепе, а не царскому величеству? И, подняв трость с земли, снова вручило ее насильно кошевому. Тогда кошевой, взяв трость, стал кланяться войску на все стороны и говорить: «Нынѣ кому мы будемъ служить, и понеже прежде были письма от Мазепы, а теперь отъ новаго гетмана Скоропацкого». На этот вопрос все запорожцы закричали, что они повинны служить царскому величеству, как единоверному государю, при котором обретаются их отцы и сродники. Кошевой снова стал кланяться войску и, кланяясь, говорил: «Зѣло добро, что вѣрѣ святой православной произволяетесь». По истечении двух дней запорожцы вновь собрали раду и, призвав в нее Черняка, потребовали от него письма, которые он вез в Крым от Скоропадского, чтобы дознать, не писано ли в них что-нибудь противного о запорожцах. Черняк, повинуясь воле козаков, подал требуемые письма, и когда они были «отпечатаны» и прочтены в раде, то оказалось, что в них ничего противного войску запорожскому не было. Тогда козаки, «подпечатавъ» гетманские письма, снова возвратили их Черняку и, дав ему трех провожатых из старых и надежных козаков с собственным листом к хану, с честью отпустили его в Крым [19]. А в письмах к хану они спрашивали, куда он с ордой намерен идти, к русскому царю или к гетману Мазепе, ибо они обще с татарами намеревались идти: куда татары пойдут, туда и они последуют [19]. В бытность спутников Черняка в Сичи все запорожцы, как конные, так и пехота, находились в сборе, а потом один отряд из них около 6000 человек [20], пехоты и конницы, вышли из Сичи в Старый Кодак и в село Новое (т. е. Новый Кодак), близ Старого Кодака [21], где и расположились на стоянку. Перед отъездом в Крым Иван Черняк послал от себя в город Сумы, где находился царский стан, с известием козака Полтавского полка Мирона Петрова да двух козаков запорожских. Последние посланы были к гетману Скоропадскому

за получением от него царского указа для кошевого атамана Гордиенка, который якобы показывал охоту идти на царскую службу [22].

На четвертый день Рождества Христова Иван Черняк уехал в Перекоп. В Перекопе Черняк оставил своих спутников Григория Савича и Семена Ечемнука, отдал приказ им вернуться назад к гетману Скоропадскому, а сам с татарскими провожатыми направился в Бахчисарай до визиря Калват-Улана. В день отпуска к спутникам Черняка явился перекопский писарь и подверг их допросу о том, знают ли они, что написано в гетманских письмах. Гетманские посланцы отвечали, что самых писем они не читали, но когда были в Сичи и когда те письма были распечатаны запорожцами, то слыхали, что в них гетман пишет не верить изменнику Мазепе и настаивает не соединяться с ним для войны против русских. На такой ответ перекопский писарь заметил, что никогда того не будет, чтобы хан, оставя учиненный с царским величеством мир, поверил письмам изменника Мазепы. Потом перекопский писарь спрашивал о бунтовщиках Булавине, Некрасове и Беспалове. О Булавине спутники Черняка сказали, что он погублен, а о Некрасове и Беспалове сам писарь заметил, что они в десяти тысячах войска стоят ныне в Темрюке и намерены идти на слободские города.

Из Перекопа спутники Черняка вернулись в Сичу, где были приняты кошевым Гордиенком по-прежнему ласково. Перед отпуском из Сичи Гордиенко просил их передать гетману Скоропадскому, чтобы он прислал запорожскому войску, в знак своей ласки, войсковые клейноты: прежние гетманы все дарили войско низовое своими клейнотами, а настоящий гетман до сих пор ни одного лоскутка не прислал войску. Вместе с Ечемнуком и Савичем кошевой атаман отправил двух запорожских полковников с письмами от войска к царю Петру Алексеевичу. В тех письмах запорожцы повторили свою просьбу государю о снесении Каменного Затона и Самарских городков, за что выражали свою готовность, все до последнего человека, идти на службу царского величества, куда приказано будет. Когда спутники Черняка находились еще в Запорожьи, то в бытность их там войско запорожское, которое вышло в Кодак из Сичи, все еще находилось в Кодаке. Гетманцы и запорожские посланцы ехали вместе до Переволочны, а потом запорожцы оставили гетманцев и почему-то поехали вперед, заявив, что они немедленно поедут за ними и дальше [23].

Все эти вести дали повод царю Петру Алексеевичу думать, что надежды на верность царскому престолу со стороны запорожского войска еще не потеряны, и потому января 5 дня 1709 года царь велел написать в Кош грамоту с извещением о том, что в Нежин послан гетман Иван Скоропадский, которому велено стать в том городе, собрать малороссийские войска и чинить совместно с великороссийскими войсками, туда отправленными, поиск над неприяте-

лем. Ввиду этого запорожцам также вменялось в обязанность в случае гетман будет о чем-либо писать к ним и чего-либо требовать, быть в отношении его послушным по всегдашней запорожского войска к царскому величеству и к его предкам верности [24].

По-видимому, иного мнения были ближайшие сотрудники Петра, как, например, канцлер граф Гаврила Головкин. Так, отправляя царскую грамоту Скоропадскому для отсылки ее в Кош, Головкин писал гетману, что вольно ему будет или послать грамоту в Кош или удержать ее при себе, «но, кажется, въ нынѣшнее время того листа посылать совсѣм непотребно» [25].

Опасения графа Головкина были не напрасны. Переволочанский сотник Василий Зелененский донес полтавскому полковнику о намерениях запорожцев следующее. Января 4 числа на рассвете прибыло в Переволочну несколько десятков конных запорожцев, которые сказали, что они вышли из Сичи в прошлую субботу и что по их следам имел выйти в воскресенье, а наверное по водосвятии на Богоявление Господне и кошевой атаман Гордиенко. Гордиенко имел разделить все войско на три части: одна часть должна пойти слободами, другая по-за Днепром в Чигирин, а третья, во главе которой он будет сам, пойдет на Переволочну. Такое разделение делается для большего увеличения войска, которое, пройдя намеченные пути, должно сойтись со всех сторон, соединиться вместе и расположиться в Полтаве; Москва же, лишь только услышит о приходе кошевого в Переволочну, должна выступить прочь из Полтавы. Но «на которую руку имѣетъ быть кошевой склоннымъ, того никто не скажетъ, ибо въ Полтавѣ о томъ у нихъ рада будетъ». Но еще до выступления кошевого из Сичи пришла весть из Кодака, что 3000 москалей, пришед до реки Самары под Кодаком и тамошними селами, пошкодили овец. Тогда Гордиенко, услыхав о том, скинул с себя кошевство, но его насильно принудили взять булаву назад. Кошевой, взяв булаву, тотчас послал в Крым по орду, но что произойдет дальше — переволочанский дозорца Зелененский пока не знает [26].

О подлинных намерениях Гордиенка не знали пока и в царском стане: там известно было пока то, что отряд запорожцев находился в двух Кодаках, но куда он имел намерение идти дальше — никому не было известно. Поэтому граф Головкин предписывал гетману Скоропадскому «всемѣрно трудиться над тѣм, дабы увѣдать подлинно о ихъ походѣ, на которую сторону они идутъ».

Но скоро в царский лагерь донеслись такие вести, которые сразу раскрыли подлинные намерения как кошевого Гордиенка, так и всего запорожского войска. Упомянутый раньше запорожский козак Иван Григорьев Яжборский, тайно выехав в конце января из Запорожской Сичи, явился в Белгород к графу Головкину, принес там присягу перед евангелием на верность царскому величеству и при этом передал о положении дел в Запорожьи следующее. Когда приезжали в Сичь с царской денежной казной послы Кисленский

и Теплицкий, тогда в Сичи были несколько раз собираемы рады и на тех радах чернь и пришедшие из городов козаки кричали, чтобы идти из Сичи всем войском к царскому величеству против шведа и изменника на помощь. Но кошевой атаман во всех радах от того похода козаков удерживал, не объявляя, однако, явственно того, почему тот поход войска к царскому величеству непотребен. И в одной раде Гордиенко слагал с себя кошевство ради того, что он в поход идти не желает; но потом, видя, что не может удержать черни от того похода, отправил из Сичи своих противников до 4000 человек в Старый и Новый Кодаки, так что в Сичи ныне осталось большая часть козаков «стороны кошевого». Вслед за тем кошевой отправил в Крым посланцев «затягивать къ себѣ на соединеніе орду». Тогда из Крыма в Сичь приехали два татарина, которые объявили, что в Крыму ожидают приезда нового хана и просили запорожцев обождать своим походом до тех пор, пока в Крым не прибудет новый хан. Кошевой атаман Гордиенко в раде, собранной во время пребывания татар в Сичи, «явственно» говорил запорожскому войску, что лучше козакам держаться при хане, который идет к Мазепе, нежели к русскому царю идти на соединение [27].

Все полученные вести, как от переволочанского дозорцы, так и от выходца из Сичи, доставлены были князю Меншикову, руководившему в то время военными действиями в Малороссии. Но князь Меншиков о положении дел в Запорожьи и в Малороссии в это же время был извещен и от самого государя. Царь Петр Алексеевич воспользовался посланцами Ивана Черняка, находившимися в стане в городе Сумах, из коих два были козаки запорожского войска, а один Мирон Петров козак Полтавского полка. Запорожские козаки отправлены были к гетману Скоропадскому, а козак Полтавского полка послан был к князю Меншикову. В то время князь Меншиков двигался с русскими полками к городу Полтаве, куда направлялся и шведский король, имея целью «совокупить к себѣ черезъ Мазепину факцію запорожскихъ козаковъ». Кроме того, для отвращения запорожского войска от шведов царь отдал приказ гетману Скоропадскому послать в Запорожье «доброго человека» и чрез него стараться склонить козаков к русской стороне, следить за их настроением и извещать о том предводителей русского войска. Вместе с этим по приказу государя велено было через гетмана Скоропадского послать в Кош войсковые клейноты и увещательные царские грамоты [28].

Но за настроением запорожского войска помимо Скоропадского тщательно следил каменнозатонский воевода Илья Чириков. Он посылал ежемесячные донесения о настроении запорожцев в Киев к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну и в Белгород к графу Головкину, а также в «разрядъ» самому государю. Пользуясь тем обстоятельством, что запорожцы однажды побили солдат Каменного Затона, Илья Чириков отправил в Сичь разведчиков для но-

имания злочинцев и для разузнания о тайных намерениях войска. Кошевой атаман, понимая истинную цель воеводы, писал ему, что воевода присылает людей в Сичу «не для настоящихъ дѣлъ, а для провѣдыванія поведенія войскового», а потому посланцев воеводы немедленно велел выпроводить из Сичи вон. Но воевода на том не успокоился и, возражая кошевому, говорил, что сносится с ним для «настоящаго дѣла» и желал бы знать, куда собирается из Сичи запорожское войско. Кошевой, уклоняясь от прямых ответов на такие вопросы, говорил, что он и сам не знает, куда идет войско, и едет проведывать о том лично. При всем том Чириков успел разведать, что в Сичи осталось очень малое число запорожцев и что войско готовится к какому-то походу. Даже те козаки, которые шинковали в Каменном Затоне, оставили свои курени в крепости и ушли в Сичу, а на вопрос воеводы, для какой цели они съезжаются в Сичу, отвечали, что кошевой атаман призывает их к походу, что пойдут они туда, куда по царскому указу будет указано идти. Кошевой собирал козаков и из других мест в Сичу: он посылал вестовых на речку Белозерку, где запорожцы жили куренями, и под видом того, чтобы татары не сделали им какой-нибудь шкоды, приказывал им ехать в Сичу. В действительности от татар он ждал не шкоды, а помощи и послал звать к себе орду татарскую. Если орда прибудет, то он скоро выйдет с войском; если же орды не будет, то он, заговевши, пойдет к запорожцам, стоящим в Кодаках. Запорожцы же, стоявшие в Кодаках, уже посылали к Гордиенку асаула и через него просили кошевого немедленно идти к ним; в случае кошевой не явится к ним на сырной неделе, то они пойдут к великому государю. Тогда кошевой написал запорожцам в Кодаки, что он явится к ним немедля и просит их дождаться его в тех местах, где они доселе стояли. Но войсковая старшина хочет идти после кошевого, потому что ему не доверяет. По точным разведкам кошевой находится в полной готовности к походу; при нем войска в сборе около $1^1/_2$ тысячи, кроме того, которое уже собралось на Кодаках [29].

После таких обстоятельных донесений в царском лагере всем ясно стало, что кошевой Гордиенко хитрит в отношении русских и имеет злые в своем уме намерения.

Гетман Скоропадский, как раньше того Иван Мазепа, причину враждебности запорожцев к русским приписывал не столько самому войску, сколько кошевому Константину Гордиенку. Поэтому, извещая Меншикова о неверности запорожского войска русскому престолу, Скоропадский в виде меры удержания его за государем, рекомендовал князю «изыскать способъ ко изспроверженію кошевого атамана Константина Гордѣенка».

Меншиков все добытые сведения о запорожцах, а равно и предложение гетмана о ниспровержении кошевого, поторопился отослать государю [30].

В это же время о положении дел в Запорожьи отправил донесение государю и князь Григорий Федорович Долгорукий. Долгорукий писал, что замыслы запорожцев уже вполне стали известны, но тем не менее он надеется их «опровергнуть», лишь бы только в том не помешали татары [31].

Такого же мнения относительно запорожцев был и сам царь Петр Алексеевич. «О татарахъ объявляю вамъ, писалъ царь Долгорукому февраля 21-го дня, что уже другую конфирмацію получили мы из Константинополя, что хану, под смертію, заказано миръ блюсти, и для того въ томъ уже не сомнѣвайтесь, но потщитесь вышереченное зло пресѣчь. Получили мы письмо отъ гетмана, въ которомъ объявляетъ воровство запорожское и совѣтуетъ кошевого перемѣнить; но о семъ надлежитъ ему искать два способа, въ чемъ и вамъ стараніе свое имѣть надлежитъ, хотя-бъ и немалое что дать, и какой способъ на то найдете, пиши ко мнѣ» [32].

При всем том так как намерения запорожцев становились все более и более очевидны, то фельдмаршал граф Шереметьев, желая предупредить приход их в Малороссию и не дать им возможности внезапно напасть на малороссийские города, февраля 21 дня предписал гетману Скоропадскому послать в города и местечки Манжалеевку, Поток, Кременчук и Омельники из регулярных войск по батальону от пехотных полков и при них «отъ кумпаніи» по собственному рассуждению, а во все места, удобные для сооружения мостов и перевозов, велел отправить легкие партии за реку Псел для поисков над запорожцами; если же поисков нельзя будет сделать, то написать несколько писем «къ развращенію (т. е. отвращению) запорожцевъ отъ Мазепиной прелести» и разбросать те письма в удобных местах, чтобы они попались в руки запорожцам и чтобы запорожцы из тех писем могли «выразумѣть прелесть измѣнника Мазепы и воровство кошевого атамана» [33].

Но «прелесть» Мазепы и кошевого Гордиенка столь была велика, что на запорожцев подобные меры уже не могли подействовать. Сам Гордиенко в это время избил перначом и посадил в оковы возвратившегося из Крыма и задержанного в Сичи посланца гетмана Скоропадского Ивана Черняка за то, что будто бы он посланные им в Крым гетманские письма не все объявил войску. В это же время запорожцы открыто приняли к себе чигиринского сотника Василия Невинчанного, избившего другого какого-то гетманского посланца, отправленного Скоропадским в Чигирин. Поэтому от запорожцев стали ожидать уже всего самого худшего.

Царь Петр Алексеевич извещал князя Меншикова, находившегося в то время в городе Харькове, что запорожцы собрались близ крепости Новобогородицкой на реке Самаре и что, поэтому, нужно опасаться, как бы они не причинили ей чего-нибудь дурного, а также, как бы они не были проведены своим кошевым атаманом и войсковым судьей через Переволочну на соединение к шведам.

Поэтому государь приказывал князю поставить в удобном месте ингерманландский русский полк, «дабы имѣть око на ихъ походъ»; также, если возможно, прибавить в Новобогородицкую крепость и в Каменный Затон полка два или больше того гарнизонного войска; в самой же Сичи постараться переменить через посредство миргородского полковника Даниила Апостола главную старшину — кошевого атамана и войскового судью.

Впрочем, едва этот приказ успел дойти по назначению, как царь марта 1 дня отправил тому же Меншикову другой приказ. Этим последним приказом внушалось, как можно стараться о том, чтобы склонить на русскую сторону запорожское войско, действуя на козаков прежде всего добрым словом и только в крайнем случае оружием. «Въ Каменномъ-Затонѣ учинить командира изъ бригадировъ, кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого (следует учинить), то полагаюсь на васъ; пункты посылаю при семъ; токмо едина матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить запорожцевъ добромъ по самой крайней возможности; буде-же оные явно себя покажутъ противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными, яко со измѣнниками» [34].

В чем, собственно, состояли пункты, посланные царем Меншикову, неизвестно; но, по замечанию Голикова, «содержаніе ихъ было то, чтобъ склонить козаковъ къ избранію новаго кошевого ласкою и подарками [35].

На письмо государя вместо князя Меншикова дал ответ марта 3 дня 1709 года князь Григорий Федорович Долгорукий: «О воровствѣ запорожцевъ неоднократно писалъ я до миргородского полковника, дабы оный, выбравъ изъ своего полка добрых козаков и удовольствовавъ послалъ въ Запороги въ разные курени, чѣмъ-бы возможно тамъ заводчиковъ, кошевого и судью, испровергнуть и во всѣхъ противникахъ довѣріе учинить, такожъ и господинъ гетманъ въ свою сторону съ общаго совѣту отвращая оныхъ своевольниковъ, писалъ и другими способы (-ами) тайно и неусыпно трудился, какъ и нынѣ удовольствовавъ деньгами, посылаетъ съ письмами козаковъ, которые прежде сего были въ Сѣчѣ кошевыми... чрезъ которыхъ надѣется съ помощью божіей оныхъ удержать» [36].

Но скоро оказалось, что и эти меры были уже напрасны.

Уже в самом начале марта сам царь писал о запорожцах князю Меншикову: «Запорожцы, а паче дьяволъ кошевой, уже явные измѣнники стали, и зѣло опасно Богородицкова не для города, но для артиллеріи и аммуниціи, которой зѣло тамъ много, а людей мало; того ради зѣло потребно одинъ конный полкъ, хотя изъ тѣхъ, которые съ Кампелемъ, послать въ оную, и велѣть оному тамъ побыть, пока изъ Кіева три полка будутъ въ Каменной-Затонъ, изъ которыхъ велѣть сотъ пять водою туда отправить на перемѣну сему конному; впрочемъ извольте сами сему подобныхъ дѣлъ смотрѣть; ибо я, отдаленія ради, не всегда и не скоро могу слышать все» [37].

Обнадеженные гетманом Мазепой и настроенные кошевым атаманом Гордиенком, запорожские козаки действительно с этого времени решили большинством голосов действовать против русского царя. Сперва из Сичи отправлена была депутация в числе 80 человек с каким-то полковником к гетману Мазепе с объявлением о том, что козаки берут его сторону, так как они узнали, что деньги, которые царь прислал им в подарок, отняты им у козака Фляка [38] и что это вовсе не подарок, а добыча, отнятая царем силой у одного брата и отданная другому [39].

После отправки депутации к Мазепе, запорожцы, конница и пехота в числе 1000 человек [40] под предводительством «властного» кошевого атамана Константина Гордиенка, войскового судьи и писаря, взяв с собой знамена, бунчук, булаву и десять пушек, марта 1 числа двинулась из Сичи в Переволочну, которую искони веков считали своим городом и от которой рассчитывали добраться до стана шведского короля. Покидая Сичу, запорожцы оставили там наказным кошевым атаманом Михайла Симонченка, который, вслед за отходом Гордиенка, известил воеводу Каменного Затона Чирикова о том, что властный кошевой поднял рушение в малороссийские города не для измены великому государю, а «для самой певной слушности и досконалной рѣчи, для чего людямъ ихъ отъ находу разныхъ войскъ утиски и грабленіе чинятся, и, получивши свое желаніе, возвратитца на свое мѣсто» [41]. Тем временем, когда запорожцы вошли в украинские города, то к ним стали приставать городовые козаки и таким «пристальцамъ кошевой давалъ по полтинѣ на человѣка, на которую дачу дано ему от шведского короля 6000 рублевъ, а запорожцамъ дано по три рубля на человѣка» [42]. Однако, идя на соединение с королем Карлом, запорожцы везде объявляли, будто бы они идут на соединение с великороссийским войском, за что им вторично послано было царское жалованье от русского царя [43]. Придя в Переволочну марта 11 числа в пятницу, кошевой Гордиенко написал письмо тамошнему полковнику Нестулею, и по тому письму полковник Нестулей вышел с пятьюстами конницами для рады. В субботу той же недели присланы были от Мазепы посланцы Чуткеевич и Мокеевич с письмами. Марта 12 дня в воскресенье в Переволочне произошла рада в присутствии посланцев гетмана Мазепы. На раде перед всем войском были прочитаны гетманские письма, в которых говорилось о том, что русский царь угрожал «искоренить воровъ и злодѣевъ запорожцевъ», а жителей малороссийских городов перевести в великороссийские города за Волгу, в подтверждение чего приводилось доказательство, что уже и теперь московское войско, находясь в здешних краях, «чинитъ разореніе паче шведа». После прочтения таких писем и после тайной раздачи кошевым атаманом денег «скуднымъ людямъ» из запорожцев, многие на раде стали кричать, чтоб «быть въ Мазепину сторону». И тогда полковник Нестулей и все запорожское войско, как конница,

так и пехота, решили идти в ближайший вторник под город Царичанку, где стояло 3000 человек московского войска [44]. В это время пришло письмо к запорожскому войску от крымского хана. Хан одобрял решение запорожских козаков идти за Мазепой и обещал им с своей стороны во всем помощь. После этого и полковник Нестулей, несколько времени колебавшийся между одной и другой стороной, под конец также объявил себя сторонником Мазепы [45].

После окончания рады кошевой атаман Гордиенко марта 15 дня отправил универсал через войскового товарища Грицька, к козакам, кочевавшим возле рек Буга, Ингульца и Ингула, с просьбой не засиживаться возле рек и поспешить соединиться с кошевым для «войскового похода» [46]. Вместе с этим кошевой Гордиенко послал свой лист к польскому королю Станиславу Лещинскому, «покорно прося королевскую вельможность на сполную (общую) помощь и ратованье милой отчизны Украйны». Станислав Лещинский избран был одной из польских политических партий «сапѣжинцевъ» при живом короле Августе II и имел поддержку у шведского короля Карла XII. Гордиенко, отправив своих посланцев к Лещинскому, ждал от него решительного ответа. Но посланцы Гордиенка попались в руки польским караульным и были представлены коронному гетману Синявскому; коронный же гетман, сторонник России, передал их Алексею Дашкову, русскому резиденту в Польше. Тогда письма, найденные при посланцах, были отправлены малороссийскому гетману Скоропадскому, который должен был показать их «знатнымъ изъ запорожскаго войска (в Сиче), дабы они увѣдали то его, Гордѣенково, злодѣйство» [47].

Но Гордиенко тем не смутился. Оставаясь пока сам в Переволочне, он отправил к шведскому королю депутацию, одного полковника и 80 человек товарищества с известием о том, что запорожцы готовы, ради восстановления собственной свободы, служить верно королевскому величеству, жертвовать своей жизнью и с полным уверением за счастливый успех предпринимаемого святого дела. В то время главная квартира короля находилась все еще в местечке Великие Будища в 47 верстах от города Зинькова и 57 верстах от Полтавы [48]. Туда и направился запорожский полковник с конвойным своим отрядом.

Марта 19 числа депутаты прибыли в местечко Великие Будища, были приняты королем, допущены к его руке и потом угощались у шведского фельдмаршала Реншильда. Во все время пребывания своего в Будищах запорожские депутаты предавались веселью до излишества. На прощаньи фельдмаршал Реншильд объявил десяти козакам, что они снова будут допущены к прощальной аудиенции у короля, но с условием не пить вина раньше обеда, так как король не переносит пьяных. Запорожцы, много пившие в последние дни, с трудом выдержали такое требование и простились с королем трезвыми. Зато после королевской аудиенции их велико-

лепно угостил фельдмаршал Реншильд. Сам король сделал им прекрасные подарки и вручил два письма, одно к гетману Мазепе, другое ко всему запорожскому войску [49].

Вслед за отправкой депутатов двинулся из Переволочны и сам Гордиенко. Когда об этом движении кошевого стало известно в русском лагере, то начальники русской армии распорядились выслать против Гордиенка три полка с целью не допустить запорожцев до соединения со шведами. Таким образом кошевому приходилось вступить с русскими в битву, чтобы очистить себе дальнейший путь к Великим Будищам. Запорожцы, перейдя границу своих владений, сделали два нападения на русских, одно у Царичанки, другое в городе Кобеляках. У Царичанки запорожцы в числе 800 человек атаковали бригадира Кампеля, у которого было три полка драгун численности в 3000 человек. Запорожцы изрубили 100 человек драгун да 90 человек из них захватили в плен [50], потеряв у себя только 30 человек. Из пленных москалей козаки отправили несколько человек со шведскими посланцами к крымскому хану и просили его о помощи шведскому королю [51].

Такая удача под Царичанкой сразу дала запорожцам славу храброго войска и подняла столь высоко их знамя, что число их быстро увеличилось до 15 000 человек; к ним повыходили из недр лесов и болот скрывшиеся туда при нашествии шведов украинские жители, не желавшие против воли доставлять продовольствие войскам Карла. С таким числом людей запорожцы скоро овладели городками по рекам Орели, Ворскле и Днепру и везде оставляли в них по хорошему гарнизону [52].

Рассеяв русские отряды и закрепив за собой берега Днепра и его притоков Орели и Ворсклы, кошевой Гордиенко взял направление в местечко Диканьку в 25 верстах от Полтавы, чтобы свидеться там с Мазепой и оттуда идти в главную стоянку шведского короля Великие Будища. Перед своим выходом из Новосанджар кошевой Гордиенко оставил при возах от каждого куреня по 50 человек охраны, а жителям местечка отдал приказ в случае нападения на них московского войска, уходить от русских за реку Ворсклу [53].

В это время гетман Мазепа, узнав о выходе к нему Гордиенка, выслал навстречу кошевому конвой в 2000 человек. Прийдя в Диканьку, Гордиенко направился прямо в тот дом, где находился Мазепа, и тут кошевого встретили самые знатные лица из гетманской свиты. Увидя гетманскую свиту, кошевой, в знак дружбы и уважения, поцеловал бунчук, который был принесен на тот случай. Самое свидание Гордиенка с Мазепой произошло в присутствии большого числа лиц запорожского товарищества. Войдя в комнату Мазепы, кошевой увидел гетмана, стоящим у стола, на котором лежали знаки гетманского достоинства, и отдал ему глубокий поклон. Поцеловав в знак уважения бунчук с развевавшимся на нем конским хвостом, кошевой сказал гетману такое слово:

«Мы, войско запорожское, и я, благодаримъ васъ за то, что, в качествѣ начальника Украйны, вы приняли къ сердцу, какъ благонамѣренный человѣкъ, положеніе, въ которомъ вынужденно находится наше отечество, и за то, что вы начали освобождать его отъ владычества москалей. Такъ какъ мы увѣрены, что именно въ виду этого намѣренія, а не въ видахъ собственнаго интереса или какой-либо особенной цѣли, вы выпросили покровительство короля Швеціи, то мы рѣшились помогать вамъ съ вѣрностью, подвергая опасности нашу жизнь и повинуясь вамъ во всемъ, такъ что вы имѣете право намъ приказывать для достиженія желаемой цѣли. Мы умоляемъ васъ взять на себя это бремя; чтобы облегчить тяжесть несенія этого бремени, мы сдѣлаемъ все возможное. Благодаримъ васъ также за то, что вы изволили увѣдомить насъ о намѣреніи и благосклонности короля Швеціи. Мы пришли съ намѣреніемъ просить покровительства у его величества и надѣемся, при посредствѣ вашемъ, получить утвержденіе этого, какъ вы намъ обѣщали. Имѣя также цѣлью вступить въ общее съ вами дѣло и будучи готовы поклясться вамъ въ послушаніи и вѣрности, мы желаемъ, чтобы и вы также поклялись дѣйствовать съ нами единодушно и оказали ваше содѣйствіе въ защитѣ отечества».

В ответ на речь кошевого Гордиенка гетман Мазепа благодарил запорожское войско за доверие к его особе, уверял честью, что, отдаваясь в руки шведского короля, он поступал не по легкомыслию, не по побуждению личного интереса, а лишь по безграничной любви к отечеству. Он очень стар, не имеет ни жены ни детей, мог бы удалиться в Польшу или в другую какую-либо страну, чтобы спокойно окончить те немногие годы, какие ему осталось прожить. Но, управляя Украйной, он не может оставаться сложа руки и отдать ее во власть несправедливого притеснителя. Он хорошо знал намерение царя переселить запорожцев в другое место, совершенно уничтожить их жилище и принудить их сделаться драгунами, и если запорожцы еще сохранили до сих пор свободу, то этим они обязаны ему, гетману. Уже князь Меншиков двинулся было со страшной армией, чтобы взять гетмана, захватить всех его полковников и других приближенных к нему лиц, и если бы это намерение князя удалось, то запорожцы неминуемо были бы отведены в Сибирь. Однако, благодаря действию особого провидения божьего, в это самое время вступил в страну шведский король и дал надежду украинцам освободиться от притеснений и сбросить постыдное и невыносимое иго Москвы. По всему этому гетман готов соединиться с запорожцами и готов обязать себя клятвой исполнить такое дело, только бы и запорожцы, с своей стороны, поклялись ему в искренней и неизменной дружбе и в готовности действовать сообща с гетманом, имея одно намерение и одну общую цель [54].

Когда кошевой Гордиенко говорил свою речь гетману Мазепе, то в это время при нем находилось несколько человек запорож-

ского товарищества, и это делалось по установившемуся в низовом войске обычаю; запорожцы были того убеждения, что ничто так не способствует поддержанию независимости их общины, как постоянно и неослабно исполняемое ими правило наблюдать за всеми действиями их начальников, вследствие чего они и не позволяли им ничего делать иначе, как в присутствии всего товарищества. В таком случае, если предприятие запорожцев оканчивалось счастливо, то они имели равное участие в том все; если же, напротив того, предприятие их не удавалось, вследствие каких-нибудь причин, то сделанные ошибки не вменялись никому в вину. Гордиенко перед этим несколько раз был отрешаем от должности кошевого атамана, но после каждого раза запорожцы, не находя в других козаках способностей к управлению войском, снова через некоторое время делали его своим кошевым. Тщетно царь, так не любивший Гордиенка за его ненависть к Москве, пытался лишить его атаманского уряда и вместо него поставить во главе войска другое лицо, более преданное москалям. Гордиенко умел всегда сделать так, что царские разведчики всякий раз возвращались из Запорожья ни с чем. Однако, опасаясь, чтобы попытки царских агентов не остановили задуманного предприятия, Гордиенко поспешил выйти из Сичи и соединиться с гетманом Мазепой.

После свидания Гордиенка с Мазепой все запорожцы, находившиеся при кошевом атамане, были приглашены гетманом к обеду; наиболее заслуженные из них были допущены к столу самого Мазепы; остальные угощались, как хотели. Все время обеда прошло в большом порядке. Запорожцы оказывали Мазепе особенное уважение и, выражая в громких словах ему свое усердие и расположение, уверяли, что они готовы пожертвовать для него последней каплей крови. Потом, когда обед окончился, и запорожцы, сильно опьянев, стали расходиться по своим квартирам, то они начали по своему обыкновению хватать со столов всякую посуду, какая кому из них наиболее нравилась [55]. Управляющий домом, из окрестных дворян, видя такое бесчинство, счел своим долгом остановить такое хищение. Подвыпив не менее самих гостей, он обратился к запорожцам с упреком и заметил им, что, вероятно, они пришли в дом с тем, чтобы разграбить его, как это имеют обыкновение делать повсюду, куда приходят. Запорожцы, оскорбленные словами управляющего, пришли в сильное раздражение, подняли большой шум и пошли с жалобой к кошевому Гордиенку. Последний, придав этому делу серьезное значение, вообразил, что к такому оскорблению запорожцев побудил управляющего сам гетман Мазепа и приказал всем своим козакам немедленно сесть на коней и, не простясь с гетманом, уехать прочь. Но гетман Мазепа, узнав об этом через своих людей, поспешил отправить к Гордиенку своих старшин и велел им передать кошевому, что он, крайне огорченный происшедшим беспорядком, не принимал в этом ни малейшего участия; а для того, чтобы

доказать им свою непричастность к такому делу, готов выдать козакам управляющего головой и предлагает им наказать его так, как они сами того пожелают. Эта предупредительность усмирила немного козаков. Но когда тот человек был выдан им, то они били его ногами, кидая один другому, и продолжали эту игру до тех пор, пока один из козаков, давно за что-то ненавидевший этого человека, не вонзил в него нож [56].

Из Диканьки кошевой Гордиенко вместе с гетманом Мазепой отправился в Великие Будища для представления шведскому королю. За Гордиенком шло 50 человек запорожских козаков и 115 человек захваченных запорожцами русских пленных солдат и малорусских козаков, которых запорожцы «били и ругали и мучительски комарами и муравьями травили» [57].

По прибытии в Великие Будища Гордиенко марта 27 числа имел аудиенцию у короля и был допущен вместе со свитой своей в числе 50 человек козаков к целованию королевской руки. Во время представления королю кошевой атаман сказал на латинском языке речь [58] с выражением благодарности от имени запорожцев королевскому величеству за обещанное покровительство как войску запорожских козаков, так и жителям Украйны против общего врага. Вместо короля кошевому атаману отвечал на латинском же языке государственный секретарь Гермелин. Ответ Гермелина переведен был на славянский язык комиссаром Солданом и объявлен всем козакам. В этом ответе высказывалась запорожскому войску благодарность короля, преподавался искренний совет воспользоваться благоприятным случаем добыть себе прежнюю свободу и предковские права и выхвалялась храбрость их в бою при Царичанке против москалей, доказательством чего были приведенные налицо 115 человек русских драгун, и обещалась большая награда за смелое дело нападения на москалей.

Гордиенко, выслушав перевод речи короля, объявил, что кроме приведенных к его величеству москалей он отправил еще около 100 человек к хану в Крым и теперь вполне уверен, что в таком деле, как война короля с царем, примет участие и все панство крымских татар.

Король хорошо угощал запорожцев в течение нескольких дней [59] и под конец раздал всем участникам царичанского дела 10 000 флоринов, кроме особых подарков Гордиенку и запорожской войсковой старшине. На пожалование кошевому и старшине денежных сумм король выдал особый лист, который всенародно прочтен был перед собранием козаков. Это сделано было ввиду того, чтобы предотвратить придирку запорожского товарищества, которое требовало все жалованные суммы доставлять в общую скарбницу для всех членов запорожской общины [60]. Кроме того, король обещал к празднику Христова Воскресения подарить по 4 рубля и по 1 кафтану на каждого козака. Независимо от короля гетман Мазепа

также пожаловал запорожцам клейноты и «по полтинѣ 2.000 рублей на курень» [61].

После окончания веселых и продолжительных пиршеств запорожские и малороссийские козаки составили между собой договор, по которому обещались помогать друг другу и действовать сообща. Договор этот заключен был на письме; Мазепа, не могший, вследствие будто бы приключившейся с ним болезни, никуда выходить из своей комнаты, подтвердил тот договор целованием креста, евангелия и святых мощей у себя в доме. Вместе с Мазепой принес присягу и генеральный писарь войска малороссийских козаков. Кошевой атаман Гордиенко и запорожцы принесли присягу марта 28 дня с большой торжественностью в будищанской церкви перед главным алтарем.

Кроме договора запорожские и малороссийские козаки составили особую статью и отправили ее для утверждения к шведскому королю. Статья эта была вполне принята королем и король дал свое слово исполнить все просьбы козаков. Король обещал взять Мазепу и Гордиенка под свое покровительство со всеми войсками их; он объявлял, что не положит оружия перед царем до тех пор, пока Украйна и Запорожье не будут изъяты совершенно от власти москалей, так что и украинские и запорожские козаки несомненно будут пользоваться теми правами, какими они пользовались с древнейших времен. Зато жители украинских сел и городов должны возвратиться в свои жилья и доставлять пропитание шведским войскам, а не прятаться по лесам и не делать нападений на шведов, как прятались и нападали они во время первого появления шведов в украинских городах. В случае нарушения дисциплины со стороны шведских войск сам король обещает производить строгий над солдатами суд и виновных без снисхождения казнить [62].

Покончив со всеми условиями у гетмана и у короля, запорожцы стали выражать горячее желание — поскорее начать войну против москалей. Но на такое желание король, похвалив пыл низовых молодцов, отвечал им, что прежде всего нужно выждать время и приготовиться к бою, а потом, как только настанет удобный час, король выступит из Украйны и сразится с врагом. На речь короля, переведенную на русский язык и сказанную публично всем, запорожцы отвечали криками радости, махали в воздухе саблями, подбрасывали шапки свои вверх. На прощанье некоторые из запорожцев допущены были к королевской руке и приглашены к королевскому столу [63].

После свидания с гетманом Мазепой в Диканьке и после представления Карлу XII, запорожцы марта 30 оставили Великие Будища и решили спуститься в Новосанджары ниже Полтавы и расположиться там до известного времени станом. Проходя мимо Полтавы, запорожцы показали свою ловкость владеть огнестрельным оружием. Здесь их заметили русские гарнизонные солдаты,

которые взошли в большом числе на городской вал и начали оттуда стрелять из пушек по проходившим мимо козакам. Тут кошевой Гордиенко велел остановиться ввиду врага и приказал сотне из своих людей приблизиться к городским валам. Сотня козаков приблизилась на расстояние 500 шагов и выстрелила в москалей. Выстрел этот оказался столь метким, что 40 человек русских солдат свалились замертво. В это же время один из запорожцев, заметив на башне русского офицера в мундире с галунами, пустил в него один выстрел и тем выстрелом свалил мертвым несчастного офицера. Кошевой Гордиенко, выставляя это на вид шведам, заметил, что среди его людей есть более 600 человек козаков, которые могут стрелять на таком же расстоянии и никогда не давать промаха [64].

От Полтавы некоторая часть запорожских козаков взялась проводить гетманского посла с письмами к турецкому султану: в тех письмах Мазепа побуждал султана на скорейшее соединение турецких войск с козаками для борьбы против русского царя. Главная же масса запорожцев расположилась в Новосанджарах. Это местечко удобно было в том отношении, что находилось невдалеке от королевского стана и от границы Запорожья, откуда козаки Гордиенка могли получать новые подкрепления для предстоявшей борьбы с русскими.

Несмотря на ласковый прием, оказанный шведским королем кошевому и запорожцам, несмотря на все подарки и щедрые обещания короля в будущем, Гордиенко, однако, впал в некоторое раздумье по поводу затеянного им сообща с Мазепой дела и высказал колебание насчет дальнейших действий своих совместно со шведами: «Разглядѣлъ я этихъ шведовъ; полно при нихъ служить! Мнѣ теперь, кажется, что лучше намъ попрежнему служить царскому величеству»... Но, по-видимому, то было не более, как минутное настроение, охватившее кошевого,— дальнейшие его действия не говорят о его искреннем раскаянии и решительном желании действовать в пользу русского царя.

Во все то время, когда Гордиенко, выйдя из Сичи, находился в Малороссии, за действиями запорожцев зорко следил киевский губернатор князь Дмитрий Голицын, которому поручено было наблюдать за спокойствием Малороссии во время прихода в нее шведского короля. Правой рукой Голицына в этом случае был чигиринский полковник Игнат Галаган, доставлявший ему всякие вести о запорожцах. В конце месяца марта князь Голицын, после донесения ему Галагана, сообщил гетману Ивану Скоропадскому, что запорожцы стоят по крайним от Днепра городам, Переволочне и Келеберде; что они прельщают на левой стороне Днепра народ; что «по ихъ прелестямъ» к ним переходят многие из местных козаков и что они внушают народу бить старшин и идти на соединение с низовым войском; от этого собралось много своевольных людей, которые ходят купами и разоряют пасеки в разных местах. Не

довольствуясь левой стороной, запорожцы в числе 400 человек переправились на правую сторону Днепра и стали разглашать, будто шведский король со своим войском также хочет перебраться через реку и поднять против царя народ правой стороны Днепра. От реки Днепра запорожцы спустились даже к реке Бугу, где собралось более 3000 человек запорожских гультяев; своевольцы стали грабить людей, разорять жилья и намеревались идти для истребления городов Уманского полка, а в Брацлавском полку они уже взяли и разорили город Чичельник.

Но Голицын, по-видимому, был бессилен, чтобы успокоить вверенную ему область, и на все эти донесения, а также на жалобу полковника Григораша нашел возможным отдать только одно приказание Григорашу послать людей и на месте укротить своевольных гультяев [65].

В противность киевскому губернатору гетман Мазепа брал все меры к тому, чтобы посеять в краю смуту и так или иначе закрепить за собой запорожцев и малороссиян, для чего даже пустил между ними слух о том, будто бы русскому царю изменили граф Шереметев и князь Меншиков, которые не замедлят прибыть в козацкое войско.

Тогда для отвращения запорожцев «отъ Мазепиной прелести» велено было разбросать по городам Соколке, Кишенке, Келеберде, Беликам и Санджарову разные письма из русского стана и из тех писем низовое войско узнало, что слух об измене царю Шереметева и Меншикова был пущен самим Мазепой; чрез это многие из запорожцев стали покидать обманщика и уходить от него прочь.

Апреля 4 числа в город Лубны явился кобеляцкий козак Герасим Лукьянов, развозивший подметные письма в Соколке, Кишенке и Келеберде с целью отвращения запорожцев от Мазепы и склонения их к русскому царю. Он в своем сообщении показал: всех запорожцев при кошевом атамане в ту пору состояло 4000 человек, из коих только одна половина была вооружена ружьями, а другая ружей не имела; жалованья ни те, ни другие не получали от шведского короля и питались харчами, добываемыми силой у городовых жителей; особо в местечке Будищах запорожцев было до 2000 человек; они собирались принести присягу шведскому королю и с ними был сам кошевой атаман; тем не менее козаки были недовольны на кошевого за то, что он ввел их в явную погибель и что чрез него они очутились в безвыходном положении, потому что в Сичь им вернуться было нельзя через московские войска, стоявшие по обе стороны Днепра, а от шведского короля они не получали никакой платы. Многие из запорожцев не хотели идти за кошевым еще и потому, что не желали служить гетману Мазепе и воевать против русского царя. Но коварный кошевой, чтобы поднять запорожское войско против москалей, прибегал к такой уловке и говорил козакам, что «Мазепа идетъ воевать не царя, а только,

за безчинность, москвитянъ». К тому же и в среде жителей малороссийских городов они далеко не везде находили сочувствие себе. Так, кобеляцкий сотник Ерофей Иванов высказывал открытое желание перейти со своей сотней к миргородскому полковнику Апостолу и верно служить царю, и если не сделал этого, то единственно потому, что ему воспрепятствовали в том «запорожскіе гультяи и простаки». И не один кобеляцкий сотник верно исполнил свой долг: наказной сотник Роман Родуст также был верным царю слугой и доносил полковнику Апостолу, что он вовсе не сторонник запорожцев и что их власть он сносит единственно потому, что они, как и их кошевой, уходя из Келеберды, запретили жителям ее сноситься с Миргородом и приказали избегать миргородского полковника,— и при всем том келебердинский сотник надеется на помощь Бога и просит у полковника панской милости к себе и ласкового призрения [66].

Как бы то ни было, но когда факт совершился, и запорожцы пошли за Мазепой и шведским королем, то царь Петр Алексеевич марта 13 числа вновь послал князю Меншикову приказ стараться об удержании за русскими орельских городков, в особенности Новобогородицкой крепости, где было много артиллерии и аммуниции, но мало русских сил. Ввиду серьезного положения дел князю Меншикову, который должен был по письму царя от 4 марта приехать наскоро в город Воронеж, теперь повелевалось отложить пока поездку и продлить свое пребывание в Малороссии: «Ежели вы не в пути, писал царь, то лучше-бъ еще немного тамъ для запорожскаго дѣла задержались, а сіе дѣло, самъ ты знаешь, что не изъ послѣднихъ; я уже писалъ до господина фельдмаршала, чтобъ онъ подался къ Переволочне для сего дѣла; при томъ-же совѣтую и вамъ, буде невозможно всѣми (войсками), то хотя-бы частью позадъ Полтавы протянуться для сего дѣла» [67]. Март 31 дня послан был от царя указ и гетману Скоропадскому: ему велено было отнюдь не пропускать, как сухопутьем, так и водой, ни в Сичь, ни в стан кошевого Гордиенка и гетмана Мазепы украинских торговых людей с хлебными запасами и разными товарами [68].

Но эта мера, не раз практиковавшаяся в отношении Запорожья Самойловичем и Мазепой, теперь не имела никакого успеха. Апреля 3 дня бывший при гетмане Скоропадском царский министр Яков Федорович Долгорукий писал царю: «Воръ кошевой (Гордиенко) ядъ свой злой еще продолжаетъ: онъ на другую сторону за Днѣпръ непрестанно прелестно пишетъ, дабы побивали старшину, а сами-бъ до него за Днѣпръ переходили, что уже такая каналія тамъ за Днѣпромъ купами собирается и разбиваетъ пасеки» [69].

Кошевой атаман Гордиенко в это время главное внимание свое устремил на город Чигирин, где он хотел достать полковника Игната Галагана и убить его. Для этого, ввиду охраны Галагана, велено было князю Меншикову (указом апреля 6 дня) отправить

в Чигирин князя Григория Волконского с драгунским полком. Князь Меншиков, отправляя Волконского в Чигирин, при этом уведомлял гетмана Скоропадского, что «запорожцы, какъ легкомысленные люди, ставятъ себя въ злое дѣло и смятеніе около Чигирина производятъ». Впрочем, тот же Меншиков не верил в поголовное восстание запорожцев против русского царя: получая вести с разных сторон, он находил, что Скоропадский не имел подлинных сведений о настоящих намерениях низовых козаков. Князь надеялся, что при изменнике Мазепе не останется и половины запорожцев: если же и останутся, то только те, которые находятся при кошевом атамане Гордиенке; даже и эти последние в большом количестве идут в русский стан.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Положение дел в Запорожьи после отхода к Мазепе кошевого Гордиенка.— Столкновения запорожцев с московскими ратными людьми Каменного Затона.— Действия апостольцев в Запорожской Сиче.— Решение по поводу прибытия апостольцев со стороны наказного атамана Симонченка и сичевого войска.— Выбор властного кошевого Сорочинского.— Образование партии запорожцев в Сиче против московского царя и отправка депутации в Крым с просьбой о протекции хана.— Столкновение кошевого Гордиенка и шведского генерала Крузе с русским отрядом у Соколки.— Последний приказ царя Петра о посылке к Запорожской Сиче отряда русских войск под начальством полковников Яковлева и Галагана.— Разорение русскими Келеберды, Переволочны, двух Кодаков и Чортомлыцкой Сичи.— Бегство запорожцев в Крым.— Царский манифест о причине погрома Сичи.— Награда полковнику Галагану от царя за его действия против запорожцев.

После ухода кошевого Константина Гордиенка с козаками на соединение с гетманом Мазепой и королем Карлом XII в Запорожской Сиче, по-видимому, осталось очень немного войска. Наказным кошевым атаманом состоял в то время Михайло Симонов или Михайло Симонченко [1]. В конце месяца марта 1709 года Симонченко получил письмо от Константина Гордиенка с извещением о том, что половина запорожского войска, вышедшая с властным кошевым из Сичи, пошла с ним для соединения с шведским королем, другая же половина с Гордиенком не пошла и объявила свое намерение служить русскому царю, и о том кошевой дает извещение в Сичу, чтобы сичевые козаки то знали. Сичевые же козаки, поставив при Днепре сторожу, безвыходно сидели в Сиче и всячески старались не допускать к себе московских ратных людей Каменного Затона под тем предлогом, как они сами каменнозатонскому воеводе Илье Чирикову писали, чтобы от «подпилого ихъ товарищества великого государя ратнымъ людямъ, посылнымъ въ Сѣчю, не чинилась обида». В действительности же сичевые козаки не пускали русских в Сичь именно потому, что в ней слишком мало было налицо войска и оттого все товарищество находилось в большом опасении. Вследствие этого запорожцы зорко следили за всяким движением каменнозатонцев, и когда однажды каменнозатонские солдаты отправились на бударах рубить дрова в урочища против песков, то козаки напали на них с ружьями, пищалями и копьями, 6 человек из них до смерти

убили, 2 ранили, нескольких, изловив, перевязали, будары же порубили и затопили. Но вскоре после этого настроение запорожских козаков переменилось, и когда каменнозатонские пушкари в другой раз поехали по старому знакомству «на курень» для покупки невода, то запорожцы, связав их, объявили, что теперь у них в Сиче войска очень много и что они поэтому имеют намерение идти под Каменный Затон против русских. И точно, вскоре после того запорожцы, конные и пешие, перебрались в большом числе через Белозерку и собрались в окопе, который находился за речкой в двух верстах от Каменного Затона. Ввиду такой опасности воевода крепости Чириков известил о том государя и приготовился дать отпор сичевикам. Он собрал всех ратных людей, бывших в Затоне, расставил их по бастионам и по линиям города, велел приготовить к стрельбе все пищали, которые стояли на бастионах, к речке Белозерке послал прибавочных людей на караулы. Для вящаго охранения бастионов воевода приказал утвердить пищали на раскатах, потому что в городовых стенах земля была «песчаная и въ бойницы многой пушечной стрѣльбѣ быть невозможно». Кроме того, воевода для охраны казны и ратных людей Каменного Затона установил каждодневные разъезды солдат под начальством офицеров за неимением конных полков в Затоне, выбрав их из пехотных. Но запорожцы, пробыв за речкой Белозеркой в окопе до ночи (2 апреля), добровольно оставили тот окоп и ушли в Сичь, куда потом пришло письмо от кошевого Гордиенка с известием о том, что он просит у шведского короля позволения идти под Самарские городки и добывать их оружием [2].

Причина такого удаления запорожцев от Каменного Затона осталась для воеводы неизвестной. Но в Сичи в то время происходили события, которые неминуемо должны были привлечь к себе внимание всего наличного числа товарищества.

Уже давно послано было царское приказание князю Меншикову о том, чтобы переменить старшину в Сиче; неоднократно писано было о том и князю Григорию Федоровичу Долгорукому. Последний в свою очередь писал о том же миргородскому полковнику Апостолу. Но полковник Даниил Апостол только после выхода кошевого Гордиенка в Переволочну отправил в Сичь несколько человек козаков своего полка, бывших запорожских войсковых старшин, с немалым количеством денег и с письмами, и дал им наказ, так или иначе свергнуть кошевого атамана и судью войскового «и во всѣхъ противностяхъ учинить диверсію». Посланные должны были публично, на войсковой раде объявить всему запорожскому войску, что кошевой и войсковой судья перешли на сторону Мазепы не потому, чтобы находили такое дело правым и законным, а потому, что были подкуплены изменником.

Когда запорожские «кошевые» или «апостольцы» явились в Сичу, то там по обыкновению собрана была войсковая рада. На

той раде, как и раньше того, немедленно образовались две партии — партия козаков старых, стоявшая за русского царя, и партия козаков молодых, стоявшая против русского царя. Последняя под конец взяла верх над первой, и тогда решено было привезенное посланцами Апостола письмо отправить войсковым асаулом к кошевому Гордиенку, а самих посланцев задержать в Сиче. И в течение всего того времени, пока войсковой асаул успел доскакать до Гордиенка и повернуться обратно, запорожцы держали «апостольцевъ» прикованными к пушкам за шеи и ежеминутно грозили им смертной казнью. Но «апостольцы», имея свободными руки, отбили друг друга от пушек и тем спаслись от бедствия, убежав из Сичи. Тогда, после бегства апостольцев, в Сичи вновь произошла войсковая рада. На этот раз партия старых козаков взяла верх над партией молодых, и в заключение было решено стоять за русского государя, а к кошевому Гордиенку отправить о том письмо с нарочными, семнадцатью человек, посланцами. В письме запорожцы сваливали всю вину за все свои действия на Гордиенка и отказывались повиноваться ему как кошевому: «Какъ ты дѣлалъ, такъ и отвѣчай; ты безъ насъ вымышлялъ, а мы, вѣрные слуги царского величества, выбрали себѣ вмѣсто тебя другого кошевого». И точно, сичевые запорожцы лишили заочно Константина Гордиенка звания кошевого атамана и на его место выбрали Петра Сорочинского. Новый кошевой отправил письмо запорожцам, бывшим в Переволочне и в других местах, с советом всем товарищам не приставать к Гордиенку и дожидаться известий из Сичи [3].

Князь Меншиков, находившийся в то время в городе Харькове, получил известие о том в письме от 5 апреля и уведомил о происшедшем в Сиче государя.

Сам царь находился в то время в Воронеже; он все еще не терял надежды удержать за собой по крайней мере запорожцев, оставшихся в Сиче, для чего приказал написать для них новый увещательный лист и отправить его в Кош [4].

Такой лист написан был апреля 7 дня. В нем говорилось, что царское величество получил известие в городе Воронеже об измене кошевого атамана Костки, но надеется, что такое дело произошло от некоторых бездельников помимо воли искренне преданных русскому престолу запорожцев. Поэтому царское величество приказывает верным запорожцам, согласясь вместе, выбрать другого «добраго» кошевого атамана, учинить присягу на верность русскому престолу и прислать в город Воронеж некоторых полковников или знатнейших старшин; туда же доставить всех противников и изменников «во свидѣтельство вѣрности» царскому величеству; за такую «нерушимую вѣрность» царское величество обещает наградить войско своей «высокою милостію». По избрании же нового кошевого атамана товарищество должно своими универсалами объявить о нем всему войску, дабы по тому объявлению верные, находя-

щиеся при Костке козаки могли возвратиться назад; чрез то, во-первых, прекратится пролитие невинной христианской крови, уже пролитой в Царичанке и в других местах, где вследствие измены некоторых своевольников много погибло невинных людей; во-вторых, сохранится в целости отчизна (Малороссия) и будет предотвращена собственная гибель козаков, которая, несомненно, может последовать после заключения мира русских со шведами, уже ищущими и желающими такого мира [5].

Как бы в ответ на такое письмо царь получил апреля 11 числа от русского резидента в Константинополе Петра Толстого такую весть: «Четвертаго числа получилъ я вѣдомость о злыхъ замыслахъ козаковъ запорожскихъ: прислали къ крымскому хану просить, чтобъ ихъ принялъ подъ свой протекціонъ, о чемъ ханъ извѣстилъ Порту; отъ себя доношу, что нималаго о томъ не извольте имѣть сомнѣнія; сколько мнѣ Богъ помогаетъ, тружусь усердно и уповаю на Бога, что Порта къ соблазнамъ такихъ плутовъ не склонится» [6].

Но Порта, сказать правильнее, не знала, как ей и поступать с запорожцами: крымский хан был за запорожцев и доносил султану, что они просятся в его протекцию; силистрийский правитель Юсуп-паша, задаренный русскими, доносил падишаху, что запорожцы поддались шведскому королю; а русский резидент представлял султану, что запорожцы находятся в подданстве русского царя и только немногие из них пошли за гетманом Мазепой и за шведским королем.

В действительности запорожцы все еще колебались и не знали, на какую сторону им склониться. Если бы войско не было смущено Мазепой, если бы оно не было увлечено Гордиенком, то все дело окончилось бы тем же, чем оканчивались в Запорожьи подобные затеи и раньше: запорожцы, главным образом молодята, пошумели бы на раде, покричали бы на площади, даже, может быть, и передрались бы между собой, но все-таки в конце концов не решились бы поднять оружие против русского государя.

Возбужденные Гордиенком, сичевые козаки уже вскоре после избрания в кошевые Петра Сорочинского, собравшись на раду вместе с новым кошевым атаманом, объявили себя сторонниками шведов, а потом отправили посланцев из Сичи к крымскому хану с просьбой принять их под свою протекцию.

Как ни соблазнительно было для хана такое предложение, но он не решился исполнить просьбы запорожцев и сообщил о том великому визирю. Великий визирь отвечал хану советом не допускать к себе запорожцев ввиду того, чтобы тем устранить всякий повод к ссоре падишаха с русским государем [7].

При всем том на этот раз сичевое войско от своего решения действовать против русских не отказалось, и причиной тому был все тот же кошевой Гордиенко.

Кошевой Гордиенко, после свидания со шведским королем в Великих Будищах и после небольшого, но удачного дела на валах города Полтавы, взял направление вниз от Полтавы и приблизился к местечку Новосанджарам. Он имел в этом случае цель — стать на границе Гетманщины и Запорожья, чтобы иметь постоянное сообщение с Запорожской Сичью. Еще до поездки в Великие Будища на свидание с королем Карлом Гордиенко успел захватить в свои руки главные города вдоль реки Ворсклы до Переволочны и теперь направился туда для занятия их своими козаками.

Эта близость кошевого к границам Запорожья, очевидно, и смутила все сичевое товарищество. Но и в стане самого Мазепы в это время не совсем было спокойно. По показанию очевидцев, в то время у Гордиенка всего войска было 38 куреней счетом по 300, 200 и 150 человек в каждом курене; следовательно, взяв средним числом по 200 человек на курень, получим 7600 человек. Такая армия нуждалась в больших средствах для пропитания, а между тем средств этих было слишком недостаточно. Не получая ни от гетмана Мазепы, ни от короля Карла определенного жалованья, запорожцы, находясь в Новосанджарах, стали было высказывать претензию по этому поводу и разделились между собой на партии, причем одна партия требовала действовать со шведским королем, не домогаясь от него никакой платы; другая настойчиво хотела добиться от короля платы: «Буде жалованья отъ короля и отъ Мазепы не будутъ давать, то козаки будутъ къ московской сторонѣ» [8]. Однако, это недовольство скоро прекратилось, и от Новосанджар кошевой задумал было уже идти к городу Нехвороще, стоявшему у берега реки Орели, где действовали против местных жителей русские силы. Для этого установлен был мост через реку Ворсклу «на козлахъ». Кошевой уже перешел было реку Ворсклу, но потом от своего намерения отказался, и на Нехворощу пошла только небольшая часть запорожского войска.

В то время в области между реками Ворсклой и Орелью действовал по распоряжению фельдмаршала с несколькими полками русский генерал-лейтенант Ренне, немец по происхождению, лютеранин по вере. Полковник Кампель из команды генерала Ренне сжег города Маячку и Нехворощу у левого берега Орели; жителей этих городов, державших сторону шведов, перебил без различия пола и возраста и после того написал письмо к кошевому Гордиенку и запорожцам, в котором упрекал их за то, что они соединились с «воромъ и измѣнникомъ» Мазепой. Он представлял им все несчастия, какие угрожают им, если они дальше будут противиться русскому государю; указывал на то, насколько ничтожна сила шведов, если они не могли помешать ему превратить в пепел названные города у реки Орели и, наконец, окончил словами, что запорожцы вошли в союз «съ язычниками» для ведения войны против истинных христиан.

По словам шведского историка Нордберга, русские в это время ничем не пренебрегали для того, чтобы только вернуть к себе запорожцев. Но все эти старания были напрасны: кошевой Гордиенко, не испугавшись угроз и не соблазнившись обещаниями, занял на правом берегу реки Ворсклы местечко Новосанджары и другие города, находившиеся по Ворскле и по реке Днепру до крепости Переволочны, твердо решившись защищать эти посты до последней крайности. Шведский король, не желая оставить запорожцев без должной помощи, отдал приказ своему генерал-майору Крузе двинуться к ним тотчас же, как только окажется у них в том нужда. И когда обнаружены были признаки того, что русские желают сделать нападение на запорожцев, то генерал Крузе отрядил в два приема несколько сот человек конницы в помощь запорожцам. Однако, шведы скоро заметили, что москали не имеют никакого желания переходить реку Ворсклу и что они стараются только тревожить стоявших на другой стороне ее своих противников. Поэтому действительная опасность для запорожцев могла быть только со стороны полтавской территории и они сильно начали настаивать на том, чтобы король прогнал москалей из полтавской территории, ссылаясь на то, что тогда кошевой мог бы в короткий срок собрать значительные вокруг себя силы, так как округ тот очень богат населением, склонным к запорожцам; к тому же, с удалением москалей от Полтавы Гордиенко имел бы свободный проход до самой границы Запорожья. Эти доводы были вполне одобрены, особенно по причине беспокойств, внушаемых превосходством военных сил русских, и сам король отправился с несколькими полками к городу Полтаве для разузнания места, к запорожцам же послал генерал-майора Крузе и велел наскоро устроить мост через реку Ворсклу в местечке Соколке.

Возле местечка Соколки на левом берегу Ворсклы находился в то время, апреля 12 числа [9], русский генерал-лейтенант Ренне с корпусом в 7000 человек, состоявшим из драгун и пехоты. Он расположился лагерем в таком месте, которое было почти кругом охвачено Ворсклой и имело только с одной стороны узкий выход; в том выходе генерал Ренне поставил отряд из 3000 человек конницы.

Против генерала Ренне и должен был действовать шведский генерал-майор Крузе. Крузе собрал силы около Новосанджар и имел с собой 2730 человек конницы [10], 500 человек козаков малороссийских, 3000 человек запорожцев пеших под начальством кошевого атамана Гордиенка. Часть последних получила приказание стеречь мост в Соколке в то время, как другие будут переходить реку вплавь, чтобы напасть на русский лагерь. Вследствие обхода расстояния более двух миль, генерал Крузе должен был двигаться всю ночь и с наступлением дня был за Кобеляками и за Белой [11], где русские имели несколько передовых караулов. К счастью для шведов в то утро был большой туман, чем Крузе и воспользовался, как нельзя

лучше, перейдя реку Ворсклу и расположившись между передовой стражей и лагерем русских. Действие открыли первыми козаки: лишь только была занята позиция, как они напали на русских фуражиров и многих из них перебили и в плен забрали. Впрочем, больше того козаки ничего не сделали: потому ли, что они не имели охоты к битве или же потому, что (как о том говорилось между шведами) не желали делать слишком большого зла русским, но только они не воспользовались удачным началом дела, а некоторые из них даже тотчас после этого прочь убежали [12]. При всем том передовая стража русских, испугавшись, пустилась во весь дух в бегство. Тогда генерал Крузе двинул двух полковников своих ближе к лагерю русских, и один из них, полковник Гилленштерн, благодаря искусному движению, расположился с 500 человек конницы при входе в самый лагерь русских. Это движение распространило ужас среди последних, и тогда генерал Ренне немедленно собрал начальников полка для совещания, что предпринять для спасения войска. Он спросил, что они предпочитают, сдаться ли в плен шведам или же пробиться через них со шпагой вперед. Все начальники, зная истинные намерения самого генерала, согласились на последнее. Тогда произошла жестокая схватка. Москали, чтобы пробиться вперед, дрались отчаянно, а шведы употребляли все усилия к тому, чтобы их не выпустить. Но так как шведский полковник Гилленштерн не мог долго противиться превосходившему его силой врагу и не получил вовремя подкрепления, то русские успели небольшими отрядами, не соблюдая порядка, выйти из своей засады. Шведы гнались за ними и убивали на месте. Запорожцам в это время поручено было от генерала Крузе охранять мост на реке Ворскле, и кошевой дал обещание исполнить поручение в точности. Но вместо того запорожская кавалерия занялась грабежом и сожжением русского лагеря, чем вызвала потом нарекания со стороны собственных товарищей, пехотных козаков, за то, что, будучи в первый раз вместе со шведами в военном деле, так плохо сражалась против русских. После сожжения и разграбления запорожцами русского лагеря генерал Крузе оставил свою погоню и возвратился назад к мосту. Вследствие изнеможения лошадей он не имел больше возможности преследовать русских, сделав в этот день более 11 миль расстояния. Отсутствием генерала Крузе хотел воспользоваться русский генерал Гейн, имевший намерение овладеть мостом, у которого кошевой Гордиенко оставил всего лишь около сотни козаков, хотя дал обещание крепко защищать его. И если бы русские воспользовались такой оплошностью врагов, то это могло бы иметь весьма серьезные последствия для шведов. Но Гейн прибыл только на следующий день после того, как шведы удалились оттуда. Вследствие того, что русские не оказывали никакого сопротивления у Соколки и думали лишь об одном спасении, гнавшиеся за ними шведы большого вреда им не причинили. При всем том в этом сражении у русских сверх

1000 человек было ранено и 400 человек убито. У шведов же потеря не превышала более 290 человек. Король, уведомленный о происшедшем сражении, остался очень недоволен за то, что предприятие, хорошо обдуманное, не было приведено в исполнение [13].

Так рассказывает о результате битвы шведов и козаков с русскими у Соколки шведский историк Нордберг [14].

По русским известиям сражение у Соколки, напротив того, окончилось в пользу русских. Шведы и запорожцы высланы были королем 11 апреля и, обойдя русских, стоявших у местечка Соколки «по сію сторону» реки Ворсклы, хотели взять их в атаку, но русские, не дождавшись атаки, сами бросились в бой. После жестокой схватки русские сбили с поля шведов и запорожцев, уложили на месте 800 человек неприятелей, немалое число изрубили запорожцев при переправе через Ворсклу и взяли у них 4 пушки, причем «множество» запорожцев и шведов еще утонуло в реке при общей суматохе [15].

Во время столкновения русских со шведами и запорожцами фельдмаршал граф Шереметев стоял за рекой Пслом в городе Голтве. Узнав, что запорожцы пошли к Соколке, фельдмаршал отрядил 2500 человек русского войска и приказал им атаковать запорожскую стоянку, т. е. Новосанджары. Эта партия «нерегулярныхъ войскъ выслана была отъ Голтвы внизъ» апреля 13 числа и напала у Новосанджар на запорожцев. Запорожцы, не ожидая ниоткуда нападений, потеряли убитыми 60 человек и пленными 12. Тогда из местечка Решетиловки шведский генерал Крейц послал на русских отряд своих солдат и русские немедленно обратились в бегство [16].

О битве русских со шведами и запорожцами в Соколке князь Меншиков отправил царю Петру Алексеевичу подробную реляцию и исход дела представил в пользу русских.

Царь на донесение Меншикова ответил ему письмом от 22 апреля из города Азова. В том письме был ответ и на известие Меншикова о выборе в Сиче вместо Гордиенка кошевым атаманом Сорочинского. «Мы зѣло порадовались, что Господь Богъ въ началѣ сей компаніи такимъ щастіемъ благословилъ, а наипаче тому я радъ, что проклятые воры (запорожцы) сами видѣли, что шведовъ разбили, отъ чего принуждены оные будутъ разбѣжаться; а что кошевымъ выбрали Сорочинскаго, онъ добрый человѣкъ, я его знаю» [17].

Но надежды, возлагавшиеся царем на Петра Сорочинского, не оправдались, и едва прошло каких-нибудь две недели со времени написания царского письма Меншикову, как царь узнал, что и новый кошевой атаман, а за ним и большинство сичевого товарищества, стали дышать таким же духом, каким дышал против царя и старый кошевой Гордиенко. Что произошло за это время в Сичи — неизвестно, но только царь Петр Алексеевич отдал приказание князю

Меншикову двинуть из Киева в Запорожскую Сичь три полка русских войск с тем, чтобы истребить все гнездо бунтовщиков до основания. Князь Меншиков возложил исполнение царского приказания на полковника Петра Яковлева и велел ему, по прибытии на место, прежде всего объявить запорожцам от имени государя, что если они принесут повинную, выберут нового кошевого атамана и прочих старшин и пообещают при крестном целовании верно служить государю, то все их вины простятся и сами они будут при прежних своих правах и вольностях [18].

Полковник Петр Яковлев сел с полками на суда под Киевом и пустился вниз по Днепру. За ним по берегу Днепра должна была следовать конница, чтобы не дать возможности запорожцам отрезать пути двигавшемуся по Днепру русскому флоту.

Спускаясь по Днепру, полковник Яковлев прежде всего, апреля 16 числа [19], напал на местечко Келеберду. В Келеберде стоял запорожский табор; на него напала партия донцев и, переколов немалое число запорожцев, самое местечко предала огню [20]. От Келеберды полковник Яковлев дошел до Переволочны. В Переволочне в то время было 1000 человек запорожцев да 2000 окрестных жителей и всеми ими управлял запорожский полковник Зинец. В центре местечка устроен был замок и в том замке сидел гарнизон в 600 человек, хорошо снабженный запасами и вполне уверенный в своем превосходстве над русскими. Подступив к местечку Переволочне, полковник Яковлев сперва потребовал от запорожцев добровольной сдачи [21]. Но запорожцы, уже раньше того несколько раз побеждавшие русских, ответили москалям выстрелами. Тогда Яковлев открыл по Переволочне жестокий огонь, направляя ядра и бомбы в самый замок местечка. Запорожцы, имевшие небольшую сравнительно с русскими численность и менее русских дисциплинированные, отбивались от них с большим упорством, но все же не могли стоять против них более двух часов: русские ворвались в местечко, тысячу человек избили на месте, несколько человек пожгли в сараях и избах, несколько козаков сами потонули при переправе через Днепр и Ворсклу, так что взято было в плен всего лишь 12 человек козаков да одно знамя и одна пушка. Остервенение со стороны русских так было велико, что они избили женщин, детей и стариков, сожгли все мельницы на реках, все строения в местечке, все суда, стоявшие на Днепре у переправы Переволочанской.

Этот разгром произвел сильнейшее впечатление на запорожцев, как находившихся в Сичи, так и бывших с кошевым атаманом Гордиенком. Сичевые козаки послали князю Меншикову письмо с готовностью смириться перед царскими войсками, но с условием присылки государевой «обнадеживательной» грамоты. Козаки, бывшие с Гордиенком, оставили все города по Ворскле под предлогом, что они не в силах защищать все проходы на этой реке от русских.

Однако, собравшись в Новосанджарах, они снова взяли перевес над русскими и нанесли им поражение, и так как в это же время король подал им надежду, что он пришлет к ним от себя скорую помощь, лишь только они дадут ему знать, что нуждаются в ней, то к запорожцам и кошевому Гордиенку вновь вернулась их храбрость [22].

Между тем полковник Яковлев, разгромив местечко Переволочну, двинулся ниже по Днепру и достиг сперва до Нового, а потом до Старого Кодака. В обоих Кодаках Яковлев не встретил большого сопротивления: главная масса жителей сдалась русским добровольно и была отправлена в крепость Новобогородицкую; некоторые из жителей скрылись было на острова и в степи, но были пойманы русскими солдатами, отряженными полковником в степь по обе стороны, и истреблены на месте; как Новый, так и Старый Кодак дотла выжжены, и это сделано было с тою целью, чтобы эти местечка не обратились на будущее время в пристанища для «воров» и не послужили во вред русским, находясь в тылу последних. У Старого Кодака Яковлев сел с войском в суда и спустился через первый порог Кодацкий, причем флотилия его, управляемая вместо разбежавшихся запорожских лоцманов русскими стрельцами, потерпела некоторый урон: во время переправы разбито было два судна, но без несчастных последствий для людей. Ниже Кодацкого порога к Яковлеву прибыли сухопутные отряды, следовавшие за ним по берегу Днепра, и тогда он пустился далее вниз рекой.

Проплыв остальные пороги, миновав остров Хортицу, Яковлев мая 7 дня прибыл к Каменному Затону. Здесь он получил подкрепление и офицерами, и солдатами в 772 человек[а], и боевыми запасами от воеводы крепости. Начальниками каменнозатонского отряда солдат назначены были 3 подполковника — Федор Спешнев, Гавриил Вульф, Никифор Телегин, один майор Фома Щитовский, несколько офицеров и урядников. Сичь в то время была без кошевого атамана: Петро Сорочинский ушел вместе с козаком Кириком Меньком в Крым просить татар на помощь запорожцам против русских; кошевого заменял «добрый», т. е. храбрый и расторопный козак Яким Богуш. По случаю ходившей в Каменном Затоне какой-то заразительной болезни, Яковлев не вошел в город, а стал вблизи него и оттуда послал к запорожцам козака Сметану с увещательным письмом от князя Меншикова. Но запорожцы утопили того Сметану в речке. Тогда Яковлев послал к ним другое письмо, лично от себя. На это письмо запорожцы отвечали, что они не считают себя бунтовщиками, признают над собой власть царского величества, но царских посланцев к себе не допускают. Ожидая с минуты на минуту своего кошевого из Крыма, запорожцы, желая выиграть время, показали даже вид, будто склоняются на сторону государя. Яковлев ждал положительного ответа в течение трех суток, но потом решил взять Сичу приступом. С этой целью он приказал осмотреть Сичь со всех сторон и выискать удобное место

для приступа; для осмотра отправлены были переодетые в запорожское платье русские офицеры. Посланные известили полковника, что подступить на лошадях к Сиче невозможно, потому что она со всех сторон была обнята водами. И точно, это было 10 мая, когда вода в Днепре и его ветках достигает наибольшего уровня высоты после весенннего разлива; но в то время полая вода настолько была высока, что Сича, обыкновенно заливаемая только с трех сторон водами обнимавших ее речек, на этот раз залита была на 35 сажен расстояния, и с четвертой, степной стороны, где обыкновенно в летнее время был сухой доступ в Сичу. Может быть, это произошло, как гласит о том предание, еще и от того обстоятельства, что ввиду опасности со стороны русских, запорожцы, по внушению Якима Богуша, откопали в то время свою Сичу от материка со стороны степи глубоким рвом и пропустили в тот ров воду [23]. Во всяком случае в то лето воды там было так много, что она даже часть куреней затопила собой. Посланные лазутчики известили полковника, что близ Сичи имеется отъезжий запорожский караул, который легко может быть истреблен. Тогда Яковлев отправил против него несколько человек солдат, которые напали на караульщиков, нескольких из них перебили, нескольких в воде потопили, а одного привели к полковнику живым. От этого последнего Яковлев узнал, что запорожцы все, как один человек, решили действовать против русских войск. «Замерзѣло воровство во всѣхъ», писал Яковлев после этого в своем письме князю Меншикову [24]. Тогда русские решили сперва сделать шанцы, на шанцы возвести пушки и из пушек открыть пальбу через воду в Сичу. Но эта попытка, однако, не привела к желанному результату: оказалось, что за дальним расстоянием выстрелы из пушек не достигали своей цели. После этого объявлено было сделать приступ к Сиче на лодках. Запорожцы подпустили русских на близкое расстояние, потом сразу ударили из пушек и ружей, несколько человек офицеров ранили, 300 человек солдат, и в том числе полковника Урна, убили, несколько человек взяли в плен и «срамно и тирански» умертвили их в Сичи. Тогда русские принуждены были отступить. Положение полковника Яковлева сделалось затруднительным. Но в то время на помощь русским явился от генерал-майора князя Григория Волконского с компанейским полком и драгунами полковник Игнат Галаган. Это было мая 14 числа.

Игнат Иванов Галаган был сын малороссийского козака из селения Омельника теперешней Полтавской губернии, Кременчугского уезда. Сперва он был полковником в Сиче, потом состоял полковником «охочекомонныхъ полковъ» в Малороссии [25]. В качестве полковника он находился при гетмане Мазепе, когда тот перешел на сторону шведов и, как подручный человек Мазепы, сам перешел в стан шведов. Потом, видя ничтожность сил Мазепы, и нерасположение к нему малороссийского народа, выпросился у гетмана

с полком на разъездную, вне шведского лагеря, линию, внезапно захватил несколько человек шведов-драбантов, ушел с ними и со своим полком в русский лагерь и тут повинился царю Петру, уверив его, что он перешел к шведу против собственной воли, повинуясь желанию гетмана Мазепы. Царь взял с него слово, что он не «сдѣлаетъ съ нимъ такой-же штуки, какую сдѣлалъ съ Карломъ», заставил его присягнуть на верность русскому престолу и потом долгое время держал его в разъездах для добывания неприятельского языка [26].

Этот-то самый Игнат Галаган неожиданно явился к полковнику Яковлеву для осады Сичи. По показанию неизвестного автора сочинения о запорожских козаках прошлого столетия, Игнат Галаган пристал к Яковлеву на пути его в Сичу и под присягой обещал тайными тропинками провести русских к запорожской столице [27]. Так или иначе, но на него возлагались в этом отношении большие надежды, как на человека, знавшего все «войсковые секреты» и запорожские «звычаи». И точно, прибытие Игната Галагана к Сиче имело для запорожцев решающее значение.

Запорожцы, завидев издали несшееся к Сиче войско, вообразили, что то спешил к ним кошевой Петро Сорочинский с татарами, и сделали против русских вылазку. Русские воспользовались этим счастливым для них моментом, ворвались внезапно в Сичь и привели в замешательство козаков. Однако козаки, увидев свою ошибку, начали стойко и мужественно отбиваться от врагов. Но тут выскочил вперед Игнат Галаган и закричал козакам: «Кладите оружіе! Сдавайтесь, бо всѣмъ будетъ помилованіе!» Запорожцы сперва не поверили словам Галагана и продолжали по-прежнему отбиваться от русских, но Галаган поклялся перед ними в верности своих слов, и тогда козаки бросили оружие. Но то был не больше, как обман со стороны Игната Галагана. Русские устремились на безоружных запорожцев, и тут произошла страшная кровавая расправа, причем все курени и все строения в Сичи были сожжены, многие зимовники, стоявшие вокруг Сичи, истреблены дотла. Полковники Яковлев и в особенности Галаган действовали при этом с неслыханным свирепством: «Учинилось у насъ въ Сичѣ то, что по Галагановой и московской присягѣ, товариству нашему голову лупили, шею на плахахъ рубили, вѣшали и иныя тиранскія смерти задавали, и дѣлали то, чего и въ поганствѣ, за древнихъ мучителей не водилось: мертвыхъ изъ гробов многихъ не только изъ товариства, но и чернецовъ откапывали, головы имъ отсѣкали, шкуры лупили и вѣшали» [28].

Жестокости, выказанные великороссийским войском в отношении запорожцев, служат лишь подтверждением той общеизвестной истины, что войны между народами одной веры и одного происхождения — самые жестокие и самые кровопролитные из войн, подобно

тому, как ненависть между братьями и близкими родственниками — самая сильная из ненавистей.

После жестокой свадки взяты были в плен — кошевой атаман, войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 человек простых козаков, 160 человек женщин и детей. Из того числа 5 человек умерло, 156 человек атаманов и козаков казнено, причем несколько человек были повешены на плотах и самые плоты пущены были вниз по Днепру на страх другим. Победители захватили в свои руки 36 медных и чугунных пушек, 4 мортиры, 10 пушечных станков, 12 больших и малых гакивниц, 62 рушницы или ружей, 450 пушечных ядер, 600 ручных ядер, 13 знамен; кроме того, несколько бочек пороху, несколько якорей, кусков железа, топоров, кандалов, тесел, цепей, буравов, клещей, молотков, парусов, канатов и кругов проволоки, 969 бочек, 2 куфы и 30 мешков муки, 304 бочки соли и 1 бочку пшена. Из сичевой церкви взяты были — резной с царскими вратами иконостас с поставными иконами и с деисусом, писанными на досках и на полотне; восемь больших и малых колоколов, три железных с церкви креста, одно евангелие; кроме того, свечи, воск и ладан, 441 медных котлов, 9 железных котлов и 4 пуда ломанной меди.

Сами русские потеряли убитыми урядников и рядовых солдат 288 человек, умерло от ран 6 человек, всех раненых было 141 солдат и 1 офицер. Кроме людей потеряно было несколько фузей, протазанов, копий, багинетов, бердышей, сумок, один барабан, несколько канатов, топоров, пороховых мешков, буравов, весел, шестов и тому подобных предметов [29].

Между тем царь Петр Алексеевич в то время, т. е. мая 12 числа, находился в крепости Троицкой, или Таганроге. Около 15 мая он послал письмо князю Меншикову «о непремѣнномъ взятьѣ гнѣзда запорожскаго, Сѣчи» [30], не зная того, что она уже была разорена и срыта до основания. Не знали, по-видимому, об этом и в русском лагере под Полтавой. Мая 17 числа из обоза под Полтавой послана была увещательная царская грамота в Запорожскую Сичу на имя наказного кошевого атамана Кирика Конеловского [31].

«Божіею милостію отъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и обладателя нашего царскаго величества подданнымъ низового войска запорожского наказному кошевому атаману Кирикѹ Конеловскому и всему посполству. Извѣстно намъ, великому государю, нашему царскому величеству, по доношенію главнаго генерала нашего и римскаго и россійскаго государствъ князя Александра Даниловича Меншикова, что писали вы войска нашего запорожского низового кошевой наказной атаман Кирикъ Конеловскій съ товариствомъ къ нему во отвѣтъ на листъ его по указу нашему

къ вамъ посланный о пребываніи в...[32] въ вѣрности при насъ, великомъ государѣ, и дабы вы не склонялись на прелести и измѣны изменниковъ богоотступныхъ Мазепы и Кости Гордѣенка, въ которомъ отвѣтномъ листѣ своемъ вы, подданные наши, войско запорожское низовое, объявляете, что хотя вы и не склоняетесь къ той измѣнѣ ихъ и желаете быть попрежнему въ вѣрности къ намъ, великому государю, однакожъ опасаетесь, дабы по явленномъ вашемъ покорении намъ не учинено было надъ вами какъ и надъ Переволочною, и желаете на то, во обнадеживаніе себѣ, нашей великаго государя грамоты. И мы, великій государь, наше царское величество, милосердуя о васъ, подданныхъ нашихъ, указали по вышеупомянутому доношенію генерала нашего князя Меншикова сію нашу великаго государя грамоту обнадеживательную къ вамъ послать и при семъ вначалѣ объявить, какую превысокую милость мы, великій государь, къ вамъ, войску запорожскому низовому, по объявленной вашей сначала измѣны Мазепиной къ намъ и отчизнѣ вашей малороссійской вѣрности показали и впредь явить обѣщались, а имянно послали мы къ вамъ нашего царскаго величества денежнаго жалованья сверхъ прежняго обыкновеннаго 12.000 рублевъ и обѣщали оное и впредь давать повсягодно, усмотря вѣрность вашу да къ вамъ-же въ войско указали было послать во знакъ милости нашей войсковые клейноты: перначъ, бунчуки, знамя, литавры и трости кошевому атаману и судьѣ, которые уже было посланцамъ вашимъ и вручены, и обѣщали ваши желанія, въ листахъ вашихъ изображенныя, исполнить, но за такую нашу милость бывшей вашъ кошевой атаманъ воръ и измѣнникъ Костя Гордѣенко съ единомышленники своими старшиною и товарищи ихъ войска запорожского низового, забывъ страхъ божій и обѣщаніе свое при крестномъ цѣлованіи, намъ учиненное, подъ видомъ и объявленіемъ бутто идетъ онъ съ войскомъ запорожскимъ къ нашимъ войскамъ въ слученіе, х (къ) которымъ уже и наше великого государя жалованье послано было, пошелъ къ еретику шведу и измѣннику Мазепѣ по подкупленію ево и пришедъ нечаянно на нѣкоторыхъ нашихъ ратныхъ людей безъ данной и малѣйшей къ тому причины измѣнически въ ночи напалъ, и нѣсколько оныхъ побилъ, потому что отъ нихъ, яко отъ пріятелей, не опасались, и потомъ сообщась съ шведами на наши войска тѣжъ его единомышленники приходили, но обще съ шведы разбиты и прогнаны подъ Соколками и хотя мы, великій государь, чрезъ грамоты свои, такожъ и генералъ нашъ князь Меншиковъ и подданной нашъ гетманъ войска запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Ильичъ Скоропацкій чрезъ листы свои къ вамъ на Кошъ посыланные васъ увѣщевали къ той измѣнѣ не прикланятися, но держаться при нашей странѣ и воевать обще противъ непріятеля церкви святой правовѣрной шведа и вора измѣнника Мазепы и выбрать-бы вамъ нового кошевого и старшину, а прежняго Костю объявить за измѣнника, но на то никакого отвѣту и испол-

ненія отъ васъ не учинено, но посланные тѣ переловлены и иные побиты, иные-жъ къ измѣннику Мазепѣ отосланы и сверхъ того извѣстились мы, великій государь, какъ отъ салтанова величества турского, такъ и изъ Крыму отъ хана, что посылали вы, войско запорожское низовое, посланцовъ своихъ къ хану нѣсколько разъ, дабы приняли васъ въ подданство и дали вамъ орды на помощь противъ насъ, великого государя, желая пролить кровь христіанскую и навесть разореніе отчизнѣ своей, малороссійскому краю, но въ томъ вашемъ зломъ намѣреніи по указу салтанова величества отказано, ибо онъ миръ съ нами, великимъ государемъ, содержать намѣренъ крѣпко и о томъ къ хану указъ отъ него посланъ, дабы васъ отнюдь не принимать и орды не посылать и никакихъ ссоръ съ нами не всчинать; тако-жъ переняты ваши, отъ Гордѣенка отправленные, посланные съ писмами къ Лещинскому, отъ шведа нареченному королю полскому, прося его на помочь въ Украйну и называя его гос... своимъ. И ту всю вашу невѣрность и противность видя, указали мы, великій государь, послать на васъ войска свои, дабы привесть васъ къ покоренію, а буде явитесь противны, то поступать съ вами яко съ измѣнники безъ пощады, что надъ обрѣтающимися въ Переволочнѣ и въ иныхъ мѣстехъ учинено, потому что они доброволно покоритися не похотѣли, но съ войски нашими ...ились, а ежели бъ покорились, и того-бъ съ ними не было учинено, а хотя войска наши нынѣ и къ самой Сѣчѣ уже сближились, однакожъ мы, великій государь, наше царское величество, милосердуя о васъ, подданныхъ нашихъ, войскѣ запорожскомъ низовомъ и не... пролитія крови христіанскія, презирая всѣ вины ваши въ разсужденіи такомъ, что вы къ тому прелщенны... и измѣнниковъ Мазепы и Гордѣенка, сею нашею великого государя грамотою чрезъ доношеніе генерала нашего князя Меншикова по прошенію вашему объявляемъ милость нашу и пощаду, что ежели вы принесете подлинное покореніе... обѣщаетесь при крестном намъ цѣлованіи предъ воеводою нашимъ Петромъ Яковлевымъ, яко управителемъ войскъ нашихъ, и выберете себѣ нового кошевого атамана и протчую старшину вмѣсто измѣнника Кости съ товариствомъ, объявя тѣхъ прежнихъ и единомышленниковъ ихъ купно съ Мазепою измѣнниками и подпишитесь в... руками своими и пошлете, для лутчей вѣрности, къ намъ, великому государю, изъ старшинъ изъ знатного товариства нѣсколько человѣкъ съ нимъ Петромъ Яковлевымъ, то всѣ вины ваши будутъ прощены и не токмо оставлены будете при прежнихъ войсковыхъ правахъ и волностяхъ своихъ безвредно, но и сверхъ того получите прежде сего объявленную вамъ отъ насъ, великого государя, милость, денежное жалованье и войсковые клейноты, а охотникомъ, которые похотятъ изъ войска вашего на службу нашу итить къ войскамъ нашимъ, дано будетъ наше жалованье противъ прежняго по шти копъ на человѣка, а старшинѣ по разсмотрѣнію, противъ чина ихъ. Буде-же явитесь намъ, великому

государю, преслушны и будете противъ войскъ нашихъ чинить противность, то указано съ вами поступать, яко съ измѣнники, огнемъ и мечомъ безъ пощады, а оборонить васъ отъ гнѣва нашего некому, ибо шведъ нынѣ и самъ отъ войска нашего окруженъ и подъ Опошнею побитъ и, потерявъ пушки и знамена и немалое число людей, ушелъ отъ войскъ нашихъ за Вислу; а съ салтановымъ величествомъ и со всѣми его подданными и крымскими и буджацкими ордами у насъ, великого государя, миръ и тишина содержится. Сіе восхотѣли вамъ, яко христіанскій и природный вашъ государь, по милосердію своему, объявить востаточные и ожидаемъ вашего обращенія и покоренія, и буде того не учините, то будете погибели своей виновны сами. Данъ въ обозѣ нашемъ подъ Полтавою мая 17 день 1709 году» [33].

После взятия Чортомлыцкой Сичи князь Меншиков донес царю в Троицкую крепость [34] о том, что «знатнѣйшихъ воровъ» он (т. е. князь) велел удержать, прочих казнить, самое же «измѣнническое гнѣздо разорить и искоренить».

На такое донесение князя Меншикова царь Петр Алексеевич отвечал ему письмом: «Сего дня (мая 23 числа) получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень зла и надежда непріятелю была, что мы, съ превеликою радостью услышав, Господу, отмстителю злымъ, благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оное премного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыхъ есть, котораго опасаться надлежало было. Что-же пишите о деташаментѣ полковника Яковлева, чтобъ оному быть въ арміи, и то добро, только подлежитъ изъ онаго оставить отъ 700 до 500 человѣкъ пѣхоты и отъ 500 до 600 конницы въ Каменномъ-Затонѣ, дабы того смотрѣли, чтобъ опять то мѣсто отъ такихъ-же не населилось, такожъ, которые въ степь ушли, паки не возвратились, или гдѣ индѣ не почали собираться, для чего ежели комендантъ въ Каменномъ-Затонѣ плохъ, то-бъ изъ офицеровъ добраго тамъ на его мѣсто оставить, а прочимъ быть въ армію» [35].

Подобное же письмо писал Петр и графу Федору Матвеевичу Апраксину, главному в то время начальнику русских войск в столице, поздравляя его с истреблением последнего корня Мазепина: «Объявляю вамъ, что полковникъ Яковлевъ Запорожье штурмовалъ; и хотя съ 300 человѣкъ потерялъ, однакожъ оное проклятое гнѣздо взялъ и оныхъ воровъ всѣхъ порубилъ; и тако послѣдній корень Мазепинъ, съ помощью божіей, выкорененъ, чѣмъ вашу милость и поздравляю» [36].

Для того, чтобы ослабить страшное впечатление, произведенное на украинский народ истреблением сичевых козаков, царь издал мая 26 дня грамоту, в которой говорил, что причиной несчастья, происшедшего в Сичи, была измена самих же запорожцев, потому что они, прикидываясь верными людьми царю, в действительности обманывали его и сносились с врагами России, шведами. Тут же

Петр приказывал всех запорожцев, кроме повинившихся, бросивших свое оружие и изъявивших желание жить подобно простым крестьянам в украинских селениях и городах, хватать, бросать в тюрьму и казнить [37]; самые же земли их от реки Орели до реки Самары приписать к Миргородскому полку, в котором в то время состоял полковником Даниил Апостол. Грамота писана на имя гетмана Ивана Скоропадского и состояла из обвинительных статей против запорожских козаков и общих мероприятий против возвращения их в места бывшего Запорожья и в города Малороссии.

«Божіею милостію мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, самодержецъ всероссійскій и прочая, и прочая. Объявляемъ нашего царскаго величества вѣрному подданному войска нашего запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Ивану Ильичу Скоропацкому, такожде духовнаго чина и мірскимъ, а имянно: генералной старшинѣ, полковникомъ и полковой старшинѣ, сотникомъ и атаманомъ и всему посполству малороссійского народа. Не сумнѣваемся мы, великій государь, наше царское величество, что издавна всѣмъ вамъ, нашимъ подданнымъ, вѣдомо о всегдашнихъ своеволствахъ и шатостяхъ и непослушаніяхъ непостоянныхъ и непокоривыхъ запорожцовъ, како они еще отъ начала подданства малороссійского народа подъ высокую державу отца нашего, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти пресвѣтлѣйшого и державнѣйшого, великого государя, царя и великого князя, Алексѣя Михайловича, самодержца всероссійского, его царского величества, не токмо что не слушали и не повиновались прежнимъ гетманомъ такъ, какъ належало, но и нашихъ указовъ всегда были преслушники, и поднявъ орду многократно малороссійской край воевали и многое разореніе оному чинили, о чемъ, для краткости не упоминаемъ подробну: да и при державѣ нашей, въ недавномъ времени, присовокупя къ себѣ вора и измѣнника, Петрика, поднимали орду и приходили на полкъ полтавской, и ежелибъ, з божіею помощію и нашимъ счастіемъ, надъ рѣкою Арѣлью отъ войскъ нашихъ они не были встрѣчены и не розбиты, тобъ весь малороссійской край въ конечное разореніе привели; и хотя они безбожные и своеволные запорожцы, при нѣкоторыхъ случаяхъ, являлись мало что и покорными, однакожъ никогда, не оставляя злобного своего умышленія, чинили то лукаво, и искали всегда ко исполненію того своего зломыслія времяни, яко воры и разбойники, не хотя никогда видѣть земли государствъ нашихъ, паче-же малороссійской край, въ мирномъ покоѣ и тишинѣ; а когда усмотрѣли они насъ, великого государя, въ великихъ военныхъ съ непріятелемъ нашимъ, шеведомъ, действіяхъ, по учиненіи тридесятилѣтнего миру съ салтановымъ величествомъ турскимъ, то преслушавъ и уничтожа многіе наши посланные къ нимъ на Кошъ жестоко претимые указы, чинили сосѣдственныя ссоры и подданныхъ турскихъ и татарскихъ разби-

вали, и стада многія отгоняли, и людей побивали и въ полонъ брали, такожъ и купцовъ грековъ съ товары, въ государства наши ѣдучихъ и назадъ возвращающихся, побивали и товары ихъ грабили; а то все чинили они злоумышленно, дабы тѣмъ подать Портѣ явно видъ къ нарушенію мирныхъ съ нами договоровъ, и знатно по наущенію измѣнника и богоотступника Мазепы, о которыхъ ихъ сосѣдственныхъ ссорахъ и о пограбленныхъ пожиткахъ со стороны салтанской многіе запросы въ награжденіе обидимымъ были и плачены за то из нашей казны многія тысячи; такожъ и въ краткомъ времяни вора и бунтовщика, донского козака, Булавина, державъ они, запорожцы, у себя на Кошѣ долгое время, отпустили на Донъ, придавъ ему отъ себя съ 3.000 козаковъ, который тамо съ ними, запорожцы (-ами), учинилъ многіе смятенія и бунты, но, съ помощію божіею, отъ войскъ нашихъ пораженъ и воспріялъ, по дѣломъ своимъ, возмездіе, купно со единомышленники своими; и едва единое лѣто прошло, въ которое-бъ не было отъ нихъ, запорожцовъ, какова явного бунту и противности и разоренія малороссійскому краю набѣгами и разбоями, такожъ и въ присылку къ нимъ на Кошъ отъ насъ, великого государя, съ нашимъ жалованьемъ и грамотами, какъ нашихъ, такъ и отъ подданныхъ нашихъ, гетмановъ, посланныхъ, принимали они всегда съ безчестіемъ и руганіемъ, а иногда оныхъ побивали и въ воду сажали; и хотя они, запорожцы, яко бунтовщики и преслушники нашихъ указовъ, уже давно подлежали нашему гнѣву и достойны были казни и разоренія; однакожъ мы, великій государь, то все долготерпѣливо сносили, чая ихъ обращенія и за вины их заслуги; а когда въ семъ настоящемъ времени безбожный и клятвопреступный измѣнникъ Мазепа, бывшій гетманъ войскъ нашихъ запорожскихъ, хотя, по злобному своему издавна умышленію, весь народъ малороссійскій отдать шведомъ и подъ иго полское, и привесть отъ благочестія въ римскую и въ уніацскую вѣру, намъ, великому государю, измѣня, переѣхалъ х королю шведскому съ единомышленниками своими, тогда въ нашей, великого государя, грамотѣ, за подписаніемъ нашея собственныя руки, писано къ кошевому ихъ атаману Костѣ Гордѣенку и ко всѣмъ къ нимъ, запорожцамъ, объявляя имъ о той Мазепиной измѣнѣ и напоминая, дабы они пребывали къ намъ, великому государю, во всякой вѣрности, а къ измѣннику-бъ Мазепѣ не приставали и ни въ чемъ его не слушали, и прислали-бъ отъ себя съ Кошу въ Глуховъ на обраніе волными голосы нового гетмана, по правамъ и волностямъ всего войска запорожского изъ своего знатного товарыщства сколко чѣловекъ пристойно, на что они, запорожцы, намъ, великому государю, въ листу своемъ отвѣтствовали, обѣщаяся быть всегда въ постоянной вѣрности и должныя свои службы намъ, отдавати, не склоняючись ни на какіе Мазепины прелести, прося такожъ о томъ, чтобъ новый гетманъ обранъ былъ волными голосы, по правамъ народа малороссійского, которому они, по должности своей, послушаніе отдавати обѣщали. И какъ въ

прошломъ 1708 году ноября въ 6 день, на радѣ въ Глуховѣ малороссійского народа отъ духовныхъ особъ, и полковниковъ, и полковой старшины и всего посполства, по правам и волностям ихъ, обранъ волными голосы войска нашего запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра въ гетманы ты, Иванъ Ильичъ Скоропацкій, то потомъ паки и ни единократно въ нашихъ, великого государя, грамотахъ, за подписаніемъ нашей царского величества, собственныя руки и за печатми къ нимъ, запорожцамъ, писано, объявляя имъ о томъ вашемъ гетманскомъ обраніи и увѣщевая ихъ паки, дабы они пребывали къ намъ, великому государю, во всякой вѣрности и тебѣ, новообранному гетману войскъ нашихъ запорожскихъ, отдавали должное и належитое послушаніе, а на прелести-бъ измѣнника Мазепы не смотрѣли, не склонялись и къ нему не приставали и ни въ чемъ его не слушали, но за вѣру православную, и за волность свою и за отчизну противъ шведа и измѣнника Мазепы стояли; при которыхъ нашихъ грамотахъ послано къ нимъ нашего жалованья, сверхъ обыкновенныхъ къ нимъ годовыхъ всегдашнихъ посылокъ, 12.000 рублевъ, а кошевому сверхъ того 500 червонныхъ, а старшинѣ 2.000 рублев, съ столники нашими з Гавриломъ Кисленскимъ да з Григорьемъ Теплицкимъ, и обѣщано имъ отъ насъ, великого государя, то наше жалованье давать повсягодно, сверхъ обыкновенныхъ годовыхъ дачъ, усмотря ихъ вѣрность и постоянство при нашей сторонѣ въ настоящихъ случаяхъ, такъ-же обѣщано въ тѣхъ нашихъ грамотахъ прислать къ нимъ, во знакъ нашея милости, войсковые клейноты: перначъ, бунчюкъ, знамя, литавры и трости кошевому атаману и судьѣ, которые потомъ посланцомъ ихъ и вручены были. При тѣхъ-же вышепомянутыхъ посланныхъ нашихъ, и отъ тебя, гетмана, посланъ былъ къ нимъ, запорожцамъ, тогдашней сотникъ лубенской Василей Савичъ, со объявленіемъ о избраніи твоемъ на гетманство, так-же съ листомъ преосвященного Іосафа Краковского, митрополита кіевскаго и Малыя Россіи, и знатныхъ духовныхъ особъ, Межигорскаго монастыря іеромонахъ, который нынѣ архимандритъ, Иродіонъ Жураковскій, посыланъ для такова-жъ увѣщанія отъ всѣхъ архіереовъ и духовного чина Малой Россіи ихъ къ вѣрности къ намъ къ великому государю, и претя за противность церковною клятвою; но тѣ запорожцы, принявъ у тѣхъ посланныхъ наши, великого государя, грамоты и архіерейскій листъ, и получа себѣ то наше жалованье, тѣхъ нашихъ посланныхъ безчестили, и хотѣли одного изъ столниковъ нашихъ посадить въ воду, а іеромонаха называли шпегомъ и хвалились его зжечь въ бочкѣ смоленой, а въ отвѣтныхъ своихъ, съ тѣми отъ насъ посланными, листахъ, писали къ намъ, великому государю, съ нареканіемъ и безчестіемъ и на самую нашу высокую особу, чиня многіе неприличные запросы и досадительныя укоризны и угрозы; да они жъ, измѣнники запорожцы, ноября въ 24 день прошлого 1708 году, писали к измѣннику Мазепѣ, во отвѣтъ на его къ нимъ прелестной листъ, съ судьею при-

луцкимъ Трофимомъ Васильевичемъ, такожде со многими на насъ, великого государя укоризнами, прося измѣнника Мазепу о присылкѣ къ нимъ на Кошъ посланныхъ отъ короля швецкого и отъ Лещинского и отъ него измѣнника, для постановленія съ ними договоровъ, за кѣмъ имъ, отторгнувшись изъ подъ державы нашіи, быти, и дабы даны имъ были войсковые клейноты отъ короля швецкого и Лещинского, а для разоренія крѣпости нашей, Каменнаго-Затона, просили они у шведа и у измѣнника Мазепы скорой присылки тамошнихъ войскъ, обѣщая, по разореніи той крѣпости, поспѣшати къ нимъ въ помочь противъ нашихъ войскъ и посланной съ тѣмъ ихъ листомъ судья Василевичъ перенятъ. Потомъ они-жъ, запорожцы, знатного бунчужного товарища Ивана Черняка, которой, по нашему, великого государя, указу посыланъ отъ тебя, подданнаго нашего, гетмана Ивана Ильича, къ хану крымскому со объявленіемъ о избраніи твоемъ на гетманство, по возвращенію его изъ Крыму, не токмо что въ Сичѣ задержали, но въ явственной радѣ Костка Гордѣенко его билъ смертнымъ боемъ и потомъ с Кошу отослали къ измѣннику Мазепѣ, которой и доднесь въ оковахъ у него, измѣнника, держитца; да и самъ онъ воръ, кошевой атаманъ Костя Гордѣенко, съ единомышленники своими съ старшиною и съ товарствомъ, забывъ страхъ божій и обѣщаніе свое при крестномъ цѣлованіи намъ, великому государю, учиненное, по взятіи на Кошу помянутого нашего жалованья, подъ видомъ и объявленіемъ, будто идетъ онъ съ войскомъ запорожскимъ к нашему войску въ слученіе, которымъ уже и вдругорядъ, для того походу, наше великого государя, жалованье было послано, пошелъ х королю швецкому и к вору измѣннику Мазепѣ и идучи нечаянно на нѣкоторыхъ нашихъ ратныхъ людей, которые отъ нихъ яко отъ пріятелей, не опасались, безъ данной отъ нихъ и малѣйшей имъ запорожцамъ причины, измѣннически въ ночи нападеніе учинилъ и нѣсколько оныхъ побилъ и въ полонъ побравъ, къ шведу отвелъ. И потомъ они-жъ, запорожцы, сообщась съ шведами, на наши войска, подъ Соколками приходили, но обще съ шведы, при помощи божіей, разбиты и прогнаны, и хотя еще и потомъ мы, великій государь, черезъ грамоты наши, такожде и генералъ нашъ главный, римского и россійского государствъ ижерскій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ и ты, подданной нашъ гетманъ, чрезъ листы свои, на Кошъ посыланные, наказного кошевого съ прочими запорожцы увѣщевали о выборѣ нового кошевого и старшины, и дабы они къ измѣнѣ Мазепиной не приклонялися и Гордѣенку не послѣдовали, но были-бъ въ вѣрности при нашей сторонѣ, обѣщая имъ нашу милость; но на тѣ многія увѣщеванія и отвѣту отъ нихъ никакова не учинено, а тѣ, которые посланные с тѣми увѣщаніи, отъ нихъ на Кошу побиты, иные-жъ переловлены и к измѣннику Мазепѣ отосланы; также и которые у шведа суть въ полону изъ нашихъ великороссійскихъ и малороссійскихъ войскъ, и тѣхъ плѣнных они запорожцы бьютъ и ругаютъ и мучительски комарами

и муравьями травятъ, о чемъ заподлинно ушедшіе отъ измѣнника Мазепы пришедъ здѣсь сказываютъ. Да они-жъ, богоотступные измѣнники запорожцы, посылали отъ себя къ хану крымскому нѣсколкократно, прося его, дабы принялъ ихъ въ подданство и далъ имъ орды на помочь противъ нашихъ войскъ, желая пролитія крови христіанскія и разоренія отчизнѣ своей малороссійскому краю; но ханъ того ихъ запорожцовъ прошенія не исполнилъ, а писалъ о томъ к салтанову величеству турскому; но понеже салтаново величество содержати с нами миръ намѣренъ крѣпко и ненарушимо, того ради въ томъ ихъ запорожцовъ зломъ намѣреніи, по указу его салтанова величества, отказано и къ хану о томъ указъ отъ него посланъ, дабы отнюдь ихъ не принималъ и орды имъ на помочь не посылалъ и ссоры с стороною нашего царского величества не вчиналъ и отнюдь никакой причины к тому не подавалъ, и приказалъ крайнему своему везирю о томъ объявить послу нашему, въ Цареградѣ пребывающему, и что намѣренъ онъ с своей стороны миръ с нами содержать ненарушимо. Также посылалъ онъ, Гордѣенко, и всѣ запорожцы с писмами к Лещинскому, отъ шведа нареченному королю полскому, прося его на помощь въ Украйну, яко своего государя: и тѣ ихъ писма переняты и посланные поиманы и нынѣ держатца въ Кіевѣ; а вышеписанные и иные ихъ воровскія писма обрѣтаютца нынѣ въ нашей царского величества посолской канцеляріи, которые тебѣ, подданному нашему, гетману, были объявлены. И видя то, мы, великій государь, ту ихъ запорожцевъ явную измѣну, бунтъ и противность къ намъ, великому государю, и злобу къ своей отчизнѣ, указали послать на нихъ войска наши изъ Кіева плавною с полковникомъ с Петромъ Яковлевымъ, давъ ему нашъ указъ, дабы онъ пришедъ къ Сѣчѣ, наказному кошевому атаману и всему товарству объявилъ нашимъ указомъ, что ежели они принесутъ намъ, великому государю, повинную и покореніе и выберутъ вмѣсто вора измѣнника Гордѣенка нового кошевого атамана и протчюю старшину и обѣщаются при крестномъ цѣлованіи служить намъ вѣрно, и тѣ всѣ вины ихъ будутъ прощены, и оставлены они будутъ при прежнихъ своихъ войсковыхъ правахъ и вольностяхъ; и какъ онъ, полковникъ Яковлевъ, съ войски нашими къ Переволочнѣ пришелъ и тамо засталъ ихъ запорожцовъ нѣсколко тысячъ человѣкъ, и посылалъ къ нимъ, чтобъ они покорились и вину свою намъ, великому государю, принесли, но они того не учинили и, сообщась з жителми Переволочинскими, съ нимъ билися; что тотъ полковникъ принужденъ оныхъ яко измѣнниковъ, хотя и с урономъ отъ нашихъ войскъ, достать штюрмомъ. Такожде и въ обоихъ Кадакахъ и въ иныхъ мѣстѣхъ подобныя противности они, измѣнники запорожцы, войскамъ нашимъ показали. Потомъ-же пришедъ онъ, полковникъ, подъ Сѣчю и такожде для увѣщевания наказного ихъ кошевого и протчихъ запорожцовъ посылалъ указомъ нашимъ, дабы они, яко вышепомянуто вину свою намъ великому государю, принесли и вы-

брали вмѣсто Гордѣенка нового кошевого атамана и обѣщались служить намъ, великому государю, вѣрно; но они яко древніе и непокоривые бунтовщики, то все жестоковыйно презирая, не токмо того напоминанія и увѣщеванія не послушали, но и посланного съ тѣмъ въ воду бросили, и по войскамъ нашимъ изъ города из пушекъ и изъ мелкаго ружья жестоко стрѣляли, и полковника отъ войскъ нашихъ Урнея и иныхъ добрыхъ офицеровъ и съ 400 человѣкъ рядовыхъ побили; что видя посланной съ войски нашими полковникъ, съ посланнымъ отъ тебя подданного нашего въ слученіе къ нему чигиринскимъ полковникомъ Калаганомъ и команды ево съ козаками (которые притомъ вѣрно и мужественно службу свою къ намъ явили), принужденны тотъ городъ штюрмовать и с помощью Вышняго оный штюрмомъ взялъ сего маія въ 14 день, и ихъ, бунтовщиковъ, запорожцовъ, побили и въ полонъ побрали. И тако тѣ злые богомерзкіе измѣнники и бунтовщики и разрушители покоя въ малороссійскомъ краю давно заслуженную за свои злыя дѣла отъ Бога казнь и месть праведно воспріяли и той своей погибели сами суть виновны: о чемъ мы, великій государь, наше царское величество заблагоразсудили тебѣ, вѣрному нашему гетману Ивану Ильичу Скоропацкому и всѣмъ нашимъ подданнымъ малороссійского народа духовнымъ и мирскимъ сею нашею великого государя грамотою для извѣстія объявить; и притомъ вамъ повелѣваемъ, ежели изъ тѣхъ запорожцовъ, которые пошли къ измѣннику Мазепѣ или изъ утекшихъ при взятіи Переволочни, Сѣчи и иныхъ мѣстъ будутъ гдѣ въ Малороссіи укрываться, и тѣхъ по вѣрности вашей къ намъ, великому государю, велѣть яко измѣнниковъ сыскивать и ловить и приводить къ полковникомъ и сотникомъ, а имъ присылать къ намъ, великому государю, или къ тебѣ, подданному нашему гетману, кромѣ тѣхъ, которые изъ тѣх-же запорожцовъ будутъ сами приходить и вины свои приносить, и оныхъ тебѣ, подданному нашему гетману, принимать и приводить къ присягѣ, и вины ихъ отдавать, и сію нашу великого государя грамоту въ войскѣ нашемъ запорожскомъ и во всей Малой Россіи въ городѣхъ, мѣстечкахъ и въ селѣхъ прочитать, и у церквей для объявленія всѣмъ прибивать указали, дабы о томъ всѣмъ было вѣдомо. Данъ въ обозѣ нашемъ при Полтавѣ лѣта Господня 1709 маія 26 дня государствованія нашего 28 году» [38].

В тот же день, т. е. мая 26 числа, когда послан был Скоропадскому приведенный указ царя, канцлер граф Головкин писал от себя из обоза под Полтавой гетману письмо и в этом письме сообщал, что к его вельможности послано несколько сот экземпляров печатных универсалов с изложением «измѣны и противностей злобныхъ запорожцевъ, посылки войскъ къ нимъ царскаго величества и взятія ихъ Сѣчи тѣмъ войскомъ». Писанные универсалы должны быть прочитаны публично всей генеральной старшине и полковникам; печатные же должны быть разосланы малороссийскому народу, дабы все

знали, что «тѣ измѣнники и бунтовщики запорожцы сами своей погибели виновны» [39].

Один из главных виновников разорения Чортомлыцкой Сичи полковник Игнат Галаган за «вѣрныя службы свои» царю награжден был селом Боровицей и другими деревнями в Чигиринском полку да селом Веремеевкой [40], а сверх того ему обещана была от царя особая милость «нѣсколько сотъ рублевъ денегъ», для получения которых киевский губернатор князь Димитрий Голицын приказывал (1713 года декабря 24 дня) гетману Ивану Скоропадскому выдать Галагану проезжий лист до Санкт-Петербурга. Царь Петр Алексеевич, приехав после полтавской победы в Киев, отдал приказ князю Голицыну «имѣть къ Галагану призрѣніе, держать его въ охраненіи и въ требованіи и въ чемъ будетъ просить, чинить ему вспоможеніе» [41].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Осада королем Карлом XII, гетманом Мазепой и кошевым Гордиенком города Полтавы.— Бегство Карла, Мазепы и запорожцев из-под Полтавы.— Затруднительное положение шведов и козаков во время бегства.— Место переправы шведов и козаков с левого на правый берег Днепра.— Бегство короля, гетмана и кошевого через дикие поля к реке Бугу.— Обязательства, возложенные царем на гетмана Скоропадского в отношении запорожцев.— Назначение в советники гетману Скоропадскому стольника Измайлова и приказ последнему относительно запорожцев.— Обращение гетмана Скоропадского к запорожскому войску и ответ кошевого атамана Кириленка Скоропадскому.— Жалоба запорожцев гетману Скоропадскому на варварские поступки в отношении козаков полковника Галагана.— Судьба запорожцев, ушедших из Сичи с атаманом Богушем и бежавших с Гордиенком.— Договор последних с турецким султаном и гетманом Орликом в Бендерах.

Пробыв уже более полугода в пределах Малороссии и имея в виду дальнейшую борьбу с русским царем, шведский король Карл XII пожелал, под конец, приобрести выгодный опорный пункт, с тем, чтобы укрепиться в нем, и остановил свое внимание на городе Полтаве. По словам малороссийского историка мысль о завладении городом Полтавой подали Карлу XII запорожские козаки и их кошевой атаман Гордиенко, которые ручались королю за счастливый исход дела под Полтавой [1]. На этом же настаивал и гетман Мазепа, представляя королю те соображения, что со взятием этого города он получит «много провіанта, денегъ и суконъ» и что тогда «положеніе шведовъ измѣнится къ лучшему». В Полтаве в то время находился комендант города полковник Иван Степанович Келлин с русскими регулярными войсками в числе 4200 человек и с вооруженными жителями в числе 2600 человек. Главная квартира шведов в это время была в местечке Опошне, выше Полтавы, но часть с самим королем в конце марта месяца подступила к Полтаве с правого берега реки Ворсклы и расположилась в виду самого города [2]. С 1 по 4 апреля шведы пытались взять Полтаву открытой силой, но, не успев в том, решили сделать возле нее земляные укрепления и чрез них приблизиться с пушками к городу. При шведах были и запорожцы. Над возведением земляных траншей работали шведская артиллерия и две батареи пехоты; сильную поддержку оказывали в этом случае шведам запорожцы. На все приступы шведов

осажденные отвечали мужественным отпором. В это же время русская армия под начальством князя Меншикова стояла на левом берегу реки Ворсклы и старалась мелкими нападениями на неприятелей беспокоить шведов. Царь Петр Алексеевич пока был в городе Воронеже и, узнав о движении шведов к городу Полтаве, послал приказ фельдмаршалу Шереметеву, все еще стоявшему в Голтве, поспешить к Полтаве и соединиться с Меншиковым. Шереметев не замедлил исполнить царский приказ и подкрепил своими силами князя Меншикова. В конце мая вся русская соединенная армия заняла позицию в селении Крутой Берег на левом берегу Ворсклы, а 4 числа июня прибыл в лагерь и сам царь Петр Алексеевич.

Тем временем к половине мая шведы при помощи запорожцев возвели траншеи до контрэскарпа, в виду самого города. Мая 27 числа комендант Полтавы сделал вылазку против работавших в траншеях, отбросил их назад и убил лейтенанта с несколькими солдатами и запорожцами. Но тут на помощь работавшим в траншеях подоспел один из шведских полков, и русские поспешно удалились, потеряв несколько человек. Запорожцы, которыми шведы так выгодно пользовались для земляных работ, с этого дня уже неохотно возвращались в траншеи [3]. Июня 17 числа шведский король при осмотре русских позиций во время разъезда вдоль правого берега реки Ворсклы получил тяжелую рану, и потому решительный штурм города со стороны шведов начался только 21-го числа. Жители города оказали при этом шведам такое сопротивление, что последние, несмотря на целодневный бой, не могли одолеть русских и сосредоточились у северной части города, оставив в траншеях запорожцев. За это время русская армия оставила свою позицию у левого берега Ворсклы в Крутом Береге, поднялась вверх по Ворскле, переправилась с левого на правый берег реки между Петровкой и Семеновкой и потом расположилась под Малыми Будищами в виду Полтавы. Июня 22 дня в два часа утра Карл XII двинул свои войска с тем, чтобы решительно атаковать город Полтаву и вырвать ее из рук русских. В этот день запорожские козаки вместе с несколькими шведскими полками оставлены были позади для прикрытия шведского обоза и земляных осадных работ [4]. Но этот приступ к Полтаве был уже последним. Июня 27 числа был день славный для Петра и для всей России, но роковой для Карла XII и для всей Швеции [5].

Разбитый, раненый, насильно унесенный с поля битвы, усаженный против воли в карету, мучимый душевными тревогами и страшной физической болью, шведский король, забыв себя, в беспокойстве спрашивал только о судьбе бывшего с ним в походе принца вюртембергского Максимильяна и первого министра своего графа Пипера. «Они въ плѣну, государь, въ плѣну у русскихъ». «Въ такомъ случаѣ лучше умереть у турокъ,— впередъ»!.. Словом «впередъ» все сказано было: этим король определил, что поспешное бегство — единственное спасение от грозившей ему опасности попасть в руки русских.

С королем было несколько человек запорожцев, которые поклялись ему благополучно переправить его через Днепр и доставить через дикие поля в пределы Турции.

Путь для бегства избран был вдоль правого берега реки Ворсклы, впадающей в Днепр почти на 100 верст ниже Полтавы и имевшей в то время при своем устье крепостцу Переволочну. Крепостца Переволочна находилась в углу, образовавшемся при впадении в реку Днепр реки Ворсклы. Самое пространство между двух рек было само по себе невелико и кроме того сужено близко придвинувшеюся к берегу возвышенностью. Вся же местность, где находилась Переволочна, обнята была с востока рекой Ворсклой, с северо-запада рекой Пслом, с юга рекой Днепром; примыкавшие к Днепру болота и трясины делали все место крайне неудобным для переправы. К тому же и самый Днепр против Переволочны был слишком быстр и доходил до полмили в ширину. Ни сам король, ни ближайшие советники его не были знакомы с особенностями этой местности и не постарались заранее осмотреть переправу через Днепр. Напротив того, русский царь Петр, желая предупредить всякую возможность переправы своему врагу через Днепр, еще за несколько дней до битвы приказал удалить от Переволочны все лодки и суда и самый город сжечь, так что ко времени прибытия Карла и Мазепы в Переволочну там остались одни дымившиеся развалины и совершенно обезлюдевшее место на несколько верст кругом.

Первым прискакал к Днепру гетман Мазепа и тотчас поторопился переправиться через Днепр: он вез с собой несколько мешков серебра и две бочки золота, кроме того множество другого «добра». Июня 27 числа в 4 часа дня Мазепа с несколькими единомышленниками своими сел в лодки и стал переправляться с левого на правый берег реки. Но так как с ним было много казны, то люди его начали тонуть, и Мазепа приказал бросать деньги за борт и так «почти три доли» того богатства очутились на дне Днепра [6]. Вместе с Мазепой переправилась и часть запорожских козаков.

Вслед за Мазепой прискакали к Днепру отдельные отряды разбитых шведских полков.

Шведы для переправы через Днепр нашли где-то на Ворскле паром и пригнали его на Переволочанский перевоз. На этот паром стали садиться шведские солдаты и переправляться на противоположный берег Днепра. Другие для той же цели ломали обозные телеги, бросали доски в реку и, ложась на них, пытались переплыть реку поперек. Некоторые бросали в Днепр колеса и на колесах пускались вплавь. Плохо умея плавать и не будучи в силах справиться с течением речных волн, шведские солдаты подвергались большой опасности потонуть, но им везде оказывали большую помощь запорожские козаки. Одни из запорожцев садились верхом на своих лошадей и смело пускались на них вплавь, а когда усталость одолевала их, хватались за гривы коней и, помогая шведам

на плаву, вытаскивали их на противоположный берег реки. Другие из них делали наскоро сложенные плоты, привязывали тонкие веревки к одному концу каждого плота, другой конец той же веревки держали в своих крепких зубах и так переплывали Днепр.

Поздно ночью под 30-е число к месту переправы шведов прибыл и сам король. Он вез с собой серебряный столовый прибор и большие суммы денег, увеличенные только что собранной в Саксонии контрибуцией. При короле было от двух до трех тысяч человек охраны и в том числе несколько человек запорожских козаков. Для переправы короля связали две лодки вместе и на этот паром внесли короля вместе с каретой [7]. Карету короля поставили так, что передние колеса ее поместились в одной лодке, а задние — в другой. Чтобы не отдать добычи и орудий в руки врагов, Карл приказал оставшийся на левом берегу Днепра обоз сжечь, а пушки погрузить в Днепр. Возле короля поместилось 12 человек телохранителей, и в полночь все оттолкнулись от левого берега реки [8].

Едва король успел переправиться за Днепр, как на следующий день, июня 30 числа, у Переволочны показался князь Меншиков с отрядом в 9000 человек, высланный по следам беглецов вдогон. Русские нашли на левом берегу Днепра около 16 000 или 17 000 человек шведов и в том числе 220 человек запорожских козаков и потребовали, чтобы неприятели сдались на известных условиях русскому царю. На вопрос шведского генерала Крейца, каковы те условия, князь Меншиков отвечал, что все шведы, как военнопленные, должны положить оружие и сдать припасы, кроме платья и частной собственности; но из этого исключаются запорожцы и другие изменники русскому царю [9].

В журнале Петра Великого о событии в Переволочне, у левого берега Днепра, говорится так: «Въ 30-й день государь за непріятелемъ-же путь свой воспріялъ, и хотя всякое прилежаніе чинено, дабы непріятеля как скорѣе догнать; однако-же онаго не могли прежде 30 іюня догнать, котораго числа его недалеко отъ Переволочны подъ горою при рѣкѣ Днѣпрѣ стоящаго обрѣли, и отъ взятаго въ полонъ полковаго квартермистра и нѣсколькихъ волоховъ увѣдомились, что король шведскій до того за 3 часа съ нѣсколькими стами конныхъ черезъ Днѣпръ переправился съ великою трудностью... Измѣнникъже Мазепа, съ нѣсколькими стами своими единомышленниками козаками еще прежде короля за Днѣпръ перебрался и ушелъ в турецкую область» [10].

Июля 1 числа к Переволочне прибыл сам царь и тот же час выслал отряд русских войск под начальством князя Григория Волконского за Днепр для преследования Карла и Мазепы.

Того же числа, в полдень, предложенные шведам условия капитуляции были приняты ими и немедленно сделались известны по всему стану. Оставшиеся при шведах запорожские козаки, предугадывая свою судьбу, решили лучше утопиться в Днепре, нежели от-

даться русским на месть. Бросаясь массами в Днепр в надежде его переплыть, запорожцы не все могли справиться с течением волн и большей частью потонули в реке. Впрочем, из них все-таки некоторое число успело переплыть Днепр и спастись от преследования русских войск [11]. Но те из козаков, которые или не успели броситься в реку или не решились сделать этого, были захвачены русскими в плен и подверглись жестоким казням по приказанию царя. Царь, страшно раздраженный на запорожских козаков, выдумывал самые изысканные казни для них: одних из запорожцев он велел колесовать; других, одевшихся в шведские мундиры и потому в первое время вместе со шведами получивших жизнь, приказывал немилосердно штыками исколоть [12]; третьих велел в железа оковать и в дальние места Сибири отослать. Пощажено было несколько простых козаков, которые сами явились с повинной к царю. Таких собралось к июлю седьмому числу до 15 000 человек. Томимые голодом, мучимые страхом, долго скрывавшиеся после полтавской победы по разным трущобам и лесам, они явились к Петру в день торжества его над побежденным врагом и отдали себя на волю царя. Царь, тронутый бедственным положением несчастных, простил их вину и удовольствовался только тем, что лишил их козацкого звания и приказал разместить по разным малороссийским селам и деревням [13].

Такая же печальная участь постигла и тех запорожцев, которые захвачены были полковниками Яковлевым и Галаганом в самой Сичи: из них десятого приказано было казнить, а прочих в каторжные работы в Сибирь сослать. В это же время казнены были десятый из 24 человек козаков, пытавшихся сделать набег на город Кременчуг, но пойманных Даниилом Апостолом, полковником миргородского полка. Потом и оставленные в живых из этих 24 человек также не были пощажены и по приказу графа Головина «на страхъ инымъ измѣнникамъ» отданы были на казнь, причем из всех способов казни выбирался жесточайший — сажание человека на кол. Впрочем, несмотря на все ужасы, которым подвергались запорожцы, даже между ушедшими с Мазепой и Гордиенком в пределы Турции, находились охотники возвратиться на Украйну. Таков был сын переяславского полковника Федор Мирович, который просил прощения за свою вину и объявил желание вместе с некоторым числом бывших при нем запорожских козаков перейти к царю, но с условием, если все они будут оставлены целыми и невредимыми в своем здоровье и имуществе [14]. Однако, такой переход почему-то не состоялся.

Тем временем те из запорожских козаков, которые успели уйти с Карлом за Днепр, не переставали оказывать услу как ему самому, так и его солдатам. Особенно они оказались необходимы шведам в той мертвой пустыне, которая начиналась от правого берега Днепра и шла до левого берега Буга и известна была у людей тех

времен под именем диких полей. Шведы во время своего бегства должны были держаться наименее проходимых мест, чтобы не быть открытыми от преследовавшей их русской погони, и в этом случае, без руководства запорожцев, могли бы погибнуть в степи, как в песчаной Сахаре бедуины без «лаучей». Во время движения по диким полям шведов к ним постепенно прибывали козаки, которые успели переправиться в разных местах через Днепр и убежать от русских в степь. Переправившись через Днепр, беглецы взяли сперва направление прямо к западу, на теперешнее селение Шведское при речке Омельник, и Хорошево, при речке того же имени, и на город Александрию; потом, перейдя через вершину Ингульца, повернули на юго-запад по водоразделу между Ингульцом и Ингулом и так, постепенно уклоняясь от Ингульца к Ингулу, двигались до нижнего течения Буга (на теперешние селения — Швединовку, в 40 верстах от Александрии, другую Швединовку, в 21 версте от первой, Решетиловку, Полтавку и Пески). На 25 верст ниже устья Ингула, у теперешней д. Федоровки (Святотроицкого), беглецы остановились лагерем и потом приблизились к самому Бугу. У Буга запорожцы показали шведам хороший пресной воды колодец [15] и поставили над ним караул, не позволяя мутить в нем воду, чтобы сохранить ее в чистом виде для короля. Июля 7 числа шведы стали переправляться через реку Буг с песчаного мыса Русской косы, у левого берега реки, на песчаный мыс, Волошскую косу, на правом берегу. Вместе со шведами прискакали к реге Бугу запорожцы и июля 7 дня стали переправляться с левого на правый берег ее, но, не успев в полном числе переплыть реку, как были настигнуты князем Григорием Волконским с полком солдат и спаслись бегством в какое-то укромное место в степи [16]. Достигнув города Очакова, запорожцы разделились на две части, и одна часть из них была отпущена королем и возвратилась восвояси, другая последовала за ним до Бендер. Сколько было всех запорожцев при короле Карле, неизвестно; полагают, однако, что число их доходило если не до четырех, то до трех тысяч человек [17].

После удаления из Малороссии шведов и после предания Мазепы анафеме новый гетман Иван Ильич Скоропадский июля 17 числа подал на утверждение государя девять статей, на основании которых Малороссия входила в состав Великой России. В седьмой из этих девяти статей говорилось и о запорожцах: «Хотя и хорошо то, что проклятые запорожцы черезъ измѣну утратили Сичь; но малороссіяне пользовались оттуда солью, рыбою и звѣрями; поэтому просим, чтобъ позволено было намъ ѣздить туда за добычею и чтобъ ни каменнозатонскій воевода, ни гарнизонъ не дѣлали промышленникамъ обидъ и препятствій».

Но царь Петр Алексеевич, желавший воспретить всякие сношения малороссиян с запорожцами, на такую статью дал отрицательный отвѣтъ: «На сей счетъ будетъ сдѣлано послѣднее опредѣленіе

послѣ, а теперь того позволить невозможно, потому что подъ этимъ предлогомъ бунтовщики запорожцы могутъ возгнѣздиться на прежнихъ мѣстахъ и устроить бунтовскія собранія» [18].

В начале 1710 года последовало утверждение пунктов, на основании которых гетман Скоропадский принят был под высокодержавную руку государя, причем объявлено было, что для предотвращения на будущее время измены со стороны гетмана, поставлялся подле него особый из великороссиян чиновник, как бы изображавший собой очи и уши государя. Таким чиновником был на тот раз царский стольник и суздальский наместник Андрей Измайлов. Измайлову приказано было управлять совместно с гетманом делами Малороссии; по случаю же бывшего возмущения в малороссийском крае и бунта в запорожском войске велено было ему «вооруженною рукой препятствовать селиться запорожцамъ вновь въ Сѣчѣ или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ» [19].

Между тем запорожское войско после разгрома Чортомлыцкой Сичи, руководимое своим атаманом Якимом Богушем, поспешно сложивши свое добро и уцелевшее оружие на дубы и скрытыми ериками, заточинами, речками и ветками ушло вниз по Днепру в турецкие земли, где поселилось Сичею при урочище Алешках и Кардашинском лимане. В урочище Алешках запорожцы прожили 19 лет и оттуда вернулись снова на речку Чортомлык, где просидели два года. С Чортомлыка козаки опять спустились вниз и тогда сели Сичею на устье речки Каменки, впадающей в Днепр, откуда потом, уже в 1734 году, вернулись в пределы России и поселились на ветке Подпильной в пяти верстах ниже старой на Чортомлыке Сичи.

Так говорит об этом подлинная записка кошевого атамана Ивана Малашевича, составленная в 1734 году, т. е. 25 лет спустя после совершившегося события, написанная с целью передать это сведение «на потомную память поколѣнію» и запечатанная подлинной войсковой печатью [20].

Предание говорит, что оставляя Сичу, запорожцы всего более сожалели о своей святого Покрова сичевой церкви: «Все мы хорошо, панове сдѣлали, все недурно зробили, но одно не хорошо учинили, что церковь свою покинули. Но что-жъ теперь дѣлать? Пусть ее хранитъ божья матерь! И божья мать сохранила ее: москали къ ней, а она отъ нихъ; они къ ней, а она отъ нихъ... Да такъ ходила-ходила, а потомъ передъ самыми глазами ихъ и пошла въ землю: вся какъ есть, съ колокольней, крестомъ, такъ и пирнула,— одна яма отъ нея лишь осталась» [21].

Но в Алешки удалилась только малая часть запорожцев; большинство же их бежало вместе с королем Карлом и гетманом Мазепой от Днепра через западные границы бывших запорожских вольностей, достигло города Очакова и оттуда удалилось в турецкий город Бендеры.

В 1710 году, апреля 5 дня, уже после смерти Мазепы [22], под городом Бендерами, в присутствии кошевого атамана Константина Гордиенка, генерального малороссийского писаря Филиппа Орлика и послов от запорожского войска «у Днѣпра зостоючого», состоялась большая козацкая рада. На той раде запорожские и малороссийские козаки признали высшим протектором всего козацкого войска шведского короля Карла XII, а генерального писаря при бывшем гетмане Мазепе Филиппа Орлика объявили гетманом всей Малороссии. При избрании нового гетмана запорожцы заключили с ним условия, касавшиеся дальнейшей судьбы Малороссии и Запорожья. Хотя условия этого договора между запорожцами и малороссийским гетманом и не были потом приведены в исполнение, хотя уже во время составления их некоторые не верили в возможность полного осуществления заключаемых условий, но при всем том эти постановления должны иметь в глазах всякого южнорусского историка значение особенной важности. Дело в том, что в них запорожцы подробно и вполне отчетливо изложили все те требования, которые были у них всегда на уме и которые они предъявляли по частям и в разное время всем гетманам со времени Виговского и всем царям со времени царя Алексея Михайловича. В них изложен был полностью весь идеал политических стремлений, который передовые люди из запорожского войска хотели видеть осуществленным в Малороссии и заодно с ней в Запорожьи. Эти условия разбиты на 16 пунктов и состоят в следующем.

1. Поневажъ межи тремя добродѣтельми богословскими вѣра первенствуетъ, теды въ первомъ семъ пунктѣ о вѣри святой православной восточного исповѣданія дѣло надлежит, начати, которою, яко разъ народъ валечный козацкій, за владѣнія еще кагановъ козарскихъ въ столицѣ апостольской константинопольской просвѣщенный зосталъ, такъ и теперь непорушимо въ оной триваючи, жаднымъ иновѣріемъ никогда не колебался. И не тайно есть, же славной памяти гетманъ Богданъ Хмельницькій зъ войскомъ запорожскимъ, ни за что иншое, опрочь правъ и вольностей войсковыхъ, унялся и праведную противъ Рѣчи Посполитой польской воздвыгнулъ войну, тилко, во первыхъ, за вѣру святую православную, якая розними тяжестями насильствована была от власти польской до уніи зъ костеломъ римскимъ, а по искорененіи иновѣрія зъ отчизны нашой, не для чого иншого зъ тымъ-же войскомъ запорожскимъ и народомъ малороссійскимъ въ протекцію государства московского удался, и доброволне поддался, тылко для самого единовѣрія православного. За чимъ теперешній новообранный гетманъ, когда Господь Богъ, крѣпкій и сильный въ бранѣхъ, пособитъ щастливымъ оружіемъ наяснѣйшого короля, его милости шведского, свободити отчизну нашу, Малую Россію, отъ невольничого ярма московского, мѣетъ и повиненъ будетъ, во первыхъ, старатися и крѣпко застановлятися, абы жадное иновѣріе въ Малую Россію,

отчизну нашу, ни отъ кого не было впроважено, которое если бы гдѣ, чи то тайно, чили явне, могло показатися, теды, владгою своею, долженъ будетъ оное искореняти, проповѣдатися и разширятися оному не допускати, иновѣрцемъ сожитія на Украйнѣ, а найбарзѣй зловѣрію жидовскому, не позволяти, и на тое всѣ старанья ложити, жебы едина вѣра православная восточного исповѣданія, подъ послушенствомъ святѣйшого апостольского фрону константинопольского, вѣчне утвержена была, и з помноженьемъ хвалы [б]ожой, церквей святыхъ, а з цвѣченьемъ въ наукахъ визволіоныхъ синовъ малороссійскихъ, разширялася, и яко кринъ въ терніи, межи окрестными иновѣрными панствами, процвѣтала. Для большой зась поваги первоначального въ Малой Россіи престола митрополитанского Кіевского и для знатнѣйшого дѣлъ духовныхъ управленія, мѣетъ той-же ясневельможный гетманъ, за высвобожденьимъ отчизны отъ ига московского, справити у столицѣ апостольской константинопольской, екзаршескую первобытную власть, чтобъ черезъ тое обновилася реляція и послушенство синовское до помянутого апостольскаго константинопольскаго фрону, отъ которого проповѣдію евангельскою въ вѣри святой кафолической просвѣщена и змоцнена быти удостоилася.

2. Яко всякое панство цѣлостію границъ ненарушимою состоится и утверждается, такъ и Малая Россія, отчизна наша, жебы въ своихъ границахъ, пактами отъ Рѣчи Посполитой польской и отъ государства московского ствержденныхъ, найбарзѣй въ тимъ: которые по рѣку Случь, за гетманства, славной памяти, Богдана Хмельницкаго отъ тоей-же Рѣчи Посполитой польской, области гетманской и войску поступлены, вѣчне отданы и пактами обворованы зостали, не была згвалчена и нарушена, мѣетъ и тое ясневельможный гетманъ, при трактатахъ найяснѣйшого короля, его милости, шведского, старатися, и крѣпко, сколько Богъ силы и разуму пошлетъ, застановлятися, гдѣ будетъ належати, а найпаче суплѣковати о тое до наяснѣйшого маестату, его королевского величества шведского, яко оборонцы и протектора нашего, чтобъ его величество не допускалъ никому, не тылко правъ и вольностей, лечь и границъ войсковыхъ надвережати и себѣ привлащати. Надъ то повиновенъ будетъ тотъ-же ясневельможный гетманъ, по скончены, дай Боже, счастливомъ войны, упросити у королевского величества шведского такого трактату, чтобъ его величество и его сукцессорове, наяснѣйшіе короли шведскіе, вѣчными протекторами Украины титуловалися и самимъ дѣломъ зоставали, для большой крѣпости отчизны нашой и для захованья оной цѣлости въ правахъ наданыхъ и границахъ. Такъ тежъ и о тое, долженъ будетъ ясневельможный гетманъ до наяснѣйшого королевского маестату суплѣковати, абы у трактатахъ его величества зъ государствомъ московскимъ было тое доложено, чтобы, якъ невольниковъ нашихъ, на сей часъ въ государствѣ московскомъ найдуючихся, по сконче-

нью войны, намъ свободныхъ возвращено, такъ и всѣ починеные въ нынѣшную войну на Украйнѣ шкоды, нагорожено и слушне отъ Москвы пополнено; а особливе о тое просити и старатися у наяснѣйшого королевского величества повиненъ, жебы невольниковъ нашихъ, въ панствѣ его-жъ величества зостаючихъ, всѣхъ свобождено и намъ возвращено.

3. Поневажъ намъ всегда пріязнь сусѣдская панства крымского есть потребна, отъ которого помощи не разъ войско запорожское до обороны своей засягало, теды, иле подъ сей часъ возможно будетъ, мѣетъ ясневельможный гетманъ и наяснѣйшого хана, его милости, крымского, чрезъ пословъ старатися о обновленье давнего зъ панствомъ крымскимъ братерства, коллегаціи военной и подтверженье вѣчной пріязни, на которую-бы окрестные панства заглядуючися, не дерзали порабощенія себѣ Украйны желати и оную въ чомъ колвекъ насильствовати. По скончению зась войны, когда Господь Богъ пособитъ, при желаемомъ и помыслномъ намъ покою, новообранному гетману на своей осѣсти резиденціи, тогда крѣпко и неусыпно постерегати того, должностію уряду своего обовязанъ будетъ, абы ни въ чомъ зъ панствомъ крымскимъ пріязнь и побратимство не нарушилось черезъ своевольныхъ и легкомысленныхъ з нашей стороны людей, которые обыкли не тылко сусѣдскую згоду и пріязнь, лечь и союзы мирные, рвати и раздрушати.

4. Войско запорожское низовое, яко несмертельную собѣ славу многими рыцерскими отвагами на морѣ и на земли заслужило, такъ и не меншими наданнями обогащено было для общого своего пожитку и промысловъ, лечь кгды государство московское вынаходячи розныхъ способовъ до утисненья и знищенья оного построило на власныхъ войсковыхъ кгрунтахъ и угодіяхъ, то городы Самарскіе, то фортецы на Днѣпрѣ, чимъ, хотячи въ промыслахъ рибныхъ и звѣриныхъ томужъ войску запорожскому низовому перешкоду учинити, незносную шкоду, праволомство и утеменженье учинило. На остатокъ гнѣздо войсковое, Сѣчь запорожскую, военнымъ наступленіемъ разорило. Пре то, по скончанью, дай Боже, счастливомъ, войны (естьли теперь помянутое войско запорожское тыхъ кгрунтовъ своихъ и Днѣпра отъ насильства московского не очиститъ и не удовольнитъ), повиненъ будетъ ясневельможный гетманъ, при трактованью наяснѣйшого короля его милости, шведского, зъ государствомъ московскимъ о покою, о тое старатися, жебы Днѣпръ отъ городковъ и фортецъ московскихъ, тако жъ и кгрунта войсковые отъ поссесіи московской очищены и до первобытной области войска запорожского привержены были, гдѣ впредь никому а ни фортецъ строити, а ни городковъ фундовати, а ни слободъ осажувати, а ни якимъ-же колвекъ способомъ тыхъ войсковыхъ угодій пустошити, не тылко не мѣетъ ясневельможный гетманъ позволяти, лечь и до обороны оныхъ обовязанъ будетъ войску запорожскому низовому всякую помочь чинити.

5. Городъ Терехтемировъ, поневажъ здавна до войска запорожского низового належалъ и шпиталемъ оного назывался, теды и теперь, за освобожденьемъ, дай Боже, отчины отъ московского подданства, мѣетъ ясневельможный гетманъ тотъ-же городъ войску запорожскому низовому, зо всѣми угодіями и зъ перевозомъ на Днѣпрѣ, тамъ зостаючимъ, привернути, шпиталь въ ономъ для старинныхъ зубожалыхъ и ранами скалеченныхъ козаковъ, коштомъ войсковымъ построити, и отколь мѣетъ имъ быти пища и одежда, промыслъ; также Днѣпръ увесь зъ горы отъ Переволочной внизъ, перевозъ Переволочанскій и самый городъ Переволочную, съ городомъ Келебердою и рѣка Ворскло зъ млинами, въ полку полтавскомъ знайдующимися, и фортецу козацкую приналежитостями, повиненъ будетъ ясневельможный гетманъ и по немъ будучіи уряду того гетманского наслѣдники, ведлугъ давныхъ правъ и привилеевъ, при войску запорожскомъ заховати, никому з власти духовной и свѣцкой не допускаючи ѣзовъ тамъ и не позволяючи на Днепрѣ отъ Переволочной внизъ забиватии строити, становъ и рыбныхъ ловль заводити, особливе въ полю рѣки, рѣчки и всякіе прикметы, ажъ по самой Очаковъ, не до кого иншого, тилко до войска запорожского низового, вѣчными часы мѣютъ належати.

6. Если въ панствахъ самодержавныхъ хвалебный и состоянію публичному полезный заховуется порядокъ, же завше, якъ въ бою, такъ и въ покою, о общомъ отчыстомъ добрѣ приватные и публичные обыкли отправоватися рады, в которыхъ и самыи самодержцы притомностію своею продкуючи, не возбраняются соизволеніе свое подъ общое министровъ своихъ и совѣтниковъ зданье и ухвалу подлагати, а чому-жъ-бы въ вольномъ народѣ таковый збавенный порядокъ не мѣлъ быти захованъ, который, любо въ войску запорожскомъ при гетманахъ передъ симъ, ведлугъ давныхъ правъ и вольностей, непремѣнно содержался, однакъ, кгды нѣкоторіи войска запорожского гетмани, привлащивши собѣ неслушне и бесправне самодержавную влагду, узаконили самовластіемъ такое право: «Такъ хочу, такъ повелѣваю», черезъ якое самодержавіе, гетманскому урядови неприличное, уросли многіе въ отчизнѣ и въ войску запорожскомъ нестроенія, правъ и вольностей разоренія, посполитые тяжести, насильные и накупные урядовъ войсковыхъ распоряженья, легкое старшины енеральной, полковниковъ и значного товариства поваженье, пре то мы, енеральная старшина, атаманъ кошовый и все войско запорожское, договорили и постановили съ ясневельможнымъ гетманомъ, при елекціи его вельможности, такое право, которое мѣетъ быти вѣчне въ войску запорожскомъ захована: абы въ отчизнѣ нашой первенствуючими были совѣтниками енеральная старшина, такъ респектомъ урядовъ ихъ первоначальныхъ, яко и установичной при гетманахъ резиденціи; по ныхъ, зась обыклымъ порядкомъ послѣдуючіи полковники городовіе, подобнымъ-же публичныхъ совѣтниковъ характеромъ почтены нехай

будутъ; надъ то з каждого полку по единой значной старинной, благоразумной и заслужоной особѣ мѣютъ быти до общей рады енеральніи совѣтники, за согласіемъ гетманскимъ избраны, з которыми всѣми енеральными особами, полковниками и енеральными совѣтниками долженъ будетъ теперешный ясневельможный гетманъ и его сукцессорове о цѣлости отчизны, о добрѣ оной посполитомъ и о всякихъ дѣлѣхъ публичныхъ радитися, ничого, безъ ихъ соизволенія и совѣту, преватною своею владгою, не зачинати, не установляти и въ скутокъ не приводити. Для чого теперь, при елекціи гетманской, единогласною всѣхъ обрадою и ухвалою, назначаются три енеральные въ каждомъ року рады, мѣючіеся в резиденціи гетманской отправовати: первая о Рождествѣ Христовомъ, другая о Воскресеніи Христовомъ, третія о Покровѣ Пресвятой Богородицы, на которое, не тылко панове полковники з старшиною своею и сотниками, не тылко зо всѣхъ полковъ енеральные совѣтники, лечь и отъ войска запорожского низового, для прислухованья ся и сѣтованья, послы мѣютъ и повинни будутъ, за присланьемъ къ себѣ отъ гетмана ординансу, прибувати, ничого назначеного термену не ухибляючи, гдѣ что колвекъ будетъ отъ ясневельможного гетмана, до общой-бы рады предложено, о томъ всѣмъ благосовѣстно безъ жадныхъ, приватного своего и чужого порядку, респектовъ, безъ душегубной зависти и вражды, совѣтовати обовязаны будутъ, такъ делече, жебы ничого не было въ тыхъ радахъ з уближеньемъ чести гетманской, з публичною отчизны тяжестію и разореніемъ, а, не дай Боже, и пагубою. Если бы зась, опрочь тыхъ вышреченныхъ, до енеральной рады назначенныхъ терменовъ, притрафлялися якіе публичные справы, скорого управленія, отпреставленія и отправленія потребуючіе, теды ясневельможный гетманъ моценъ и воленъ будетъ, зъ обрадою енеральной старшины, таковые дѣла повагою своею гетманскою управляти и отправовати. Такъ-же если-бы якіе письма приключалися зъ заграничныхъ посторонныхъ панствъ, до ясневельможного гетмана ординованные, теды оные маетъ его вельможность енеральной старшинѣ объявити и отвѣты, якіе отписуватимутся, освѣдчати, не утаеваючи предъ ними жадныхъ корреспонденцій листовныхъ, найбарзѣй заграничныхъ и тыхъ, якіе могутъ цѣлости отчистой и добру посполитому вредити. А жебы скутечнѣйшая была въ секретныхъ и публичныхъ радахъ междоусобная ясневельможного гетмана зъ старшиною енеральною, съ полковниками и енеральными совѣтниками поуфалость, повиненъ будетъ каждый зъ нымъ, при обнятю своего уряду, на вѣрность и у отчизнѣ на зычливость къ рейментарови своему на захованье повинностей своихъ, якіе колвекъ до уряду чіего належатимуть, формальную присягу, ведлугъ роты, публичне ухваленой, выконати. И если-бы что противного, здоровного, правамъ и вольностямъ войсковымъ вредительного и отчизнѣ неполезного усмотрено было въ ясновельможномъ гетману, теды таяжъ старшина

енеральная, полковники и енеральные совѣтники, моцны будутъ волными голосами, чили то приватне, чили, когда нужная и неотволочная потреба укажетъ, публичне, на радѣ его вельможности выговорити и о нарушенье правъ и вольностей отчистыхъ упоминатися, безъ уближенья и найменшого поврежденья высокого рейментарского гонору; о якіе выговоры не мѣетъ ясневельможный гетманъ уражатися и помсты чинити, овшемъ развращенныя исправити старатимется. Особливе енеральныи совѣтники, каждый з ныхъ на своемъ полку, зъ которого на радецтво изберется, силенъ будетъ, совокупне съ паномъ полковникомъ городовымъ, постерегати порядковъ и оные общимъ совѣтомъ управляти, застановляючися за крывды и тяжести людскіе. А яко енеральная старшина, полковники и енеральныи совѣтники, повинны будутъ ясневельможного гетмана въ должномъ мѣти почитаніи, належить ему выражати гоноръ и вѣрное отдавати послушенство, такъ и ясневельможному гетману взаимне шановати оныхъ, и за товариство, а не заслугъ и предстоятелей, работныхъ, належитъ консервовати, не принуждаючи ихъ умыслне, для пониженья особъ, до публичного, неприличного и непоносного предъ собою стоянья, опрочь того, гдѣ потреба укажетъ.

7. Єсли-бы кто зъ енеральныхъ особъ, полковниковъ, енеральныхъ совѣтниковъ, значного товариства и инныхъ всѣхъ войсковыхъ урядниковъ надъ той самой черни, чи то гоноръ гетманскій дерзнулъ образити, чили въ иншомъ якомъ дѣлѣ провинити, теды таковыхъ проступцовъ самъ ясневельможный гетманъ, приватною своею помстою и владгою не мѣетъ карати, лечь на судъ войсковый енеральный таковую справу, чито криминальную, чили не криминальную, повиненъ будетъ здати, у которого якій нелицемирный и нелицезрѣтельный падетъ декретъ, такій долженъ всякъ проступный понести.

8. Тыєжъ енеральные особы, уставичне при боку гетманскомъ резидуючіе, всякіе справы войсковые, якіе до чіего чину и повинности будутъ належати, мѣютъ ясневельможному гетману доносити и деклярації отбирати, а не слуги приватныи домовыи, которыхъ до жадныхъ справъ, докладовъ и дѣлъ войсковыхъ не отправовати.

9. Поневажъ передъ симъ въ войску запорожскомъ всегда бывали подскарбіи енеральныи, которыи скарбомъ войсковымъ, млынами и всякими, до скарбу войскового належащими, приходами и повинностями завѣдовали и оными за вѣдомомъ гетманскимъ шафовали, теды и теперь таковый порядокъ общимъ договоромъ установляется и непремѣнно узаконяется, абы за уволненьемъ, дасть Богъ, отчизны нашой зъ ярма московского, увагою гетманскою и соизволеніемъ общимъ; былъ обранъ подскарбій енеральный, человѣкъ значный и заслуженый, маетный и благосовѣстный, который-бы скарбъ войсковый въ своемъ дозорѣ мѣлъ, млынами и всякими приходами войсковыми завѣдовалъ и оные

на потребу публичную войсковую, а не на свою приватную, за вѣдомомъ гетманскимъ, оборочалъ. Самъ зась ясневельможный гетманъ до скарбу войскового и до приходовъ, до оного належащихъ, не имѣетъ належати и на свой персональный пожитокъ употребляти, довольствуючися своими оброками и приходами, на булаву и особу его, гетманскую, належачими, яко то: индуктою, полкомъ гадяцкимъ, сотнею шептаковскою, добрами почеповскими и оболонскими и иншими интратами, якіе здавна ухвалены и постановлены на урядъ гетманскій; большъ зась ясневельможный гетманъ маетностей добръ войсковыхъ не мѣетъ самовластно собѣ привлащати и иншымъ, мнѣй въ войску запорожскомъ заслужонымъ, найбарзѣй чернцямъ, попамъ, вдовамъ бездѣтнымъ, урядникомъ, посполитымъ и войсковымъ мѣлкимъ слугамъ своимъ гетманскимъ и особамъ приватнымъ, для респектовъ якихъ колвекъ, не раздавати. А не тылко до боку гетманского подскарбій енеральный поприсяжный, для дозору скарбу войскового, мѣетъ избиратися, и гдѣ резиденція гетманская утвердится, тамъ зоставати, лечь и въ каждомъ полку два подскарбіи, такъ-же поприсяжныи, люде значныи и маетныи, общою, полковника, старшины войсковой, и посполитой ухвалою, повинны знайдоватися, которыи бы о полковыхъ и городовыхъ приходахъ и посполитыхъ поборахъ знали, оные въ своемъ завѣдыванью и шафунку мѣли и каждого року порахунокъ зъ себѣ чинили. Якіе полковіе подскарбіи, мѣючи релацію до енерального подскарбего, должны будутъ въ своихъ полкахъ о належащихъ до скарбу войскового приходахъ знати, оные отбирати и до рукъ енерального подскарбего отдавати. Панове полковники зась неповинни такъ-же интересоватися до скарбцовъ полковыхъ, контентуючися своими приходами и добрами, на урядъ полковничій належащими.

10. Яко всякихъ во отчизнѣ и войску запорожскомъ порядковъ, по должности уряду своего мѣетъ ясневельможный гетманъ постерегати, такъ найбарзѣй повиненъ будетъ и на тое пилное и неусыпное мѣти око, жебы людемъ войсковымъ и посполитымъ збытечные не чинилися тяжести, налоги, утеменженья и здырства, для которыхъ они, оставивши жилища свои, обыкли въ прочку ити и въ заграничныхъ панствахъ спокойнѣйшого, легчайшого и помыслнѣйшого шукати себѣ помешканья. За чимъ, абы панове, полковники, сотники, атаманья и всякіе войсковые и посполитые урядники, не важилися панщизнъ и роботизнъ своихъ приватныхъ господарскихъ козаками и посполитыми людьми тыми, якіе а ни на урядъ ихъ не належатъ, а ни подъ ихъ персональною державою зостаютъ, отбувати до кошенія сѣнъ, збиранья зъ поль пашень и гаченья гребель примушати, въ одиманью и кгналтовномъ куплению кгрунтовъ насилія чинити, за леда якую вину зо всей худобы, лежачой и рухомой, обнажити, ремесниковъ безплатежне до дѣлъ своихъ домашнихъ приневоляти и козаковъ до посылокъ

приватныхъ заживати, повиненъ будетъ того ясневельможный гетманъ владгою своею возбраняти, чого и самъ, на добрый иншымъ, подручнымъ себѣ, прикладъ, мѣетъ выстерегатися и не чинити. А поневажъ всякіе на людей вѣрныхъ тяжести, утыски и здырства походятъ найбарзѣй отъ властолюбныхъ накупневъ, которіи, не фундуючися на заслугахъ своихъ, а прагнучи несытою пожадливостью, для приватного своего пожитку урядовъ войсковыхъ и посполитыхъ, прельщаютъ сердце гетманское коррупціями и оными втыскаются, безъ вольного избранія, надъ слушность и право, то на уряды полковничіе, то на иншые власты, пре то всеконечнѣ постановляется, абы ясневельможный гетманъ жадными, хочъ бы найболшими, не уводячися датками и респектами, никому за коррупціи урядовъ полковничьихъ и иншихъ войсковыхъ и посполитыхъ начальствъ не вручалъ и насильно на оные никого не наставлялъ, лечь всегда, якъ войсковые, такъ и посполитые, урядники мѣютъ быти волними голосами, особливе зась полковники, обираны, а по избранію владгою гетманскою подтверживаны; однакъ таковыхъ урядниковъ елекціи не безъ волѣ гетманской отправоватися повинны. Тоежъ право должны будутъ и полковники заховати и не постановляти, безъ вольного избранія цѣлой сотнѣ. Сотниковъ и иншихъ урядниковъ, для коррупцій и якихъ-же колвекъ респектовъ, а для урядъ своихъ приватныхъ не повинны такъ-же отъ урядовъ отстановляти.

11. Вдовы козачіи и осѣротѣлые козацкіе дѣти, вдовы козацкіи и жоны, безъ бытности самыхъ козаковъ, когда въ походахъ, албо на-якихъ-же колвекъ службахъ войсковыхъ знайдоватимутся, жебы до всякихъ посполитыхъ повинностей не были потяганы и вымаганьемъ датковъ обтяжованы, договорено и постановлено.

12. Не меньшая городамъ украинскимъ и оттоль дѣется тяжесть, же многіе, для отбуванья всякихъ посполитыхъ повинностей належащіе, подъ розныхъ державцовъ, духовныхъ и свѣцкихъ, въ поссессію поотходили жители, зась ихъ посполитые, въ малолюдствіи оставшіеся, мусятъ, безъ жадной фолги, тые-жъ самые двигати тяжари, якіе зъ помощію отторгненныхъ и одойшлыхъ селъ на себѣ носили. За чимъ, за успокоеньемъ отъ военнаго мятежу отчизны и за уволненіемъ, дай Боже, оной отъ подданства московского, енеральная маетъ быти установлена, чрезъ избранныхъ на тое комисаровъ, ревизія всѣхъ маетностей, подъ державцами зостаючихъ, и до уваги енеральной при гетману рады подана, на которой разсудится и постановится, кому годне належить, а кому не належитъ, войсковые добра и маетности держати, и якіе повинности и послушенства подданскіе мѣются державцамъ отъ посполъства отдавати. Такъ тежъ и оттоль людѣмъ убогимъ посполитымъ умножается тяжесть, же многіе козаки людей достальныхъ посполитыхъ, въ подсусѣдіи себѣ пріймуючи, охороняютъ оныхъ отъ обыклыхъ имъ повинностей, ку общой тяглости городовой и сельской стягаючихся, а купцы маетные, защищаючися то универсалами

гетманскими, то протекціею полковничою и сотницкою, ухиляются отъ двиганья сполныхъ тяжаровъ посполитыхъ и не хотятъ быти помощными въ отбуванью оныхъ людѣмъ убогимъ. Пре то ясневельможный гетманъ универсалами своими привернути не занехаетъ, такъ подсусѣдковъ достатныхъ козацкихъ, яко и купцевъ до посполитыхъ, повинностей, заборонити оныхъ протекціи.

13. Городъ столечный, Кіевъ, и иные украинскіе городы зъ маистратами своими во всѣхъ правахъ и привилеяхъ, слушне наданыхъ, не порушимо жебы захованы были, повагою сего акту елекціальнаго постановляется и подтверженье оныхъ своего часу гетманской власти поручается.

14. Же посполитымъ людѣмъ прежде сего на Украйнѣ наѣзды и подводы, а козакамъ проводничества найболшъ приносили тяжести, черезъ которые люде до крайнего въ худобахъ своихъ приходили знищенья, теды теперь абы тые подводы и проводничества вовся были отставлены, и никто з переѣзджаючихъ жадной нигдѣ подводы брати, напоевъ, кормомъ и даткомъ найменшихъ вымагати отнюдь не важился, хиба хто въ публичныхъ дѣлахъ, и то за подорожною ясневильможного гетмана, будетъ ѣхати, то и тому, безъ жадныхъ поклонныхъ датковъ, подводъ толко дати, сколко въ подорожной будетъ написано. Особливе, чтобы жадные особы войсковые и ихъ слуги, ясневельможного гетмана, за приватними дѣлами, а не войсковыми, переизджаючіе, подводъ, кормовъ, напоевъ, поклоновъ и проводниковъ отнюдь не вымагали, бо черезъ тое городиви разореніе, а людѣмъ бѣднымъ знищенье, наносится; лечь всякій особа, великій, мѣлкій и найменшый, за приватнымъ своимъ дѣломъ, а не войсковымъ, безъ подорожной рейментарской переѣзджаючій, долженъ будетъ своимъ грошемъ всюде по городахъ и селахъ сустентоватися, подводъ и проводниковъ не вымагати и усиловне никогда не брати.

15. Же аренды, для платы роковой компанеи и сердюкамъ и для нашыхъ расходовъ войсковыхъ, установленые, за тяжесть посполитую отъ всѣхъ обывателей малороссійскихъ войсковыхъ и посполитыхъ, такъ и станція компанѣйская и сердюцкая за прикрость и утяженье у поспольства почитается: пре то, якъ аренды, такъ и помянутая станція повинна быти отставлена и весьма знесена. Отколь да скарбъ войсковой упалый на отбуванье и удовольствованіе всякихъ публичныхъ войсковыхъ-же расходовъ реставроватися и постановитися, и якъ много, по скончанью войны, ясневельможный гетманъ мѣетъ людей платныхъ компаней и пѣхотинцевъ, при боку своемъ на услугахъ войсковыхъ держати, о томъ на енеральной радѣ общая будетъ увага и постановленье.

16. Востократне люде убогіе воплятъ и ускаржаются, же такъ индуктари и ихъ факторы, яко и выѣзджіе ярмарковые, многіе чинятъ не обыклые и нещисленны имъ здырства, за которыми

згода невозможно чоловѣку убогому свободнѣ на ярмарокъ появитися, малой якой рѣчи, для подпартя убозства своего, продати, албо на домовую потребу купити, безъ платежи ярмарковой а, не дай, Боже, въ вину якую, хочь малую, попастися, то съ ногъ до головы отъ выѣзджихъ ярмарковыхъ ободранному быти прыйдеться. Зачимъ абы индуктари и ихъ фактори, отъ тыхъ тылко товаровъ и таковые ексаціи, евекты и индукты до скарбу войскового отбырали, якіе будутъ выражены въ интерцигахъ, ничого лишнего отъ купцевъ не вымагаючи и людѣмъ вѣрнымъ убогимъ найменшого здырства не чинячи. Такъ-же и выѣзджіе ярмарковые, абы повинность, у кого належить, а не у людей убогихъ, з малою продажею домовою, албо для купленья чого на домовую потребу на ярмарокъ прибылыхъ, выбирали, справъ жадныхъ, не тылко криминальныхъ, але и поточныхъ, не судили необыклого здырства людемъ и городови не чинили, потрафляти въ тое будетъ ясневельможный гетманъ своимъ благоразумнымъ радѣніемъ и владгою, которого и всѣ въ отчизнѣ нестроенія, премудрому исправленію, права і вольности войсковые непорушимому захованью и оборонѣ, договоры сіи и постановленія скутечному исполненію, поручаются, якіе его вельможность не тылко подписомъ руки своей, лечь и формальною присягою и притисненьемъ печати войсковой, изволитъ подтвердити [23].

Новоизбранный гетман того же апреля 5 дня присягой и собственноручной подписью обязался «всѣ елекціи во всѣхъ пунктахъ, коммахъ и періодахъ непремѣнно исполнять, о расширеніи правъ и вольностей войсковыхъ, сколько силъ, стараніе имѣть, высокимъ и заслуженнымъ въ войскѣ запорожскомъ особамъ уваженіе, а всему старшему и меньшему товариству любовь оказывать» [24].

Мая 10 дня договор запорожцев с Орликом и избрание его в гетманы Малороссии «вмѣсто къ Богу зайшлого гетмана Іоанна Мазепы» были утверждены королем Карлом XII в турецком городе Бендерах, и в тот-же день из Бендер в Сичу послана была грамота шведского короля к кошевому атаману Якиму Богушу и ко всему войску запорожскому.

«Каролюсъ, милостію божіею, король шведскій, готскій, вандальскій и пр., благородному и почтенному атаману кошевому и всему кавалерству войска запорожскаго низового милость наша королевская. Нижайшее ваше писаніе въ пакетахъ, посланное братьями вашими Лукьяномъ и Кондратомъ, дошло до насъ августа мѣсяца, двѣнадцатаго дня (1709 года); изъ этого писанія мы узнали, что вы господа, до сего времени не получали отъ насъ никакой вѣсти и потому просите увѣдомить васъ письмомъ нашимъ какъ о здоровьѣ нашемъ, такъ и о намѣреніи начатой теперь войны съ москалями и о прочемъ. Намъ особенно понравилось то, что вы не только о нашей персонѣ королевской сердечно скорбите, но и оказываете себя охочими къ скорѣйшему отмщенію надъ нашимъ и вашимъ непріятелемъ, москалемъ, чрезъ что не хочемъ предъ вами, господа,

утаить, что рана наша, милостію божіею, совсѣмъ исцѣлена и теперь мы всѣ пришли къ заключенію крѣпко стать въ баталію съ наибольшею нашею армією противъ москаля, и дѣло наше можетъ скоро окончиться, потому что какъ вы, такъ и мы къ этому вполнѣ готовы, и вельможамъ нашимъ мы приказали быть готовымъ, опасаться чего-нибудь нѣтъ никакого основанія, потому что найвышній Богъ благословилъ насъ праведнымъ оружіемъ, и мы сотремъ выи (шеи) нашихъ непріятелей; тогда наша кавалерія отъ прошлаго несчастнаго боя несомнѣнно будетъ исцѣлена, тогда мы утѣшены будемъ; только-бы вы, высокородные господа, изъ-подъ нашей протекціи не отступали. Вамъ, высокородные господа, находящимся подъ нашимъ знаменемъ, нужно побуждать и другихъ, обѣщая имъ неотмѣнную надежду. Дано въ лагерѣ подъ Бендеромъ, мая 10, 1710 рока, Каролюсъ» [25].

Заключив клятвой означенные статьи, Филипп Орлик и Константин Гордиенко решили привлечь к себе и крымских татар, чтобы вместе с ними идти против Москвы, вырвать из рук ее Малороссию и сделать последнюю независимой. Но для того нужны были денежные средства. Сам король, не имея таких средств, надеялся получить их из Константинополя. Обещанные королю турецким султаном деньги пришли только осенью 1710 года. Получив субсидию, король призвал запорожцев в Бендеры для раздачи им присланных денег, и тогда решено было вступить в формальный договор с крымским ханом для похода на Украйну с целью отобрания от московской державы Малороссии. Договор этот состоялся на следующих условиях: 1) Хан будет только союзником запорожцев и отнюдь не властителем козаков и не обладателем их земель. 2) Хан будет стараться об освобождении Малороссии от Москвы и отнюдь не будет разорять православных церквей и брать на Украйне христиан в плен. 3) Хан будет способствовать отделению Слободской Украйны от Москвы и присоединению ее к Гетманщине.

Самое дело решено было начинать разом на Украйнах обеих сторон Днепра [26].

Весть о договоре между шведским королем, Филиппом Орликом, кошевым Гордиенком и крымским ханом немедленно дошла до русского царя. Ввиду надвигавшейся в то время страшной грозы на Россию со стороны Турции и ввиду продолжавшейся борьбы русских со шведами, царь Петр Алексеевич, очень нуждавшийся в те поры в боевых силах, решил сделать попытку привлечь на свою сторону все запорожское войско. Для этого он послал несколько предписаний в Киев, к князю Голицыну, и в Глухов, к гетману Скоропадскому, отправить к запорожцам увещательные листы и так или иначе склонить их на сторону России. В силу такого предписания князь Голицын, а вместе с ним и гетман Скоропадский с бывшим при нем царским стольником Андреем Измайловым, отправили в Сичь царскую грамоту и собственные универсалы с тем, чтобы

склонить запорожцев на сторону русского государя, обещая за то простить их вины и даровать щедрую награду [27].

Но такие увещания не имели никакого успеха, частью вследствие ходивших в то время между запорожцами слухов о жестокостях москалей в отношении возвращавшихся на Украйну эмигрантов, частью вследствие недоверия войска ко всяким московским обещаниям. «Всѣ запорожцы для того нейдутъ съ повинною къ государю, что изъ Украйны дали имъ знать: если вы пойдете, то всѣ пропадете,— заключайте союзъ съ татарами и освобождайте насъ, потому что мы всѣ отъ Москвы пропали» [28]. «Развѣ запорожцы,— говорил чигиринский сотник Василий Невинчанный,— будутъ дураки, что пойдутъ (къ русскимъ)? Они хорошо дѣлаютъ, что орду поднимаютъ; а какъ орду поднимутъ, то вся Украйна свободна будетъ, а то отъ Москвы вся Украйна пропала».

Слухи о жестокостях, которые претерпевали возвращавшиеся в малороссийские города запорожцы, подтверждались фактами. Так, весной 1710 года был убит пришедший с повинной в город Корсунь запорожский козак Петрик местным полковником Колбасой. По тому поводу киевскому губернатору было донесено, что в Корсунь приехали запорожцы, изрубили там местных козаков и произвели в городе смятение. По такому донесению киевский губернатор велел двинуть в Корсунь два полка и взять в нем приступом запорожцев. Но когда в Киев прибыл сам полковник Колбаса, то из допроса, снятого с него, оказалось, что донос был сделан ложно. Тогда князь Голицын движе́ние полков в город Корсунь велел приостановить, Колбасе приказал вернуться назад и прислать в Киев пять человек запорожцев и несколько человек козаков из корсунского полка для допроса. Из слов присланных князь Голицын усмотрел, что запорожцы пришли в Корсунь с мирными целями, но были перебиты во время попойки корсунцами в обыкновенной драке. Поэтому, отпустив допрошенных в Корсунь, князь Голицын отправил Колбасу и его асаула гетману Скоропадскому «для воли» в Белую Церковь и велел посадить их там под караул. «Мнѣ кажется,— писал Голицын по этому поводу Скоропадскому,— или Колбаса вымысливъ, что тотъ Петрикъ хотелъ сказать что-то полезное, убилъ его, или корсунскіе козаки измыслили что-нибудь и допустили убить его. Запорожцев-же, которые присланы, давъ имъ жалованье и объявительные указы, я отпустилъ, чтобы они подговаривали другихъ приходить съ повинною къ государю. И они просили, чтобы для свидѣтельства, отпустить съ ними двухъ запорожцевъ для того, что въ Запорожьи укоренился слухъ, будто съ техъ, которые приходятъ съ повинною, сдираютъ съ живыхъ кожи; тогда изъ бывшихъ при мнѣ двухъ запорожцевъ я одного отпустилъ, чтобы онъ увѣрилъ въ невѣроятности распущенной молвы» [29].

Как подействовали на запорожское войско эти уверения князя Голицына и посланный универсал гетмана Скоропадского в Сичь,

это видно из обширного письма кошевого атамана Иосифа Кириленка со всем низовым товариством, писанный на имя гетмана.

Это письмо заключает в себе политическую исповедь запорожских козаков, и в нем яснее и определеннее, чем в чем-либо другом, высказаны были истинные причины того, почему запорожцы отказали в повиновении русскому царю и перешли на сторону шведского короля.

«Іосифъ Кириленко атаманъ кошовый зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ войска запорожского, на низу Днѣпра знайдуючагося. Велможній мосцѣ пане Скоропацкій, гетмане московскій. Уневерсалъ вашъ увѣщавательній, подписомъ руки вашей и московской и двома печатми, единою войсковою, и другою московскою утверженній, чрезъ посланцовъ вашихъ Яцка Поповича и Микиту поданъ тутъ намъ на Кошѣ и въ общой радѣ, подлугъ обикновенія давнего, вслухъ всѣхъ вчитанній, на которій любо [30] не треба било и одписовати, поневажъ ничого въ ономъ нема жъ отчизнѣ и волностемъ войсковимъ нашимъ полезного, тилко едина неправда и прелесть московская изображена, лечь [31] жебисть [32] ваша милость з единомислною себѣ Москвою не разумѣлъ, же албо не умѣемъ, албо не смѣемъ правди писати, прето на тотъ вашъ прелестній уневерсалъ повторе [33] отвѣтуемъ: а вопервихъ удивляемся, ижъ [34] ваша милость не встидаешся титуловити войска запорозкого обоихъ сторонъ Днѣпра гетманомъ, кгди [35] жъ мы вашей милости а ни сами собою, а ни черезъ пословъ нашихъ, а ни черезъ писмо войсковое на тотъ урядъ не обирали, на якій ваша милость возведени зосталесь подъ мушкетами московскими внутрь города Глухова, яковихъ взапертю при лицу его царского величества, а не въ полю и не черезъ волное по правамъ войсковимъ избраніе, до того якъ ваша милость привлащаешь себѣ титулъ войска запорожского, когда тепер оного до регименту вашего милостивого не належит и не хочетъ належати, да и Сѣчъ запорожская, гнѣздо войсковое, зродло [36], фундаментъ и оборона волностей войсковихъ едино чрезъ московскую врожаную [37] къ намъ вражду и прелесть; другое чрезъ зраду [38], вѣроломство и кривоприсяжство проклятого Кгалакгана, виродка, отчистаго оманщика, здрайцу и невдячника [39] хлѣба нашего войскового, а единомислника вашею милостиною знесенна на вѣчное отчизны нашой порабощеніе и на конечное правъ и волностей войсковихъ разореніе зостала обоихъ зась сторонъ Днепра гетманомъ, якъ ваша милость, мѣешь бити (-быти), поневажъ тамобочная сторона, чи тежъ Украйна цѣлкомъ до вашей милости не належитъ, лечъ тамъ князь Голицынъ, воевода кіевскій, власть свою московскую совершенно распространяетъ, немилостивые здирства и тяжести людемъ бѣднимъ наноситъ и власне якъ природнимъ тоей жъ Украйни державцею, а въ сегобочній Украйнѣ именемъ тилко, а не дѣломъ гетманскій уряд на себѣ носитъ, кгди жъ и тутъ ничого згола безъ воли министра московского, при боку

вашей милости обрѣтаючогося, не можешъ чинити и порядковъ войсковихъ управляти, которій всѣ вашей милостини куски личитъ [40] и всѣ поступки вашей милостини изслѣдствуетъ; вытай-же [41], надто тойже помянутій князь Голицынъ и воеводою кіевскимъ и гетманомъ достаетъ, которій по обоимъ сторонамъ Днѣпра подлугъ [42] своей воли и уподобаня [43] всѣ дѣла войсковіе барзѣй, а нежели ваша милость управляетъ, що хочетъ — чинитъ и мучителскую область свою разширяетъ, и чи давно жъ [44] онъ, поворачаючи зъ Москви, а заставши у вашей милости въ Глухови Михайла, бившаго (-бывшаго) полковника бѣлоцерковского, зпередъ отъ вашей милостинижъ велѣлъ его безчестно на укоризну и уничтоженіе уряду гетманского порвати, в кайдани забити и до Кіева запровадити? Ото жъ до чого пришла повага гетманская и въ якой волности оная зостаетъ! Пожался теди, Боже, самъ доброволне шію свою въ ярмо тяжкое московское отложилесь и отчизну нашу во оное впрягаешь, да и насъ, еще послѣднихъ за права и волности крѣпко зоставляючихся, наущенній прелестми московскими, хощишь не тилко тимъ-же игомъ тиранскимъ принудити, лечъ и до конца погубити, и не диво, албо вѣмъ, хто тонетъ, тотъ и иншихъ въ тую-жъ пагубную тоню за собою тягнетъ. А якъ въ першомъ нашомъ отвѣтномъ листѣ, до вашей милости писанномъ, не писалисмо нѣчого неправдивого и самой слушности [45] противного, такъ и теперъ отвѣтуючи на универсалъ вашей милости увѣщавательный, и барзѣй прелестній, ничого отъ правди здорожного [46] не пишемъ, тилко тое виражаемъ, що колвекъ естъ намъ досадително, цѣлости отчистой, правамъ и волностямъ войсковимъ противно, правда то есть, же (-что) ми (-мы) были и теперь достаемо единовѣрними церквѣ православной каѳолической и отчизни матки нашой синами, въ которой породилисьмося, поросли при своихъ правахъ и волностяхъ козацкихъ по превысокой милости монаршой, самодержцовъ московскихъ, блаженнія памяти отца и братовъ нинѣшнего государя царя (любо и тогди за царствованія ихъ по смерти славной памяти Богдана Хмельницкого тіе жъ права и волности наши часто повражени бивали) знайдовалися, лечъ когда за государства теперешнего монархи россійского самимъ дѣломъ досвѣдчилимо явного правъ и волностей нашихъ разоренія, а обавляючися [47], жеби ми всѣ подъ тяжкимъ игомъ вѣчними не были московскими работниками, хваталисмося за поводомъ [48] правдивого отчизни нашой правъ и волностей войсковихъ ревнителя славной памяти гетмана Іоана Мазепи и за обрядою [49] и согласіемъ войсковимъ, а не за наущеніемъ пана Константія Гордѣенка, атамана кошового, оборони наяснѣйшого короля шведского, поневажъ [50] и передъ симъ гетманъ Богданъ Хмелницкій зъ войскомъ запорожскимъ присилалъ панства кримского союзнихъ до визволенія зподъ ярма ляцкого Украйни, не у кого иншого засяглъ помощи и оборони, тилко у наяснѣйшого короля шведского, нынѣшнего королевского величества дѣда, о чомъ и самъ ваша милость, добре

знаешъ; зачѣмъ даремне, ваша милость, називаешъ тогожъ пана атама(на), нашего кошового, убійцею и сумнѣня [51] доброго христьянского не мѣючи, кгди-жъ наперед треба било зъ совѣстію своею пораховатися [52], хто есть безсовѣстнимъ убійцею, чи ваша милость зъ единомислною себѣ старшиною, полковниками, сотниками и многими пануючими надъ бѣдними людми державцами, которіи властолюбіемъ, рублями и соболями московскими, также и наданемъ вновь многихъ въ Украйнѣ маетностей грамотнихъ [53] заслоненіе и залѣпленіе [54] очи и разумъ мѣючи, не тиль (-только) не можете для правдивого своего пожитку провидѣти и пророзумѣти нарушеной общой цѣлости отчизни матки нашой, лечь вѣчною пагубою забиваете оную на правахъ и волностяхъ войсковихъ и отдаете ее въ порабощеніе московское, чили (-или) тежъ тотъ-же помянутій нашъ атаманъ кошовый, которій зъ нами, войскомъ запорожскимъ, за цѣлость отчистую заставляется противъ явныхъ непріятелей нашихъ, Москвы, хотячи воздвигнути и воскресити умерщвленіе (-нныя) права и волности войсковые; повторе даремне, ваша милость, и неуважне поносишь безчестными словами и мертвѣе въ гробѣхъ кости турбуешь небожчика славной памяти гетмана Мазепи, называючи его прелестнимъ, проклятимъ и богоотступнымъ змѣнникомъ, а зажъ [55] то́ есть у вашей милости прелесть и измѣна, ежели хто мѣетъ горливое къ отчизнѣ старанье, которимъ онъ, небожчикъ, подвигнувшися и для милости ку (т. е. ради) отчизнѣ матци нашой презрѣвши великую ку себѣ его царского величества милость, удался въ оборону наяснѣйшого короля его милости шведского для высвобожденя тоей-же отчизны зподъ тяжкого ярма московского, аже непостижимій Богъ въ судьбѣхъ своихъ посѣтивши королевское величество отмѣною военной фортуни не исполнилъ въ томъ благополучного небожчиковского намѣренія, и самому старостію, трудами и клопотами ослабѣлому, когда часъ прійшолъ, натурално смертію вѣкъ пресѣклъ и тѣло его, сына, непроклятое истлѣнію предалъ; теди того на згубу отчизны ни для чого вашой милости тѣшитися звлаща [56], кеди наяснѣйшій король его милость шведскій не есть еще потлумленній [57], жебы не могъ встати, которій при помощи божой сыленъ будетъ вскорѣ Москву громити и якъ зайцевъ гонити такъ, якъ черезъ 10 лѣтъ гонилъ и громилъ и певне даннаго намъ отъ себе на писмѣ монаршого упевненя [58] не такъ, якъ Москва, додержитъ, который обѣщаетъ отчизну нашу зподъ тяжкого ярма московского визволити и на таковихъ правахъ и волностяхъ оную офундовати, якые намъ будутъ угодны и якихъ прежде сего не мѣвалисмо быле бысте, тилко ваша милость не уводячися приватнимъ дочастнимъ пожиткомъ, вѣчне отчизны своей не губили и за власти, рубли, соболи и маетности Москвѣ оной не запровадили, лечъ въ единомисліи зъ нами знайдовалися; кгди-жъ кождому вѣку [59] не прежити и все треба по смерти оставити, а якъ вѣчне отчизну загубите и в порабощеніе московское отдасте, то подъ

игомъ стенящій народъ на кого жъ будетъ плакати и нарекати, если не на вашу милость и единомыслниковъ его (вашихъ?) властолюбнихъ и сребролюбнихъ, якъ и теперь плачитъ уже и нарекаетъ, же ваша милость и инніе многіи, не хотячи зъ небожчикомъ гетманомъ для власного своего, а не отчистого пожитку въ еденъ гужъ тянути и устрашившися московскимъ мучителствомъ, отступилисте его, а найбарзѣй полковникъ миргородскій, который вначалѣ не тилько небожчика славной памяти гетмана Мазепу, лечъ отъ многихъ лѣтъ и насъ, войско запорожское, рожними намовами противъ Москвы побужалъ, когда зась тая его побудка и намова приняла свой скутокъ [60], въ тотъ часъ кривоприсяжною душею хитростно отъ небожчика на московскую сторону перекинулся и иншихъ за собою въ тую-же пропасть потягъ и здрайцею губителнимъ отчизны зосталъ; лечь ненадовго каждому превратне служитъ, вскорѣ и тамъ могутъ его и единомислного ему здрайцѣ Кгалагана правду познати. Пишешь, ваша милость, въ своемъ уневерсалѣ, же отторгнулимося отъ своего природного монархи, его царского величества, а зажъ, ваша милость, того добре не знаешь, же московскіе монархы отъ початку козацкого народу и владѣнія кагановъ козацкихъ ажъ до Хмелницкого николи намъ не бивали природними панами, лечъ ми яко сами добровольне безъ жадного насилія для захованя правъ и волностей нашихъ поддались подъ оборону царскую, такъ явное тихъ-же правъ и волностей нашихъ видячи зламане, и ухилилися отъ оной, для чого не належало-бъ Москвы (-вѣ) намъ, неприроднимъ своимъ и незавоеваннимъ подданнимъ, зъ головъ, рукъ, ногъ и спинъ неслиханнимъ не тилко въ христіянствѣ, лечъ и въ поганствѣ мучительствомъ шкури обрати [61] и инними нещисланими тиранскими смертми братію нашу губити, вшакъ [62] и за блаженной памяти отца и брата нынѣшнего государя боронячи правъ и волностей нашихъ, воевали на Москву, а такого тиранства, якъ теперь, никогда намъ не чинено, отъ которого не можемъ жадного добра отчизнѣ нашой надѣятися, опричь единой пагубы и вѣчного неизбѣжного ярма, нехай прето здоровымъ розумомъ разсудитъ, кто тутъ есть измѣнникомъ, чи ми и городовіи козаки, которіи для самого имени козацкого и для волностей козацкихъ безъ жадной плати (ы), не щадячи крови, житія, отваг и послѣдней худобы, служили его царскому величеству вѣрне, чи Москва, которая обѣщаніе свое на захованье насъ при правахъ и волностяхъ вѣчне ненарушимихъ поприсяжне измѣныла, того не потреба вашей милости обширнѣе тлумачити [63], кгде жъ и самъ, ваша милость, добре знаешь, если схочешь правду познати, якъ намъ, войску запорожскому низовому, Москва Днѣпръ на власнихъ кгрунтахъ нашихъ войсковыхъ фортеци и городи опасавши [64], волніе здобычи отняла, якъ товариство наше, обманивши платою затяжною, запроводила на малое время до Петербурга и тамъ ихъ кнутованихъ и печенихъ въ каторжную работу заневолила, якіе намъ утиски въ Сѣчи запорожской чинила, якъ

и городовихъ козаковъ по Инфлянтахъ, по Казаняхъ, по Полщи и по Литвѣ еддихъ умислне для уменьшеня народу нашего запропастила, другихъ до послѣднего знищеня припровадила, якіе вну(т)рь Украйни грабительства, разоренія и кгвалти [65], забойства смертніе, побори зъ старшины, козаковъ и посполихъ людей немилостивые, неисповѣдиміе, вымислніе долегливости [66] и тяжести городамъ и селамъ наносила, як робленямъ [67] фортецъ, а въ походахъ подводами, почтами и рожними тяжкими послугами, военимъ людемъ необыклыми, обезсилила, як отъ козаковъ подъ дракгуновъ и подъ возы (-ы) свои конѣй отбѣрала, а самихъ пѣшо въ чужой земли на згубу выправляла, якъ ихъ въ походахъ кнутовала и вѣшала, якъ на остатокъ козаковъ въ драгуни и салдати устроити, а города въ область свою одобрати хотѣла, и тое все, а не иншое небожчика гетмана Мазепу до послѣдняго отчаянія (довело), же презрѣвши и милость монаршую и славу свою и честь и богатство, а не хотячи за гетманства своего запропастити и въ неволю московскую отдати отчизни, удался въ оборону наяснѣйшаго короля его милости шведского, албо въ тотъ часъ Москва, кгди таковая отмѣна отчизнѣ нашой стала прелестми своими хотячи васъ всѣхъ пановъ украинскихъ отъ небожчика отвернути и замѣшане учинити, заслоняла вамъ очи и усладила сердце властми, рублями, соболями, маетностями и иними коштовными [68] подарками, однакъ будте того надеждни, же все тое вамъ вскорѣ костю (т. е. костью) въ горлѣ станетъ и певне, если не постережетеся и не будете зъ нами въ единомыслііи, и сами пропадете и отчизну загубите. Укоряешь, ваша милость, насъ тимъ, будто мы набѣгаючи своей-же братіи, кровопролитіе, грабителства, убійства и разоренія чинимъ, чого еще такъ далеце не было, хиба отчасти, а певне всѣмъ тимъ тое будетъ, хто на згубу отчизны держатимется московской стороны: лучше таковыхъ згубцевъ якъ куколь зъ пшеницы выгубити, а нежели би за поводомъ ихъ мѣла отчизна гинути. Наконецъ упевняешь, ваша милость, насъ и волностями и милостивымъ его царского величества прощеніемъ, таковимъ, якое получили Андрѣяшъ и Невѣнчаный. А якъ же, ваша милость, насъ мѣешь волностями обнадеживати, будучи и самъ неволникъ и въ назираніи министра царского пилномъ и неусипномъ зостаючи, безъ которого воли ничого не можешь чиныти и безъ подвигу и печати его никуда писати, а ни уневерсаловъ видавати, якой и теперь не крѣпкое-бъ было вашей милостини упевненя до насъ присланое, если-бы онъ руки своей не подписалъ и печати не приложилъ; лечъ не искусивши насъ московскою обманою, або вѣмъ давно розумомъ [69] и самимъ скуткомъ досвѣдчилисмо правди московской не тилко подписомъ руки и печатью, лечъ и самою присягою подтверженой, да и самъ, ваша милость, добре свѣдомъ, що на Дону учинило поприсяжное московское упевненя, которимъ тамошніе люде прельщенныи всѣ погибли, тое-жъ учинилося и у насъ въ Сѣчи, гдѣ, по присягѣ Кгалакгановой и московской,

товариству нашему голови луплено, шіи до плахи рубано, вѣшано и иніе тиранскіе смерти задавано, а надъ то що и въ поганствѣ никогда за древнихъ мучителей не поводилося, мертвихъ зъ гробовъ многихъ не тилко зъ товариства, лечъ и чернцовъ одкопувано, голови онимъ утинано, шкури лупленно и вѣшано, а волностей нашихъ отчистихъ, якъ мы можемъ быти певними, поневажъ любо самъ государь царь въ грамотѣ своей (яко ваша милость до наша писалесь) подписомъ руки власной всѣ права и волности войсковые власне такъ, якъ и за Хмельницкого бывало, при постановленью вашей милости на гетманство и подтвердилъ, однакъ если теперь тое исполняется, подаемъ вашей милости до уваги [70], албо вѣмъ, чи бивало за Хмельницкого и за иншихъ его наслѣдниковъ, жебы сіятельнѣйшіи министрѣ царскіе при гетману резидовали, всякихъ ихъ поступковъ перестерегали, на листахъ и уневерсалахъ подписовалися и печати свои прикладали; жебы Москвѣ въ Украйнѣ маетности, городи и села давано и грамотами подтвержано, жебы Москва и индукту въ Украйнѣ вибирала, жебы воевода кіевскій Украйною владѣлъ, козаков и посполитихъ судилъ, кнутовалъ и казнилъ, до порядковъ войсковихъ вручался [71] и ведлугъ [72] воли своей тое, що не до его, лечъ до гетмана належитъ, правлялъ; жебы Москва зъ коней и зъ худобъ людей обнажала, побоями трапила [73], кгвалти (т. е. насилія) тѣлесніе жонамъ и дочкамъ чинила, старшину за шію водила и была, (т. е. била); жебы Москва впередъ очей гетманскихъ, полковниковъ брала и въ кайданы забивала; жебы Москва, а не гетманъ полковництва, сотництва, атаманства роздавала и грамотами тые войсковые уряди во вѣчные имъ роди потвержала; жебы Москва кабаки заводила, которихъ уже початокъ учинился въ столечномъ городѣ Кіевѣ; жебы Москва козаками, якъ мужиками, фортеци кгрунтовала; жебы Москва стаціи зымовыи зъ немилосерднимъ здирствомъ людскимъ, равно якъ у мужиковъ и у козаковъ, не щадячи и старшины войсковой, отправовала; жебы Москва до подводъ, отправованя почтъ и рожнихъ тяжкихъ посилокъ козаковъ заживала [74]. Иншихъ зась и выписати и вимовити трудно долегливостей, тяжестей и утѣсненій отъ Москвы въ Украйнѣ по обоимъ сторонамъ Днѣпра дѣючихся, на которые бѣдніе люде за щасливого вашего милостино реиментарства ярмомъ московскимъ притесненніе плачливе ускаржаются [75] и васъ всѣхъ отчизни згубцевъ, московскихъ похлебцевъ, же естеся отважне не держали единомислія зъ небожчикомъ гетманомъ Мазепою и зъ нами, проклинаютъ и вѣчне, если не упомятаетеся, проклинати будутъ. Отожъ видишь, ваша милость, новопотверженіе (-нныя), за Хмелницкого бывшіе волности войсковые, а о милости монаршой и о прощеніи не будемъ вонтпити [76] въ той часъ, когда ваша милость до насъ пришлешь Кгалагана, человѣка сумленя [77] доброго, жебы намъ попрежнему поприсяглъ во свидѣтелство съ заполученой милости и прощенія; пришли, ваша милость, такъ-же до насъ Невѣнчанного и Андрѣяша

зъ бунчукомъ украденимъ, а при нихъ и товариство наше зъ головами и руками уже полупленими. Тое вашей милости предложивши, зичемъ отчизнѣ и вашей милости желаемой отъ московского ярма свободи. Вашей милости всего добра зычливый пріятель вышменованный атаманъ кошовый войска запорожского зъ товариствомъ. З Коша іюня 2 дня року 1710» [78].

Из такого ответа запорожцев Скоропадскому ясно видно, что раны, которые нанесли козакам русские в Чортомлыцкой Сиче, были еще слишком живы и чувствительны, и потому запорожцы, вместо покорности царю, ответили гетману целым потоком упреков и горьких жалоб.

Пользуясь тем, что гетман Скоропадский первый вошел в переписку с запорожским войском, низовое товарищество вскоре после данной гетману отповеди отправило ему жалобу на полковника Игната Галагана. Игнат Иванов Галаган, которого запорожцы считали вторым, после Москвы, своим злейшим врагом и на голову которого призывали всевозможные проклятия, не переставал вредить им и после разрушения Чортомлыцкой Сичи. Он собрал вокруг себя целые чаты (отряды) людей с ним единомышленных и делал нападения на ни в чем не повинных запорожских промышленников в какой-то Терновке и во многих местах возле самых войсковых угодий, безжалостно хватал их в неволю и отправлял на мучения в московские руки; кроме того, не довольствуясь и этим, подсылал разных злодеев хватать запорожских коней и чинить всякие пакости войску. «Вѣдомо чинимъ вашей милости,— писал кошевой Лаврентий Стефаненко августа 3 числа гетману Скоропадскому,— что мы, войско запорожское низовое, имѣя Бога въ сердцѣ и не обрѣтаясь въ такомъ безчеловѣчіи и немилосердіи, якоже суть нѣкоторые изъ васъ, освободили людей украинскихъ изъ неволи тяжкой каторжанской, никѣмъ инымъ, только властнымъ проклятіемъ и безбожнымъ сыномъ крови хрістіанской проливателемъ Ґалаганомъ, запроваженныхъ. Тотъ Ґалаганъ, яко песъ, подтоптавши хлѣбъ нашъ войсковой и забывши отколь и славу себѣ завзялъ [79], прежде всего гнѣздо наше войсковое, въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ предками нашими прославленное и на память потомныхъ вѣковъ войску запорожскому правами и вольностями дарованное, согласившись съ всезлостливою и отъ Бога отступившею Москвой, искоренилъ и ни во что повернулъ и худобы наши козацкія покровавилъ; потомъ все собранное щирою працею въ теченіе многихъ лѣтъ расшарпалъ и вмѣстѣ съ ему подобными не въ корысть, а въ пагубу обратилъ; далѣе, невинныя души наглой смерти и московскимъ немилосерднымъ катавасіямъ и мордерствамъ предалъ, своей душѣ и единомышленникамъ своимъ тартаръ и пекло неугасимое исходатайствовалъ. Не насытившись и до сихъ поръ таковымъ душепагубнымъ прибыткомъ и заостривши сердце свое жаломъ сатанинскимъ и заткнувши уши свои, яко глухой аспидъ, не слушая гласа невинно кровь проливае-

мыхъ, онъ частократно съ чатами своихъ людей единомышленныхъ въ Терновцѣ и повзъ (возлѣ) нашихъ войсковыхъ угодностей (угодій) и урочищъ працею кровавою на добычахъ звѣриныхъ козаковъ невинныхъ въ тиранскія московскія безвинно запровадилъ руки, и не прекращая того своего безчеловѣчія, посылаетъ своихъ къ намъ шпѣговъ и злодѣевъ коней займати и легкомысленныхъ людей всякіе подступки чинити. Чрезъ все это всякія притѣсненія, кривды и неволя какъ людямъ украинскимъ, вслѣдствіе подвоховъ и побужденій помянутого бездушника Кгалагана, нанеслася, такъ и многому нашему неповинному товариству, чрезъ его безбожныя утиски, пришлось въ неволѣ страдати. И какъ мы, войско запорожское низовое, показали наше надъ людьми вашими милосердіе и, освободивъ ихъ изъ неволи бусурманской, въ дома свои отпустили, такъ достойно надлежитъ и вашей милости нашему товариству, тамъ у васъ неволю и мордерство терпящему, увольненіе дати»[80].

Отвечал ли что-нибудь гетман Скоропадский на письма запорожцев или вовсе оставил без ответа — неизвестно, но оба листа их были отосланы в Москву для ведома государя.

В это время царь Петр Алексеевич, не перестававший вести войны со шведами, принужден был вступить еще в борьбу с Турцией: ноября 9 дня, 1710 года, турецкий султан Ахмет III под влиянием шведского короля Карла XII объявил России войну и для того собрал огромнейшую армию в 120 000 турок и 100 000 татар. По плану войны турецкая армия должна была вступить в пределы России с юга и с запада. Тщетно русский царь в своих письмах уверял султана в мирных намерениях относительно Турции: крымский хан Девлет-Герай перехватывал всех царских курьеров и не допускал их к султану.

С объявлением султаном русскому царю войны пришли в движение и запорожцы. Ноября 17 числа запорожцы «съ великою межъ войскомъ турбаціей» поставили «на врядъ кошовства» Константина Гордиенка[81]. Еще раньше того, горя местью к своему бывшему «похлебцѣ», а потом злейшему врагу, предателю и изменнику чигиринскому полковнику Игнату Галагану, они поймали где-то из его полка 32 человека и продали их на турецкие каторги. Были ли то участники разорения Чортомлыцкой Сичи, или же они в том разорении вовсе были неповинны, но только запорожцы в это время выкупили их из неволи и, снабдив какими-то универсалами, отправили к малороссийскому народу, на Украйну.

Гетман Скоропадский донес о том графу Гавриилу Ивановичу Гловкину, заведывавшему в то время малороссийским приказом, и граф Головкин на такое донесение отвечал скоропадскому: «Я разсуждаю, что учинили то не съ какого милосердія или снисхожденія к малороссійскому народу, и наипаче ради прельщенія и возмущенія народнаго. Сего ради присланный отъ нихъ со оными (козаками) универсалъ есть лживая и ругательная пасквиля; ради вѣрности

своей царскому величеству и ради общей пользы извольте предостеречь въ томъ простой народъ, дабы онъ не пришелъ чрезъ подсылку оныхъ и другихъ къ смущенію и прельщенію» [82].

Независимо от графа Головкина с тем же предупреждением относительно запорожцев обращался к гетману Скоропадскому и подканцлер барон Петр Шафиров: «Какую соблюдать осторожность,— писал он октября 1 числа,— против злодѣйственнаго проклятыхъ запорожцевъ пасквиля, о томъ изображаетъ вамъ, чрезъ письмо, сіятельный графъ канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ».

В чем именно состоял тот пасквиль, о котором в один голос говорят и Головкин и Шафиров, неизвестно. Известно лишь то, что запорожские козаки приняли объявление войны со стороны турецкого султана русскому царю за счастливое для войска положение дел, и когда февраля 25 числа 1711 года последовал царский манифест о разрыве мира со стороны Турции, то гетман Филипп Орлик и кошевой Константин Гордиенко решили действовать в тылу русских войск [83], т. е. предпринять поход на малороссийские города.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Поход Орлика, Гордиенка и крымского хана Девлет-Герая на Украйну и неудачное нападение их на Новобогородицкий городок, Белую Церковь и Немиров.— Казнь жителей Вольного города за измену русскому царю.— Действия кошевого Алистратенка и запорожцев Фляка и Нестулея против самарских городков.— Старания Орлика привлечь к себе жителей малороссийских городов и меры царя для прекращения всяких сношений между малороссийскими и запорожскими козаками.— Несчастный поход царя Петра на реку Прут и срытие им, по условию мира с Турцией, Каменного Затона и Новобогородицкого городка.— Поведение запорожцев при заключении мира России с Турцией.— Сношение Гордиенка с гетманом Скоропадским с целью перейти на сторону русского царя.— Условия нового мира 1713 года между Россией и Турцией и спор по поводу установления границ.— Нападение запорожцев на Царичанку и появление Орлика в украинских городах.— Намерение шведского короля и запорожцев идти походом под город Киев.

Поход Орлика и Гордиенка на Малороссию открыт был с весны 1711 года. Обстоятельства, по-видимому, вполне благоприятствовали тому: с начала марта и до начала августа [1] царь находился вне пределов России, у берегов далекого Прута, левого притока реки Дуная, и готовился вступить в борьбу с турками. Но, отъезжая из России, царь вверил охрану Малороссии киевскому губернатору князю Дмитрию Михайловичу Голицыну и гетману Ивану Скоропадскому, придав последнему в распоряжение генерал-майора Бутурлина с отрядом русских войск. Едва царь успел отъехать из Москвы к западной границе, как крымский хан Девлет-Герай, собрав большую орду и взяв с собой несколько сот человек запорожцев, двинулся с войском на Украйну. Сколько было у хана на тот раз войска — неизвестно. Известно только то, что хан бросился сперва «въ слободскіе городки», дошел до местечка Водолаг Харьковского полка, но потом, отказавшись идти далее в глубь Слободской Украйны, повернул назад к Новобогородицкому и Новосергиевскому городкам на реке Самаре и стал добывать их осадой. Из двух городков сильнейшее сопротивление оказал хану Новобогородицк. Зато малороссийские жители Новосергиевска (Вольное тож) не оказали хану большого сопротивления и выдали татарам царских солдат. При всем том татары, вследствие недостатка корма, потеря-

ли от голода и нужды множество лошадей и потому, удовольствовавшись одним Новосергиевским городком, от другого городка отступили и ушли «въ свои поганскія жилища», пробыв в том походе «три недѣли по 28-е марта» [2], причем, покидая Самарские городки, хан имел непременное намерение вернуться на Украйну со всеми силами весной, как только покажется в поле трава. Перед самым отходом он оставил в урочище между двумя названными городками около 1000 человек запорожцев и татар да особо посадил во взятом городке Новосергиевском несколько человек мурз и несколько отрядов запорожцев и татар, в общем, считая и местных, сдавшихся хану козаков, 500 человек «ханской стороны». Оставленные ханом татары и козаки чинили жителям большое утеснение и не позволили им никуда выезжать из городков.

Сотник Новобогородицкой крепости во время защиты городка изловил бывшего при хане в Слободской Украйне запорожского куренного атамана Кирика Латоку и все добытые от него сведения о крымском хане и его намерениях немедленно отправил в Киев князю Дмитрию Голицыну.

Получив такие сведения, киевский губернатор князь Голицын послал предписание гетману Скоропадскому, как только покажется из земли трава, соединиться с отрядом великороссийских войск, бывших под командой генерал-майора Бутурлина, и идти с полками к Новобогородицкому городку с тем, чтобы прогнать оттуда запорожцев и татар. Новосергиевский же городок непременно у них отнять и пойманных в нем неприятелей побить. Сделав же свое дело, занять удобные места в Малороссии и не допускать непріятелей ни в малороссийские, ни в великороссийские города [3].

По такому приказанию князя Голицына гетман Скоропадский и генерал Бутурлин, собравшись с полками, в начале месяца мая отбили от самарских городков запорожцев и татар и вслед за тем того же месяца 13 числа Скоропадскому предписано было новосергиевских жителей за то, что они отдали свой город хану, выдали государевых солдат и вторично показали изменничество свое, бились против царских войск, казнить десятого человека по жребию, а остальных с женами и детьми отправить в Москву для ссылки [4].

В то время, когда крымский хан действовал за левым берегом Днепра, Филипп Орлик и Константин Гордиенко действовали за правым берегом его. Для того, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число местных обывателей, Филипп Орлик разослал несколько универсалов и «прелестныхъ писемъ» в города по обе стороны Днепра. Так, несколько таких писем отправлено было к миргородскому полковнику Даниилу Апостолу. Но эти письма не имели никакого успеха: по приказанию царя их велено было передать кату для предания публично огню, козака же, привезшего листы, если он окажется запорожцем, посадить на кол. А для того, чтобы отвратить малороссийский народ от прельщений Орлика,

приказано было Скоропадскому сделать несколько копий с письма, присланного полковнику Апостолу Филиппом Орликом тотчас после Полтавской битвы, и разослать вместе с собственными универсалами те копии в малороссийские города, выпустив предварительно в них то, что «подчернено» и что касалось личности самого Апостола, на которого Орлик в то время мог «написать из ненависти» [5]. Из такого письма малороссийский народ увидит, что сам же Орлик клянет Мазепу и еще больше того отвернется от изменника [6].

Против Орлика и Гордиенка гетман Скоропадский выслал генерального асаула Бутовича с полками; но Бутович под Лысянкой потерпел поражение и был взят в плен [7]. Захватив несколько местечек и городов, Филипп Орлик и Константин Гордиенко, под конец сосредоточили свои силы у крепости Белой Церкви. Силы гетмана и кошевого, если верить показанию начальника русских войск, были в то время довольно велики: при запорожцах и городовых козаках, числом до 10 000 человек, были еще татары белогородской и буджацкой орды с ханским сыном салтаном, числом до 20 000 человек, и кроме того поляки и молдаване с «кіевскимъ» воеводой Иосифом Потоцким и со старостой Галецким, 3000 человек, сторонники Станислава Лещинского и, следовательно, шведского короля Карла XII. Русских солдат в Белой Церкви было будто бы всего лишь 500 человек да несколько человек верных царю белогородских козаков. Над всеми солдатами и козаками состоял начальником бригадир Анненков.

Дело под Белой Церковью, как доносил о том сам Анненков в Киев князю Голицыну, произошло так. Подступив со всеми силами марта 25 числа к крепости, татары, поляки и козаки начали ее добывать, но в тот же день были отбиты от нее пушечной стрельбой. Тогда гетман Орлик и кошевой Гордиенко дали слово ханскому сыну и старосте Галецкому, что на следующий день они непременно возьмут крепость с боя. И точно, к вечеру против 26 числа Орлик и Гордиенко, собравшись со всеми своими силами и соединившись с жителями богуславскими, корсунскими и сенявскими, внезапно, во время наступившей ночи подошли конницей и пехотой к крепости, сделали со всех сторон окрик, привезли с собой множество фашин и, войдя в нижний острог, покопали шанцы в нем. Осажденные встретили своих врагов выстрелами из пушек и ружей и тем не допустили их ни к верхнему городу, ни к замку. Отразив второе нападение своих врагов, осажденные в 4 часа той же ночи сделали против них вылазку из верхнего острога в составе одной роты солдат, нескольких гренадер и белоцерковских козаков. Проникнув в самые шанцы своих врагов, они побили гранатами и ружьем «множество непріятелей», немалое число из них взяли живых в плен, отняли несколько знамен и гнали их из шанцев через весь острог до Хвастовских ворот, бросая в них гранаты и поражая стрельбой. «И побито ихъ, непріятелей, въ томъ прогнаніи толикое число, что

удивленія достойно». Из запорожских старшин пали два полковника, два сотника и несколько других начальных людей. Но осаждавшие и после второго урона не отступили от крепости: собравшись с силами, они снова вышли с пушками в нижний город и, открыв пальбу из пушек и мелкого оружия, приблизились к верхнему городу. Осажденные выслали против своих врагов прежнее число солдат и козаков под начальством прежних офицеров. Последние, подойдя к козацким шанцам, отдали солдатам приказ дать залп из флинтов и бросить в них несколько гранат. Татары, козаки и поляки снова не выдержали и снова побежали. Солдаты не переставали стрелять по убегавшим из ружья, отогнали их за город и опять уложили на месте «довольное число непріятелей». «И такъ наши, за помощію божіею, получа надъ ними оный поискъ, отошли къ замку, татары и поляки многолюдствомъ, конницею, попрежнему въѣзжали въ тожъ мѣсто; однакожъ отъ нашихъ, которые были на вылазкѣ и на сикурсѣ, отпоръ имъ учинили, и тѣхъ поляковъ изъ пушекъ и изъ другого оружія прогнали и выбили ихъ вонъ, получа надъ ними такой-же немалый уронъ. И побито ихъ, непріятелей, всѣхъ больше 1.000 человѣкъ, а изъ нашихъ солдатъ токмо 8 человѣкъ ранено и въ томъ числѣ одинъ отъ раны умре; а въ полонъ ни единаго человѣка изъ нашихъ къ непріятелю не взято. И тѣ непріятели, видя надъ собою несчастье, со многимъ своимъ упадкомъ и стыдомъ отъ Белой Церкви отступили и пошли трактомъ мимо Перепетихи къ Хвастову».

Присланный с вестью к князю Голицыну о белоцерковском деле гонец сообщил, что всех неприятелей перебито около 2000 человек, кроме множества побитых лошадей и умерших от ран людей; последних «непріятели», вышед из города, побросали по дорогам и многие из покинутых поумирали от неподачи им своевременной помощи и призрения [8].

Приведенные здесь цифры убитых «непріятелей» так велики и цифры раненых защитников крепости так ничтожны, что едва ли их можно принимать за действительные, и если запорожцы, поляки и татары не устояли против русских под Белою Церковью, то тому могли быть особые причины, неизвестные нам; тем более, что известий о белоцерковской битве с противной русским стороны не имеется никаких. Нельзя, впрочем, не поставить на вид того, что это было уже после Полтавской битвы, когда и дисциплина русских солдат, и боевые орудия в сильнейшей степени превзошли дисциплину и усовершенствование боевых орудий запорожских козаков.

Такою же неудачею окончились, по словам малороссийского летописца Ригельмана, и действия воеводы Иосифа Потоцкого в Побужье. Запорожские козаки в числе 7000 человек под предводительством Потоцкого вместе с крымским ханом Девлет-Гераем в том же 1711 году доходили до города Немирова и до «тамошнихъ слободъ», но были разбиты русскими войсками и в бегстве потеряли

около 5000 человек. При этом освобождено было из рук татар и разослано по местам жительства начальником русских войск, генералом Ренне, около 10 000 человек пленных малороссиян [9].

Насколько верно известие малороссийского летописца — определенно сказать нельзя. Но во всяком случае Филипп Орлик, испытав неудачу за Днепром, отступил с козаками за Днестр, откуда снова явился на Украйну [10] и всю вину своей неудачи сложил на татар, о чем сообщил в своем письме шведскому королю.

При всем том в начале июля месяца у реки Самары вновь оказалась какая-то ватага запорожских козаков. Доподлинно неизвестно, были ли то те самые отряды запорожцев и татар, которые оставались у Самары еще с весны, или же это были свежие силы, вновь прибывшие под самарские городки. Во всяком случае запорожцы не оставляли мысли о походе на малороссийские города и для того составили себе определенный план. План этот, однако, был открыт, и все замыслы их сделались известны русским. Дело это произошло так. Три жителя Новобогородицкого городка, Трофим Мордусенко, Тарас Чубаровский да Федор Санжаревский по приказу воеводы городка, Шеншина, вышли из крепости и направились к стоявшим близ реки Самары татарам и козакам с целью украсть у них лошадей. Но когда они уже спустились ниже Кочережек к речке Журавлю, то на них неожиданно наскочили ватаги кошевого Алистратенка [11], Фляки и Нестулея и, захватив их, поставили на допрос. Пойманные козаки признались в своем намерении, просили запорожцев помиловать их и «принять къ себѣ жить». Тогда Алистратенко, Фляка и Нестулей привели козаков к «вѣрѣ» (т. е. к присяге) и послали их шпионами проведать об изюмском и других регулярных пехотных и конных русских полках, где они находятся, пойдут ли в Крым или соединятся с гетманом и будут «лѣтовать» на границе. Узнав же обо всем, дать знать запорожцам на Волчьи Воды, в урочище Крутой Буерак, не позже 6-7 дней со времени выхода в степь для поисков. Если же к тому времени они не найдут кошевого в указанном месте, то должны оставить в нем условленную примету. За такую услугу Алистратенко, Фляка и Нестулей обещали дать козакам по одному коню. Козаки, отправившись в поиск, были пойманы где-то в степи харьковским сотником Прокопом Рубаном и отправлены к гетману Скоропадскому. На допросе у Скоропадского они рассказали о всех своих приключениях и вместе с тем дали важные сведения о планах запорожских козаков. Всех запорожцев, по их словам, было от 400 до 500 человек; при них состояло около 1000 человек татарской орды, часть которой пошла вниз по Днепру, к порогу Ненасытецу; запорожец Фляка с отрядом козаков подстерегал гетмана Скоропадского у бродов, чтобы добывать гетманских языков, отгонять конские стада и подавать вести хану в Крым; сам же хан со всеми крымскими силами и с главною массою запорожцев стоит в урочище Кучугурах, в трех милях ниже

Аслам-городка, и собирается дать гетману бой, чтобы не допустить его в Перекоп [12].

Как бы то ни было, но предприятия запорожцев и татар ни на правом ни на левом берегах Днепра не удались.

Для того, чтобы предотвратить всякий набег со стороны татар и запорожцев на Украйну, а также для того, чтобы следить за теми из них, которые приезжали с мирными целями в города, царь приказал поставить в городе Полтаве 300 или 400 человек драгун с «добрымъ» командиром и велел тому командиру всех запорожцев, которые прийдут с повинною, принимать и отсылать в дальние малороссийские полки; тех же из козаков, которые будут ездить на Украйну ради промыслов своих, во избежание могущих от их воровства произойти смут, под жестоким страхом не пропускать в города [13].

Нужно думать, что такое распоряжение последовало уже после возвращения Петра с берегов Прута в Россию, когда царь, заключив предварительное перемирие с турецким визирем, вполне обезопасил свои владения с южных границ и теперь мог совершенно игнорировать запорожцев, которых перед походом в Турцию тщетно старался склонить на сторону России.

Такое постановление о запорожских козаках строго соблюдалось и в следующем 1712 году. Так, когда однажды приехали из Сичи в местечко Переволочку несколько человек низовых купцов, т. е. крымских армян и малороссийских, и запорожских промышленных людей, то из Переволочны были пропущены в малороссийские города все купцы, кроме «бездомовныхъ сѣчевиковъ», которые были задержаны в крепости впредь до царского указа на том основании, будто они ездят не торговать, а различные вести собирать и потом «всякую прелесть и шальварство чинить». Они отпущены были в Сичь только ради того, чтобы исполнить просьбу перекопского каймакана и чтобы мир с Крымом соблюсти [14]. Исключение делалось только для тех, которые просили на бумаге о помиловании через гетмана Скоропадского. Но и из этих последних какие-то козаки, «прописавшіе противъ чести государя», лишены были гетманом свободы, и только заступничество киевского губернатора князя Голицына, сделавшего представление о том, что преступление запорожцами учинено по невежеству, избавило их от тюрьмы [15].

Положение запорожцев с 1712 года не только не ухудшилось, а, напротив того, по-видимому, изменилось к лучшему, и это произошло от той неудачи, которую испытал русский царь на берегу реки Прута. Окруженный огромными полчищами турецкой армии, отрезанный от России, лишенный союзников, царь Петр Алексеевич принужден был заключить с Турцией Прутский мир (июля 11 дня) и потом тот мир подкрепить миром Константинопольским (апреля 5 дня 1712 года). По этому двойному миру он обязался, между прочим, срыть Каменный Затон и Новобогородицкую крепость; пушки,

находившиеся в Затоне, предоставить туркам; запорожских козаков оставить в полном покое и не «вступаться» в них. «Его царское величество весьма руку свою отнимаетъ отъ козаков съ древними ихъ рубежами, которые обрѣтаются по сю сторону Днѣпра и отъ сихъ мѣстъ и земель, и фортецъ и отъ полуострова Сѣчи, который сообщенъ на сей сторонѣ вышеупомянутой рѣки» [16].

В силу таких условий запорожцы открыто признавались законными подданными турецкого султана и фактически могли пользоваться всеми степными угодьями, которыми и раньше пользовались.

При заключении Прутского мира России с Турцией запорожцы, в особенности Филипп Орлик, сильно вредили русскому царю и настаивали на отделении Малой России от Великой. Для достижения последней цели Филипп Орлик, находившийся в то время в городе Бабе, отправил декабря 3 дня 1711 года депутацию из шести человек в Константинополь, дав ей на то подробную инструкцию. В числе депутатов был и сам кошевой атаман Гордиенко. Депутатам приказано было прежде всего поблагодарить «блистательную Порту» за освобождение ею Украйны от московского ига. Потом велено было просить Порту окончательно привести в исполнение мирный договор с Россией, заставить Москву навсегда отказаться от Малороссии обеих сторон Днепра и на будущее время не допускать Москвы к захвату в ее руки Малороссии: «Москаль, принужденный отречься отъ Украйны навсегда, пусть обязанъ будетъ вывести изъ нашихъ предѣловъ свои военныя силы и выпустить на свободу задержанныхъ въ прошлую войну и сосланныхъ въ Сибирь или другія отдаленныя мѣста нашихъ начальниковъ, чиновныхъ лицъ и всякаго званія людей украинскаго происхожденія, въ числѣ ихъ и посланцевъ изъ запорожской Сѣчи, задержанныхъ въ Лебединѣ, а также тѣхъ запорожскихъ товарищей, которые, будучи приглашены на работы въ Петербургъ за деньги, впослѣдствіи были задержаны, одни въ Сѣвскѣ, другіе въ Вильнѣ, а потомъ отправлены въ каторжныя работы... Сверхъ того, всѣ орудія, взятыя въ Сѣчѣ и свезенныя в Бѣлую Церковь, москали должны возвратить обратно или, въ случаѣ, если это имъ окажется затруднительнымъ, замѣнить ихъ другими изъ украинскихъ крѣпостей орудіями, которыя должны будут остаться тамъ по выступленіи московскихъ гарнизоновъ... Козаки, живущіе въ низовьяхъ Днепра имѣютъ право по прежнему обычаю, заниматься рыбными и звѣриными промыслами по всѣмъ рѣкамъ, рѣчкамъ и урочищамъ вплоть до Очакова, безъ всякихъ препятствій со стороны блистательной Порты» [17].

Депутация Орлика произвела в Константинополе свое действие, и если бы не русское золото, полученное великим везирем, то война между Турцией и Россией была бы неизбежна. Но деньги творят чудеса, а в данном случае они сотворили мир России с Турцией.

Однако запорожская партия Орлика и после заключения русско-турецкого перемирия не переставала вредить России: чтобы поста-

вить Турцию во враждебные отношения к России, козаки отправили султану и великому везирю донесение о том, будто бы у реки Орели и у Перекопа стоят большие русские войска, а в Каменном Затоне и на реке Самаре снова воздвигаются русские городки. Тогда от везиря сделан был по этому поводу русским министрам запрос и великий везирь разуверен был в полученном донесении только тогда, когда послал от себя полномочное лицо, Ахмет-агу, в Каменный Затон, на реки Орель и Самару. Вместе с Ахмет-агой было несколько доверенных лиц от крымского хана и от бендерского паши, которые осмотрели реку Орель вверх до Маячки и вниз до Китай-городка и не нашли там никаких новых крепостей [18].

В это же время, может быть под влиянием известия о Прутском мире России с Турцией, а может быть и с какою-нибудь скрытою целью, кошевой атаман Константин Гордиенко заговорил с гетманом Скоропадским о своем желании перейти в подданство русского царя. По этому поводу Скоропадский снесся с царским стольником Федором Протасьевым, бывшим на ту пору в каком-то селе Богородицком, и Протасьев октября 31 дня 1712 года ответил гетману письмом, в котором уверял его, что кошевой хотел простонапросто добиться от него получения хлебных и других запасов, чтобы потом по-прежнему «оставаться на своемъ постоянствѣ». «Надлежало-бы, милостивый государь, к Косткѣ написать, такъ, чтобы онъ, если хочетъ явить свое расположеніе къ царскому величеству, напередъ прислалъ-бы изъ Сѣчи кого-нибудь изъ знатныхъ особъ и по нѣскольку человѣкъ товарищей отъ всѣхъ куреней; тогда, когда Костка со всѣмъ низовымъ товариствомъ учинитъ присягу быть подъ державой царскаго пресвѣтлаго величества, тогда только можно удовольствовать ихъ и всякими припасами и денежнымъ, какъ раньше было, жалованьемъ и дать позволеніе россійскимъ людямъ съ ихъ торговыми промыслами ѣздить въ запорожскую Сѣчь. По истинѣ, милостивый государь, запорожцевъ приневолиливаетъ къ тому ихъ убожество и, чтобъ то желаніе (быть подъ русскимъ царемъ) было истинной правдой, я не надѣюсь до тѣхъ поръ, пока въ Сѣчѣ кошевымъ Гордѣенко, не стоитъ и писать о томъ ко двору царскаго величества» [19].

И точно, в ноябре месяце того же года киевскому губернатору князю Димитрию Голицыну донесли, что кошевой атаман Константин Гордиенко назначил от себя в город Умань полковником некоего Поповича, которому дан был из Сичи пернач, и послал от себя несколько человек в город Калниболот и в Городище под Корсунь; что возле посланцев кошевого собралось около 200 человек, и «отъ нихъ разосланы были кошового листы, чтобъ имъ жадной шкоды отъ гультяйства и ни отъ кого не наносилось» [20].

Настроение самого султана в то время вполне соответствовало замыслам козаков. Турецкий султан Ахмет III, настроенный французским в Константинополе резидентом и шведским королем, решил

вновь разорвать мир с русским царем и предъявить ему требование об уступке Турции всей козацкой Украйны вплоть до русских границ. Тогда русские полномочные послы, барон Шафиров и тайный советник Толстой, находившиеся в то время в Константинополе, посажены были в Семибашенный за́мок впредь до получения удовлетворительного ответа от русского царя. Однако, русские послы успели подействовать и золотом, и богатыми подарками на любимца султана Али-Кумурджи, и все дело повернулось против шведского короля. Турецкий султан, вновь согласившийся в пользу возобновления мира с Россией, решил предложить Карлу XII оставить Бендеры и через Польшу уехать в северный край. С предложением султана поскакал его конюший к королю. Но король не только не исполнил того, чего требовал от него султан, а даже обнажил шпагу против его гонца и после того удалился в Варницу, близ Бендер. Тогда султан, находившийся в то время в Адрианополе, узнав о таком отпоре со стороны короля, отдал приказ крымскому хану и бендерскому паше взять Карла силою и привезти его в Адрианополь. Это было уже в наступившем 1713 году. Крымский хан и бендерский паша двинулись к Карлу с отрядами войск в начале февраля. Но король, узнав, в чем дело, выказал им сильное сопротивление и только после решительной схватки и полученных ран сдался хану, и вместе с «кіевскимъ» воеводой Иосифом Потоцким, неотлучно бывшим при нем, был взят в плен. Тогда бывшие при короле запорожцы вместе с кошевым Гордиенком все бежали в «новую» Сичь, и в Бендерах остался только один Филипп Орлик на «свободномъ» житье [21].

После этого султан потребовал русских послов в Адрианополь и тут снова поставлен был вопрос о мире между Россией и Турцией.

Но пока шли переговоры о мире с турецкой и русской стороны, тем временем партия запорожских козаков сделала новую попытку нападения на малороссийские города. Так, в том же 1713 году гетман Скоропадский отправил донесение барону Шафирову в Царьград о нападении татар и запорожских «гультяевъ» с атаманом Алистратенком на местечко Царичанку у речки Орели и о захвате ими во время жатвы из местных обывателей несколька десятков человек. Гетман просил Шафирова добиться от Порты «впредь заказать тѣмъ воронамъ чинить такія обиды, а того Алистратенка выдать», чтоб его наказать. Барон Шафиров на письмо гетмана ответил тем, что он уже и раньше того много раз просил султана и великого везиря воспретить, в силу мира между Турцией и Россией, татарам и запорожцам делать нападения на малороссийские города, но всегда в таких случаях получал один ответ, что Порта уже послала к ним о том «свой жестокій указъ» [22].

Были ли посылаемы такие указы или нет, но запорожцы все еще не переставали вредить Москве. Осоюзившись с янычарами и с татарской ордой, они сделали в это время несколько «подбѣговъ» под город Киев, взяли возле Василькова, Триполя и в некоторых пору-

бежных селах и деревнях в полон несколько человек простых людей и произвели во многих местах пожар. Тогда снова повторен был приказ гетману Скоропадскому и в особенности полковнику Галагану никого из запорожских козаков, под страхом смертной казни, и ни с чем не пропускать через Днепр в малороссийские города; тех же из них, которые будут приезжать на заставы и другие места, тайно брать под арест и отсылать в глуховский гарнизон и там под караулом содержать [23].

Вероятно, в силу такого указа, задержаны были в одном из малороссийских городов и отправлены колодниками в Москву «приличившіеся въ измѣнѣ съ бывшимъ гетманомъ Мазепой» запорожцы Иван Куценко и Федор Нестулей [24]. Они были сперва приговорены к смертной казни, но потом их велено было, выдав в Москве грамоты и прогонных 10 рублей, сослать в сибирские города, в работу, на вечное житье [25].

Но ни строгие указы, ни ссылки в Сибирь не имели особенного значения для запорожских козаков в то время, когда в пределах Турции находился шведский король. И точно, в начале апреля месяца около города Богуслава вновь явился отряд запорожцев с каким-то Швачкой — козаком, который имел намерение переправиться с правого на левый берег реки Днепра, а в городе Бреславе стоял бывший прилуцкий полковник Горленко с ватагой в 250 человек козаков; последний распускал слух, будто бы турки хотят поднять против султана бунт за шведского короля.

Когда слухи об этом дошли до киевского губернатора князя Голицына, то он послал о том известие гетману Скоропадскому и при этом просил его задержать некоего полтавского жителя Антона Шарпиленка, имевшего на Запорожьи брата чернеца и ехавшего с товаром через Переволочанский перевоз [26].

Кроме киевского губернатора за действиями запорожских козаков строго следил и генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев, оберегавший в то время русские границы ввиду тревожного на юге положения дел. Он послал для разведки к урочищу Пробитому, у реки Буга, какого-то козака и через того козака узнал, что шведский король, получивший свободу и оставленный вне надзора со стороны турецких властей, возымел намерение идти под город Киев против русского царя [27] и что при нем, кроме татар, было несколько человек запорожцев. Запорожцы показывались то возле Уманя и Корсуня, то вблизи Киева, у Днепра. Переправившись на лодках в ночное время через Днепр, они напали в деревне Самовицах на стоявших там русских драгун и из них 6 человек закололи насмерть, 5 человек взяли в полон, сами же «безвредно» ушли назад. Вследствие такого известия фельдмаршал Шереметев послал приказ лубенскому полковнику выступить со своим полком к Днепру и держать там денно и нощно крепкий караул; а полковнику переяславскому велел сделать розыск, с чьего ведома

приходили козаки, где переправлялись они через Днепр и в каком месте приставали лодками к нему. «А нынѣ ночи мѣсячныя, а не темныя, укрыться было онымъ нѣкакими мѣрами нельзя» [28]. По расспросу оказалось, что запорожцев пропускали на Украйну сами же жители малороссийских местечек и городов. Так, в начале мая запорожский козак Грицко Бережный с товарищами, переправившись с правого на левый берег реки Днепра, сделал нападение на местечко Келеберду и убил 7 тамошних людей, столько же потеряв своих; проводил же его в Келеберду домонтовский житель Федор «рыбалка» (рыбак). Сам сотник домонтовский отослал Орлику две куфы водки, которую Орлик, в свою очередь, отправил кошевому Гордиенку в Сичь. Рыбаки же главным образом доставляли запорожцам и всякие вести «о поведеніи» русских в украинских городах [29].

Но такие набеги запорожцев на малороссийские города к концу 1713 года прекратились сами собой. В это время, а именно июня 14 числа, после долгих споров между представителями интересов Турции и России, окончательно установлен был русско-турецкий мир, впредь на 25 лет. Спор касался главным образом двух пунктов, выставленных турками русским резидентам, барону Шарифову и Толстому, и первый из этих пунктов состоял в том, чтобы возобновлена была ежегодная присылка крымскому хану дани; второй состоял в том, чтоб порубежная граница проведена была между реками Самарою и Орелью и по той границе поселены были запорожцы с турецкой стороны. Русские резиденты сильно противились таким требованиям Порты и, хотя, под конец, согласились на проведение границы между Самарою и Орелью, но зато решительно отказались дать свое согласие на поселение у ней козаков, измениших России. Извещая царя о состоявшемся мире, барон Шарифов писал: «Хотя эти варвары (турки) и безумны, и непорядочны, однако сильны, многолюдны и безмѣрно многоденежны и имѣютъ такихъ учителей, которые всѣ интересы и силу не только россійскаго государства, но и всей Европы знаютъ и имъ непрестанно внушаютъ... Король шведскій хотя не уменъ, но при немъ есть нѣсколько министровъ и генераловъ умныхъ; Орликъ и прочіе измѣнники черкасы и запорожскіе и донскіе козаки свѣдущи о внутреннемъ состояніи государства его величества, и имъ всѣмъ промоторъ и ходатай ханъ нынѣшній крымскій» [30].

Объявление русско-турецкого мира 1713 года имело решающее для запорожцев значение. С этих пор потеряны были всякие надежды у запорожских патриотов вовлечь Турцию в борьбу с Россией. И хотя крымский хан, «человѣкъ преострый и за неполученіе своего запроса о дачѣ погодней на Россію непримирительно озлобившійся», и пытался в начале февраля 1714 года поднять запорожцев на малороссийские города [31], но из той попытки не вышло положительного ничего. В ноябре месяце 1714 года сам шведский

король Карл XII внезапно оставил пределы Турции и скоро очутился в Штральзунде [32]. Вслед за королем последовали в Швецию и главные сторонники давно умершего гетмана Мазепы — Филипп Орлик, три брата — Григорий, Иван и Афанасий — Герцики, Андрей Войнаровский, Федор Нахимовский, Федор Мирович, Клим Довгополенко, Федор Третьяк и некоторые другие [33].

Непреклонным оставался только один кошевой атаман Константин Гордиенко, который находил себе поддержку у некоторых из значных малороссийских лиц, как например, у полтавского полковника Черняка. Полковник Черняк зимою, после Рождества Христова, 1713 года отправил в Сичь полтавского жителя Данила Кондака и велел ему передать кошевому Гордиенку и некоторым из козаков, чтобы они «неважились кланяться царскому величеству», потому что «еще висилицы московскія не наполнились, а если поклонитесь, то конечно наполнятся вамы». Когда Данило Кондак передал слова Черняка Гордиенку, то кошевой благодарил полковника за сочувствие себе, из чего Кондак усмотрел «незичливость» кошевого к царскому величеству и напомнил ему о Боге и верной службе государю. Другим запорожцам он слов Черняка не передавал вследствие «большого въ Сѣчи возмущенія» [34].

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Положение запорожцев под властью Крыма.— Разочарование их в шведском короле и первые попытки испросить прощение у русского государя.— Возвращение отдельных партий запорожских в города Малороссии.— Первая петиция всего запорожского войска государю о помиловании и о дозволении поселиться на прежних местах.— Ответ на то от графа Головкина.— Новая просьба запорожцев, посланная через писаря Рогулю гетману Скоропадскому.— Просьба самого гетмана Скоропадского, посланная в Петербург, о дозволении малороссиянам ездить в Крым за солью и о разрешении запорожским промышленникам проезда в города Малороссии.— Ответ государя о дозволении малороссиянам поездок в Крым и о запрещении запорожцам проезда в Малороссию.— Тайные нарушения запорожцами царского указа и новое приказание о недопущении запорожцев в Малороссию.— Новая петиция запорожцев о помиловании и новый отказ запорожцам со стороны государя.— Письма Филиппа Орлика к запорожскому войску из Швеции.

Искушенные Мазепой, увлеченные Гордиенком, обнадеженные Карлом XII, запорожцы после страшного и кровопролитного поражения их русскими в самом гнезде, Чортомлыцкой Сиче, принуждены были покинуть все, что было заветно и дорого каждому запорожцу: и родную колыбель, матку-Сичу, и шумливые пороги, много говорившие уму и сердцу каждого запорожца, и Великий Луг, бывший «батькомъ» для всякого безродного «сиромахи», и заветную реку Самару с ее священною для набожного запорожца обителью и, наконец, все могилы, скрывавшие в своих безмолвных и таинственных недрах всю предшествовавшую историю запорожского войска — все это, как и все обильные реки, богатые зверем и дичью степи, должны были оставить запорожцы и идти на новую и далекую окрайну, заводить там новое гнездо, Сичу. Но какая то была новая окрайна? Одна незначительная, у левого берега Днепра, полоска плавен, а потом к востоку песчаные кучугуры, к северу и югу безводные и пустынные солонцеватые степи. Это была настоящая агарянская земля, засеянная от природы тернием и волчием, как выражались о ней сами запорожцы. Но что это значило в сравнении с тем состоянием, в которое поставили себя запорожцы после разгрома русскими их старой Чортомлыцкой Сичи! Тех, которых запорожцы презрительно именовали погаными бусурманами, тех,

против которых воевали отцы, деды и прадеды их, тех, истребление которых запорожцы раньше того поставляли себе главной целью своего существования, теперь они должны были признать своими верховными владыками, непосредственными господами и защитниками. Двести лет просуществовало до тех пор Запорожье, и за все это время своей исторической жизни низовые «лыцари» упорно, мужественно и с полнейшим самоотвержением боролись за православную веру и за русскую народность с неверными мусульманами и теперь понесли свои головы, понесли свою веру, понесли все свои силы под защиту своих исконных, вековечных и непримиримых врагов. Это значило, что запорожцы поставили себя в полное противоречие со всем своим прошлым и принудили себя поклоняться тем самым богам, на которых раньше того сами же они плевали. Ни в народности, ни в вере, ни в языке ничего не было общего между запорожскими козаками и татарами, и потому немудрено, что уже тотчас после поселения запорожцев на «агарянской» земле, когда прошел у них первый воинственный пыл, когда несколько сгладилось страшное воспоминание об ужасах, испытанных ими на старой Сичѣ, они вновь стали обращать свои взоры к родным излюбленным местам и простирать свои руки к своему «природному монарху». И чем дальше со времени Полтавской битвы уходило время вперед, тем менее выказывали запорожские козаки желания вредить русскому государю. Если запорожцы и делали нападения на русско-малороссийские города в течение времени с 1710 по 1713 год, то в этом случае они действовали под влиянием двух своих вождей, закаленных противников всего великорусского, Филиппа Орлика и Константина Гордиенка, да и то лишь в отдельных партиях, а не всей своею массой. Простая масса козаков давно уже перестала верить в шведского короля. Вера в него окончательно исчезла у посполитых людей запорожских с тех пор, когда он в 1714 году оставил пределы Турции и ушел через Трансильванию в город Штральзунд. Самое событие, происшедшее под Полтавой, не прошло даром для запорожцев в смысле страшного исторического урока для них. Многие передовые люди из запорожского войска скоро сознали всю важность полтавской победы и все последствия ее для целой России. Последствия же ее были велики: Полтавская битва бесповоротно решила вековой вопрос о слиянии двух русских народностей, великорусской и малорусской, в одно целое политическое тело. До сих пор историческая жизнь малорусского народа зиждилась на народно-козацких началах; с этих пор она пошла по другому пути: вопрос о старых козацких правах и вольностях постепенно стал отходить в область отдаленных преданий, и прежние козацкие порядки и народные начала стали заменяться новыми порядками и иными началами, против которых протестовать, а тем более выступать с оружием в руках не пред-

ставлялось уже никакой возможности. Запорожцы поняли это своим чутьем и, сознавая закон непреложности, стали помышлять о возврате под державу российского монарха. До 1709 года они твердо стояли за свои предковские права, мужественно и стойко боролись за козацкие вольности; но потом, исчерпав все средства для борьбы с Москвой и под конец отдав на разорение москалям свое гнездо, старую Сичу, они сознали полную невозможность «прати противъ рожна» и решили всей массою идти под державу России, чтобы слиться в целое и единое с нею.

Еще с 1710 года к гетману Ивану Ильичу Скоропадскому стали являться отдельные, пока небольшие, купы запорожских козаков и просить его о дозволении вернуться им в Малороссию для поселения в различных малороссийских полках. Уже тогда отдан был приказ гетману поселить просителей в простойных местах и тайно за ними наблюдать, чтобы они впредь не учинили каких-нибудь возмущений в народе и не ушли снова назад. Царь Петр Алексеевич, нуждавшийся в ту пору в боевых силах перед походом в Турцию, охотно принимал переселенцев в малороссийские города. Но в то время носились слухи о жестокостях русских, и это обстоятельство удерживало многих от переселения в Малороссию.

Однако прошел 1711 год и наступил 1712.

В это время кошевой атаман [1] и запорожское низовое войско, уже полным своим составом написали обширный лист и отправили его гетману Ивану Ильичу Скоропадскому с просьбой об исходатайствовании им милости и помилования у царского величества: «Козаки и кошевой имѣютъ мысль, состояніе, охоту, намѣреніе и всецѣлое истинное прямое желаніе и душевную совѣсть принести въ поклоненіе пресвѣтлѣйшему маестату». Они льстили себя надеждой, что милостивый государь забудет злобу и все бесчинства их и пришлет им через гетмана высокопочтенную грамоту с позволением перехода запорожцам от протекции ханской к державе православного монарха; во всяком же случае просили гетманскую вельможность сообщить им о милости или немилости к ним государя «скрытнымъ человѣкомъ, дабы они чрезъ него въ подозрѣніе бусурманству не впали и въ гибель не ввелись» [2].

Неизвестно, что на эту первую просьбу всего войска отвечал царь запорожцам, но в том же 1712 году в должности гадячского асаула открыто служил бывший запорожец Мартын Штых, незадолго перед тем оставивший Крым, а в следующем 1713 году дано было позволение небольшой партии запорожских козаков вернуться в Малороссию и избрать места для жительства. В 1714 году из пределов Турции явились 350 человек запорожцев, и тогда велено было всех этих выходцев поселить в северных пределах Гетманщины, около Глухова и в городе Конотопе, т. е. вблизи великороссийских границ, очевидно, с целью наблюдения за поведением

пришлецов [3]. По этому поводу граф Головин писал из Петербурга гетману Скоропадскому такого рода письмо: «Я о семъ доносилъ его царскому величеству, и его царское величество, хотя и не хотѣлъ тѣхъ возвращающихся своевольныхъ запорожцевъ на Украйну принимать, но, однакожъ, когда нѣкоторые уже были приняты, а за другими посылалъ самъ фельдмаршалъ, то государь изволилъ приказать мнѣ къ вашей вельможности и къ господину фельдмаршалу писать съ тѣмъ, чтобы вышедшимъ запорожцамъ быть на указанныхъ квартирахъ (в Конотопе и около Глухова), а имѣющихъ выходить поселять въ пристойныхъ, по разсмотрѣнію вашей вельможности, мѣстахъ и по общему съ господиномъ фельдмаршалом согласію приказать смотрѣть, какъ они тамъ будутъ жить и не будетъ-ли отъ нихъ какой противности происходить» [4].

Несмотря на такое нерасположение со стороны царя к запорожским эмигрантам, в это время запорожское товарищество отправило вторую петицию на имя государя о помиловании и о дозволении вернуться козакам к прежним своим местам. На ту пору в новой Сиче состоял кошевым атаманом Иван Алексеевич Малашевич [5]. Это был один из выдающихся кошевых атаманов начала XVIII века. Спокойный, рассудительный, прямой, честный и богобоязненный, Малашевич искренне предан был русскому государю и, по-видимому, поставил себе священным долгом так или иначе вернуть запорожцев на прежние места под скипетр российской державы. С этой целью Малашевич обратился с просьбой к гетману Скоропадскому о помиловании войска запорожского, и гетман Скоропадский донес прошение кошевого царю Петру Алексеевичу в новую столицу.

Но Скоропадскому велено было ответить кошевому, что на его просьбу и на просьбу бывшего кошевого Василия Иосифова уже послана царским величеством из похода собственная грамота. Какова была та грамота неизвестно, но на основании последующего хода дел можно думать, что царская грамота не была милостива к запорожцам.

В это же время последовал ответ, также немилостивый, и от правительствующего сената по делу двух каких-то запорожцев Стецька и Паска, которых велено было гетману Скоропадскому держать по-прежнему под арестом до получения ответа до крымского хана и перекопского бея [6].

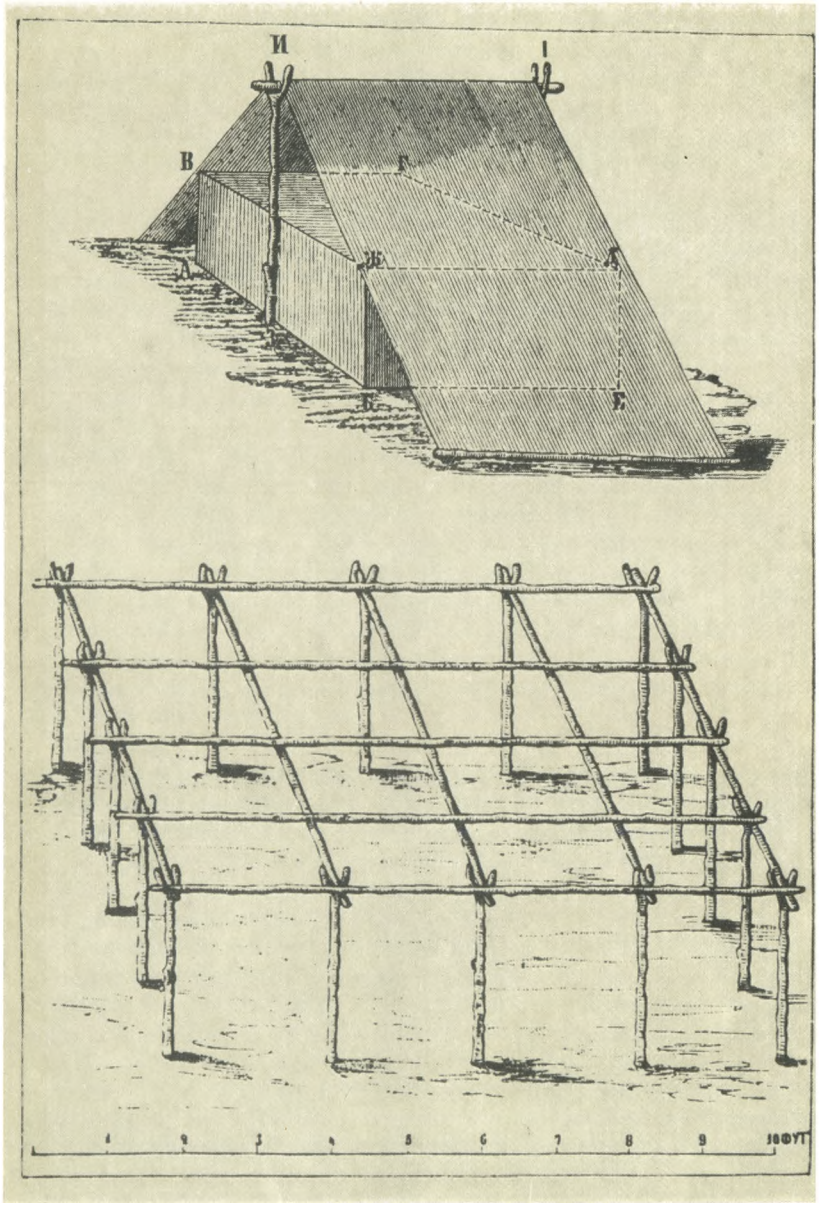
Быть может, здесь разумеется дело о разбойнических действиях одной запорожской ватаги, руководимой Грицьком Ковалем и состоявшей из козаков Стецька Великого, Василия Черевка, Власа Тахтаула, Гаврила Старого и некоторых других «гультяевъ» числом до 30 человек. Эти козаки, выбравшись из Сичи под час спасова поста, пошли под местечко Решетиловку красть коней. Не добыв коней, они зато добыли семь штук рогатого скота для харчей и, идя с ним, заметили на Шаковом шляху, у вершины долины

Яковиной, три воза и при них девять человек татар. Сперва они отпустили татар по добру по здорову, а потом внезапно сделали на них нападение и заставили бросить возы и разбежаться в разные стороны. Тогда гультяи, поставив на могиле сторожу, боясь нападения, похватали на коней, что было легкого, а именно — деньги, сафьяны и мамсы; остатки же — родзинки, фиги, лимоны, лимонный сок и намет оставили при возах, сами быстро ушли в укромное место и поделили захваченную добычу поровну между собою и потом частью ее прохарчевали, частью пропили. После этого дележа гультяи разошлись в разные места степи и блукали до осени. Из них некоторые приблизились к Днепру и отогнали у миргородского полковника несколько коней. Потом 8 человек из них [7] пришли в Веремеевку и, поклонившись одним сафьяном пану прилуцкому, расположились было с его дозволения на квартирах, но потом были схвачены и препровождены в Лохвицу. За такое разбойство запорожского гультяйства поплатилось все запорожское войско. В Сичь прислан был от хана бей о полутораста коней с татарами и потребовал с куреней удовлетворение за убытки по 100 талеров за каждого грабителя. Войско заплатило по сто талеров, давши в уплату и имущество грабителей, оказавшееся в Сиче; многих из гультяев потребовало в Сичу и одного из них повесило, все-таки уплатив и за него потерпевшим купцам 100 талеров. Всей суммы татары взяли с Коша на 5000 золотых, да такую же сумму, на 5000 золотых, войско оставило татарам на целый год от своих базарных доходов; кроме того особо взято было 15 левов за то, что один из грабителей подрезал себе в кафтан материи из намета, стоявшего при татарских возах [8].

В самой Сиче, по-видимому, в это время происходили беспрерывные распри, так как к концу 1714 года в ней состоял кошевым атаманом уже не Малашевич, а Василий Иосифов (он же Василий Иосифович). Обыкновенно выбор нового кошевого атамана происходил первого числа каждого нового года, и если войско переменяло своего начальника до положенного срока, то, очевидно, тому предшествовала целая буря.

В ноябре месяце 23 числа новый кошевой атаман и все запорожское войско с дозволения крымского хана «ординовали» при присланных из Крыма татарах к гетману Скоропадскому двух козаков Ивана Портянского да Степана Решетила для розыска убытков и грабежей, причиненных запорожскому войску от разных жителей городов малороссийских. Войсковым посланцам дан был «истинный и праведный реестръ, гдѣ, кого и съ якою худобою въ городахъ и въ поле забрано, и якъ много утраты на худобахъ товариство въ состоянiи сего мира отъ старшины рейменту гетманской вельможности и общихъ людей дознало». Войско и кошевой атаман просили гетмана всю «невинне» забранную худобу непременно пополнить и возвратить без «большой турбаціи» [9].

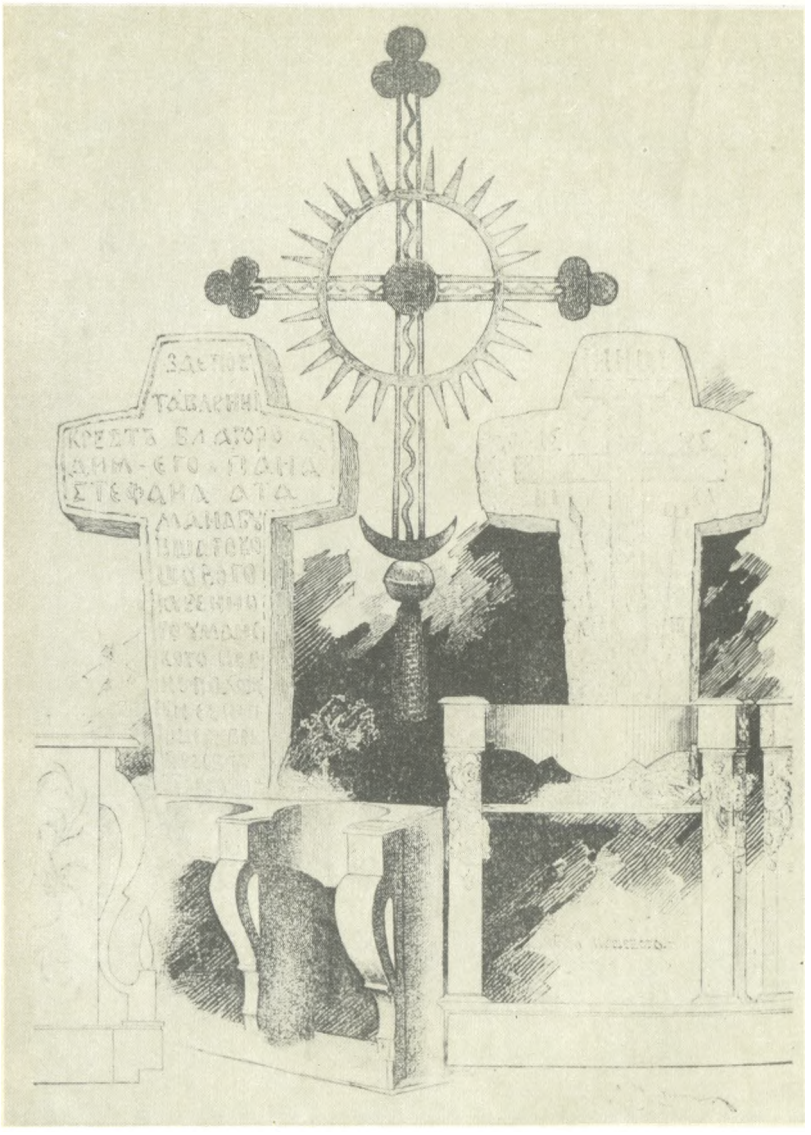
ІЛЮСТРАЦІЇ ДО ТРИТОМНОЇ «ИСТОРИИ ЗАПОРОЖСКИХ КОЗАКОВ» Д. І. ЯВОРНИЦЬКОГО

Козацкий полог для защиты от комаров [до с. 91].

Запорожский козак из «Вооружения Российских войск» [до с. 130].

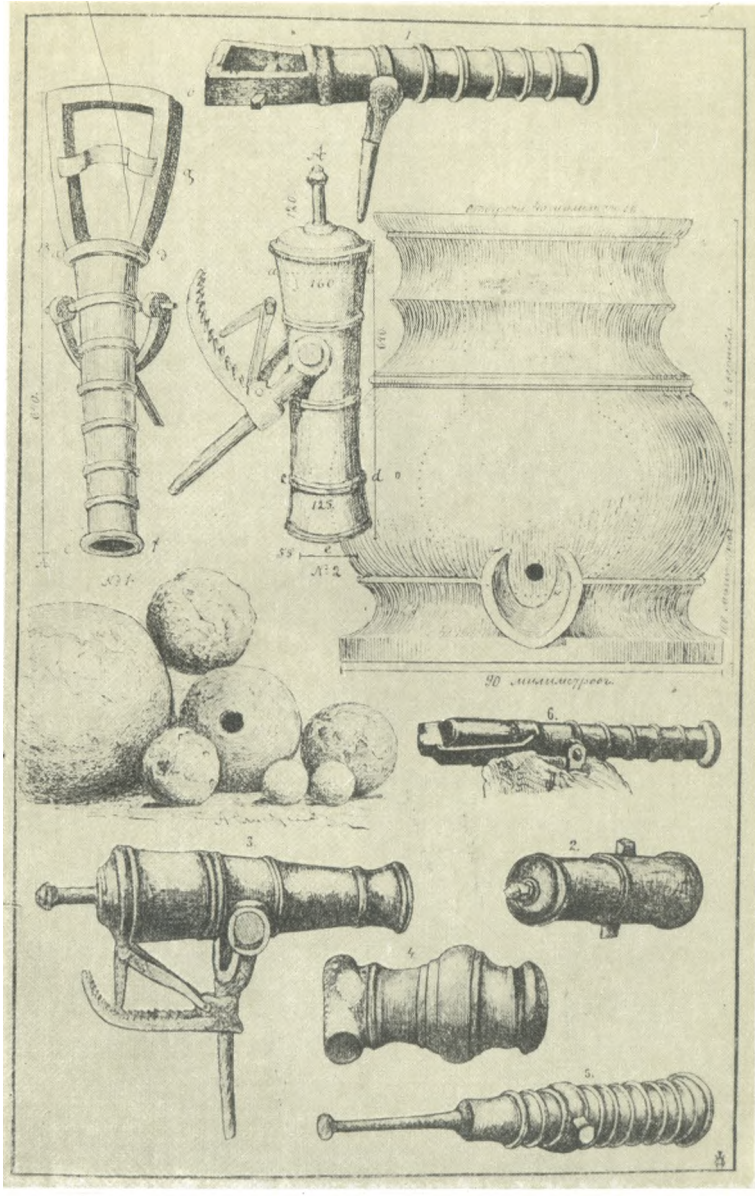
Церковные места, крест Никитинской сичевой церкви, памятник Гладкому [до с. 138].

Запорожские куренные печати [до с. 158—159].

Паланочные печати по Скальковскому [до с. 162].

Запорожские пушки 1, 2, 3, 4, 5, мортиры 6, ядра 7 собрания А. Н. Поля [до с. 211].

Запорожцы по Ригел

ману [до с. 26—27].

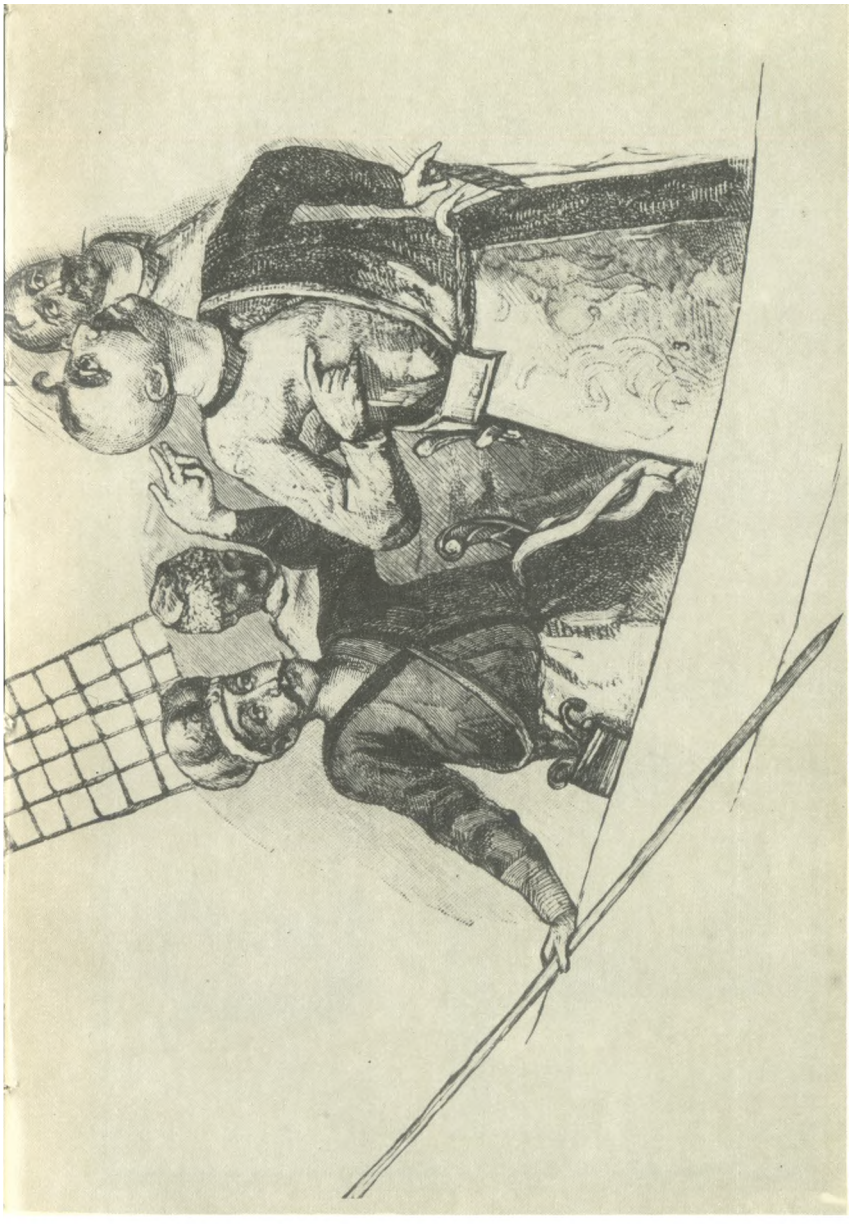
Запорожские пороховницы собрания А. Н. Поля [до с. 221].

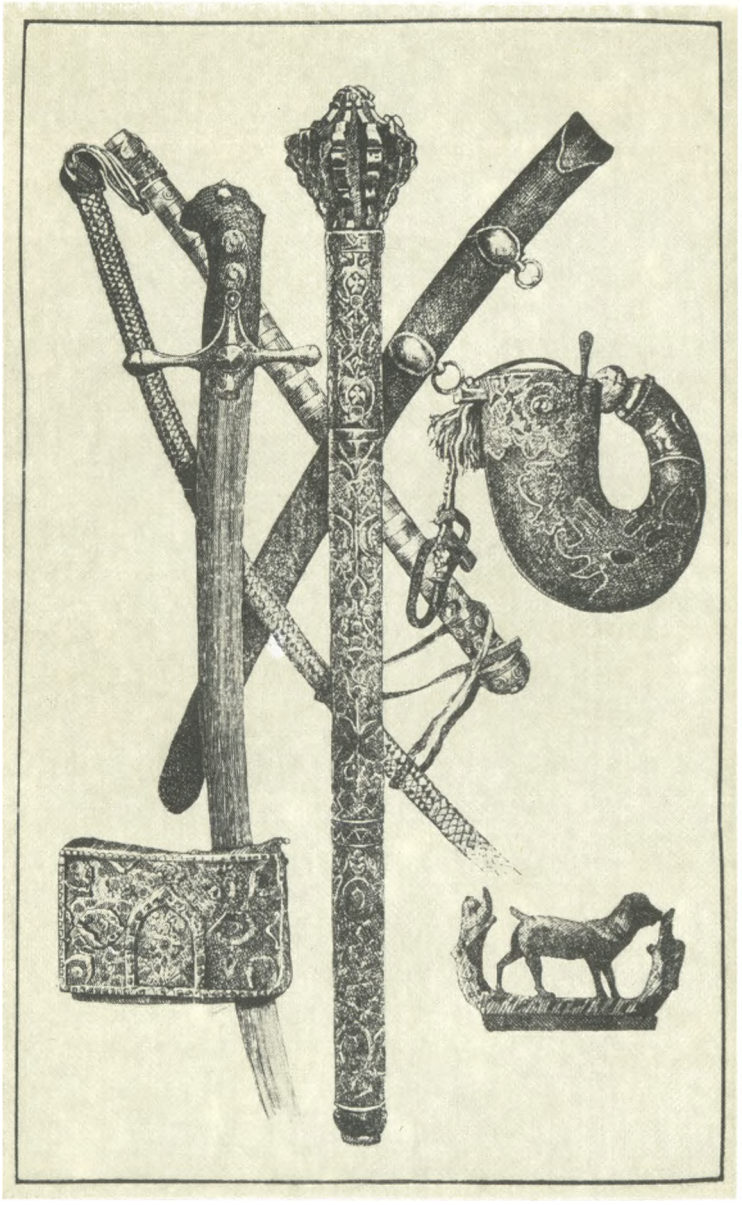
Знамена, бунчук, литавры в Екатеринодаре [до с. 225].

Булавы и перначи в Екатеринодаре [до с. 228—229].

Запорожцы со знамени в Эрмитаже [до с. 232].

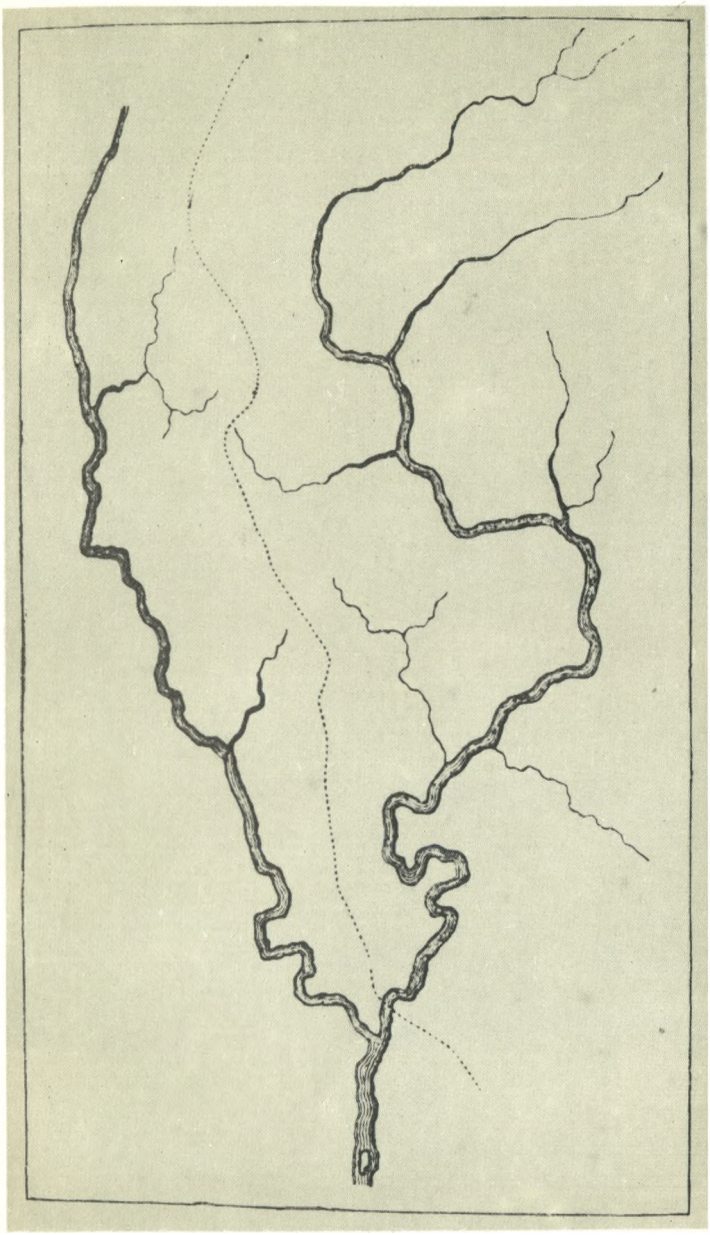
Пернач, сабля, пороховница, два кресала, нагайка [до с. 234].

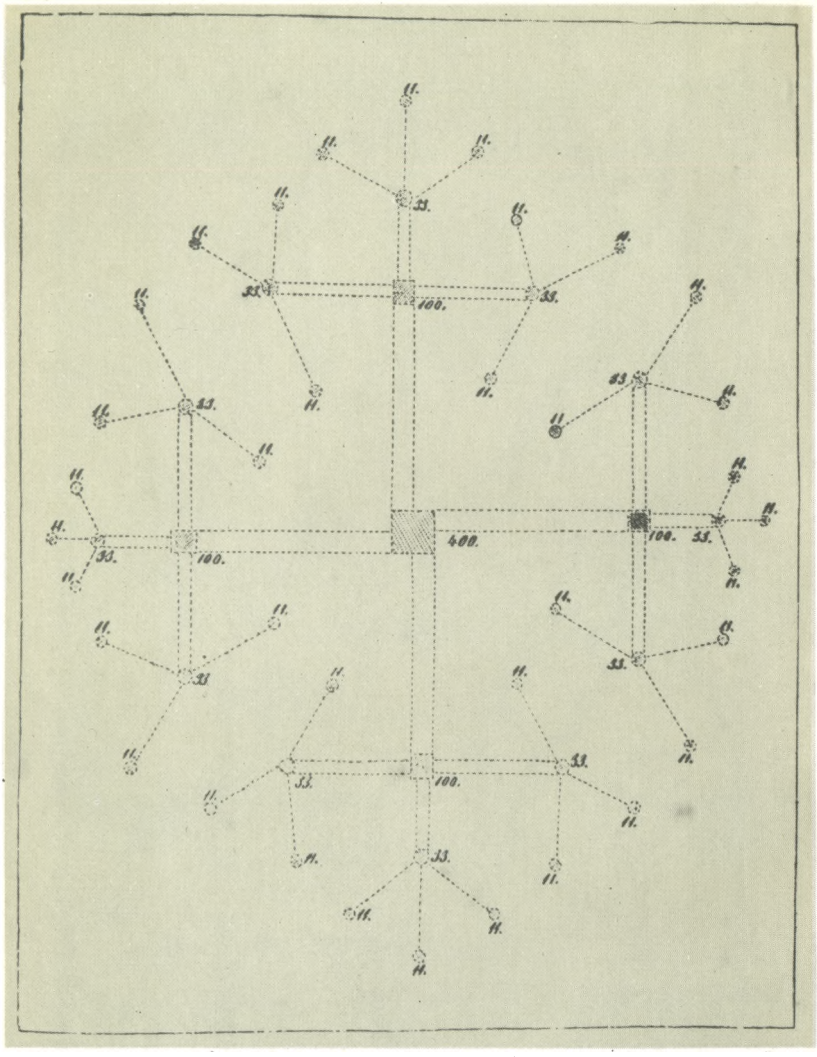
Запорожский козак по Ригельману [до с. 240—241].

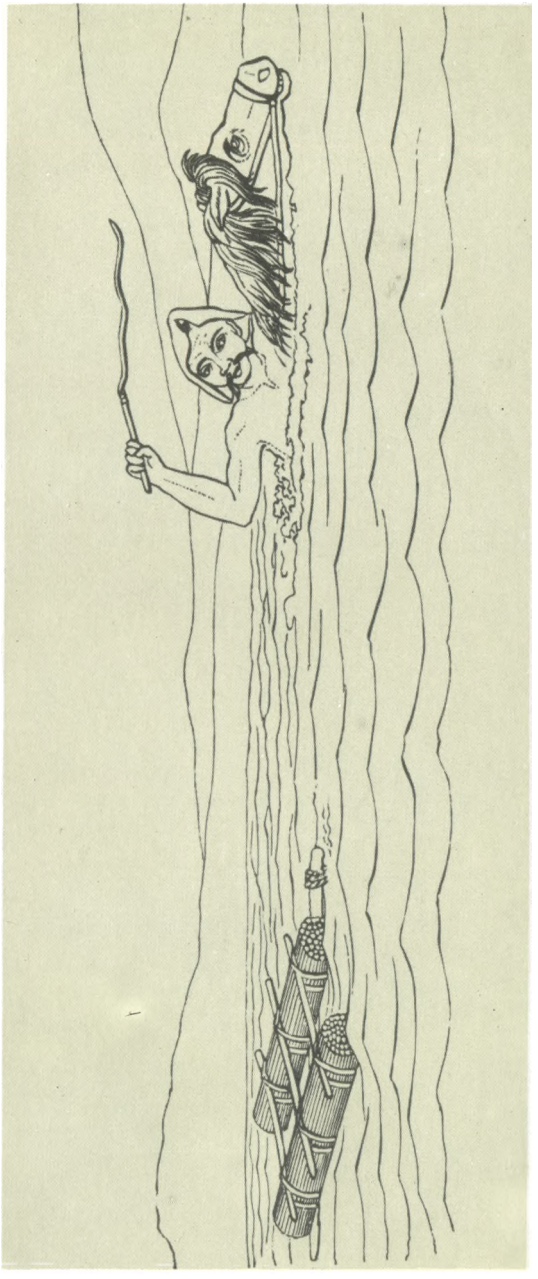
Якирцы 1, копья, стремена, люльки собрания А. Н. Поля [до с. 255].

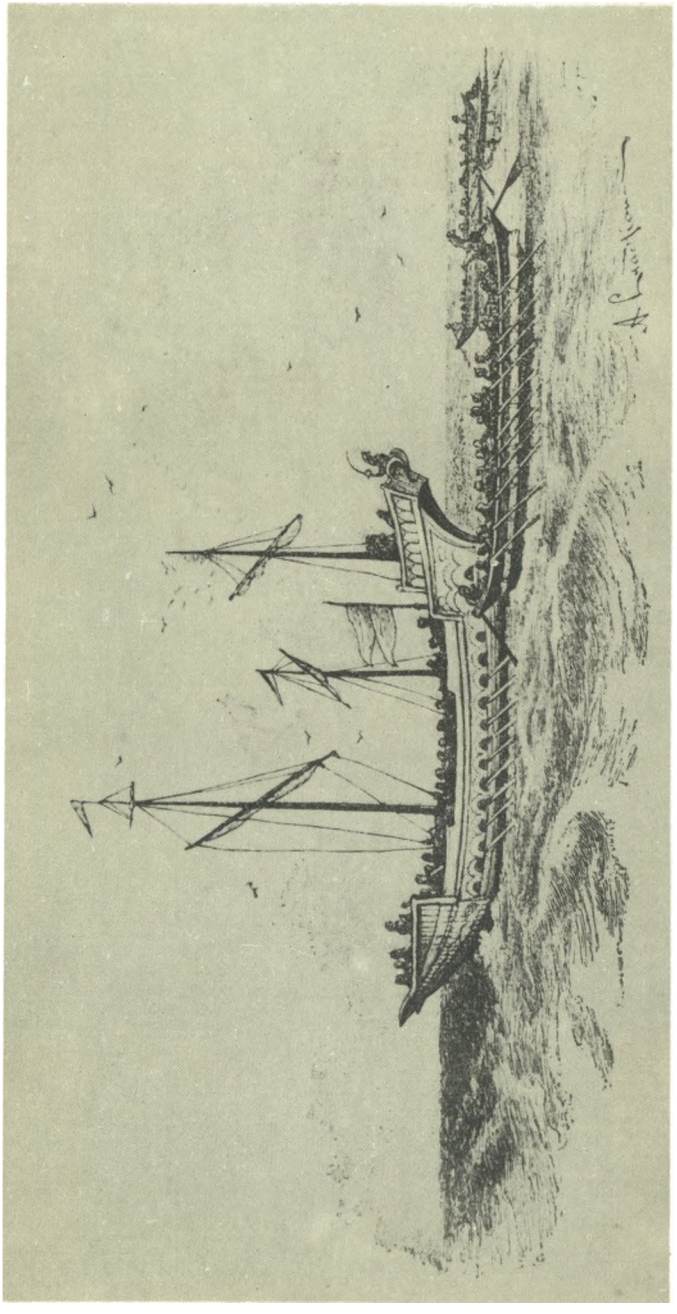
Движение татар по водоразделам рек [до с. 318].

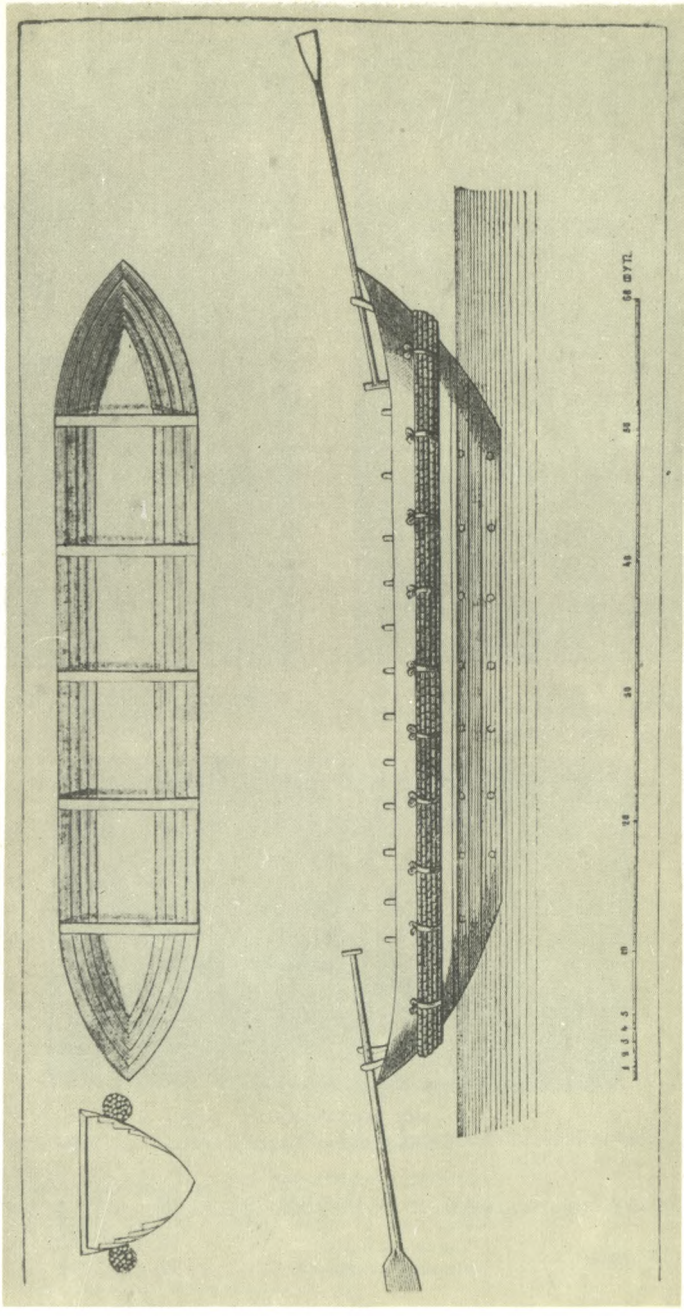
Разбеги татар по Боплану [до с. 326—327].

Переправа татар через реки по Боплану [до с. 328—329].

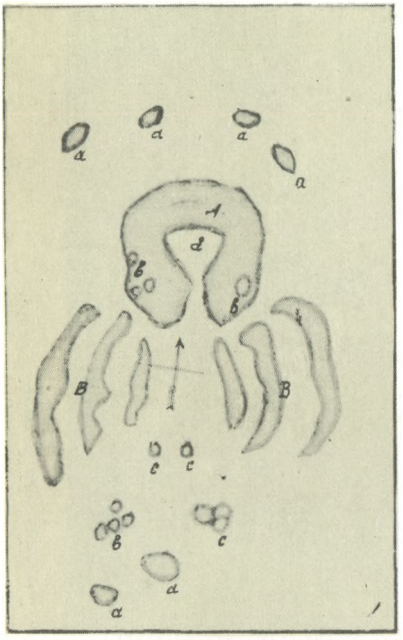

Запорожские суда по Ровинскому и Боплану [до с. 391].

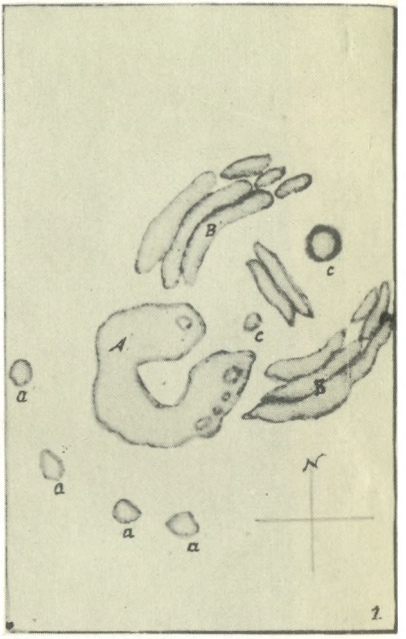

Козацкая лодка по Боплану [до с. 395].

ЗЕМЛЯНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ БЛИЗ ЖЕЛТЫХ

Земляное укрепление близ сельца Николаевки.

Земляное укрепление близ сельца Докторова.

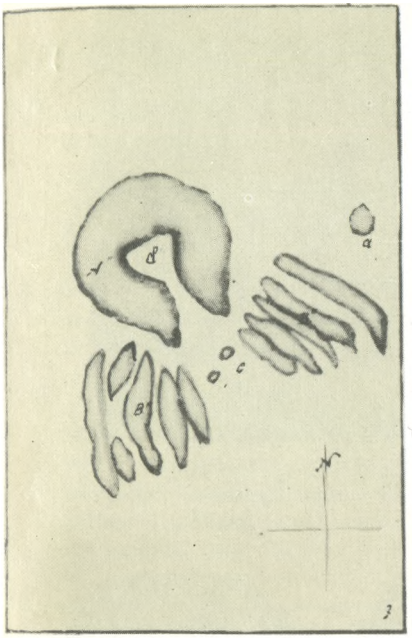
Общий вид укрепления № 1-ый.

Объяснение букв.

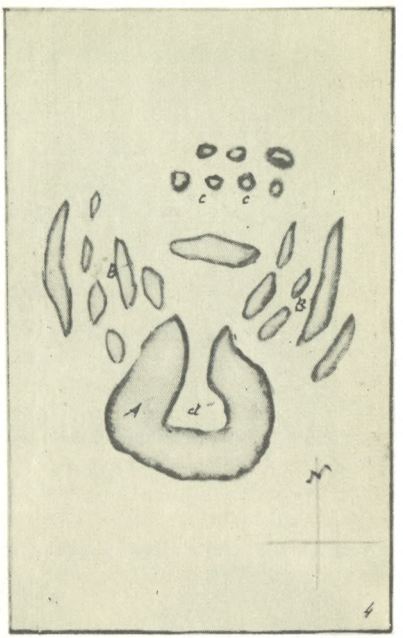
A. Земл. укр.
- вокруг у основания от 100 до 120 саж.
- кругом на вершине от 50 » 60 »
- по откосу от верш. до осн. 10 » 12 »

B. Земл. валы
- длина валов от 7 » 30 »
- ширина валов от 2 » 5 »

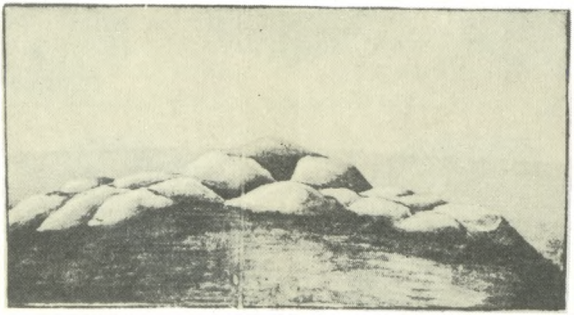
ВОД, НА МЕСТЕ ПОЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ

Земляное укрепление близ села Желтого.

Земляное укрепление близ сельца Камчатки.

Общий вид укреплений № 2-ой.

a. Небольшие возвышен. до одной саж. над уровн., большая часть из них пашется.
b. Небольш. провалы до 2-хъ арш. глубины.
c. Небольш. кольцевидные возвышенности со впадинами внутри от 1/2 арш. до 2 арш. глубины.

Запорожская Сичь на реке Подпильной [до с. 5–6].
Из истории императрицы Екатерины II Брикнера.

Из музея Кубанского войска в г. Екатеринодаре [до с. 487—488].

Обращаясь с просьбой к гетману Скоропадскому о возвращении захваченной малороссиянами козацкой «худобы», запорожцы в это же время «искали способа» для того, чтобы так или иначе вновь возвратиться «подъ руку царского священнѣйшего величества» и осесть Кошем на старой Чортомлыцкой Сиче.

О таком намерении войска запорожского дошла весть до «гетмана» Филиппа Орлика. Орлик осенью 1714 года перед праздником Покрова написал запорожцам из Адрианополя лист и в том листу предупреждал козаков, чтобы они не склонялись ни на какие прельщения и оставались в таком состоянии, в каком и теперь находятся. Вслед за тем о намерении запорожцев оставить новую Сичу Филипп Орлик сообщил пограничному разъездному бею и подал ему мысль отобрать у козаков на верность Крыму присягу, после чего дозволить начальникам и неженатым запорожцам поселиться хотя и в старой Сиче, а женатых оставить в Кызыкермене, где они и раньше того жили. И точно: через четыре недели после получения Орликова письма в Сиче, в Кош прибыл от пограничного разъездного бея какой-то крымский толмач и потребовал, чтобы кошевой атаман и все куренные атаманы ехали в Каланчак для присяги, «жебы уже держалися протекціи хана кримского и чтобы въ томъ не зрадили». Кошевой и атаманы, сообразив, что виновником такого требования был Филипп Орлик, нашли нужным поехать к бею, но однако положили между собой совет так или иначе отказаться от присяги, выставив на вид ту причину, что все войско запорожское разошлось за добычей, без войска же ни кошевому, ни атаману «нельзя правѣй присягати» [10].

Увернувшись от присяги Крыму, кошевой атаман Василий Иосифов и «старое товариство» в наступившем 1715 году отправили из Сичи в город Глухов через писаря Рогулю новый лист к вельможному гетману с просьбой «чинить наипрележнѣйшее стараніе и заступленіе о полученій за ихъ проступокъ прощенія и о принятіи въ прежнюю милость и прихильность войска запорожского подъ державу царского величества».

Полученный лист гетман Скоропадский направил в столицу с личным от себя запросом, как поступить ему «со оными запорожцами». К новой петиции запорожцев гетман присовокупил от себя просьбу о дозволении малороссийским торговым и промышленным людям ездить с товарами в Крым и ходить на полевые речки за рыбной и звериной добычей, а вместе с малороссиянами просил дозволения пропускать на Украйну и сичевиков, тех, которые будут приходить из Запорожья с рыбой и с солью к Днепру.

На такую просьбу последовал из Петербурга царский указ февраля 10 дня. В том указе говорилось, что его императорское величество отпускает вины и соизволяет принять под свою державу только тех козаков, которые повинились в своих поступках, и если таковые из них пожелают оставить турецкие области и придти в рос-

сийскую державу, то селить их в местах, где кто родился, и всячески обнадеживать, что такие не подвергнутся никаким наказаниям и в ссылку не будут сосланы; напротив того, старшины таких козаков получат «знатные уряды», смотря по полкам, состоянию и верности. Принять же запорожцев с землей, на которой они живут, в подданство и дозволить им жить своим Кошем в старой Сиче, вследствие мирного постановления между Россией и Турцией, нельзя, потому что старая Сичь, по домогательствам самих же запорожцев у турецкого султана, уступлена туркам. Торговым же малороссийским людям, едущим с «незаповѣдными» товарами в Крым, и крымцам, едущим со своими товарами в Малую Россию, препятствий не делать никаких. Только запорожцев и козаков изменников ни с товарами, ни с какими делами в Малую Россию не пропускать, также и малороссиянам с товарами и с добычей в Запорожье ходить не дозволять и едущим в Крым сделать наказ, чтобы они под страхом жестокого наказания и лишения всего имущества не заезжали к запорожским козакам; а самим крымцам объявить, чтобы они, отправляясь в Малую Россию, изменников запорожцев и козаков с их товарами отнюдь не смели с собой брать. Самому гетману без царского указа с изменниками запорожцами никакой переписки не иметь и на письма их не отвечать, а все письма их в подлинниках в столицу отсылать и у себя только списки (копии) с них оставлять. В случае же каких-либо ссор с турской стороны или в случае нанесения от запорожцев малороссийским людям каких-либо обид, о том немедленно киевскому губернатору князю Дмитрию Михайловичу Голицыну сообщать [11].

О результате просьбы запорожцев первый известил Скоропадского киевский губернатор князь Голицын, временно находившийся в то время в Петербурге. Он писал гетману, что ему послан с наставлением указ, как держаться относительно запорожских козаков. Очевидно князь Голицын хотел предварить Скоропадского о том, чтобы он немедленно же воспретил жителям малороссийских городов сноситься с запорожскими козаками согласно воле государя.

Но то, что легко было предписать на бумаге, весьма трудно было исполнить на деле. Так, когда гетман Скоропадский, получивший царский указ, стал приводить его в исполнение, т. е. потребовал от купцов, ездивших из Малороссии в Крым и возвращавшихся из Крыма в Малороссию, чтобы они объезжали Запорожскую Сичу и не давали запорожцам никакой платы от своих товаров, то запорожцы начали жестоко мстить за то малороссийским купцам. Один раз в июне месяце они напали на китайгородских людей, ездивших в Крым за купецким промыслом и возвращавшихся назад с товарами: наскочивши на них в то время, когда они только что переправились через реку Самарь, у урочища Шести Колодезей, запорожцы некоторых из них побили, некоторых поранили, а все добро их разграбили, и напрасно после того кошевой

атаман посылал свой универсал в Самарь до Севрюка об унятии своевольцев, своевольцы по-прежнему предавались грабежам. В другой раз наскочили запорожцы на майдан опошнянских селитренников над речкой Ушивой, разнесли там все строения и все, что можно было, пограбили, а оттуда бросились под города Полтавского полка, и хотя во время этого набега трое из грабителей были пойманы, зато остальные, нисколько не унимаясь, намеревались сделать набег на слободские города. И все те разорения и грабежи, которые запорожцы чинили по дорогам промышленным людям, стались после царской грамоты (февраля 10 дня) и крепкого гетманского приказа, запрещавших украинцам сноситься с Запорожьем. Согласно таким приказам, полтавский купец Григорий Магденко, ездивший в Крым за товаром, исходатайствовал было у ханского визиря и у перекопского бея дозволение всем купцам стороны царского величества не заезжать до Сичи, чтобы не платить никакой пошлины запорожцам. У запорожцев даже отобран был Кызыкерменский перевоз, к которому приставили татарина для того, чтобы он, перевозя через Днепр купцов, не давал корыстоваться от перевоза запорожцам. Однако эти распоряжения скоро были отменены. Когда крымский хан ехал в Белогородчину, то к нему явился кошевой атаман и снова выпросил у него Кызыкерменский перевоз в пользу запорожского войска. Подтверждая такое обещание своим властным письмом, хан сделал в нем приписку о том, дабы тех из малороссийских или из крымских купцов, которые ехали до Крыма или возвращались из него и не представлялись кошевому атаману, без уплаты денег не перевозить через перевоз. После того запорожцы, снова отобрав по ханскому письму в свои руки Кызыкерменский перевоз, всех ехавших к нему стали отсылать насильно в Сичь, и тогда сколько кошевой атаман напишет перевезти возов, столько и перевозили их, без письма же кошевого вовсе никого не перевозили через Днепр. Кошевой давал от себя для конвоя проводников, и купцы всякому провожатому должны были платить по 10 талеров от себя. Когда же малороссийские купцы, избегая Кызыкерменского перевоза, делали круг в несколько миль степью левой стороны Днепра, то запорожцы настигали их вблизи реки Самары и разграбляли все их товары и добро.

Не решаясь лично предпринять никаких мер против нападений со стороны запорожцев, гетман Скоропадский обратился сперва с запросом по этому поводу к киевскому губернатору князю Голицыну, а потом, по совету последнего, написал письмо к графу Гавриилу Ивановичу Головкину с просьбой прислать ему инструкцию, как поступать с «ворами», и вместе с тем написать о действиях их крымскому хану, особенно же просить об отобрании у них Кызыкерменского перевоза [12].

Но Крымский хан Каплан-Герай далек был в то время от всякой мысли о том, чтобы вредить запорожцам; напротив того, он,

где мог, старался ходатайствовать за них. Так, в это время он писал за каких-то запорожцев, купивших себе на собственные деньги земли под городом Чигирином, польскому гетману Синявскому и просил его оказать им, в случае нужды, всякое вспоможение [13]. В каких собственно видах, какие именно из запорожцев ушли из Крыма под Чигирин и почему за них хлопотал сам хан, осталось неизвестным, но это обстоятельство в связи с другими дает повод думать о том, что хан оказывал внимание запорожскому войску.

Сами малороссияне, несмотря на крепкие царские и гетманские приказы, пользуясь тайными урочищами в разных местах почти беспрерывно проходили целыми купами из городов в Запорожье по сто, по двести, по триста человек и тем самым вызывали новые меры со стороны надлежащих властей киевского губернатора князя Голицына и гетмана Скоропадского для прекращения сношений между Запорожьем и Малороссией. Один козак Миргородского полка (по фамилии Корней Федоренко, долго находившийся в Запорожьи, пришел из Сичи на Украйну и из Украйны снова ходил, с ведома миргородского полковника, в Сичу будто бы для отыскания там каких-то вещей своих. По этому поводу гетману Скоропадскому предписано было козаков, бывших на Запорожьи, потом повинившихся и поселенных на Украйне, отнюдь и ни под каким видом ни в крымские, ни в турецкие области не пускать [14]. Большей частью царские приказания нарушались малороссийскими торговцами, которые ездили в Запорожье по разным торговым делам и вывозили оттуда волошские орехи, соль и рыбу, сами же отвозили горилку, табак и борошно [15].

Между тем в самой Сиче уже давно образовалась партия козаков, которая была недовольна жизнью под властью крымского хана и искала случая во что бы то ни стало испросить прощение у русского государя и снова вернуться на пепелища к Скарбной и к Чортомлыку. Во главе этой партии стоял Иван Малашевич, вновь избранный кошевым атаманом. Считая самым сильным после гетмана человеком миргородского полковника Даниила Апостола, управлявшего в то время пограничным с Запорожьем краем, Малашевич мая 3 числа 1716 года с Коша [16] написал Апостолу горячее, в высоком стиле, письмо и «слезно» просил его быть благим и милосердным к запорожскому войску, которое «покрывается волнами совѣсти душъ своих, познаетъ свой грѣх и вину противко истиннѣ своего прародительного христіанского монарха, которое не желаетъ въ той злости волненій погразнути и имѣетъ простую нелестную (т. е. нельстивую) и ошуканливую [17] мысль подклонитися до его царского величества державы»; усердно молил милостивого пана и добродея принять посылаемый лист и узнать через гетманскую вельможность, прекратился ли гнев палящий царского величества на запорожское войско или все еще и по настоящее время продолжается. «О себѣ, буду-ли я живъ или умру, я не думаю, но я зѣло

скорблю за войско наше, абы отъ гнѣва царского не погибло, и того ради вашей панской милости съ нашею убогою совѣстію перво открившися о милосердіе (-діи) прошу: будь отцемъ, а не губителемъ, и не уведи у пагубу, но изъ погибели изведи, си есть: аще его царского величества до насъ милость есть и винамъ нашимъ окажется ослаба, упевняй насъ, а сей листъ нашъ, никому не довѣряя кромѣ ясновелможного пана гетмана, у себя имѣй; мы полагаемся съ цѣлыми душами нашими на совѣсть душъ панскихъ вашихъ, абы вы не довели насъ до згубы» [18].

Прождавши напрасно ответ от полковника Апостола в течение пяти с половиной месяцев, кошевой атаман Иван Малашевич решился повторить свою просьбу и послал ее уже не Апостолу, а самому гетману Скоропадскому. Это письмо написано было еще трогательнее и еще торжественнее, нежели письмо к миргородскому полковнику Апостолу. «Слышали мы, атаманъ кошовій войска запорожского низового, отъ читающихъ божественное святое евангеліе, что въ немъ Христосъ — истина поучаетъ не гнушатися приходящихъ къ нему грѣшниковъ отриновенныхъ своея благодати и человѣколюбія». Уповая на Христа сына божия и на пресвятую Деву Марию, божию родительницу, кошевой атаман и войско запорожское, поливая стопы рейментарской милости, молили со слезами панскую вельможность милостивого пана и добродия, как ближайшего секретаря тайн царских, не презреть гласа запорожцев, согрешивших перед царским величеством, отвергшихся его благости и много нагрубивших рейментарской милости. «Воспріими, яко отецъ небесный, исповѣданіе вины и прозбы нашой и аще будетъ возможно, а вашой панской милости угодно, сей нашъ смиренный совѣтъ и преподлѣйшое хотѣніе его царскому пресвѣтлому величеству доноси и неиначей, яко и Христосъ на крестѣ блаженному разбойникови возгласи: днесь съ намы синамы восточного благочестія Великія и Малыя Россіи будете въ раи, си есть: обратилъ Господь царское сердце въ милость пріяти къ намъ до его царской держави». Все запорожское низовое войско усердно просило милостивого государя излить на него щедрость и вернуть ему прежние для обитания места, потому что на иное мешканье, т. е. в малороссийские города, оно, с низу Днепра и всем своим составом не пойдет, хотя отдельным лицам, желающим идти в города, не забороняет пути. Пусть всемилостивый государь и свою грамоту на то даст и ею все вольности, и все, какие были, пространства закрепит и ничего, что положено и утверждено от первейших благочестивых монархов, не отнимает у них. За ту милость все запорожские низовые козаки обещают царскому величеству усердно служить и верность ему свою содержать. «Тилко о семъ, велможный пане, зъ милости вашой рейментарской взявши певность [19] о милосердію царскомъ (чи приняты будемъ в державу его царского пресвѣтлого величества, или оминетъ насъ тое отъ его царского величества

всероссійского пресвѣтлѣйшого нашего манархи) намъ, атаману кошовому, не скрываючи, изяви скоро-скоро, понеже мы, кошовый, еще милость царского величества всероссійского нашего монархи чрезъ вашу велможность мнѣ подастся упевняючая грамотою въ днѣпровыхъ черняхъ мѣшканья нашего и подтверждаючая права и волности наши войсковіи, яковіи внасъ отъ первыхъ антецессоровъ благочестивыхъ монарховъ и отъ самого его царского пресвѣтлого величества бывали, на нашу душу кошовую все войско, гдѣ есть наше, подвигну, кгдижъ часовъ сыхъ не есть вкупѣ, но и на часты разорвано по сторонахъ бесурменскихъ, едныхъ волною волею, а другихъ и не хотячихъ, я привлеку до поклоненія царской державѣ, аще мя Богъ на сюй власти и въ живых задержитъ».

Изложив всю свою просьбу, кошевой атаман «покорно-покорно» просил вельможного гетмана дать ему или через письмо или через певного и подухвалого [20] человека, соблюдая строгую тайну от татар, скорый ответ на милость или немилость царскую, и заканчивал свое письмо так: «Нѣби (подобно тому какъ) израилтяны отъ Египта въ землю обецанную, въ державу царского величества изыйти желаніе имѣемъ и доземной нашъ поклонъ вашей панской милости воздаючи пребываю вашой панской велможности милостивому нашему пану отцу и благонадежному добродѣеви всего добра истый обрѣтатель и поволный слуга и подножокъ Иван Малашевичъ атаманъ кошовый войска запорожского низового з Коша низового октоврія 14, року 1716» [21].

Не дождавшись ответа и от гетмана Скоропадского, кошевой атаман через 10 дней после написания своего листа написал в тех же словах лист миргородскому полковнику Даниилу Апостолу [22].

Во все это время кошевой атаман Малашевич всеми силами старался удерживать запорожцев от нанесения какой бы то ни было обиды подданным русского царя и когда осенью означенного года какие-то козаки Паско да Стецко, бывшие запорожские «товарищи-караванчики», разграбили какой-то караван, то запорожцы «тотъ караванъ с великою бѣдою и тяжестью отбыли войскомъ, установивъ от вѣка небывалую на все въ теченіе цѣлаго года аренду» и таким образом заплатили за них «тысячей золотыхъ девять сто таляровъ и тридцять» [23].

Все письма кошевого атамана Малашевича доставлены были в Москву, но было ли о просьбе его доведено до сведения государя — неизвестно. Сам государь в то время находился в голландском городе Амстердаме и января 8 дня 1717 года дал гетману Ивану Скоропадскому такого рода инструкцию по поводу его запроса, набирать ли в русские полки запорожских козаков или же не набирать: «А что требуете вы нашего указу о запорожцахъ, тѣхъ, которые въ прошлыхъ годѣхъ пришли и вины свои намъ, великому государю, принесли, и по нашему указу повелено оныхъ распустить и жить имъ позволить въ Малой Россіи у свойственныхъ своихъ,

Но что изъ нихъ тѣ, которые свойственниковъ своихъ не имѣютъ и стоятъ даромъ по квартирамъ, а угодны явятся въ службу охочую, въ сердюки, прибирать-ли тебѣ оныхъ въ ту службу, и мы, великій государь, наше царское величество, оныхъ, яко бывшихъ въ явной противъ насъ измѣнѣ, и всегдашнихъ самовольниковъ и легкомысленныхъ, въ службу сердюцкую прибирать тебѣ, подданному нашему, не повелѣваемъ, понеже отъ оныхъ вѣрной службы намъ уповать и впредь нечего, но опасаться великаго худа. А ежели потребно тебѣ, подданному нашему, прибрать въ сердюцкую службу, то соизволяемъ мы, великій государь, наше царское величество, тебѣ, подданному нашему, выбрать изъ вѣрныхъ и въ измѣнѣ неприличившихся, въ ту службу угодныхъ, козаковъ; а тѣхъ запорожцевъ точно тебѣ употреблять въ какую работу и домашнюю службу, ежели оные подъ городомъ гдѣ жилища себѣ воспріять и на грунтахъ жить не похотятъ и сыскать себѣ пропитанія не могутъ» [24].

При всем том неутомимый кошевой Малашевич нисколько не уставал в своих просьбах и в июле месяце 1717 года вновь обратился к гетману Скоропадскому и к полковнику Апостолу с прошением об исходатайствовании запорожскому войску у государя прошения и о дозволении ему поселиться «на первобытномъ мѣстѣ» с укреплением за ним всех милостей, которые были дарованы козакам «отъ первѣйшихъ монарховъ и отъ его царского пресвѣтлого величества». «Не хощемъ мы въ злобѣ бѣсовской и въ части Іудиного отчаянія заставати, а хощемъ вины и грѣха нашего, имъ-же Бога и его царского пресвѣтлого величества маєстатъ изгрубили, каятися, истинною... Вси (всѣ) мы радостно отъ протектора нашего, хана крымского отступимъ, а принесши вѣрность нашу, яко-же євангельская вдова и праведный Авель Господу дары, доживотне восточному нашему истинному государю и ясневелможному его милости пану гетману всѣмъ милостямъ панамъ служитememъ безъ всякой превратности» [25].

Но ни от гетмана Скоропадского, ни от полковника Апостола по-прежнему ответа никакого не было, и кошевой атаман Малашевич поставлен был в большое затруднение лавировать между Крымом и Россией. С одной стороны, кошевой, как подданный крымского хана, должен был действовать в его пользу и во вред русского царя; с другой стороны, домагаясь получить позволение вернуться на прежние места жительства, кошевой должен был втайне содействовать видам русского царя. В таком именно положении очутился Малашевич во время столкновения донцов и калмыков с партией запорожцев. Партия запорожских козаков в числе 70 человек под предводительством какого-то Алистрата [26], отправилась после праздника Петра и Павла к Великому Лугу и к реке Московке. Там на эту партию наскочили донцы и калмыки и, кроме самого Алистрата, истребили ее на месте. За запорожцев выступил было мстителем какой-то крымский салтан: собравшись целой ордой, он

хотел было идти в землю донских козаков и в слободские города, куда и кошевому атаману приказал с выборным товариством следовать за собой. Но кошевой, встретив салтана с подобающей честью, стал советовать ему отложить поход, упирая на то, что это будет противно мирным трактатам между Турцией, Крымом и Россией. «Да этого, говорилъ кошевой, и въ дѣло нечего ставить, потому что тутъ своевольники погромили своевольниковъ; къ тому-же наши своевольники, которымъ мы, согласно ханскимъ указамъ, неоднократно запрещали, все-таки ходятъ тамъ и больше шкодятъ, нежели они нашимъ». На такой совет крымский салтан, успокоившись, заметил, что если сам кошевой не жалует своих людей, то и он, хотя и считал своим долгом отомстить за них, потому что татары обязаны стоять за запорожцев, как за своих гостей, откладывает свое намерение и немедленно возвращается назад; однако, для подлинной ведомости о том, сколько побито было в названных местах людей, посылает 150 человек татар и 17 человек козаков. Сам кошевой считал виновников столкновения запорожцев с донцами одного лишь, которого и хотел подвергнуть наказанию, Алистрата, за его дела, но и этому ничего не мог сделать, потому что Алистрат находился в дружбе с татарами и всегда водил с ними веселые попойки.

Независимо от этого кошевой Малашевич испытывал и другие затруднения вследствие своего двусмысленного положения. Так, к нему обращался очаковский паша Гамет с запросом, верна ли та весть, которая донеслась до него с московской стороны, а именно весть о том, будто русский фельдмаршал Шереметев, стянув свои войска из Польши, имеет намерение идти под город Азов. Паша просил кошевого, если он знает об этом что-нибудь верное, сообщить ему подлинные вести, и он, похваляя приятельство его, объявит о том великому везирю и своему «царю» [27].

Но взоры кошевого по-прежнему обращены были не к турецкому, а к русскому царю. Кошевой все еще не терял надежды получить ответ от русского государя на свои слезные послания; тем более, что между запорожцами в то время «пронеслось эхо» о том, будто бы для них заготовлена царская грамота, находящаяся пока у губернатора князя Димитрия Михайловича Голицына в городе Киеве.

Слух этот, однако, не оправдался. В начале августа месяца к кошевому Малашевичу прибыл с словесным ответом на его лист козак Миргородского полка Семен Сиса. Каков был тот ответ — неизвестно. Но во всяком случае кошевой Малашевич был сильно опечален тем, что не получил на свои листы письменного от полковника Апостола ответа и выговаривал Сисе за то, что он, сколько раз уже приезжал к запорожцам, а на письме никакого ответа не привозил и только одними словами их утешал. «А если-бы милостивая его царского пресвѣтлого величества таковая къ намъ была

прислана грамота, которою-бы мы могли надѣючися певне милости монаршей сердца свои увесилити, же будетъ, колвекъ хотя колко лѣтъ изождавши, под державу его-жь царского величества приняты и по-прежнему при содержаніи давныхъ правъ войсковыхъ съ Кошемъ у Днѣпра найдоватися, то я-бы и иншее товариство, между яким хочай уже нѣкоторые и суть со мною единого совѣту, оную для увѣренія вычитуючи предъ ними до единомыслного наклонялъ согласія, а легкомысленниковъ отъ злости, якую они обыкли выполняти, повстягалъ, аже-бы всему товариству снявшися съ Коша, пойти на Украйну для мѣшканья, то трудно мнѣ то учинити, чего и нашему товариству, же-бы то не пронеслося, и объявити опасно»[28].

Напрасны были все старания кошевого: царь Петр Алексеевич по-прежнему далек был от того, чтобы переменить в отношении запорожцев свой гнев на милость. Еще в самом начале июля месяца канцлер граф Гавриил Иванович Головкин, находившийся в то время в голландском городе Амстердаме, на доношение гетмана Ивана Скоропадского о просьбе запорожцев принять их в подданство российского монарха отвечал ему так: «Что принадлежитъ о запорожцахъ, которые паки къ вашей вельможности и къ господину полковнику миргородскому отзываются, прося, дабы имъ позволено было жить при Днѣпрѣ, то на сіе нынѣ времени не имѣемъ къ вашей вельможности отвѣтствовать, понеже надѣемся въ скорыхъ числахъ возвратиться въ Санктпетербургъ, откуды о томъ надлежащее опредѣленіе прислано къ вамъ объ нихъ будетъ; а между тѣмъ теперь ссылаюсь о томъ на прежніе его величества именные указы, къ вашей вельможности объ нихъ прежде сего отправленные» [29].

Но и из Петербурга на просьбу кошевого Малашевича никакого ответа не последовало. Только из Москвы тот же граф Головкин сделал гетману Скоропадскому запрос о запорожце Федоре Леонтьеве, приезжавшем ко двору государя во время Мазепиной измены от имени запорожских козаков с обещанием быть в верности царскому величеству, но задержанном в Москве: «И я вашей велможности предлагаю, ежели онъ подлинно такой человѣкъ и въ явной измѣнѣ не былъ, отпустить его изъ Москвы на Украйну» [30].

Отказы кошевому атаману со стороны царя по-прежнему нисколько не мешали сношениям запорожцев с малороссиянами, главным образом по торговым и промышленным делам. Запорожские купцы по-прежнему проникали из Сичи в Малороссию и из Малороссии пробирались даже в Москву, везде находя себе приют и тайное сочувствие со стороны разных лиц. Так, в 1718 году некто Токарь, запорожский торговый человек, немалое время проживал на подворье спасского попа Святайла ради своих промыслов. Его пребывание у Святайла открыто было только тогда, когда он вы-

ехал из Святайлова хутора Коломацкого в запорожскую Сичь и на него напал полевой сторож «давній злодіюка», Коляда, забрав все его добро — воз, коней и стоивший 89 талеров товар. Другой запорожский купец по фамилии Горб, торговавший всегда в Сичи «на коморѣ», переехал из Запорожья в Полтаву и из Полтавы пробрался в Москву, где получил для купеческих промыслов от бывшего там обозного Полтавского полка Нащинского 1000 талеров, на которые накупил себе товару и с тем товаром вернулся в Полтаву на артиллерийских полтавских конях. Так об этом доносил в Полтаву князю Бабичеву капитан Горохов: «Для того и существуетъ жестокій царского величества указъ, чтобы никто изъ вѣрноподданныхъ монаршихъ не сносился съ запорожниками, ни съ какимъ въ запорожскую Сѣчу товаромъ не ѣздилъ и никакихъ туда гандлівовъ не дѣлалъ... Отъ чего теперь и моровая язва усилилась, какъ не отъ того воровства. Когда возьмутъ къ розыску названныхъ выше Коляду, Горба и хлопца Токареваго (т. е. хлопца, бывшего с запорожцем Токарем), тогда много чего о ворахъ могутъ отыскать» [31].

Но запорожцев одни сношения с Малороссией по торговым делам не удовлетворяли, и в 1718 году они вновь послали через полковника Апостола челобитную царю и письмо гетману с просьбой о дозволении вернуться им на родные места, и так как в те поры (в ноябре месяце), в Крыму и в Запорожье был мор на людей, то гетман отправил к царю не самую челобитную, а копию с нее при собственной отписке своей [32].

С наступлением 1719 года запорожцы еще с большей настойчивостью стали добиваться возвращения на свои прежние места. В этом году в Крыму «учинился» новый хан Саадат-Герай. В январе месяце от Саадат-Герая прибыл посол в Переволочну сам-треть и с одним запорожским козаком. Вследствие свирепствовавшего в Запорожье на людей мора, ханский посол, проезжавший через Сичь, был задержан против Переволочны, у правого берега Днепра, и только по прошествии долгого времени отпущен в Глухов для вручения гетману ханского письма. Ханское письмо, распечатанное и окуренное в дыму, отправлено было к царю, сам же посол задержан в Глухове у гетмана. По объявлению посла, он прислан из Крыма к гетману с тем, чтобы объявить об учинении в Крыму нового хана Саадат-Герая, брата прежнего хана Каплан-Герая. Новый хан хочет содержать постановленный между Крымом и Россией мир ненарушно, и какие чинили запорожцы своевольства или впредь будут чинить, таковых обещает карать смертью, а о моровой язве заявляет, что в Крыму и в Сичи ее уже нет [33].

И выбор нового хана и посольство, отправленное им в Россию, сильно встревожили запорожцев. Если всякая перемена правления принимается массой с опасением за существующий порядок в государстве, за собственное спокойствие и за благосостояние личных

благ, то тем в большей степени это обстоятельство подействовало на запорожцев, и с тех пор они с особенным рвением стали простирать свои руки к русскому государю.

А между тем на самих запорожцев в это время жадно обращал свои взоры гетман без булавы Филипп Орлик. Выбранный в Бендерах взамен Мазепы, гетман Филипп Орлик вместе с собственной женой и детьми, с генеральным бунчужным Федором Мировичем [34], Федором Нахимовским и собственным зятем генеральным асаулом Григорием Герциком и другими лицами после удаления Карла из Турции уехал в Швецию и поселился в Христианштадте. Находясь в Швеции, Орлик все свои силы употреблял на то, чтобы составить союз европейских держав во главе со Швецией против России. Со смертью Карла XII (в 1718 году) Орлик и его товарищи из Христианштадта переехали в Стокгольм и нашли там приют у преемницы Карла XII Ульрики-Элеоноры. Проживая в Стокгольме, Филипп Орлик вступил в переписку с запорожским войском и первое его письмо, дошедшее из Стокгольма в Сичь, было написано декабря 8 числа 1719 года. В этом письме Орлик прежде всего извещал кошевого атамана и все старшее и меньшее товарищество о смерти «вѣчно достойнаго и наяснѣйшаго» короля шведского Карла XII; затем высказывал скорбь по поводу громадного расстояния, отделявшего его от низовых козаков; выражал свою любовь, приязнь, зичливость и заботу об их судьбе и о судьбе всей Украйны; напоминал запорожцам о двукратном к ним послании, о письме своем к крымскому хану Каплан-Гераю с просьбой к его ханской милости взять запорожцев «въ особливую ласку, протекцію и опеку до пѣвного часу», об отправке нескольких листов почтой на Шленск, т. е. Силезию, в город Бреславль к генерал-майору Урбановичу с передачей их добрым молодцам в Сичу. В последних листах извещалось добрым молодцам о том, что шведский король Карл XII с огромными силами войск, каких раньше у него не было никогда, решил было переправиться на ту сторону моря, но внезапная смерть пресекла его намерения. Но если Бог допустил смерть короля, то сделал это для скорейшего спокойствия, для прекращения между людьми кровопролития, зато для большей московской руины. Преемница короля, его родная сестра Ульрика Элеонора, уже заключила мир со всеми своими врагами, польским, прусским и датским королями, составила с ними союз и тем получила помощь для войны с русским царем. С Элеонорой также вошли в союз правительство голландское, христианский цесарь, французский и английский король, которые стремятся и Порту турецкую подвинуть против Москвы. Все названные христианские монархи, видя как Москва укрепилась на море и на земле, как она стала всем страшна, составили между собой в помощь Швеции союз и решили единодушно и беотлагательно с наступлением весны воеваться на суше и на воде с русским царем. Ввиду этого и он, Орлик, видя наставшее благоприятное

время для вызволения Малой России из московского ярма, съехал из Христианштадта в Стокгольм, где находится уже в течение 11 месяцев при дворе шведской королевы и оттуда он сносится с польским королем [35].

Однако, и Ульрика-Элеонора недолго была королевой Швеции: она уступила корону своему мужу Фридриху, герцогу гессен-кассельскому, а сама ушла в частную жизнь. Тем не менее запорожские козаки, узнав о смерти Карла и о вступлении на престол Ульрики-Элеоноры, послали последней «благопріятный» лист, в котором, выразив свое сожаление о преждевременной смерти славного короля, поздравляли Ульрику-Элеонору с принятием скипетра. Вместо королевы отвечал запорожцам сентября 25 дня король Фридрих I собственным письмом, в котором он выражал полную готовность оказывать запорожцам милость и склонность во всех их вольностях и делах [36].

С письмом Фридриха I послан был к запорожцам Федор Нахимовский, который отправлен был собственно к хану в Крым, оттуда к силистрийскому паше в Хотин и по пути должен был доставить королевское письмо запорожским козакам. По прибытии в Сичь Нахимовский должен был словесно сообщить всему войску о рассылке к разным монархам писем шведского короля, о тех пунктах, какие написал Орлик в инструкцию королевским послам и полномочным Украйны обеих сторон Днепра, о всех приготовлениях и военном союзе, какой составляется европейскими монархами против русского царя и с какими средствами союзники думают в предстоящее лето выступить на войну. Отправляя в такой далекий путь своего посланца, Филипп Орлик просил запорожских козаков оказать ему помощь благополучно доехать в Крым и из Крыма к силистрийскому паше для доставки королевских листов.

Вместе с Федором Нахимовским выехали из Стокгольма Григорий Герцик, Федор Мирович и несколько человек комиссаров от короля. До возвращения Нахимовского из Крыма все спутники его должны были оставаться в городе Варшаве и хлопотать о привлечении польского короля к союзу для борьбы против русского царя и о доставлении запорожскому войску клейнотов от польского короля [37]. Марта 19 числа генеральный асаул Федор Мирович написал из Варшавы запорожским козакам письмо, в котором уведомлял низовых товарищей о том, что за смертию короля Карла XII, убитого под Фридрихсгалем, всем украинцам стало «барзо трудно» в Швеции, почему они съехали в Польшу. Пребывая телом в Польше, Мирович принадлежит душой и сердцем отчизне, Малороссии и Запорожью [38].

Однако, в Польше малороссиянам-эмигрантам не было так безопасно, как в Швеции. Так один из товарищей Нахимовского Григорий Герцик был арестован при варшавском дворе русским резидентом князем Григорием Долгоруким и отправлен в Россию. Что

касается самого Нахимовского, то хотя он и избежал участи Герцика и даже успел съездить в Крым, но успеха в своей поездке не имел, и крымский хан дал ему такой ответ, что без соизволения султана он отнюдь не будет воевать с московским царем.

В самой Сиче также далеко не все готовы были поднять оружие против русского царя, и первый открыто заявил о том кошевой атаман Иван Малашевич: «Вотъ видите, паны молодцы, что объ насъ и другіе государи стараются, но только я вамъ объявляю, что хотя и клейноты будутъ, но кто хочетъ, пусть идутъ куда угодно, а я ни с мѣста не ворохнусь; пусть себѣ дерутся или мирятся, намъ до того дѣла нѣтъ — намъ надобно сидѣть тихо; а кому надобны будемъ, тѣ насъ сыщутъ» [39]. Впрочем, между запорожцами нашлось немало лиц, которые иначе отнеслись к Филиппу Орлику: приняв послание Орлика, они ответили на него очень теплым письмом и вручили его Федору Нахимовскому для доставки в Стокгольм гетману. В том письме запорожцы признавали Орлика «притоманнымъ» своим вождем, выражали ему свою приязнь и любовь и ценили его за то, что он ради «публичныхъ дѣлъ и общей пользы малороссійского народа удалился въ чужой полуночный край».

Ответное письмо запорожцев застало Филиппа Орлика еще в Стокгольме, где он оставался до 11 октября 1720 года. Орлик нашел письмо вполне благоприятным для себя и, желая принести истинную пользу своей отчизне и всему малороссийскому народу, а также желая быть поближе к запорожскому войску, оставил, с королевского соизволения, столицу Швеции Стокгольм, перебрался через море и в ноябре месяце прибыл в силезский город Бреславль. Перед отъездом из Швеции Орлик выпросил у королевского величества несколько писем до цесарского величества и до королей английского и польского, до блистательной Порты Оттоманской, до наяснейшего хана крымского, до других державных особ. Прибывши в немецкую землю, Орлик некоторые из королевских писем разослал по назначению, имея целью составить сильный союз монархов против русского царя. Из Бреславля он обещался приехать в Сичь и соединиться с «добрыми молодцами, милой братіей своей». А пока просил всех добрых молодцов и кошевого атамана Ивана Пилипова отнюдь не слушаться ложных московских обещаний и свое мужественное сердце от них отвращать, твердо помня о том, что когда, не дай Бог, «непріятель» уловит войско запорожское своими прелестями и перетянет на свою сторону, то тогда козаки подлинно себя в вечную неволю отдадут, и весь народ погубят, и перед целым светом свою слабость покажут [40].

Все эти сношения запорожцев с королевой Ульрикой-Элеонорой, королем Фридрихом I и Филиппом Орликом странно вяжутся с теми неотступными и слезными просьбами, с которыми запорожцы обращались к русскому царю о принятии их под протекцию России. Объяснить это можно только временным настроением запорож-

ского войска и симпатиями нового кошевого атамана Ивана Пилипова, который, вероятно, в совершенно ином духе влиял на некоторых из козаков, нежели Иван Малашевич, прежний кошевой атаман.

Сношения запорожских козаков с Филиппом Орликом не остались тайной для царя Петра и, назначая в конце 1720 года комендантом города Полтавы и крепости Переволочны полковника Скорнякова-Писарева, царь отдал приказ, чтоб «малороссіяне на Запорожье съ товарами и ни съ чѣмъ другимъ не ѣздили, а крымцы съ собой запорожцевъ не привозили; запорожцы, ни для чего въ города не пропускались, кромѣ тѣхъ, которые будутъ приходить къ царю сами съ повинною» [41].

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ништадтский мир России с Швецией.— Уход Филиппа Орлика из Швеции во Францию и из Франции в Турцию.— Уничтожение в Малороссии гетманства и введение Малороссийской коллегии.— Намерение турецкого султана идти войной под украинные русские города и меры по этому поводу царя Петра.— Политика в отношении запорожцев при преемниках Петра.— Возвращение Малороссии гетманства и просьбы запорожцев о дозволении им вернуться в пределы России.— Самовольное возвращение запорожцев на Чортомлык.— Письмо крымского хана к запорожцам, возвращение их под протекцию хана и поселение при устье речки Каменки.— Показание козака Семена Беспалого, данное графу Борису Петровичу Шереметеву о состоянии войска запорожских козаков в Каменской Сичи, о числе всего войска, о занятых им местах и о промыслах его.

Напрасно Филипп Орлик, желавший освободить Украйну «от ярма московского», возлагал свои надежды на Швецию. Пока жив был Карл XII, Орлик мог по крайней мере мечтать о том, что шведский король скоро или нескоро составит коалицию западноевропейских держав и, став во главе такой коалиции, сломит силу гордого своими успехами русского царя. Но Карл XII внезапно погиб от пули ненавистного злодея, и тогда все значение Швеции в глазах Орлика исчезло. И точно, скоро после смерти Карла Швеция, обессилевшая от продолжительных с соседями войн, под конец заключила с Россией в 1721 году в городе Ништадте вечный мир. После того Филиппу Орлику ничего другого не оставалось делать, как навсегда покинуть Швецию, и он ушел из Швеции сперва во Францию, а из Франции удалился в Турцию и поселился в городе Салониках. Теперь он все надежды свои возложил на Турцию, рассчитывая возбудить ее против России. Но расчеты Филиппа Орлика и здесь не оправдались. После окончания великой Северной войны русский царь, принявший с этих пор титул императора, приобрел огромное значение в Западной Европе и сделался полновластным хозяином у себя дома. К запорожским козакам он по-прежнему относился отрицательно и на все их просьбы о принятии в пределы России со всем Кошем отвечал отказом. В Малороссии Петр учредил мая 16 дня 1722 года так называемую малороссийскую коллегию, в смысле органа центральной власти, состоявшую из пред-

седателя и шести человек чинов штаб-офицеров, и находившуюся в городе Глухове. Тщетно гетман Скоропадский, лично ездивший в новую столицу, хлопотал об отмене малороссийской коллегии: он вернулся из Петербурга ни с чем и в июле месяце внезапно скончался тотчас по прибытии на родину. После смерти Скоропадского киевскому губернатору князю Ивану Юрьевичу Трубецкому послан был указ смотреть и проведывать тайно, чтобы у жителей Малороссии не было пересылок с запорожским войском, с Филиппом Орликом и с прочими изменниками. С тем же предписанием послан был указ и командующему войсками на юге генерал-майору графу фон-Вейсбаху [1]. Для управления Малороссией назначен был наказной гетман, Черниговский полковник Павел Полуботок, избрание же настоящего гетмана отложено было на неопределенное время.

Такое положение дел в Малороссии лишало запорожских козаков всякой надежды на возвращение к своим родным пепелищам и им оставалось одно — сидеть в днепровском низовье под властью Крыма.

В это время русский император, закончивши продолжительную войну на западе и ставши прочной ногой у Балтийского моря, перенес свое внимание с запада на восток к Каспийскому морю и открыл поход в кавказские владения Персии. Поход этот начат был в половине лета 1722 года и продолжался под личным предводительством императора до сентября месяца того же года. Достигнув города Дербента, Петр сам повернул назад в Астрахань, а вместо себя оставил для продолжения военных действий несколько полков под начальством боевых генералов.

Известие о персидском походе русского императора немедленно дошло до турецкого султана и султан объявил, что только Порта имеет право претендовать на обладание Персией. Сторону Турции взяла Англия, которая стала подбивать султана объявить войну России. Тогда султан начал выискивать различные поводы для объявления войны русскому императору. Воспользовавшись ходившим в то время слухом о намерении русского самодержавца строить крепости в низовьях Днепра и о данном будто бы им дозволении своим подданным, донцам и калмыкам, грабить татар и запорожцев, султан отправил своего полномочного посла с представлением о том в Петербург.

Тогда русский император, желая собрать вести об истинных намерениях турок и татар, послал полтавскому наказному полковнику Черняку приказ сделать по этому поводу тайные разведки в Крыму и полученные вести доставить в Петербург. По тому приказу полковник Черняк в конце месяца ноября 1722 года отправил в Крым и в Запорожскую Сичь некоего козака Криворученка. Козак Криворученко доехал сперва до Переволочны на Днепре, а оттуда спустился на Кызыкерменский перевоз и застал там кошевого

атамана Василия Титаровского [2]: кошевой провожал сичевых козаков, которые должны были сопровождать Капич-пашу, ехавшего через Крым в город Азов на комиссию. Тут Криворученко узнал, что крымская орда еще в октябре месяце, на Покров, собиралась идти на великороссийские и малороссийские города, но, получив приказание от султана воздержаться от похода до возвращения турецкого посла от русского царя, на время свой поход отложила. В своем указе султан объявлял, что если от царя не будет удовлетворения за причиненные в людях и в скоте калмыками и донцами татарам и запорожцам шкоды, а также, если не будет указа о снесении городков, которые царь приказал соорудить в низовьях Днепра, то татарам и запорожцам приказано будет идти под великороссийские и малороссийские города.

Получив подлинные о неприятельских замыслах вести, русский император поспешил предупредить о том главных генералов и командиров Киевской и Азовской губерний, а также велел послать указы о том малороссийской генеральной старшине и заодно с тем войску донских козаков [3].

Это было декабря 31 числа 1722 года, а 28 января 1725 года императора Петра уже не было в живых.

Преемница Петра Екатерина I, вступив на престол, следовала в отношении запорожского войска взглядам своего державного супруга. Апреля 22 дня 1725 года она отправила азовскому губернатору генерал-майору Григорию Петровичу Чернышову следующую инструкцию «Объ управленіи азовскою губерніею» и об обращении с запорожскими козаками.

«Объявить тѣмъ, которые будутъ ѣздить въ Крымъ, чтобы къ запорожцамъ отнюдь не заѣзжали, и о томъ учинить заказъ крѣпкій подъ жестокимъ наказаніемъ и отнятіемъ всего того, съ чѣмъ кто туда дерзнетъ пріѣхать; а изъ крымцевъ, которые въ губернію его пріѣзжать будутъ, дать знать, чтобы они при себѣ измѣнниковъ запорожцевъ и прочихъ ни съ товарами, ни для какихъ дѣлъ въ губернію Воронежскую и никуда въ великороссійскіе города такожъ и изъ той губерніи, ни откуда чрезъ губернію ту на Запорожье съ товарами, ни за добычею и ни съ чѣмъ другимъ отнюдь не пропускали, чего на заставахъ приставленнымъ приказать смотрѣть накрѣпко подъ опасеніемъ жестокаго штрафа. А которые запорожцы будутъ приходить съ повинною или съ другими какими письмами или словесными приказами, такихъ задерживать, а о томъ писать къ генералу князю Голицыну, такожъ рапортовать и подлинныя письма присылать въ сенатъ, оставляя съ оныхъ у себя списки, а не описався въ сенатъ, съ ними, запорожцами, яко съ измѣнниками, никакой письменной пересылки отнюдь не имѣть и на ихъ письма не отвѣтствовать, также и той губерніи за обывателями смотрѣть, чтобъ у нихъ какъ съ ними, такъ и съ прочими пограничными подозрительныхъ корреспонденцій не было; а ежели будутъ происходить отъ

турокъ и татаръ и измѣнниковъ запорожцевъ тамошнимъ обывателямъ всякія обиды, а поиманы не будутъ, генералъ-маіору и губернатору о всякихъ случившихся дѣлахъ въ турецкую область къ порубежнымъ пашамъ и къ крымскому хану писать; а ежели изъ нихъ измѣнниковъ, запорожцевъ, въ земляхъ императорского величества кто поиманы будутъ, и тѣхъ разыскивать, а что по розыску явится, о томъ писать въ сенатъ, а о прочей корреспонденціи съ пограничными поступать по указамъ изъ иностранной коллегіи»[4].

Так прошло еще два года и положение запорожских козаков по-прежнему не изменилось к лучшему.

Но вот вступил на русский престол новый государь Петр II и с ним пошло новое веяние в России. Малороссии возвращено было право выбора гетмана, и тогда в гетманы избран был миргородский полковник Даниил Апостол, к которому поставили в качестве руководителя русского правительственного советника Федора Наумова. Запорожцы скоро узнали о перемене дел в Малороссии, но не знали еще подлинно, кто был избран в гетманы. До них донесся слух, будто гетманскую булаву получил в Малой России знатный польский пан Сапега. В Сичи в ту пору объявился какой-то шляхтич Антон Хмелевский, как потом оказалось, бежавший из Польши от долгов и из боязни быть преданным в руки правосудия за различные подлоги. Кошевым атаманом запорожских козаков состоял в то время Павел Федоров[5]. Октября 19 дня 1727 года кошевой атаман Павел Федоров с товариством написал несколько листов на имя мнимого гетмана Сапеги с просьбой о принятии запорожцев «въ державу императорского величества и объ отпущеніи имъ ихъ винъ» и те листы отправил поляком Антоном Хмелевским и его товарищем Стефаном Козаревским. Посланные листы сперва доставлены были тайному советнику Федору Наумову; от Наумова отосланы в коллегию иностранных дел и из коллегии иностранных дел поступили в верховный тайный совет. Решением верховного тайного совета предписано было Федору Наумову и обще с ним гетману Даниилу Апостолу дать запорожскому войску через присланного поляка Хмелевского словесный ответ в таком смысле: «Если его императорское величество, какъ милосердный монархъ, усмотритъ прямое и вѣрное намѣреніе со стороны запорожцевъ исправиться въ своихъ винахъ, то тогда онъ прикажетъ принять ихъ попрежнему въ свою державу; тогда гетманъ и тайный совѣтникъ будутъ вспомоществовать имъ. Но для того нужно, чтобы они пребывали при томъ своемъ намѣреніи и въ вѣрности непоколебимо и для вящаго увѣренія гетмана и тайнаго совѣтника по временамъ доставляли корреспонденцію и тайную пересылку имѣли и о тамошнихъ татарскихъ и турецкихъ обхожденіяхъ гетмана и совѣтника Наумова увѣдомляли, дабы, усмотря по тому ихъ вѣрность, возможно было, при благополучномъ времени ихъ желаніе въ дѣйство привести. Сей отвѣтъ оный Хмелевскій или можетъ самъ у себя записать или можно ему и на

письмѣ, но безъ всякой подписи, дать, и оного, по пристойности подаривъ, отпустить» [6].

Получив такой указ, гетман Апостол и тайный советник Наумов изложили ответ запорожскому войску на бумаге, но «безъ подписанія» и, вручив его Хмелевскому, отпустили последнего с наградою до Запорожской Сичи. Но Хмелевский, возвращаясь назад, разгласил по дороге о том, что русский император по просьбе запорожцев обещал им оказать свою милость и принять по-прежнему под свою державу. Слух об этом быстро распространился между татарами и через некоторое время дошел в самый Крым.

Запорожцы, долго не подозревая, с кем они имели дело, по возвращении Хмелевского в Сичу, написали несколько писем (кошевой атаман Павло Сидоренко марта 3 дня, войсковой судья Карп Сидоренко марта 7 дня) и отправили их в Глухов тем же Хмелевским, каким-то Добошом [7] и четырьмя простыми козаками. И кошевой атаман и войсковой судья выражали горячую благодарность подлинному гетману Даниилу Апостолу и советнику Федору Наумову за доставленный в Сичу ответ от имени императорского величества и вновь молили их принять все войско без замедления в подданство России, причем сообщали разные о неприятелях вести и передавали о том, что войско их еще далеко не в полном собрании. В заключение же просили, когда Антон Хмелевский прибудет в Глухов, отобрать у него все листы, какие при нем окажутся, самого же его задержать в Глухове и не выпускать до времени из Малой России, потому что «онъ показалъ нѣкоторое въ прежней своей посылкѣ непостоянство» [8].

Как бы то ни было, но ответ верховного тайного советника, присланный запорожскому войску через шляхтича Хмелевского, сильно взволновал все Запорожье. Гетман Даниил Апостол и советник Федор Наумов скоро извещены были через присланных к ним козаков от запорожского полковника Ивана Петрова о том, что все запорожцы хотят, забрав войсковые клейноты, оставить новую Сичу и перейти на старую под протекцию императорского величества. Такое желание охватило всех запорожцев, как бывших в Сиче, так и находившихся вдали от нее. Сам кошевой атаман Паско или Павел Сидоренко в это время находился в турецком городе Бендерах, и его место заступал войсковой судья Карпо Сидоренко. После праздника Богоявления Господня Карпо Сидоренко получил через козака Поповического куреня Величка письмо от запорожского полковника Иванца («который прежде былъ запорожскимъ кошевымъ») с Кубани, где он находился по приказанию хана с 1000-ю человек[ами] запорожского войска. Удержав у себя до времени письмо полковника, войсковой судья Карпо Сидоренко послал известие о том кошевому атаману в Бендеры. Когда же кошевой прибыл в Сичь и прочел поданное ему письмо полковника Иванца, то он узнал, что весть о намерении запорожского Войска перейти на

старую Сичь дошла даже на Кубань. Иванец писал, чтобы товарищество запорожское всячески торопилось переходом под протекцию русского государя, и когда оно решится на такое дело, то чтобы кошевой дал знать о том и запорожцам, стоящим на Кубани, дабы Иванец тот же час с войском своим мог оставить стоянку на Кубани, перейти в Черкасский город и отдать себя в державу императорского величества. В случае препятствия со стороны татар, какая бы сила орды их ни была, Иванец надеется выбиться оттуда, где находится, и прибыть до Черкасского [9].

По получении таких вестей гетман Даниил Апостол и тайный советник Федор Наумов прежде всего известили о том генерал-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына. А потом, не теряя времени, послали в Сичь нарочного козака с приказанием, чтобы запорожцы сидели неподвижно до времени в Сиче и отнюдь не показывали своей склонности к стороне императорского величества.

Ответ на донесение Апостола последовал от генерал-фельдмаршала апреля 5 дня. Князь Голицын предписывал гетману, чтобы он, как можно скорее, послал от себя кого потребно с словесным приказанием в Сичь о том, чтобы запорожцы ни в коем случае не смели покидать новой Сичи, чтобы они сидели в ней «не [п] орушно» и не чинили крымцам и никому из турецких подданных никаких шкод и зацепок; в противном случае, если только они причинят кому-либо из турецких подданных озлобление, то никогда не получат протекции императорского величества. К полковнику Иванцу князь Голицын приказывал послать известие о том, что запорожцы вовсе не переходят на старую Сичу, вследствие чего полковник должен по-прежнему держаться на Кубани и не думать являться в Черкасское. А для большей убедительности запорожцев генерал-фельдмаршал по императорскому повелению отправил в Новый транжемент и на Дон к войско [во] му атаману Лопатину два царских указа. В тех указах давалось наставление, в случае прихода полковника Иванца с запорожцами в Новый транжемент или в Черкасское, в те города отнюдь его не пускать и отослать назад, объявив ему, что о приеме его не имеется указа императорского величества, а о том, что все это делается по императорскому указу, отнюдь никому не объявлять и содержать в строгом секрете.

При всем том эти меры нисколько не успокоили запорожское войско: козаки решили так или иначе покинуть новую Сичу и вернуться на старую Чортомлыцкую Сичь: «Нынѣшняя ихъ Сѣчь ниже Казикермана въ семи милехъ имѣетъ свое положеніе, надъ рѣчкою Конскою, въ урочищѣ Олешкахъ, по сю сторону Днѣпра; а въ ней нынѣ куреней 38, а людей всегда въ оной можетъ быть съ полторы тысячи; а другіе запорожцы кочуютъ куренями по рѣкамъ Богу, по Великомъ Ингулу, по Исуни, по Ингулцу, по Саксагани, по Базавлуку, по Малой и Великой Камянкахъ и по Сурѣ, которыя рѣки суть по ту сторону Днѣпра; а по сю сторону по рѣкамъ-же Протовчи,

по Самарѣ и по самомъ Днѣпрѣ по обоимъ оного сторонамъ, взявши отъ границы по самое устье Днѣпра и Богу (Бугу); а по онымъ всѣмъ кочевьямъ и по другихъ малыхъ рѣчкахъ можетъ ихъ, запорожцовъ, считаться многія тысячи людей, толко о подлинномъ оныхъ числѣ знать невозможно» [10].

Эту-то Сичу запорожцы и решили покинуть. Каким образом все это дело произошло, о том сохранившиеся данные передают так. Мая 23 дня, в четверг, у запорожских козаков в новой Сиче, в Олешках, была рада и на той раде выбран был кошевым атаманом Константин Гордиенко. На следующий день, в пятницу, с верховьев Днепра от того места, где была старая Сичь, от устья речки Чортомлыка, пришли водой 40 малых судов и остановились против новой Сичи. Прибывшие в судах козаки, выйдя на берег реки, внезапно оковали кандалами нового кошевого Гордиенка и войскового судью за то, что они не хотели отдать им войсковые клейноты; оковав кошевого и судью, козаки вошли в сичевую церковь и забрали там церковную утварь, а также бубны, хоругви и булаву. После того козаки разбили все армянские и греческие лавки, разграбили найденные в них товары, распили все шинковые напитки, а самих торговцев заставили бежать из Сичи в Крым. Разгромив таким образом торговцев и купцов, запорожцы стали брать у богатых козаков конские табуны и другие стада: так, у одного козака Шишацкого, которого в то время не было в Сичи, захватили около 500 голов лошадей. Забрав все добро и соединившись с козаками новой Сичи, приезжие запорожцы перевезлись под Кызыкерменем через Днепр и двинулись вверх к месту старой Сичи. Для тех же козаков, которые жили ниже новой Сичи, прибывшие запорожцы послали тридцать судов с несколькими товарищами и приглашали всех поспешить в старую Сичь. Велено было, как только «низовые козаки» придут на перевоз и сядут на суда, немедленно разобрать все строения в Новой Сиче, все оставшееся предать огню, а людям идти на старую Сичь. Мая 27 дня новая Сичь была уже пуста, а сами козаки, даже те, которые жили по Днепру, по байракам и по лесам в особых пасеках и куренях, вышли в старую Сичь [11].

Гетман Даниил Апостол узнал о переходе запорожских козаков на Чортомлык июня 1 дня в бытность в Москве. Ему донесли, что о возвращении запорожского войска на прежние места особенно хлопотал самарский полковник Иван Петров, который имел намерение идти со своими козаками в новую Сичь, забрать там клейноты и запасы и «заручить всѣхъ сѣчевыхъ козаковъ перейти на старую Сѣчь». Узнав о таком деле, гетман Апостол немедленно послал малороссийской генеральной старшине приказ отправить увещание запорожцам не слушаться никаких советов самарского полковника, оставить всякое намерение о переходе на старую Сичь и сидеть мирно и тихо в новой Сичи до дальнейшего и удобного случая, чтобы не лишиться милости и протекции императорского величества и не

погубить своих товарищей, находившихся в походе с кошевым атаманом Иваном Малашевичем. Такое же предписание сидеть «спокойно и нерушно» на самарских местах послал гетман и полковнику Петрову с его товариством [12].

Тем временем запорожцы, придя в старую Сичь, выбрали кошевым атаманом Ивана Петровича Гусака, заняли некоторые места по Самаре реке, написали просительный лист на имя императора Петра II и отправили его в Петербург. «Склонивши сердецъ своихъ нарушенныя мысли къ благому обращенію и повернувши мизерныя главы свои до стопы ногъ вашего императорского величества, отлагаемся отъ бусурманской державы. Осмотрѣлись мы, что вѣрѣ святой православной, церкви восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежитъ намъ служить, а не подъ бусурманомъ магометански погибать. Отвори сердца своего источник къ намъ, своимъ чадамъ, разрѣши ласково преступленія нашего грѣхъ и нареки насъ попрежнему сынами жребія твоего императорского. Еще-же просимъ: подайте намъ войсковое отъ рукъ своихъ подкрѣпленіе, дабы не попали мы въ расхищеніе невѣрнымъ варварамъ, ибо не знаемъ, зачѣмъ орды отъ всѣхъ своихъ сторонъ подвинулись: для того ли, что мы уже от нихъ отступили со своими клейнотами 24 мая и пребываемъ уже въ старой Сѣчѣ, или-же они это дѣлаютъ по своимъ замѣшательствамъ» [13].

Когда весть об оставлении запорожцами новой Сичи и о прибытии их на место старой дошла в Петербург, то дело об этом июня 5 дня внесено было в верховный тайный совет. В верховном совете по этому поводу было определено: во-первыхъ, присланных от запорожского полковника Ивана Петрова в город Глухов четырех козаков вернуть из Глухова назад с таким же словесным приказом как Петрову, так и всему товариству в Сиче, с каким и раньше велено было отправить посланцев сичевых, прибавив к прежней мемории, что если запорожцы покинут турецкую сторону, то они отнюдь не будут впущены в российские рубежи. Во-вторых: хотя генерал-фельдмаршал князь Голицын и гетман Даниил Апостол и имеют императорские указы о недопущении запорожцев в российскую державу, но в подтверждение того послать к ним новый указ, чтобы князь и гетман ко всем командующим над войсками генералам, ко всем губернаторам порубежных городов, ко всем воеводам и малороссийским полковникам писали и «накрѣпко» подтвердили ни в коем случае запорожцев не принимать. «И ежели они въ которое мѣсто хотя (желая) подъ протекцію его императорского величества придутъ, съ многолюдствомъ и съ ружьемъ, такихъ отнюдь не принимать и въ границы россійскіе не впускать ни подъ какимъ видомъ и никакой имъ протекціи и защищенія нигдѣ не давать и отъ границъ отбивать ихъ оружіемъ, а подъ рукою словесно имъ приказомъ отзываться и обнадеживать ихъ секретно, что при способномъ времяни приняты они, запорожцы, будутъ, и сіе имъ, фельдмаршалу и

гетману, объявить запорожцамъ при случаѣ тайно чрезъ вѣрныхъ людей, а отъ другихъ содержать въ вышнемъ секретѣ». В-третьих, тех запорожцев, которые станут приходить на житье в Малую Россию с повинною и небольшими партиями, тех пропускать по прежним указам; только дать приказ офицерам, стоящим на посту, наблюдать за тем, чтобы запорожцы в один раз проходили действительно по небольшому числу [14].

После решения верховного тайного совета последовала июня 11 числа высочайшая грамота на имя генерал-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына с приказанием «запорожцевъ многолюдствомъ и съ ружьемъ отнюдь не принимать, въ границы Россіи ни подъ какимъ видомъ не впускать, никакой протекціи и защищенія нигдѣ имъ не давать и отъ границъ оружіемъ отбивать». Послано было также предписание киевскому вице-губернатору, генерал-майору Штоку, с запорожцами поступать так, как в высочайшей грамоте повелено [15].

Независимо от этих мер велено было написать в Константинополь русскому резиденту Ивану Ивановичу Неплюеву, чтобы он принес Порте на запорожское войско жалобу за то, что запорожцы, по слуху, имеют намерение оставить все указанные русско-турецкими трактатами места и поселиться у русских границ. Порта поэтому отнюдь не должна допускать запорожцев до приведения в исполнение их намерения, потому что «эти безпокойные и непостоянные люди и безъ того русскому купечеству много обидъ причиняютъ» [16].

Все эти распоряжения поставили запорожцев в крайне затруднительное положение, и тогда многие из них, не желая оставаться в войске, стали просить себе места для поселения в Малороссии. С 1 по 17 число июня принято было в городе Полтаве комендантом Чичериным 201 человек запорожских козаков, которые, по приводе их к присяге, отпущены были на житье в Малую Россию за реку Орель [17]. В числе таких поселенцев были: племянник бывшего кошевого атамана Константина Гордиенка и брат властного кошевого атамана Ивана Малашевича. Кроме больших куп приходили в города Малой России и малые кучки козаков по 10 или больше того человек. Некоторые из таких козаков, являясь в Малороссию, объявляли, что они вышли из Сичи для того, чтобы послужить несколько недель в Печерском монастыре и помолиться в нем Богу о своих грехах. Таковы были: Григорий Кулиш, Михайло Рубан, Тимофей Жила, шабельного дела мастер; Антон Волошин, Василь Читаевский и многие другие [18].

Между тем запорожские козаки и их кошевой атаман Иван Гусак, водворившись на месте старой Сичи и прождав напрасно ответа из Петербурга, снарядили депутацию из двух знатных войсковых товарищей и тридцати человек козаков от каждого куреня и отправили их с письмами (около 20 числа июня) к гетману Даниилу Апостолу. Депутаты были пропущены в город Глухов начальни-

ком украинского корпуса, богемским генералом русской службы, графом фон-Вейсбахом.

Когда об этой депутации, а равно и о том, в каком большом числе стали являться запорожские козаки для поселения в малороссийские города, узнали в Петербурге, то на имя генерал-фельдмаршала князя Голицына вновь последовал императорский указ: запорожцев, будут ли они приходить с письмами или являться без писем, в таком многолюдстве и «такого знатного и явного» числа, как принял их полтавский комендант Чичерин, отнюдь в малороссийские города не допускать; от Самары же реки их вовсе отбивать, потому что те места по мирным русско-турецким договорам не должны быть никем заселены. Гетману Даниилу Апостолу приказывалось всех депутатов от войска и от кошевого атамана Ивана Гусака числом 30 человек выслать из города Глухова и немедленно за границу проводить, сказав им то, что и раньше объявлено было всем козакам, а именно: «принять запорожское войско въ нынѣшнее время подъ область его императорского величества невозможно» [19]

Весть, привезенная запорожскими депутатами в Сичь, произвела там настоящий бунт. Козаки пришли в такое волнение, что грозили убить своего кошевого атамана Гусака. Тогда кошевой Иван Гусак, сильно испугавшись, тайно бежал из Сичи, взяв с собой 55 человек приближенных козаков. Оставив из своей свиты 50 человек в урочище Царекамышине (в 40 верстах от Царичанки), Гусак с пятью козаками прибыл в город Киев к графу фон-Вейсбаху и объявил ему о своем намерении покинуть навсегда Сичь и поступить под высокую державу императорского величества. О положении запорожцев в крымских владениях и в старой, у Чортомлыцкого острова, Сичи он передал такие подробности: «Въ новой Сичѣ отъ крымскаго хана было намъ много притѣсненій: въ прошломъ 1727 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, калга-салтанъ, стоя по рѣкѣ Бугу, забралъ на промыслахъ съ двѣ тысячи козаковъ, повелъ ихъ въ Бѣлогородчину и тамъ оказалъ хану нѣкоторыя противности; когда-же пришелъ въ Бѣлогородчину самъ ханъ, то онъ калгу схватил и сослалъ въ Царьградъ, а запорожцевъ, бывшихъ при немъ, однихъ разослалъ на каторги, другихъ распродалъ, будто-бы за то, что они съ калгой бунтовали; а калга прежде говорилъ, что беретъ ихъ по приказанію ханскому. Видя такое насиліе, мы и стали совѣтоваться, что лучше бы попрежнему подъ державою его императорскаго величества въ своей православной вѣрѣ, нежели у бусурмана терпѣть неволю и разореніе. Но когда мы забрали хоругви и клейноты, чтобы идти в старую Сѣчь, то старый кошевой атаманъ измѣнникъ Костя Гордіенко да Карпъ Сидоренко да другіе стали намъ говорить: для чего-же намъ изъ новой въ старую Сѣчь идти? Намъ и тутъ жить хорошо. Однако, они насъ не могли удержать, да и не могли много говорить, боясь, чтобъ ихъ войскомъ не убили. И чтобы отъ нихъ больше возмущенія не было, то мы взяли Костю Гордіенка и Карпа Сидоренка

подъ караулъ и везли ихъ подъ карауломъ до самой старой Сѣчѣ и, пріехавъ туда, отколотили ихъ палками и отпустили на свободу» [20].

Все полученные от Гусака сведения граф фон-Вейсбах немедленно отправил к генерал-фельдмаршалу князю Голицыну в город Курск, присовокупив к ним известие о том, что с отходом Гусака из Сичи козаки выбрали кошевым какого-то полковника из товарищества на Кошу.

По такому донесению князь Голицын послал приказ фон-Вейсбаху задержать на некоторое время Ивана Гусака в городе Полтаве, а потом, для снятия с него подлинного допроса, прислать в город Харьков, куда князь намеревался вскоре приехать, оставивши Курск.

Граф Вейсбах немедленно отправил Гусака в Харьков и в то же время к 50-ти спутникам его, стоявшим у Царекамышина, послал сказать, что в силу государева указа, запрещающего всякому к российским форпостам приезжать, он не может их в Киев принять.

Между тем князь Голицын, сняв допрос с Ивана Гусака, вернул бывшего кошевого к гетману Апостолу и приказал оставить его с 6 козаками в городе Глухове впредь до особого указа из Петербурга.

Но гетман Апостол и без того находился в большом затруднении: при нем еще с апреля месяца проживали Антон Хмелевский, Стефан Козаревский и четыре человека запорожцев, прибывшие из новой Сичи в Глухов и содержавшиеся на счет войскового скарба. Поэтому уже в октябре месяце гетман писал генерал-фельдмаршалу князю Голицыну запрос, как ему поступить с запорожцами, проживавшими в Глухове на иждивении войскового скарба. Сам от себя гетман подавал мысль, что можно было бы Ивана Гусака и других козаков, прежде него и с ним прибывших, по приведении их к присяге, или поселить в Малой России, или же отправить «въ компанію на уполыя мѣста», только с Антоном Хмелевским, как с заграничным человеком, нужно было иначе поступить. Не получив, однако, никакой по этому поводу от генерал-фельдмаршала князя Голицына резолюции, гетман Апостол обращался с тем же вопросом ноября 11 дня со всеподданнейшим челобитьем к императорскому величеству, дабы «его императорское величество повелѣлъ учинить опредѣленіе и прислать указъ о томъ» [21].

Так прошел весь 1728 год. Настал 1729 год, и просьбы запорожцев о принятии их под скипетр русского императора по-прежнему оставались напрасны, хотя о принятии запорожских козаков в Россию хлопотал в это время сам главнокомандующий украинской армией князь Михаил Михайлович Голицын. Но князю Голицыну от имени императорского величества ответили, что запорожцев можно только обнадеживать в принятии их на будущее время на прежние места, теперь же следует отказывать до тех пор, пока «не обнаружится явная противность съ турецкой стороны» [22].

При всем том запорожцы все еще надеялись, что положение их изменится к лучшему и потому вовсе не думали покидать старую

Сичу. В Константинополь и в Бахчисарай дошел даже слух о том, будто запорожцы думают укрепить свою Сичь. По этому поводу около 1730 года [23] прислан был к запорожскому войску от бендерского Номан-паши такого содержания запросный лист: «Письмо къ запорожскому кошевому атаману и всѣмъ козакамъ. Въ назарейскомъ законѣ знатнымъ кошевому, атаманомъ(-амъ) и всѣмъ козакамъ (которыхъ конецъ да будетъ щастливъ и благополученъ). Черезъ сіе извѣстно вамъ да будетъ что вы, когда были въ подданствѣ свѣтлѣйшаго и высочайшаго хана крымскаго, тогда жили на земляхъ блистательной Порты, а нынѣ россіяномъ въ подданство отдались, а понеже сверхъ того, что вы въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ обрѣтаетесь и живете и подобно городу нѣкоторое строеніе строить начали, о чемъ услышала блистательная Порта, того ради блистательная Порта опредѣлила и послала отъ Эдикли заимовъ почтеннаго Ахметъ-агу подлинно осмотрѣть и освидѣтельствовать, какое строеніе и подобно городу строить начали и гдѣ и въ какомъ мѣстѣ, дабы оной и обстоятельно съ изъясненіемъ высочайшей Портѣ донесъ съ которымъ агою и отъ свѣтлѣйшаго и высочайшаго хана крымскаго с указом ханской (-ій) ага посланъ [24] со онымъ и я отъ себя къ вамъ письмо послалъ, и Богу изволшу по прибытіи ихъ къ вамъ, то вы оному отъ Порты опредѣленному агѣ безъ всякого противленья ему покажите, гдѣ вы живете и въ какомъ мѣстѣ и какое строеніе здѣлали, и сѣ какимъ намѣреніемъ подлинно объявите и его агу возвратите. Въ прочемъ миръ да будетъ надъ православлѣдующими» [25].

В письме самого хана Каплан-Герая, приложенном к листу бендерского паши, написано было следующее: «Въ назарейскомъ законѣ знатнымъ запорожскому кошевому, атаманомъ и всѣмъ козакамъ высочайшій указъ нашъ въ томъ состоитъ. Пребывающій при насъ вашъ атаманъ [26] хорунжаго своего съ письмомъ своимъ къ вамъ отправилъ, съ которымъ и сей указъ нашъ къ вамъ посланъже и по полученіи сего что помянутый атаманъ къ вамъ въ письмѣ своемъ писалъ и чрезъ того посланного словесно вамъ говорить приказывалъ, обо всемъ томъ здѣсь съ нами имѣлъ онъ разговоры и по силѣ чего и къ вамъ писалъ, и тому вѣрьте и Богу изволшу, ежели тому увѣритесь, всѣмъ вамъ на ползу будетъ. И тако да будетъ вамъ извѣстно. Капланъ-Гирай ханъ, сынъ Селимъ-Гирей хана» [27].

Из письма хана Каплан-Гирая можно усмотреть, что посылка знатных турецких и крымских представителей в старую Сичу имела целью не столько осмотр какого-то «строенія» на Сиче, сколько желание завести сношения с запорожцами и вновь привлечь их на жительство в крымские места.

Желание хана вполне совпадало с настроением запорожцев. Запорожцы, прожив в течение двух лет в старой Чортомлыцкой Сиче и не добившись принятия войска под российскую державу, по необходимости должны были снова вернуться в протекцию крымского хана. Прийдя к такому решению, они написали брату крымского хана Кап-

лан-Герая Ор-бею лист об отмене своих намерений «идти подъ Москву» и о желании снова вернуться «подъ крыло крымской стороны».

Брат хана, получив запорожский лист, немедленно отослал его Каплан-Гераю, и Каплан-Герай поспешил послать запорожцам через «гетмана» дубоссарского свой ответ на их лист. В ответном письме Каплан-Герай извещал запорожцев, что лист, присланный ему войском, весьма утешил и обрадовал как его самого, так и всех приближенных его: как сам хан, так и все беи, мурзы и весь крымский народ стараются о безопасности запорожских козаков и желают им всякого добра. Хан обещает принять запорожцев ласково как гостей и оказывать им такую же приязнь и любовь, как и раньше оказывал, защищать «обороною и страннолюбіемъ», как раньше защищал, возвратить им все то, что они перед тем имели, а для оседлости дать полную волю избрать место, где сами пожелают. Впрочем, для их пользы и прибыли, а для собственного ханского удобства, советовал им стать Кошем на том месте, на котором они сидели до ухода на Чортомлык. Склоняя запорожцев всячески к возвращению в Крым, Каплан-Герай выставлял им на вид и то, что того же желает Филипп Орлик, их настоящий вождь, который до этих пор находился в Салониках, а теперь «для соединенія къ хану пришелъ». Он пишет хану лист, посылаемый ханом запорожцам при собственном листе на Чортомлык. Орлик также старается о благе и пользе всех запорожских козаков, и нужно верить всему, что он пишет к ним. Его совет тем обязательней для них, что он их вождь и глава. Сам хан еще раз уверяет добрых молодцев, что если они вернутся назад и займут указанные им места, то ни от крымского панства, ни лично от самого хана никакого насилия и никакой неправды не будут иметь [28].

Вынужденные необходимостью оставить место Чортомлыцкой Сичи запорожцы в 1730 году снова вернулись под протекцию крымского хана, но на этот раз избрали местом для своей Сичи не Алешки, а устье речки Каменки, составлявшей в то время границу между владениями Турции и России. Очевидно запорожцами руководило в этом случае чувство недоверия к бусурманам и тайная надежда на скорую милость к ним русского государя. Они выбрали, так сказать, нейтральное место для своего Коша, не забираясь в глубь татарских владений и не отдаляясь от русских пределов.

Поселившись при устье Каменки, запорожцы по-прежнему думали лишь о том, как бы им так или иначе вернуться к прежним своим местам. Обстоятельства, по-видимому, благоприятствовали им. В то время генерал русской службы богемский выходец граф фон-Вейсбах подал императрице Анне Иоанновне проект об укреплении южных границ России от набегов со стороны мусульман. Этим проектом предлагалось провести целую линию редутов и крепостей от Новобогородицкого городка у реки Самары до реки Северного Донца у границ Изюмской провинции. Высочайшее повеление

о сооружении этой линии крепостей, получившей впоследствии название старой украинской линии, последовало июня 25 дня 1731 года. Начальником этой линии назначен был сам создатель проекта граф фон-Вейсбах. Ставши лицом к лицу с самим делом, граф Вейсбах скоро убедился, что охранение этой линии дело чрезвычайной трудности и что в этом случае могли бы большую услугу оказать запорожские козаки. Прийдя к такой мысли, граф Вейсбах начал всячески стараться о возвращении запорожского войска на прежние места. Вследствие этого августа 31 числа означенного года по воле императрицы Анны Иоанновны граф Вейсбах послал тайное письмо к кошевому атаману Ивану Малашевичу в Сичь и в том письме писал, что государыня императрица, видя искреннее желание со стороны запорожского войска служить российскому престолу, как прежде, через него, графа, словесно обнадеживала на принятие войска под свой скипетр, так и теперь, через него же, дает надежду войску на возвращение в прежние пределы; но войско должно ожидать того момента, когда последует разрыв Турции с Россией, а пока такое обещание кошевой должен хранить в строжайшей тайне [29].

При всем том в таком ожидании запорожцам пришлось прожить целых два года.

О состоянии запорожского войска за это время можно судить по показанию козака Семена Беспалого, данному в 1733 году сентября 16 дня в городе Киеве графу Борису Петровичу Шереметеву. Семен Беспалый — уроженец местечка Чернух Лубенского полка, сын козака Федора по прозвищу Ковтуненка. Он отъехал на новую Запорожскую Сичь в 1733 году, состоял в титаровском курене рядовым козаком, бывал по нарядам во многих партиях и походах, только против российских войск ни в какой «акціи» не бывал, жил в урочище Гард на Буге и очень давно задумал принести повинную русскому государю, чтобы возвратиться к родным местам. Однако, зная свое тяжкое преступление и боясь навлечь на себя смертную казнь, Беспалый до последнего времени не решался привести своего намерения в исполнение, и только теперь, узнав о милостивом указе, позволявшем всем повинившимся козакам возвращаться на свои прежние места, оставил, согласясь с компанией 36-ти человек, Сичь и пришел просить позволения жить в одном из малороссийских городов, обещаясь до конца дней своих не возвращаться в запорожские места. При этом козак Беспалый показал, что войска запорожского в четырех местах, т. е. в новой Сиче, на Самаре, на Сомове и в 38 куренях, по расчету самих же козаков, до 30 000 человек да до 500 российских беглецов; кошевым атаманом у козаков Иван Белицкий, а полковником в Гарду Иван Донской. «И нынѣ оные козаки, по прибытіи ихъ (Беспалого с товарищами) изъ Гарду (по 3-е число сентября) всѣ не въ войске, а при своихъ куреняхъ и на промыслахъ, и наряда имъ отъ Порты и отъ султана никуда не бывало и о коронаціи польской у нихъ не слышно ничего» [30].

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Тяжелое положение запорожских козаков под властью крымского хана.— Новые попытки со стороны запорожцев о принятии их в русское подданство.— Запорожская депутация, отправленная к графу Вейсбаху с просьбой об исходатайствовании прошения войску и ответ на ту просьбу из Петербурга.— Кончина польского короля Августа II и обращение «станиславцевъ» к крымскому хану с просьбой о причине запорожцев для борьбы с Россией.— Обращение запорожцев к фельдмаршалу Миниху с просьбой об исходатайствовании войску у русской императрицы прощения.— Милостивая императорская грамота запорожцам 1733 года августа 31 дня.— Занятие запорожцами урочища Базавлука и дипломатические наставления от императрицы русским резидентам в Константинополе относительно запорожцев.— Переписка русского резидента Неплюева с графом Вейсбахом относительно занятого запорожцами урочища.— Объяснения русского переводчика Бакунина с великим везирем Али-пашою относительно того, кому именно принадлежат места, занятые запорожцами.

Вынужденные силою обстоятельств возвратиться вновь под протекцию Крыма, запорожские козаки скоро испытали на себе всю тяжесть своего положения. Как ни уверял хан запорожцев в том, что они будут пользоваться под его защитой самыми широкими правами, но в действительности вышло совсем иначе. И в самом деле: жизнь запорожцев под властью крымского хана не могла быть приятна и сладка уже в то время, когда они оставили свои вольности у порогов Днепра и реки Чортомлыка и сошли в урочище Алешки на Кардашинский лиман. Правда, в начале своего пребывания под владычеством Крыма запорожцы пользовались разными земными угодьями, не платили ничего из своего скарба в ханскую казну, напротив того, сами получали милостивый от хана «айликъ». Но с течением времени это положение изменилось к худшему для запорожских козаков. Взамен жалованья запорожцам позволили брать соль из крымских лиманов и озер, на первых порах с некоторым облегчением против установившихся правил в Крыму, т. е. с меньшею пошлиной против той, какая обыкновенно взималась с малороссийских козаков и разных украинских промышленных людей. Потом и эта привилегия была у козаков отнята, когда дознано было, что они, под предлогом вывоза соли лично для себя, брали ее для малороссиян и продавали с некоторым в свою пользу

барышом. За протекцию, которую оказывал войску крымский хан, запорожские козаки должны были посылать в поход по первому призыву хана в помощь татарам 2000 и более того человек с кошевым атаманом во главе, причем ханы всегда старались возможно дальше усылать запорожцев в поход. Так, однажды запорожцы вместе с ханом ходили в поход на черкес и дошли до реки Сулак. Этот поход они считали очень убыточным и обременительным для себя. Кроме того за ту же ханскую протекцию запорожцы не раз должны были ходить на Перекоп и бесплатно принимать участие в работах при возведении перекопской линии в числе 300 и более того человек. Последнее требование более всего не нравилось козакам, имевшим особые понятия о чести «лыцаря», несовместимые с понятием землекопа.

И чем дольше запорожцы оставались под властью крымского хана, тем больше накоплялось у них неудовольствий против бусурман. Из множества главнейшие причины неудовольствий были таковы.

Запорожцам строжайше было запрещено держать при Сиче пушки. В силу этого распоряжения турки отобрали у козаков все оставшиеся при них пушки и запретили им впредь держать всякую артиллерию. Тогда произошел в Запорожьи такой случай: однажды запорожские рыбаки усмотрели после полой воды небольшую пушку в левом берегу Днепра, в урочище Каратебень, и сообщили о том кошевому атаману. Кошевой атаман, желая лично проверить показание рыбаков на месте, нашел у берега Днепра еще 50 штук пушек; однако, опасаясь, чтобы найденные пушки не были отобраны турками, он отдал строжайший приказ содержать их в одном зимовнике тайно от запорожской черни. Кроме того, запорожцам запрещалось строить какие бы то ни было укрепления как в самой Сиче, так и в других местах их поселений. Запрещалось сноситься с Россией и ездить в русские города, вести торговлю в Очакове и Крыму; дозволялось лишь получать в означенных местах товары и отвозить их не дальше Сичи, в самой же Сиче предоставлялось право торговать крымцам, очаковцам, грекам, жидам, армянам. На запорожцев накладывались разные дани, когда к ним приезжали для осмотра их войска, общественного порядка или ради другого какого-либо дела крымские салтаны и мурзы с их многочисленною свитой и прислугой: тогда запорожцы должны были воздавать им большую честь и, сколько бы они у них ни находились, обязаны были продовольствовать как их самих, так их свиту и лошадей, а на отъезде, кроме того, должны были подносить им разные ценные подарки.

Но кроме всего этого жизнь запорожских козаков под властью крымских ханов и по многим другим причинам была «зѣло претрудная».

Прежде всего крымский хан отнял у запорожцев весь Низ Днепра от Великого лимана до самых порогов «со всѣми тамош-

ними степными угодіями и пожитками» и отдал его во владение ногайских татар. Затем хан не раз «допускалъ великую на запорожцевъ драчу» как со стражников на татарской границе, если с ведома или без ведома их кто-нибудь из крымских невольников уходил в христианские земли или если у татар исчезали какие-нибудь пожитки, табуны коней, стада волов, отары овец или же пропадали сами хозяева-татары. Если при этом козаки уличались в покраже скота или в убийстве хозяев-татар, то за скот с них взимались деньги вдвойне или втройне, а за людей брались виновные и неповинные козаки; в случае несостоятельности виновных козаков, татары накладывали пени на весь курень, а в случае отказа со стороны куреня, виновных брали головой и только в редких случаях при обоюдных ссорах и захватах с той и другой стороны допускали обмен скотом и людьми. Кроме того, крымский хан не раз дозволял подвергать запорожских козаков смертной казни. Так было в то время, когда запорожцы защищали себя от поляков, делавших на них нападения, хватавших их в плен и даже вешавших без суда, как это не раз происходило в Брацлаве и в других пограничных польско-малороссийских городах. По праву, данному ханом полякам, однажды, вследствие жалобы ляхов на запорожцев, с последних в пользу мнимо обиженных было взыскано 2400 рублей пени. Не лучше поступали с запорожцами ханы при взаимных между собою распрях. Так, однажды, во время борьбы ханов Адиль-Герая и Менгли-Герая, когда запорожцы против собственной воли «затягнуты были» первым против второго, и когда второй «разогналъ» войско первого, то ни в чем не повинные запорожцы обвинены были ханом Менгли-Гераем в вероломстве и проданы были в числе 1500 человек на турецкие каторги. Еще худшие беды терпели запорожцы от простых татар. Так, азовские татары захватили как-то в полон несколько десятков запорожцев, ходивших на реку Калмиус за зверем, и хотя Кош просил хана освободить ни в чем не повинных козаков, но хан в том отказал Кошу. Потом хан отобрал у запорожцев крепость Кодак, всех жителей разогнал из крепости, самую крепость разорил, а город в полное владение отдал полякам. Наконец, хан запретил запорожцам строить постоянную церковь в Алешковской Сиче, а под конец начал стеснять и самую их веру православную [1].

Видя, как притеснения со стороны татар все более и более возрастают, запорожцы снова решили возобновить свои просьбы русской императрице о позволении им возвратиться на родные места. В январе месяце 1732 года к графу Вейсбаху явились три знатных запорожца с запросом, что делать войску, если крымский хан потребует от Коша вспомоществование козаками на случай похода его в Кабарду или же прикажет всему запорожскому войску перейти на другое место поближе к Крыму. Граф Вейсбах, считая себя не вправе отвечать на такой запрос запорожцев, нашел нужным снестись по этому поводу с правительственными лицами в Пе-

тербурге и до получения такого или иного ответа велел запорожским депутатам несколько времени пообождать в Киеве.

Ответ на такой запрос пришел из Петербурга лишь в марте месяце и был также неопределенный, как и вообще вопрос о принятии запорожцев под русскую протекцию. «Въ настоящее время, когда у насъ съ турками еще твердо содержится миръ, грамоты к запорожцамъ и никакого письменнаго обнадеживанія послать и ихъ всехъ вдруг въ подданство принять нельзя, ибо такой поступокъ турки могутъ почесть нарушеніемъ мирного договора, въ которомъ запорожцы означены въ турецкой сторонѣ и особливо то мѣсто, на которомъ они живутъ, и прочая земля отъ самой Самары рѣки внизъ Днепра уступлена Портѣ; а они, запорожцы, не захотятъ отказаться отъ своихъ вольностей, звѣриной и рыбной ловли и перейти жить въ наши границы. Поэтому вы должны съ ними поступать по нашимъ прежнимъ указамъ, дѣлая имъ, при всякомъ случаѣ, тайно словесныя обнадеживанія, что послѣ, при удобныхъ обстоятельствахъ, мы ихъ примемъ, но чтобъ до тѣхъ поръ имѣли терпѣніе. Внушите имъ, чтобъ они всевозможными способами уклонялись отъ посылки вспомогательнаго отряда къ хану въ кабардинскій походъ; но если отговориться будетъ нельзя, то пусть отправятъ часть козаковъ и накажутъ имъ тайно, чтобъ они, приближаясь къ Кабардѣ, отправили отъ себя кого-нибудь въ крепость св. Креста къ тамошнему командиру съ увѣдомленіемъ, сколько въ походѣ крымскихъ, кубанскихъ и другихъ войскъ и ихъ, запорожцевъ; ханъ ли самъ или какой салтанъ командуетъ и съ какимъ намѣреніемъ идетъ въ Кабарду и что командиръ крѣпости имъ прикажетъ, то-бъ они и дѣлали. Что-же касается ханскаго намѣренія переселить запорожцевъ на другую сторону Днѣпра, ближе къ Крыму, то въ случаѣ ихъ сопротивленія ханъ станетъ искать способа накрѣпко прибрать ихъ всѣхъ въ свои руки, или подъ предлогомъ ослушанія, разорить ихъ, и съ нашей стороны тогда имъ, пока у насъ миръ съ турками, никакой помощи подать или прямо принять нельзя: и потому здѣсь разсуждается, что имъ противиться хану неподобно, пусть переходятъ безъ спора: находясь по близости къ Крыму, они могутъ удобнѣе противъ него дѣйствовать. Впрочемъ, все это полагается на васъ; вы о тамошнихъ мѣстахъ можете знать лучше» [2].

Итак, запорожцам нужно было снова ждать до тех пор, пока не настанет для них благоприятный момент, т. е. пока турки и татары не нарушат мирного договора с Россией.

Такой момент настал только в 1733 году. В это время в Польше скончался король Август II, бывший саксонский курфирст. Август II имел при жизни своим противником Станислава Лещинского, но благодаря поддержке со стороны русского императора Петра Алексеевича, одержал верх над соперником и процарствовал до 1 февраля означенного года. После смерти Августа II в Поль-

ше объявились два претендента на обладание короной, Станислав Лещинский и сын умершего короля Фридрих Август. Первого желали видеть королем сама Польша и Франция, второго — Австрия и Россия. Сторонники Станислава Лещинского обратились за помощью к турецкому султану и крымскому хану, причем вспомнили и о запорожцах, находившихся под властію Крыма. Тогда рейментарь земских войск западной Украйны пан Свидзинский, отправил своего посланца с письмом к бывшему на ту пору кошевым атаманом Ивану Малашевичу и приглашал его с войском на польскую службу. Но кошевой атаман и все запорожское войско назвались подданными крымского хана и дали ответ в том духе, что без ведома своего повелителя «они ни въ какія затяги» ходить не могут. После такого ответа рейментарь Свидзинский обратился к верховному покровителю запорожцев, крымскому хану.

В свою очередь запорожцы обратились с петицией к русскому фельдмаршалу Миниху, стоявшему в то время с войсками в Малой России. Кош отправил к Миниху несколько человек посланцев и просил через них облеченного сильною властью фельдмаршала склонить императрицу принять запорожское войско под скипетр российской державы. Граф Миних, приняв запорожских посланцев, удержал их при себе, императрице же отправил собственное донесение о просьбе Коша. Положение дел в то время было таково, что запорожцы могли рассчитывать на скорый от русского правительства ответ. При константинопольском дворе находился французский посол, интриговавший там против России. Он держал при себе под именем офицера молодого Орлика, сына Филиппа, и чере́з него рассчитывал причинить большой вред России. Для этого он отправил тайно Орлика в Запорожье и на Украйну с целью привлечь их к союзу с татарами и поднять против России. Сам Филипп Орлик в это время находился при крымском хане. Крымский же хан, оставив свою столицу Бахчисарай, проехал в Бендеры, а из Бендер бросился к реке Орели с целью набега на русские владения [3].

Таким образом сама необходимость заставила русское правительство поторопиться как можно скорей окончить вопрос с запорожцами.

Получив донесение фельдмаршала Миниха, императрица Анна Иоанновна соблаговолила, наконец, после целого ряда отказов, принять запорожцев под свое высокое покровительство. Приведение в исполнение этого дела поручено было генерал-фельдцейхмейстеру принцу Гессен-Кобургскому, состоявшему в то время на русской службе и находившемуся под начальством фельдмаршала графа Миниха. После этого августа 31 числа 1733 года послана была и самая грамота на имя кошевого атамана [4] о прощении вины запорожцев и о принятии их под власть России.

«Божіею милостію отъ пресвѣтлѣйшей и державнѣйшей великой государыни императрицы и великой княгини Анны Іоанновны,

всероссійской самодержицы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и сѣверныхъ обладательницы и наслѣдной государыни и протчая и протчая и протчая. Нашего императорского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману « »[5] и всему будучему при тебѣ посполству нашего императорского величества милостивое слово. Мы, великая государыня, наше императорское величество, о вашемъ всеподданнѣйшемъ и всенижайшемъ прошеніи къ намъ, дабы мы милость нашу къ вам явили и вины ваши отпустили и попрежнему въ наше подданство приняли, какъ напредъ сего изъ вашихъ къ намъ листовъ, такъ особливо нынѣ отъ прибывшаго ко двору нашему нашего генерала фонъ-Вейзбаха, х которому вы, подтверждая тѣ ваши прошеніи, еще листовне отозвались, обстоятелно изустно увѣдомлены; которой (-ый) намъ о вашемъ дѣйствительномъ и вѣрномъ намѣреніи и желаніи быть вѣчно въ подданствѣ нашемъ и служить со всякою вѣрностью засвидѣтельствовалъ и представлялъ о желаніи и покорнѣйшемъ прошеніи вашемъ, дабы въ лутчую вамъ надежду и упованіе прислали мы къ вамъ всемилостивѣйшую грамоту съ прощеніемъ вашихъ винъ и съ обнадеживаніемъ о нашей монаршеской милости; по которому вашему всеподданнѣйшему и всепокорнѣйшему прошенію мы вамъ вины ваши всемилостивѣйше отпущаемъ въ той надеждѣ, что вы тѣ свои вины намъ заслужите и въ наилучшей и совершенной вѣрности къ намъ пребудите и впротчемъ, о чемъ къ вамъ вышепомянутой нашъ генералъ фонъ-Вейзбахъ, именемъ и указомъ нашимъ писать и повелѣвать будетъ, съ великою вѣрностью исполните, за что мы васъ нашею высокою милостію обнадеживаемъ» [6].

Получив, наконец, давно ожидаемую всемилостивейшую грамоту о помиловании, запорожцы, в знак своей искренней признательности, отправили декабря 11 числа графу фон-Вейсбаху письмо от всего Коша с глубокой благодарностью за исходатайствование им для войска высочайшей милости. В то время кошевым атаманом войска запорожского состоял Иван Белицкий. Белицкий извещал сиятельного графа о полученном, еще в бытность в Запорожьи кошевым атаманом Ивана Малашевича, письме от региментаря земских войск западной Украйны Свидзинского с просьбой к Кошу о подании помощи Польше в наступившую войну. Уклоняясь, как и Малашевич, от подачи всякой помощи Польше, кошевой Белицкий тем не удовольствовался, а послал приказ пограничному бугогардовскому полковнику ловить «воровскихъ затящиковъ» и присылать их в Сичь. Но в это время крымский хан Каплан-Герай, желая испытать верность запорожцев, потребовал было к себе кошевого атамана Белицкого, войскового судью Якова Тукала и всех куренных атаманов с намерением через них привести все войско к присяге на верность себе и турецкому падишаху. Однако, случившийся на ту пору в Крыму бывший кошевой атаман Иван Малашевич

предупредил такое требование хана и взял на себя смелость дать ему ответ вместо кошевого Белицкого. Он заявил ханскому везирю, что кошевой всему государству крымскому как был верен, так и остается верным. Таким категорическим ответом хан вполне удовольствовался и отказался от вызова к себе властного кошевого атамана для снятия с него присяги. Донося обо всем этом графу Вейсбаху, кошевой Белицкий в то же время извещал его о проезде через Запорожье в Крым и в Константинополь сына переяславского полковника Ивана Мировича, Федора Мировича с товарищами, отправленного сторонниками Станислава Лещинского для найма орды в Польшу и, наконец, в заключение просил графа «дать запорожцамъ наставленіе, какъ имъ поступать съ крымскимъ ханомъ въ разсужденіе польскихъ вспомогательныхъ войскъ» [7].

Письмо, посланное запорожцами графу фон-Вейсбаху, характерно во многих отношениях и передает стиль, приемы и самое положение запорожского войска с особенною наглядностію.

Вот это любопытное письмо в подлинном его виде.

«Сіятельнѣйшій и высокопревосходителнѣйшій господинъ генерал-аншефъ, обоихъ орденовъ ковалеръ и кіевской губерніи генералъ-губернаторъ и сибирского драгунского полку полковникъ, графъ фонъ-Вейсбахъ, особливѣйшій нашъ государь и великій благодѣтель. За божіею помощію и ходатайствомъ сіятелства вашего получа мы, войско запорожское низовое, отъ вашего графского сіятелства поданную чрезъ посланныхъ войсковыхъ нашихъ копію отъ ея императорского величества изъ С.-Петербурга писанную, что в оной прегрѣшенія и вины наши прежнія прощаетъ и въ протекцію и многомощную свою оборону нынѣ пріемлетъ, милостиво насъ имѣть обнадеживая, за которое ваше благодѣяніе и ходатайство при нижайшемъ нашемъ доземномъ поклоненіи, писменное наше войсковое благодареніе приносимъ и въ томъ имѣя въ рукахъ нашихъ милостивой государыни нашей надежду, какъ ея величеству, такъ и вашему графскому сіятелству усердную нашу услугу и доброжелателство приносить и объявлять долженствуемъ, яко-же и нынѣ чрезъ нарочно посланного отъ насъ, войска, господина атамана Конеловского [8] Филипа Прокофіева, о нижеозначенной здѣсь вѣдомости вашему графскому сіятелству доносимъ, то-есть: бывшій нашъ атаманъ кошевый, господинъ Иванъ Малашевичъ, ѣздилъ посланникомъ отъ войска въ Крымъ къ хану для позыву въ дѣлѣ убѣгающихъ фурджѣевъ и протчихъ невольниковъ нагайскихъ и крымскихъ и возвратясь оттуду х Кошу нашему войсковому прошедшаго ноября 29 дня объявилъ, что одни послы польскіе, которые Лещинского короля сторону держатъ, въ Стамбулъ поѣхали, и другіе с денгами къ хану в Крымъ прибыли орду подымать, а именно: одинъ посолъ Шумьянскій, другой Мировичъ, бывшаго полковника переяславскаго сынъ, и Нахимовскій (которые два подъ властію князя Вишневецкого обрѣтались) и с ними протчихъ конныхъ

съ 60 людей, для которыхъ посланниковъ его ханское величество насъ, атамана кошевого, и всѣхъ куренныхъ атамановъ для искушенія и присяги, въ вѣрности-ли мы къ нему обрѣтаемся, туда къ себѣ насъ пригласить имѣлъ, а потомъ, увидя помянутого нашего господина Малашевича, который для позыву туда прибылъ, предъ тѣми посланными полскими ханской везирь и Ширинъ-бей Джантемиръ его объ насъ допрашивали, и какъ оной Малашевичъ сказалъ, что де какъ я въ вѣрности, такъ и кошевой нашъ всему государству крымскому вѣрный и не измѣнник обрѣтается, то тогда нашъ путь остановили и къ себѣ насъ, кошевого, не призывали. Тѣже послы и сіе время въ Крымѣ обрѣтаются, ожидая, какой къ хану крымскому изъ Стамбула указъ прійдетъ, и такъ слышно, что хотятъ на помощь орду дать и разширеніе учинить. А третіе полскіе послы изъ Немирова отъ регименторя Свидинского брацлавского, партіи украинской, къ нам войску въ Кошъ съ его-жъ писмомъ сего декабря 6 дня пріѣзжали, то-есть нѣкоторые значковые товарыщи Квасневскій, который сказывалъ, что у вашего графского сіятелства, за своими нѣкоторыми интересами в Полтавѣ былъ; а другій Колосовскій и протчіе съ ними городовые козаки, человѣк съ 10, прося у насъ, войска, къ себѣ на помощь, х которому регименторю мы, войско, отписали, что намъ ханское величество чрезъ нашего посыланного господина Малашевича ни въ какіе сукурсы безъ вѣдома своего никуда вступать не приказывалъ. И того дня мы нашъ войсковой указъ х гардовому полковнику нашему войсковому послали, чтобъ де тамъ вашихъ полскихъ воровскихъ наговорщиковъ, къ Бугу рѣкѣ приходящихъ, смотрѣлъ и имая ихъ къ намъ въ Кошъ присылалъ, дабы мы, войско, чрезъ такіе воровскіе умысли(-ы) въ какое-либо у ханского величества подозрѣніе не пришли; и тако мы съ тѣмъ отвѣтомъ помянутыхъ поляковъ отправя тотчасъ по отъѣздѣ ихъ, по истинному рабскому нашему войсковому къ ея императорскому величеству доброжелателству, сію вѣдомость предлагаемъ и наставленія у вашего графского сіятелства просимъ, какое вы намъ, войску, по силѣ того наставленіе дать изволите, ежели-бы хан крымскій орду полякамъ на помощь посылать и нашему войску съ оною итти приказать имѣлъ, что тогда намъ съ помянутымъ ханомъ крымскимъ чинить и какъ поступать, ибо и нынѣ отъ нагайцевъ нападеніе имѣемъ, которые изъ той стороны Днѣпра лдомъ переходя вверхъ Днѣпра выше Старой Сѣчи и ниже, великую нашимъ козакамъ съ своими улусами досаду чинятъ, о чемъ хотя мы не одинажды къ ханскому величеству писали, однакожъ не вѣдаемъ, чего для онъ оттуду нагайцамъ уступить не повелѣваетъ; орда же крымская, которая лѣтомъ съ двумя салтанами, Калгою и Орбѣемъ подъ Кабарду пошла, по сіе время тамъ въ Кубанѣ стоитъ. О семъ вашему графскому сіятелству донося и паки о наставленіи (какъ-бы намъ по разсужденію полского сукурса съ ханомъ крымскимъ поступать) просимъ и при семъ

копію съ писма регементарского для вящей дружбы нашей прилагая, навсегда пребываемъ вашего графского сіятелства милостивого государя и благодѣтеля нашего всѣхъ благъ вѣрно желающіе и нижайшіе слуги Иванъ Бѣлицкій, атаманъ кошевой войска запорожского низового с товарищи. Изъ Коша декабря 11 дня, 1733 году» [9].

Граф Вейсбах нашел все ответы, данные запорожцами, как польскому регементарю, так и крымскому хану, «вполнѣ изрядными и весьма искусными»; уведомление о посольстве «лещинцами» в Крым и в Стамбул принял к сведению и благодарил за него кошевого, прося и впредь делать такие уведомления и обещая за то милость и награду монаршую. Относительно же наставления, как вести себя с ханом, когда он прикажет идти вместе с ордой в Польшу, граф советовал отвечать, что к походу хана все будет готово, и для большего уверения в том хана начать делать приготовления к выступлению в поход, но не с тем, конечно, чтобы бусурманам служить, а с тем, чтобы верность русскому престолу показать, и потом о своих приготовлениях немедленно самого графа известить. Если же орда слишком скоро выйдет в польский поход, и хан потребует такого же скорого выступления и от запорожских козаков, то в таком случае ему объявить, что войско запорожское в Польшу не может идти, потому что там находятся русские войска, которые, узнав о выступлении запорожцев из Сичи, могут послать туда свой отряд и приказать ему разорить Сичь и все ее курени. Когда же хан потребует через посланного, настоятельно от запорожцев похода в польские города или в другие какие-либо места, то в такой случае ханскому посланному отвечать, что запорожское войско больше в подданстве хана не состоит, а находится в подданстве русской государыни; после этого ханского посланного или выгнать от себя, или же вовсе убить, и всех ногайцев, находящихся вверху Днепра выше и ниже Сичи, разорить и разогнать.

Не ограничиваясь одними наставлениями, граф Вейсбах уведомлял кошевого и о том, что в польскую область к Брацлаву и на Волынь для поиска рейментаря Свидзинского и для разорения маетностей сторонников Станислава Лещинского, отправлен под командой князя Шаховского и генерал-майора Кейта русский регулярный корпус с значительной артиллерией, с которым имеет соединиться большое войско для разорения польских маетностей и деревень. Независимо от этого поставлена в местечках Медведовке и Боровицах особая команда под начальством полковника в тысячу человек драгун для охраны запорожского войска; полковник команды, по первому требованию запорожцев, может спуститься к самой Сиче и защищать ее от бусурман. Поэтому, ввиду согласия действий, запорожцы должны уведомить графа, сколько у них может быть всего войска и что они предпримут в том случае, когда крымский хан уйдет в Польшу, т. е. двинутся ли к драгунам в Медведовку

и Боровицы, или же ударятся на Крым для разорения тамошних мест. Граф Вейсбах полагал, что за выездом в Польшу орды и за невозвращением из кабардинского похода двух салтанов с ордой (которые стояли на Кубани) в Крыму осталось совсем мало татарских войск и в таком случае в нем можно было бы «знатное разореніе учинить». Запорожцы должны также сообщить, куда удобнее поставить драгун на постой, в самой ли Сичи, или же в Медведовке и Боровицах, где находился западноукраинский рейментарь. Наконец, в заключение письма граф Вейсбах просил кошевого атамана изловить одного из польских посланцев, отправленных в Стамбул, а именно сына переяславского полковника Ивана Мировича, Федора Ивановича, когда он будет возвращаться в Польшу через Запорожскую Сичь. Граф советовал кошевому ничего дурного лично Мировичу до времени не причинять, напротив того, показывать к нему полную дружбу и приязнь, пока он будет на Кошу; но потом, когда оставит Сичь, велел его догнать, внезапно схватить и доставить переволочанскому коменданту на левый берег Днепра и от коменданта арестованного в город Полтаву препроводить. В случае при нем окажется какая-нибудь казна, то деньги разграбить и разграбленное все поделить между собой. «И ежели оное учинено будетъ, то извольте въ вѣрной надеждѣ быть, что ваше благородіе отъ ея императорскаго величества получите особливо всемилостивѣйшее награжденіе» [10].

Настал 1734 год, и запорожцы все еще находились в неопределенном положении. А между тем им нужно было одно из двух выбрать — или открыто объявить себя подданными России, или же беспрекословно подчиниться во всем крымскому хану, потому что крымский хан именно в это время потребовал настоятельно, чтобы запорожцы шли в Польшу в помощь королю Станиславу Лещинскому для борьбы с враждебной ему партией. Запорожцы решились на первое. Не возражая ни словом против ханского приказания, кошевой Белицкий собрал все войско и двинулся с ним к реке Бугу. Не дойдя до Гарда, он остановился табором и послал к графу Вейсбаху гонца с запросом, как ему поступить на будущее время. Граф Вейсбах, воспользовавшись недавним набегом ногайцев, находившихся в подданстве Турции, на малороссийское село Беркут Полтавского полка, представил это дело русскому правительству как нарушение мирного трактата со стороны Турции и подал мысль императрице немедленно принять запорожцев в русское подданство для противопоставления их ногайцам. Самому кошевому он отправил в это же время февраля 12 дня гонца с таким листом: «Изъ сего моего объявленія вы и все войско запорожское низовое можете узнать, что ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая государыня, неотмѣнное свое высочайшее соизволеніе и милость въ отпущеніи войска запорожского винъ содержитъ и въ высочайшую свою державу, а отъ бусурманскаго подданства всѣхъ васъ вѣчно

освобождаетъ и въ число вѣрныхъ своихъ подданныхъ имѣть соизволитъ».

Между тем на запорожских козаков рассчитывал и крымский хан. Он составил себе план двинуться сперва к Хотину, из Хотина идти в Польшу и там сделать нападение на русских. Ввиду такого похода кошевой атаман должен был собрать несколько тысяч человек запорожского войска и отправить его к хану, сам же с куренными атаманами должен явиться в Крым в качестве заложника, а оставшихся козаков перевесть «изъ Сѣчи, ближе къ Крыму, въ урочище, зовомое Алешку». После этого все запорожцы с кошевым атаманом Иваном Малашевичем, ожидая от такого приказания конечной для себя погибели, согласясь единогласно, оставили прежнее свое жилище и пошли на житье вверх Днепра на место, называемое Базавлук, куда приказали явиться и всех[-м] козакам, отправленным к хану. Сделав такое дело, они разослали от себя письма к крымскому хану Каплан-Гераю, перекопскому бею и турским комиссарам и в письмах изъяснили, что они не могут, несмотря на наряд хана, идти в помощь полякам против русского войска и своих родственников, в Малой России находящихся. После всего этого запорожцы о всех военных планах крымского хана послали известие в Киев и в то же время отправили лист государыне императрице, в котором «слезно» просили принять их, как природных подданных, до тех пор в бегах живщих, в свою протекцию, и русская императрица «по христіанству и по всенароднымъ правамъ, отказать не могла имъ» [11].

При всем том по поводу перехода запорожцев с устья речки Каменки в урочище Базавлук очень долго еще продолжалась переписка и шли с той и другой стороны различные объяснения.

Марта 27 числа из Петербурга в Константинополь к русскому резиденту Ивану Ивановичу Неплюеву послан был «секретнѣйший» запрос о том, какого мнения будет резидент, если императорское правительство решится принять запорожское войско в русское подданство, т. е. что может воспоследовать чрез то от турок. До сих пор запорожцы не были приняты из боязни, чтобы турки не оставили своих «персидскихъ дѣйствъ» [12] и не обратились войной на Россию. Теперь императорское правительство, задумав войну с турками, принуждено держать свое намерение в строжайшем секрете до тех пор, пока не будут приведены к надежному основанию польские дела, и в этом рассуждении запорожцев, которые, на случай войны России с Турцией, могут быть весьма полезны, отпускать «не заблагоразсуждаетъ» [13].

Но еще до получения такого запроса русский резидент Неплюев послал из Царьграда через Вену в Петербург обширное донесение императрице о том, как надо поступить с запорожскими козаками ввиду слагающихся политических обстоятельств. Он не видел иного способа, как принять их в границы императорского величества,

потому что «заграницею безъ разрыва никакъ содержать мира невозможно»; к тому же, как слышал резидент в столице султана, «едва-ли не противъ запорожцевъ» отправлены Орлик и его сын; в отговорку же Порте можно сказать то, что сама она приняла подданного императорского величества Дондук Омбу с калмыками в протекцию, а потому тем менее имеется оснований для русской императрицы не принимать обратно своих собственных подданных; впрочем, едва ли Порта решится объявить войну России ради одних запорожцев.

В начале апреля граф Вейсбах донес русским резидентам в Константинополе, Неплюеву и Вишнякову, о том, что запорожцы отказались повиноваться крымскому хану и перешли на урочище Базавлук и что для предотвращения прихода со стороны татар к русским границам он распорядился сделать нападение на бусурман в тыл от линии.

Русские резиденты, получив такое донесение, сообщили о взятых против татар мерах, умолчав, впрочем, о переходе из Крыма в Россию запорожцев, цесарскому резиденту и послам английскому, «дабы сіе подъ рукою внушить, чтобъ Порта не имѣла никакого резона нарекать намъ на разрывъ, когда что отъ татаръ начнется». Твердая решимость со стороны запорожцев навсегда покинуть владения Крыма вполне совпадала со взглядами Неплюева, и он в новом донесении императрице опять высказывался за принятие их под протекцию России. «Ибо извольте-то въ дѣйствѣ увидѣть, что Порта будетъ ихъ оружіемъ себѣ покорять, когда они впредь на всегдашнія времена къ высокой вашего императорского величества протекціи кредиту имѣть не будутъ, но еще и украинскіе то съ сожалѣніемъ примутъ, что такъ запорожцы обнадежены и оставлены найдутся, возмня ханскую протекцію сильнѣе; а ежели-же у вашего императорского величества съ турками до войны не дойдетъ, а запорожцы до негоціаціи внутрь вашего величества границъ ретируются, то можно ихъ содержать, и Портѣ нарекать резона не будетъ, яко въ отвѣтъ ей много законной правды употребить найдемъ, а ежели-же она нынѣ къ намъ отзовется, то мы до указа вашего императорского величества въ генеральныхъ терминахъ невѣдѣніемъ отговариваться будемъ» [14].

После таких донесений послано было из Петербурга в Константинополь апреля 26 дня через киевского рейтара поручика Наковальнина обширное наставление о том, что отвечать Порте на случай запроса с ее стороны о переходе запорожских козаков к российским границам. Наставления эти были таковы.

1. Хотя запорожцы, как самой Порте известно, издревле подданные русских царей, единого с ними христианского закона, родились все в Малой России, где их отцы и сродники и поныне живут, но жили они в Сиче, перебегая из Малой России в различное время по своему давнему обыкновению самовольно, и иные, пробыв в Сиче

несколько времени, снова в Малую Россию, т. е. в свое отечество, возвращались. Несмотря на то, когда они, при учинении последнего вечного мира с Портой, сами добровольно в крымской стороне остались, то русские государи в них никогда не вступались, когда Кош свой они имели за русской границей, где сами иметь хотели, и в то дело русское правительство мешаться считало для себя неприличным.

2. Русские государи к себе их не призывали и не призывают и теперь, хотя запорожцы перешли с своего Коша на новый Кош, но русской государыне до того дела нет, так как новый Кош не в русских границах обретается и, насколько государыня уведомлена о том, запорожцы перешли на то место, где они издревле всегда свое жилище и пребывание имели, а потому чинить им препятствие в том не находится причины никакой.

3. Ввиду того, что крымский хан, противно вольности и обыкновению козаков, хотел насильно переселить их из Сечи к самому Крыму с намерением разобрать их по рукам, самого кошевого со всеми знатными куренными атаманами силою к себе в аманаты взять и насильно гетманом над ними явного изменника Орлика поставить, то запорожцы, как народ вольный, не допуская себя до последней погибели, принуждены были, ради своего спасения, на другое место перейти. И за то крымский хан должен подлежать нареканию, потому что такими поступками своими он к отчаянию запорожцев привел, а натурально, что всяк, видя перед собой последнюю погибель свою, старается от оной себя спасти.

4. А что запорожцы, будучи издревле русскими подданными и имея в Малой России своих родственников и свойственников, отказали хану идти войной против русской государыни и против русских войск, то это также вполне натурально: ведь сами же запорожцы легко могут рассудить, что, выступив против русских войной, они выступят против собственных родственников и свойственников, в русской державе обретающихся, и потому если запорожцы не хотят идти войной против своего отечества, то русской императрице пенять на них за то неприлично.

5. Если крымский хан, которому «накрѣпко и ненарушимо» нужно было соблюдать между обеими державами вечный мир, несмотря на то, «непріятельскія и мирнонарушительныя свои намѣренія в дѣйство производить хочетъ», то и русской императрице, в противность хану, нужно брать надлежащие меры для учинения отпора.

6. Впрочем, русская императрица и до последнего времени к тем запорожцам не имеет никакого отношения; запорожцы сами, ради одного своего спасения, перешли из прежнего своего Коша на новый и поселились в турецких же, а не русских границах, и если крымский хан оставит их «при прежнихъ обыкновеніяхъ» и не будет принуждать к войне против России, то они снова могут в

крымскую протекцию вернуться, и императрица не станет себе присвоять их.

7. Но если крымский хан не оставит своего намерения всеконечно погублять их и приневоливать к войне против России и оные запорожцы к русской императрице, как к природной своей государыне, прибегать станут, то императрица по закону христианскому, тех запорожцев, как христиан и единоверцев, считает отгонять от себя неприличным и натурально не станет принуждать их к тому, чтобы они, совместно с крымским ханом, выступали врагами русского государства.

8. Если же хан станет жить в покое и мира не нарушит, то все минует, и обе империи, а также и все запорожцы по-прежнему останутся в покое.

9. Русская императрица тех запорожцев до последнего времени не принимала и принять не хотела, и если бы то учинилось и императрица позволила бы им иметь жилище в русских границах, то это «ни въ какую противность принято быть не можетъ», потому что самой Порте известно, каким образом русские изменники Дондук Омбо с товарищами, хотя они и идолопоклонники и не единоверцы туркам, приняты крымским ханом в протекцию, доныне в его области находятся и на русские области, без всякого препятствия со стороны Порты, чинили нападения и чинить продолжают. Тем менее станет решимости у русской императрицы отгонять от себя таких людей, которые и по рождению, и по христианскому закону могут называться своими.

«А все то можете заключить тѣмъ, что надлежитъ хана крымского унимать и онаго къ содержанію покоя принуждать, тогда и все склонно между обоими имперіями происходить будетъ. Можете еще Портѣ о запорожцахъ и сіе объявить, что всѣ они до единого уроженные въ нашей имперіи и перебѣгая живутъ тамъ въ Сѣчѣ изъ давнихъ лѣтъ безъ жонъ холостые, и такъ ежели-бъ повсевремянно туда оныхъ бѣгущихъ изъ нашего подданства не прибавлялось, то они, запорожцы, давно всѣ перевелись, понеже плодиться имъ въ Сѣчѣ не отъ кого» [15].

О переходе запорожцев из-под власти Крыма под власть России турецкая Порта узнала по донесению хана. Донося о том падишаху, крымский хан сообщал, что хотя запорожцы и покинули свои прежние займища, но из турецких границ еще не вышли.

На основании этого донесения крымскому хану послан был приказ убедить запорожцев вернуться к прежней протекции Крыма; в случае же с их стороны сопротивления, хан должен смирить их оружием, как людей в его земле живущих. В столице султана все были в то время того мнения, что хотя запорожцы и покинули свои жилища при устье речки Каменки, но все-таки сели на землях, принадлежавших Крыму, а следовательно и Турции. «И ежели,— писал по этому поводу русский резидент Неплюев графу Вейсбаху в Киев,—

у насъ съ Портою дойдетъ до разрыва, тогда невозможно тѣхъ запорожцевъ въ турецкой землѣ въ протекціи ея императорского величества содержать: как мнѣ здѣсь слышно, что Базовъ лугъ [16] мѣсто туркамъ принадлежащее, понеже вашему сіятельству извѣстно, что хотя въ трактатъ съ Портою глухо стоитъ, но въ инструментъ разграниченія 1714 года явно и ясно границы описаны и всѣ земли къ крымской сторонѣ отъ тѣхъ границъ турецкими именованы безъ изъятія, и ежели они, запорожцы, ретируются внутрь ея императорского величества границъ, тогда ихъ и во время мира принять свободно можно и Портѣ въ отвѣтъ показанные мнѣ отъ вашего сіятельства резоны довольны будутъ» [17].

И представление русского резидента имело, как вскоре оказалось, свои основания. Вслед за водворением запорожцев на урочище Базавлуке очаковский паша донес великому везирю, что на том месте, где поселились запорожцы, которое называется «Базаглукъ», российскими людьми «начаты дѣлаться рвы». Об этих рвах очаковский паша «посылалъ спрашивать, на что то чинится, представляя, что реченное мѣсто Базаглукъ принадлежитъ къ области Порты оттоманскія». На такой запрос паше ответствовано, что те рвы делаются с намерением, «дабы въ томъ мѣстѣ, по указу россійского двора, крѣпость построить и что помянутое урочище Базаглукъ не къ блистательной Портѣ, но къ россійскому государству принадлежитъ».

Донесению очаковского паши придали в Константинополе должное значение. Великий везирь Али-паша находил нужным для разузнания дела отправить на урочище Базавлук полномочных от Порты лиц с тем, чтобы они сделали «истинное и прилежное освидѣтельствованіе», кому в действительности принадлежит урочище Базавлук. К доверенным лицам от Порты русский резидент должен был присоединить избранных от себя лиц, и после того уже иметь те или другие разговоры о Базавлуке. Во всяком случае и как бы то ни было, строить крепости близ границ с обеих сторон, в силу мирного трактата нельзя.

На такое представление великого везиря русский резидент дал уклончивый ответ. Он говорил, что о строении крепости на урочище Базавлуке не имеет от своего двора никакого известия и подлинно не знает, кому то урочище принадлежит; но смеет уверить блистательную Порту, что от двора ее императорского величества «отнюдь такого указа не учинится, чтобъ строить крѣпости не токмо на мѣстахъ, блистательной Портѣ принадлежачих; но ниже на такихъ, о которыхъ заключенный между обѣими имперіями трактатъ возбраняется». По всему этому русский резидент не находил нужным посылать от себя человека на урочище Базавлук для осмотра его и советовал великому везирю прежде всего войти в сношение с начальником украинского корпуса графом фон-Вейсбахом, «для достовѣрнаго освидѣтельствованія», кому подлинно принадлежит

урочище Базавлук. Великий везирь, соглашаясь с таким представлением русского резидента, тем не менее нашел за лучшее поручить бендерскому или очаковскому паше нарядить по спорному делу комиссию. Относительно сооружения крепости он заметил, что, быть может, построение ее начато и самими запорожцами, но в таком случае Россия не имеет права принимать под свою протекцию никаких народов в землях блистательной Порты; если же она желает принять запорожцев в свое подданство, то пусть дает им места, принадлежащие российскому государству.

После такого объяснения с великим везирем Неплюев отправил от себя поручика Наковальнина и велел ему ехать в Бендеры к местному паше, соединиться там с доверенным человеком паши и ехать вместе с ним к графу фон-Вейсбаху; доехав же до города Василькова, остановиться в нем под видом «кварантины» и там ожидать определения от графа до тех пор, пока он тем временем успеет снестись с Петербургом и получить оттуда инструкцию, как поступать в таком случае. «Пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донести,— писал Неплюев по этому же поводу в Петербург,— вашему императорскому величеству слабое мое мнѣние, не соизволите-ли, ваше величество, всемилостивѣйше повелѣть онымъ запорожскимъ козакамъ нынѣ войти вовнутрь границъ вашего императорскаго величества, особливо того ради, что Порта по нынѣшнимъ своимъ въ прочихъ дѣлахъ упражненіямъ и недосугамъ сіе дѣло не весьма за важное считаетъ и сама къ тому намъ поводъ подаетъ... А ежели запорожцы на мѣстѣ Базаглукѣ пребудутъ, то отъ хана крымского и татаръ нападенія и разоренія претерпятъ, а къ тому и Порта, поуспокоясь отъ нынѣшнихъ дѣлъ и видя ихъ на мѣстѣ, гдѣ ихъ будутъ охранять войска вашего императорского величества, найдетъ, что поселеніе ихъ на Базавлукъ съ правдою несходно, и если нынѣ удобный къ тому случай потеряется, то впредь въ потребное время трудно будетъ то учинить, или еще болѣе чрезъ то можетъ податься случай къ ссорамъ. Сихъ ради резоновъ я сіе дѣло (т. е. наставленіе, какъ отвѣчать в Константинополѣ о переходѣ запорожцевъ къ предѣламъ Россіи) при Портѣ въ молчаніи оставилъ, понеже ежели-бъ я нынѣ Портѣ объявилъ, что ваше императорское величество за нихъ вступаться не изволитъ, то она тотчасъ приняла-бы мѣры ихъ въ покорность себѣ привесть и то мое объявленіе и впредь себѣ во оправданіе имѣть. На томъ-же основаніи я нынѣ умолчалъ и о калмыкахъ, которые въ крымскую сторону бѣгутъ, и разсуждаю моимъ слабымъ смысломъ, что 20 000 запорожскихъ козаковъ прибыльнѣе многихъ калмыковъ, куда-бы ихъ (козаковъ) не изволили употребить: въ Польшу-ли против станиславцевъ[18], или при случаѣ противъ татаръ. Если-же запорожцевъ внутрь границъ вашего императорского величества перевести невозможно, въ такомъ случаѣ, видится мнѣ, что генералъ графъ фонъ-Вейсбахъ можетъ къ пашѣ бендерскому дать такой

отвѣтъ, если только на то вашего императорского величества соизволеніе будетъ, что въ Базавлукъ никакой крѣпости отъ сторoны вашего императорского величества не строится и тѣмъ мѣстомъ ваше величество нимало не интересуетесь, какъ принадлежащимъ оттоманской имперіи; извѣстно, что тамъ селятся запорожскіе козаки, отъ налоговъ ханскихъ из Сѣчи вышедшіе, просившіе у вашего императорскаго величества, какъ у своей законной государыни, прощенія за побѣгъ и принятія въ протекцію, въ чемъ имъ, какъ подданнымъ и единозаконнымъ, отказать было невозможно; однакожъ вмѣстѣ съ такимъ изъявленіемъ отвѣтствовать, что когда они придутъ внутрь границъ вашего императорского величества, тогда имъ дастся протекція, а внѣ границъ вашего величества интересоваться въ нихъ не изволите, потому что вѣчную дружбу съ Портой ненарушимо содержать соизволяете, и потому если ханъ крымскій озлоблять ихъ больше не будетъ, то, может быть, они иного мѣста искать не будутъ и на Базаглукѣ останутся... А что касается угрозъ турецкихъ, то мы уже ихъ не боимся, потому что выставили два вида передъ глаза Порты: во-первыхъ, что персіяне въ рукахъ вашего императорского величества, во-вторыхъ, что ваше величество терпѣть болѣе туркамъ не будете» [19].

Но прошло еще более полугода времени, а вопрос о запорожцах все еще не был окончен.

Русский резидент Неплюев испытывал крайнее затруднение в Константинополе и не знал, как «содержать» запорожцев, т. е. считать ли их своими или же считать чужими: заняв земли возле урочища Базавлука, запорожцы не считали их принадлежащими Порте, но они не знали того, что те земли в действительности принадлежат Порте. Для разъяснения этого вопроса Неплюеву пришлось обратиться к делам 1705 года по размежеванию границ между Портой и Россией и к той переписке, которая велась в то время между начальником русской комиссии думным дьяком Емельяном Украинцовым и кошевым атаманом Константином Гордиенком. Из постановлений той комиссии ясно, что за Днепром во владении России, кроме Киева с поланками, ничего не должно быть.

Поставленный в такое затруднение, русский резидент наряжал вместо себя для объяснения с великим везирем своего переводчика Ивана Бакунина. От того переводчика резидент узнал, что Порта негодует на русское правительство не столько за принятие императрицей в подданство запорожцев, потому что Порта и сама так же поступила бы, если бы к ней пришли из России какие-нибудь магометане, сколько за то, что императрица содержит запорожцев на землях турецких и дозволяет им сооружать разные строения, чем нарушает установленные мирные трактаты и соседственную дружбу. Вечный мир, установленный между Турцией и Россией, гласит ясно, что «отъ острова, имянуемаго Сѣча, всѣ мѣста суть

турецкого имперія, а помянутые запорожскіе козаки нынѣ живутъ по сю сторону выше реченного урочища (то есть не къ россійской сторонѣ, но къ турецкому государству), чего ради всякъ прочитающій оный трактатъ, ясно без другихъ доказательствъ увидѣть можетъ, что тѣ мѣста суть блистательной Порты, по силѣ которого трактата паки онъ верховный везирь, требуетъ, чтобъ конечно вышереченные козаки оттуда въ россійскія границы были переведены» [20].

Такое объяснение между русским переводчиком Бакуниным и великим везирем Али-пашой происходило ноября 22 дня 1734 года, а между тем запорожские козаки уже 31 числа месяца марта сидели «крѣпко и ладно» своим Кошем в урочище Базавлуке и вовсе не думали менять его ни на какое другое место.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Надежды Филиппа Орлика поднять национально-малороссийское знамя для избавления от московского ига Малороссии.— Письма Орлика по этому поводу к запорожскому войску.— Ответ запорожцев Филиппу Орлику и Каплан-Герай хану и отсылка орликовых и ханских писем к графу Вейсбаху.— Ответ запорожцам со стороны графа фон-Вейсбаха с обнадеживанием защиты от татар и турок.— Памятная записка кошевого Малашевича о том, где и сколько времени сидели запорожцы Кошем за время жизни их под протекцией Крыма.— Спор России и Турции, кому принадлежит урочище Базавлук, где запорожцы сели новым своим Кошем.— Приезд турецкой комиссии для разбора спорного вопроса.— Присяга запорожского войска на верность русскому престолу.— Приезд послов, русского и турецкого, в Сичу и различные встречи тому и другому.— Число всего запорожского войска, принятого в подданство российской императрицы.

В то время, когда запорожцы бесповоротно покинули ненавистные им владения крымского хана, так называемый гетман малороссийских козаков Филипп Орлик все еще старался склонить их к Крыму и отвратить от России. Филипп Орлик давно ждал благоприятного случая, чтобы выйти на историческую сцену, взять в руки национально-малороссийское знамя и избавить свою родину от не-[на]вистного ему московского ига. Случай такой представился ему после смерти польского короля Августа II, когда вся Польша, а вместе с ней и вся почти Европа разделились на два враждебных лагеря. Так как родная дочь одного из претендентов на польскую корону, Станислава Лещинского, Мария, была за французским королем Людовиком XV, то за Лещинского вступилась Франция, а к Франции пристали короли — испанский, дядя французского; сардинский, брат французского, и король шведский. Тогда сторону другого претендента, Фридриха Августа, курфюрста саксонского, взяли цесарь германский и император всероссийский. Но французский король, располагая огромной, в 350 000 человек, армией, внес войну в Италию, взял там у германского цесаря королевство Ломбардское и княжество Миланское и Мантуанское, затем лишил владений цесарева зятя, князя лотарингского, после чего перебросил свою армию через реку Рейн и двинул ее к Вене, столице германского цесаря. В это время Оттоманская Порта поставила на готовую ногу все свои силы и также заняла против цесаря угрожа-

ющее положение, а крымский хан двинул свои многочисленные орды к пределам Польши.

В таких трудных обстоятельствах ни цесарь германский, ни его союзник император россійский, не могли нигде найти себе сочувствія и помощи: Англія, Голландія, Данія, Пруссія, Бавaрія и другіе княжества, видя, как германский цесарь и русский императоръ «беззаконно и богопротивно» насилуют вольности и права Речи Посполитой, в чужом государстве самовольно распоряжаются и выживают законного короля Станислава Лещинского, отказались подать тому и другому какую бы то ни было помощь. Так цесарь и императоръ сами себе создали затруднительное и весьма опасное положение, и этим положением должны воспользоваться, как счастливейшим случаем, все те, кому дорога «матка отчизна» Украйна. Таким был именно Филипп Орлик. Он оставил македонский город Салоники, переехал в местечко Каушаны [1] и оттуда обратился апреля 23 числа 1734 года с обширным листом к запорожскому товариству. В том листе он изобразил сперва все политическое положение дел в Европе; потом корил запорожцев за сношения с Россией и представлял всяческие доводы к тому, что именно теперь настало самое счастливое время для освобождения отчизны от московского тиранского ига и называл это дело таким священным и высоким подвигом, ради которого можно не пожалеть и собственной жизни.

«И въ такое удобное, счастливое, благопріятное и для войны способное время вы, добрые молодцы, войско запорожское, допустили себя увлечься хитрыми и льстивыми обѣщаніями московскими, которыя они рѣдко когда исполняютъ, а тѣмъ болѣе не исполнятъ въ отношеніи васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго, и всего нашего народа, потому что съ давнихъ временъ они заклятые враги наши. Я-бы не удивился, если-бы вы, ваша мосць, добрые молодцы, войско запорожское, не испытавши на самих себѣ московскаго коварства, перешли на сторону Москвы, но мнѣ удивительно то, милая братія моя, что вы, уже имѣя, кромѣ прежнихъ доводовъ, живые и свѣжіе примѣры ложнаго обѣщанія московскаго и какъ на себѣ, такъ и на отчизнѣ своей, легко, опрометчиво и необдуманно ему вѣрите. Развѣ улетучилось изъ вашей памяти то, какъ Москва, во время добыванія Сичи, приманивъ лестными обѣщаніями царской ласки войсковую старшину и товариство до присяги, рубила имъ въ таборѣ головы? Какъ она еще раньше, до взятія Кызыкерменя, желая стѣснить и искоренить войско запорожское низовое, Самарскіе городки заселяла и Каменный-Затонъ, подъ предлогомъ складыванія тамъ военныхъ запасовъ и провіантовъ, офундовала, обнадеживая царскими грамотами, что по окончаніи войны съ турками и татарами, тѣ Самарскіе городки и Каменнозатонскій фортецъ будутъ снесены до основанія. Но исполнено-ли то, что обѣщано? Какъ во время шведской войны, затянувши на свою службу немало низоваго товариства и обнадеживши его своею платою, въ

Петербургъ ихъ запровадила, а потомъ въ каторги поразослала, гдѣ козаки и погибли. Не сомнѣваюсь, что Москва, видя отовсюду войну тяжелую и опасную, потворствуетъ, льститъ вамъ, золотыя горы обѣщаетъ, жалованьемъ денежнымъ утѣшаетъ и всякія вольности обѣщаетъ, но что станется съ вами по окончаніи и до какого несчастья и пагубы вы тогда дойдете? Сами потомъ узнаете и будете жалѣть, что опрометчиво и неблагоразумно, не осматриваясь на заднія колеса, учинили, такъ именно, какъ теперь цѣлый народъ украинскій, братія ваша, сродники и единоземцы ваши, не послушавъ усердныхъ и правдивыхъ распоряженій со стороны покойнаго славной памяти гетмана Мазепы, сами на себя дѣлаютъ жалостныя и слезныя нареканія, повѣривши непріязненнымъ и обманчивымъ московскимъ обѣщаніямъ, эти обѣщанія подписаны были въ грамотахъ властною царскою рукою, объявлены по всѣмъ городамъ Украйны, оглашены чтеніемъ по всѣмъ церквамъ повсюду и во свидѣтельство исполненія ихъ самого Бога призывали и все войско запорожское городовое и низовое и цѣлый народъ увѣряли, что права и вольности войсковыя никогда, ни въ чемъ на вѣчныя времена не будутъ со стороны Москвы ни нарушены, ни поломаны; напротивъ того, всѣ люди войсковые и посполитые будутъ жить всегда при такихъ вольностяхъ, при какихъ они жили въ дни славной памяти покойнаго гетмана Богдана Хмельницкаго. А как сдержала Москва свои клятвенныя обѣщанія,— это хорошо извѣстно не только вамъ, добрымъ молодцамъ, но и всему свѣту. Правда, сначала Москва поблажала всему украинскому народу, осыпала деньгами всю старшину и все значное войсковое и городовое товариство, одаряла ихъ соболями, роздавала имѣнія, но все это дѣлала до тѣхъ поръ, пока не одержала побѣды надъ шведами подъ Полтавою, послѣ чего сейчасъ-же и прежде всего вдвинула на Украйну войска свои и расположила ихъ всюду на квартирахъ по городамъ и по селамъ, не сдѣлавъ свободными отъ московскаго постоя ни домовъ генеральной старшины, ни полковничьихъ, ни поповскихъ, ни простыхъ козацкихъ. Потомъ, какъ только Москва покончила войну со шведами и установила съ ними миръ, то тотъ-же часъ всѣ клятвенныя подтвержденныя царскими грамотами обѣщанія отмѣнила, всѣ вольности поломала, судъ и свои законы мучительскіе на Украйну ввела и установила, а наши войсковые уничтожила, гетманскій чинъ искоренила, какой-то коллегіумъ изъ 12 особъ своего (великороссійскаго) народа, лучше сказать изъ 12 жестокихъ мучителей составленный въ Глуховѣ утвердила; эти люди у нашихъ имущества отнимали, одному съ другимъ разговаривать не позволяли, тирански мучили, кнутовали, на пытку тянули, ребра ломали, точно свиней повязавши на жару пекли, смолою кипячею поливали, вѣшали, головы рубили, четвертовали и иныя многія мучительства, въ свѣтѣ неслыханныя, надъ народомъ нашимъ дѣлали! И когда генеральныя особы, полковники, старшина со

всѣмъ городовымъ запорожскимъ войскомъ и со всѣмъ народомъ, покорно и слезно, черезъ своихъ пословъ, стали просить царское величество о дарованіи правъ и вольностей и напоминать о додержаніи царскаго слова и подтвержденныхъ грамотами обѣщаній, тогда всѣхъ забравши и въ Петербургъ подъ карауломъ отправивши, однихъ замучили, другихъ въ ссылку позасылали, третьихъ въ тяжкую тюрьму посадили, въ какой много лѣтъ страдалъ и самъ кривоприсяжца и отступникъ нашъ покойный миргородскій полковникъ Данило Апостолъ [2], хорошо Москвѣ прислужившійся, сломавшій свою присягу и перешедшій отъ насъ въ противную сторону; за него вы, добрые молодцы, оставивъ меня, вашего гетмана, не столько вольными голосами выбраннаго, сколько къ принятію того уряда принужденнаго, должны въ вашей церкви много лѣтъ Бога молить за ту его къ вамъ услугу, что онъ рекомендовалъ Москвѣ Галагана [3] для зруйнованія запорожской Сичи. Наконецъ, Москва, желая не только обезсилить войско запорожское, но и совсѣмъ истребить его, нашла на то средство, рытье, тамъ, гдѣ-то, въ далекой сторонѣ, какого-то канала и постройку въ Персіи фортецъ; отправивъ на нѣсколько мѣсяцевъ по указамъ десятки тысячъ козаковъ, однихъ изъ нихъ тяжкими и непривычными работами поизвели, другихъ голодомъ поморили, а третьихъ мукой, гнилой, протухлой, съ ящерицами и съ известью подмѣшанной, поотравили. Сообразите, добрые молодцы, войско запорожское, до какихъ идете вы, или уже отошли пріятелей! Пишу все то, о чемъ и раньше многократно и обширно писалъ вамъ, для предостереженія, добрымъ молодцамъ, и если найдете въ чемъ неправду, обличите меня. Но только надѣюсь, что никто, даже изъ моихъ враговъ, не найдетъ въ томъ лжи, потому что все, что я совѣтую вамъ и въ чемъ предостерегаю, все это извѣстно цѣлому міру и многіе изъ васъ, бѣжавшіе отъ московскаго мучительства и бывшіе самовидцами всего того, могутъ подтвердить правоту моихъ словъ. Спрашиваю я васъ, добрыхъ молодцовъ, войско запорожское: что вы, послѣ вашей присяги, принесенной на непорочномъ евангеліи, принесли отчизнѣ, отцам, вашей братіи, сродникамъ и всему народу украинскому, отдаваясь подъ власть и панованіе московское? Поправились-ли от того права и вольности, Москвою нарушенныя и отнятыя? Или вы договорились и на томъ крѣпко утвердились, чтобы Москва не уничтожала на будущее время гетманскаго уряда, городовъ въ свою власть не отбирала и войсками своими не осаживала? Или вы договорились о томъ, чтобы Москва не навязывала намъ насильно въ гетманы москаля или какого-нибудь волошанина, и предоставила войску вольное на гетманскій урядъ избраніе? Или войска московскія изъ Украйны будутъ выведены и никогда на постои не будутъ ставиться въ ней? Или москали, волохи, сербы и иные чужеземцы, равно какъ и перекресты отъ урядовъ войсковых будутъ отставлены, а на ихъ мѣста заслуженные козаки будутъ выбраны и поставлены? Или козаки,

кромѣ привычной имъ войсковой службы, ни къ какимъ тяжкимъ и несноснымъ работамъ не будутъ принуждаемы? Или изъ Полтавы, Глухова и иныхъ, кромѣ Кіева, Чернигова и Переяслава, городовъ, москали будутъ выпровожены? Или города и села, розданные въ подданство разнымъ особамъ народа московскаго, волосскаго и сербскаго, будутъ отъ нихъ отобраны и подъ гетманскую власть отданы? Или вы, добрые молодцы, застраховали себя отъ того, чтобы Москва въ права наши не вмѣшивалась, а свои, на Украйнѣ установленныя, совсѣм снесла, людей нашихъ до судовъ своихъ не тягала, дѣлъ никакихъ не судила, людей нашихъ ни смертію не карала, никакими подарками, данями, подводами далекими и другими неисчислимыми тягостями не отягощала? Или, наконецъ, войско запорожское городовое и низовое попрежнему при своихъ правахъ и вольностяхъ, ни въ чемъ никогда ненарушенныхъ, будетъ оставаться и гетманскому регименту, а не власти и повелѣнію воеводъ и генераловъ московскихъ подчиняться? Знаю хорошо, что вы, добрые молодцы, войско запорожское, все то оставивши и никакой защиты и облегченія отъ тягостей и отъ московскаго тиранства ни войску, ни посполитому народу не учинивши, оставивъ всѣ свои угодья, пожитки и добычи въ Днѣпрѣ, в Бугѣ и во всѣхъ, по обоимъ сторонамъ Днѣпра, рѣчкахъ и поляхъ, Москвѣ принадлежащихъ, передаетесь на московскую, себѣ и всему народу своему непріязненную и враждебную, сторону. Хочу, поэтому, знать, гдѣ вы, добрые молодцы, войско запорожское, замыслили и уradили Сичь себѣ заложить и офундовать? Конечно по той сторонѣ Днѣпра. Но турки и татары того вамъ не позволятъ, потому что тотъ край, гдѣ были наилучшія ваши угодья и пожитки, какъ-то: по Самарѣ и другихъ мѣстахъ отданы Москвой и подтверждены мирными договорами на вѣчныя времена турко-татарамъ и ограничены по Орель рѣку; о томъ вы сами, добрые молодцы, знаете, потому къ турецкимъ комиссарамъ выслано было, для разграниченія, и войсковое товарищество. По этой-же, лѣвой сторонѣ Днѣпра Москва нигдѣ, кромѣ Кіева, Триполя и Василькова, ни пяди земли не имѣетъ, даже и самая Старая Сичь (Чортомлыцкая), не принадлежитъ ей и на вѣчныя времена не будетъ принадлежать Москвѣ, что и утверждено мирнымъ договоромъ между Портою и Москвою сперва подъ Прутомъ, потомъ въ Стамбулѣ, а наконецъ въ Адріанополѣ. А вся сегобочная пустыня, съ полями, рѣками и рѣчками, одна къ Рѣчи-Посполитой, польской Украйнѣ, отошла и давнимъ карловицкимъ договоромъ подтверждена; а другая туркамъ и татарамъ по самый Очаковъ принадлежитъ. Разсудите, добрые молодцы, войско запорожское, и обдумайте вашими разумными головами, гдѣ сядете подъ московским владычествомъ, гдѣ будете имѣть добычи отъ соли, отъ рыбы, отъ звѣря, гдѣ будете пасѣки свои имѣть, гдѣ будете пасти свои стада, размножившіяся подъ обороною хана его милости? Конечно, Москва не захочет для васъ ни съ турками, ни съ татарами воевать

за тѣ земли по обѣимъ сторонамъ Днѣпра,— напротивъ того, рада будетъ, чтобы и имени вашего запорожскаго низоваго не было, как это уже постановилъ было небожчикъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, только ожидалъ окончанія войны со шведами. За невозможностью поселить васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Москва приведетъ въ исполненіе давнее свое намѣреніе и враждебные замыслы: забравши васъ, войско запорожское, зашлет за рѣку Волгу и тѣмъ самымъ искоренитъ навѣки и гнѣздо войсковое и имя войска запорожскаго низового. Къ кому тогда въ своемъ несчастьѣ обратитесь вы за помощью? Тогда уже ни турки, ни татары, ни поляки не захотятъ ни принять, ни защищать, ни оборонять васъ, видя вашъ теперешній, безчестный и срамный поступок. Признаюсь вамъ, добрымъ молодцамъ, милой братіи моей, что я стыжусь теперь не только передъ Портою оттоманскою, но и передъ королевскимъ величествомъ французскимъ, польскимъ и шведскимъ вслѣдствіе вашего непостоянства, такъ какъ Порта оттоманская и всѣ тѣ монархи, будучи убѣжденные и увѣдомленные отъ меня многими письмами (въ Солоникахъ я не сидѣл даромъ, сложивши руки въ теченіи 12 лѣтъ) о мужествѣ, отвагѣ и постоянной, непоколебимой и присяжной к освобожденію отчизны готовности и намѣреніях вашихъ, обѣщали намъ, при помощи божіей и готовности найяснѣйшаго хана, вполнѣ доброжелательнаго и расположеннаго къ намъ, помогать намъ и войною и мирными договорами. Не забывайте, добрые молодцы, о данной вамъ, вмѣстѣ со мной на непорочномъ евангеліи, присягѣ защищать отчизну от тяжелаго и несноснаго ига московскаго. Сжальтесь надъ отцами, братіей, родственниками и всѣми единоземцами вашими, отягощенными мучительствомъ, грабежомъ и невыносимымъ тиранскаго московскаго господства ярмомъ, а что больше всего, не имѣющими воли ни въ имуществѣ, ни въ жизни, ни въ здоровьѣ, ни въ женахъ, ни въ дочеряхъ своихъ отъ войскъ московскихъ, всюду, по городахъ и селахъ, на квартирахъ разставленныхъ. Будутъ они на васъ, добрыхъ молодцовъ, плакаться и о мести къ Богу взывать, если вы ихъ ввергните еще въ большую и тяжкую неволю черезъ свой переходъ къ Москвѣ. Они на насъ, послѣ Бога, имѣютъ постоянную надежду, какъ о томъ мнѣ часто передавали монахи кіевскихъ и другихъ украинскихъ монастырей и разные купцы, компаніями ходящіе через Салоники до святой Аѳонской горы. По всему этому не оставьте, добрые молодцы, безпомощной отчизны своей! Не сомнѣваюсь, что Москва если еще не успѣла подтянуть, то навѣрно будетъ стараться подтянуть васъ къ присягѣ на вѣрность себѣ, но сомнѣваюсь о томъ, чтобы таже Москва захотѣла присягнуть съ своей стороны на сохраненіе всего того, чѣмъ васъ, добрыхъ молодцовъ, обнадеживаетъ, чего она никогда не сдѣлаетъ, а если и сдѣлаетъ, то для большаго обмана, чтобы тою ложною присягою скорѣе прельстить и погубить васъ.

Знайте и то, добрые молодцы, что та присяга, если только вы ее совершили, неважна и передъ Богомъ негрѣшна, потому что присягнувши раньше единодушно на освобожденіе отчизны, теперь вы присягнули двоедушно, а можно-ли присягать на погибель отчизны? Да и притомъ Москва, взявъ съ васъ присягу, какъ захочетъ, такъ съ вами и съ отчизною нашею поступитъ, и тогда присяга ваша и душу вашу погубитъ, и отчизну въ пропасть введетъ, и вольностей лишитъ. Послѣ всего этого прошу васъ, добрыхъ молодцовъ, войско запорожское, во имя любви къ отчизнѣ и предъ Богомъ учиненной присяги для обороны родины до послѣдней капли крови, оставить свое намѣреніе, которые вы предприняли или еще только имѣете предпринять о переходѣ на враждебную вамъ и отчизнѣ сторону, воспользоваться выгоднымъ и счастливымъ, теперь выпадающимъ намъ временемъ, при такихъ великихъ и непобѣдимыхъ для исполненія нашихъ священных обязанностей; въ противном случаѣ черезъ наше непостоянство мы утратимъ этотъ моментъ для освобожденія нашей милой родины и никогда уже такого не увидимъ и до конца дней не дождемся. Поставляю, наконецъ, вамъ на видъ, что я здѣсь, оставаясь при его милости ханѣ, имѣю внимательное, усердное и неусыпное о васъ стараніе и понялъ совершенно его ханскую милость, что онъ по натурѣ — панъ ласковый до васъ, добрыхъ молодцовъ, войска запорожскаго, полнымъ сердцемъ прихильный и всякаго добра вамъ и отчизнѣ нашей желательный; нужно только, чтобы вы, добрые молодцы, откликнулись до его ханской милости письмомъ черезъ своихъ посланныхъ и увѣрили-бы его, что никогда не думаете переходить на московскую сторону и удаляться отъ обороны и владычества его ханской милости, а остаетесь въ готовности къ военному походу по первому его ханской милости указу. Увѣряю вас христіанскою совѣстію, что не будете жалѣть и не только плату, но и надлежащую награду за свои труды и подвиги получите и будете имѣть въ польской сторонѣ пожизненные и выгодные постои. Все это пишу къ вашмотямъ, добрымъ молодцамъ, войска запорожскаго, отъ ревности и отъ щирой моей къ вамъ и къ отчизнѣ любви и пріязни, съ которой къ вамъ и прибываю щиро зичливый всего добра пріятель и братъ, Филиппъ Орликъ, гетманъ войска запорожскаго» [4].

Вместе с письмом Филиппа Орлика запорожцы получили письмо и хана Қаплан-Герая. Лист Қаплан-Герая был доставлен в Сичь через «гетмана и стражника» дубоссарского и, по войсковому обыкновению, был прочитан в одно время с листом Орлика на всеобщей раде. В своем листе хан вновь приглашал запорожцев под свою протекцию и давал им место для основания Қоша «внизъ Днѣпра, къ Алешкамъ, къ Қардашину и къ Сырти», обещал содержать их в прежней милости и днепровых вольностях и приказывал слушать и за вождя считать «пана гетмана Филиппа Орлика, при-

бывшаго по указу Порты оттоманской, изъ города Солуня въ личное распоряженіе ханскаго величества» [5].

Но напрасно Филипп Орлик и Каплан-Герай взывали к запорожцам. Несмотря на все доводы, несмотря на все красноречие Орлика, запорожцы остались вполне равнодушны как к нему лично, так и к покровителю его, крымскому хану. Надеясь на милость русской императрицы и на слова графа Вейсбаха, обещавшего защищать запорожское войско от татар в случае прихода их к русским границам, запорожские козаки послали мая 8 числа ответ Филиппу Орлику и Каплан-Гераю и в тех ответах «прямо отъ ихъ послушанія отказались и въ подданствѣ императорскаго величества декларовались» [6].

В письме к Орлику запорожцы выставляли все неблаговидные поступки крымских ханов в отношении козаков за все время их жизни под крымской протекцией; открыто объявляли Орлику о том, что не Москва к козакам письма «прелестныя» писала, а сами козаки челобитные посылали к царскому величеству с неотступными просьбами принять запорожцев «до прежней ласки и милости», которую они, наконец, теперь и получили. Они советовали и самому Орлику сделать то же, что все войско сделало, и доказывали, что если хан, соединившись с Орликом, возьмет Украину, то все-таки получит ее не Орлик, а другой кто-нибудь, который будет над ней ругаться, как ругались поляки, изгоняя в ней православную веру и насаждая между народом унию. В заключение же письма запорожцы просили Орлика оставить их совершенно в покое и не писать больше никаких писем, так как они теперь уже подданные не крымского хана, а русской императрицы, которой будут служить до последних дней своей жизни «изъ рода въ родъ и становиться за счастливое владѣніе ея и всего христіанского посполитого народа» [7].

В письме к крымскому хану Каплан-Гераю запорожцы писали в том же тоне. Кланяясь до самой земли ханской милости и вторично воздавая хану благодарность за хлеб, за соль и за протекцию, какую он оказывал в течение нескольких лет всему войску, запорожцы открыто объявили ему о том, что они желают жить под обороною российской православной государыни и вечно служить всем ее будущим преемникам. Много перенесли запорожцы обид и от ногайских татар, захвативших все степные угодья от Великого лимана вверх до порогов Днепра, и от крымских татар, грабивших ни в чем не повинных запорожцев за убегавших из Крыма невольников, за пропажу татарского скота и всякого добра [8], и от ляхов, которым хан дозволял вешать козаков, отправлявшихся в Брацлав и в другие города за рыбой, и от их милости Адиль-Герая и бывшего хана Менгли-Герая, когда, после их междоусобной брани, ни в чем не повинных полторы тысячи запорожцев запровадили в каторги, от азовских татар, которые не раз нападали возле реки Калмиуса на запорожцев, ходивших за зверем. Да и теперь если бы запорожцы пошли за ханом против поляков, то могло бы случиться то же, что

случилось во время похода с Адиль-Гераем: тогда бы запорожцев или в дальние места попродавали или ногайцы, забрав, порубали, как изрубили они шесть человек запорожцев, ходивших к городкам у реки Орели. Вследствие всего изложенного запорожское низовое войско и решило склониться под державу православного монарха, чтобы не погибать «въ невѣдомыхъ нападеніяхъ» [9].

Оба письма, письмо Филиппа Орлика и письмо хана Қаплан-Герая, и копии с собственных на них ответов запорожцы отправили через бывшего кошевого атамана Ивана Белицкого с шестью товарищами к графу фон-Вейсбаху в Киев. При этом, пользуясь таким случаем, кошевой атаман Малашевич и все запорожское товарищество просили графа пропустить Белицкого в Петербург для подания на высочайшее имя челобитной о дозволении войску запорожскому, в случае протеста со стороны крымского хана и турецкого султана за занятие козаками нового урочища, оставить войску лишь то место, где оно основало Қош свой, потому что «то мѣсто отъ давнихъ лѣтъ низовому войску надлежит и никѣмъ не разграничено»; за это козаки обещаются верно, до конца дней своих, русскому престолу служить и всему великороссийскому и малороссийскому народу стражниками быть. Қозаки и тепер готовы в помощь русскому войску выставить тысячу человек товарищества к тому времени, когда укажет сам граф, хотя всего войска, пока стоит лето, они собрать не могут, потому что, пользуясь летним временем, козаки разбрелись — кто к низовью Днепра, кто на речки полевые — для рыбной ловли.

Граф Вейсбах, получив такое письмо, похвалил запорожцев «за умный къ измѣннику и къ хану на письма ихъ отвѣтъ», просил и впредь подобные письма доставлять ему, а посланных от гетмана и от хана у себя задерживать, за что обещал делать об них всеподданнейшие донесения и доставлять всему войску разные милости. Относительно же посольства Ивана Белицкого с товарищами в Петербург граф писал кошевому, что он сперва хотел дождаться возвращения из столицы бывшего судьи Решетила да атамана Прокофия Федорова, посланных в столицу с той же целью от войска; потом, однако, видя неотступную просьбу Белицкого, отправил его с тремя куренными атаманами в столицу, а трех его товарищей вернул до Коша. Через возвращаемых товарищей граф Вейсбах объявлял всему войску, что козаки могут на занятых ими местах жить беспрепятственно; в случае же попыток к нападению на них татар, просил немедленно дать знать ему о том, чтобы послать к запорожцам отряд русского войска, стоящего на правой стороне Днепра; а пока от татар не будет никаких на козаков нападений, жить спокойно и никаких не причинять обид им. А на запрос кошевого Ивана Малашевича, к какому времени он должен приготовить в помощь русским тысячу человек конного войска, граф Вейсбах отвечал, что он и сам того не знает, когда окажется надобность в запорожской помощи, но во всяком случае просил кошевого за-

готовить, на случай войны, побольше лошадей и ружей и выступать в поход из Коша по первому к войску письму, а пока «свободно на своихъ дачахъ дѣла исправлять» [10].

Покончив раз навсегда с Крымом, кошевой атаман Иван Малашевич и все запорожское низовое товарищество составили мая 29 числа подлинную записку на «потомную память» о том, сколько лет войско запорожское низовое под протекцией крымскою мешкало и в каких местах Кошем или Сечью сидение имело [11]. Из этой записки видно, что после разорения Чортомлыцкой Сичи запорожцы сперва поселились в Алешках, у Кардашинского лимана, и прожили там 19 лет; потом из Алешек поднялись вверх по Днепру и сели на месте старой Чортомлыцкой Сичи. Прожив в Чортомлыцкой Сиче два года, спустились к устью речки Каменки и прожили там четыре года. От Каменки поднялись к урочищу Базавлуку и марта 31 числа 1734 года оселись на реке Подпильной, прожив всего под крымскою протекцией 25 лет.

«Перве когда покоино Иоанъ Мазепа гетманъ пресвѣтлѣишему православному монарсѣ московскому сіеесть покоиному Петру Алексѣевичу, первому імператору, змѣнилъ, адокороля швецкого присталъ ивойско-жъ запорожское низовое указами ипрелѣсными своими писмами дотоеи-жъ змѣни своей привабилъ, то, по разоренію воискомъ московскимъ за тую змѣну старой Сѣчи, якая была при Чортомъ лику (т. е. при Чортомлыку) на над-Скарбнымъ (т. е. над Скарбным), воиско запорожское низовое оттудова внизъ Днепра вроку 1709-м мая 12 числа избигши (т. е. избегши) исовокупившися своимъ-же воискомъ, якая часть была при помянутомъ Мазепе кшведу, когда онъ, король швецкій значне под Полтавою тогожъ року 1709 іюня 27 числа отъ воискажъ московского побѣжденъ зосталъ, тамо на низу Днепра подкрымскою державу задевлетъ дерей (т. е. за Девлет-Гирея) хана удавшися, Сѣчъ были себѣ при Олешкахъ и Кардашину над-Конскою завели, гдѣ лѣтъ девятнадцать мешкалы и пакы збунтовавшыся и кошевого себѣ Ивана Гусака изобравши и расколъ между собою учинивши на тое-жъ вышпомянутое старое мѣстце и къ Чортомъ лику вгóру Днепра сошедлы и Сѣчью два года сыдѣлы. А потомъ заделлы-дерей (т. е. за Девлет-Гирея) хата указомъ внизъ Днепра спустившыся вышше Казыкермена надъ Каменъкою въ третомъ мѣстцу и сѣли булы Кошемъ и четыре года мешкали, що чыныть под-крыломъ въ тыхъ трехъ мѣстцахъ всѣхъ лѣтъ чысломъ двадесять и пять зоставалы изаблагоразсуднымъ поводомъ и урядомъ на тотъ часъ Его Милосты пана Ивана Малашевича Атамана кошевого курѣннаго Пашковскаго gды [12] Капланъ Дерей ханъ крымскій згетманомъ Орликомъ Станеславу Лещынскому изордами (т. е. с ордами) своими пшолъ на помощь подъ Хотинъ и Камянецъ подолскій проты Саса [13] короля полского и противъ воиска московского хотячи его королемъ полскимъ постановить и воиско запорожское низовое тудаж ханъ крым-

скій затягалъ вопомошъ, то втой часъ неизволившы рукъ навоиско християнское поднимать и жалѣючи кревныхъ своихъ и всего народу християнского малороссійского жеби орда выбравши вневолю незапровадила зстоеи помянутой Камянской Сѣчи а протекціи крымской вроку вышь описанномъ 1734-м марта 28 числа рушывшысь суд... воднымъ и трактомъ степовымъ и прибувшы тогожъ марта 31-д вгору Днепра івышьше Базавлука над-Подполною мѣстце изобравши Кошемъ по прежнему подвладѣніемъ своегожъ православного монархи московского сиесть задержавы Имъператрицы Анны Иоанновны водворылися именуючися ей и поней державцемъ всероссійскимъ во вѣчніе часы служить, чего рады внезабвенную потомность закошевства тогожъ вышнареченного пана Ивана Малашевича веленно выше именованнагожъ року и дня запысать и лутшаго вѣроятія кто сего потребоват иметь воисковою кошевою печатью при Кошѣ Подполной утвердить» [14].

За год перед тем, как запорожцы, руководимые кошевым атаманом Иваном Малашевичем, покинули Каменку и перешли за Чортомлык, скончался главный двигатель событий в Запорожье с 1707 по 1728 год, Константин Гордиенко. О последних днях жизни Гордиенка неизвестно ничего. Одно лишь можно с полною уверенностью сказать, что он остался верным себе до конца своих дней. Ненавидя Москву, Гордиенко всячески старался о том, чтобы удержать запорожцев в пределах Крыма, но в конце концов не успел в том и даже понес жестокое оскорбление от товарищества. Как провел Гордиенко последние годы своей жизни с 1728 по 1733, на то указаний нет никаких. На каменном высоком кресте, стоящем на правом возвышенном берегу Днепра над большой земляной могилой и сохранившемся, несмотря на время и разрушительные стихии, до настоящих дней возле окопа бывшей Каменской Сичи [15] значится следующее: «Во имя отца и сына и святаго духа зде опочиваетъ рабъ божій Константин Гордѣевич атаманъ кошовый: славнаго войска запорозкого низового а куреня платнѣровского: преставися року 1733 мая 4 числа». На западной стороне креста выбиты — полукруг луны, изображение креста и подобие цветка, на восточной высечены распятие и арматура запорожского войска [16] Из того обстоятельства, что на кресте кошевой именуется Гордеевичем, а не Гордиенком, можно заключить, что фамилия Гордиенка вовсе не была его фамилией, а скорее произвище по отцу, как это часто водилось у запорожцев, да и теперь водится у малороссиян [17]; настоящая же его фамилия могла быть иная, может быть Головко, может быть Гординский или Городецкий, как о том свидетельствует историк Запорожья половины XVIII века. Тот же историк говорит, что у Константина Гордиенка был сын Василий Головко, который жил после смерти отца в том же Платнеровском курене [18]. Из того же обстоятельства, что Гордиенко после смерти почтен был возведением большой могилы и сооружением монументального каменного

креста, следует заключить, что он не совсем был забыт товариществом и что у него были искренние, преданные ему друзья. Связь Гордиенка с Мазепой в последнее время перед полтавским событием, да и после того, сделала имя этого кошевого непопулярным среди малороссийской черни вообще и запорожской в частности. Но Гордиенко не любил Мазепу и если протянул ему руку помощи перед Полтавской битвой, то сделал это не ради самого Мазепы, а ради той идеи, которую сам лелеял в своей душе. Константин Гордиенко представляет собой самого выдающегося из кошевых атаманов конца XVII и начала XVIII века, взявшего на себя смелую задачу во что бы то ни стало сохранить вольности козацкие от притязания московского правительства, но, увы, не достигшего своих целей и сошедшего с болью в сердце и с великою горечью на душе в мрачную могилу. Жизнь этого человека, полная трагизма и разочарования, глубоко поучительна. Такой человек, как Константин Гордиенко, казалось, нарочно выдвинут был на историческую сцену для того, чтобы на его примере ярче и нагляднее показать, насколько тщетна борьба отдельных, хотя и сильных волей лиц с духом истории, с ее мощным и непреложным течением. Гордиенко обладал несомненными дарованиями полководца, далеко превосходя в этом случае своего современника гетмана Мазепу. Принимая близко к сердцу интересы своей родины и стараясь проникнуть в далекое будущее, Гордиенко открыто восставал против стремления московского правительства, желавшего через построение крепостей в самом Запорожьи, наложить руку на исконные права и вольности козацкие, и был горячим поборником внутренней автономии и независимости Запорожья от Москвы. Но, не зная меры ни в чем, как человек слишком увлекающийся и страстный, Гордиенко в последнем случае доходил до крайности и всею своею деятельстью ясно показал, что ему чуждо было историческое сознание о единении всей Великой, Малой и Белой России в лоне православия и под единою державною властью. Поэтому этот кошевой, достойный лучшей участи, умер проклятый Москвой и горько униженный собственным товариществом. Впрочем, нельзя не отдать дань этому могучему волей человеку за то, что он и сам с собой не лукавил и в отношении других не кривил душой, а стоял всегда открыто за свои убеждения, каковы бы они ни были в глазах его современников и отдаленных потомков.

Как бы то ни было, но запорожцы не вняли советам Гордиенка и, схоронив своего печальной памяти кошевого атамана, навсегда покинули владения Крыма. Перейдя под власть России, они ждали только открытого признания их со стороны русской императрицы сынами русского отечества. Они с большим напряжением ожидали возвращения своих депутатов из Петербурга и все надежды свои в этом случае возлагали на своего ближайшего защитника и ходатая графа фон-Вейсбаха.

Июня 5 дня граф Вейсбах известил «благороднаго и высокопочтеннаго» кошевого атамана Ивана Малашевича о том, что бывший запорожский судья Решетило да атаман Прокофий Федоров уже возвращаются из Петербурга в Кош. В Петербурге они были допущены пред очи ее императорского величества и «изустно отъ ея величества обнадежены о оставленіи всему низовому запорожскому войску вины и о содержаніи всемилостивѣйшей ея императорскаго величества протекціи»; находясь же в Петербурге, пребывали во всяком довольстве и получали высочайшие милости: на содержание по приезде с 15 числа 110 рублей на всех да при отпуске назад каждому по 100 рублей да платье в 77 рублей, кроме того особо от самого графа Вейсбаха в городе Киеве на дорогу на всех 150 рублей [19].

Располагаясь Кошем в урочище Базавлуке на реке Подпильной, запорожцы считали это место по праву принадлежавшим России. Иначе смотрели на это турки: они по-прежнему заявляли, что урочище Базавлук составляло, по установленному мирному трактату, собственность Порты. Ввиду этого, для решения спорного дела, назначен был турецкий полномочный Эдикли-ага, о чем турецкое правительство официально известило русского резидента в Константинополе, а русский резидент послал весть о том графу фон-Вейсбаху. Граф Вейсбах находился в то время в Белой Церкви, куда к нему направился через Киев от Нумана, бендерского паши, гонец Шатырь-Али-ага с запросом, достаточно ли будет отправить для решения спора одного турецкого комиссара Эдикли, или же с ним вместе должны приехать и другие.

Получив такое известие, граф Вейсбах потребовал к себе кошевого атамана Ивана Малашевича с «немногими вѣрными атаманами». Призывая к себе запорожцев, граф не хотел, однако, чтобы они встретились с бендерским посланцем. Поэтому в то время, когда запорожские депутаты, выехав из Сичи, стали приближаться к Белой Церкви, граф Вейсбах поторопился отправить прямым трактом из Киева до Бендер присланного от бендерского паши доверенного комиссара Шатырь-Али-агу с поручиком Наковальниным. Шатырь-Али-аге было объявлено, что граф имеет необходимость выехать из Белой Церкви для смотра украинских полков и потому торопится отпустить его во-свояси «не захватывая Бѣлой-Церкви съ надлежащимъ довольствіемъ». Отпуская Шатырь-Али-агу в Бендеры, граф Вейсбах послал ему письмо для вручения бендерскому паше Нуману. В письме к Нуману граф писал, что с русской стороны никаких на урочище Базавлуке строений не делается, что для подробного осмотра того урочища достаточно будет одного комиссара от Порты Эдикли-аги, что Россия имеет твердое намерение содержать с блистательной Портой вечный мир и что запорожцам внушено никаких противностей и ни в чем не чинить блистательной Порте [20].

Между тем сентября 2 дня в Белую Церковь явился к графу Вейсбаху кошевой атаман Иван Малашевич. При нем были, кроме верных атаманов, войсковой писарь, войсковой асаул, старики или старшина и простые козаки, всех счетом 153 человека. Граф принял всех запорожцев с особенною «пріятностію» и объяснил им, что занятые ими места турки считают принадлежащими не России, а Порте, а потому, для избежания больших неприятностей и для сохранения мирного русско-турецкого трактата, советовал оставить занятые войском урочища и перейти в границы императорского величества. Выслушав такую просьбу, кошевой атаман и все бывшее с ним товариство посоветовались между собой наедине и потом в один голос заявили, что если в самом деле турки сочтут их поселение в урочище Базавлуке нарушением мирного русско-турецкого трактата, то войско может перейти и на другое место. В уверение этого кошевой и все бывшее при нем товариство подали графу Вейсбаху письменный ответ и тут же принесли присягу на «вѣрную службу и вѣчное бытіе императорскому величеству».

Письменный ответ запорожцев состоял в следующем.

«Мы, ниже подписавшіеся, войска запорожского низового атаманъ кошевый съ куренными атаманами и посполитымъ товариществомъ противъ приказу его сіятельства генерала графа фонъ Вейзбаха отвѣтно симъ доносимъ. А именно: егда къ намъ, войску запорожскому низовому, присланный отъ Порты оттоманской, для осмотру земли, на чьей мы нынѣ кошемъ осѣли, и крѣпости, Едикли-ага прибудетъ, то мы его такъ ласково примемъ и стараться будемъ, чтобъ онъ могъ признать и по возвращеніи своемъ въ Царьградъ оттоманской Портѣ донести, яко та земля по насъ весма принадлежитъ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ во владѣніи быть, нежели-бъ Порта оттоманская могла претендовать, такъ чтобъ когда та земля была ея императорского величества, для чего по сіе время объ ней не было представленія, но противъ оного будемъ отвѣтствовать, яко мы за преступленія отцовъ нашихъ въ высокомъ гнѣвѣ ея величества содержаны были, зачѣмъ для насъ, какъ долго были подъ ихъ турецкою протекціею, и земля та не была надобна и объ ней не требовано и яко-бы имъ оная земля принадлежала, а нынѣ какъ мы въ техъ преступленіяхъ отцевъ нашихъ у ея императорского величества всемилостивѣйшее прощеніе получили в въ свою природную протекцію возвратились, то и оная земля заподлинно съ нами послѣдуетъ, о чемъ самой Портѣ извѣстно, что намъ съ россійской стороны и между Портою разграниченія и объ ней упоминаемо не было. А что татара свой скотъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ мы нынѣ Кошемъ осѣли, содержали и то въ надеждѣ, яко мы подъ ихъ протекціею состояли и въ томъ имъ не противилися, особливо что еще довольно земли останется какъ намъ, такъ татарамъ, для чего

нынѣ мы намѣрены и ради доброго сосѣдства имъ, татарамъ, своего скота тамъ содержать не откажемъ. Мы подлинно вѣдаемъ, чтобъ турки, такожъ и самъ ханъ крымскій для нашего переходу и нынѣшняго нашего нового Коша ничего упоминати не имѣли и въ молчаніи-бъ пребыли и помянутый прибудущій Едикли-ага изъ Царяграда присланъ-бы не былъ, естьли бы не Орликъ чрезъ свое представленіе турковъ къ тому не приводилъ и хана беспрестанными своими наговорами не принуждалъ, чтобъ и онъ, ханъ, его представленія и доношенія Портѣ объявлялъ и о том онъ, Орликъ, неусыпное стараніе имѣетъ и съ такого резону, понеже ему не малое награжденіе и дѣтемъ его (ежели-бы насъ войско къ себѣ притягнути могъ) немалая часть земли, яко имъ собственна на вѣчные времена уступить обѣщана, изъ чего впредь несходственныя и вредительныя дѣла послѣдовать могутъ, чего ради онъ, Орликъ, день и нощь пишетъ и о томъ мыслитъ, однакожъ, какъ кажется, уже въ немилости состоится, понеже сумлеваемся, чтобъ онъ, Орликъ, тѣ дѣла, которыя ищетъ, кончить и достать могъ. Какъ мы признаваемъ, турки сами своею арміею хану николи помоществовать, такожъ для помянутыхъ причинъ съ ея императорскимъ величествомъ войны починать не будутъ, токмо хотя войну они декларовали-бы, оная по французской инстигаціи и не изъ показанныхъ резоновъ учинится, не смотря на то, хотя мы и съ нынѣшняго нашего Коша куда на иное мѣсто пойдемъ или нѣтъ. Такожъ татарамъ и туркамъ немалая прибыль приходитъ, когда торговыя дѣла въ Крыму свободно производятся, которыя ежели мы от нынѣшняго нашего новаго Коша пойдемъ, весма перестанутъ, чего ради мы, войско, надеемся, что по возвращеніи турецкого Едиклиаги въ Царьградъ сіи дѣла молчаніемъ пройдутъ и хану спокойнымъ быть повѣлено будетъ, развѣ они уже намѣрены были изъ другихъ причинъ войну начинать и на насъ войско толко тѣмъ претекстомъ показать. Мы, войско, теперешняго времени не опасаемся, чтобы татаре, какъ Орликъ стращаетъ насъ, отъ Коша силою отогнать или по его словамъ насъ турбовать будутъ, только говорятъ, что они зимою чинить намѣрены, при которомъ случаѣ мы надолго не ради крымскихъ (которыхъ за мужиковъ причитать можно), токмо ради сильныхъ ногайскихъ лутше воинскихъ татаровъ безъ ея императорского величества вспоможенія устоять не можемъ; чего ради просимъ такое опредѣленіе при арміи повелѣть учинить, дабы въ нужномъ нашемъ случаѣ помощь получить могли, то чему надѣемся, что татары, когда о такомъ опредѣленіи увѣдаютъ, на насъ зимою нападать не будутъ, ежели-бы прибудущая зима спокойна прошла-бы, то сіи дѣла съ помощью божіею такъ пройдутъ и объ ономъ впредь упоминать болше не будутъ. Мы, войско, сами знаемъ, что наши козаки при Самарѣ не на нашей земли, токмо по силѣ тамошняго разграниченія на турецкой землѣ состоятъ, того ради какъ скоро мы до Коша своего отсюда возвра-

тимся, нашихъ, до сего времяни при Самарѣ стоящихъ, козаков, сюда на сю сторону Днѣпра къ себѣ переведемъ и о томъ турецкого Едикли-агу, ежели будетъ объ оныхъ козакахъ упоминать, увѣримъ. А ежели турки при ономъ претекстѣ останутся и одну такую причину покажутъ, чтобы мы, войско, или отъ теперешней нашей Сѣчи отошли и на русскій грунтъ (показывати станутъ, будто та земля, на которой мы теперь сидѣніе имѣемъ, къ нимъ принадлежитъ) переведены были или то за разрывъ поставитъ, чрезъ что-бъ ея императорскому величеству еще того времени вновь война притти и невинно христіанская кровь проливаться могла, въ таком несчастливомъ дѣлѣ (ежели-бы оная ради насъ учинилась-бы) мы, храни, Боже, не желаемъ, дабы объ ономъ на насъ вина предъ Богомъ и предъ ея императорскимъ величествомъ легла, чего ради мы въ то время, когда ея величества резидентъ г. Неплюевъ изъ Царьграда о турецкихъ резолюціяхъ и учиненныхъ деклараціяхъ увѣдомитъ, по всеподданнѣйшей вѣрности и покорности отъ теперешней Сѣчи со всѣмъ своимъ Кошемъ пойдемъ и у границъ ея императорского величества, зачавше от рѣки Тесмина до пороговъ, какъ далеко та граница имѣется, Кошемъ осядемъ, а понеже намъ, войску чрезъ то какъ рыбы, такъ звѣриныя ловли не такъ доволно будетъ, того ради просимъ, дабы при такомъ случаѣ намъ войску, какъ вѣрнѣйшимъ подданымъ ея императорского величества, такъ долго, покамѣстъ война съ турками будетъ, и мы до теперешняй Сѣчи возвратиться можемъ, какъ мнѣ кошевому, такъ прочимъ старшинамъ годовое денежное жалованье и на нашъ Кошъ годовой провіантъ, а ради отвозки, дабы наши или водовые сюда пушки и протчихъ нашихъ клейнодъ выше порогъ днѣпровыхъ довольныя подводы опредѣлены были ея императорского величества за всемилостивѣйшимъ указомъ, понеже (ежелибы такой ея императорского величества высочайшей милости не могли получить) мы всѣ вышепоказанные наши клейноты и лутшія наши добра оставимъ и потерять принуждены будемъ, изъ чего впредь татаромъ и туркомъ немалая прибыль, а въ службѣ императорского величества вредъ учиниться можетъ. Того ради всепокорнѣйше просимъ сей переходъ такъ долго оставить, покамѣсть не самонужно потребуетъ и ея императорского величества министръ изъ Царяграда объ ономъ весма запотребно не увѣдомитъ, особливо, ежели возможно будетъ, въ такомъ случаѣ дабы мы, войско, не симъ временемъ или не зимою, но впредь будущую весну, то есть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на показанныя мѣста переходить имѣли, чрезъ что-бъ мы своего добра утерять не могли, а въ то время въ апрѣлѣ мѣсяцѣ можемъ полою водою свои пожитки судами безъ жадной шкоды препроводить, въ которое время и означенныхъ подводъ не такъ много потребно будетъ» [21].

Отпуская от себя запорожцев, граф Вейсбах просил их, чтобы они, в случае приезда к ним Эдикли-аги для осмотра земли и кре-

пости на урочище Базавлуке [22], приняли его и отправили так, чтоб он, по прибытии в Царьград, мог сказать, что та земля не султану, а ее императорскому величеству принадлежит и что о ней вовсе не было упомянуто во время установления русско-турецкого разграничения. Так или иначе, но если запорожцы останутся на урочище Базавлуке, граф обещает дать им пехотный и два конных полка при генерал-майоре Гейне для отражения татар. В случае же уйдут в границы России, граф даст им подмогу для доставки войсковых клейнотов и судов на новое место поселения их, так как сами запорожцы в «нынѣшнее (т. е. осеннее) время» никак не могут их перевезти через пороги вверх реки Днепра. «И по моему подлому мнѣнію, доносилъ графъ фонъ-Вейсбахъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ Петербургъ, запорожцовъ до того времени, пока за возвращеніемъ вышеозначеннаго Эдикли-аги, по осмотрѣ Коша ихъ, Порта не отзовется, съ нынѣшняго мѣста не переводить, ибо можетъ быть ага, по ихъ запорожскому ласковому принятію, яко та земля не къ туркамъ принадлежитъ, Порту увѣритъ, что, она, Порта, увѣдавъ, можетъ быть и въ молчаніи останется» [23].

Приезд кошевого атамана в Белую Церковь и отъезд его из нее в Сичу должен, согласно высочайшему приказанию, содержаться в самой строгой тайне. Несмотря на это, граф Вейсбах при всем его старании, не мог соблюсти государственной тайны: весть о выезде кошевого атамана распространилась не только между малороссийским, но и между польским народом. В Польше разнеслось эхо, будто кошевой атаман идет на помощь регулярному войску русской императрицы с 15 000 человек козаков для покорения «противныхъ» (королю Августу III) поляков. Тогда на поляков напал такой страх, что некоторые из знатных польских шляхтичей обратились с просьбой к русскому генерал-майору Шпигелю, который послан был с тремя полками в корпус генерал-лейтенанта принца Гессен-Кобургского, чтобы Шпигель расположил свои войска на стоянку в их имениях и тем спас бы от разорения со стороны запорожцев их деревни и имения. Вследствие такой просьбы генерал-майор Шпигель обратился с вопросом к графу фон-Вейсбаху, насколько правдоподобны распространившиеся слухи о выходе кошевого атамана в Польшу. На такой вопрос граф Вейсбах, не скрывая перед Шпигелем тайны, отвечал, что кошевой атаман действительно к нему приходил и что граф, нарочно, для разглашения молвы, дал полякам понять, что «ежели противные поляки къ покоренію королю Августу третіему не придутъ, то онъ (т. е. графъ Вейсбах), толикое 15-ти тысящное число (козаков) сюда въ 6 дней пришлетъ; а егда-же къ покоренію придутъ, то запорожцовъ отправленіемъ удержитъ, ибо поляки ни отъ кого такъ, какъ отъ запорожцовъ, опасенія не имѣютъ, понеже вѣдаютъ, что они во время войны безъ остатку разореніе чинятъ» [24].

Тем временем кошевой атаман Иван Малашевич, куренные атаманы и прочие козаки, присягнув на верность русской императрице в Белой Церкви и «поклонясь за все добро» графу Вейсбаху, сентября 9 числа оставили Белую Церковь и 21 числа прибыли в Сичь. С 21 сентября и по 7 октября они ждали к себе приезда Эдикли-аги, но вместо него приехал другой комиссар, который назвал себя Заим-Ахмет-агой: «Самъ собою онъ ростомъ великъ, лицомъ пригожъ, борода у него черная безъ сѣдины, рѣчами плохъ». При нем состоял старый ага именем Аслан от крымского хана Каплан-Герая; с Ахмет-агой и Аслан-агой было «прочихъ турокъ» 50 человек. Запорожцы, в силу наставления графа Вейсбаха, встретили турецких комиссаров как царских послов и обошлись с ними «честно», т. е. при въезде их в Сичу и при отъезде выстрелили из пяти войсковых пушек и в презент поднесли им 12 лисиц. Приехав в Сичу, турки подали запорожцам два письма,— одно от крымского хана, другое от бендерского паши. В тех письмах было написано, что крымский хан получил уведомление, будто запорожское войско, перейдя под протекцию ее императорского величества, поселилось на крымской земле и стало строить себе город; узнав об этом, хан дал знать Порте; Порта же прислала к запорожцам своего капичи Заим-Ахмет-агу, которому запорожцы должны дать дозволение осмотреть сечевой город, дабы он донес о том самому хану. При Ахмет-аге и Аслан-адже был еще очаковский турчанин Салей-баракгар, который подал запорожцам особое от хана письмо и четыре «обманныя» письма от Орлика, «дабы запорожцы по совѣту и наставленію Орлика, паки къ протекціи хана крымского обратились и на прежнемъ-бы мѣстѣ въ Олешкахъ Кошемъ сѣли». Хотя запорожцы тех писем хана, паши и Орлика читать не хотели, но, по крайнему настоянию и принуждению турецких и крымских послов, распечатали и пред всем войском вычитали. По прочтении же писем, запорожское войско, не склоняясь ни на какие прельщения, в том же совете своем честно турецкому и крымскому послам отвечало, что все козаки давно уже перестали слушать «науки» Орлика и давно уже отказались переходить Кошем вниз Днепра к Олешкам под протекцию крымского хана. Напротив того, они решили будет ли то счастливо или несчастливо чиниться, здесь под владением православной монархини не на чужой, а на своей древней неразграниченной земле, Кошем своим сидеть и до конца жизни своей государыне служить. В таких же словах ответили запорожцы и на письма хана и паши; на письма же Орлика, как ни домогался получить на них ответа Салей-баракгар, не дали ответа никакого, решительно объявив, что и впредь не будут ничего отвечать Орлику. После такого ответа турецкие и крымские посланные перестали склонять запорожцев к возвращению в крымские владения и попросили позволения, в силу указа Оттоманской Порты, осмотреть вновь поселенный Кош запорожский, не строится ли у козаков город.

Получив на это полное позволение и обойдя кругом место Сичи, комиссары осмотрели все поля и отводы и потом спросили, не строится ли у козаков где-нибудь тайно при Базавлуке на острове город. Осмотрев же и убедившись, что у запорожцев кроме куреней не строится никакого города, снова «пріятно» им сказали, что «хотя сія граница къ турецкой Портѣ или (какъ Орликъ въ письмахъ своихъ пишетъ на двое) къ полякамъ надлежитъ, то однакожъ, дабы войско, здѣ обрѣтаясь яко на крайнемъ мѣстѣ, фортеціи не строили, а о границѣ, чья она будетъ, два монарха, турскій и московскій, говорить будутъ и какъ между собою постановятъ, такъ и будетъ». Окончив таким образом осмотр Коша и пробыв в нем два дня, турецкие и крымские комиссары отъехали от запорожцев водою двумя судами да степью лошадьми в город Бендеры [25].

Результат такого осмотра был вполне благоприятен для запорожского войска. В начале 1735 года русские резиденты в Константинополе Неплюев и Вишняков доносили императрице Анне Иоанновне, что турецкий ага, ездивший для осмотра границ в запорожский Кош, по возвращении своем в Царьград, доносил, что «тѣ мѣста болѣе къ Польшѣ принадлежатъ и сверхъ того въ тѣхъ мѣстахъ никогда никакого разграничения не было». Отвечая на то донесение, императрица писала в Константинополь резидентам, чтобы они в вопросе о деле запорожцев постарались «какъ по тамошнимъ обстоятельствамъ будетъ пристойно и возможно, оное (дело) вдаль отволочь, не подавая, однакожъ, никакой явной причины и противности и объявляя всегда, что ежели тѣ земли всеконечно Портѣ принадлежатъ, то и тѣ запорожцы оттуда переведены будутъ, пока подлинно усмотрится, куды ихъ турецкое намѣреніе клонится и что отъ нихъ (турок) впредь ожидать надобно» [26].

Как бы то ни было, хотя вопрос о принадлежности урочища Базавлука все еще не был окончательно решен, но запорожцы «крѣпко и ладно» засели в Базавлуке и давно уже считали себя подданными России. Для того, чтобы на будущее время не возникло между запорожским Кошем и русским правительством каких-либо недоразумений, от запорожцев потребовали прислать особых депутатов в город Лубны для подписания условий, на основании которых войско переходило в подданство российских императоров. От русского правительства послан был в Лубны принц Гессен-Кобургский, и договор состоялся на основании следующих семи условий: 1) Все вины и измены запорожских козаков против России предать полному забвению. 2) Жить запорожцам в местах, где разорено в 1709 году их жилище. 3) Пользоваться им промыслами, как на реке Днепре рыбной ловлею, так и в степях звериной охотою, от российских кардонов беспрепятственно. 4) Иметь им чиновников по настоящему тогдашнему положению. 5) Сохранять верность к престолу российскому и быть стражами границ государства российского. 6) Быть им в зависимости от главнокомандующего гене-

рала, в Малой России определенного. 7) Получать им за службу их жалованья ежегодно 20 000 рублей на все войско [27].

В тех же Лубнах запорожские депутаты присягнули от имени всего войска на верность русской императрице, и тогда в самую Сичь отправлен был генерал-майор Тараканов для объявления запорожцев подданными России. Тараканову вручено было несколько тысяч рублей денег для передачи их товариству на постройку новой Сечи, о чем особенно хлопотал давний благодетель запорожцев граф фон-Вейсбах.

Когда запорожские козаки узнали о том, что в Сичь едет графский посол, то они решили оказать ему подобающую честь всем войском. В числе нескольких тысяч человек, с кошевым атаманом Иваном Малашевичем и со всею старшиной во главе, они вышли за две версты от Сичи и расположились по обе стороны пути. Увидя посла, они приняли его «съ учтивымъ поздравленіемъ» и салютовали пушечною и ружейной пальбой. В самой Сичи у церкви посла встретило запорожское духовенство «съ надлежащею церковною церемоніею». В церкви святого Покрова, в присутствии посла отслужен был молебен о здравии русской императрицы Анны Иоанновны с пушечной пальбой. После молебна, на собранной войсковой раде, прочитана была императорская грамота о прощении запорожцам их бывшей вины и о принятии их под скипетр России. После этого все войско в присутствии посла принесло присягу на верность русской императрице.

Едва окончилась вся эта церемония, как в Сичь прибыл и полномочный посол от турецкого султана: султан, узнав о конечном намерении запорожцев перейти под скипетр русской императрицы, решил так или иначе вернуть их к себе. Но запорожцы не оказали турецкому послу той чести, какую оказали они русскому послу: в честь его они только один раз выпалили из пушек, но и то тогда лишь, когда он сам салютовал, приблизясь к Сиче. Турецкий посол приехал в Сичу с старшинами, янычарами, денежной казной и «пребогатыми» дарами. Кроме того, он привез с собой султанский фирман и несколько писем от именующего себя гетманом малороссийских козаков Филиппа Орлика. Тогда в Сичи вновь собрана была общая войсковая рада и на ту раду, кроме турецкого посла, приглашен был русский посол, которому оказана была «всякая честь отъ войска». Войдя в раду, турецкий посол обратился к козакам с речью и убеждал их остаться верными могущественному падишаху, как были они дотоле ему верны, за что обещал им от имени своего повелителя на будущие времена великую милость и большое жалованье и при этом сослался на то, что того же желает и гетман Филипп Орлик, ближайший их патрон и начальник. Но запорожцы, едва услыхали имя Филиппа Орлика, как начали бранить и поносить его за вероотступничество и за принятие им магометанской веры, а вместе с тем стали докорять и самих татар за их недоброжелательства

к козакам и за безбожные налоги на войско. В заключение же всего козаки закричали, что они христиане и подданные русской императрицы, в доказательство чего кошевой атаман, войсковая старшина и атаманы куреней подошли к русскому послу и выказали перед ним знаки покорности русской императрице, показав в то же время полное невнимание ко всем присланным представителям турецкого султана. После этого рада была окончена. Но турецкий посол спросил у запорожцев ответа на письмо Орлика и на грамоту султана. Запорожцы дали ругательный ответ по адресу Орлика, крымского хана и турецких старшин, и потом, проводив посла из Сичи в открытую степь, внезапно напали на него и отобрали у него всю казну, которую он привозил в Кош для раздачи козакам в случае их согласия остаться верными турецкому султану, но которую он теперь вез с собою назад.

Возвратившись в Стамбул, турецкий посол сообщил обо всем происшедшем с ним на запорожском Кошу, и тогда султан издал приказ схватить козаков, не успевших выехать еще из пределов Крыма, и отдать их в тяжкие работы на вечные времена. Запорожские козаки, узнав о том, в свою очередь, не остались в долгу: они схватили несколько человек турок и изрубили их в куски.

О переходе запорожцев к России послано было донесение лично императрице Анне Иоанновне, а о присяге их сообщено в сенат [28].

О числе всего запорожского войска, приведенного на верность русской императрице, современная событию записка говорит, что в Белой Церкви при кошевом атамане было в присяге 153 человека, а в Запорожской Сиче, кроме бывших в дальних отлучках, было 7115 человек. Кошевой атаман Иван Малашевич в письме к графу фон-Вейсбаху, писанном октября 10 числа 1734 года, извещал, что козаки, не успевшие принести присягу, разошедшиеся в разные стороны, кто на полевые речки в Малую Россию, кто по торговым делам в Крым, кто на работы в другие места, будут приведены куренными атаманами к присяге на верность ее императорскому величеству государыне императрице Анне Иоанновне тогда, когда явятся в Кош [29].

ПРИМІТКИ
ДО ТЕКСТУ Д. І. ЯВОРНИЦЬКОГО

Глава первая

[1] В половине XVII века, перед крымским походом, московское правительство должно было выставить 60 000 ратных людей и назначить им, вместе с начальными людьми, 700 000 — 560 000 рублей. Милюков, Государственное хозяйство России, Спб., 1894, 54.

[2] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 11.

[3] Керенск — уездный город теперешней Пензенской губернии.

[4] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 11.

[5] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 11.

[6] Архив мин. ин. дел; малороссийские дела, 1686, св. 69, № 15.

[7] В войне польского короля с турками помогали Австрия и Венеция.

[8] Разумеется город Буда-Пешт.

[9] Величко, Летопись, Киев, 1851, II, 597.

[10] Величко, Летопись, Киев, 1851, II, 597.

[11] Архив варшав. каз. палаты, стр. III, кн. VII, л. 120, 123.

[12] Величко, Летопись, Киев, 1851, II, 602.

[13] Шмидт, История польского народа, Спб., 1866, III, 86.

[14] Величко, Летопись, Киев, 1851, II, 602.

[15] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 15.

[16] Архив мин. ин. дел; мал. дела, 1686, св. 70, 10 декабря.

[17] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 15. Летописец Ригельман по этому поводу говорит, что, запорожцы, пользуясь наставшим случаем, не захотели видеть себя подданными московских царей и пожелали остаться вольными людьми. Тогда московское правительство, предвидя для себя самые р н е последствия от того, послало в Сичь знатную сумму денег «и на иныя мысли навело козаковъ: запорожцы, получивъ подарки, дали обѣтъ вѣрно государямъ служить и «вооруженной рукой за нихъ на татаръ и турокъ идти». Летописное повествование, Москва, 1847, II, 190.

[18] Самовидец, Летопись, Киев, 1878, 165.

[19] Архив мин. ин. дел; мал. подл. акты, 1686, св. 2, № 25.

[20] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 15.

[21] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1686, св. 77, № 15.

[22] Архив мин. ин. дел; мал. дела, 1686, св. 70, № 29.

[23] Архив мин. ин. дел; мал. дела, 1686, св. 70, № 29.

[24] Архив мин. ин. дел; мал. подл. акты, 1686, св. 2, № 27.

[25] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 17.

[26] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 17.

[27] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 17.

[28] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1686, св. 77, № 17; малороссийские подлинные акты, св. 2, № 28.

[29] Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

[30] По другим сведениям Самойлович соединился с Голицыным на

берегу Самары: Киевская Старина, 1886, II, 275.

[31] Феодосий, Самарский монастырь, Екатеринослав, 1873, 13.

[32] Выше теперешнего села Вороной, имения М. Н. Миклашевской.

[33] Что это за речка Терги — неизвестно, но об ней говорит Самовидец.

[34] Неизвестны также речки Крымка, Кобылячка и Литовка,— об них говорит Самовидец.

[35] Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

[36] Собрание госуд. грамот и договоров, Москва, 1826, IV, 565, 564, 563, 539, 541.

[37] Что такое это за речка — неизвестно, но об ней говорит Гордон.

[38] У Самовидца ошибочно назван Янчул; в Собрании государственных грамот и в Дневнике Гордона — Янчокрак; у Самовидца ниже этой речки упоминаются еще Торские пески, вероятно, песчаные кучугуры, теперь близ с. Водяного Мелитопольского уезда Таврической губернии.

[39] У Самовидца: «Отъ Торских песковъ съ вершины Великихъ луговъ противъ кучугуръ при татарскомъ тирлищѣ, въ 20 верстахъ отъ Сѣчи».

[40] По указанию Величка войска повернули обратно от Плетеницкого Рога: Летопись, Киев, 1855, III, 13.

[41] Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 174.

[42] Собрани государ. грамот и договоров, Москва, 1826, IV, 540, 541.

[43] Киевская Старина, 1886, XIV, 277.

[44] Собрание госуд. грам. и догов., IV, 540, 541; Gordon, Tagebuch, II, 177.

[45] Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 134.

[46] Собрание госуд. грам. и догов., IV, 542; Величко, Летопись, III, 14; Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, II, 343—334.

[47] Самовидец, Летопись, Киев, 1878, 171.

[48] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 17.

[49] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1858, I, 322.

[50] Tagebuch des Generals Patrik Gordon, St. Petersburg, 1851, II, 181.

[51] Собрание госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 563.

[52] Собрание госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 560, 564.

Глава вторая

[1] Самовидец, Летопись, Киев, 1878, 171.

[2] Собрание госуд. грамот и догов., IV, 551—558, Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 50.

[3] Собрание госуд. грам. и догов., Москва, 1826, IV, 573; Архив мин. ин. дел, 1687, № 25, св. 72.

[4] Архив мин. ин. дел, мал. под. акты, 1687, св. 2, № 512—30.

[5] Архив королевского скарба, отд. III, кн. VII, л. 780.

[6] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 57—59.

[7] Он же называется Матвеем Ватажником.

[8] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 73, № 11.

[9] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 73, № 11.

[10] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, № 502.

[11] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

[12] В актах он называется Могилой, у Бантыш-Каменского Мигулой.

[13] Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, II, 164; III, 10.

[14] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

[16] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

[17] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 74, № 25.

[18] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 532—514.

Глава третья

[1] Ригельман, Летописное повествование, Москва, 1847, III, 8.
[2] Архив мин. ин. дел, 1688, св. 75, 76, 79, № 50, 72, 113.
[3] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 542—524.
[4] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 541—523.
[5] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, июня 14, св. 2, № 555—31. Копия этой грамоты в малороссийских делах, св. 76, № 66; на последней, в конце, стоит помета: «Свидѣтельствовалъ войска запорожского низового войсковой писарь Иванъ Глоба».
[6] Архив мин. ин. дел, 1688, № 70, св. 76.
[7] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 62.
[8] Архив мин. ин. дел, 1688, св. 76, № 70—75, подл. мал. акты, № 541—560, 512—561.
[9] Другой турчин успел уйти и скрыться в болоте.
[10] Между ними были: Степан Иванов, Василь Буденко, Семен Кращенко, Кирилл Бобренко и писарь Гришко.
[11] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 78, № 88.
[12] Между ними были: Зима, Микитин, Яковенко, Федоренко, Мартыненко, Петров, Кононенко, Лукьяненко, Руденко, Барлитенко, Жданенко.
[13] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 78, № 88.
[14] Остальных 50 человек гетман, уплатив им из войсковой казны, отослал в Сичу назад.
[15] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 78, № 88.
[16] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 78, № 88.
[17] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 61.
[18] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688—1689, св. 77, № 86; Собрание госуд. грам. и догов., IV, 605, Величко, Летопись, III, 61.
[19] Роспись того и другого см. в означенных малорос. актах.
[20] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 77, № 86.
[21] У Костомарова (Мазепа, 1885, 16) вместо Волынского назван почему-то воеводой Волконский; во всех современных актах он называется Волынским.
[22] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, № 86 и 87.
[23] Архив мин. ин. дел, подл. акты, 1688, св. 77, № 86.
[24] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 61.
[25] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1859, II, 17.
[26] Архив мин. ин. дел, подл. акты, 1688, св. 77, № 86.
[27] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 77, № 86.
[28] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 77, № 86.
[29] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 77, № 86.
[30] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688, св. 77, № 86.
[31] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688—1689, св. 77, № 86.
[32] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 586—567.
[33] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688—1689, св. 77, № 86.
[34] Архив мин. ин. дел, 1688—1689, св. 77, № 86.
[35] Архив мин. ин. дел, 1688—1689, св. 77, № 86.
[36] Архив мин. ин. дел, 1688—1689, св. 77, № 86.
[37] Архив. мин. ин. дел, мал. дела, 1688—1689, св. 77, № 86.
[38] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, св. 79, № 2.
[39] Должно быть нужно читать «Староханскій», но где он был — неизвестно.
[40] Архив мин. юстиции, столб. моск. стола, 1688—1689, № 479, л. 177—182.
[41] Между ними были: Семен Рубан, Яков Богуненко, Мойсей Лукьянов, Яцко Герасименко, Савко Гордиенко, Михайло Василенко, Панько Гриценко, Иван Матвиенко, Мартын Юрченко, Мартын Нетяженко и другие.
[42] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, св. 79, № 2.
[43] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, св. 79, № 2.

[44] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, св. 79, № 2.

[45] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, св. 79, № 2.

[46] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1688, св. 6, № 586—567.

[47] Архив мин. ин. дел, мал. дела, подл. мал. акты, 1688, № 575—594.

Глава четвертая

[1] Архив мин. ин. дел, Малороссийские дела, 1689, св. 80, № 22.

[2] Собрание госуд. грам. и дог., IV, 662—605, 541, 563, 564, 593.

[3] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1700, св. 5, № 56.

[4] В высшей степени интересна и поучительна дальнейшая судьба козака Юшки Гаврилова. Захваченный под Кызыкерменем, он привезен был в самый город и в одну ночь продан был в Крым к одному татарину в деревню Охмеч. Прожив у того татарина всю зиму, Юшка бежал от него великим постом, шел 5 дней и когда был уже у Перекопа, то тут был настигнут погоней и привезен к прежнему своему хозяину, который продал его за Бахчисарай, в село Кашекиум. В том селе Юшка прожил 2 года в работе, потом бежал к Черному морю, на Балакну, к корабельной пристани, но на пути был пойман и отдан на корабль. На корабле Юшка прибыл в Царьград, прожил там 2 месяца и был продан за Белое (Мраморное) море под город Магалыч к паше по имени Цапу. Прожив месяц у того паши, ушел с тремя полоняниками из его села, шел 4 недели пустым местом и пришел в турецкий город Чандар, но там был пойман и сидел в оковах два месяца, пока в тот город не явился паша Цап, который всех трех беглецов выкупил за 50 ефимков, отвез их в свое село и держал всю зиму «въ великомъ мученіи». Весной Юшка с теми же полоняниками снова ушел и прибежал к городу Дерменяжи, но там изловили их караульщики и отдали городскому воеводе Магомету, у которого они просидели целый месяц скованные железом. От паши Юшка, в ночное время, снова бежал из-под караула, шел 15 дней и дошел до какого-то села, но там был пойман, привезен к прикащику Мустафе и прожил в его селе скованным 1 месяц. От Мустафы он был взят к прежнему воеводе Магомету, который, оковав его, бил и мучил его, но когда Юшка от тех побоев заболел, то он освободил его от железа и продал за 90 ефимков паше Генжу, посланному от турецкого султана для сбора всяких поборов. С пашой Юшка ходил 3 летних месяца, потом послан был в его отчину, жил в той отчине до Петрова дня, после чего бежал и шел полтретья месяца и пришел к заставе, которая поставлена для поимки беглых полоняников, на той заставе был пойман и скован оковами. Там было большое число полоняников и от великой нужды и голода 12 человек из них при Юшке умерли. От той заставы Юшку послали в какую-то деревню, где он жил до великого поста. Из деревни послали его продать в западную сторону в город Кушакшатер и продали какому-то хозяину, который его бил и постоянно на работу посылал. Прожив у того хозяина лето, Юшка от него бежал, шел два месяца и пришел к городу Манцу и жил в деревне в неволе полтретья года и из той деревни снова убежал, шел два дня и пришел в турецкий город Смирну над Белым морем, к корабельной пристани, на голландский корабль. Из Смирны на том корабле он пришел в Испанию и оттуда прибыл в город Амстердам, а из Амстердама, наконец, добрался в 1700 году, в июне месяце, в Россию, в город Архангельск. И в голландской земле, и идучи морем на корабле его, Юшку, за полонное терпение, кормили и поили и провозу с него не взяли.— Архив министерства ин. дел., малороссийские дела, связка 5, № 56.

[5] Феодосий, Самарско-Николаевский монастырь, Екатеринослав, 1873, 18.

[6] Собрание государ. грамот и договоров, Москва, 1828, IV, 605.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1688—1689, св. 77, № 86.

[8] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 88.

[9] У Костомарова (Мазепа, Спб., 1885, 15, 30) Вольный город смешан с Новобогородицким, как это видно из того, что местоположение Вольного у него приурочено к местоположению Новобогородицкого. Оттого Костомаров, говоря о возвращении Голицына из второго крымского похода, вовсе не говорит о построении им города у Вольного брода. По Костомарову этот город возник после первого крымского похода и есть тот же город, что и Новобогородицк; а между тем в подлинном на этот счет акте сказано ясно, что князь Голицын, возвратившись из второго похода на Крым, пришел в Новобогородицкую крепость и, находясь в ней, отдал приказание построить город выше Вольного брода.

[10] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 84.

[11] Архив мин. юстиции, 1689, л. 177 -182; Устрялов, История Петра Великого, I, 220, 221, 224, 237, 367, 372, 376, 377.

[12] Архив мин. юстиции, стол. моск. ст., 1688—1689, № 179, л. 177—182.

[13] Архив мин. юстиции, ст. моск. ст., 1688—1689, № 479, л. 177—182.

[14] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, св. 80, № 22.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 632—613.

[16] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 642—623, 646—627.

[17] Вероятно, об этом самом Гусаке дошло предание и до Мышецкого, который говорит, что при кошевом Гусаке запорожцы имели с турками и с поляками войны и что еще и ныне (1736—1740) у них в памяти находятся козаки удалых сердец и называются Гусаковщина; История о козаках, Одесса, 1852, 11.

[18] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1689, № 609—628, 610—629.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1689, св. 8. № 55, св. 93, № 40; Архив мин. юстиции, столб. моск. стола, № 479, № 177—182; 1689, кн. 59.

[20] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты. 1690, июля 10, св. 7; Архив мин. юстиции, 1690, кн. 57, л. 248.

[21] Разумеется названный выше козак киевского полка Елец.

[22] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, июля 10, св. 7, июля 11, св. 7, № 701—682.

[23] Архив мин. ин. дел, 1689, св. 93, № 40.

[24] Архив мин. юстиции, 1689, кн. 69, л. 111.

[25] Архив мин. ин. дел, подл. мал. дела, 1690, № 680, 682.

[26] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 82, № 18.

[27] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 82, № 18.

[28] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 82, № 18.

[29] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 82, № 18.

[30] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, св. 82, № 18, св. 7, № 689—670.

[31] Вместо умершего Ржевского прислан был воевода Змеев. По словам Величка, сын Ржевского хотя и пострадал от болезни, но, однако, остался жив; Мазепа же доносил в Москву, что вместе с отцом умер и сын.

[32] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 87, 88, 95.

[33] Архив мин. ин. дел; мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 670—651; Акты южной и западной России, V, 238.

[34] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 665—646.

[35] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 665—646.

[36] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 665—646.

[37] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, св. 7, № 680—641.

[38] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, № 657—676.

[39] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 83, № 44; подл. 685—704.

[40] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 83, № 44.

[41] Архив мин. юстиции, 1690, кн. 62, л. 760.

[42] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 7, № 715—696.

[43] Архив мин. юстиции, 1690, кн. 62, л. 760.

[44] Архив мин. ин. дел, 1690, св.7, № 814—695.

[45] Архив мин. ин. дел, 1692, св. 85, № 1.

[46] Из рядовых козаков в этом посольстве были: Василь Юркуша, Иван Дрыга, Илько Алексеенко, Семен Плаханенко, Лукьян Безодна, Влас Мышастый, Степан Исаенко, Иван Дубаненко, Тимко Рышка, Андрей Бур, Иван Дитюк, Иван Занка, Анлурюдушко Донской, Иван Малый, Иван Горилый, Герасим Крыса, Иван Савущенко, Игнат Черный, Мусий Черман, Кондрат Игнатенко, Харько Левченко, Ильяш Степаненко, Панас Коломыченко, Терешко Яковенко, Тишко Андреенко, Иван Тыведый, Василь Папунко, Яцко Высочин, Роман Хведоренко, Яцко Калиненко, Данило Яременко, Иван Щербина, Федор Ильяшенко, Семен Мищенко, Панас Панченко, Иван Корниенко, Фома Иваненко, Грицко Лаврененко, Мартын Давиденко и некоторые другие.

[47] Новый год в то время начинался с сентября месяца.

[48] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[49] Архив ин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[50] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1690, № 701—720.

[51] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[52] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[53] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[54] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[55] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[56] Почему Фоме, а не Харьку, который был товарищем при Рубане — неизвестно; может быть Харько было прозвище, а Фома — имя.

[57] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[58] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 1.

[59] Архив мин. ин. дел, 1690, св. 8, № 727—710.

Глава пятая

[1] У Костомарова появление Петрика в Запорожье отнесено почему-то к 1692 году, тогда как по современным событию актам это было в 1691 году: «Въ прошломъ, в 7199 году (7199 — 5508 = 1691), показывалъ бывшій запорожскій козакъ конеловского куреня, Кондрат Михайлов, прибежал на Запорожье канцелярист Петрикъ... а пришелъ на Запорожье, жилъ онъ, Петрикъ, въ томъ-же конеловскомъ куренѣ». Архив мин. юст., книга мал. приказа, № 66, л. 106—129. В архиве мин. ин. дел первое указание о Петрике также имеется под 1691 годом, св. 8, № 790—775.

[2] Летописец Величко обвиняет в этом случае самого Мазепу: «Мазепа, замысливши нѣкія козни противъ своихъ государей, самъ позволилъ Петрику, при особой тайной информации своей, отъѣхать изъ Полтавы в Сичу и изъ Сичи въ Крымъ». Летопись, Киев, 1855, III, 95.

[3] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1691, № 66, л. 106—129.

[4] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1691, № 62, лист 800.

[5] Архив мин. юстиции, кн. мал. прик., 1691, № 92, л. 759—760.

[6] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1691, св. 85, № 5.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, 751—715.

[8] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 85, № 18, мал. подл. акты; № 715—732.

[9] Архив мин. ин. дел, 1691, св. 86, № 68; 13, мал. подл. акты, № 724, 721; Архив мин. юстиции, 1691, кн. 62, л. 646.

[10] О реке Калмиусе см. Эварницкий, Вольности запорожских козаков, Спб., 1890, 159.

[11] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, № 721—787.

[12] Архив мин. иностр. дел, 1691, св. 86, № 13; мал. подл. акты, св. 8, № 740—724.

[13] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8. № 746—739.

[14] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 742—726; 743—727.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 757—741.

[16] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 748—732.

[17] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 753—737.

[18] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 759—743.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 748—732.

[20] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 776—760.

В это же время кошевой Гусак, на просьбу гетмана «о вызволенъѣ изъ неволи бусурманской» некоего Поплонского, послал гетману и другое письмо, в котором говорил, что запорожцы исполнят гетманское приказание, но для этого нужны, как для самих охотников на такое дело, так и для толмача, деньги, запорожская же скарбница «барзо на мѣшокъ хируе»: Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 772—756.

[21] Нужно думать «орельскій», т. е. житель одного из городов на реке Орели.

[22] Один из таковых был «прошлый» писарь запорожский Гук, который до гетманской вельможности «вельми горнется», дает всякие вести дозорце гетманскому и впредь обещает давать знать; за что дозорца просил гетмана чем-либо «потешить такого усерднаго человѣка».

[23] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 790—775.

[24] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 805—790.

[25] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1691, св. 8, № 799—789.

[26] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 178.

[27] Архив мин. ин. дел, 1692, апр., № 20.

[28] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, № 66, лл. 106—129.

[29] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1692, св. 9, № 818—833.

[30] Архив мин. ин. дел, крым. дела, 1692, св. 79а, № 4.

[31] Архив мин. ин. дел, крым. дела, 1692, св. 79а, № 4.

[32] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1692, № 828—843.

[33] Хан с частью крымской и белогородской орды выбрался войной на маджар или цесарчиков в помощь туркам. Величко, III, 103.

[34] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[35] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692.

[36] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 121—125.

[37] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[38] Чуга от турецкого çoha, что значит сукно; у сербов чога — род свиты, архалука.

[39] Нужно думать вышеназванный Василий Бузский.

[40] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 103—105. Относительно времени объявления Петрика гетманом существуют показания Никиты Антоненка и Кондрата Михайлова; первый показывал, что это произошло в Каланчаке, второй — в Каменном Затоне; в Каланчаке Антоненко лично был, но не был там Михайлов; зато в Каменном Затоне лично был Михайлов, но не был там Антоненко. Из этого можно заключить, что оба козака показывали верно: может быть в Каланчаке Петрик объявлен был гетманом в первый раз, а в Каменном Затоне во второй.

[41] Архив мин. ин. дел, подлинники, 1692, № 841—856; Архив мин. юстиции, книга малороссийского приказа, 1692, № 66, листы 106—129.

[42] Так доносил Мазепе июня 29 дня с «днѣпровскаго побережья» его дозорца Иван Рутковский.

[43] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

Глава шестая

[1] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[2] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[3] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[4] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[5] Архив мин. ин. дел, подл. мал. акты, 1692, № 841; крымские дела, 1692, св. 79а, № 4; Архив мин. юстиции, 1692, № 66, св. 106—129.

[6] Архив мин. ин. дел; крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[7] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а, № 4.

[8] В одном письме сказано «до господы», в другом — «на постоялый дворъ».

[9] По другому указанию при кошевом были — судья, асаул, писарь, 38 куренных атаманов и 2000 человек простых козаков.

[10] По другому указанию кошевой и козаки поднесли салтану хлеб-соль, и салтан, довольный таким приемом, похвалил за то козаков, а хлеб-соль велел принять своему чаушу.

[11] По другим указаниям, присяга состоялась на том, чтобы запорожцам идти с татарами сперва на Муравский шлях и под слободы, потом под Самарь, Вольное и Орлик, «гдѣ засажены государскіе люди», затем под реки Орель, Ворсклу, Псел и Мерлу к малороссийским и великороссийским городкам, снести и разорить города по Псел-реку, как в прежние времена бывало; города по Орели, Ворскле и у Днепра отдать татарам. Для того похода кошевой соберет войско с Берды и Молочной, и когда оно прийдет, то он, в случае ему самому нельзя будет выйти в поход, даст войску бунчук, литавры и знамя. А когда приедут козаки и татары в великороссийские и малороссийские города, то везде разошлют народу «прелестные» листы с тем, чтобы народ выбил московских людей, знатных панов, арендарей; после того одних подклонят под меч, других перегонят за Днепр и осадят ими города. На той присяге Петрика выбрали гетманом, Бузского полтавским, Сысу переяславским полковниками. В случае запорожцы окажутся ненадежными, то татары сделают только «забѣги» под города и потом вернутся в Крым.

[12] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1692, св. 79а; № 4; Архив мин. юстиции, 1692, книга мал. приказа, № 66, л. 106—129. Документы архива иностранных дел заключают в себе известия первых рук и потому им отдано в данном случае предпочтение.

[13] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 109—111.

[14] Соловьев, История России, Москва, 1879, XIV, 187.

[15] Та самая, которую переходил в 1687 году кн. Голицын.

[16] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 111—113.

[17] Архив мин. юстиции, книга мал. прик., № 66, листы 106—129.

[18] Архив мин. ин. дел, 1692, подл., № 853, 854, № 30, св. 80.

[19] Архив мин. юстиции, 1692, кн. 66, л. 1090.

[20] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1859, II, 7.

[21] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 129.

[22] По разным показаниям татар было от 30 000 до 10 000, малороссов от 400 до 80 человек; сам гетман показывал 40 000 человек. Величко, III, 140.

[23] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1693, листы 1185—1201, № 66.

[24] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1693, л. 1185—1201, № 66.

[25] Архив мин. ин. дел, 1593, св. 91, № 14.

[26] Архив мин. ин. дел, 1693, св. № 14; Архив мин. юстиции, л. 29, кн. 67.

[27] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[28] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[29] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[30] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[31] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 66, л. 1152, 1158, 1168.

[32] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 240, 242.

[33] По указанию Величка, часть гадячских полчан ходила против татар за речку Самарь; Летопись, III, 182.

[34] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 9, № 875—860.

[35] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 9, № 881—886.

Глава седьмая

[1] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14; Архив мин. юстиции, 1693, кн. 66, л. 212.

[2] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[3] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[4] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[5] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 91, № 14.

[6] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 207.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1693, № 876, 959.

[8] Лодка была куплена за 15 коп.

[9] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 93, № 36 и 40.

[10] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 93, № 42.

[11] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 93, № 42.

[12] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 93, № 42.

[13] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 95, № 63.

[14] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 866—815.

[15] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 867.

[16] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 866—895; Архив мин. ин. дел, 1693, св. 10, № 916—901.

[17] Один Краснокутский, другой Высоцкий, но кто они такие — Грабовский не говорит.

[18] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 10, № 916—901

[19] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 866—895; Архив мин. ин. дел, 1693, св. 10, № 928—913.

[20] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 93, № 51, подл. акты, св. 10, № 930—915.

[21] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 866—895.

[22] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 866—895.

[23] Архив мин. ин. дел; 1693, св. 10, № 935—920.

[24] Иначе Федора Степанова; по-видимому, он также носил прозвище Гусака.

[25] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

[26] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 165, 166.

[27] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

[28] Бесбашная орда, т. е. безначальная орда; баша — голова, начальник.

[29] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

[30] Архив мин. ин. дел, 1693, № 10, № 936—921.

[31] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 165, 166.

[32] Несмотря на возникшие между гетманом и запорожцами недоразумения, в это же время, а именно августа 15 числа, московский патриарх Адриан послал грамоту гетману Мазепе с просьбой о выручке из татарского полона двух боярских детей Прокопия и Харитона Шишигиных, жителей приморского города Ваги, взятых крымским ханом где-то в полон. Патриарх просил гетмана, во имя любви Христовой и исполнения заповеди Господней, послать кого-нибудь в Запорожье к кошевому атаману с письмом, чтобы атаман отправил охочих людей в Крым, за Перекоп, которые могли бы там двух названных полоняников отыскать и на откуп их взять, если они найдутся в живых; если же умерли, известить о том Москву. Патриарх писал, что деньги на откуп полоняников будут высланы немедленно, а вместе с тем будет выдано и должное вознаграждение запорожским козакам за хождение в Крым; Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 167.

[33] То есть бывший кошевой атаман Федько.

[34] Архив мин. юстиции, 1693, кн. 67, л. 1250—1270.

[35] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 170—176.

[36] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 95, № 67.

[37] Архив мин. ин. дел, 1693, св. 95, № 77.

[38] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 221.

[39] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 215.

[40] Архив мин. ин. дел, 1694, св. 96, № 1; подл. акты, св. 10, № 964 979.

[41] Архив мин. юстиции, 1694, кн. 69, л. 268.

[42] Архив мин. ин. дел, 1694, подл. мал. акты, № 971—986, 974—989, 976—991.

[43] Архив мин. ин. дел, 1694, мал. дела, св. 10, № 995 980.

[44] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 240.

[45] Архив мин. ин. дел, 1694, св. 10, № 1000 985.

[46] Архив мин. юстиции, 1694, кн. 69, л. 810.

[47] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1694, св. 10, № 1006—991.

[48] Архив мин. ин. дел, 1694, св. 10, № 1007—992; 1696, св. 10, № 30.

[49] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1696, св. 10, № 30.

[50] Величко, Летопись, III, 243; Архив мин. юстиции, кн. 69, л. 560.

[51] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1694, св. 10, № 1005—990.

[52] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1694, св. 10, № 1005—990.

[53] Архив мин. юст., 1694; кн. 71, л. 240; Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, III, 25.

[54] Архив мин. юстиции, 1694, кн. 71, л. 240.

[55] Архив мин. юстиции, 1694, кн. 74, л. 651.

[56] Архив мин. юстиции, 1694, кн. 74, л. 651—657.

[57] Архив мин. ин. дел, 1694, подл. мал. дела, № 995.

[58] Архив мин. юстиции, 1694, кн. 69, л. 385.

[59] Архив мин. ин. дел, 1695, мал. подл. акты, св. 10, № 1014—999.

[60] Архив мин. ин. дел, 1695, связка 98, № 2.

[61] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, св. 2, № 1018—33.

[62] Архив мин. ин. дел, малорос. дела, 1695, св. 98, № 30.

[63] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 194, 212, 214; Величко, Летопись, Киев, 1895, III, 209; Сын Отечества, 1848, VIII; Московский Наблюдатель, 1838.

Глава восьмая

[1] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 283.

[2] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 221.

[3] Архив мин. ин. дел, 1695, св. 98, № 17.

[4] Он называется то Пляцкой, то Плячник, то Плячной, то Плячный.

[5] Речки Ялы и речка Ганчул, или Гайчур и теперь существуют в Екатеринославской губернии Александровского уезда; Эварницкий, Вольности запорожских козаков, Спб., 157.

[6] Архив мин. ин. дел, 1695, св. 98, № 17.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1695, св. 98, № 20.

[8] Сергиевским он назван, вероятно, по принадлежности к Сергиевскому куреню.

[9] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1695, св. 11, № 1030—1013.

[10] Акты южной и западной России, № 283.

[11] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 443.

[12] Записки одесского общества истории и древностей, III, 269—272.

[13] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 283—285.

[14] Архив мин. юстиции, 1695, кн. 75, л. 478—487.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1695, св. 11, № 1034—1017.

[16] Архив мин. юстиции, 1695, кн. 75, л. 381, 478, 683—687, 701.

[17] Архив мин. ин. дел., мал. подл. акты, 1695, св. 11, № 1035—1018.

[18] На польском языке «tumult» значит тревога, шум, но в каком смысле употреблено это слово в данном случае — неизвестно; может быть в смысле мятежники.

[19] Развалины этого монастыря, называвшегося по сохранившимся

документам Заорельским Святоуспенским монастырем, находятся в настоящее время в Екатеринославской губернии Новомосковского уезда возле села Чернетчины.

[20] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 368.

[21] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 368, 369, 373.

Глава девятая

[1] Архив мин. юстиции, 1696, кн. 76, л. 138, 470, 483.

[2] Архив мин. юстиции, 1696, кн. 76, л. 528.

[3] Архив мин. юстиции, 1696, кн. 76, л. 517—533.

[1] Архив мин. юстиции, 1696, кн. 76, л. 517—533.

[5] По Бантыш-Каменскому имя Чалого было Яков: История М. России, III, 30.

[6] Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, III, 30.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1047—1030, 1699 год, св. 107, № 18; Архив мин. юстиции, 1696, кн. 76, л. 528.

[8] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, №№ 1041—1024, 1045—1028, 1047—1030.

[9] Архив мин. ин. дел, подл. мал. акты, 1696, св. 11, № 1048—1031.

[10] Архив мин. ин. дел; подл. мал. акты, 1696, св. 11, № 1048—1031.

[11] С татарского на русский «кызы» — девица; отсюда Кызымыс значит мыс девицы, т. е. мыс недоступный, как девица.

[12] Теперешний Южного берега Крыма город Евпатория.

[13] Архив мин. юстиции, 1696, кн. 78, л. 69 и 83.

[14] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1696, св. 100, № 43.

[15] Архив мин. ин. дел, 1696, св. 100, № 30.

[16] Архив мин. ин. дел, 1696, св. 11, № 1067—1050.

[17] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1055—1038.

[18] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1059—1042.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, 1068—1051.

[20] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, № 1038, 1039. 1042.

[21] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1696, св. 100, № 28.

[22] Записки одесского общества истории и древностей, IX, 453.

Глава десятая

[1] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1063—1046.

[2] Село Петровка в четырнадцати верстах от города Полтавы.

[3] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1066—1049.

[4] Дмитриев день октября 26 числа.

[5] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1085—1048.

[6] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1066—1049.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1068—1051.

[8] Можчир, польское mozdzierz — то же, что русское мортира.

[9] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1069—1052.

[10] Архив мин. ин. дел, 1696, св. 11, № 1077—1060.

[11] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1696, св. 11, № 1082—1065.

[12] Архив мин. ин. дел, малорос. дела, 1699, св. 107, № 18.

[13] Архив мин. ин. дел, подл. мал. акты, 1696, № 1083—1066.

[14] Архив мин. ин. дел, подл. мал. акты, 1696, № 1066.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. подл. дела, 1696, № 1093—1076, св. 101, № 49.

[16] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1697, св. 12, № 1131—1118.

[17] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1697, св. 11, № 1116—1098.

[18] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 431—433.

[19] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1697, кн. 77, л. 277—283.

[20] У Костомарова сказано, будто бы весть принесена гетману июля 6 дня в Кодак (Мазепа, 1885,

145); но сам Мазепа писал к царю мая 27 дня и говорил, что эту весть он получил, когда шел из Батурина к Гадячу; Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1697, № 77, листы по буквенной нумерации 405—415.

[21] Архив мин. юстиции, 1697, кн. 77, л. 405—415.

[22] Акты южной и западной России, V, 262, 284.

[23] В этот день гетман писал письмо царю «въ таборѣ изъ-подъ Кодаку отъ берега днѣпрового іюня 24 дня», которое доставлено было в Москву июля 7 дня канцеляристом Дублянским; Архив мин. юстиции, 1697, № 77, л. 473—476.

[24] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1697, № 77, л. 473—476.

[25] Архив мин. юстиции, 1697, кн. 77, л. 473, 476; Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 436—439.

[26] «Въ переправѣ той черезъ рѣку Днѣпръ войскъ» гетман и воевода «немалое познали затрудненіе»; Архив мин. юстиции, 1697, № 77, л. 555—570.

[27] Архив мин. юстиции, кн. мал. прик., 1697, № 77, л. 555—570.

[28] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1697, № 77, л. 555—570.

[29] У летописца Величка сказано, что военачальников встретил наказной кошевой атаман вместо властного атамана Яковенка, ушедшего в Кызыкермень раньше прибытия гетмана и воеводы в Каменный Затон; Летопись Самоила Величка, Киев, 1855, III, 442.

[30] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 442.

[31] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 443.

[32] У Величка неверно названо «Кодацкой Головой»; нужно думать, что это просто опечатка, допущенная издателями летописи Величка; Козацкая Голова и теперь есть урочище возле города Бериславa, бывшего Кызыкерменя.

[33] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24.

[34] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24.

[35] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24. То же самое у Величка, Летопись, Киев, 1855, III, 446.

[36] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24.

[37] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24.

[38] Бантыш-Каменский, История М. России, Москва, 1822, III, 34.

[39] Шопа с польского szopa на русский значит сарай.

[40] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24.

[41] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24.

[42] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1697, св. 102, № 24. Это письмо приведено в обрывке и у летописца Величка, но оно помечено у него датой августа 31 дня 1697 (Летопись, III, 453), тогда как в подлинном акте стоит сентября 4 дня.

[43] Архив мин. ин. дел, 1697, л. 172, 219; Tagebuch des Gordon, St.-Peterburg, 1852, III, 143.

[44] Федоренко именует себя то Есипом, то Яськом.

[45] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1697, св. 12, № 1138—1120, св. 12, № 1141—1123.

[46] Летописец Величко передает, что письмо было надето на копейное древко, воткнутое в землю на могиле; Летопись, Киев, 1855, III, 500.

[47] Архив мин. ин. дел, 1697, № 39; Архив мин. юст., 1697, кн. 81, л. 231, 268, 323.

[48] Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, III, 38; Его же, Источники, Москва, 1828, II, 21; Архив мин. юстиции, 1698, кн. 81, л. 643—666.

Глава одиннадцатая

[1] Величко, Летопись, Киев, 1855, III, 471—486; Записки одесского общества истории и древностей, III, 572—576; Архив министер. ин. дел, 1698, св. 103, № 5.

[2] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1698, св. 2, № 1154—36.

[3] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1698, св. 103, № 7.

[4] Архив мин. ин. дел, 1698, св. 103, № 1; Архив министер. юстиции, 1698, № 81, л. 643—666.

[5] Архив мин. юстиции, кн. мал. прик., 1697, № 78, л. 78—81.

[6] Архив мин. ин. дел, 1698, св. 103, № 1.

[7] Архив мин. ин. дел, 1698, св. 103, № 1.

[8] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1698, св. 103, № 7.

[9] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1163- 1144.

[10] В отдельности всех оставленных в Сичи и Тавани полковых судов насчитывалось: 66 дубов, 46 стругов и 2 фурката.

[11] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1698, св. 104, № 18.

[12] Всего было у Гусака и Федорова 120 человек козаков.

[13] Архив мин. ин. дел, 1698, св. 105, № 29; Подл. акты, св. 12, № 1174- 1154.

[14] По другому показанию, в числе 20 000 человек.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1698, св. 105, № 29.

[16] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1698, св. 105, № 30.

[17] Зупольный с польского «zupełny» — целый, полный, совершенный.

[18] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1173—1153.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1174—1154.

[20] Архив мин. ин. дел, малор. дела, 1698, св. 105, № 29.

[21] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1699, св. 107, № 18.

[22] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1175—1155.

[23] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1698, св. 12, № 1174—1154.

[24] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1698, св. 11, № 1175—1155.

[25] Архив мин. юстиции, 1698, книга 68, л. 59.

[26] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1859, II, 22.

[27] Архив мин. ин. дел, 1699, св. 8, № 729а—713.

[28] Архив мин. ин. дел, 1699, св. 107, № 14, 23.

[29] Письма и бумаги Петра Великого, Спб., 1887, 1, 272.

[30] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1699, св. 107, № 18.

[31] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1699, св. 106, № 1.

[32] Архив мин. ин. дел, 1699, св. 106, № 1.

[33] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1699, св. 107, № 18.

[34] В письме кошевого Петра Прима к царю Петру Алексеевичу сказано, что дело началось сперва ссорой между «подпилыми» (выпившими) запорожцами и служилыми ратными людьми.

[35] В другом документе сказано: амбар войсковой с припасом.

[36] В другом документе сказано: котлы куренные для варки пищи.

[37] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1699, св. 107, № 38.

[38] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1699, св. 107, № 38.

[39] Между рядовыми козаками в том посольстве были: Иван Омельченко, Андрей Москаленко, Роман Кульбака, Тишко Емщик, Грицко Сухий, козак Миско, Максим Таран, Грицко Заика, Ефим Макаренко, Федько Нареченный, Иван Оргиенко, Кирик Прокопенко, Федор Остряница, Матвей Рудый, Грицко Деребера, Василий Старый, Иван Краснянский, Грицко Безыменный, Иван Сова, Мартын Сахненко, Иван Остряница, Константин Гордиенко, Матвей Иваненко, Лукьян Кузьменко, Юрко Белоцерковец, Моисей Черман, Иван Гирман, Савка Скакун, Дацко Незамай, Антон Тур, Остап Убогий, Василий Жидченко, Яцко Шульга, Иван Долгий, Грицко Чеверда, Василий Сирота, Филипп Барыш, Иван Котляренко, Иван Портянский, Афанасий Василенко, Кузьма Василенко, Феськo Сустав, Василий Замуляный, Михайло Нечитайло, Игнат Детун, Самойло Лазука, Степан Сироватко, Грицко Белый, Павло Синицкий, Кондрат Иваненко, Стецко Горькавый, Иван Белицкий, Василий Черкашенко, Иван Щербан, Левко Мужака, Тимуш Майла, Иван Буток, Яков Пащенко, Иван Трухан и многие другие.

[40] Об этих двух просьбах запорожцы и раньше писали государю.

[41] Все его товарищи, 90 человек, были побиты на месте.

[42] Из дальнейших дел видно, что он был услан во Псков.

[43] Архив мин. ин. дел, донские дела, 1699, св. 107, № 24.

[44] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1700, св. 4, № 27.

[45] Архив мин. ин. дел, 1700, св. 4, № 27.

[46] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1700, св. 4, № 27.

[47] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1700, св. 4, № 28.

[48] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1700, св. 4, № 28.

[49] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1700, св. 4, № 28.

[50] Семен Билим, козак Рубан, Василий Шило и другие.

[51] В точности неизвестно, были ли это запорожские или гетманские козаки; в акте на этот счет сказано: «ваши (воеводы Опухтина) воровскіе козаки или «ваши воровскіе люди».

[52] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1700 февр. 25, св. 1.

[53] Умыслный с польского «umyslny» на русский нарочный.

[54] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1700, св. 13, № 1216—1143.

[55] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1700, св. 13, № 1234—1211.

[56] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1700, св. 13, № 1243—1219.

[57] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 333.

[58] Акты войска донского, Новочеркасск, 1891, 1, 192.

[59] То есть: от Перекопского замка начинающегося Перекопского залива.

[60] То есть: да пребудут земли пустыми, порожними и лишенными всяких жильцов.

[61] Письма и бумаги Петра Великого, Спб., 1887, I, 373, 371, 376, 370.

[62] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1700, св. 13, № 1265—1242.

[63] Об этом запорожцы обращались раньше к царю и к гетману.

[64] Между рядовыми козаками в этом посольстве были: Гаврило Загно, Лаврин Горденко, Марко Таран, Василий Баба, Дмитро Дурицкий, Андрюшко Мандро, Василий Гредченко, Матвей Квитка, Данило Малый, Иван Олтва, Федор Сенченко, Михайло Дзюба, Данило Стенка, Василий Гаригульский, Иван Гадяцкий (Дядьковского куреня, очевидно тот самый, о котором запорожцы просили), Василий Чернышенко, Василий Рудый, Терентий Буцкий, Гарасим Ковалик, Емельян Солонко, Иван Конопля, Грицко Комлик, Тимош Волк, Иван Мангур, Леско Гершун, Степан Гришенко, Иван Белый, Анисим Григоров, Игнат Брат, Данило Воблый, Дмитро и Павел Погрибняченки, козак Луц, Степан Лысый, Матвей Сердюк, Федор Ус, Василий Бадашко, Тимош Кривошея, Павел Лупый, Кондрат Цябя, Ониско Рудь, Лукаш Дудукало, Степан Горкуша, Андрей Бородавка, Семен Слепый, Гаврило Тригубенко, Иван Миронов, Василий Мацак, Трофим Козюра, Павел Горб, Степан Кровчиня, Грицко Постарому (sic), Степан Живый, Семен Остапов, Клим Чорниченко, Иван Скрыпка, Иван Бобир, Иван Мартышевский, Демко Кожушко, Грицко Черный, Иван Боярченко и многие другие.

[65] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1700, св. 5, № 68; 1701, св. 6, № 5.

[66] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1701, св. 6, № 5.

[67] Архив мин. юстиции, кн. мал. прик., 1701, № 83, 941—942.

[68] Архив мин. юстиции, кн. мал. прик., 1701, № 83, стр. 650, 951—952.

Глава двенадцатая

[1] Голиков, Дополнение к деяниям Петра Великого, Москва, 1795, XV, 158.

[2] Петров, Лекции по русской истории, Харьков.

[3] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1701, св. 7, № 3.

[4] Между другими русскими генералами, взятыми в это время шведами в плен, был князь Яков Федорович Долгорукий.

[5] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 366.

[6] Архив мин. ин. дел, малороссийские дела, 1701, № 20.

[7] Бантыш-Каменский, История Малой России, 1722, III, 50.

[8] Бантыш-Каменский, История Малой России, 1822, III, 50.

[9] Летопись Самовидца, Киев, 1878, 204—205.

[10] Устрялов, История Петра Великого, Спб., 1863, IV, ч. 1, 100.

[11] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 366.

[12] Соловьев, История России, Москва, 1864, XIV, 366—368.

[13] Архив мин. юстиции, 1701, кн. 86, л. 844.

[14] Архив мин. юстиции, 1701, кн. 83, л. 941—942.

[15] Архив мин. юстиции, 1701, кн. 86, л. 259.

[16] Архив мин. ин. дел, мал подл. акты, 1701, св. 2, № 1303—42.

[17] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1702, св. 2, № 1312—24.

[18] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1701, св. 6, № 5.

[19] Архив мин. юстиции, 1702, кн. 86, л. 306.

[20] Архив мин. ин. дел, 1702, св. 2, № 1312—44.

[21] Мышецкий, История о козаках, Одесса, 1854, II, 34.

[22] Южнорусские летописи Белозерского, Киев, 1856, I, 90.

[23] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1702, №№ 15, 17, 18, 19, 23.

[24] Архив мин. юст., 1702, кн. 83, лл. 116, 653; архив мин. ин. дел, 1702, № 1.

[25] Бантыш-Каменский, История Малой России, 1822, III, 165.

[26] Архив мин. юстиции, 1702, кн. 86, л. 723, 824.

[27] Нужно думать, что тут были как запорожские, так еще больше того гетманские козаки, которыми по праву и распоряжался гетман Мазепа.

[28] Бантыш-Каменский, История М. России, Москва, 1822, III, 53.

[29] Соловьев, История России, Москва, 1854, XIV, 370—373.

[30] Архив мин. ин. дел, 1702, св. 10, № 26.

[31] Архив мин. юстиции, 1702, кн. 86, л. 713, 960.

[32] Архив мин. юстиции, 1702, № 86, л. 292—294.

[33] Нужно думать Карасубазар.

[34] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1702, св. 14, № 1331—1303.

[35] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1702, № 1295.

[36] Архив мин. юстиции, книга мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 778—779; кн. 89, л. 163.

[37] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1702, кн. 86, л. 291.

[38] Архив мин. ин. дел, 1702, св. 10, № 84; мал. подл. акты, № 1330.

[39] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 780—985.

[40] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 730—785.

[41] Нужно разуметь разграбление греческих купцов.

[42] Архив мин. юстиции, кн. мал. приказа, 1702, № 86, л. 780—785.

[43] Архив мин. юстиции, кн. мал. прик., 1702, № 86, л. 809—812.

[44] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1702, № 77.

[45] Устрялов, История Петра Великого, Спб., 1863, IV, ч. 1, 220.

[46] Там же; Архив мин. юстиции, 1702, кн. 89, л. 163; кн. 86, л. 959; кн. 86, л. 779.

[47] Нужно думать Ирклеевского куреня.

[48] Архив мин. юстиции, кн. мал. прик., 1703, № 89, л. 458—465, 384—385.

[49] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1347—1318.

[50] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1350—1321.

[51] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1318—1347.

[52] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1318—1347.

Глава тринадцатая

[1] Город Шлотбург, или Ниеншанц, на правом берегу Невы при впадении в нее Охты, взят был

Петром у шведов 1-го мая 1703 года.

[2] Письма и бумаги Петра Великого, Спб., № 894, II, 193.

[3] Письма и бумаги Петра Великого, Спб., № 894, II, 195—202.

[4] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1703, св. 14, № 1350—1321.

[5] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1431—1403.

[6] Архив мин. юстиции, 1703, октябрь, кн. 94.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1703, св. 2, № 1361—49.

[8] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1703, св. 2, № 1360—48.

[9] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 44.

[10] Может быть, выше упоминаемый писарь Сажко.

[11] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1704, св. 14, № 35.

[12] Бантыш-Каменский, История М. России, Москва, 1822, III, 57.

[13] Чтения Москов. общества ист. и древн., 1847, № 9, 24.

[14] Соловьев, История России, Москва, 1865, XV, 165.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 14, № 1420—1389.

[16] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1705, св. 69, № 1434—1403.

[17] Устрялов, История Петра В., Спб., 1863, т. IV, ч. 1, 256, 261, 270.

[18] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[20] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6, 1705, св. 16, № 21.

[21] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1408—1439.

[22] То есть «и не размѣрили турецкой границы около Днѣстра».

[23] Разумеется великий князь литовский Витольд, или Витовт, 1392—1430.

[24] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[25] То есть «в предыдущія» или будущие времена.

[26] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[27] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1412—1443.

[28] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1705, св. 16, № 23.

[29] Шкапа — кляча, лошаденка, заезжая лошадь.

[30] Креса с польского на русский значит черта.

[31] Лахманка с польского на русский — ветошь.

[32] Набыти с польского на русский — нажить.

[33] Архив. мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1444—1413.

[34] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 48; История Малороссии, 1822, IV, 173.

[35] См. карту Исленьева 1779 года в нашем труде «Вольности запорожских козаков», Спб., 1890.

[36] Антонович, Монографии, Киев, 1895, I, 245.

[37] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1470—1439.

[38] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1470—1439.

[39] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1705, св. 15, № 1471—1440.

[40] Как справедливо полагают, до балки Большого Сухого Ташлыка: Объяснительная записка к карте Елисаветградской провинции 1772—1774 в Записках одесского общества истории и древностей, XIV.

[41] Здесь разумеется речка Сухой Еланец, впадающая в Буг: см. ту же объяснительную записку к карте Елисаветградской провинции.

[42] Бекеневский, иначе Белый брод, где Белые Криницы, или Белые Колодези; Летопись Величка, Киев, III, 483—485; Акты южной и западной России, XII, 701.

[43] Полное собрание законов, том IV, статья 2077, стр. 324.

[44] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 51.

[45] Архив мин. юстиции, 1706, кн. 96, л. 503; Архив мин. ин. дел, 1705, св. 15, № 1471—1440.

[46] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1432—1523.

[47] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 16, № 20.

[48] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1531—1500; Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 54.

[49] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1531—1500; см. также Бантыш-Каменского Источники, II, 56.

[50] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1538—1507.

[51] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1548—1517.

[52] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1548—1517, 1549—1518.

[53] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1551—1520.

[54] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1707, св. 19, № 40.

[55] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1707, св. 19, № 40.

[56] Архив мин. ин. дел, мал. подл. акты, 1706, св. 15, № 1555—1524.

[57] Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, III, 83.

[58] Архив мин. ин. дел, 1707, св. 19, № 22; Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 57—61; История Малой России, Москва, 1822, IV, 183; Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 172.

[59] По словам донского атамана Григорьева, Булавин объявился в Сичи в 1707 году в Филиппов пост; Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 171.

[60] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 170.

[61] Теперь село Вороная, имение М. Н. Миклашевской Екатеринославской губернии Новомосковского уезда.

[62] То есть на вершину реки Самары, где рос Черный лес, выше речки Вороной.

[63] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 22, № 4.

[64] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 22, № 4.

[65] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 156.

[66] Бантыш-Каменский Источники, Москва, 1857, II, 156.

[67] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 23, № 32.

[68] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 24, № 36; тоже у Бантыш-Каменского, Источники, Москва, 1857, II, 170; История М. России, 1822, III, 232; у Маркевича, История Малой России, Москва, 1842, IV, 209—213.

[69] Теперь слобода Ямполь Изюмского у. Харьковской губернии.

[70] Архив мин. юстиции, 1708, кн. 104, л. 220, 238.

[71] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 24, № 39; тоже у Бантыш-Каменского, Источники, Москва, 1857, II, 171; История Малой России, 1822, V, 235; у Маркевича, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 213.

[72] Соловьев, История России, Москва, 1865, X, 243, 257; Брикнер, История Петра Великого, Спб., 1882, II, 322.

[73] Они оставлены были при больных и лошадях в городе Конотопе.

[74] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 23, № 32.

[75] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 22, № 4.

[76] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 22, № 4.

[77] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 22, № 4.

[78] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 165.

[79] Чтения Московск. общ. истории и древн., 1859, I; Дело Кочубея, Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 106, 107.

[80] Пузыревский, Развитие постоянных регулярных армий в веке Людовика XIV и Петра Великого, Спб., 1889, 297—302; Костомаров, Мазепа, Спб., 1885, 501, 507, 525, 442, 449, 463, 473, 505.

Глава четырнадцатая

[1] Величко, Летопись, Киев, 1848, I, 311.

[2] Величко, Летопись, Киев, 1851, II, 30—35.

[3] Величко, Киев, 1851, II, 224, 343—346; Акты, XII, 441—446, 493—498.

[4] Акты, VI, 190—191, 231, 232; Величко, I, 387, 390.

[5] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 26, № 131. Эта же грамота приведена у Голикова (Дополнение к деяниям Петра В., Москва, 1792,

VIII, 149), но и неполно и далеко неточно.

[6] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 26, № 133.

[7] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 104. Шведский историк Нордберг говорит, что царь послал запорожцам 60 000 флоринов, и они за то обещали быть вполне нейтральными; Histoire de Charles XII, à la Haye, M. DCCXZVIII, II, 283.

[8] Чтения москов. общества истории и древн., 1848, № 8, 21; № 6, 44.

[9] Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 294.

[10] Соловьев, История России, Москва, 1881, XV, 314.

[11] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 18.

[12] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 25, № 91.

[13] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 25, № 92. Григорий Рогуля в это же время 1708 года в ноябре писал письмо войсковому канцеляристу Самойлу Величку по поводу купли для Величка коня. По-видимому, Самойло Величко одно лицо с известным Величком, автором четырехтомной малороссийской летописи; Архив мин, ин. дел, малор. дела, 1708, св. 25, № 92.

[14] То есть мучение или смертоубийство.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 25, № 91. О том же у Нордберга Histoire de Charles, à la Haye, 1748, II, 283.

[16] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1708, св. 25, № 89. Впрочем, это жалованье не успело дойти в Запорожскую Сичь, и об нем писано было в 1709 году 24 октября, что «та запорожская дача положена указом великого государя на другие козацкие же дела»; Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 28, № 57.

[17] Почему Гордиенко отказывался от булавы, Черняк и его спутники к тому «не прислушались».

[18] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 9.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 18.

[20] По более точным показаниям из Сичи в оба Кодака вышло 4000 человек.

[21] У Судиенка вместо «Кодак» напечатано Казань, II, 320—324.

[22] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 9.

[23] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 9; то же в Материалах Судиенка, II, 320—324.

[24] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 102.

[25] Судиенко, Материалы, Киев. 1855, II, 100.

[26] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 9.

[27] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 18; св. 28, № 23.

[28] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 324, 115, 116; Голиков, Дополнение к Деяниям Петра Великого, Москва, 1792, VIII, 201.

[29] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, №№ 5 и 9.

[30] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, III, 277.

[31] Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1792, VIII, 210.

[32] Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1792, VIII, 210, 212.

[33] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 325.

[34] Соловьев, История России, Москва, 1871, XV, 315.

[35] Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1792, VIII, 212.

[36] Костомаров, Мазепа, Спб., 1885, 505. Дела государственного архива, кабинетские дела, № 8.

[37] Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1792, VIII, 213.

[38] У Нордберга он называется козак Hluk, но по русским источникам Фляка или Пляка; Летопись Самовидца, Киев, 1878, 190.

[39] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1848, II, 384.

[40] Так показывал очевидец запорожский козак Василий Микифоров, бывший в походе с Гордиенком, но из Переволочны ушедший в Голтву; Архив мин. ин. дел, 1709, св. 27, № 18.

[41] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 5.

[42] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 336.

[43] Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 245.

[44] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 18.

[45] Nordberg, Histoire de Charles XII, 1748, II, 284, 285.

[46] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 28, № 25.

[47] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 123.

[48] Список населен. мест, Полтавская губ., Спб., 1862, 49.

[49] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 285.

[50] По Адлерфельду 115 драгун, по донесению Шереметева только 15; Adlerfeld, Histoire de Charles, XII, Amsterdam, 1740, III, 429; Бантыш-Каменский, История М. России, 1822, IV, 19. По Нордбергу запорожцы изрубили у Кобеляк 40 человек москалей и несколько человек взяли в плен, возле Царичанки убили и потопили более 1000 человек, не считая пленных 150 человек, сам начальник драгун едва спасся бегством, имея при себе несколько (у Адлерфельда 400) солдат.

[51] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 333.

[52] Nordberg, Histoire de Charles XII, 1748, II, 285—290.

[53] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 336.

[54] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 283—286.

[55] Обычай этот, нужно думать, усвоен был запорожцами от крымских татар: послы крымского хана, приезжавшие в Москву и получавшие приглашение к царскому столу, так же точно хватали после обеда посуду, какая кому нравилась.

[56] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286.

[57] Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, VI, 297.

[58] Adlerfeld, Histoire militaire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 429.

[59] Самого Гордиенка и старшин угощали при дворе на двух столах.

[60] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 284; Adlerfeld, Histoire militaire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 429.

[61] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 333.

[62] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286—288.

[63] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 286—288.

[64] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 291.

[65] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, I, 6, 8 10.

[66] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 328, 330, 331.

[67] Соловьев, История России, Москва, 1865, XV, 366, 407; Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1792, VIII, 216.

[68] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 119.

[69] Соловьев, История России, Москва, 1865, XV, 366.

Глава пятнадцатая

[1] У Костомарова (Мазепа, 516) он называется Яковом, но в актах именуется Михайлом; Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 9.

[2] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 27, № 5.

[3] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 281.

[4] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 281.

[5] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 281.

[6] Соловьев, История России, Москва, 1865, XV, 355.

[7] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 125.

[8] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 334.

[9] Шведский историк Адлерфельд, участник похода Карла XII в Россию, говорит, что битва шведов с русскими была 13 апреля в Соколке: «le 13, il y eut une action près de la Worskla à Sokolka»: Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 434.

[10] По русским источникам 4000 человек шведов.

[11] Что это за Белая — неизвестно; может быть Белики, но они стоят выше Кобеляк на левом берегу Ворсклы, а Кобеляки на правом.

[12] По показанию одного шведского драгуна, взятого русскими в плен, запорожцы стояли за рекой Ворсклой и, видя бой русских со шведами, только кричали, а потом, не бившись с русскими, назад убежали; Судиенко, Материалы, Киев, 1855, III, 338, 331.

[13] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 297.

[14] Nordberg, Histoire de Charles XII, à la Haye, 1748, II, 296—298.

[15] Голиков, Деяния Петра Великого, Москва, 1788, III, 82.

[16] Nordberg, Histoire de Charles XII, 298; Судиенко, Материалы, II, 335.

[17] Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1792, VIII, 325.

[18] Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 299.

[19] Костомаров, Мазепа, С.-Петербург, 1855, 521.

[20] Голиков, Деяния Петра Великого, Москва, 1788, III, 83.

[21] По письму Шереметева к Скоропадскому Переволочну брал полковник Шарф с солдатами и драгунами, высланный Яковлевым и Волконским; Судиенко, Материалы, II, 332.

[22] Nordberg, Histoire Charles XII, à la Haye, 1748, II, 298.

[23] Записки одесского общества истории и древностей, IX, 441.

[24] Костомаров, Мазепа и мазепинцы, Спб., 1885, 530.

Бантыш-Каменский, Материалы, Москва, 1859, II, 55; Лазаревский, Очерки малороссийских фамилий: Русский архив, 1875, I, 318—325.

[26] Ригельман, Летописное повествование, Москва, 1847, III, 52.

[27] Чтения московского общ. истории и древностей, 1848, № 6, 44.

[28] Архив министерства иностранных дел, мал. дела, 1710, № 3.

[29] Архив мин. юстиции, разряд московского стола, 1709, св. 50, № 17.

[30] Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., VIII, 240, 241.

[31] Под Полтаву царь прибыл июня 4 дня, а потому, очевидно, грамота писана только по повелению, но не в присутствии царя.

[32] Документ попорчен от времени, а потому на месте порчи ставится, как обыкновенно принято, многоточие.

[33] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1709, св. 28, № 34.

[34] Журнал Петра Великого, С.-Петербург, 1770, I, 208.

[35] Голиков, Дополнение к Деяниям, Москва, 1792, VIII, 241.

[36] Голиков, Деяния Петра Великого, Москва, 1788, III, 90.

[37] Чтения московского общ. истории и древностей, I, 221, 227.

[38] Архив мин. ин. дел, малороссийские дела, 1709, св. 28, № 36; Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1792, VIII, 243—250; Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, IV, 186—193; Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 239—300. У Голикова, Каменского и Маркевича настоящая грамота напечатана и неполно и с большими искажениями.

[39] Судиенко, Материалы, Киев, 1852, II, 133.

[40] Последняя дана ему в 1713 году.

[41] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 56.

Глава шестнадцатая

[1] Бантыш-Каменский, История Малой России, Москва, 1822, IV, 20.

[2] Пузыревский, Развитие постоянных регулярных армий, Спб., 1889, 303.

[3] Adlerfeld, Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 445.

[4] Adlerfeld, Histoire de Charles XII, Amsterdam, 1740, III, 458.

[5] Подробности о полтавском сражении до истории запорожских козаков не относятся. О самой битве можно найти точный рассказ в Журнале Петра Великого, Спб., 1770, I; в сочинении Богдановича: Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова, Спб., 1846; в книге

Павловского и Старковского, Полтавская битва, Полтава, 1895.

[6] Ригельман, Летопис. повествование, III, 83; Голиков, Дополнение, XVI, 19.

[7] По Ригельману король для собственной переправы приказал сломать в Переволочне церковь и несколько строений и сделать из бревен плот. Летопись, III, 83; Записки одес. общ. истории и древностей, III, 310.

[8] Где именно переправлялись беглецы через Днепр — на это существует два ответа. По одному ответу переправа произошла в самой Переволочне (Fryxel, Lebensgeschichte Karls XII, 179, 181); по другому, на три версты к западу от Переволочны, у теперешней сл. Тахтаевой, на том же берегу Днепра, где стоит и Переволочна: у Тахтаевой Днепр сравнительно неглубок, усеян небольшим числом песчаных островков и не шире одной версты (Записки одес. общ. ист. и древн., III, 310. См. также Записки Манштейна, М., 1823, I, 227). Против Переволочны, на правом берегу Днепра, стоит с. Днепровокаменка, происхождения половины XVIII века. Против Тахтаевой виднеется открытая песчаная пустошь и на 2 версты ниже пустоши — древнее селение Мишурин Рог. Днепр между Переволочной и Днепровокаменкой шире, нежели между Тахтаевой и Пустошью, зато тут на нем расположены параллельно, во всю ширину, от берега до берега 3 больших острова, представляющих большое удобство для переправы; против Тахтаевой Днепр хотя и уже, нежели против Переволочны, но на нем имеется два острова и они расположены вблизи левого берега. Местное предание говорит за переправу против Днепровокаменки, в то время еще не существовавшей. На эту мысль наводит еще и то обстоятельство, что в днепровокаменском участке, вдоль Днепра не более как 60 лет тому назад, существовали непроходимые леса. А такие именно леса беглецам и нужны были: в них они нуждались более, чем в самых удобствах переправы, чтобы скрыться от страшной по со стороны русских. Прусский историк Сильтман говорит о вязкой и болотистой почве правого берега Днепра, на который ступили шведы при переправе; а это скорее относится к месту, где находится Днепровокаменка, нежели к песчаной пустоши выше Мишурина Рога.

[9] Голиков, Деяния Петра В., Москва, 1788, III, 116, 117; Fryxel, Lebensgeschichte Karls XII, Braunschweig, 1861, I, 186.

[10] Журнал Петра Великого, С.-Петербург, 1770, I, 217.

[11] Голиков, Деяния Петра Великого, Москва, 1788, III, 116, 117.

[12] Fryxel, Lebensgeschichte Karls XII, Braunschweig, 1861, I, 189.

[13] Голиков, Дополнение к Деяниям Петра В., Москва, 1795, XVI, 53.

[14] Судиенко, Материалы, II, 158; Костомаров, Мазепа, 1885, 669.

[15] Полагают в трех верстах от ода Николаева, в Спасске.

[16] Вероятно, к этому времени относится указание о нападении запорожцев «тайнымъ» способом на местечко Ягорлык Рашковской сотни и о захвате ими в свои руки «тамошняго» губернатора: Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 141, 142.

[17] Записки одесского общества истории и древностей, III, 321.

[18] Ригельман, Летописное повествование, Москва, 1847, 90, 94.

[19] Соловьев, История России, Москва, 1866, XVI, 37.

[20] Архив московского отделения главного штаба, дела кн. Потемкина-Таврического, опись 194, связка 181, № 5.

[21] Эварницкий, Запорожье, С.-Петербург, 1888, II, 91.

[22] Мазепа умер 22 августа 1709 года, и тело его сперва опущено было в Галаце, а потом погребено в столице Молдавии Яссах.

[23] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1859, II, 245—254; История Малой России, 1822, IV, 206—222; Маркевич, История Малороссии, Москва, 1842, IV, 315—338; Чтение московского общества истории и древностей, 1859, I, 242—254.

[24] Маркевич, История Малороссии, 1822, IV.

[25] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1857, II, 242—257, 241; История Малой России, Москва, 1822, IV, 205, 223—225.

[26] Костомаров, Мазепа, С.-Петербург, 1885, 628.

[27] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 160, 151.

[28] Соловьев, История России, Москва, 1866, XVI, 38—40.

[29] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 16.

[30] Любо вместо альбо, а albo с польского на русский значит хотя.

[31] Lecz с польского на русский значит однако.

[32] Żeby или Żebyst с польского на русский значит чтобы.

[33] Powtore с польского на русский вторицею или во-вторых.

[34] Iż с польского на русский значит что.

[35] Кгди то же, что кеды, т. е. когда, по-польски kędy.

[36] На поле документа приписано «источникъ».

[37] Врожаный от польского wrażac — вонзать, вкоренять.

[38] Зради — с польского zdrada — измена.

[39] Невдячник от польского niewdzięcznik — неблагодарный человек.

[40] Личит то есть считает.

[41] Вытай, вероятно, от польского witać — приветствовать, поздравлять, т. е. здравствуй, узник добровольный.

[42] Подлуг — сообразно.

[43] Уподобанье — желание, произвол, соизволение.

[44] То есть: «и давно ли».

[45] Słuszność с польского на русский справедливость.

[46] Здорожный от польского zdradny изменнический, неверный.

[47] Obawiać się с польского на русский значит опасаться.

[48] Powod с польского на русский — повод, побуждение.

[49] Obrada с польского на русский — совет, совещание.

[50] Ponieważ — поелику, потому что.

[51] Sumnienie или sumienie — с польского на русский значит совесть.

[52] Porachować — рассчитать, сосчитать, попытать, посоветоваться, спросить.

[53] То есть дарованием через грамоты на Украйне имений.

[54] То есть имея заслоненные и залепленные очи и разум.

[55] Вероятно, от польского zas, но, же, опять, как, возможно ли.

[56] Zwłaszcza с польского на русский — особливо, тем более.

[57] Potłumic с польского на русский — укротить, смирить.

[58] Upewniać с польского на русский — уверять, заверять.

[59] То есть каждому человеку не пережить назначенного ему веку.

[60] Skutek с польского на русский значит действие, дело.

[61] Obrać с польского на русский — обобрать, облупить.

[62] Wszak с польского на русский — однако же, конечно.

[63] Tłumaczyć с польского на русский — толмачить, толковать.

[64] Opasać с польского на русский — опоясать, обвести, обнести, окружить.

[65] Gwałt с польского на русский — насилие.

[66] Dołegliwość с польского на русский — притеснение, угнетение.

[67] То есть: как сооружением фортецов.

[68] Kosztowny с польского на русский — дорогой, ценный.

[69] Это слово в подлиннике неясно.

[70] Uwaga с польского на русский — уважение, рассмотрение.

[71] Вручался или втручался, от польского wtrącać — вмешиваться.

[72] Według с польского на русский — возле, по, сообразно.

[73] Trapić с польского на русский — мучить, терзать.

[74] Zażywać с польского на русский — употреблять.

[75] Uskarżać с польского на русский — жаловаться.

[76] Wątpić с польского на русский — сомневаться, колебаться.

[77] Sumnienie или sumienie с польского на русский совесть.

[78] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1710 год, № 3.

[79] Намек на то, что Галаган впервые доброе имя и чин полковничий получил в Запорожской Сичи до ее разгрома.

[80] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1710, № 3.

[81] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1710, св. 30, № 42.

[82] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 160.

[83] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 304; Петров Петр Великий, Спб., 1872, 98.

Глава семнадцатая

[1] Марта 6 числа царь уехал к войску через Вязьму в Слуцк; августа 5 царь оставил войско и направился для лечения в Карлсбад.

[2] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 30.

[3] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 179.

[4] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 187.

[5] Полковник Апостол был сперва на стороне Мазепы, потом покинул его и перешел к царю; поэтому Орлик, осуждая в то время Мазепу в своем письме, осуждал и Апостола. Оттого-то царь, оставляя в письме Орлика имя Мазепы, приказал имя Апостола «подчернить», т. е. затереть, так как Апостол с Мазепой теперь уже ничего общего не имел.

[6] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 182.

[7] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 29.

[8] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 33—36.

[9] Летописное повествование, Москва, 1847, III, 112.

[10] Костомаров, Мазепа, С.-Петербург, 1885, 632.

[11] Он называется то атаманом Алистратенком, то кошевым Елистратом; Судиенко, Материалы, II, 310, 437—439.

[12] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 437—439.

[13] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 351.

[14] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 358, 45.

[15] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 41.

[16] Соловьев, История России, Москва, 1866, XVI, 92, 110—111; Марκевич, История Малороссии, Москва, 1842, I, 459; приложения; Южнорусские летописи, изданные Белозерским, Киев, 1856, I, 90.

[17] Чтения общества истории и древностей, 1878, 64.

[18] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 44.

[19] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 449.

[20] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 50.

[21] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 370, 372.

[22] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 310.

[23] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 372, 375.

[24] В подлинниках эта фамилия пишется то Нестулей, то Несталей.

[25] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1713, св. 35, № 30.

[26] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 52.

[27] Ахмет III был бесхарактерный человек и то настаивал на удалении Карла из Турции, то вновь дозволял ему оставаться в ней, обнадеживая на скорую войну с русским царем.

[28] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 380.

[29] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 381.

[30] Соловьев, История России, Москва, 1866, XVI, 127.

[31] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 385.

[32] Соловьев, История России, Москва, 1867, XVII, 39.

[33] Костомаров, Мазепа, С.-Петербург, 1885, 677. Странно поэтому читать у Ригельмана рассказ о том, что в 1716 году «измѣнникъ Орликъ обще съ татарами и запорожцами, дѣлал въ Украйну нападеніе, для чего Скоропадскій все лѣто простоялъ и зимовать долженъ былъ в Гадячѣ»; Летописное повествование, Москва, 1847, III, 113.

[34] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1714, св. 36, № 44.

Глава восемнадцатая

[1] Кто был в то время кошевым атаманом — в документе не говорится; может быть, то был Василий Иосифов, который в 1714 году называется бывшим кошевым атаманом, подававшим царю петицию; Судиенко, Материалы, II, 459.

[2] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 214, 227.

[3] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 214, 227.

[4] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 227.

[5] Малашевич был родом из города Золотоноши Полтавской губернии; Собрание сочинений Максимовича, Киев, 1877, II, 282.

[6] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 459.

[7] Восьмой, Стецько Калис, собственно подошел потом из Сичи, но он в «томъ радунку» не был.

[8] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1715, св. 37, № 33.

[9] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1714, св. 36, № 42.

[10] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1714, св. 36, № 44.

[11] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1715, св. 1а, № 1; Записки одес. общ. истории и древностей, XIV, 283—285; Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 66, 67, 77, 79.

[12] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1715, св. 1а, № 2.

[13] Архив мин. ин. дел, крымские дела, 1715, св. 1а, № 3.

[14] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 241.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1716, св. 38, № 21.

[16] Во всех предыдущих и последующих письмах кошевые подписываются с «Коша» без обозначения на каком именно месте.

[17] Oszukać — с польского на русский «обманывать, обольщать, надувать».

[18] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1716, св. 38, № 37.

[19] Pewność с польского на русский значит достоверность, подлинность, твердость.

[20] Podufały или poufały с польского на русский значит коротко знакомый, дружный, приятельский.

[21] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1716, св. 38, № 37.

[22] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1716, св. 38, № 37.

[23] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1716, св. 38, № 37.

[24] Ригельман, Летописное повествование, 1847, III, 114.

[25] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1717, св. 39, № 20.

[26] Может быть, того самого, который раньше называется кошевым Алистратенком и действовал в 1711 году на реке Самаре против русских городков.

[27] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1717, св. 39, № 20.

[28] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1717, св. 39, № 20.

[29] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 260.

[30] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 263.

[31] Судиенко, Материалы, Киев, 1855, II, 470—472.

[32] Записки одес. общ. истории и древностей, V, 842.

[33] Записки одес. общ. истории и древностей, V, 842.

[34] При Мазепе Мирович был генеральным бунчужным, при Орлике — генеральным асаулом.

[35] Архив мин. ин. дел, 1720, св. 44, № 21; Соловьев, История России, Москва, 1866, XVI, 384.

[36] Бантыш-Каменский, Источники, Москва, 1859, II, 302; История Малой России, 1822, IV, 256; Маркевич, История Малороссии, 1842, IV, 354.

[37] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1720, св. 44, № 21.

[38] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1720, св. 44, № 21.

[39] Соловьев, История России, Москва, 1866, XVI, 384.

[40] Бантыш-Каменский, Источники, 1857, II, 303; История Малой России, 1822, IV, 237; Маркевич, История Малороссии, 1842, IV, 356—359.

[41] Архив мин. ин. дел, 1720, св. 45, № 65.

Глава девятнадцатая

[1] Архив мин. юстиции, 1720, дела сенатские по мал. экспедиции.

[2] Неизвестно, носил ли кошевой атаман подлинную фамилию Титаровского или эта фамилия дана ему от куреня Титаровского, к которому он мог принадлежать, но в 1723 году марта 6 дня был кошевым Василий Тамарский; Записки одес. общ. ист. и древн., VII, 303.

[3] Акты истории войска донского, Новочеркасск, 1891, 300.

[4] Полный свод законов, том VI. 1725, апр. 22, 4700.

[5] Как кажется, он же Паско или Павел Сидоренко одно и то же лицо — это видно из письма запорожского полковника Иванца от 5 апреля, где полковник называет кошевого просто Паском, и из письма самого кошевого от 11 апреля, где он подписался Павлом Сидоренком; Архив мин. ин. дел, 1728, св. 62, № 22.

[6] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, св. 62, № 22.

[7] Неизвестно, была ли это фамилия козака или звание, которое он мог носить: довбыш или добош значило у запорожцев литаврщик, но в акте это слово написано с большой буквы.

[8] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, св. 62, № 22.

[9] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, св. 62, № 22.

[10] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, мая 27, св. 62, № 27.

[11] Записки одесского общества истории и древн., XIV, 289.

[12] Записки одесского общ. ист. и древн., XIV, 287, 289.

[13] Соловьев, История России, Москва 1885, XIX, 196.

[14] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, св. 62, № 22.

[15] Записки одесского общ. ист. и древн., XIV, 286.

[16] Соловьев, История России, Москва, 1885, XIX, 195.

[17] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, св. 62, № 22.

[18] С января по 1 октября 1728 года, по рапорту генерал-фельдмаршала князя Голицына, в города Малой России и слободские полки ушло 758 человек козаков.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, св. 62, № 22.

[20] Соловьев, История России, Москва, 1885, XIX, 197.

[21] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1728, св. 62, № 22.

[22] Записки одесского общ. ист. и древн., VII, 300, июня 28 дня 1728 г.; Соловьев, История России, Москва, 1885, XIX, 197.

[23] Документ, относящийся к этому делу не датирован годом: под ним поставлено в реестре «около 1730 года».

[24] По имени Арслан.

[25] Архив мин. ин. дел, крымские дела, около 1730, св. 1в., № 2.

[26] Очевидно в Крыму остался после ухода запорожцев на старую Сичь другой кошевой, быть может Гордиенко, вернувшийся туда из старой Сичи.

[27] Архив мин. ин. дел, крым. дела, около 1730 г. св. 1в, № 2.

[28] Киевская Старина, 1882, III, июнь, 179, 180.

[29] Скальковский, История Новой Сичи, Одесса, 1885, II, 39.

[30] Записки одес. общ. истории и древностей, XIV, 294.

Глава двадцатая

[1] Мышецкий, История о козаках запорожских, Одесса, 1852, 21—27; Максимович и Щекатов, Новый географический словарь, Москва, 1888, II, 4—45; Киевская Старина, II, апрель, 123.

[2] Соловьев, История России, Москва, 1887, XX, 75.

[3] Соловьев, История России, Москва, 1887, XX, 73, 74.

[4] В подлиннике место для имени и фамилии кошевого атамана оставлено свободным.

[5] Именно после этих слов и оставлено свободное место для имени кошевого атамана; в документе, приведенном в Истории Малой России Б. Каменского (1882, IV, 227), поставлено в этом месте «Ивану Малашевичу».

[6] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1733, св. 69, № 3.

[7] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1733, св. 69, № 9, 4.

[8] То есть атамана Коneловского куреня.

[9] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1733, св. 69, № 4.

[10] Киевская Старина, 1882, апрель, 125—129.

[11] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[12] В то время Турция вела войну с Персией.

[13] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[14] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[15] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[16] То есть урочище Базавлук.

[17] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[18] То есть приверженцы короля Станислава Лещинского.

[19] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[20] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

Глава двадцать первая

[1] Каушаны — местечко Бендерского уезда в Бессарабии, летняя резиденция крымских ханов и центральная ставка ногайских сираскеров буджацкой орды.

[2] Находясь за границей, Орлик не знал подлинно многих событий на Украине и составил себе почему-то представление о том, будто бы Апостол взят был в тюрьму и там умер, чего, однако, с ним не было.

[3] Разумеется, полковник Игнат Галаган, разоритель Чортомлыцкой Сичи.

[4] Киевская Старина, 1882, апрель, т. II, 108—116.

[5] Киевская Старина, 1882, апрель, II, 122—124.

[6] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[7] Киевская Старина, 1882, апрель, II, 119- 121.

[8] Хотя запорожцы «за невинность свою приносили присягу предъ бусурманскими судами, но не имѣли ни въ чемъ вѣры и тѣми присягами только души попроклинали».

[9] Киевская Старина, 1882, апрель II, 122 124.

[10] Киевская Старина, 1882, IV, 129—132.

[11] Хранится в Московском отделении архива главного штаба: дела кн. Потемкина-Таврического, 1734 г., опись 194, связка 181, № 5. Транскрипция документа передается буква в букву, автор позволил себе только расставить знаки препинания и поставить начальные большие буквы в собственных именах.

[12] Это слово в подлиннике написано так: первая латинская буква «g», а две русские — «ды».

[13] То есть саксонца; разумеется король Август II (1733—1763), родом саксонский курфюрст.

[14] С показанием приведенного документа не согласуется рассказ Б. Каменского, который передает (История, 1822, IV, 38, 41; 1842, III, 124, 126), что после разорения Чортомлыцкой Сичи, запорожцы сперва поселились в 1709 году при устье р. Каменки, впадающей в Днепр; но оттуда, во время похода русских против турок, изгнаны были в 1711 году Скоропадским и Бутурлиным, охранявшими границы у Каменного Затона от нападения неприятеля, и поселились в Алешках, где пробыли до 1733 года. При этом историк делает ссылку на малороссийские дела московского архива мин. иностр. дел за 1709 год, № 34 и 1711, № 4. Сверяя эти ссылки с имеющимися в настоящее время в Архиве делами под показанными годами и нумерами, мы находим совершенно несоответствующие обстоятельствам документы, а потому считаем более основательным держаться показания кошевого Малашевича и верить в то, что после разорения в 1709 году Сичи запорожцы с Чортомлыка перешли прямо в Алешки. Фактов, о которых говорит Б. Каменский, не отмечает в своей Истории России и Соловьев; т. XV, 1865, глава V; т. XVI, 1866, главы I и III. Костомаров передает то же, что и Б. Каменский, но не

ссылается ни на какой источник: Мазепа, 1885, 623.

[15] Место Каменской Сичи находится в имении землевладельца Херсонского уезда Михаила Федоровича Огаркова Консуловке, или Разоровке, ниже большого села Мелового, как раз при впадении речки Каменки в реку Днепр, между левым берегом Каменки и правым берегом Днепра.

[16] Эварницкий, Запорожье, С.-Петербург, 1888, II, 117.

[17] Как например: отец называется Карпо, сын — Карпенко, отец Нечипор, сын — Нечипоренко, отец Сидор — сын Сидоренко.

[18] Мышецкий, История о козаках запорожских, Одесса, 1852, II, 34, прим. 42.

[19] Киевская Старина, 1882, IV, 129—132.

[20] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[21] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[22] В письме бендерского паши Нумана к графу Вейсбаху: «Въ мѣстѣ имянуемомъ Базагылыке».

[23] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[24] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[25] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[26] Архив мин. ин. дел, мал. дела, 1734 и 1735, св. 69, № 6.

[27] Чтения московского общества ист. и древн., 1848, № 6, 45.

[28] Чтения московского общества истории и древн., 1848, № 6, 44, 45; № 8, 21, 22; Мышецкий, История о козаках запорожских, Одесса, 1852, 27—30.

[29] Архив министерства иностранных дел, малороссийские дела, 1734 год, связка 69, № 5.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ КО ВТОРОМУ ТОМУ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖСКИХ КОЗАКОВ

На 217 странице второго тома Истории запорожских козаков, в выноске 3-ей, пропущена ссылка на Акты московского государства (Спб., 1890, 1, 514), в одном из коих документов рассказывается об убиении атамана Гири Каневца июня 3 дня 1633 года государевыми ратными людьми, предводимыми Наумом Пушкиным.

К странице 50-й, где говорится о казни в 1578 году польским королем Стефаном Баторием козацкого предводителя Ивана Подковы, имеются любопытные подробности в Записках академии наук (Приложение к XVI тому, Спб., 1870, 6—8), извлеченные из итальянских архивов. «Уѣзжая изъ Варшавы въ Рову въ Мазовіи, король приказалъ привести туда Подкову, бывшаго князя Валахіи, и содержать его тамъ подъ стражею; отсюда его привели во Львовъ, куда прибыли чаушъ и посланникъ валашскій, поднесшій королю 50 быковъ, нѣсколько бочекъ вина и превосходныхъ лошадей. Оба посла требовали головы Подковы. Въ понедѣльникъ, 16 іюня, рано утромъ король выѣхалъ изъ города, отправляясь будто-бы на охоту. Перед отъѣздомъ онъ отпустилъ изъ предосторожности чауша и приказалъ вооружить горожанъ и затворить городскія ворота; ибо ему внушалъ подозрѣніе необыкновенный наплывъ вооруженнаго народа, пришедшаго видѣть Подкову. По отъѣздѣ короля и по принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, около 14 часа былъ приведенъ несчастный князь (Подкова) съ свободными руками, по особой милости, дарованной ему по прочтеніи смертнаго приговора. Прошедшись два раза по месту казни, поглаживая бороду, посматривая на народъ, безъ боязни смерти, Подкова просилъ народъ утихнуть и, когда водворилось спокойствіе, обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Господа поляки, я приведенъ на казнь, и не знаю за что, ибо не вѣдаю за собой никакой вины, заслуживающей такого наказанія. Знаю только одно, что я всегда сражался храбро и почтенно противъ враговъ христіанскаго имени и всегда старался о выгодахъ и пользѣ для отечества нашего; быть оплотомъ противъ невѣрныхъ было постоянно моею мыслью, удержать ихъ въ границахъ ихъ и не дозволить имъ переправляться

черезъ Дунай; но не могъ привести въ исполненіе своей задуманной мысли, Богъ вѣдаетъ по какой причинѣ, преимущественно-же по винѣ того, довѣрившись коему, я пришелъ сюда [1]; но надѣюсь на Бога, что онъ казнитъ измѣнника за невинную мою кровь. Знаю одно только, что я долженъ умереть отъ руки палача, ибо такъ приказалъ поганый песъ турокъ вашему королю, своему слугѣ, а король вашъ — палачу. Смерть мнѣ ни по чемъ. Но памятуйте, что не пройдетъ много времени, и вы не избѣжите моей участи и, по волѣ этого поганаго пса, будутъ отправлены въ Константинополь ваши имущества, ваши головы и головы вашихъ королей». Помолчавъ немного, онъ сталъ просить, чтобы не причинили никакого зла восьми его слугамъ и товарищамъ, всегда храбро сражавшимся за республику, и дозволили имъ похоронить его тѣло. Въ народѣ былъ слышанъ плачъ и ропотъ; но не было возможности подать ему помощь. Онъ выпилъ за здоровье земляковъ чашу вина, поднесенную ему однимъ изъ товарищей, еще два раза прошелся и подошелъ къ плахѣ. Замѣтивъ солому, посланную ему подъ ноги, онъ воскликнулъ: «Боже мой, неужели я недостоинъ преклонить колѣна на что-либо благородное», и съ этими словами приказалъ стражѣ принести изъ дому коверъ. Съ молитвою на устахъ, безъ боязни, онъ ждалъ смертнаго удара. Отрубленную голову его трижды показали народу. Народъ рыдалъ и ропталъ; но долженъ былъ смолкнуть передъ направленными противъ него дулами ружей. Слуги Подковы пришили къ тѣлу его голову, положили трупъ въ изготовленной имъ самимъ зеленый гробъ и отнесли въ ближнюю православную церковь. Казнь Подковы произвела всеобщее неудовольствіе и много повредила королю въ глазахъ народа».

К странице 167-й может служить указание, извлеченное из рукописей библиотеки князя Боргезе в Ватиканском архиве (Киевская Старина, 1893, X, 158), о существовании в Запорожьи «старшого» Васселовича в промежуток времени между Нечковским и Байбузою. Это — подлинное письмо Васселовича от 1597 года, июня 15 дня. «Выражаемъ наше почтеніе наияснѣйшимъ и благороднѣйшимъ старостамъ и подстаростамъ его свѣтлости королевскаго величества, состоящимъ въ пограничныхъ владѣніяхъ, а также ихъ замѣстителямъ. Доводимъ до свѣдѣнія вашихъ властей, что повелитель перекопской орды татаръ со всѣми своими войсками явился 14 іюня въ часъ за завтрака къ переходу черезъ пороги и Туволзу [2], и вполнѣ вѣроятно, что они уже перешли черезъ Днѣпръ. У нихъ является смѣлое намѣреніе вообще сдѣлать набѣгъ на владѣнія его свѣтлости королевскаго величества и, если-бы они столь неожиданно не переправились, мы-бы успѣли увѣдомить о нихъ отдѣльныхъ господъ старостъ. Пусть знаютъ объ этомъ власти, пусть будутъ осторожны и пусть сообщатъ отдѣльнымъ областямъ, принадлежащимъ какъ его свѣтлости королевскому величеству, нашему все-

милостивѣйшему государю, такъ и городамъ князей и вельможъ, чтобы они не пренебрегали этимъ врагомъ христіанства, стремящимся опустошить его царство. Писано изъ Запорожья 15 іюня 1597 года. Пусть они не ожидаютъ отъ насъ сверхъ этого письма другого письма,— пусть удовлетворитъ ихъ и это. Н. Васселовичъ со всѣмъ своимъ запорожскимъ войскомъ».

На странице 217-й сказано о походе запорожцев в новгородскую землю, совместно с поляками для борьбы против русских. Во главе польских войск стоял в это время сам король Владислав IV, во главе русских — воевода Михаил Борисович Шеин. Главные действия сосредоточены были под городом Смоленском. Запорожские козаки, как подданные Речи Посполитой, воевали против русских, и в этом случае, кроме русских источников, прекрасным дополнением могут служить указания «Діаріуша», напечатанного в Варшаве в 1895 году под редакцией Рембовского (Biblioteka Ordynacyi Krasinskich, XIII, 30—32. Dyariusz woiny moskiewskiej z roku 1633).

Письмо из обоза на Глуще 16 сентября. Приезжали от козаков послы, прося об информации, что им прикажет делать король. Они мили $1^1/_2$ от нашего обоза стали обозом; им написано, чтобы гетман и старшина прибыли к королю за отобранием резолюции (приказа); насколько можно было узнать от их послов, их не может быть больше, как 15 000 (стр. 30). 17 сентября. Гетман запорожский с асаулами и сотниками приветствовали короля, обещая идти туда со своими молодцами, куда прикажет король. Гетману сказано, за дальнейшими приказами, прислать назавтра двух полковников, но однако быть готовыми идти табором туда, куда прикажет король (стр. 31).

Письмо ксендза Колудцкого от 23 сентября 1663 года. «Уже третій день стоимъ подъ открытымъ небомъ, не располагаясь лагеремъ, оставивши возы въ первомъ обозѣ,— это только и прибавлю. О козакахъ могу сообщить: я видѣлъ большую толпу, которой никто не могъ сосчитать: цѣлый день, когда проходили въ обозъ, тянулись по нѣсколько хоругвей вмѣстѣ, безъ надлежащаго порядка,— въ томъ только и весь порядокъ, что хоругви шли одна возлѣ другой, а не какъ толпа, получившая славу (turba reputanda), на войне. Они скорѣе походили на сатировъ, чѣмъ на цивилизованныхъ людей,— хлопы похожи другъ на друга, въ сѣрой одеждѣ, рѣдкіе в синей или червонной, кожа на ихъ тѣлѣ, какъ кора на деревѣ; презрѣніе къ жизни полное; больше заботы о горилкѣ (cremati), чѣмъ о жизни. Здѣсь, однимъ словомъ, есть что посмотрѣть. Они привезли съ собой 10 небольшихъ пушекъ, сейчасъ сдѣлали вылазку противъ непріятеля, добыли трехъ переднихъ офицеровъ и привели ихъ подъ руки къ королю; рѣчи не было, а только: «Королю, ось маешь нимцивъ»! (Но то были французы). Дано имъ два ведра меду и 20 твердыхъ талеровъ, остались довольны. Затѣмъ, когда

король подошелъ подъ самыя стѣны (Смоленска), ихъ раздѣлили на три части; одни остались въ старомъ обозѣ; другіе съ гетманомъ литовскимъ пошли подъ острогъ Прозоровскаго, а третьи — съ королемъ. На всѣхъ трехъ мѣстахъ оправдали ожиданія. Вотъ удальства, которыя они совершили при князѣ Радзивиллѣ: нѣсколько десятковъ человѣкъ, раздѣвшись до нага, переплыли на другую сторону Днѣпра, съ обнаженными саблями, къ непріятельскимъ шанцамъ, и посѣкли много москалей. Также одинъ изъ нихъ совершилъ слѣдующее удальство: когда нужно было на другой сторонѣ достать языка, пустился вплавь черезъ рѣку и залегъ въ водѣ, у берега; когда пришелъ къ водѣ одинъ москвитинъ, тутъ онъ схватилъ его за волосы, стащилъ въ воду и такъ съ нимъ переплылъ назадъ. Очень смѣшно этотъ козакъ разсказывалъ королю, какъ подстерегалъ его (москвитина) и какъ съ нимъ плылъ. Король далъ ему за работу нѣсколько ортовъ. Дѣйствительно, не каждому хочется купаться въ такую пору, какъ тѣмъ добрымъ людямъ. Король имъ очень радъ. Они не особенно выступаютъ на фронтъ, такъ какъ голый людъ, но изо рвовъ, изъ-за хвороста, часто Москвѣ (москалямъ) дѣлали непріятности; они имѣютъ свой шанцъ противъ Москвы (москалей), съ которыми очень сильно перестрѣливаются; тамъ-же поставили нѣсколько своихъ пушекъ. Какъ только устроится обозъ, они не будутъ праздны, пойдутъ въ непріятельскую землю. Отъ нихъ мы надѣемся достать провіантъ, такъ какъ и теперь рѣдкій часъ, чтобы они чего въ таборъ не притащили. Есть также и политики между ними: знатныхъ пановъ они задабриваютъ добычею, особенно скотомъ. Пріятно было-бы объ нихъ и больше написать, такъ какъ мы нашли въ нихъ больше, чѣмъ ожидали» (стр. 31—32).

К странице 576-й дополнением к рассказу о посольстве кошевым атаманом Иваном Сирком своего сына в Варшаву может служить подлинное дело, на польском языке, находящееся в Архиве коронного скарба при варшавской казенной палате (отдел III, книга VII, листы 453, 454), «Молодой Сирко (имя его, к сожалению, не названо в акте) явился въ столицу Польши съ большой свитой, въ числѣ 91, и пробылъ тамъ съ 12 сентября 1679 по 29 марта 1680 года. Въ это время съ нимъ приключилась какая-то болѣзнь, уложившая его на нѣсколько времени въ постель. Кромѣ собственныхъ козаковъ Сирка сопровождали приставъ Баратинскій, Заремба бѣлоцерковскій и какой-то отецъ протопопъ съ людьми. На всѣхъ прибывшихъ израсходовано было изъ короннаго скарба 16 877 злотых и 29 грошей. Сирку и его людямъ дано было 200 злотыхъ, Сирку и протопопу — 100, больному Сирку на матрасъ, одѣяло и подушку — 70, козаку Апостолу, отправленному въ Запорожье на дорогу — 250, на сукна для всѣхъ козаковъ, числомъ 91 человѣкъ, а также на атласъ и сукно для «старого» Сирка — 2 810 злотыхъ и 15 грошей: остальная сумма изъ общей 16 877 выдана была частію другимъ

спутникамъ Сирка, частію тѣмъ-же посланцамъ при отпускѣ ихъ до Бѣлой-Церкви».

Для полноты описания сношений кошевого атамана Григория Ивановича Еремеева с польским королем Яном Собеским в 1684 году («История запорожских козаков», II, стр. 602) может служить дело того же Архива коронного скарба, отдел III, книга VII, лист 582. В это время от кошевого атамана, называемого в польском акте Грыцьком, послано было три человека значных козаков, 1 писарь, 6 простых козаков и 17 лошадей, всего 101 человек. Они пробыли с 6 февраля и до конца этого месяца в Кракове, а из Кракова ездили в Яворов. Во время пребывания их в Кракове им было выдано на содержание в течение недели на всех 264 злотых; кроме того, старшим подарено было три куншуша, три жупана, четвертый жупан для писаря, 4 шапки; шести простым козакам подарены были три постава кернового сукна, шапки, кожухи и сапоги. В октябре месяце того же года являлись из под Скалата новые «экстренные» посланцы, 1 асаул и 2 козака, от какого-то полковника Грыцька, вероятно того же самого Григория Еремеева, бывшего раньше кошевым атаманом, а потом ставшего, как это часто водилось на Запорожьи, полковником. Это тем вероятнее, что октября 28 дня в русских актах Григорий Еремеев называется уже «бывшимъ» кошевым атаманом.

К странице 609, к вопросу о заключении в 1686 году вечного мира между Россией и Польшей, имеется подробное указание в IV томе Собраний государственных грамот и договоров (Москва, 1826, 529). «Къ россійскому-жъ нашему царствію отдалъ королевское величество и рѣчъ посполитая городы-тѣ вѣчно-жъ. Внизъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кадака, и тотъ городъ Кадакъ, и запорожской Кошъ, городъ Сѣчу, и живущіе въ нихъ козаки служилые и всякаго чина жители, и даже до Чернаго лѣсу со всѣми землями и рѣками и рѣчками и со всѣми принадлежащими угодьи, чѣмъ владѣли изстари запорожцы, которые всѣ тѣ вышеименованные городы и земли и войско запорожское, и весь малороссійскій народъ въ нашей царскаго величества преславной и преименитой державѣ вѣчно оставатися и быти имѣютъ неподвижно».

---

[1] Разумеется брацлавский воевода Ян Збаражский, поручившийся Подкове, что ему не будет никакого зла в Польше.

[2] То есть к Таволжанской заборе.

ПРЕДАНИЯ О КОШЕВОМ АТАМАНЕ ИВАНЕ СИРКЕ, ЗАПИСАННЫЕ В ПОЕЗДКУ ПО ЗАПОРОЖЬЮ ЛЕТОМ 1896 ГОДА

Про того Сірка — слава, слава і прослава... Сірко на три части захований: перша єго часть лежить отут саме, де Чортомлицька Січ; друга — під Кривим Рогом, а третя — під Полтавою. Він як умирав, так дав таку заповідь: «Як я помру, то отберіть у мене правую руку і носіть її сім год; хто буде мою руку носить сім год, то владітиме нею усе равно, як я й сам владію; а де случитця вам яка пригода — де вас нещасна волна спобіжить, чи на воді, то бросайте руку у воду — волна утішитця, чи на землі — не буде вам неякого случаю [1]; а с сіми год уже поховайте в могилу. І хто буде мою могилу штить, братиме навкруги землю та буде могилу обсипать, то я єго сам своєю силою буду дарить. А на семому году хай мене жде, і хто вийде до могили або на Різдво, або на Великдень, або на Зелену неділю, так нехай мене дожида. Не бойся, шо я неправославний хрестиянин,— я єсть православний хрестиянин, Сиреньтій Іоаннович!..» От таку він, той Сірко, дав заповідь! Як я був ще молодим, то і я носив землю до могили Сірка. Раз против Великодня, в суботу, увечері, набрав я землі у платочек та й пішов обсипать. Як обсипав, так у велику силу з могили спустивсь: такий на мене страх навалився, що я як вискочив на шлях та як дременув, так не счувсь, як і за слободою опинивсь... А раз пішов я якось до могили з дівчиною. Я тут, бачьте, якраз недалечко жив коло могили Сірка. От пішов я з дівкою — звісно молодий був! — та й ліг коло могили, трошки й полежав; коли так як у половині ночі як вискоче із могили жеребець та як зарже, так аж уся слобода затрусилась; а лона (=луна) по плавням тілько: го-го-го-го!.. так і покотилась. А воно було так тихо-тихо та місяшно. Так ми так і розкотились як ті жуки... Та с тих пір уже шкода ходити до тієї могили Сірка.

Записано от семидесятилетнего старика, крестьянина Кондрата Дывныченка, в деревне Капуливке Екатеринославского уезда.

Він такий був, що знав де — що. Оце було гука на своєго хлопця: «А, ну, хлопче, возьми пістоль, стань отам та стріляй мені в руку!». Той хлопець возьме пістоль та тілько бух! єму в руку. А Сірко візьме в руку кулю, здаве її та назад і кине. Вони, ті запорожці, всі були знайовиті.

Сірко три рази умирав у семидесяти годах, а всій єго жисті було 210 годов. Він як умира, то каже було: «Оце вам три пузирьки з водою,—

[1] То есть несчастья.

першим пузирьком сприсните — оживу; другим сприсните — стану дивитьця, а третім сприсните — устану і піду у тридцяти годах». Тоді трави такі сильні були,— ото і вода та зроблена була із таких трав. Так як умре, то єго кладуть в гной, на треті сутки отгрібають і сприскують водою. Як із першого пузирька сприснули — ожив; із другого сприснули — став дивитьця, а с третєго сприснули — встав і пішов.— До трєх раз отак він робив. А в третій раз як умер, то вел [і] в себе спалить і попіл геть пустить, а руку велів одрубать і носить три годи, а потім того положить у могилу. Ото та могила і єсть у Капулівці.

Записано от вольного матроса Грицька Тарана, по-уличному Слабого, около 60 лет, в местечке Никополь Екатеринославского уезда.

Сірко великий воїн був. Той знав, хто що й подумає. Ото там, по тім боці [2] Дніпра, були татари, Магомет жив; так як задумають вони було воювать, то Сірко і каже козакам: собирайтесь докупи, бо на нас уже орда піднімаєтця. Він сильний такий був, шо єго як ударить хто шаблею по руці, так і не розрубає руки,— тілько синє буде. Не то шо кулею, а шаблею. Уже татари які тілько міри против нєго робили, так нічого не зробили. Вони єго шайтаном так і прозвали. Він як ото умирав, так сказав так: «Як будете ротом до сход соньця із річки, що коло Січі, воду носить і як обмочете тією водою усю мою могилу, так будете знать те, що й я знаю». Так ніхто не зміг — дуже велика могила. «А як буде велика потуга на Россію, то розкопайте мою могилу, одріжте мою руку, то буде вам защита». Так ото як хранцуз найшов на Москву, то руку Сірка взяли і повезли у Москву, а потім привезли і впьять закопали на місто. Був у запорожців ще кошовий Чалий, добрий воїн був, та тілько против Сірка не було. Цей як брань (= война), так він сам там постоянно; там уже і кладе; без нєго ніякой стички не було. Він такі молитви знав; він по-божому, не то що які чари. Не знаю, чи він уже з гори де взявся, чи з другого якого міста, жінки і дітей у нєго не було — один як єсть. Ото у нас у церкві [3] і кружка Сіркова єсть,— півкварти як єсть улазе. Так Сірко кошовий пив натощак горілку з тієї кружки. Там і карбованьці позаливані на чотирє сторони. Мабуть при нєму на заказ і зроблена.

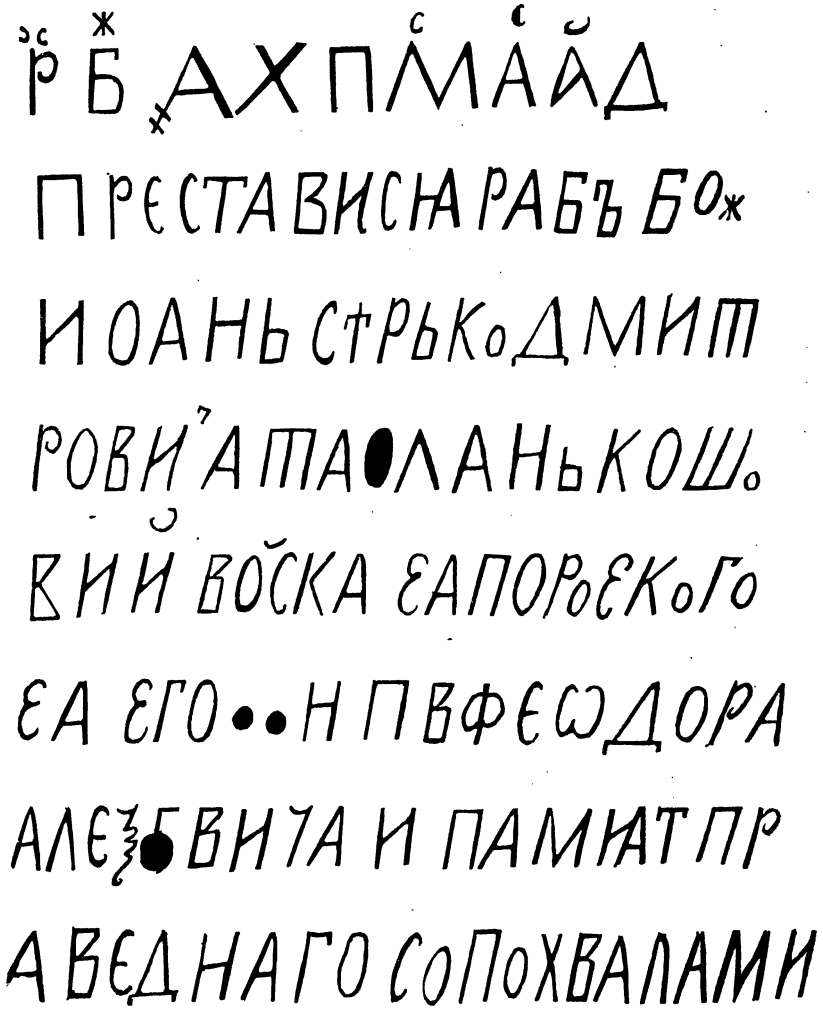
Записано от вольного матроса местечка Никополя Дмитрия Степановича Барановского, 82 лет; Барановский запорожского происхождения, в чем удостоверяет имеющийся у него на руках паспорт за подписью князя Потемкина, выданный за № 731 деду Димитрия Степановича Барановского, Сергею Барановскому [4].

Як Сірко помирав, то сказав: «Одніміте у мене руку, і де у вас буде стичка з непріятелем, то ви махніть навхрест моєю рукою, то іще помочь буде».

Записано от крестьянина деревни Капуливки Трофима Лысого, около 65 лет.

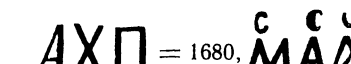
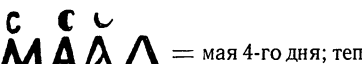

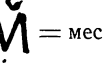
[2] То есть, по левому берегу.
[3] В старой церкви местечка Никополя.
[4] Этот любопытный документ будет в свое время напечатан.

Могила кошевого Ивана Дмитриевича Сирка находится в деревне Капуливке (Капыловке тож), стоящей у места бывшей Чортомлыцкой Сичи, в небольшом садике восьмидесятилетней старушки Зиновии Ивановны Нелипы. На могиле поднят небольшой, утвержденный на низком пьедестале, высоты по грудь высокого роста человеку, памятник и на том памятнике, с западной стороны, высечена надпись. В первый раз я прочитал эту надпись в 1887 году и с тех пор, хотя и бывал не раз на могиле славного Сирка, но читал всегда надпись так, как прочел ее впервые. Такова уже сила традиции, заставляющая нас невольно идти по раз проложенному пути. Но прошло с тех пор много времени, и я от памятников, оставшихся в разных местах бывшего Запорожья, обратился к архивным материалам. Сравнивая надпись, сделанную на памятнике Сирка, указывающую на время его смерти, с архивными документами, я нашел в том и в другом разницу: на памятнике я прочел, что Сирко умер 1680 года, мая 4-го дня, а из официального донесения преемника Сирка, кошевого Стягайла, я узнал, что он скончался 1680 года, августа 1-го числа. На этот же месяц и число, т. е. первого августа, указывал и летописец Величко [5]. Уже в то время я отдал предпочтение официальным донесениям, тем более, что 29-го мая Сирко извещал коломацкого сотника Подерню о намерении татар учинить с запорожцами мир. Что касается надписи, сделанной на памятнике, то я предположил, что памятник этот был поставлен уже после возвращения запорожцев из-под власти Крыма в Россию в 1734 году и что вырезанная на нем надпись сделана по памяти, оттого и не вполне согласна с действительностью. В настоящее время, просидев довольно продолжительное время в деревне Капуливке, я имел возможность внимательно присмотреться к каждой букве на памятнике Сирка и потом вывести заключение о том, что раньше того я неверно истолковал последние буквы первой строки надписи, хотя прочел и правильно. Дело в том, что все слова первой строчки сделаны под титлами, что и ввело меня в некоторое заблуждение. Вот эта надпись в таком виде, как я ее прочел в последнюю поездку. Она скопирована теперь буква в букву и точка в точку.

Первая строчка прочитана у меня была так: Р = року, Б = божого,

 = 1680, = мая 4-го дня; теперь я читаю конец

этой строчки так: = месяца, = августа, = 1, = дня.

Такое чтение я нахожу теперь безошибочным, так как оно совершенно совпадает с официальным донесением из Сичи в Москву о том, что Сирко умер в 1680 году, августа 1-го числа. В некоторых местах буквы памятника кем-то уничтожены, и в таком случае вместо букв стоят одни пятна в виде больших точек.

---

[5] Эварницкий, История запорожских козаков, II, 573—580.

КОМЕНТАРІ Г. Я. СЕРГІЄНКА

Глава первая

С. 6. *Собеський* Ян (Яків) — див.: Т. 1.— С. 504.

Косагов Григорій Іванович — див.: Т. 1.— С. 498.

Самойлович Іван Самійлович — див.: Т. 1.— С. 495.

Вічний мир, укладений між Росією і Річчю Посполитою (1686), див.: Т. 2.— С. 492.

С. 7. *Кіш* — див.: Т. 2.— С. 497.

«...козакорусский народ...»— Тут йдеться про український народ, складовою частиною якого були козаки як певний суспільний стан.

С. 8. *Малоросійська,* південноросійська (українська) народність — див.: Т. 2.— С. 494—495.

С. 9. *Мурат-Герай* — кримський хан. Гераї або Гіреї — династія кримських ханів, що правила Кримом з початку XV ст. до його входження в Російську державу (1783).

С. 11. *Січ* (Стара Січ) — йдеться про козацьку фортецю, яка з XVI ст. й до зруйнування російським військом та лівобережним козацьким полком (14 травня 1709 р.) знаходилась на о. Базавлук (Чортомлик).

С. 12. *Волоський* край — див.: Т. 2.— С. 497.

Ясси і Цецора — міста в Молдавії. (Тепер у складі Румунії).

Кримський калга-салтан — перший спадкоємець престолу в Кримському ханстві, друга особа після хана в державі.

Турецький візир (везир) — великий візир, який очолював державну адміністрацію в Туреччині і водночас був головнокомандуючим армії.

Нурредін-салтан — другий спадкоємець престолу в Кримському ханстві, третя особа після хана і калги-салтана в державі.

Буджак (по-турецькому куток) — назва південної частини Бессарабії, низинної рівнини, на якій у XIX ст. знаходилися Акерманський і Бендерський повіти Бессарабської губернії. У XVI—XVII ст. Буджак населяли татари-ногайці. У XVIII ст. Білгородська орда покинула Буджак, і тут поселилися колоністи, переважно болгари і гагаузи, а також молдавани, українці, росіяни. За умовами Бухарестського мирного договору Росії і Туреччини (16 травня 1812) кордон між ними встановлювався по р. Прут (раніше був по р. Дністер), до Росії відійшла вся Бессарабія з фортецями Бендери, Акерман, Кілія, Ізмаїл.

Білгород (Білоград) — давньоруське місто-фортеця (IX ст.) на березі Дністровського лиману поблизу грецького міста-держави Тіра. Білгород у XIV ст. завоювали генуезці і назвали Монкастро. В XV ст. місто перейшло до Молдавського князівства й перейменоване на Четатаальба (Біла фортеця). 1484 р. Білгород захопила Туреччина й дала йому свою назву — Акерман (Білий камінь). У XVII—XVIII ст. Акерман був центром татарської Білгородської орди. Повітове місто Бессарабської губернії (1812—1918). У 1918—1940 рр. Акерман належав Румунії. З 1940 р. у скла-

ді УРСР. З 1944 р. Акерман носить назву Білгород-Дністровський (тепер районний центр Одеської області).

С. 13. *Филиппов пост...*— Пилипівський піст (пилипівка) — час, коли за релігійною забороною миряни не вживали в їжу окремі види продуктів, зокрема м'ясо, тваринні жири. Запроваджувався за кілька днів до Різдва Христового, яке відзначається щороку 25 грудня (7 січня).

Талер — велика срібна монета вагою 29 г.

Софія Олексіївна (1657—1704) — російська царівна (дочка Олексія Михайловича), регентша Російської держави (1682—1689) при двох малолітніх царях Івані V і Петрі І. Вона намагалася стати царицею, але була скинута Петром І і ув'язнена в Новодівичий монастир (Москва), де й скінчилось її життя.

С. 14. *Бахчисарай* — місто в Криму, столиця Кримського ханства з XV ст. до 1736 р. (Тепер районний центр Кримської АРСР).

С. 16. *Хмельницький* Зіновій-Богдан Михайлович — див.: Т. 1.— С. 496.

Брюховецький Іван Мартинович — див.: Т. 1.— С. 502.

С. 18. *Козлов* (Гезлев).— За часів Кримського ханства в XV ст. на місці античного м. Керкінітіди засновано татарське м. Гезлев (українці називали його Козлов). Запорожці під час походу на Крим у 1589 р. здобули Гезлев і зруйнували фортецю. Після приєднання Криму до Росії (1783) Гезлев перейменовано на Євпаторію. Нині місто — районний центр Кримської АРСР.

С. 19. *Толмач* — перекладач.

С. 20. *Крымська* Украйна.— Територія степів Причорномор'я, що з півночі прилягали до Перекопу і Сивашу. (Тепер це південні райони в Херсонській і Запорізькій областях).

С. 21. *Голіцин* Василь Васильович — див.: Т. 1.— С. 497.

С. 22. *Гордон* Патрик (1635—1699) — виходець з Шотландії, на військовій службі в Росії з 1661 р., дослужився до чинів генерала і контрадмірала. Служив на Україні (1667—1686), брав участь у Кримських походах 1687 і 1689 рр. Учасник облоги і взяття Азова (1696). Автор щоденника англійською мовою, який опубліковано в Росії під назвою «Дневник генерала Патрика Гордона» (1892).

Великий Луг — див.: Т. 2.— С. 496.

С. 26. *Пресвята* Богородиця і пріснодіва Марія.— В християнстві — міфічна жінка, яка народила Ісуса Христа для врятування людства. Запорожці вважали її своєю заступницею.

Глава вторая

С. 27. *Мазепа* Іван Степанович — див.: Т. 1.— С. 497.

...рада на реке Коломаке...— козацька Коломацька рада, на якій 25 липня 1687 р. гетьманом України обрано Івана Степановича Мазепу. У козацькому війську І. С. Мазепа тоді займав посаду генерального осавула, а не обозного.

С. 30. *Бусурманські* вежі — турецькі або татарські військові укріплення в фортецях; у їх вікнах-бійницях встановлювалися гармати.

Матвій Ірклiївський, а на с. 32 Матвій Царевський. Це одна і та ж особа.

Військові клейноди («клейноти») — див.: Т. 1.— С. 509.

С. 31. *Приказ* Малої Росії (Малоросійський приказ) — центральна установа Російської держави, що відала справами Лівобережної України (1662—1722). Підпорядковувався Посольському приказові. Малоросійський приказ контролював діяльність російських воєвод в українських містах і гетьманське управління; займався справами оборони Лівобережної України від вторгнень польських, турецьких, татарських і швед-

ських військ; наглядав за Генеральним військовим судом і міським судочинством, а також православною церквою. Запорозька Січ також підпорядковувалась Малоросійському приказові через гетьмана Лівобережної України. Гетьманське управління Лівобережної України і Кіш Запорозької Січі були перетворені в органи місцевого самоуправління.

С. 32. *Алтин* — російська срібна (мідна) монета і лічильна грошова одиниця, що дорівнювала 6 денгам.

Денга — російська срібна (мідна) монета, що дорівнювала 1/2 копійки.

С. 34. *Посполита* рада — загальна рада козаків Запорозької Січі, яка вирішувала важливі питання внутрішнього і міжнародного життя. На такій раді щороку 1 січня обиралася кошова старшина. Посполита рада запорожців 30 січня 1648 р. обрала гетьманом України Богдана Хмельницького і підтримала визвольну війну проти панування Речі Посполитої.

Сердюки — козаки, які входили до найманих піхотних полків на Лівобережній Україні в кінці XVII — першій чверті XVIII ст. Складалися переважно з втікачів із Правобережної України. Охороняли гетьманську резиденцію. Сердюцькі полки, що підлягали гетьманам, ліквідовано царським указом (1726).

Компанійці — козаки, які складали наймані кінні полки на Лівобережній Україні. Як і сердюцькі, вони підлягали гетьману. Існували з 70-х років XVII до 70-х років XVIII ст. Використовувалися для сторожової і розвідувальної служби, придушення антифеодальних виступів селян, у походах проти Кримського ханства.

Куницький (рік народження невідомий — 1684) — шляхтич, наказний гетьман над правобережними козаками (1683—1684), призначений польським королем. Займався заселенням Правобережної України. Його резиденція знаходилася у м. Немирові на Поділлі. В кінці 1683 р. з 8-тис. козацьким військом Куницький здійснив похід на Тягинь (Бендери) і розгромив турецько-татарське ополчення. Проте нові значні сили турків і татар оточили козацьке військо на березі р. Прут. Куницький з кіннотою прорвався з оточення. Залишена ним піхота на чолі з полковником Андрієм Могилою відбила атаки ворогів й повернулась в Могилів-Подільський. Тут у січні 1684 р. зібралася козацька рада, яка засудила Куницького до страти за втечу від війська.

Могила Андрій (роки народження і смерті невідомі) — запорозький козак, обраний полковником, а після страти Куницького (1684) — наказним гетьманом. Його резиденція знаходилася в Немирові. Вів боротьбу проти турецько-татарської агресії на Правобережній Україні. Проте у травні 1684 р. біля м-ка Студениця козацький загін А. Могили потрапив у засідку й був знищений. Могилі з 30 козаками вдалося врятуватися і добратися до Немирова. Тут козаки вчинили заколот у війську; більшість їх (близько 4 тис.) покинула гетьмана й була прийнята в козацькі полки на Лівобережжі. Подальша доля А. Могили невідома.

С. 40. *Бубни* (котли) — старовинний ударний інструмент, подібний до тулумбаса або литаврів, що використовувався для подачі звукових сигналів до збору війська на раду або на битву.

Армати — гармати, артилерія, яку українські козаки високо цінували і берегли.

Глава третья

С. 41. *Запорозькі* вольності — див.: Т. 1.— С. 494.

С. 42. *Паланка* — місцевість в Запорозькому краї, згодом адміністративно-територіальний округ у Новій Січі (1734—1775). Існувало 8 паланок: Кодацька, Бугогардівська, Інгульська (правий берег Дніпра), Протовчанська, Орельська, Самарська, Кальміуська (лівий берег Дніпра), Прогноїнська (гирло Дніпра). Військова і судова влада в паланках належала козацьким полковникам, призначуваним Кошем.

С. 45. *Петрів* день — християнське свято, що відзначається щороку 29 червня за ст. стилем (12 липня).

С. 46. *Сераскер*-паша — головний начальник турецьких військ; відповідав чину генерала.

Струг — гребний військовий човен, річковий або морський вітрильник у Росії.

С. 48. *Успіння* пресвятої Богородиці — християнське свято, що відзначається щороку 15(28) серпня як день пам'яті Божої матері, завершення життєвого шляху пріснодіви Марії.

Тафта — вид тканини.

Сукно анбурзьке (амбурзьке) — сукно, що доставлялося з Гамбурга (Німеччина).

С. 49. *Целовальник* — торговець горілкою.

Рейтари — наймана кіннота в Речі Посполитій в XVI—XVII ст.; у Росії рейтарські полки існували з 1632 р. до початку XVIII ст., коли були перетворені в драгунські кінні полки.

Копейщики — солдати, озброєні списами (від російського слова «копье»).

Кабак — шинок, де продавалися спиртні напої.

С. 58. *Мултянська* земля — див.: Т. 2.— С. 496.

Напські (анапські) ногайці, горські черкеси, білогородські татари — народності, які проживали в Причорномор'ї, Приазов'ї і на Північному Кавказі.

Глава четвертая

С. 61. *Самарський* Миколаївський монастир — монастир, що перебував під опікою козаків Запорозької Січі. У 1689 р. російські війська князя В. В. Голіцина штурмом оволоділи монастирем і покарали ченців за протест проти будівництва на р. Самарі царських фортець.

С. 62. *Новобогородицький* і Новосергіївський городки — військові фортеці, споруджені царським урядом на Запорожжі для захисту від татарських наскоків і контролю над Запорозькою Січчю. Запорожці виступали проти їх будівництва, але царський уряд цими протестами знехтував.

С. 63. *Новосергіївський* городок споруджено 1689 р. на р. Самарі в урочищі Сорок Байраків. Рештки його укріплень у XIX ст. виявлені поблизу с. Вольного Новомосковського повіту Катеринославської губернії.

Гетьманщина — див.: Т. 1.— С. 495.

С. 66. *...собранное с Переволочанского перевоза годовое борошно...*— Борошно — податок за користування перевозом через Дніпро (натурою або грішми).

С. 67. *Сірко* Іван Дмитрович — див.: Т. 1.— С. 496.

С. 70. *Батурин* — центр Батуринської сотні Стародубського полку. В 1669—1708 рр.— резиденція гетьманів Лівобережної України (Дем'яна Многогрішного, Івана Самойловича, Івана Мазепи). 1708 р. зруйнований царським військом. Резиденцією гетьманів стало м. Глухів.

С. 76. *Морове* повітря (чума) — інфекційна хвороба, що поширювалась на Україні й призводила до загибелі багатьох людей.

Саранча (сарана) — величезна маса комах, яка живилася зеленню, перелітала з одного місця на інше і поїдала посіви, траву, листя. В середні віки з'являлася на Україні досить часто.

С. 77. *Жученко* Федір Іванович (рік народження невідомий — 1709) — полтавський полковник (1659—1661, 1670—1672, 1679—1681, 1687—1691), учасник Кримських походів (1687, 1689).

С. 78. *Христове* Воскресіння — неділя. Щотижневе християнське свято, запроваджене церквою на честь міфічного воскресіння сина Божого — Ісуса Христа.

Лев — українська назва турецької срібної монети, що дорівнювала 60 коп. (XVIII ст.).

С. 79. *Іскра* Іван Іванович (рік народження невідомий — 1708) — полтавський полковник (1696—1703). Під час другого Азовського походу (1696) з Полтавським полком брав участь в облозі і взятті турецько-татарських фортець в пониззі Дніпра, був наказним гетьманом над козацьким військом. 1700 р. очолював козацький загін у війні проти шведів у Ліфляндії. Не підтримав наміри Мазепи, і за це позбавлений полковництва (1703). Разом з Василем Кочубеєм Іван Іскра викрив таємні зносини Мазепи з польським і шведським королями (1707). Надісланому Іскрою та Кочубеєм листові Петро І не повірив і видав їх на розправу Мазепі. Їх скарано 26 липня 1708 р. Поховані на території Києво-Печерської лаври.

Палій Семен Пилипович — див.: Т. 1.— С. 506.

С. 80. *Кармазинне* сукно — дороге сукно, яким користувалась переважно козацька старшина.

С. 81. *«...присяги гетмана Зиновія Хмельницкаго и всего низового и городового войска, учиненной великому государю, блаженной памяти Алексѣю Михайловичу...»* — Після Переяславської ради 8(18) січня 1654 р. в Успенському соборі Переяслава в присутності царських послів відбулася урочиста присяга гетьмана і генеральної старшини Російській державі. Наступного дня присягали старшини, козаки і міщани Переяславського полку. В 17 полків України виїхали представники царського посольства для прийняття присяги від населення. Присяга відбувалася 8—31 січня 1654 р. (населення Києва присягнуло 17 січня) й фіксувалася в присяжних книгах, в яких записано понад 125 тис. осіб. Жінки не присягали. До присяжних книг вписувалися старшини, шляхта, козаки, міщани — господарі маєтків або дворів. Селяни — найчисельніший стан — в присяжні книги не потрапили, але схвалили державно-політичне об'єднання України з Росією.

С. 83. *Свято* Покрови — одне із значних православних свят, що відзначається щороку 1(14) жовтня. В його основу покладено міф про те, як у цей день 910 р. в Константинополі юродивому Андрію і його учневі Єпіфанію у Влахернському храмі з'явилася Богородиця, простягла на них покривало (омофор) і виголосила молитву про врятування світу від бід і страждань.

Глава пятая

С. 86. *Петрик* (Іваненко Петро Іванович) — див.: Т. 1.— С. 514.

С. 87. *Кочубей* Василь Леонтійович — див.: Т. 2.— С. 513.

Дорошенко Петро Дорофійович — онук реєстрового гетьмана Михайла Дорошенка, див.: Т. 2.— С. 505.

Великий піст.— Тривав з 16 лютого (1 березня) до Пасхи — християнського щорічного весняного свята, що визначається духовенством спеціальними таблицями — пасхаліями. У цей час за релігійною забороною миряни не вживали в їжу тваринні жири і м'ясо.

С. 90. *...имеретинского («милитинскаго») царя...*— Імеретія — самостійне царство, що виникло в Грузії (XV ст.) з столицею Кутаїсі. Імеретинський цар Олександр Арчинович (1674—1710) присягнув Росії (1691). Населення Імеретії вело тривалу визвольну боротьбу проти турецького панування. Остаточно визволилась і приєдналась до Росії Імеретія лише 1810 р.

С. 97. *Чех* — срібна монета, що карбувалася в Польщі, Литві, Пруссії та інших країнах Європи і дорівнювала півтора грошам.

С. 98. *Єгоріїв* день — день св. Георгія - - див.: Т. 2.— С. 513.

С. 100. *Бесбаші* (бейсубаші) — старший воєначальник в даній місцевості в Туреччині та її володіннях.

С. 102. *...«Махіавель и хитрый лисъ», как называли его (Мазепу) запорожцы...*— Макіавеллізм — політика, що здійснюється підступними мето-

дами, не гребує нічим для досягнення поставленої мети. Походить від імені політичного діяча середньовічної Флорентійської республіки Нікколо Макіавеллі (1469—1527), який відкидав будь-яку мораль і йшов на обман, віроломство, зраду, вбивство і тому подібні засоби в політиці.

Ясинський Варлаам (рік народження невідомий — 1707) — церковний діяч, письменник, автор віршів, передмов, послань, листів тощо. Освіту отримав у Київській колегії і Краківській академії. Ректор Київської колегії (1669—1673), настоятель Печерського монастиря (1673—1690), київський і галицький митрополит (1690—1707).

С. 103. *Многогрішний* Дем'ян Гнатович — див.: Т. 2.— С. 505.

С. 104. *Чернецький* (Чарнецький) Стефан — див.: Т. 2.— С. 508.

С. 106. *Малоросія* (Стара Малоросія) — див.: Т. 1.— С. 499.

С. 107. *Індукта* — митний податок, що стягувався з товарів, які ввозилися з Росії, на користь гетьманського правління Лівобережної України (друга половина XVII — перша половина XVIII ст.).

Глава шестая

С. 109. *Єфімок.*— У Росії і на Україні єфімками називали талери (срібні монети).

С. 110. *Полуботок* Павло Леонтійович (1660—1724) — чернігівський полковник (1706—1724), наказний гетьман Лівобережної України (1722—1724). П. Л. Полуботок був найбагатшим землевласником на Лівобережній Україні (володів 70 селами й 3200 селянськими дворами). За легендою, він у 1720 р. зробив вклад в Англійський банк 200 тис. крб. золотом (близько 650 кг) і заповів цей скарб самостійній Українській державі та своїм спадкоємцям. Виступав на чолі старшинської групи, яка домагалася відновлення скасованого Петром I гетьманства й ліквідації Малоросійської колегії. Царський уряд ув'язнив П. Л. Полуботка в казематі Петропавлівської фортеці, де він і помер 18(29) грудня 1724 р. Маєтки і багатства його конфісковані царським урядом.

С. 113. *Межигірський* монастир.— Межигірський Спасо-Преображенський монастир, заснований 988 р. поблизу Вишгорода на Київщині. Після зруйнування польсько-шляхетським військом козацького Трахтемирівського монастиря і шпиталю при ньому (1664—1665) Межигірський монастир став притулком для старих запорожців, на утримання яких Запорозька Січ виділяла кошти. За царським указом 1786 р. Межигірський монастир закрито, на його території діяла фаянсова фабрика. 1886 р. монастир знову відкрито, а 1894 р. перетворено на жіночий. За радянського часу Межигірський монастир ліквідовано остаточно. Тепер на його території розміщені державні дачі партійних діячів і радянських урядовців. Учені вважають, що в підземеллях Межигір'я захована бібліотека рукописів Київського князя Ярослава Мудрого. (*Шатров В.* Тайна Межигорского монастыря.— Литературная газета.— 1990.— 14 февр.).

С. 115. *Саадак* (сайдак, сагайдак) — набір озброєння лучника (лук, колчан і стріли).

С. 116. *Сулимка* (Сулименко) Степан — див.: Т. 2.— С. 508.

Суховій (Суховієнко) Петро — див.: Т. 2.— С. 508.

Ханенко Михайло Степанович — див.: Т. 1.— С. 515.

С. 120. *...как Петрик, так и запорожцы указывали на два зла, практиковавшиеся на Украйне: отдачу в аренду шинков и пожалование чиновникам маетностей или земель вместе с людьми.*— Гетьмани Лівобережної України практикували передачу шинків, де торгували горілкою, в оренду за певну плату і цим поповнювали державний скарб, яким відав підскарбій — один з генеральних старшин. Селяни, козаки й міщани висловлювали невдоволення подібними заходами гетьманів, бо це вело до їх збіднення. За часів гетьманства І. С. Мазепи особливо інтенсивно роздавалися українські землі

(маєтності) старшині, шляхті і російським поміщикам. Мазепа видав понад 1000 універсалів на земельні володіння.

...аренда, столь ненавистная украинскому народу через жидов, необходима для добывания денег на войсковые расходы...— 28 жовтня 1708 р. Петро I у спеціальному маніфесті до українського народу оголосив про скасування обтяжливих і ненависних оренд та податків, накладених І. С. Мазепою. Євреї-орендатори особливо нещадно визискували селян, міщан і козаків.

С. 122. *...сичевую Покровскую церковь...*— У Запорозькій Січі козаки споруджували Покровську церкву на честь святої Богородиці діви Марії.

С. 129. *Полтава* — місто-фортеця, центр козацького Полтавського полку. У квітні-червні 1709 р. гарнізон Полтави (4 тис. російських солдатів і 2,5 тис. козаків та озброєних міщан) під командуванням полковника О. С. Келіна протягом 2-х місяців обороняв фортецю від наступу шведської армії і завдав їй значних втрат (6176 вбитих солдатів і офіцерів). Оборона Полтави забезпечила перемогу російської армії над шведською у Полтавській битві 27 червня 1709 р.

Антецессор — попередник, предок.

Глава седьмая

С. 133. *...козаки учинят вечный мир с ордой, как было при Хмельницком учинено...*— У лютому 1649 р. до Б. Хмельницького в Переяслав прибув посол з Туреччини Осман-ага, який повідомив про готовність турецького уряду надати козакам допомогу у війні з Річчю Посполитою. В результаті переговорів була укладена угода, за умовами якої українські купці дістали право вільного плавання по Чорному морю і в Архіпелазі (через протоку Босфор) та безмитної торгівлі протягом 100 років. Україна могла тримати в Стамбулі свого резидента. Гетьман зобов'язувався перешкоджати донським і запорозьким козакам влаштовувати напади на турецькі володіння. Ця угода й названа Д. І. Яворницьким «вічним миром». Подібну угоду мали намір укласти з Туреччиною і запорожці в 1709 р.

С. 134. *...гетман со своим сонмом заднепрянских панов пусть осматривается кругом.*— За роки гетьманування Івана Мазепи (1687—1708) зріс і зміцнився стан феодалів на Лівобережній Україні. Це викликало невдоволення серед рядового козацтва і запорожців, які нерідко виступали з погрозами вчинити розправу над панами.

«Гетманъ и на главѣ дома Успенія Дѣвы Маріи в кіевопечерской лаврѣ сдѣлалъ неизреченное украшеніе отъ злата...»— Гетьман І. С. Мазепа досить прихильно ставився до духовенства й виділяв кошти на будівництво Вознесенського собору в Переяславі, Микільського військового собору і Богоявленської церкви Братського монастиря, відбудову Софійського собору, оздоблення церков (зокрема Успенського собору) Печерського монастиря у Києві. Однак турботи гетьмана про церковні справи не перешкоджали митрополиту київському і галицькому Іоасафу Кроковському за повелінням Петра I в листопаді 1708 р. у м. Глухові тричі виголосити анафему і вічне прокляття Іванові Мазепі за перехід на бік шведського короля Карла XII.

С. 136. *«Дадимъ гетманство Палію, вручимъ ему всѣ клейноты, Палій пойдетъ уже не Петриковою дорогой,— он знаетъ, какъ прибрать къ рукамъ украинскихъ пановъ».*— Так говорили запорожці в Січі у 1693 р., протиставляючи Семена Палія — ватажка козацтва і організатора визвольного руху на Правобережній Україні гетьманові Іванові Мазепі, який підтримував феодалів на Лівобережній Україні. Запорожці сподівались, що Семен Палій приборкуватиме панів, які визискували селян у своїх маєтках. Про ці настрої і розмови в Запорозькій Січі Іван Мазепа знав і тому намагався скомпрометувати Семена Палія перед царським урядом.

С. 143. *«Пока Мазепа будетъ гетманомъ, намъ отъ него добра нечего чаять, потому что онъ всякого добра желаетъ Москвѣ и на Москву смотритъ, а намъ никакого добра не желаетъ; только тотъ гетманъ будетъ намъ на руку, котораго мы поставимъ въ чёрной радѣ».*— Так 1693 р. заявляли запорожці про своє невдоволення діяльністю гетьмана Мазепи. Щоправда, вони перебільшували відданість гетьмана Москві — урядові Російської держави. В Запорозькій Січі наростало невдоволення, назрівала опозиція проти гетьмана, висловлювалась думка про скинення Мазепи і обрання іншого гетьмана на загальній («чорній») раді.

С. 147. *...в прошлое время напрасно трудились под Кызыкерменем Новицкий и Палий.*— Йдеться про спільний похід проти татарської фортеці Казікермен правобережних і лівобережних козацьких полків (1693). В ньому взяли участь 4180 козаків Лівобережжя і 1300 Правобережжя. Їх очолювали полковники Григорій Новицький і Семен Палій. Загін запорожців водив колишній кошовий отаман Федір Степанов. Козаки штурмували ногайський посад і розгромили татарські чамбули, пошкодили гарматним вогнем мури і башти фортеці Казікермен, завдали значних втрат гарнізонові. Але оволодіти фортецею об'єднаному козацькому війську не вдалося, що дало привід запорожцям вважати похід «даремною» справою.

С. 149. *Українцев* Омелян Гнатович (рік народження невідомий — 1708) — думний дяк, глава Посольського приказу (1689—1699). В Константинополі 3 липня 1700 р. уклав мирний договір Росії з Туреччиною на 30 років.

Шереметєв Борис Петрович — див.: Т. 2.— С. 504.

С. 150. *...восточной кафолической церкви...*— кафолічна церква — та, що мала своїх послідовників в усьому світі. Християнська православна церква вважалась кафолічною.

С. 151. *Авізія* — повідомлення.

С. 152. *Шиптухові* сукна — вид сукна, що привозилось в Запорозьку Січ як царська платня козакам.

С. 155. *Что такое козак без войны? То же, что писарь без правой руки: без войны он и наг, без войны он и голоден. Козаку воевать с бусурманами, по выражению старого малороссийского летописца, что соловью петь.*— Тут дещо перебільшено необхідність участі українських козаків у війнах. І запорозькі, і городові козаки бралися за зброю через необхідність захищати Україну від іноземних ворожих нашесть та каральних акцій польсько-шляхетських військ. В мирний час вони займалися хліборобством, ремеслами, промислами і торгівлею. Про козаків французький інженер Г. Л. де Боплан писав, що серед них «трапляються знавці усіх ремесел, необхідних людині... Всі вони вміють обробляти землю... Всі вони розуміються на багатьох ремеслах...» (*Боплан Г. Л. де.* Опис України // Жовтень.— 1981.— № 4.— С. 56). Під час війни козаки звичайно ж не обминали і трофеїв.

...на святого великомученика Георгия Победоносца...— див.: Т. 2.— С. 512.

С. 158. *Адріан* (1636—1700) — останній патріарх «всея Русі» (1690—1700), який владу духовенства ставив вище царської. Петро І на невизначений час відклав обрання нового патріарха. Відтоді церковними справами в Росії відали Монастирський приказ (1701) і Духовна колегія (1721), згодом перейменована на Синод. В результаті цих реформ церква цілком підпорядковувалась царській владі. Члени Синоду призначалися царем і складали йому присягу. За діяльністю Синоду наглядав обер-прокурор.

С. 161. *Часть Заднепровья, т. е. область от Днепра до Днестра, теперешние Киевская и Подольская губернии, по миру 1680 года между Россией, Турцией и Польшей признана была нейтральной и обращена в пустыню без городов и населения.*— Якогось тристороннього договору Росії,

Туреччини і Польщі від 1680 р. щодо статусу Правобережної України не існувало. Йдеться, очевидно, про Бахчисарайський мирний договір (1680) Росії і Туреччини та Московський трактат про «вічний мир» (1686) Росії і Речі Посполитої, статті яких передбачали знесення фортець, міст і сіл на значній території Київщини і Поділля, оголошеній нейтральною.

Глава восьмая

С. 164. *Аюка* (Аюкай) (1646—1724) — калмицький тайша (хан, правитель) (1671—1724), союзник Росії за договором 1673 р. у війнах проти Кримського ханства. Загони калмиків нерідко допомагали донським і запорозьким козакам. Під час Північної війни (1700—1721) тайша залишався союзником Петра I, і його військо мало прибути на Україну під Полтаву для боротьби проти шведської армії Карла XII.

Азовський бей — воєначальник і правитель фортеці Азов.

С. 165. *Каймакан* — турецький державний сановник, який виконував обов'язки великого візира, коли останній знаходився у діючій армії (у поході) за межами столиці Туреччини Стамбула.

С. 166. *Куфа* горілки.— Куфа — міра рідини. Одна куфа на Лівобережній Україні дорівнювала 40 відрам горілки або води (XVII—XVIII ст.). Відро київське містило 8,5 л, московське — 12,5 л рідини.

С. 168. *Ага* — звання начальника придворних слуг, військових і цивільних чиновників у Туреччині.

С. 169. *Свічка* Леонтій Назарович (рік народження невідомий — 1699) — лубенський полковий осавул (1665, 1679, 1682—1688), суддя (1672), полковник (1688—1699), очолював Лубенський полк в Кримських походах (1687, 1689) і другому Азовському поході (1696). Мав маєтки в Пирятинському повіті. Помер у Пирятині.

Глава девятая

С. 177. *Мокієвський* Костянтин (роки народження і смерті невідомі) — полковник Київського полку. У серпні 1694 р. очолював виборних козаків цього полку в поході на турецьку фортецю Очаків (спільно з фастівськими козаками полковника Семена Палія).

Про діяльність К. Гордієнка історична література подає цікаві відомості. Майбутній військовий і державний діяч України Костянтин Гордієнко — вихованець Київської академії, козак Платнерівського куреня Запорозької Січі, кошовий отаман (1709, 1728). Навесні 1709 р. перейшов на бік Карла XII, а після Полтавської битви відступив із загоном козаків до м. Бендери. В грудні 1711 р. входив до складу посольства, відправленого гетьманом Пилипом Орликом в Константинополь для захисту інтересів України і підбурювання Туреччини до війни з Російською державою. У 1712 р. К. Гордієнко висловив гетьману І. І. Скоропадському бажання повернутися у підданство Росії разом із запорожцями Олешківської Січі. У 1713 р. він прибув до Олешок. Обраний кошовим отаманом в Олешківській Січі (1728), але був незабаром скинутий повсталими козаками після переходу в Стару Січ на Чортомлик. Вів безуспішну боротьбу за відокремлення України і Запорожжя від Російської держави, але ні український народ, ні запорозьке козацтво не підтримали його намірів і зусиль. В 1729- 1733 рр. К. Гордієнко не брав участі в політичній боротьбі. Помер в Кам'янській Січі 4 травня 1733 р., там і похований. К. Гордієнко належав до визначних діячів запорозького козацтва, але зв'язки з гетьманами І. Мазепою та П. Орликом зашкодили його популярності. Та й методи боротьби за визволення і державну самостійність України не могли знайти співчуття і підтримки українського народу, який не хотів здобувати свободу шляхом угод з Швецією, Польщею, Туреччиною і Кримським ханством, бо ці держави дбали насамперед про власні інтереси.

С. 178. *Лизогуб* Яків Кіндратович (рік народження невідомий — 1698) — канівський полковник (1666—1669), чернігівський полковник (1687—1698). Під час Азовського походу (1696) — наказний гетьман над козацькими полками, які діяли спільно з російським військом у війні з Туреччиною, облозі та взятті Азова.

Лизогуб Юхим Якович (рік народження невідомий — 1704) — син Я. К. Лизогуба. Чернігівський полковник (1698—1704), учасник оборони Чигирина (1677—1678) від нашесть турецько-татарських полчищ і Кримських походів російських та козацьких військ (1687, 1689). Займав посаду генерального хорунжого в козацькому війську на Лівобережній Україні. Як наказний гетьман Ю. Я. Лизогуб (спільно з С. П. Паліем) очолював лівобережне й правобережне козацькі війська у вересні-жовтні 1694 р. у поході на Буджак (володіння Кримського ханства).

Каторги і фуркати — турецькі військові кораблі, на яких гребцями були захоплені у полон чоловіки з України, Росії, Польщі.

С. 180. *Сорочинський* Петро (роки народження і смерті невідомі) — кошовий отаман Запорозької Січі (1709), обраний козаками після переходу К. Гордієнка на бік шведського короля Карла XII. На час руйнування російськими військами Січі 14 травня 1709 р. П. Сорочинський був відсутній (їздив у Крим з наміром дістати військову допомогу від хана для захисту Запорожжя від російських військ).

Глава десятая

С. 185. *Чечель* Дмитро (роки народження і смерті невідомі) — полковник сердюцького козацького війська. Під час Азовського походу (1696) очолював козацький загін, який обороняв фортецю Тавань на Дніпрі. У 1708 р. Д. Чечель командував полком лівобережних козаків при захисті фортеці Батурин, яку штурмувало і потім зруйнувало російське військо під командуванням О. Д. Меншикова. Втік з фортеці, але незабаром був схоплений і виданий Меншикову. Очевидно, скараний на смерть.

С. 188. *Долгорукий* Яків Федорович (1659—1720) — російський державний і військовий діяч, князь, боярин, намісник великоперський, белгородський воєвода. Командував полками російського війська під час Азовських походів (1695—1696), учасник битви під Нарвою, де потрапив у полон до шведів (1700—1711), президент Ревізіон-колегії (1717—1720).

Глухів — сотенне місто Ніжинського полку (з 1654), резиденція гетьманів Лівобережної України (1708—1764) і Малоросійської колегії (1722—1727, 1764—1786). Тепер районний центр Сумської області.

С. 189. *Галіони* — турецькі військові кораблі.

Долгорукий Лука Федорович (роки народження і смерті невідомі), брат Я. Ф. Долгорукого, князь, боярин, сєвський воєвода.

Апостол Данило Павлович — див.: Т. 1.— С. 514.

Новицький Ілля Федорович (рік народження невідомий — 1704) — охотницький полковник (1673—1696) козацького війська Лівобережної України, головний начальник південних прикордонних міст і сіл лівобережних полків, значний військовий товариш (1702), учасник військових походів проти Кримського ханства. Володів маєтками на Лівобережній Україні (Нехаївка, Снітин, Окіп, Ісачки, Шеки, Клішинці, Литвяки, Хорошки, Гробище та ін.), багатьма млинами на р. Сулі.

С. 195. *Яковлєв.*— Помилково названий лубенським полковником (в іншому місці — лубенський осавул). В Лубнах такого полковника не було. Посаду лубенського полковника займав тоді Леонтій Свічка.

С. 200. *Мухаммад* (570—632) — арабський релігійний і політичний діяч, засновник ісламу — мусульманської релігії, пророк.

Глава одиннадцатая

С. 201. *...материал для топографии всей поднепровской части Запорожья XVI века.*— Цей топографічний матеріал готувався у 1697 р. козаками під керівництвом полтавського полковника Івана Іскри й відноситься до кінця XVII ст.

С. 203. *Бірючі* і *делляли* — спеціальні посланці кримського хана, які оголошували ханські накази населенню Криму.

С. 208. *Цареград* (Константинополь, Стамбул) — столиця Туреччини. Розташована по обидва боки протоки Босфор на двох континентах — в Азії і Європі.

С. 209. *Єпітрахіль* — частина ритуального одягу православного священика: широка чорна стрічка, що накидалася на шию, а її довгі кінці спускалися вниз у вигляді фартуха. Носилася під ризою — парчевою накидкою без рукавів, розшитою золотими або срібними нитками.

С. 211. *Церковний* пономар (дячок, псаломщик, причетник) — нижчий церковнослужитель православної церкви, в обов'язки якого входило читання й співи на крилосі, а також ведення церковного діловодства.

С. 216. *Сорок* (сорочок) — одиниця рахунку для хутрових шкурок соболів і білок (40 штук).

С. 222. *Головін* Федір Олексійович (1650—1706) — російський державний діяч, боярин, граф, генерал-адмірал (з 1700 р.). Уклав Нерчинський договір Росії з Китаєм (1689). Учасник Великого посольства Росії в країни Європи (1697). Перший міністр і керівник російської зовнішньої політики — начальник Посольського і Малоросійського приказів (1699—1706), сприяв укладенню Константинопольського мирного договору з Туреччиною (1700), листувався з І. С. Мазепою і Й. Р. Паткулем, керував діяльністю російських послів у Польщі, Туреччині, Австрії та інших країнах на початку Північної війни. Повірив доносам гетьмана І. С. Мазепи і дав згоду на арешт Семена Палія (1704).

Глава двенадцатая

С. 227. *Прибрежье Балтийского моря, так называемая Ливония, искони веков принадлежала России и только орден меченосцев отнял его у древней Руси, а потом всем Балтийским побережьем завладели поляки и шведы и чрез то заслонили для России свет от Западной Европы.*— Лівонія, куди входили латиські та естонські землі в Східній Прибалтиці, належала до володінь Київської Русі. Завоювавши ці землі під час монголо-татарського нашестя на Русь, німецькі рицарі — хрестоносці (мечоносці) — заснували там феодально-католицьку державу — Лівонський орден (1237—1561). Вона була ліквідована внаслідок Лівонської війни (1558—1583) Побережжя Балтійського моря тоді захопила Швеція, і вихід Росії до нього був знову надовго закритий.

Христіан V (1646—1699) — король Данії.

Август II Сильний — див.:— Т. 1.— С. 519.

Столбовський договір — мир, укладений Росією і Швецією в с. Столбово поблизу м. Тихвіна 27 лютого 1617 р. Швеція повернула Росії Новгород і Стару Русу, але захопила територію з містами Корела, Копор'є, Орешок, Ям, Іван-город.

Вестфальський договір — мир, укладений 24 жовтня 1648 р. державами — учасниками Тридцятирічної війни (1618- 1648) у містах провінції Вестфалія (Німеччина) — Оснабрюке і Мюнстері.

С. 228. *Паткуль* Йоганн Рейнгольд (1660—1707) — ліфляндський дворянин; перебував на військовій службі у короля Швеції Карла XI. У 1689—1694 рр. виступав за відновлення незалежності Ліфляндії (Латвії) і прав дворянства, за що переслідувався шведським урядом. Емігрував за

кордон. У 1698 р. став на службу до курфюста Саксонії (Німеччина) і сприяв укладенню союзу Саксонії, Польщі та Росії проти Швеції. 1702 р. перейшов на службу в Росію, виконував дипломатичні та військові доручення Петра І. У 1704 р. Й. Р. Паткуль їздив у Варшаву як російський міністр, а повертаючись в Росію, принагідно відвідав м. Фастів, де вів переговори з полковником Семеном Палієм, уклав з ним угоду про припинення повстань проти Речі Посполитої та участь козацьких загонів у війні проти Швеції. Згодом у Польщі й Саксонії він командував російськими військами. Саксонський уряд 20 грудня 1705 р. арештував Й. Р. Паткуля й звинуватив у тому, щовін діяв без згоди Петра І. За Альтранштадтським договором між Швецією і Саксонією (1706) Й. Р. Паткуля було видано шведським властям (Карлу XII), оголошено зрадником і 10 жовтня 1707 р. скарано жахливою смертю (колесовано і четвертовано).

Карл XII (1682—1718) — король Швеції, див.: Т. 1.— С. 503.

С. 229. *...масляница...* (масляная) — масниця є давнім слов'янським святом проводів зими і зустрічі весни.

Остзейський край — Прибалтійський край, що складався з Курляндської, Ліфляндської і Естляндської губерній Російської імперії. До Курляндської губернії входили землі Литви, Ліфляндської — Латвії і Естляндської — Естонії. Ліфляндія і Естляндія приєднані до Росії у 1709 р., Курляндія — після третього поділу Польщі (1795).

С. 230. *Північна* війна — війна Росії проти Швеції (1700—1721) за вихід до Балтійського моря. Російська армія здобула ряд значних перемог над шведською армією в битвах під Калішем (1706), Лісною (1708), Полтавою (1709). В Полтавській битві шведська армія була повністю розгромлена і під с. Переволочною на Дніпрі взята в полон. Король шведський Карл XII і його союзники гетьман Лівобережної України Іван Мазепа та кошовий отаман Запорозької Січі Костянтин Гордієнко з незначними загонами відступили у володіння Туреччини до м. Бендери. Російський флот на Балтійському морі здобув перемогу над шведським флотом у великих морських битвах біля Гангута (1714) і Гренгама (1720). Північна війна була завершена укладенням між Росією і Швецією Ніштадтського мирного договору (1721). Росія дістала вихід до Балтійського моря.

Вражда запорожских козаков против «московскихъ» людей во время похода на север...— Під час Північної війни (1700—1721) запорозькі козаки брали участь у походах проти шведів на узбережжя Балтійського моря. Царське командування не дбало про постачання загонів козаків, що й викликало у них невдоволення.

С. 232. *Єрусалимський* патріарх.— Патріарх — найвищий духовний сан; глава православної церкви в ряді країн. Єрусалимському патріарху підпорядковувалась православна церква в Росії, Білорусії і на Україні.

С. 233. *Гетман Мазепа... остерегался именно того, чтобы через Запорожье на него не поднялась Украйна.*— У Запорозькій Січі козаки з недовірою ставилися до гетьмана Івана Мазепи, який на Лівобережній Україні зміцнював панування старшини, заводив феодальні порядки, зокрема й панщину для селян. Тому гетьман, побоюючись виступу проти нього запорожців спільно з лівобережними селянами і козаками, тримав вірне йому наймане військо (сердюцькі й компанійські полки), надсилав царському урядові на запорожців доноси, в яких звинувачував їх у зрадницьких діях і намірах.

С. 235. *Київська* духовна академія — див.: Т. 1.— С. 515.

Лещинський Станіслав (1677—1766) — польський магнат, познанський воєвода; на вимогу шведського короля Карла XII обраний шляхетською конфедерацією королем Польщі (1704—1709). З С. Лещинським підтримував таємні зв'язки гетьман І. С. Мазепа. Після поразки Карла XII С. Лещинський зрікся престолу і емігрував до Франції. У 1733 р. польський сейм

знову обрав С. Лещинського королем. В тому ж році на територію Польщі вторглися російські війська й примусили його вдруге зректися престолу. Він емігрував у Францію і назавжди відмовився від претензій на польський престол.

С. 236. *Миклашевський* Михайло Андрійович (рік народження невідомий — 1706) — виходець з Правобережної України, військовий товариш (1671—1675), глухівський городовий отаман (1675—1677), ніжинський полковий осавул (1679—1682), генеральний хорунжий (1682), генеральний осавул (1683—1686), стародубський полковник (1689—1706). Учасник походів проти Кримського ханства, Північної війни. Володів значними маєтками на Лівобережній Україні (с. Зазірки, Кочерги, Кам'яні Озера, Воргол, Понурівка, Левенка, Солова, Рухове, Дівовка, Істрівка, Привалівка, Верхній Млинок, Буда Понурівська, Паліївка, Колошинівка, Кубарове та ін.), а також численними угіддями, млинами і руднями.

С. 237. *Голіцин* Дмитро Михайлович (1665—1737) — російський державний діяч, князь. Посол Росії в Туреччині (1702) для ратифікації мирного трактату, укладеного 1700 р. Цю місію провів вдало. Київський генерал-губернатор (1711—1721). У Києві організував просвітительский гурток викладачів і студентів Київської академії для перекладу історичної і політичної літератури. Член Верховної таємної ради за часів імператриці Анни Іоанівни (1726—1730), намагався при допомозі «кондицій» (умов) обмежити її владу. Після розпуску ради увільнений від державної служби й жив у своєму маєтку. За опозицію до царської влади ув'язнений в Шліссельбурзьку фортецю (1736—1737), де і помер.

С. 238. *Пророк* Ілля — один з християнських святих, міфічний персонаж релігійної літератури. З святом Іллі пов'язувалось закінчення косовиці сіна і початок збирання хлібів. За уявою людей від пророка Іллі залежали дощі і доля урожаю.

С. 240. *Между тем ненависть запорожцев к москалям все более и более возрастала и перешла в открытую вражду.*— Суперечки між запорожцями і російськими військами часто виникали внаслідок зловживань начальників російської армії та наступу царизму на запорозькі вольності.

С. 242. *Андрій* — святий апостол Ісуса Христа, брат апостола Петра. За грецькою міфологією Ісус Христос закликав Андрія першим йти за ним, і тому він прозваний «Первозванним», проповідував християнство в Причорномор'ї скіфам, в Придніпров'ї — слов'янам. За руськими літописами Андрій Первозванний на одній з Дніпровських гір поставив хрест і цим вказав місце для заснування Києва. На честь Андрія Первозванного у Києві на одній з гір у 1747—1753 рр. збудована церква за проектом архітектора В. В. Растреллі. В Росії найвищим орденом вважався орден Андрія Первозванного.

С. 245. *Скоропадський* Іван Ілліч (1646—1722) — гетьман Лівобережної України (1708—1722). Обіймав посади: батуринський сотник, генеральний осавул, стародубський полковник (1706—1708). Обраний гетьманом на старшинській раді у м. Глухові. В Полтавській битві (1709) І. І. Скоропадський очолював лівобережне козацьке військо. Відомий як великий землевласник; до його володінь належало понад 20 тис. селянських дворів. Для контролю за діяльністю гетьманського уряду на Лівобережній Україні царський уряд призначав своїх резидентів, які знаходилися при гетьмані в м. Глухові. За життя гетьмана 16 травня 1722 р. царським маніфестом створено Малоросійську колегію, якій підпорядковувалися адміністративні й судові органи Лівобережної України.

С. 247. *Вознесіння* Господнє — свято православної церкви, що відзначається на 40-й день після пасхи. В основі його лежить міф про вознесіння в небо воскреслого Ісуса Христа.

С. 258. *Інфлянти* — польські території, приєднані до Росії після першого поділу Польщі (1772). Перейменовані в Двінську провінцію, яка увійшла до Вітебської губернії.

Шнява — російський весловий човен, що використовувався на річках.

С. 261. *Меншиков* Олександр Данилович (1673—1729) — з міщан Москви. Державний діяч і полководець. Граф Римської імперії 1702), князь Римської імперії, «світлійший» князь Ижорський (1707). Як генерал російської армії, командував військами і здобув перемоги над шведами під Нотебургом (1702) і Калішем (1706). За участь у Полтавській битві (1709) одержав звання фельдмаршала. Згодом став генералісімусом (1727). Брав участь в здійсненні реформ Петра I, користувався його довір'ям і дружбою. О. С. Пушкін назвав О. Д. Меншикова «полудержавным властелином». Президент воєнної колегії (1719). Мав значні маєтки на Україні. Після смерті Петра I О. Д. Меншиков сприяв зайняттю престолу Катериною I (1725—1727) і сином Олексія Петровича — Петром II (1727), одруженим на дочці фаворита Анні. Згодом цар від цього шлюбу відмовився, а проти О. Д. Меншикова виникла змова вищих сановників, що закінчилось для князя трагічно. У вересні 1727 р. він був арештований і засланий спочатку у м. Ранненбург (фортеця поблизу Воронежа), а потім у м. Березів (Тобольська губернія в Східному Сибіру), де і помер через два роки (12 листопада 1729 р.).

С. 269. *Ввиду близости врага царь Петр Алексеевич июля 4 дня* [1706 р.— *Авт.] приехал в город Киев и провел в нем полтора месяца.*— Перебуваючи в Києві, Петро I жив у приватному будинку на Подолі. Будинок зберігся до нашого часу (вул. Костянтинівська, 6). В грудні 1952 р. на будинку встановлено меморіальну дошку.

С. 270. *Галаган* Гнат Іванович (рік народження невідомий — 1748) — син українського козака з с. Омельник (поблизу Кременчука) на Полтавщині. В Запорозькій Січі обраний полковником. На Лівобережній Україні при гетьмануванні Івана Мазепи також був полковником і командував найманим компанійським кінним («охотницьким») полком. Разом з Мазепою перейшов на бік шведського короля Карла XII, але незабаром привів свій полк в табір російського війська й склав присягу на вірність Петру I. Г. І. Галаган зі своїм полком допомагав російському війську навесні 1709 р. руйнувати Запорозьку Січ і винищувати запорожців. В наступний час був чигиринським (1709—1713) і прилуцьким (1714—1739) полковником. Петро I надав Г. І. Галагану значні маєтки на Україні.

«...вѣрный обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Степановичъ Мазепа, гетманъ и славного чина св. апостола Андрея кавалеръ...»— Від Петра I Іван Степанович Мазепа отримав найвищий в Росії орден Андрія Первозванного з голубим бантом.

С. 272. *Консистенція* — відшкодування збитків.

С. 276. *Головкін* Гаврило Іванович (1660—1734) — російський державний діяч, граф, канцлер, начальник Посольського приказу (1706—1717) і Колегії закордонних справ (1717—1730). Малоросійський приказ підпорядковувався тоді Посольському приказові.

С. 277. *Левенець* Іван Прокопович (рік народження невідомий—1736) — сотник Полтавського козацького полку (1687—1690), полковий осавул (1691—1693), полковник полтавський (1701—1709), значний військовий товариш (1711), бунчуковий товариш (1723), один з трьох правителів Генеральної військової канцелярії (1724—1727), полковник (1725—1727), учасник Північної війни і військових походів проти Кримського ханства. Володів маєтками на Лівобережній Україні (с. Мильці, Нижні Млини), а також млинами, винокурнею, броварнею, шинком.

С. 277. *...появление в Запорожье известного в истории войска донского козака Кондратия Булавина, поднявшего бунт на Дону против московского правительства.*— Булавін Кіндрат Опанасович (1660—1708) — організатор і керівник одного з найбільших антифеодальних повстань (селянської війни) в Росії на початку XVIII ст. Син козацького отамана Трьохізбянської станиці на Дону. Отаман козаків Бахмутських соляних промислів. Очолив 200 донських козаків, які 9 жовтня 1707 р. розгромили тисячний каральний загін царських військ під командуванням князя Ю. В. Долгорукого поблизу Шульгинського городка на р. Айдар. Від листопада 1707 до лютого 1708 р. К. О. Булавін перебував на Запорожжі в фортеці Кодак. На раді в Запорозькій Січі закликав козаків йти на допомогу донцям. Кілька сотень запорожців прибули в табір на р. Вороновиці і підтримали повстання — рушили в похід на Дон (березень 1708). Повстанське військо оволоділо фортецею Черкаськ (столицею Війська Донського), і там 9 травня 1708 р. військове коло обрало отаманом Війська Донського К. О. Булавіна. Повстання охопило Дон, Слобідську Україну, Запорожжя, Поволжя, ряд південних повітів центральної Росії. Козаки здійснили походи на Слобідську Україну, Поволжя і Азов, оволоділи Царицином. Однак повстанське військо зазнало поразки в ряді битв з карателями. Проти отамана К. О. Булавіна була вчинена змова старшини в Черкаську. 7 липня 1708 р. він загинув у бою із змовниками. Значні сили царських каральних військ розгромили загони селян і козаків — Ф. Некрасова, І. Павлова, С. Безпалого, М. Голого — та інших вожаків і придушили повстання.

Долгорукий Юрій Володимирович (рік народження невідомий — 1707) — князь, полковник, очолював у 1707 р. каральний військовий загін для придушення повстання на Дону. 9 жовтня 1707 р. К. О. Булавін з двома сотнями повсталих донських козаків розгромив цей загін. Ю. В. Долгорукий загинув у бою. Цей бій став початком повстання у Росії під проводом К. О. Булавіна — селянської війни.

С. 278. *Максимов* Лук'ян (рік народження невідомий — 1708) — станичний отаман Війська Донського, виступав проти повстанців, очолюваних К. Булавіним. Скараний на смерть за рішенням кола (ради) донських козаків у Новочеркаську (Черкаському городку).

С. 280. *Святогірський* монастир — православний духовний заклад, заснований у XIV ст. біля підніжжя Донецької скали (Крейдяної гори) на березі Сіверського Дінця. Культурний і освітній осередок Слобідської України. Визначною пам'яткою архітектури є Миколаївська церква. Після Жовтневої революції багато будівель Святогірського монастиря по-варварському знесено або зруйнувалось без догляду. На території колишнього монастиря утворено Слов'яногірський історико-архітектурний заповідник (поблизу м.Слов'яногірська Донецької області).

С. 281. *Долгорукий* Василь Володимирович (роки народження і смерті невідомі) — князь, після смерті брата очолив каральне військо на Дону для придушення селянської війни під проводом К. О. Булавіна (1707—1708).

Кумачеве знамено — прапор малинового кольору, з яким запорозькі козаки вирушали у військові походи.

С. 285. *Но шведского короля предупредил князь Меншиков, который быстро овладел Батуриным и сжег его до основания.*— Російське військо під командуванням О. Д. Меншикова оточило місто-фортецю Батурин (резиденцію гетьмана Івана Мазепи) 31 жовтня 1708 р. і 2 листопада 1708 р. штурмом оволоділо нею. Російські війська вивезли з Батурина запаси продовольства і боєприпаси (порох, гармати, ядра), місто спалили, а фортецю зруйнували. Багато захисників міста — козаків і місцевих жителів — загинуло під час штурму або скарано в екзекуції.

С. 285. *Великі Будища* — село на Полтавщині. 1709 р. навесні тут знаходилась штаб-квартира шведського короля Карла XII.

Глава четырнадцатая

С. 286. *Как для царя Петра Алексеевича, так и для запорожских козаков переход гетмана Мазепы на сторону шведского короля был совершенной неожиданностью.*— Гетьман І. С. Мазепа ретельно приховував свій задум перейти на бік шведського короля Карла XII. 16 жовтня 1708 р. він писав О. Д. Меншикову. «Исполняя повеление вашей княжей милости, в предпочтенном вашей же княжой светлости письме, от господина полковника стародубского присланном, изображенное, выдал я во все рейменту моего полки универсалы с таковым указом: дабы всяк, хто токмо похочет, ишол против неприятеля для промыслу и добычи, обнадеживая всех тым, что ни у кого добыча отобрана не будет, и якая бы кому досталась. А предложыл в тых универсалах и тое: что неприятель убрався з всеми силами своими в полк Стародубский великую нужду и крайний голод терпит, и по сторонам малолюдные купы от войска для приуготования корма распускает, над которыми латво можно промышлять и добыватца». (Цит. по : *Шутой В. Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. 1700—1709.— М., 1958.— С. 270). А через 8 днів після цього вірнопідданського листа І. Мазепа та його прихильники перейшли на бік шведського короля Карла XII (24 жовтня 1708 р.).

Ян II Казимир — див.: Т. 2.— С. 507.

С. 288. *Как представитель польско-аристократического и бюрократического начала в малороссийском крае, Мазепа по необходимости встречал страшную оппозицию со стороны запорожского войска, которое искони веков своего существования считало себя хранителем народно-козацких начал не только в одном Запорожьи, но и во всей Малороссии.*— Якщо сучасні історики все ще шукають причини переходу Івана Мазепи на бік шведів в його політичних амбіціях або моральних якостях і зрештою прагненні здобути для України державну самостійність, то Д. І. Яворницький 100 років тому докладно і науково пояснив трагічну помилку старого гетьмана. Іван Мазепа протягом 21 року гетьманського правління так і не зміг зрозуміти, що ідеалом козацьких і селянських мас України було збереження давніх «вольностей», здобутих у визвольній війні прав на волю і землю, об'єднання з єдиновірним російським народом, перебування під захистом могутньої Російської держави. І хоч гетьман Іван Мазепа мав державний розум і неабияку мудрість політичного комбінатора, він не зміг звернути український народ з пройденого ним історичного шляху й повести в невідомість примарним союзом з правителями Швеції і Польщі. Дотепер історики все ще ковзають на поверхні такого складного політичного і морального феномена, як поведінка Мазепи у 1708—1709 рр., і намагаються однозначно пояснити все це словом «зрада» (Росії, Україні, Петру І, українському народові). Українське суспільство не могло підтримати незрозумілі йому політичні комбінації гетьмана з ворожими силами. І тому крах планів і замислів Івана Мазепи цілком закономірний та історично обумовлений, бо народ — творець своєї історії, а не особи, хай навіть геніальні. Українські козаки, селяни та міщани не підтримали політичні комбінації не лише Івана Мазепи. Вони привели до військової і політичної поразки гетьманів Івана Виговського, Юрія Хмельницького, Павла Тетерю, Петра Дорошенка в їх намаганні орієнтуватися на шляхетську Польщу або султанську Туреччину. При всій своїй мудрості Іван Мазепа все ж не зміг утриматися від авантюрних намірів і дій стосовно долі України й прийшов до трагічного фіналу.

Был в Запорожьи кошевой атаман Гордиенко, страшный ненавистник Москвы. Но он слишком открыто действовал. Гордиенко был человек передовой по своим убеждениям — горячий патриот и чистый народник. Он не любил Москвы. Не любил, может быть, потому, что родился вдали от нее, но вместе не любил и Польши.— Д. І. Яворницький казав, що ідеалам Костянтина Гордієнка щодо політичного статусу України було: невтручання

царського уряду у внутрішнє життя Запорозької Січі та збереження запорожцям козацьких «прав і вольностей»; запровадження на Україні «народного козацького правління», але без участі місцевого панства і прийшлого боярства. К. Гордієнко ненавидів і гетьмана Мазепу, який вводив на Україні панські порядки й загравав з царським урядом. І хоча кошовий отаман з загоном запорожців перейшов на бік Карла XII, він не зрікся своїх ідеалів. Примирення і спілки з Мазепою також не відбулося. Після Полтавської битви і поразки шведської армії запорожці відступили на південь, де заснували над Дніпром спочатку Олешківську, а потім Кам'янську Січ у володіннях Кримського ханства. К. Гордієнко певний час перебував у Бендерах разом з І. Мазепою, а після смерті останнього — з П. Орликом. Д. І. Яворницький неоднозначно оцінював особу К. Гордієнка і цим наблизився до історичної правди.

С. 290. *Хмельницький* Юрій (Гедеон) Богданович — див.: Т. 2.— С. 505.

Сомко Яким Семенович — див.: Т. 2.— С. 505.

С. 291. *Російсько*-польський мир в Андрусові (Андрусівський договір про перемир'я Росії і Речі Посполитої 1667 р.)— див.: Т. 1.— С. 495.

С. 300. *На четвертый день Рождества Христова...*— Четвертий день різдва — 28 грудня (10 січня).

...о бунтовщиках Булавине, Некрасове и Беспалове.— Ватажки повстанців на Дону під час селянської війни 1707—1708 рр. у Росії.

С. 301. *...по водосвятии на Богоявление Господне...*— Водохреща — культова дія в християнстві (напередодні свята хрещення або богоявлення): священик тричі занурює у воду хрест.

С. 306. *Обнадеженные гетманом Мазепой и настроенные кошевым отаманом Гордиенком, запорожские козаки действительно с этого времени решили большинством голосов действовать против русского царя.*— Запорожці не були одностайними, і їх більшість не пішла за кошовим отаманом. Частина козацької кінноти й піхоти на чолі з К. Гордієнком прибула до табору Карла XII у Великі Будищі. Цьому передували бурхливі події. Навесні 1709 р. запорозька кіннота й піхота зібралася в Січі. Тоді ж близько 6 тис. запорожців, не згодних з К. Гордієнком, вийшли з Січі й розташувались табором біля сіл Старий Кодак і Нове (Новий Кодак). Вони мали намір приєднатися до лівобережного козацького війська гетьмана Івана Скоропадського й воювати проти шведів. Згодом вони повернулися на Запорожжя, куди вже прямувало царське військо, щоб зруйнувати Січ.

Датування (12 березня, неділя) перебування в Переволочній загону запорожців на чолі з К. Гордієнком не точне (11 березня — п'ятниця, 12 березня — субота, 13 березня — неділя). Отже, козацька рада в Переволочній відбувалася не 12, а в неділю 13 березня 1709 р.

С. 307. *Реншильд* Карл Густав (1651—1722) — шведський полководець, фельдмаршал, граф. Учасник битв з російською армією під Нарвою (1703) і Фраустадтом (1706). В битві під Полтавою (1709) був головнокомандуючим шведською армією, зазнав поразки і потрапив у полон. Звільнений 1718 р. і повернувся до Швеції.

С. 308. *В это время гетман Мазепа, узнав о выходе к нему Гордиенка, выслал навстречу кошевому конвой в 2000 человек.*— У самого гетьмана Мазепи всього козаків було близько 2 тис. Тому цифра, названа Д. І. Яворницьким, викликає сумнів. Не можна вірити й тому, що військо К. Гордієнка швидко зросло до 15 тис. чоловік, розгромило «російські загони» та закріпило за собою «береги Дніпра і його приток Орелі й Ворскли». Ці міфічні цифри й «подвиги» запорожців вигадані шведським придворним істориком Георгом Нордбергом в книзі «Історія Карла XII» (1748.— Т. I—IV) і прийняті на віру деякими вітчизняними істориками. На думку радянського історика В. О. Голобуцького, К. Гордієнко привів у Великі Будища лише «кілька сотень козаків» (Див.: *Голобуцкий В. А.* Запорожское козачество.— Киев,

1957.— С. 336). Г. Нордберг описав і помпезний прийом І. Мазепою К. Гордієнка в с. Диканьці, де знаходилась головна квартира колишнього гетьмана. Інших свідчень про ці події не збереглося.

С. 311. *Церемонію* прийому Карлом XII К. Гордієнка у с. Великих Будищах 27 березня 1709 р. описали шведські історики — придворний пастор і проповідник Георгій Нордберг та камергер Густав Адлерфельд. В книзі «Життя Карла XII» (1740—1742.— Т. I—III) Г. Адлерфельд повідомляв, що під час аудієнції К. Гордієнко нібито виголосив промову латинською мовою, потім уклав договір з Мазепою про спільні дії. Тоді ж Карл XII надав своє покровительство Івану Мазепі та Костю Гордієнку з їх військом, а також обіцяв, що Україна і Запорожжя користуватимуться давніми правами і привілеями. Про державну самостійність України в цій угоді («статті») не згадувалося. Від населення України вимагалось припинити війну проти шведів й надавати їм квартири, продовольство і фураж. Звичайно, це була ілюзія: припинити народну війну проти загарбників вже стало неможливо, тим більше, що значні козацькі сили на чолі з новим гетьманом Іваном Скоропадським та російські війська завдавали відчутних втрат шведській армії. Очікуваної військової допомоги від Мазепи і Гордієнка шведський король так і не отримав.

С. 314. *Григораш* (роки народження і смерті невідомі) — полковник брацлавський, який придушував виступи запорозьких козаків проти польської шляхти на Правобережній Україні в Уманському і Брацлавському полках у 1708—1709 рр.

Під проводом К. Гордієнка знаходилося 4 тис. запорожців, з яких лише половина була озброєна рушницями. Козаки висловлювали невдоволення кошовим отаманом, який «увів їх в явну погибель і... через нього вони опинилися в безвихідному становищі», бо повернутися в Січ вже не могли через оточення російськими військами; відверто говорили, що не бажають служити Мазепі і воювати проти російського царя. Тому називати козаків «зрадниками» немає підстав.

Глава пятнадцатая

С. 317. ... *половина запорожского войска, вышедшая с властным кошевым из Сичи, пошла с ним для соединения с шведским королем, другая же половина с Гордиенком не пошла и объявила свое намерение служить русскому царю...*— Навесні 1709 р. у Запорозькій Січі відбулося розмежування між козаками: частину їх кошовий отаман К. Гордієнко умовив іти на з'єднання з військами шведського короля Карла XII на Полтавщину; друга частина залишилася в Січі або на Запорожжі, маючи намір спільно з російським і лівобережним козацьким військом воювати проти шведів як загарбників.

С. 319. ...*сичевые запорожцы лишили заочно Константина Гордиенка звання кошевого атамана и на его место выбрали Петра Сорочинского.*— Підбурені К. Гордієнком січові козаки незабаром зібралися на раду, оголосили себе прихильниками шведського короля і відправили посланців до кримського хана з проханням прийняти їх під свою протекцію. Однак турецький візир порадив хану не давати згоди, щоб не було приводу для загострення відносин Туреччини з Росією. Переважна більшість запорожців не перейшла на бік шведського короля і не воювала проти Росії. Вони обрали кошовим отаманом Петра Сорочинського.

С. 321. *Д. І. Яворницький* вважає, що при К. Гордієнку на боці шведів нараховувалося приблизно 7 600 запорожців. Раніше (на с. 314) була названа інша цифра — 4 тис. запорожців, з яких лише половина була озброєна рушницями. Очевидно, цифра 7 600 значно перебільшена. До того ж на с. 322 названа ще менша цифра — 3 тис. піших запорожців, які під начальством К. Гордієнка знаходились біля м. Нові Санжари на Полтавщині.

С. 325. *Яковлев* Петро (роки народження і смерті невідомі) — полковник, який командував російським військом (3 полки) і виконував наказ Петра I про знищення Запорозької Січі 14 травня 1709 р.

С. 329. *Щодо* полонених, взятих в Запорозькій Січі 14 травня 1709 р. російськими і козацькими полками, то викликає сумнів твердження, що там захоплено 160 жінок і дітей. Адже за традицією в Січ жінки не допускалися. Звідки там з'явилися жінки й діти, Д. І. Яворницький не пояснив. Не названо й кошового отамана: Петро Сорочинський чи інша особа? Згадано наказного кошового отамана Кирика Коneловського. Вірогідно, саме він опинився у полоні. На с. 346 названо отамана Якима Богуша, який очолював козаків при їх відступі на дубах (човнах) з Січі в урочище Олешки і Кардашинський лиман. Запорожці обрали Богуша кошовим отаманом (с. 356). Царське військо вчинило жорстоку розправу над запорожцями, які потрапили в полон або здалися добровільно.

Фузія — рушниця.

Протазан — турецька шабля або клинок.

С. 332. *«... ведъ нынѣ и самъ отъ войска нашего окруженъ и подъ Опошнею побитъ и потерявъ пушки и знамена и немалое число людей, ушелъ отъ войскъ нашихъ за Вислу...»*— Тут помилка: треба «за Ворсклу».

Деташемент — відділена від головних сил армії військова частина (кілька полків), що виконувала спеціальне завдання.

Апраксін Федір Матвійович (1661—1728) — військовий і державний діяч Росії, генерал-адмірал флоту, граф, брат цариці Марфи Матвіївни — дружини царя Олексія Михайловича. Учасник Азовського походу (1696), начальник Адміралтейського приказу і Адміралтейської колегії. Під час Північної війни командував військами при обороні Кронштлота і Петербурга. В Гангутській битві (1714) командував галерною ескадрою. Командував Каспійською флотилією в Персидському поході (1722—1723) і Балтійським флотом (1723—1726). Член Верховної таємної ради (1726).

С. 333. *«... по учиненіи тридесятилѣтнего миру съ салтановымъ величествомъ турскимъ...»*— Тут мова йде про Константинопольський мирний договір Росії з Туреччиною, укладений 3 липня 1700 р. Цей мир дав можливість Росії розпочати Північну війну (1700—1721) проти Швеції.

С. 335. *Кроковський* Іоасаф (рік народження невідомий — 1718) — вихованець Київської колегії, професор колегії, ігумен Микільсько-Пустинного монастиря (1689), ректор Київської колегії (1689—1690, 1693—1697), ігумен Братського монастиря (1690—1697), архімандрит Печерської Лаври (1697—1707), київський і галицький митрополит (1707—1718). Автор духовних творів-проповідей і передмов до церковних видань. Співчував царевичу Олексію Петровичу, за що 1718 р. був арештований у Москві. Помер у м. Твер (по дорозі в Петербург).

Глава шестнадцатая

С. 340. *Келін* Олексій Степанович (рік народження невідомий — 1715) — полковник російської армії. Командував Тверським піхотним полком. Учасник Північної війни, боїв під Нотебургом, Нієншанцем, Дерптом, Нарвою. З 17 січня 1709 р. комендант м. Полтави, організатор оборони фортеці від шведських загарбників (травень-червень 1709). За оборону Полтави отримав військове звання генерал-майора. У Полтаві О. С. Келіну споруджено пам'ятник (1909). Д. І. Яворницький помилково назвав Келіна ім'ям «Іван».

С. 344. *Пощажено было несколько простых козаков, которые сами явились с повинной к царю. Таких собралось к июлю седьмому числу до 15 000 человек.*— Наведена цифра, мабуть, надто перебільшена. Такої кількості козаків — прихильників гетьмана Івана Мазепи — джерела не дають. Напевне, її вигадав історик І. І. Голиков (XVIII ст.) в 30-томній праці

«Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России», щоб підсилити враження читачів від тріумфу царя на Україні після Полтавської битви.

С. 345. *Бендери* — місто і фортеця в Молдавії, яка тоді перебувала під ігом Туреччини. Тут після Полтавської битви перебував шведський король Карл XII (1709—1714). В Бендерах знаходився і гетьман Іван Мазепа з відданою йому козацькою старшиною. Тут він і помер у вересні 1709 р. Тепер Бендери — районний центр Молдови.

... *предания Мазепы анафеме...*— Анафема — в християнстві прокляття і відлучення від церкви як найвища кара за релігійний злочин (богохульство, глум над святинями, святотатство, вільнодумство, виступи проти освяченого церквою монархічного самодержавного ладу тощо). Анафемі були піддані І. І. Болотников, С. Т. Разін, О. І. Пугачов, декабристи і ін. В листопаді 1708 р. у церкві м. Глухова в присутності царя Петра I, російських вельмож і українських старшин митрополит київський і галицький Іоасаф Кроковський тричі виголосив анафему і вічне прокляття гетьману Івану Мазепі за «зраду» царю, а потім ляльку, що зображала «злочинця», віддали в руки ката і повісили. До середини XIX ст. з церковних амвонів Росії в першу неділю посту проголошувалось прокляття: «Глаголющим, яко царя возводятся на престол не по особому благоволению Божию и тако дерзающим на бунт и измену, аки Гришке Отрепьеву и Ивану Мазепе и прочим подобным — анафема!». З часом Священий синод скасував анафему Мазепі, і в церквах припинилось безглуздe повторення прокляття. Звичайно, анафема Мазепі — скоріше вибух гніву і емоцій, ніж справжньої ненависті духовенства, царя і дворян, як це було стосовно проводирів селянських війн і декабристів.

С. 346. *Олешки* — урочище на березі Кардашинського лиману (р. Конки, що впадає в Дніпро), де запорожці 1709 р. заснували Січ в турецьких володіннях. Тепер на цьому місці — м. Цюрупинськ Херсонської області.

На підставі архівних документів Д. І. Яворницький доводить, що запорожці після розгрому Чортомлицької Січі царським військом (1709) відступили в турецькі володіння й поселилися в урочищі Олешки на березі Кардашинського лиману. Тут їхня Січ існувала 19 років (1709—1728). Потім вони повернулися на р. Чортомлик, і тут їхня Січ знаходилася 2 роки (1728—1730). З Чортомлика вони знову спустилися до гирла р. Кам'янки, що впадає в Дніпро, й тут заснували Кам'янську Січ (1730—1734). Звідси в 1734 р. запорожці повернулися в Росію і поселилися на притоці Дніпра — р. Підпільній, в 5 верстах нижче старої Чортомлицької Січі. Тут Запорозька Січ знаходилася до її ліквідації 1775 р. Вона дістала назву Нова Січ.

Радянський історик В. О. Голобуцький дає дещо відмінну версію про місця перебування запорожців: у 1709—1711 р. Січ знаходилася на р. Кам'янці в межах Росії, але царський уряд примусив запорожців залишити це місце; у 1711—1734 рр. Січ перебувала в уроч. Олешки. Цю версію свого часу висунув історик Д. М. Бантиш-Каменський. *(Голобуцький В. А.* Запорожское казачество.— Киев, 1957.— С. 337—340).

Нам здається, що аргументи Д. І. Яворницького заслуговують більшого довір'я, ніж Д. М. Бантиша-Каменського і В. О. Голобуцького: Січ знаходилася спочатку в Олешках, потім на Чортомлику і, нарешті, на р. Кам'янці, звідки козаки повернулися в Росію і поселилися на р. Підпільній.

С. 347. *Орлик* Пилип (1672—1742) — шляхтич, генеральний писар лівобережного козацького війська (1702—1708), після смерті Івана Мазепи проголошений гетьманом (1710). Уклав угоду («Конституцію») з К. Гордієнком про визволення України і протекторат над нею Карла XII (Швеції). В 1714 р. П. Орлик залишив Бендери і проживав у Швеції, Німеччині, Польщі, Франції, Туреччині, Кримському ханстві, намагався зібрати сили і створити коаліцію європейських держав для війни проти Росії, щоб визволити з-під царської влади Україну. Під час укладення Прутського миру між Росією і Туреччиною (1711) Пилип Орлик наполягав на відокремленні України

від Росії. В грудні 1711 р. відрядив посольство до Константинополя для переговорів про визволення України і автономію Запорозької Січі. В Салоніках (Македонія) П. Орлик жив 12 років. 1734 р. прибув у м. Каушани (Молдавія) й звідти намагався підбурити запорожців до виступу проти Росії. Але ця акція йому не вдалася: козаки повернулися на батьківщину і заснували Нову Січ. (*Крупницький Б.* Гетьман Пилип Орлик (1672—1742). Огляд його політичної діяльності.— Варшава, 1937.— 251 с.).

С. 347—356. *У м. Бендерах* між колишнім кошовим отаманом Запорозької Січі Костянтином Гордієнком і емігрованим гетьманом Пилипом Орликом 1710 р. була укладена угода (16 пунктів) про незалежне політичне становище України, до якого прагнуло козацтво від часів гетьмана Богдана Хмельницького. В історичній літературі цей документ названо ще «Конституцією» України. Він повністю приведений Д. І. Яворницьким з посиланням на джерела. 10 травня 1710 р. в Бендерах шведський король Карл XII затвердив обрання Пилипа Орлика гетьманом України і названу угоду.

С. 353. *Інтрата* — прибуток з оренди (маєтків, промислів тощо).

С. 354. *Елекція* — вибори урядових осіб в Речі Посполитій, зокрема королів. Цей термін застосовувався і на Україні.

С. 355. *Маїстрат* — магістрат, виборне міське управління.

Станція (стація) — див.: Т. 2.— С. 499.

С. 356. *Евекта* — митний податок, що стягувався гетьманським урядом за вивіз товарів з Лівобережної України в Росію (друга половина XVII — перша половина XVIII ст.).

Інтерцига — майновий контракт, або угода.

С. 367. *Шафіров* Петро Павлович (1669—1739) — російський державний діяч і дипломат, барон. Брав участь в укладенні Прутського мирного договору Росії і Туреччини (1711), Ніштадтського мирного договору Росії і Швеції (1721). Займав посади віце-канцлера і управителя поштою, віце-президента Колегії закордонних справ, президента Комерц-колегії.

Глава семнадцатая

С. 370. *Потоцький* Йосиф (Юзеф) — польський («київський») воєвода, брав участь у нападі на Правобережну Україну (1711) спільно з козаками Пилипа Орлика, запорожцями і татарами.

С. 371. *Флінт* — вогнепальна зброя, рушниця.

Сикурс — допомога (військова).

С. 373. *...неудачи, которую испытал русский царь на берегу реки Прута.*— Під час російсько-турецької війни (1710—1713) влітку 1711 р. 38-тис. російську армію Петра I оточило 180-тис. турецьке і татарське війська поблизу с. Станілешті під Яссами (Молдавія) за р. Прут. Російське військо мужньо обороняло свій табір і відбивало ворожі штурми. Російське командування вступило в переговори з турецьким і 12 липня 1711 р. уклало невигідний для Росії Прутський трактат.

С. 377. *Горленко* Лазар (рік народження невідомий — 1687) — прилуцький полковник (1658, 1661—1662, 1664—1668, 1672—1677, 1680—1687). Вбитий повсталими козаками під час першого Кримського походу (1687).

Горленко Дмитро Лазарович (роки народження і смерті невідомі) — прилуцький полковник (1692—1708), наказний гетьман під час Північної війни над козацькими полками (1705). Разом з Мазепою і Карлом XII втік у Бендери, а звідти в Константинополь. 1715 р. повернувся з еміграції і жив у Москві, звідки царським урядом відпущений на Україну (1731). Володів на Україні кількома селами.

С. 378. *Російсько*-турецький мир, укладений 14 червня 1713 р. на 25 років. (Радянська енциклопедія історії України дає іншу дату — 13 червня).—За умовами цього мирного договору Росія зобов'язувалась вивести

свої війська з Правобережної України, а шведський король Карл XII і гетьман Пилип Орлик мусили залишити Бендери.

С. 379. *Войнаровський* Андрій (рік народження невідомий — 1740) — з української старшини, племінник гетьмана Івана Мазепи і спадкоємець його багатств. Займав старшинські посади в козацькому війську. Власник значних маєтностей на Лівобережній Україні. Разом з гетьманом Іваном Мазепою та групою старшин перейшов на бік шведського короля Карла XII (1708). Після розгрому шведів у Полтавській битві (1709) втік у Бендери. Разом з П. Орликом, проголошеним гетьманом після смерті І. Мазепи, підбурював Туреччину і Кримське ханство до війни проти Росії (1710—1711), намагався утворити антиросійську коаліцію держав Європи. За наказом Петра I А. Войнаровського заарештував російський консул в м. Гамбурзі (Німеччина) і відправив у Петербург (1716). Засланий в Якутськ, де і помер. Декабрист К. Ф. Рилєєв присвятив А. Войнаровському поему «Войнаровський» (1824).

Глава восемнадцатая

С. 381. *Полтавська* битва — див.: Т. 1.— С. 503.

...Полтавская битва бесповоротно решила вековой вопрос о слиянии двух русских народностей, великорусской и малорусской в одно целое политическое тело.— Народна війна на Україні проти шведських завойовників і Полтавська битва справді засвідчили міцність союзу народів Росії і України, проголошеного Земським собором (1653) і Переяславською радою (1654). Однак історичний розвиток російської (великоросійської) і української (малоросійської) народностей, їх існування в одній державі не означало злиття «в одне політичне тіло», як твердить Д. І. Яворницький. Незважаючи на тривалу централізаторську та русифікаторську національну політику царського самодержавства щодо України, етнічні особливості української народності (зокрема мова, культура, побут і звичаї) збереглися і розвинулися на власній основі.

С. 383. *Малашевич* Іван Олексійович (роки народження і смерті невідомі) — кошовий отаман Олешківської (1714, 1716) і Кам'янської (1733—1734) Січей, виходець з козаків м. Золотоноші (Полтавщина). Піклувався про повернення запорожців на Україну під владу Російської держави і «помилування війська запорозького». Домігся дозволу на перевод запорожців з р. Кам'янки в урочище Базавлук, де й була заснована Нова Січ (1734—1775).

С. 391. *Петра* і Павла — християнське свято апостолів Ісуса Христа, які проповідували його вчення. Відзначається щороку 29 червня (12 липня).

С. 396. *Фрідріх I* (1676—1751) — герцог гессе-касельський, чоловік сестри Карла XII, шведської королеви Ульрики-Елеонори (1715), генералісимус Швеції, шведський король (1720—1751). Підтримував Пилипа Орлика і листувався із запорозькими козаками. Уклав Ніштадтський (1721) і Абоський (1743) мирні договори Швеції і Росії.

Глава девятнадцатая

С. 399. *Ніштадтський* вічний мир Росії і Швеції (1721) — мирний договір, що закріпив перемогу Російської держави над королівством Швеції у Північній війні (1700—1721). Укладений російськими і шведськими представниками 10 вересня 1721 р. у м. Ніштадті (Фінляндія). За умовами договору до складу Російської держави увійшли Ліфляндія (тепер Латвія) з містом Ригою, Естляндія (тепер Естонія) з містами Ревелем (тепер Таллінн) і Нарвою, Інгерманландія (тепер Ленінградська область), західна частина

Карелії, м. Виборг, острови в Балтійському морі Езель і Даго. Договір закріпив за Росією вихід до Балтійського моря.

Малоросійська колегія — див.: Т. 1.— С. 510.

С. 400. *Для управления Малороссией назначен был наказной гетман, Черниговский полковник Павел Полуботок, избрание же настоящего гетмана отложено было на неопределенное время.*— Мотивуючи свою відмову дати дозвіл на обрання гетьмана Лівобережної України, Петро I на чолобитну української старшини (1722) відповів: «Усім відомо, що від Богдана Хмельницького до Скоропадського усі гетьмани виявилися зрадниками, від чого багато потерпіла російська держава, особливо Малоросія, і тому потрібно підшукати на гетьмана вірну й надійну людину, а поки така знайдеться, визначено урядування, якому належить коритися і не надокучати щодо виборів гетьмана». (Цит. за: *Костомаров Н. И.* Павел Полуботок // Русская старина.— 1876.— Т. XVI.— С. 507—508.) Звинувачення, висунуті проти усіх українських гетьманів у «зраді», Петро I використав для того, щоб заборонити обрання гетьмана на Лівобережній Україні і цим позбавити її державної автономії, визнаної царським урядом за умовами «Березневих статей» Богдана Хмельницького (1654).

Трубецькой Іван Юрійович (рік народження невідомий — 1750) — російський військовий діяч, генерал-фельдмаршал, Новгородський намісник (1698), учасник Північної війни, потрапив у полон до шведів (1700—1718). Пізніше займав посаду Московського генерал-губернатора (1739—1750).

Вейсбах Йоган-Бернгард (рік народження невідомий — 1735) — військовий діяч, генерал, граф, виходець з Богемії (Австрія). Перейшов на службу в Росію (1707). У Полтавській битві (1709) командував кавалерією російської армії на правому фланзі й переслідував розгромлене шведське військо до Переволочної.

С. 401. *Катерина I* Олексіївна (1684—1727) — російська імператриця (1725—1727), дружина Петра I (1712—1725). Мала двох дочок — Анну і Єлизавету (майбутню імператрицю). При царюванні Катерини I влада фактично перебувала в руках О. Д. Меншикова.

С. 403. *Богоявлення* Господнє — друга назва християнського свята Хрещення, що відзначається щороку 25 грудня (7 січня).

С. 404. *Голіцин* Михайло Михайлович (1675—1730) — російський полководець, князь, генерал-фельдмаршал, головнокомандуючий російською армією на Лівобережній Україні. У Полтавській битві (1709) командував гвардією, переслідував шведів до Переволочної і там прийняв капітуляцію шведської армії. З 1722 р. йому підлягали і козацькі полки. Президент Військової колегії, сенатор і член Верховної таємної ради (1728—1730).

С. 411. *Вынужденные необходимостью оставить место Чортомлыцкой Сичи запорожцы в 1730 году снова вернулись под протекцию крымского хана, но на этот раз избрали местом для своей Сичи не Алешки, а устье речки Каменки, составлявшей в то время границу между владениями Турции и России.*— Кам'янська Січ (1730—1734) розташовувалася майже на кордоні Росії і Туреччини, зазнавала менше утисків з боку Кримського ханства. Запорожці мали більше можливостей для спілкування з Україною і переговорів з царським урядом та місцевою адміністрацією Лівобережної України про їх повернення під протекцію Росії та заснування Нової Січі.

Глава двадцатая

С. 415. *Кабарда* (Велика і Мала) — територія на західній частині колишньої Терської області царської Росії. Тепер — Кабардинська АРСР, що входить до складу РРФСР.

С. 417. *Мініх* Бурхард-Христоф (Христофор Антонович) (1683—1767) — див.: Т. 1.— С. 503.

Глава двадцать первая

С. 432. *Каушани* — молдавське місто поблизу Бендер (Бессарабія), літня резиденція кримських ханів і місце перебування ногайських сераскерів (правителів) Буджацької орди. В Каушани прибув Пилип Орлик і 23 квітня 1734 р. звернувся до запорожців з листом, у якому дорікав їм за те, що вони перейшли у підданство Росії. Задуми П. Орлика щодо відторгнення України від Росії зазнали краху.

С. 436. *Афонська* гора.— Свята гора, вузький гористий півострів (східна частина широкого Халкидикського п-ва), що виходить в Егейське море (Архіпелаг), на території Греції. На Афонській горі розташовувалися Карейська лавра, Ватопедський монастир, скит святого Андрія, монастир святого Пантелеймона (належав росіянам), малоросійський скит святого пророка Іллі, монастир (лавра) святого Афанасія, Іверський монастир, монастир «Пантократор» та ін. На Афонській горі тривалий час жив український поет і філософ Іван Вишенський (кінець XVI — початок XVII ст.).

С. 438. *Ногайські,* кримські й азовські татари — представники татарської народності, які мешкали або кочували в Криму, Приазов'ї і в степах Північного Причорномор'я.

С. 449. *...прислать особых депутатов в город Лубны для подписания условий...*— Лубни — місто на Полтавщині, центр козацького полку. Тут 1734 р. депутати від Нової Січі підписали з представником російського уряду генерал-лейтенантом, принцем Гессен-Кобурзьким договір про умови переходу запорозького війська в підданство російським царям і присягнули їм на вірність. Запорозька Січ засновувалась в урочищі Базавлук на р. Підпільній, поблизу зруйнованої старої Чортомлицької Січі.

С. 450—451. *Граф* Вейсбах відрядив у Нову Січ генерал-майора Тараканова для оголошення запорожців підданими Росії. У жовтні 1734 р. склали присягу на вірність Російській державі 7115 запорозьких козаків. Так завершилася 25-річна трагічна епопея перебування запорожців під владою Кримського ханства і їх наполеглива боротьба за повернення на батьківщину.

БІБЛІОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным.— Новочеркасск, 1891.— Т. 1.— XXIII, 321, XXIII с.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссией.— Спб., 1863—1892.— Т. 5: 1659—1665.— 1867.— VIII, 335 с.; Т. 12: 1675—1676.— 1882.— 20 с., 874 стб., 15 с.

Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России.— Киев, 1885.— Т. 1.— 351 с.

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края.— М., 1822.— Ч. 2.— VIII, 324 с.; Ч. 3.— XI, 303 с.; Ч. 4.— XI, 303 с.

Бантыш-Каменский Д. Н. Источники малороссийской истории.— Ч. 2: 1691—1722 г. // Чтения в императорском о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те.— 1859.— Кн. 1.— С. 1—340.

Бантыш-Каменский Д. Н. Источники малороссийской истории / Собр. Д. Н. Бантышем-Каменским и изд. О. Бодянским.— М.— Ч. 1: 1649—1687.— 1858.— 2, IV, 340 с.; Ч. 2: 1691—1722.— 1859.— 340 с.

Безкровный И. Запорожские городища // Зап. Одес. о-ва истории и древностей.— 1875.— Т. 9.— С. 433—444.

Богданович М. И. Замечательнейшие походы Петра Великого и Суворова: Публ. лекции воен. истории, читан. в 1846 г.— Спб., 1846.— 240 с.

Брикнер А. Г. История Петра Великого.— Спб., 1882.— Т. 2, ч. 4—6.— 686, VIII, 27 с.

Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, 1720 / Врем. комис. для разбора древних актов.— Киев, 1848—1864.— Т. 1.— 1848.— VIII, 454, 51, XXX, II с.; Т. 2.— 1851.— 612, XVII, III с.; Т. 3.— 1855.— IV, XII, 568 с.; Т. 4: Приложения.— 1864.— XI, 407 с.

Востоков А. К истории первого крымского похода // Киев. старина.— 1886.— № 2.— С. 267—278.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам.— М., 1788.— Ч. 3.— 395 с.

Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого.— М.— Т. 8.— 1792.— XVIII, 472 с.; Т. 15.— 1795.— XIX, 400 1 к.; Т. 16.— XII, 462, [2] с.

Дела, касающиеся запорожцев, с 1715—1774 г. // [Сост. А. А. Андриевский] // Зап. Одес. о-ва истории древностей.— 1886.— Т7 14.— С. 283—715.

Зарульский С. Описание о Малой России и Украины: С приложениями // Чтения в императорском о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. - 1848. - № 8.— С. 1—70.

Иванов П. Сношения Малороссийской коллегии с крымским ханом // Зап. Одес. о-ва истории и древностей.— 1863.— Т. 5.— С. 842—845.

Костомаров Н. Мазепа и мазепинцы: Ист. моногр.— Спб., 1885.— [5], XIV, 752 с.

Краткое историческое описание о Малой России до 1765 года, с дополнением о запорожских козаках и приложениями, касающимися до сего описания, собранное из летописей, польского и малороссийского журнала или записок генерала Гордона, Страленберга, шведского историка, из жизнеописания о государе Петре Великом архиепископом Феофаном Прокоповичем и греком Антонием Катифором, фамильных записок и публичных указов. 1789 // Чтения в императорском о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те.— 1848.— № 6.— С. 1—56.

Лагус Ф. Карл XII в Южной России // Зап. Одес. о-ва истории и древностей российских.— 1853.— Т. 3.— С. 306—337.

Лазаревский А. М. Очерки малороссийских фамилий: Материалы для истории общества в XVII и XVIII в. // Рус. архив.— 1875.— Кн. 1. — С. 311—325.

Летопись Самовидца по новооткрытым спискам: С прилож. трех малорос. хроник: «Хмельницкой», «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического».— Киев: Киев. Врем. комис. для разбора древних актов, 1878.— XVIII, 81, 469 с.

Максимович Л. М. Новый полный географический словарь Российского государства...— М., 1788.— Ч. 2: З — К.— 364 с.

Максимович М. А. Собрание сочинений.— Киев, 1877.— Т. 2: Отделы: историко-топографический, археологический и этнографический.— VII, 524 с.

Манштейн Х. Г. Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год с дополнением достаточного сведения о войске, флоте, торговле и проч. сей обширной империи / Пер. чл. рос. акад. Т. Мальгина.— М., 1823.— Ч. 1.— XXX, 329 с.

Маркевич Н. История Малороссии.— М., 1842.— Т. 1.— 387, X с.; Т. 4.— 483, VII с.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого.— Спб., 1892.— XVI, 736, 156 с.

Мурзакевич Н. Исторические песни касающиеся Новороссийского края // Зап. Одес. о-ва истории и древностей.— 1875.— Т. 9.— С. 453—464.

Мышецкий С. И. История о козаках запорожских, как оные издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют и в каком состоянии ныне находятся, сочиненная от инженерной команды, издана со списка хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова.— Одесса, 1852.— 42 с.

Описание реки Днепра от м. Переволочного до Черного моря // Зап. Одес. о-ва истории и древностей.— 1853.— Т. 3.— С. 571—586.

Павловский И. Ф., Старковский В. М. Полтавская битва и ее памятники.— 2-е изд.— Полтава, 1895.— 130 с. + 25 с. приложения.

Петров П. Н. Петр Великий, последний царь московский и первый император Всероссийский (1672- 1725): Биограф. очерк.— Спб., 1872.— 161 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого.— Спб.— Т. 1: (1688—1701).— 1887.— XXXII, 888, LIII с.; Т. 2: (1702- 1703).— 1889.— XXI, 720, LXII с.

Письмо Гордиенка к воеводе города Каменного Затона, Данилу Романовичу Шеншину (Сообщ. Беляев) // Чтения в императорском о-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те.— 1847.— № 9.— С. 24.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года.— Спб., 1830.— Т. 4: 1700—1712.— 881 с.; Т. 7: 1723—1725.— 922, [3] с.

Пузыревский А. К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого.— Спб., 1889.— 347 с.

Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще, отколь, из какого народа оные происхождение свое имеют, и по каким случаям они ныне при своих местах обитают, как то: черкасские или малороссийские и запорожские, а от них уже донские, а от сих яицкие, что ныне уральские, гребенские, сибирские, волгские, терские, некрасовские и проч. козаки, как равно и слободские полки / Собр. и сост. через тр. инж. генерал-майора и кавалера А. Ригельмана, 1785—86 года.— М.: [Изд. имп. о-ва истории и древностей российских], 1847.— VII, 219, 201, 147, 101, XIV, VI, 41 с.: ил., карт.

Румянцев. О состоянии малороссийского козачества в половине XVIII века // Киев. старина.— 1882.— № 10.— С. 126—133.— Перед загл.: генерал Румянцев.

Савельев-Ростиславич А. Полковник Палий и его участие в Полтавском сражении // Сын Отечества.— 1848.— № 8.— С. 1—20.

Сборник событий в Новороссийском крае // Зап. Одес. о-ва истории и древностей.— 1868.— Т. 7.— с. 297—305.

Скальковский А. История Новой Сечи или последнего коша запорожского составлены из подлинных документов Запорожского сечевого архива А. Скальковским.— 2-е изд., испр. и знач. умнож.— Одесса.— 1846.— Ч. 2.— 367 с. 1 к.

Скальковский А. К истории Запорожья // Киев. старина.— 1882.— № 7.— С. 178—180.

Скальковский А. Филипп Орлик и запорожцы // Киев. старина.— 1882.— № 4.— С. 106—132.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.— М., 1828.— Ч. 4.— IV, 656, 161 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1864.— Т. 14: История России в эпоху преобразования, т. 2.— 380, LIX с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— 3-е изд.— М., 1879.— Т. 14: История России в эпоху преобразования, т. 2.— 359 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1865.— Т. 15: История России в эпоху преобразования, т. 3.— 430 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— 3-е изд.— М., 1881.— Т. 15: История России в эпоху преобразования, т. 3.— 368 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1866.— Т. 16: История России в эпоху преобразования, т. 4.— 408 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— М., 1867.— Т. 17: История России в эпоху преобразования, т. 5.— 404, XII с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— 3-е изд.— М., 1885.— Т. 19: История России в царствование императора Петра II-го и императрицы Анны Иоанновны, т. 1.— 384, II с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен.— 3-е изд.— М., 1887.— Т. 20: История России в царствование императрицы Анны Иоанновны, т. 2.— 475, II с.

Список населенных мест по сведениям 1859 года.— Спб., 1862.— Вып. 33: Полтавская губерния.— XXXIII, 262 с.

Судиенко М. Материалы для отечественной истории.— Киев.— Т. 1.— 1853.— [IV], V, [3], 124, X, 168, 317, [2] с.; Т. 2.— 1855.— [6], II, 511, [4] С.

Устрялов Н. История царствования Петра Великого.— Спб.— Т. 1: Господство царевны Софии.— 1858.— 400 с.; Т. 4, ч. 1: Битва под Нарвою и начало побед.— 1863. 611, VIII с., Т. 4, ч. 2: Приложения.— 1863.— 672; XXVIII с.

Феодосий (Макаревский). Самарский, Екатеринославской епархии, Пустынно-Николаевский монастырь.— Екатеринослав, 1873.— 2, 121 с.

Царский И. Список с отписки к государям царям и великим князьям всея Руси Іоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу боярина Бориса

Шереметева, о взятии и разорении города Казыкерменя // Зап. Одес. о-ва истории и древностей.— 1853.— Т. 3.— С. 269—272.

Шмитт Г. 7 История польского народа.— Спб., 1866.— Т. 3.— 208 с.

Эварницкий Д. И. Вольности запорожских козаков: Историко-топографический очерк.— Спб., 1890.— 384, 2 с. —3 к.

Эварницкий Д. И. Запорожье в остатках старины и преданиях народа: С 55-ю рисунками и 7-ю планами.— Спб., 1888.— Ч. 2.— 257 с. — 1 к., 3 ил.

Эварницкий Д. И. История запорожских козаков.— Спб., 1895.— Т. 2.— 624 с. 1 к.

Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским.— Киев, 1856.— Т. 1.— XI, 164 с.

Adlerfeld G. Histoire Militare de Charles XII, Roi de Suede.— Amsterdam, 1740.— T. 3.— 547 p.

Gordon P. Tagebuch des Generals Patrik Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 dis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 dis 1699, zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst M. A. Obolenski und M. C. Posselt.— Moskau, 1849—1852.— Bd. 1—3.

Histoire de Charles XII, Roi de Suede / Traduite du suédois de monsieur J. A. Nordberg.— Alahate, 1744.— T. 2.— 653 p.

ПОКАЖЧИК АРХІВНИХ ДЖЕРЕЛ ДО ДРУГОГО ТОМУ

Шифри, зазначені автором у примітках	Сучасні сигнатури
Архив Министерства иностранных дел	**Центральний державний архів давніх актів СРСР.— Ф. 124,**
Малороссийские дела, 1668, № 13, св. 26	Малоросійські справи Посольського приказу.— Оп. 1, 1668.— № 13
Там же, 1673, № 3, св. 38	Там же.— Оп. 1, 1673.— № 3
Там же, 1673, № 35, св. 39	Там же.— Оп. 4.— № 18
Там же, 1675, № 2, св. 44	Там же.— Оп. 4.— № 24
Там же, 1677, № 24	Там же.— Оп. 1, 1677.— № 24
Там же, 1678, № 2	Там же.— Оп. 1, 1678.— № 2
Там же, 1679, № 4	Там же.— Оп. 3.— № 354
Там же, 1681, св. 56, № 14	Там же.— Оп. 1, 1681.— № 14
Там же, 1683, св. 60, № 13	Там же.— Оп. 1, 1683.— № 13
Там же, 1683, св. 60, № 15	Там же.— Оп. 4.— № 27
Там же, 1684, св. 64, № 18	Там же.— Оп. 1, 1684.— № 18
Там же, 1685, св. 67, № 18	Там же.— Оп. 1, 1685.— № 18
Там же, 1686, св. 69, № 18	Там же.— Оп. 3.— № 487
Там же, 1686, св. 69, № 19	Там же.— Оп. 1, 1686.— № 19
Там же, 1686, св. 2, № 23	Там же.— Оп. 4.— № 30
Подлинные акты (малороссийские подлинные дела) 1681 г., св. 5, № 404	Там же.— Оп. 3.— № 404
Там же, 1682, св. 5, № 426	Там же.— Оп. 3.— № 426
Там же, 1683, св. 5, № 432	Там же.— Оп. 3.— № 432
Там же, 1684, № 444	Там же.— Оп. 3.— № 444
Там же, 1684, св. 64, № 20	Там же.— Оп. 3.— № 446
Там же, 1684, св. 64, № 22	Там же.— Оп. 3.— № 449
Там же, 1684, № 454	Там же.— Оп. 3.— № 454
Там же, 1685, св. 5, № 458	Там же.— Оп. 3.— № 458
Сношения с Малороссией, грамоты 1682, св. 2, № 21	Там же.— Оп. 4.— № 26
Турецкие дела, № 1, 63, 160, 244	Не встановлено
Московское отделение архива Главного штаба	**Центральний державний військово-історичний архів СРСР.— Ф. 52,**
Дела кн. Потемкина-Таврического оп. 194, св. 181, № 1	Справи Потьомкіна-Таврійського.— Оп. 1 / 194.— № 1
Императорская публичная библиотека, Разнояз., Q, отд. IV, 8	**Державна публічна бібліотека ім. М. Є. Салтикова-Щедріна.**— Відділ рукописної та рідкісної книги.— Q.IV.8
Там же, Польск., F.IV, № 71	Там же.— F.IV.71

ПОКАЖЧИК АРХІВНИХ ДЖЕРЕЛ ДО ТРЕТЬОГО ТОМУ

Шифри, зазначені автором у примітках	Сучасні сигнатури
Архив Министерства иностранных дел	**Центральний державний архів давніх актів СРСР** (далі — **ЦДАДА**).—
Крымские дела, 1686, св. 77, № 11	Ф. 123. Зносини Росії з Кримом.— Оп. 1, 1686.— № 11
Там же, № 15, 17	Там же.— № 15, 17
Там же, 1692, св. 79-а, № 4	Там же.— 1692. № 4
Малороссийские дела, 1686, св. 69, № 15	Там же.— Ф. 124. Малоросійські справи Посольського приказу.— Оп. 1, 1686.— № 15
Там же, св. 70, 10 XII	Там же.— № 31
Там же, № 29	Там же.— № 29
Там же, 1687, № 25, св. 72	Там же.— Оп. 4.— № 34
Там же, 1688, св. 73, № 11	Там же.— Оп. 1.— 1688.— № 11
Там же, св. 76, № 66	Там же.— № 66
Там же, № 70	Там же.— № 70
Там же, № 70—75	Там же.— № 70—75 за винятком № 71
	(Там же.— Оп. 3.— № 547)
Там же, 1714, св. 36, № 44, 42	Там же.— 1714.— № 44, 42
Там же, 1716, св. 38, № 37	Там же.— 1716.— № 37
Там же, 1717, св. 39, № 20	Там же.— 1717.— № 20
Там же, 1720, св. 44, № 21.	**Архів зовнішньої політики Росії.**— Ф. Малоросійські справи.— Оп. 124/1.— 1720 р.— № 21
Там же, 1728, св. 62, № 22	Там же.— 1728.— № 22
Там же, № 27	Там же.— № 27
Там же, 1733, св. 69, № 3, 4, 9	Там же, 1733.— № 3, 4, 9
Там же, 1734 и 1735, св. 69, № 6	Там же, 1734—1735.— № 6
Там же, малороссийские подлинные акты, 1686, св. 2, № 25, 27, 28	**ЦДАДА.**— Ф. 124.— Оп. 1.— 1686.— № 25, 27, 28
Там же, 1687, св. 2, № 512—20	Там же.— Оп. 3.— № 512
Там же, 1688, № 502	Там же.— № 502
Там же, св. 6, № 532—514	Там же.— № 514
Там же, св. 75, 76, 79, № 50, 72, 113	Там же.— Оп. 1.— 1688.— № 50, 72, 113
Там же, 1688, св. 6, № 542, 524, 541—523	Там же.— Оп. 3.— № 524, 523
Там же, VI 14, св. 2, № 555—31	Там же.— Оп. 4.— № 36
Там же, 1688, № 541—560, 542—561	Там же.— Оп. 3.— № 541, 542
Там же, 1688—1689, св. 77, № 86	Не встановлено
Там же, 1688, св. 6, № 586—567, 575—594	Там же.— № 567, 575
Там же, 1690, св. 7, № 632—613, 642—623, 646—627	Там же.— № 613, 623, 627
Там же, 1689, № 609—628, 610—629	Там же.— № 609, 610
Там же, 1690, VII 10, св. 7	Не встановлено
Там же, 1690, св. 7, № 701—682	Там же.— № 682
Там же, 1690, № 680, 682	Там же.— № 680, 682
Там же, 1690, св. 82, № 18	Там же.— Оп. 1.— 1690.— № 18

Шифри, зазначені автором у примітках	Сучасні сигнатури
Там же, 1690, св. 7, № 689—670, 670—651, 665—646	Там же.— Оп. 3.— № 670, 651, 646
Там же, № 665—646, 680—641, 657—676, 715—696	Там же.— № 646, 641, 676, 696
Там же, 1690, св. 83, № 44	Там же.— Оп. 1.— 1690.— № 44
Там же, № 685—704	Там же.— Оп. 3.— № 685
Там же, 1690, № 701—720	Там же.— № 701
Там же, 1691, св. 85, № 1	Там же.— Оп. 1.— 1691.— № 1
Там же, 1690, св. 8, № 727—710	Там же.— Оп. 3.— № 710
Там же, 1691, св. 8, № 790—775	Там же.— № 775
Там же, № 751—715, 715—732	Там же.— № 735, 715
Там же, 1691, св. 86, № 68, 13	Там же.— Оп. 1.— 1691.— № 68, 13
Там же, № 724	Там же.— Оп. 3.— № 724
Там же, 1691, св. 8, № 740—724, 742—726, 743—727, 746—739, 757—741, 748—732, 753—737, 759—743, 776—760, 772—756, 790—775, 805—790, 799—789	Там же, № 724, 726, 727, 739, 741, 732, 737, 743, 760, 756, 775, 790, 783
Там же, 1692, апр., № 20	Там же.— Оп. 1.— 1692.— № 20
Там же, 1691, св. 8, № 721—737	Там же.— Оп. 3.— № 721
Там же, 1692, св. 9, № 818—833	Там же.— № 818
Там же, № 828—843, 853, 854	Там же.— № 828, 838, 839
Там же, 1692, № 841—856	Там же.— № 841
Там же, 1692, № 30, св. 80	Не встановлено
Там же, 1693, св. 91, № 14	Там же.— Оп. 1.— 1693.— № 14
Там же, 1693, св. 9, № 875—860, 881—886	Там же.— Оп. 3.— № 860, 881
Там же, 1693, св. 93, № 36, 40, 42	Там же.— Оп. 1.— 1693.— № 36, 40, 42
Там же, 1693, № 876, 959	Не встановлено
Там же, св. 10, № 916—901, 928—913	Там же.— Оп. 3.— № 901, 913
Там же, св. 93, № 51	Там же.— № 913, 914, 916, 917
Там же, св. 10, № 930—915, 935—920, 936—921	Там же.— № 915, 920, 921
Там же, 1693, св. 95, № 67, 77	Там же.— Оп. 1.— 1693.— № 67, 77
Там же, 1694, св. 96, № 1	Там же.— Оп. 3.— № 958
Там же, 1694, св. 10, № 964—979	Там же.— № 964
Там же, 1694, кн. 69	Там же.— Ф. 229, Малоросійський приказ.— Оп. 2.— № 69
Там же, 1694, № 971—986, 974—989, 976—991	Там же.— № Ф. 124.— Оп. 3.— № 971, 974, 976
Там же, 1694, св. 10, 1995—980, 1000—985	Там же.— № 980, 985
Там же, 1694, св. 10, № 1006—991, 1007—992, 1005—990, 995, 1014—999	Там же.— № 991, 992, 990, 995, 999
Там же, 1696, св. 10, № 30	Не встановлено
Там же, 1695, св. 98, № 2	Там же.— № 999
Там же, № 17	Там же.— Оп. 1.— 1695.— № 17
Там же, № 30	Там же.— Оп. 3.— № 1017, 1018
Там же, св. 98, № 20	Там же.— Оп. 1.— № 20
Там же, 1695, св. 2, № 1018—1033	Там же.— Оп. 3.— № 1018

Шифри, зазначені автором у примітках	Сучасні сигнатури
Там же, 1695, св. 11, № 1030—1013, 1034—1017, 1035—1018	Там же.— № 1013, 1017, 1018
Там же, 1696, св. 11, № 1047—1030	Там же.— № 1030
Там же, 1696, св. 11, № 1041—1024, 1045—1028; 1047—1030, 1048—1031, 1067—1050, 1055—1038, 1059—1042	Там же.— № 1024, 1028, 1030, 1031, 1050, 1038, 1042
Там же, № 1068—1051, 1063—1046, 1065—1048, 1066—1049, 1069—1052, 1077—1060, 1082—1065, 1083—1066: 1697, № 1116—1098	Там же.— № 1051, 1046, 1048, 1049, 1052, 1060, 1065, 1066, 1098
Там же, 1696, № 1093—1076	Там же.— № 1076
Там же, св. 101, № 49	Там же.— № 1073
Там же, 1697, св. 12, № 1131—1118, 1038—1120, 1141—1123	Там же, № 1118, 1120, 1123
Там же, св. 102, № 24	Там же.— Оп. 1.— 1697.— № 24
Там же, 1697, № 39	Там же.— № 39
Там же, № 78	Не встановлено
Там же, 1698, св. 103 № 5, 7, 1	Там же.— 1698.— № 5, 7, 1
Там же, св. 2, № 1154—36	Там же.— Оп. 3.— № 1136
Там же, св. 12, № 1163—1144	Там же.— № 1144
Там же, 1698, св. 104, № 18	Там же.— Оп. 1.— 1698 р.— № 18
Там же, св. 105, № 29, 30	Там же.— № 29, 30
Там же, св. 12, № 1174—1154	Там же.— Оп. 3.— № 1154
Там же, св. 11, № 1175—1155	Там же.— № 1155
Там же, 1699, св. 8, № 729-а—713	Там же.— № 713
Там же, св. 107, № 14, 23, 18, 38	Там же.— Оп. 1.— 1699 р.— № 14, 23, 18, 38
Там же, св. 106, № 1	Там же.— № 1
Там же, 1700, св. 4, № 27, 28	Там же.— 1700.— № 27, 28
Там же, св. 13, № 1216—1143, 1234—1211, 1243—1219	Там же.— Оп. 3.— № 1216, 1211, 1219
Там же, 1265—1242	Там же.— № 1242
Там же, св. 5, № 68	Там же.— Оп. 1.— 1700.— № 68
Там же, 1701, св. 6, № 5	Там же.— 1701.— № 5
Там же, св. 7, № 3	Там же.— № 15
Там же, 1701—1702, св. 2, № 1303—42, 1312—24, 1312—44	Не встановлено
Там же, 1702, № 15, 17, 18, 19, 23, 1	Не встановлено
Там же, св. 10, № 26	Там же.— 1702.— № 15, 17, 18, 19, 23, 1
Там же, № 34	Там же.— № 26
Там же, св. 14, № 1331—1303	Там же.— Оп. 4.— № 50
Там же, № 1295	Там же.— Оп. 3.— № 1303
Там же, № 1330	Там же.— № 1295
Там же, св. 14, № 1347—1318, 1350—1321, 1318—1347	Там же.— № 1302
Там же, св 15, № 1434—1403	Там же.— № 1318, 1321
Там же, 1703, св. 2, № 1361—49, 1360—48	Там же.— № 1403
Там же, 1705, св. 14, № 1420—1389	Там же.— № 1349, 1348
Там же, св. 69, № 1434—1403	Там же.— № 1389
Там же, св. 15, № 1408—1439	Там же.— № 1403
Там же, № 1412—1443, 1444—1413, 1470—1439, 1471—1440, 1492—1523	Там же.— № 1408
Там же, 1705—1706, св. 16, № 20, 23	Там же.— № 1412, 1413, 1439, 1440, 1492
	Не встановлено

Шифри, зазначені автором у примітках	Сучасні сигнатури
Там же, 1706, св. 15, № 1531—1500, 1538—1507, 1548—1517, 1549—1518, 1551—1520	Там же.— № 1500, 1507, 1517, 1518, 1520
Там же, № 1555—1524	Там же.— № 1524
Архив Министерства юстиции	**ЦДАДА.**— Ф. 229, Малоросійський
Книги Малороссийского приказа, 1690, кн. 57, 1691, кн. 62, 66 і далі до кн. 104	приказ.— Оп. 2.— № 57, 62, 66...104
Столбцы Московского стола, 1709, св. 50, № 17	Там же.— Ф. 210. Розрядний приказ.— Оп. 9, стовпці Московського столу.— 1709 р.— № 17
Дела сенатские по Малороссийской экспедиции	**ЦДАДА.**— Ф. 248, Малоросійська експедиція Сенату
Московское отделение архива Главного штаба	**Центральний державний військово-історичний архів**
Дела кн. Потемкина-Таврического, 1734, опись 194, св. 181, № 5	СРСР.— Ф. 52, Справи Потьомкіна-Таврійського.— Оп. 1/194.— № 5
Там же, св. 78, № 88	Там же.— № 88
Там же, 1688—1689, св. 77, № 86, 87	Не встановлено
Там же, 1689, св. 79, № 2	Там же.— 1689.— № 2
Там же, св. 80, № 22	Там же.— № 22
Там же, св. 8, № 55	Там же. № 55
Там же, св. 93, № 40	Там же.— № 40
Там же, 1691, св. 85, № 5, 18	Там же.— 1691.— № 5, 18
Там же, 1693, св. 95, № 63	Там же.— 1693.— № 63
Там же, 1696, св. 100, № 43, 30, 28	Там же.— 1696.— № 43, 30, 28
Там же, 1699, св. 107, № 18	Там же.— 1699.— № 18
Там же, 1701, № 20	Там же.— 1701.— № 20
Там же, св. 6, № 5	Там же.— № 5
Там же, 1704, св. 14, № 35	Там же.— 1704.— № 35
Там же, 1707, св. 19, № 40, 22	Там же.— 1707.— № 40, 22
Там же, 1708, св. 22, № 4	Там же.— 1708.— № 4
Там же, св. 23, № 32	Там же.— № 32
Там же, св. 24, № 36	Там же.— № 36
Там же, № 39	Там же.— № 39
Там же, св. 26, № 131, 133	Там же.— № 131, 133
Там же, св. 25, № 91, 92, 89	Там же.— № 91, 92, 89
Там же, 1709, св. 27, № 18, 9, 5	Там же.— 1709.— № 18, 9, 5
Там же, св. 28, № 23, 34, 36	Там же.— № 23, 34, 36
Там же, № 89	Не встановлено
Там же, 1710, № 3	Там же.— 1710.— № 3
Там же, 1713, св. 35, № 30	Там же.— 1713.— № 30

ПОКАЖЧИК ВЛАСНИХ ІМЕН

А

Абда-ага 10, 20
Август II *(Август II Сильний)*, польский король 227, 229, 235, 236, 307, 413, 416, 431, 477, 498
Август III, польский король 447
Авдий 187
Австрия (Австрія) 13, 417, 452, 498, 510
Адиль-Герай, крымский хан 415, 438, 439
Адлерфельд 470, 505
Адриан *(Адріан)*, московский патриарх 131, 158, 460, 495
Адрианополь, турецкий город 61, 65, 203, 206, 243, 376, 385, 435
Азія 497
Азов, турецкий город 5, 15, 132, 158, 160, 163—165, 173, 175—178, 180, 182—184, 189, 206, 213, 221, 227, 230, 282, 285, 324, 391, 401, 489, 496, 497, 502
Азовская губернія 401
Азовское (Гнилое) море 20, 21, 90, 108, 177, 184
Айдар 277, 502
Айдарский лес 278
Айтемиров Василий, царский гонец 100, 138, 141, 164, 488
Акерманський повіт
Аккерман *(Акерман / Білий камінь/*, Белоград, *Белогород, Білгород, Білгород-Дністровський, Монкастро, Четатаальба /Біла фортеця/)*, турецкий город 12, 18, 79, 123, 172, 177, 189, 241, 285, 488, 489
Акчеметь, турецкий город, современный Симферополь 103
Александровский уезд 461
Александрия 345
Алексеев Никита, подъячий 9—11, 15, 19, 20
Алексеенко Илько, запорожский рядовой козак 457
Алексей Михайлович (Олексій Михайлович), царь 39, 81, 160, 333, 347, 489, 492, 506
Алешки, Олешки, урочище, Сичь *(Олешківська Січ)* 346, 404, 405, 411, 413, 423, 437, 440, 448, 477, 496, 504, 506, 507, 509, 510
Али-Кумурджа, султан 376
Али-паша, великий везирь 413, 427, 430
Алим-паша, начальник флота 189
Алимпий, игумен Самарского монастыря 214
Алистрат 391, 392
Алистратенко, или Елистрат, кошевой атаман 368, 374, 376, 474, 475
Алмат-ага, ханский посланец 241
Амстердам, голландский город 390, 393, 455
Англеров *Андрей Тимофеевич*, полуполковник 210, 212
Англія 228, 400, 432
Андлерфельд Густав
Андреенко *Тишко*, запорожский козак 457
Андрей, толмач 144, 150
Андрияш, гетманский козак 363, 364
Андрія святого скит 511
Андрусов (Андрусів) 290, 504
Андрушка, запорожский козак 184
Анна 501
Анна, царевна 510
Анна Иоанновна *(Анна Іоанівна)*, императрица 412, 413, 417, 441, 447, 449—451, 500
Анненков, полковой бригадир 370
Антоненко-Сластюн *Никита* 106, 107, 458

Апостол Даниил *(Данило Павлович)*, полковник и гетман 189, 190, 262, 305, 315, 318, 319, 333, 344, 369, 370, 388—392, 394, 402—409, 434, 474, 477, 482, 497
Апраскин Федор *Матвеевич (Апраскін Федір Матвійович)*, граф 230, 332, 506
Аптекарский (Каменный) остров 258
Арслан 476
Архангельск, город 233, 455
Архіпелаг 494, 511
Аслан (Ослан, Ислам-кермень, *Асламкермень*), турецкий городок на Днепре 17, 56, 157, 167—170, 191, 192, 372
Асла-*ага*, крымский полномочный 448
Астрахань, город 277, 400
Афанасія святого монастир (лавра) 511
Афонская (Афонська) гора 436, 511
Ахмат-ага, турецкий полномочный 375, 410, 448
Ахмет III, турецкий султан 366, 375, 474
Ахтырка, слободскоукраинский город 285
Ахтырский полк 101
Аюк *(Аюка, Аюкай)*, калмыцкий тайша 19, 164, 496

Б

Баба *Василий*, запорожский козак 465
Баба, турецкий городок 46, 374
Бабичев, князь 394
Бавария 432
Багатырь-Герай, крымский хан 20, 93
Бадашко Василий, запорожский козак 465
Базавлук (Чортомлыцкий), остров 408, 488
Базавлук, река 404, 413, 423, 427—431, 440, 441, 443, 444, 447, 449, 477
Базавлук, урочище 509, 511
Базагылык 478
Базлов, дворянин 262, 265
Байбуза 480
Байши-ага 164
Бакунин Иван, переводчик 413, 429, 430
Балакна 455
Балтийское (Балтійське) море 227, 400, 498, 499, 510
Балтийское побережье 227, 498
Бантиш-Каменский Д. М. (Бантыш-Каменский) 462, 473, 475—477, 507
Барановский Дмитрий Степанович 487
Барановский Сергей 485
Баратинский, пристав 482
Барлитенко, запорожский козак 454
Барыш Филипп, запорожский козак 464
Барышевский, городовой атаман 279
Баторий Стефан, польский король 479
Батурин, город 30, 31, 41, 50, 53, 56, 65, 66, 70, 72, 75, 76, 81—83, 87—89, 93, 96—98, 103, 109, 116, 121, 129, 130, 137—139, 141, 142, 146, 147, 152—154, 157, 160, 164, 165, 167, 170, 174, 175, 180—182, 184, 188, 194, 202—205, 208, 215—217, 222, 223, 232, 233, 237, 244, 249, 265, 274, 276, 279, 280, 285, 463, 491, 497, 502
Батуринська сотня 491
Батырча *(Батырь)*-ага 18, 19, 106, 107, 111, 112, 115
Батырча-мурза 107
Бауер, генерал-майор 283, 285
Бахметев, комендант 258
Бахметев *Степан Петров*, воевода 275, 276
Бахмут 281
Бахчисарай, город 14, 18—20, 238, 300, 410, 417, 455, 489
Безкровный, переволочанский дозорца 241
Безодня Лукьян, запорожский козак 457
Безыменный *Грицко*, запорожский козак 464
Бекеневский или Белый брод 267, 467
Белан, китайгородский сотник 141, 143
Белая, город Полтавского полка 322, 471
Белая Россия (Білорусія) 43, 293, 329, 499
Белая Церковь, город 12, 75, 79, 165, 271, 272, 358, 368, 370—374, 443, 447, 448, 451, 482
Белгород, город Курской губернии 301, 302
Белики 314, 471

Белицкий Иван, кошевой атаман 412, 418, 419, 422, 439, 464
Белгородская (Білгородська) орда 29, 46, 177, 185, 278
Белогородчина, область 19, 35, 47, 58, 74, 139, 154, 185, 206, 387, 408
Белоград *(Белогород, Білгород, Білгород-Дністровський) див.* Аккерман, турецкий город
Белое (Мраморное) море 156, 455
Белое озеро, Белоозерце, *урочище* 56, 219
Белозерка, речка 61, 62, 64, 224, 303, 318
Белозерский 474
Белоцерковец Юрко, запорожский козак 464
Белоцерковский Василь, запорожский козак 241
Белоцерковский повит 28
Белые Криницы (Белые Колодези) 467
Белый Грицко, запорожский козак 464
Белый Иван, запорожский козак 465
Беляев Юрий, откупщик 273, 275
Бендерский уезд (Бендерський повіт) 477, 488
Бендеры *(Бендери,* Тягин, *Тягинь),* турецкий город, *область* 340, 345—347, 356, 357, 376, 395, 403, 417, 428, 443, 449, 490, 496, 499, 504, 507—509, 511
Берда, река 54, 93, 106, 108, 112, 113, 115, 117, 147, 157, 158, 249, 459, 488
Бердичев 68
Березина, река 284
Березів 501
Бережный Грицько, запорожский козак 378
Берестовая, река 28, 41, 178
Берислав (Казикерман, Казікермен, Кызыкермень), *город* 5, 9, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 25, 26, 28, 31, 36, 40, 43, 45, 46, 56, 58, 61, 73, 74, 79, 86, 89, 94, 95, 98—100, 103, 105, 121, 137, 140, 141, 146—148, 153—156, 165, 167, 168, 171, 188, 189, 191, 192, 194, 199, 206, 208—210, 214, 216, 220, 221, 223, 264, 268, 290, 385, 432, 455, 463, 495
Беркут, село Полтавского повита 422
Бернер, полковник 274
Бессарабська губернія 488
Бессарабия (Бессарабія) 477, 488, 511
Беспалый, донской козак 300, 504
Беспалый *Семен,* запорожский козак 282, 399, 412, 502
Билим Семен 465
Биржи 229
Білгородська орда 488
Бобир *Иван,* запорожский козак 465
Бобренко *Кирилл,* запорожский козак 454
Богацкий *Иван Кириллов,* запорожский козак 18
Богданец, запорожский козак 184
Богданов Дмитрий 11, 14
Богемія 510
Богородецкое 375
Богоявленська церква 494
Богуненко *Яков (Богун),* запорожский козак 82, 454
Богуслав, город 272, 377
Богуш Василий, запорожский козак 187, 188
Богуш Яким, наказной кошевой 326, 327, 340, 346, 356, 506
Болотніков І. І. 507
Болюбаш, турецкий посол 223
Боплан Г. Л. де 495
Боргезе 480
Борзна, город 162, 244, 245
Борисов, подъячий 269
Боровица, село Чигиринского полка 339
Боровицы, местечко 421, 422
Бородавка *Андрей,* запорожский козак 465
Борухович *Михайло,* гадячский полковник 190, 229
Босфор 494, 497
Боярченко *Иван,* запорожский козак 465
Брат Игнат, запорожский козак 465
Братський монастир 494, 506
Брацлав, Бреслав, город 377, 415, 438
Брацлавский (Брацлавський) полк 314, 505
Бреславль, город Силезии 395, 397
Брюховецкий *Иван (Брюховецький Іван Мартинович),* гетман 16, 17, 39, 251, 489
Брюховецкий курень 134, 241
Брянск, город 173, 187, 275
Буг *(Бог),* река 46, 75, 106, 118, 146, 184, 201, 205, 225, 231, 237, 249, 259—261, 263, 264, 267, 268, 270, 277, 307, 314, 340, 344, 345, 377, 405, 408, 420, 435, 467
Бугогардівська паланка 490
Буда (Буда-Пешт) 12, 452

Буда Понурівська 500
Буденко *Василь*, запорожский козак 454
Буджак, область 12, 24, 488, 496
Буджацька орда 511
Будища Великие *(Великі Будища)*, местечко 285, 286, 307, 308, 311, 312, 314, 321, 502, 504, 505
Будища Малые, местечко 341
Бузский *Василий*, запорожский козак 99, 112, 116, 458, 459
Булавин *Кондратий (Булавін Кіндрат Опанасович)*, донской козак 250, 277—283, 300, 334, 468, 502, 504
Булай, татарин 177
Бур *Андрей*, запорожский козак 457
Буртовский, малороссийский козак 275
Бут *Даниил*, батуринский козак 70, 73, 74
Бутович, генеральний асаул 370
Буток *Иван*, запорожский козак 466
Бутурлин, генерал-майор 3, 68, 369, 479
Бухвостов Василий 190—192
Буцкий, полтавский полковой судья 199
Буцкий Терентий, запорожский козак 467
Буш Юрий 55
Бык, речка 50, 251
Быхов, город 225, 236, 252

В

Вага, город 460
Валахия (Волоський край) 479, 488
Валкисар, остров 258
Варница, турецкий город 376
Варшава 16, 68, 69, 396, 479, 499
Василенко Афанасий, запорожский козак 464
Василенко Влас, запорожский козак 279, 280, 282
Василенко Кувьма 464
Василенко Михайло, запорожский козак 454
Василий, священник 82
Васильевич Трофим, прилуцкий судья 336
Васильков, город 376, 435
Васелович *Н.*, козацкий старшина 480, 481
Васька, козак 97
Ватага или Ватажник Матвей, запорожский козак 27, 29, 32, 33, 59, 453
Ватопедський монастир 511
Вейсбах *фон (Йоган-Бернгард)*, граф 400, 408, 411—413, 415, 418, 419, 422, 424, 426—428, 431, 438, 439, 442—444, 446—448, 450, 451, 478, 510, 511
Велецкий Василий, гетманский гонец 100, 141, 164
Великая Россия (Великороссия, Россия, Росія, Російська держава, Російська імперія) 5, 6, 8, 9, 13, 15—17, 21, 30, 43, 63, 87, 95, 156, 161, 164, 173, 194, 201, 208, 209, 214, 220, 222, 224—226, 228, 230, 235, 237, 240, 243, 244, 250, 255, 258, 267, 269, 278, 286—291, 293, 307, 329, 332, 345, 357, 366, 368, 373—376, 378, 382, 386, 389, 391, 392, 394—397, 399, 400, 402, 403, 407, 411—414, 417, 423—425, 428, 429, 431, 432, 442—444, 447, 449—451, 455, 470, 474—477, 483, 486, 488, 489, 491—493, 495—501, 503—511
Великие Плесы 22
Великие Терны, урочище 262
Великий буерак, возле реки Самары 63
Великий Конар (Ташлык *Большой Сухой*), ре 267, 268, 467
Великий курган, возле р. Самары 63
Великий лиман Днепра 414, 438
Великий Луг 22, 23, 25, 380, 391, 453, 489
Великий Стецько, запорожский козак 383
Величко, козак 403
Величко Самуил 63, 453, 456, 457, 459, 463, 469, 486
Величковский Дементий, куренной атаман 161
Величковский курень 274
Вена 423, 431
Венгрия (Венгерская земля) 12, 14, 31, 32, 46, 58, 73, 74, 137, 144, 149, 174, 206
Венеция 230, 452
Вербецкий Петр, малороссийский козак 154
Вергун Семен, малороссийский козак 45
Веремеевка (Еремеевка), местечко Полтавского полка 75, 339, 384
Верхній Млинок 500
Вестфалія 498
Вечирченко Яким, козак 172
Виборг (Выборг) 258, 510

Виговский (Виговський Іван) 290, 347, 503
Вильна, город 263, 374
Вильный порог 190, 191
Висла 332, 506
Висунь или Йсунь, речка 404
Висунь Малая, речка 165
Витовт (Витольд, Витулт), литовский король 261, 263, 264, 467
Вишгород 493
Вишенський Іван 511
Вишневецкий 419
Вишняков, резидент 424, 449
Військо Донське
Вітебська губернія 501
Владислав IV, польский король 481
Влас, козак 38
Власовка 75
Воблый Данило, запорожский козак 465
Водолаги, местечко 368
Водяное 453
Вознесенський собор
Войнаровский Андрей *(Войнаровський Андрій)* 379, 509
Войца, асаул Малороссийского полка 36, 38, 40
Волга, река 166, 306, 436
Волк Тимош, запорожский козак 465
Волков, русский резидент в Варшаве 69
Волконский, воевода 454, 471
Волконский Григорий, князь 316, 327, 343, 345
Волошанин *Петро,* толмач 131, 141, 142
Волошин Антон, запорожский козак 407
Волошская коса на Буге 345
Волчья (Волчьи Воды, Вовча), река 79, 158, 164, 177, 241, 372
Волынский Іван *Федорович,* воевода 50, 55, 62, 454
Вольная речка, приток Самары 22
Вольное (Вольне), село 63, 491
Вольний *(Вольное,* Новосергиевский, *Новосергіївський)* городок, *крепость* 41, 63, 68, 76, 255, 267, 277, 292, 368, 369, 456, 459, 491
Вольный брод на р. Самаре 62, 63, 456
Волынь 137, 269, 421
Воргол 500
Ворона Яков, запорожский козак 100, 106, 196
Вороная, речка 22, 278
Вороная, село 453, 468
Воронеж, местечко 285
Воронеж, город 285, 315, 319, 341, 501
Воронежская губернія 401
Вороновиця 502
Ворскла, река 87, 129, 172, 198, 285, 296, 308, 321—325, 340—342, 350, 459, 471, 504, 506
Вторый Михайло, дьяк 282
Вульф Гавриил 326
Вшивая (Ушивая), речка 387
Выборгская сторона 258
Высоцкий, русский пленник 460
Высочин *Яцко,* запорожский козак 457
Высшая Козацкая Голова, урочище 192, 463
Вышетравец, запорожский старшина 29
Вязьма 474

Г

Гаврилов Осип 215
Гаврилов Юшка, козак, уроженец Кишенки 61, 455
Гадяцкий Иван, запорожский козак, войсковой асаул 214, 222, 246, 465
Гадяч, город 30, 75, 112, 138, 157, 272, 285, 463, 474
Гадячский полк 17, 110, 158, 169, 170
Гайшин, местечко 230
Галаган Игнат *(Гнат Іванович),* полковник 270—272, 313, 315, 317, 327, 328, 338—340, 344, 359, 365, 377, 434, 474, 477, 501
Галаца 472
Галецкий, староста 370
Галиция 11
Галчуское урочище 164
Гамбург 491, 509
Гамет, паша 392
Гангут 499
Ганжа (Гандженко) Семен, запорожский козак 56, 58, 59, 202
Ганна, дочь Кочубея В. Л. 87, 88
Ганчул *(Гайчур,* Галчусская вершина, *Гунчул),* речка 461
Гард, урочище на Буге 412, 422
Гаригульский Василий, запорожский козак 465
Гезлев (Евпатория, Євпаторія, Козлов, Хозлеве), город 18, 178, 188, 462, 489
Генж, паша 455
Гейн, русский генерал 323, 447
Гераї (Гіреї) 488

Герасименко Яцко, запорожский козак 454
Германия (Німеччина) 228, 491, 498, 499, 507, 509
Гермелин 311
Герцик *Афанасий* 379
Герцик *Григорий* 379, 395—397
Герцик *Іван* 379
Гершун Леско, запорожский козак 465
Гесен-Кобургский, принц 417, 447, 449, 511
Гетманщина 63, 86, 88, 117, 257, 292, 321, 357, 491
Гирман Иван, запорожский козак 464
Глиняное поле, урочище 46
Глоба Иван, запорожский писарь 454
Гломаздин 85
Глухов *(Глухів)*, город 84, 188, 244, 285, 294, 295, 334, 335, 357, 359, 382, 383, 385, 394, 400, 403, 406—409, 433, 435, 481, 491, 494, 497, 500
Глуховец 89
Гнилое море *див.* Азовское море
Гнилой Омельян, гетманский посланец 171
Гнилой Текич, река 79
Голая Пристань у Днепра близ Тавани 205
Голий М. 282, 502
Голиков І. І. 305, 468, 471, 506
Голицын Василий Васильевич *(Голіцин Василь Васильович)*, князь 21, 22, 26, 27, 29, 31, 45, 48, 50, 57, 61—64, 81, 290, 452, 456, 459, 489, 491
Голицын Дмитрий Михайлович *(Голіцин Дмитро Михайлович)*, князь 237, 286, 302, 313, 314, 339, 357, 358, 368—371, 373, 375, 377, 386—388, 392, 401, 500
Голицын Михаил Михайлович *(Голіцин Михайло Михайлович)*, князь 404, 406—409, 476, 510
Голландия 228, 432
Голобуцький В. О. 504, 507
Головин Борис Васильевич 50
Головин Федор *Алексеевич (Головін Федір Олексійович)*, боярин и граф 222, 232, 233, 240, 243, 249, 250, 252, 255, 269, 271, 272, 383, 498
Головкин Гавриил *Иванович (Головкін Гаврило Іванович)*, граф 276, 283, 284, 301, 344, 366, 387, 393, 501
Головчин, город 230
Голтва, город 75, 163, 172, 214, 285, 314, 469
Голтва, река 285
Голубиченко, колонтаевский козак 21
Голый *(Голий М.)*, атаман 282, 502
Горб, запорожский купец 394
Горб Андрей, запорожский войсковой судья 144
Горб Павел, запорожский козак 465
Горбаток, городок 206
Горбаченко Сидор, гетманский козак 70, 78, 97, 109, 111, 121, 137, 152, 169, 170, 174, 175, 186
Гордеев Данило 76
Гордиенко Лаврин, запорожский козак 465
Гордиенко Константин (Гординский, Головко, Крот, *Гордієнко Костянтин*), запорожский козак, потом кошевой атаман 177, 225, 234, 235, 241, 243, 246, 250, 252, 255—259, 263, 264, 267—269, 274, 277—281, 283, 286, 288, 292—296, 300—304, 306—313, 315—322, 324, 326, 330, 331, 334, 336—338, 340, 344, 347, 357, 360, 368—370, 374—376, 378—381, 405, 407, 408, 429, 441, 442, 464, 469, 470, 476
Гордиенко Савко, запорожский козак 454
Гордон Патрик 22, 23, 24, 453, 489
Горилый *Иван*, запорожский козак 457
Горкуша Степан, запорожский козак 465
Горленко *(Горленко Лазар)*, прилуцкий полковник 377, 508
Горленко Дмитро Лазарович 377, 508
Городище, местечко 75, 375
Горохов, капитан 394
Горькавый Стецко, запорожский козак 464
Грабовский Созонт 127, 139, 140, 142, 144, 145, 460
Гредченко Василий, запорожский козак 465
Гренгам 499
Греція 511
Гречаник Антон, гетманский козак 241
Григораш, полковник брацлавский 314, 505
Григоров Анисим, запорожский козак 465

Григорьев Иван, запорожский козак 274
Григорьев Ивашка, стрелец. 56, 67
Григорьев Илья, донской атаман 281, 468
Гриценко Панько, запорожский козак 454
Грицко, войсковой товарищ 307
Гришенко Степан, запорожский козак 465
Гришко, писарь 454
Гробище 497
Грушевка, урочище 194
Грызей Василий, запорожский козак 273, 274
Губа, атаман куреня 82
Гук *Петро,* запорожский козак 97, 458
Гусак (Степанов Федор, *Федір,* Федько) 100—102, 108, 121, 143—148, 150—153, 159, 194, 213, 214, 460, 495
Гусак Иван *Петрович,* кошевой атаман 55—57, 59, 61, 62, 64, 65, 67, 70, 73, 74, 78—80, 82, 83, 86, 88—91, 95, 97—99, 102, 107—109, 111—114, 116, 117, 120, 137, 139—142, 144, 163, 165, 166, 169, 170, 174, 177, 205, 206, 407—409, 440, 456, 458, 464
Гусак Яков, запорожский козак 59
Густав Адольф 227, 228
Гутник Иван, торговец из Лебедина 74

Д

Давиденко *Мартын,* запорожский козак 457
Давинченко Кондрат 484
Даго 510
Данила, козак 144
Дания (Данія) 227, 228, 432, 498
Дашков Алексей, русский резидент 307
Дашов (Очаков), город 264
Двінська провінція 501
Девлет-ага 205, 206
Девлет-Герай *(Девлет-Гирей),* хан 93, 366, 368, 371, 440
Делигул, река 46
Демков Иван, запорожский козак 119
Дербент 400
Деребера Грицко, запорожский козак 464
Деревянкинский курень 90, 211, 212
Дерменяжи 455
Дерпт 506
Десна, река 188, 283, 294, 295
Детун Игнат, запорожский козак 464
Джереловский курень 212
Дзюба Михайло, запорожский козак 465
Диканька, местечко 286, 308, 311, 312, 505
Дитюк *Иван,* запорожский козак 457
Дівовка 500
Дмитриев Григорий 231
Днепр (Дніпро) 5, 6, 9, 10, 12—17, 20, 22, 25—28, 30, 38, 41—43, 45—48, 56, 66, 69, 75, 79, 81, 87, 90, 96, 98, 104—108, 113—115, 117, 118, 121, 123, 125, 126, 131, 133, 137, 153, 155—157, 159, 161—163, 165, 167—176, 178—180, 182, 184, 186, 188—195, 198—201, 203, 205—209, 220, 221, 223, 224, 231, 241—243, 247—249, 254—256, 259—264, 267, 268, 270, 278, 283, 285, 290, 295, 296, 301, 308, 313—315, 317, 322, 325—327, 329, 330, 333, 335, 340, 342—347, 349, 350, 357, 359, 369, 372—374, 377, 378, 380, 384, 385, 387, 389, 393, 394, 396, 400, 401, 404, 405, 413, 414, 416, 420, 423, 429, 435—441, 446—449, 459, 463, 472, 477, 478, 480, 482, 485, 490, 492, 497, 499, 501, 504, 507
Днепровокаменка, село 472
Днепровский лиман 264, 267
Днестр *(Дністер),* река 161, 225, 227, 249, 260, 372, 467, 488
Дністровський лиман 488
Добаш, запорожский козак 403
Доброскок *Емельян,* запорожский козак 90
Довбня Федор, запорожский полковник 279, 280, 282
Довгеля Тихон, короновский сотник 121
Довгополенко Клим 379
Долгий Иван, запорожский козак 464
Долгорукий Василий *Владимирович (Василь Володимирович),* князь 281, 282, 502
Долгорукий Григорий *Федорович,* князь 295, 304, 305, 318, 396
Долгорукий Лука *Федорович,* князь 189, 190, 497

Долгорукий Юрий *Владимирович (Юрій Володимирович)*, князь 277, 281, 502
Долгорукий Яков *Федорович (Яків Федорович)*, князь 173, 184, 188, 189, 191, 196, 201, 208, 275, 315, 465, 497
Дольская 288
Дон 166, 226, 277, 280, 334, 363, 404, 502, 504
Дондук Омба, калмыцкий тайша 424, 426
Донец (Северный Донец, *Сіверський Донець)*, река 280, 411, 502
Донец Василий, запорожский козак 213, 215
Донецька область 502
Донецька скала (Крейдяна гора) 502
Донской Анлурюдушко, козак 457
Донской Иван, запорожский полковник 412
Донской курень 144, 212
Донской Макар, куренной атаман 46—48
Дорофей, инок Межигорского монастыря 113
Дорошенко Михайло 492
Дорошенко Петр (Петро Дорофійович), 87, 286, 287, 290, 492, 503
Драный, атаман 282
Друя 230
Дрыга Иван, запорожский козак 457
Дубаненко Иван 457
Дублянский 463
Дубно, город 12
Дубовий Михайло 76
Дубровная, местечко 230
Дудукало Лукаш, запорожский козак 465
Дунай 139, 368, 480
Дурицкий Дмитро, запорожский козак 465
Дуров *Федосий Михайлов*, дворянин 269, 282
Дядьковский курень 134, 214, 465

Е

Евпатория див. Гезлев, город
Европа (Європа) 227, 228, 378, 431, 432, 492, 497, 509
Егейське море 511
Езель 510
Екатерина I *(Катерина I Олексіївна)*, императрица 401, 501, 510
Екатеринославская (Катеринославська) губерния 63, 461, 462, 468, 491
Еланец *Сухой (Енгула)*, речка, приток Буга 267, 467
Елец Федор, козак Киевского полка 68, 456
Елисаветградская провинция 467
Елистрат, кошевой атаман *див.* Алистратенко, кошевой атаман
Емщик Тишко, запорожский козак 464
Еремеев Грыцько *(Григорий Иванович)*, кошевой атаман 483
Еремеевка *див.* Веремеевка, местечко Полтавского полка
Естляндська губернія 499
Естонія (Естляндія) 499, 509
Ечемнук Семен *Васильевич*, гетманский козак 299, 300

Є

Євпаторія див. Гезлев, город
Європа див. Европа
Єлізавета, імператриця 510

Ж

Жданенко, запорожский козак 454
Жедринский Даниил *Андреев*, жилец 216, 217, 219, 222, 223
Жеребцов Елеферий, стольник 187
Живый Степан, запорожский козак 465
Жидченко Василий, запорожский козак 464
Жила Тимофей, запорожский козак 407
Жовнин, город 75
Журавель, рѣчка 372
Жураховский Иродион, архимандрит 295, 296, 335
Жумашев Маймуйлак 58
Жученко Федор *(Федір Іванович)*, полтавский полковник 77, 87, 491

З

Забела Михайло 149
Забияка, запорожский посланец 67, 69
Загно Гаврило, запорожский козак 465
Заднепровье 110, 161
Зазірки 500

Заика Грицко, запорожский козак 464
Заика Иван, запорожский козак 217, 277, 457
Заим, Ахмет-ага, турецкий полномочный 448
Зален (фон Зален, *Фонзален*) *Вильям,* инженер, полковник 48, 62
Замуляный Василий, запорожский козак 464
Заорельский Святоуспенский монастырь 462
Западная Европа 227, 399, 498
Западная Украина 417
Запорожье, Запороги *(Запоріжжя, Запорозький край)* 8, 10—13, 15—18, 20, 21, 26, 34—37, 41, 45, 46, 54, 55, 57, 60—67, 70, 73—79, 82, 84—95, 99, 102, 105, 107, 110, 111, 113—117, 121, 126, 131, 135, 136, 139—144, 149—154, 156, 161, 162, 164, 170, 174, 177, 181, 186, 187, 201, 202, 204, 210, 216, 222—226, 233, 235, 240, 245, 249—253, 256, 257, 262, 264, 266, 277—280, 288—293, 298—302, 304, 305, 310, 312, 313, 315, 317, 320—322, 332, 333, 347, 358, 377, 380, 385—388, 394, 396, 398, 401, 403, 414, 419, 441, 442, 457, 460, 478, 480—482, 484, 490, 496—499, 502, 503, 505
Запорізька область 489
Заремба, белоцерковский козак 482
Зарубок 210
Заслав, город 12
Затон 374
Захарка, писарь 211
Зацный Максим, козак Сергиевского куреня 65, 66, 70, 76, 85, 121, 146, 155, 156, 208, 256
Звонецкий порог 278
Зеленая долина, урочище 61
Зелененький, запорожский козак 124
Зеленский Василий, сотник 301
Зеленицкий, запорожский писарь 233
Зеленый, дворянин 119—121
Зеленый Василий (Василь), запорожский писарь, козак Роговского куреня 238—240, 266
Зима, запорожский козак 454
Зинец 325
Зиньков 307
Злочев, город в Галиции 29
Змеев, воевода 456
Змиев 106
Золотоноша 475, 509
Зумуляный Василий 464

И

Ибрагим-ага, силистрийский посланец 232
Иван, писарь 213
Иваненко Василий, куренной атаман 222
Иваненко Кондрат 464
Иваненко Матвей, запорожский козак 464
Иваненко Петр Иванович *(Іваненко Петро Іванович,* Петрик, *Петричевский)* 86—89, 93—103, 106—108, 110—117, 119—123, 125—131, 133, 136, 141, 147, 154—156, 161, 163, 166, 172, 233, 262, 290, 333, 358, 457—459
Иваненко Фома 457
Иванец, полковник и кошевой атаман 403, 404, 476
Иваник Федор, кошевой атаман 6, 11, 13—15, 17, 18, 29, 32
Иванов Ерофей 315
Иванов Степан 454
Ивановский курень 212
Игнатенко *Кондрат,* запорожский козак 457
Иеремеев Петр, войсковой асаул 155
Измаил *(Ізмаїл),* турецкий город 206, 488
Измайлов Андрей, стольник 340, 346, 357
Изюм, город Слободской Украйны 165
Изюмская провинция 411
Изюмский уезд 468
Ильяш, атаман куреня 30, 32, 33
Ильяшенко *Федор,* запорожский козак 457, 491
Ингерманландия *(Інгерманландія)* 284, 509
Ингрия 227—229
Ингул *Великий,* река 230, 267, 268, 307, 345, 404
Ингулец (Ингулец Малый), река 73, 156, 165, 267, 268, 307, 345, 404
Инехов Афанасий, подъячий 181, 262
Инехов Иван 204
Инфлянты *(Інфлянти, Латвія, Ліфляндия, Ліфляндія)* 229, 258, 363, 498, 499, 501, 509
Инфлянт, генерал 283, 285
Иоанн Алексеевич (Иван V) 13, 17, 29, 43, 247, 489
Иосифов Василий *Иосифович,* кошевой атаман 383—385, 475
Ипуть, речка 284

Ирклеевский курень 30, 82, 274
Ирклеевский Лукьян 245
Ирклеевский Матвей *(Ірклїївський Матвій,* Царевский, *Царевський)* 30, 32, 489
Исаенко *Степан,* запорожский козак 457
Исаков, дьяк 274
Искра, козак 95
Искра Иван *(Іскра Іван Іванович),* асаул и полковник малороссийского войска 79, 200—202, 228, 262, 267, 492, 498
Ислам-кермень *див.* Аслам, турецкий городок на Днепре
Испания 228, 455
Исунь, речка *див.* Висунь, речка
Италия 431

I

Іван-город 498
Іван V див. Иоанн Алексеевич
Іваненко Петро Іванович див. Иваненко Петр Иванович
Іверський монастир 511
Ізмаїл див. Измаил, турецкий город
Іллі пророка святого малоросійський скит 511
Імеретія 492
Інгерманландія див. Ингерманландия
Інфлянти див. Инфлянты
Ингульська паланка 490
Ірклїївський Матвій *див. Ирклеевский* Матвей
Ісачки 497
Іскра Іван Іванович див. Искра Иван, асаул и полковник малороссийского войска
Істрівка 500

К

Кабарда *(Велика і Мала),* область на Кавказе 415, 416, 420, 510
Кабардинська АРСР 510
Кавказ 289
Казань, город 363, 469
Казы-Герай, ханский сын 177, 206
Каирка, речка 61
Каланчак, город 106, 385, 458
Каланчак, река 13, 14, 19, 61, 147, 203
Калват-Улан, турецкий визирь 300
Калиненко *Яцко,* запорожский козак 457
Калис Стецько, запорожский козак 475
Каліш 499, 501
Калмиус, река 79, 90, 93, 94, 158, 278, 415, 438, 457
Кальміуська паланка 490
Калниболот, город 375
Калниболотский курень 212
Калуга 83—85
Каменец-Подольск *(Каменец-Подольский)* 12, 51, 68, 206, 440
Каменка *(Кам'янка),* речка 22, 267, 268, 346, 399, 411, 423, 426, 440, 441, 477, 478
Каменка Великая 404
Каменка Малая 404
Каменская Сичь *(Кам'янська Січ)* 399, 441, 478, 496, 504, 507, 509, 510
Каменный Затон *(Каменнозатонский городок, крепость)* 13, 14, 25, 86, 101, 102, 105—108, 110—114, 117, 118, 120, 123, 124, 126, 127, 133, 136, 140, 142, 154, 191, 224—226, 230, 237, 239—243, 247—250, 253, 254, 256, 267, 268, 273—276, 292, 296—298, 300, 302, 303, 305, 306, 317, 318, 326, 332, 336, 368, 373—375, 432, 458, 463, 477
Каменный остров *див.* Аптекарский остров
Каменский 471
Кампель 305, 308, 321
Камышенка 183
Кам'яні Озера 500
Кандыба Федор, сотник конотопский 80, 194, 197, 232
Канев, город на реке Днепре 264
Каневец Гиря, атаман 479
Каневский курень 30, 193, 267
Кантемир-салтан, начальник крымских войск 35
Капич-паша, турецкий комиссар 401
Каплан-Герай, крымский хан 387, 394, 395, 410, 411, 418, 423, 431, 437—440, 448
Каплинец *Иван,* запорожский козак 65, 66, 70, 71, 73, 76
Карасев 184
Каратебень, урочище у левого берега Днепра 26, 414
Карачев или Карасубазар, город 238
Карачокрак, речка 23, 61
Кардашин, Кардашинский лиман *(Кардашинський лиман)* 204,

219, 244, 346, 413, 437, 440, 506, 507
Кардаш-Урман, урочище 45
Карейська Лавра 511
Карелия (Карелія) 227, 229, 510
Карл XII, шведский король 227, 228, 235, 284—286, 288, 292, 293, 306—308, 312, 317, 321, 328, 340—347, 356, 357, 366, 370, 376, 379, 380, 395, 396, 399, 470, 474, 494, 496—499, 501—505, 507—509
Карловичи, придунайский город 201, 208, 220
Карлобад 474
Кармазин Федор, запорожский полковник 184, 188
Карнаух, запорожский козак 249
Карпека Семен, гетманский посланец 171
Карпович Григорий 68
Каспийское море 400
Катерина I Олексіївна див. Екатерина I, императрица
Катеринославська губернія див. Екатеринославская губерния
Каушаны *(Каушани)*, местечко 432, 477, 508, 511
Кахеновский (Коханов ский) Федор, куренной атаман 161
Кашекиум 455
Квасневский, значковый товарищ 420
Квитка Матвей, запорожский козак 465
Кеенан-мурза 105
Кейт, генерал-майор 421
Келеберда, местечко на Днепре 75, 89, 92—94, 137, 146, 160, 172, 313—315, 317, 325, 350, 378
Келлин Иван *(Келін Олексій Степанович)*, полковник 340, 494, 506
Керенск, город 10, 452
Керкінітіди 489
Киев *(Київ)* 6, 12, 29, 49, 56, 75, 125, 176, 186, 189, 250, 255, 266, 269, 271, 302, 305, 325, 337, 339, 355, 357, 358, 368—370, 376, 377, 392, 408, 409, 412, 416, 423, 426, 429, 435, 439, 443, 474, 475, 483
Киево-Печерская Лавра (Печерский монастырь, *Печерський монастир)* 269, 407, 492—494
Киевская губерния 161, 401
Киевский (Київський) полк 68, 496
Київська духовна академія 496, 499
Київська колегія 493, 506
Київська Русь 498
Київщина 493, 496
Килия *(Кілія)*, область и город близ устья Дуная 139, 142, 206, 488
Кильчень, речка 22, 25, 26, 42, 46
Кириленко Иосиф, кошевой атаман 340, 359
Кирилл 275
Кисленский *Гаврила*, стольник 295, 296, 301, 335
Кисляковский курень 67
Китай 498
Китай-город, на р. Орели 117, 119, 172, 375
Кичигин Григорий, рейтар 18
Кичкас, урочище на Днепре 190
Кишенка, город 16, 61, 129, 172, 222, 314
Кленков, урочище 278
Клішинці 497
Кныш Яким, гетманский посланец, сотник 100, 131, 141, 142, 144—146, 149, 150, 207, 245, 246, 265
Кнышенко, гетманский посланец 66
Кобеляки, город 79, 286, 308, 322, 470, 471
Кобылячка 453
Ковалик Гарасим, запорожский козак 465
Коваль Грицько 383
Коваль Иван, запорожский козак 73
Ковалювка, село возле Немирова 68
Кодак *(Кодацкая, Старый Кодак)*, крепость 16, 28, 35, 52, 54, 55, 73, 136, 172, 174, 186, 188—191, 196, 204—206, 212, 237, 251, 255, 278, 292, 299, 300—303, 317, 326, 337, 415, 462, 463, 469, 483, 502
Кодак Новый *(Кодак Новий, Нове, Новое)* 299, 301—303, 317, 326, 337, 469, 504
Кодацкий *(Кодак)* остров на реке Днепре 29, 41, 42, 45, 49
Кодацкая пристань на Днепре 197, 198
Кодацкий перевоз 196—198
Кодацкий порог 117, 326
Кодацька паланка 490
Кожуховский полк 158
Кожушко Демко, запорожский козак 465
Козаревский Стефан, шляхтич 402, 409
Козацкая (Кодацкая) Голова див. Высшая Козацкая Голова, урочище

Козацкий остров на реке Днепре 178, 249
Козий Рог или Кызымыс, урочище на Днепре 178, 462
Козлов, город *див. Гезлев*
Козюра Трофим, запорожский козак 465
Колбаса, корсунский полковник 358
Колбрун (Кинбурн), коса 219
Коломак, речка 26, 27, 129, 177, 178, 189, 208, 489
Коломацкий, хутор 394
Коломыйченко Харько, запорожский козак 212
Колом'яченко *Панас,* запорожский козак 457
Колосовский, значковый товарищ 420
Колошинівка 500
Колудцкий 481
Кольцо-Мосальский, князь 223, 224, 242, 243, 246
Коляда, полевой сторож 394
Комалдут Игнат, запорожский козак 21
Комлик Грицко, запорожский козак 465
Кондак Данило, полтавский житель 379
Кондрат 356
Кондратьев Андрей, войсковой судья 155
Конеловский Кирик *(Конеловський),* наказной кошевой 329, 506
Конеловский курень 30, 212, 459, 477
Конеловский Филипп Прокофиев 419
Конка *(Конская,* Конские Воды), речка 22, 23, 25, 90, 107, 157, 167, 169, 170, 177, 192, 206, 404, 440, 507
Кононенко, запорожский козак 454
Конопля Иван, запорожский козак 465
Конотоп, город 30, 83, 245, 382, 383, 468
Константей 277
Константин, козак 124
Константинополь *(Цареград,* Царьград, Стамбул) 31, 46, 58, 140, 165, 184, 185, 188, 208, 220, 231, 239, 304, 320, 337, 357, 374—376, 407, 408, 410, 413, 419, 421, 423, 424, 427, 429, 435, 443—447, 449, 451, 455, 480
Консуловка 478
Копор'є 498
Корабельная, приток Днепра 268
Корела 498
Корниенко *Иван,* запорожский козак 457
Коровка Григорий Карпович, киевский полковник 68, 259, 260, 265
Корсун, запорожский козак 249
Корсунь, город 272, 358, 375, 377
Корсунский курень 121
Корчик (Орчик), речка 26, 28, 41
Косагов Григорий *Иванович (Григорій Іванович),* воевода и генерал 6, 11, 13—16, 18, 19, 21, 25, 26, 41, 45, 48—50, 52, 53, 55, 60, 488
Костеничи, местечко 284
Костенко Михайло, запорожский полковник 210—212
Костенко Яков, запорожский козак 48
Костка 319, 320, 375
Костомаров 454, 456, 457, 462, 470, 473, 474, 477
Костя, козак 38, 272
Котляренко Иван, запорожский козак 464
Коч-Магмет, турецкий комиссар 267, 268
Кочерги 500
Кочережки, урочище 372
Кочубеев (Одесса, Гаджибей) 46, 264, 478
Кочубей Василий Леонтьевич *(Василь Леонтійович),* генеральный писарь 87, 88, 98, 102, 103, 106, 284, 492
Кош *(Кіш)* 7, 14, 27, 28, 30, 35, 37, 38, 40, 47, 48, 51, 54, 55, 66, 70, 80—83, 88, 93—96, 100, 106, 111, 115, 116, 132, 139, 150, 156, 159, 160, 166, 169, 170, 172, 174, 175, 178, 182, 187, 194, 195, 199, 201, 202, 209, 212—214, 216, 222, 231, 234, 240—243, 245, 249, 256, 257, 259, 261, 262, 264, 265, 268, 269, 271, 272, 279, 280, 288, 294, 295, 297, 298, 300—302, 319, 330, 333, 334, 336, 359, 365, 385, 386, 388, 390, 393, 399, 409, 411, 415, 417, 418, 420, 425, 430, 431, 437, 439—441, 443—449, 451, 475, 483, 488, 490
Кравец, козак Шкуринского куреня 193, 197
Краківська академія 493
Краков, город 16, 483
Краковский Иосиф, архиепископ 335
Краснокутский, русский пленник 460

Краснянский Иван, запорожский козак 464
Кращенко Семен, запорожский козак 454
Крейдяна гора див. Донецька скала
Крейц, шведский генерал 324, 343
Кременчук, город 75, 264, 304, 344, 501
Кременчугский уезд 327
Кривая Лука, урочище 282
Криворученко, козак 400, 401
Кривошея Тимош, запорожский козак 465
Кримська область
Кримська Украйна
Кримське ханство
Кровчиня Степан, запорожский козак 465
Кроковський Іоасаф 494, 506, 507
Кронштот 506
Кропотов, полковник 282
Крот *див.* Гордиенко Константин, запорожский козак, потом кошевой атаман
Кругликов, стольник 228
Крузе, шведский генерал 317, 322, 323
Крутой Берег, селение 341
Крутой Буерак, урочище 372
Крылов 205
Крыловский курень 30, 82
Крым *(Крим)* 5—15, 17—21, 23—26, 28, 31, 35, 41, 42, 44—47, 53—55, 57—67, 69, 70, 72, 74, 75, 79, 85—87, 89, 93—95, 99—107, 114, 118, 121—129, 131—133, 135—141, 144, 146, 149, 150, 153—155, 157, 160, 163, 164, 166, 168, 169, 172—175, 177, 179, 184, 185, 203, 206, 210, 214, 218—220, 223, 225, 227, 235, 236, 238—241, 247, 249, 255, 262, 272, 273, 276, 289, 290, 299, 301, 302, 304, 311, 317, 326, 331, 336, 372, 373, 380, 382, 384—388, 391, 392, 394, 396, 397, 400, 401, 403, 405, 411, 413, 416—420, 423, 424, 426, 431, 438, 440, 442, 445, 451, 455—457, 459, 460, 462, 476, 487, 488, 489, 497, 498, 511
Крымка 22, 453
Кримська область 489
Кримська Украйна 489
Кримське ханство 488—490, 496, 497, 500, 501, 504, 507, 509—511
Крыса Герасим, запорожский козак 181, 222, 228, 234, 245, 250, 252—255, 457
Ктитаровский курень 182
Кубань 403, 404, 420
Кубарове 500
Кузьменко Василий, кошевой атаман 120, 121, 131, 134—137
Кузьменко Лукьян, запорожский козак 464
Куленко 96
Кулиш Григорий, запорожский козак 407
Кульбака Роман, запорожский козак 464
Кулько Степан, запорожский козак 47
Куницкий *(Куницький)*, польский гетьман 34, 490
Курбатов, московский гонец 225, 244
Курляндська губернія 499
Курск, город 409
Курчак, урочище возле Немирова 69
Кутаїсі 492
Кутенский монастырь 230
Куценко Иван, запорожский козак 377
Кучугуры Нижние, урочище у Днепра 203, 372
Кушакштатер 455
Кущовский курень 83, 274
Кызыкерменский перевоз 387, 400, 405
Кызыкерменский шлях 14, 165
Кызыкермень, турецкий город на Днепре *див. Берислав, город*
Кызымыс *див.* Козий Рог, урочище на Днепре

Л

Лаврененко *Грицко*, запорожский козак 459
Ладога, город у Ладожского озера 250, 252, 253
Ладыженский 291
Лазука Прокоп *(Процик)*, атаман куреня 65, 67—70
Лазука Самойло, запорожский козак 464
Латвія див. Инфлянты
Латока Кирик, куренной атаман 369
Лебедин, город 74, 285, 374
Лебедин, разбойник 277
Левенгаупт, генерал 284, 285
Левенец Иван *(Левенець Іван Прокопович)*, полтавский полковник 277, 279, 501
Левенка 500
Левко, козак 184

Левко, козак Пластуновского куреня 211
Левобережная Украйна (Лівобережна Україна, Лівобережжя, Стара Малоросія) 12, 161, 229, 489—491, 493—497, 499—501, 508, 509, 510
Левушковский курень 30, 256, 273, 274
Левченко *Харько*, запорожский козак 457
Ленда Леско, куренной атаман 76, 183
Ленінградська область 509
Леонтьев, севский воевода 83—85
Леонтьев Федор, запорожский козак 393
Лесная *(Лісна)*, деревня 285, 499
Леснянка 285
Лещинская Мария 431
Лещинский Станислав *(Лещинський Станіслав)*, польский король 235, 307, 336, 337, 370, 416, 417, 419, 421, 422, 431, 432, 440, 477, 499, 500
Ливония *(Лівонія)*, область 227, 228, 498
Лизогуб Ефим *(Юхим Якович)*, корунжий 178, 194, 197, 497
Лизогуб Яков *(Яків Кіндратович)*, наказной гетман 178, 180, 191, 497
Липнянка, приток Орели 21
Лисица Иван, посланец Мазепы 9—11, 15, 19
Литва 363, 492, 499
Литвяки 497
Литовка 453
Лифляндия *(Ліфляндія)* *див.* Инфлянты, 492
Лихонин Денис, пристав 57, 84
Лихопой Филон *(Хвилонко)*, кошевой 6, 21, 26, 30—33, 42, 47, 48, 51, 52, 56, 61, 70, 73, 153
Лівонський орден
Ліфляндська губернія 499
Ломбардское королевство 431
Лопатин, донской атаман 404
Лотва Иван, запорожский козак 46—48, 54, 100
Лотвицкий Лукьян, куренной атаман 211
Лохвица, город в Полтавском полку 285, 384
Лошаков, капитан 274
Лубенский (Лубенський) полк 34, 110, 169, 170, 249, 496
Лубны, город 75, 130, 314, 449, 450, 497, 511
Лугивский, запорожский полковник 61
Лукьян, козак 356
Лукьянов Герасим 314
Лукьянов Грицко 222
Лукьянов Мойсей 454
Лукьяненко, запорожский козак 454
Лупый Павел, запорожский козак 465
Луц, запорожский козак 465
Луцевин 84
Лызлов Андрей *Иванович*, стольник 31, 41
Лысый Степан, запорожский козак 465
Лысый Федор, куренной атаман 202
Лысянка, город 370
Львов, город в Галиции 12, 479
Львов Петр *Лукич*, князь 149
Любекер, генерал 284
Любовников Семен, воевода 29
Людовик XV 431
Лях Федор, сечевой козак 93
Ляшенко Степан, запорожский козак 206

М

Маберек-Герай, брат крымского хана 101
Магалыч 455
Магденко Григорий, полтавский купец 387
Магмет 219
Магмет, кызыкерменский бей 136
Магомет, воевода 455
Магомет *(Магмет)*, султан турецкий 11, 20, 37
Мазепа Иван *(Іван) Степанович*, гетман 5, 27, 29, 30, 32—35, 37, 41—50, 52—57, 59, 61—63, 65, 66, 68—70, 73—80, 82, 83, 86—89, 91—98, 100, 102, 106, 108, 109, 112, 113, 116, 119—122, 126—132, 134—136, 138—141, 143—146, 149, 150, 152—163, 165—170, 173—182, 184—192, 194, 199—207, 209, 210, 212, 213, 215—220, 222—225, 228—233, 235—238, 240, 242—245, 249—252, 254, 255, 257, 259—264, 266, 269—273, 276, 279, 282—300, 302—304, 306—315, 317, 318, 320, 321, 327, 328, 330—332, 334—337, 340, 342—344, 346, 347, 356, 360, 370, 377, 379, 380, 394, 433, 440, 442, 456—458, 460, 463, 466, 472—475, 478, 489, 491, 492—496, 498, 499, 501—509

Мазин Василь, запорожский козак 30
Мазовия 479
Майдель, генерал 258
Майла Тимуш, запорожский козак 464
Макаренко Ефим, запорожский козак 464
Макаров Яков, запорожский козак 119
Македонія 508
Македонский Кирилл, толмач 232
Макиавелли Никколо (Макіавеллі Нікколо) 284, 493
Макляк Федор, запорожский козак 177
Макашин, местечко 284
Максим, козак Сергиевского куреня *див.* Зацный Максим
Максименко Леско, запорожский полковник 157
Максимильян, виртембергский принц 341
Максимов Лукьян *(Лук'ян)*, донской атаман 278, 280, 502
Максимович Димитрий, полковник 259, 260, 268, 475, 476
Малашевич Иван *(Іван Олексійович)*, кошевой атаман 346, 383, 384, 388—393, 397, 398, 406, 407, 412, 418—420, 423, 431, 439—441, 443, 444, 448, 450, 451, 475—477, 509
Малая Россия (Малая Росія, Малоросія, Малороссия, Украйна, Україна) 7, 8, 12, 20, 22, 27, 29—31, 35, 36, 43, 54, 63—66, 70, 71, 78, 81, 86—90, 92—96, 98—102, 104—106, 109, 110, 114, 116, 117, 120, 121, 123—128, 130—133, 135, 138—141, 144—147, 153, 154, 157, 160—164, 172, 178, 196, 198, 202, 215, 217, 226, 233, 248, 250, 251, 253, 255, 256, 266, 271, 278, 284—293, 295—297, 299, 302, 304, 307, 309, 311—313, 315, 320, 327, 329, 331, 333, 335, 337, 338, 340, 344—349, 355—358, 368, 369, 372—374, 376, 378, 380, 382, 383, 385, 386, 388—390, 393—396, 399, 400, 402, 403, 407, 409, 431, 432—435, 438, 450, 451, 473—476, 489—493, 495—497, 499, 501—504, 507—511
Малиев Константин, воевода 50
Малишка Максим, донской асаул 165
Малый Данило, запорожский козак 465
Малый Иван, запорожский козак 457
Мамут-салтан 10
Мангур Иван, запорожский козак 465
Мандро Андрюшко, запорожский козак 465
Манжалеевка, местечко 304
Мантуанское княжество 431
Манц 455
Маркевич 471, 474, 475
Мартыненко, запорожский козак 454
Мартышевский *Иван*, запорожский ватаг 108, 213, 215, 465
Марфа Матвіївна, царица 506
Марченко Афанасий, запорожский козак 29, 32
Матвеевец, козак Деревянкинского куреня 86, 90, 91
Матвеенко Иван, запорожский козак 454
Мацак Василий, запорожский козак 465
Маяк, великороссийский город 165
Маячка, город 321
Маячка, речка 117, 119, 375
Медведовка, местечко 421
Межигір'є
Межигорский *(Межигірський Спасо-Преображенський)* монастырь 113, 172, 214, 280, 295, 296, 335, 493
Мелитопольский уезд 453
Меловое 478
Менгли-Герай, крымский хан 415, 438
Меншиков *(Олександр Данилович)*, князь 261, 284, 285, 293, 302—305, 309, 314—316, 318, 319, 324—327, 329—332, 336, 341, 343, 497, 501—503, 610
Менько Кирик, запорожский козак 326
Мерла 459
Мертвовод *(Мертвово, Мертвые воды)*, речка 267, 268
Мигула Андрей (Могила Андрей, *Андрій)*, польский гетман 34—37, 47, 453, 490
Микита, посланец 357
Микитин 454
Микифоров Василий 469
Микільський військовий собор 494
Микільсько-Пустинний монастир 506
Миклашевская М. Н. 453, 466

Миклашевский Михаил *(Миклашевський Михайло Андрійович)*, стародубовский полковник 236, 500
Миколаївська церква 502
Миланское княжество 431
Мильці 501
Миних *(Мініх Бурхард-Христоф, Христофор Антонович)*, граф 413, 417, 510
Миргород, город 285, 315
Миргородский повит 172
Миргородский полк 34, 73, 77, 266, 333, 388
Мирович Федор, сын переяславского полковника 344, 379, 395, 396, 419, 475
Миронов Иван, запорожский козак 419, 465
Миско, запорожский козак 464
Митчель, полковник 274
Миус, река 79, 93, 94, 221
Михайло, козак 188, 189
Михайлов Борис 229
Михайло, белоцерковский полковник 360
Михайлов Кондрат, запорожский полковник 117, 119, 457, 458
Михайлов Носко, куренной атаман 28
Мишурин Рог, местечко и переправа 167, 169, 201, 258, 264, 472
Мищенко Семен, запорожский козак 457
Многогрешный *(Многогрішний Дем'ян Гнатович)*, гетман 103, 491, 493
Могила Андрей, польский гетман *див. Мигула Андрей*
Могилев *(Могилів-Подільський)*, город 230, 284, 490
Моисей, козак 38
Мокиевич, посланец Мазепы 306
Мокиевский Антонин 238, 240
Мокиевский *(Мокієвський Костянтин)*, киевский полковник 177, 178, 228, 496
Молдавия (Молдавія, Молдова) 6, 13, 472, 488, 507, 508
Молдавське князівство 488
Молочные Воды *(Молочная)*, река 58, 106, 108, 112, 113, 115, 117, 118, 126, 147, 157, 159, 213, 459
Молчаненко Яцко, запорожский козак 47
Монкастро див. Аккерман, турецкий город
Мордусенко Трофим, новобогородицкий житель 372
Мороз, козак Каневского куреня 193, 197
Мороз Яков, кошевой атаман 173, 177—179, 181, 182, 186, 187, 193
Мосальский 275
Москаленко Андрей, запорожский козак 464
Москалец, запорожский козак 91
Москаль, запорожский козак 249, 252
Москаль Семен *Григорьевич*, дворянин 41—43
Москва 5, 6—17, 19—21, 23, 24, 26—34, 36, 37, 41—43, 45, 46, 48, 49, 54, 56—59, 63, 64, 66—70, 74, 76, 77, 82—88, 90, 93, 95—97, 99—101, 103, 104, 106, 108—113, 116, 118—121, 123—125, 127—129, 131—133, 135—145, 149, 150, 152—162, 165—167, 171—173, 175, 177, 178, 180—183, 187, 191, 195, 196, 198, 200, 203, 206, 207, 209, 210, 215, 217, 222, 223, 225—227, 230—235, 237—242, 244, 245, 249, 252, 253, 255—257, 261, 269, 270, 275—280, 282, 284, 286—294, 296, 301, 309, 310, 349, 357—359, 368, 369, 374, 376, 377, 382, 390, 393—395, 405, 411, 432—438, 442, 456, 460, 463, 470, 473—476, 482, 485, 487, 489, 495, 501, 503, 506, 508
Московка, речка 22, 117, 391
Московщина 124, 297
Мотронино, урочище 79
Мраморное море див. Белое море
Мстиславль, город 284
Мубарекша-Мурза (Селешов) 9, 15, 19, 20
Мубереккермень (Шагингирей), турецкий город на Днепре 167—170
Мужака Левко, запорожский козак 464
Мультанская (Мултянська) земля 58, 491
Муравские шляхи 101 459
Мурат-Герай, крымский хан 9, 15, 488
Мустафа, приказчик 455
Мустриткермень *(Мустрит*, Тавань), турецкий город на Днепре 167, 168
Мухаммад 200, 497
Мышастый *Влас*, запорожский козак 457
Мышецкий 456, 476, 478
Мюнстер 498

Н

Надтока Кирик, куренной атаман 222

Наковальнин, поручик 424, 428, 443
Нарва 228, 230, 287, 497, 504, 506, 509
Нареченный Федько, запорожский козак 464
Наталья Кирилловна, царица 117
Наумов Федор, советник 402—404
Нахимовский Федор 376, 395—397, 419
Нащинский, полтавский обозный 394
Нева, река 226, 250, 258
Невичанный Василий, чигиринский сотник 304, 358, 363, 364
Нежин, город 149, 285, 300
Нежинский (Ніжинський) полк 187, 261
Незамай Дацко, запорожский козак 464
Незамайковский курень 47, 67, 73
Некрасов *Г.*, донской козак 300, 502, 504
Нелипа Зиновия Ивановна 486
Немиров *(Немирів)*, город 34—36, 68, 69, 75, 165, 368, 371, 490
Ненасытец, порог в реке Днепре 372
Неплюев Иван Иванович 251, 407, 413, 423, 424, 426, 428, 429, 446, 449
Неплюев Иван Юрьевич 76
Неплюев Леонтий *Романович*, воевода 15—17, 25, 26, 29, 42, 43, 46, 48—50, 52, 54
Неплюев Семен *Протасьевич*, воевода 136, 190, 191, 251
Нестеренко Дмитрий, гетманский козак 50, 52, 53, 177, 245
Нестулей *Федор (Несталей, Нестуля)*, переволочанский полковник 286, 306, 307, 368, 372, 377, 474
Нетяжченко Мартын, запорожский козак 454
Нехаївка 497
Нехворощанский городок *(Нехворощa)* 21, 137, 172, 321
Нечитайло Михайло, запорожский козак 464
Нечковский 480
Ниеншанц (Нієншанц, Шлотбург), город 250, 466, 506
Нижние Кучугуры, урочище у Днепра 203
Нижні Млини 501
Низ 26, 41, 43, 100, 121, 123, 126, 133, 184, 197, 277, 298, 414
Никитин Рог, урочище 224
Никифоров Илья, подъячий 255
Никифоров Фома 76
Николаев, город 472
Николаевский пустынный запорожский монастырь 22
Никополь 485
Ничипор, куренной атаман 97
Ништадт *(Ніштадт)* 399, 509
Німеччина див. Германия
Новая Сичь (Нова Січ) 405, 476, 490, 507—511
Новгород, город 253, 284, 498
Новгород-Северск 285
Новицкий Илья *(Новицький Ілля Федорович)*, полковник 189, 497
Новицький Григорій 146, 147, 495
Новобогородицкий *(Новобогородицк, Новобогородицкая крепость, Новобогородицький, Самария, Самарский, Самарь)*, город 41, 44, 49, 51—53, 55, 56, 60, 62—64, 67, 68, 75—77, 93, 94, 119, 136, 177, 185, 214, 218, 224, 230, 240, 247, 248, 252, 255, 267, 274, 275, 277, 292, 304, 305, 315, 326, 368, 369, 373, 411, 456, 459, 491
Новодівичий монастир 489
Новое (Нове) див. Кодак Новый
Новомосковский уезд (Новомосковський повіт) 63, 462, 491
Новосанджары *(Нові Санжари)*, местечко Полтавского полка 87, 308, 312, 321, 322, 324, 326, 505
Новосергиевский *(Новосергіївський)* городок, *див.* Вольный городок
Новосильцов, стольник 136
Новочеркаськ (Черкаск, *Черкаськ, Черкасский, Черкаський городок)* 10, 20, 165, 279—281, 404, 502
Новый транжемент 404
Ногайская орда 278
Нортберг Георг (Георгій) 322, 324, 469, 470, 504, 505
Нос Иван, куренной атаман 217
Носаковский *(Носоковский)*, остров на реке Днепре 108
Носоковка 126
Нотебург 501, 506
Нуман, Номан, бендерский паша 410, 443, 478
Нурредин *(Нурредін-солтан)* 12, 488
Нустриткермень или Устриткермень, турецкий город на Днепре 220

О

Обидовский, нежинский полковник 228
Овечьи Воды, речка, приток Самары 61

Огарков Михаил Федорович 478
Огинский, литовский пан 230
Одесса див. Кочубеев
Одеська область 489
Окіп 497
Олейниченко 136
Олександр Арчинович, імеретинський цар 492
Олексій Михайлович див. Алексей Михайлович
Олексій Петрович 501, 506
Олешківська Січ див. Алешки, Сичь
Олтва Иван, запорожский козак 465
Ольба *(Олба)*, приток реки Днепр 22, 23
Ольхи, урочище у низовьев Днепра 159
Омба Дондук *див.* Дондук Омба, калмыцкий паша
Омельник, речка 146
Омельник *(Омельники)*, селение 304, 327, 345, 501
Омельченко Андрей, запорожский козак 464
Омельченко Иван 464
Опаненко Влас, войсковой судья 187
Опошня, город, местечко 199, 230, 285, 340, 506
Опухтин Иван *Аверкиев*, воевода 210—212, 214, 215, 219, 465
Опушное 108
Ор-бей, крымский салтан 420
Оргиенко Иван, запорожский козак 464
Орель, река 6, 21, 22, 26, 28, 41, 61, 75, 77, 117, 119, 144, 158, 172, 174, 189, 193, 198, 208, 238, 251, 255, 262, 308, 321, 333, 375, 376, 378, 407, 417, 424, 439, 457—459, 504
Орельська паланка 490
Орешок 498
Орлик, город 104, 459
Орлик, приток Днепра 21
Орлик Филипп *(Пилип)*, генеральный писарь и гетман 340, 347, 356, 357, 367—370, 372, 374, 376, 378—381, 385, 395—411, 417, 424, 425, 431, 432, 437—440, 445, 448—451, 474, 475, 477, 496, 504, 507—509, 511
Орчик, речка, *див. Корчик, речка*
Ослам *див.* Аслам, турецкий городок на Днепре
Осман-ага 494
Оснабрюк 498
Осокоровка, речка 22
Остапец, запорожский козак 91
Остапов Семен, запорожский козак 465
Остафьев Михайло 255
Остзейский (Остзейський) край 229, 499
Острая могила 22
Острогожский или Рыбный город 180
Остряница Иван, запорожский козак 464
Остряница Федор, запорожский козак 464
Отрепьев Гришка 507
Оттоманская Порта (Порта, Турция, Туреччина) 6, 9, 15, 67, 87, 161, 201, 208, 209, 220, 221—223, 225, 227, 235, 237, 243, 250, 255, 258, 260, 261, 263, 264, 267, 287, 289, 290, 320, 334, 342, 344, 357, 366, 368, 373—379, 381, 382, 386, 392, 395, 397, 399, 400, 407, 410, 411, 412, 416, 422—431, 436, 438, 443—445, 447—449, 474, 477, 488, 494—500, 503, 505—510
Охмеч 455
Охта, река, приток Невы 258
Очаков *(Очаків)*, турецкий город 10, 11, 15, 85, 93, 126, 143, 146, 163, 170, 174, 176, 178, 179, 184, 185, 189, 201, 203, 205, 206, 208, 209, 220, 221, 231, 242, 261, 263, 264, 345, 346, 350, 374, 414, 435, 496 *див.* Дашов, город
Очаковский лиман 157, 163
Очаковский шлях 14

П

Павел, атаман 274
Павлов *Андрей*, подъячий 225, 237, 245, 246, 249
Павлов І. 502
Павловський 472
Паланка, город 159
Палий Семен *(Палій Семен Пилипович)*, полковник 79, 93, 131, 136, 146, 147, 161, 162, 249, 492, 494—499
Паліївка 500
Пантелеймона святого монастир 511
Пантократор, монастир 511
Панченко *Панас*, запорожский козак 457
Папунко *Василь*, запорожский козак 457
Парфентьев Вонифатий 89
Паско (Сидоренко Павел) 383, 390, 403, 476

Паткуль *Иоган (Йоган) Рейнгольд,* лифляндский дворянин 228, 498
Пашковский курень 112, 122
Пащенко Яков, запорожский козак 206, 464
Пелленштерн 323
Пензенская губерния 452
Перевозная, пристань против Очакова на Днепре 170
Переволочна, Переволочанский перевоз 15, 20, 27, 28, 30, 37, 38, 66, 74, 75, 79, 82, 89—91, 93—98, 113, 122, 128, 129, 137, 142, 146, 147, 152, 167, 169, 174, 176, 181, 185, 186, 207, 223, 232, 237, 245, 256, 257, 260, 266, 275, 286, 296, 300, 301, 304, 306—308, 313, 315, 317, 319, 321, 322, 325, 326, 330, 331, 337, 338, 342, 343, 350, 373, 377, 394, 398, 400, 469, 471, 472, 491, 499, 504, 510
Перекоп 13, 14, 17—19, 23, 31, 53, 55, 56, 58, 61—63, 81, 105, 106, 119, 120, 177, 185, 203, 238, 300, 372, 375, 414, 455, 460, 489
Перекопская дорога 85
Перекопский залив 221, 465
Перекопский замок 221, 465
Перепетиха, урочище 371
Пересыпь, урочище у Днепра 93
Переяслав, город 76, 125, 435, 492, 494
Переяславский курень 80, 82
Переяславский (Переяславський) полк 79, 106, 492
Персия 400, 434, 477
Пески 345
Песчаный брод 201
Петербург *(Санкт-Петербург)* 226, 258, 284, 339, 362, 374, 380, 383, 385, 386, 393, 400, 406—409, 413, 415, 416, 423, 424, 428, 432, 434, 439, 442, 443, 447, 473, 474, 506, 509
Петр, козак 211
Петр Алексеевич *(Петро I),* царь 5, 13, 17, 29, 43, 132, 156, 163, 173, 176, 178, 180, 182, 183, 201—204, 209, 213, 218, 220, 222, 225—229, 234, 235, 237, 247, 250, 255, 256, 258, 259, 262, 263, 269, 273, 277, 281, 284, 285, 288, 289, 293, 296, 300—302, 304, 315, 317, 324, 328, 329, 332, 333, 339, 341—345, 357, 366, 368, 373, 382, 383, 393, 398—401, 416, 435, 440, 464, 474, 489, 492—496, 499, 501, 503, 506—510
Петр II *(Петро II),* император 402, 406, 501
Петрик *(Петричевский) див.* Иваненко Петр Иванович
Петров, козак 474
Петров Иван 202
Петров Иван, самарский полковник 403, 405, 406
Петров Мирон 299, 302
Петровка, селение Полтавского полка 341, 462
Петропавловская фортеця 493
Печерск или Печеры *(Печерское местечко)* 188, 235, 252, 270, 281
Печерский монастырь *(Печерський монастир) див. Киево-Печерская Лавра*
Пиковец Тимош, гетманский посланец 34, 80
Пилипов Иван, кошевой атаман 397, 398
Пипер 341
Пирятин 496
Пирятинський повіт 496
Північне Причорномор'є 511
Північний Кавказ 491
Пластуновский курень 211
Платнерівський курінь (Платнеровский курень) 234, 235, 441, 496
Плаханенко Семен, запорожский козак 457
Плетеницкий Рог 453
Пляка ватаг полевой, вероятно тот же Пляцкой *(Пляк,* Фляк, *Фляка)* 198, 306, 368, 372, 469
Пляцкой *(Плячник, Плячной, Плячный)* Никита, асаул Полтавского полка 164, 461
Побужье 371
Поволжя 502
Погребки, местечко 285
Погрибняченко Дмитро, запорожский козак 465
Погрибняченко Павел, запорожский козак 465
Подвалинский Никита, иеромонах самарского монастыря 288
Подерня, сотник 486
Поділ 501
Поділля 490, 496
Подкова Иван, козацкий вождь 480, 481
Подлесный Тишка, сотник гадячский 70, 71
Подпильная *(Підпільна, Подпильна, Подпольная),* ветка Днепра 346, 440, 441, 443, 507, 511

Подольская губерния 161
Позднешовка 66
Покотило Яков, запорожский полковник 201, 210—215
Покровская церковь (Покрова пресвятой Богородицы, Покровська церква) 122, 132, 154, 186, 494
Покровка 184
Полесье 185, 269
Полонное местечко 68, 271
Полоцк, город 230
Полтава, город 22, 74, 87, 96, 129, 132, 147, 184, 233, 245, 270, 285, 286, 301, 302, 307, 308, 312, 313, 315, 321, 322, 329, 332, 338, 340, 341, 342, 345, 373, 381, 394, 398, 407, 409, 422, 433, 435, 440, 457, 462, 471, 494, 496, 499, 504, 506
Полтавская губерния 234, 327, 475
Полтавский курень 83, 139, 140
Полтавский (Полтавський) полк 34, 73, 75, 77, 87, 93, 94, 110, 117, 158, 164, 171, 184, 239, 253, 262, 299, 302, 387, 394, 492, 494, 501
Полтавщина 96, 102, 103, 501, 502, 505, 509, 511
Полуботок Павел *(Павло Леонтійович)*, черниговский полковник 110, 400, 493, 510
Полуян, сотник переволочанский 82
Польша (Польская страна, Польща, Речь Посполитая, Річ Посполита) 6, 7, 9, 15, 16, 19, 27, 29, 34, 67—70, 72, 96, 161, 162, 194, 197, 227—229, 235, 236, 255, 272, 287, 289, 290, 291, 309, 347, 348, 363, 376, 392, 394, 402, 416, 417, 419, 421, 423, 428, 431, 432, 435, 447, 449, 482, 483, 488, 490—492, 494—501, 503, 504, 507, 508
Полянский Макар, дьяк 55, 62
Померания 227
Понурівка 500
Поплонский 458
Попович (Самойлович Иван, *Іван Самійлович)*, гетман 6, 13—18, 21—23, 25, 27, 61, 103, 143, 161, 162, 287, 291, 292, 315, 452, 488, 491
Попович Яцко, запорожский посланец 359, 375
Поповичевский курень 273, 275, 403
Порта див. Оттоманская Порта
Портянский Иван, запорожский козак 384, 464
Порывай Кузьма, куренной атаман 45, 46, 48
Постарому Грицко, запорожский козак 465
Потей, витебский воевода 230
Потемкин Петр *Иванович*, воевода 214
Потемкин-Таврический 472, 477, 485
Поток, местечко 75, 304
Потоцкий Иосиф *(Потоцький Йосип, Юзеф)* 370, 371, 376, 508
Правобережная Украина (Правобережна Україна, Правобережжя) 6, 229, 490, 494, 495, 500, 505, 508, 509
Приазов'є 491, 511
Привалівка 500
Придніпров'є 500
Прилуки, город 273, 285
Прилуцкий полк 266
Прима или Примас Петро, кошевой атаман 159—161, 163, 167, 211—213, 215, 217, 464
Причорномор'є 489, 491, 500
Пробитое урочище у Буга 377
Прогной, урочище 115, 143, 145, 151, 244, 266, 267
Прогноїнська паланка 489
Прозоровский острог 482
Прокопенко Кирик, запорожский козак 464
Прокофиев Филипп, куренной атаман 419
Пропойск, город 285
Протасьев Федор, стольник 225, 244—247, 249, 269, 375
Протовча, речка 104, 404
Протовчанська паланка 490
Протопов 160
Пруссия (Пруссія) 432, 492
Прут, река 11, 12, 368, 373, 435, 488, 490, 508
Псел, река 112, 176, 177, 285, 296, 304, 324, 342, 459
Псков 222, 228—230, 233
Псковская область 225
Пугачов О. І. 507
Пуленко Гаврило, запорожский козак 113
Пустошь 472
Путивльские ворота 76
Путятин Никифор 66
Пушкин Наум 479
Пушкін О. С. 501

Р

Радзивил, литовский князь 482
Радич *Пантелеймон*, гетманский посланец 89, 93—95

Радич Тимофей 236
Разін С. Т. 507
Разоровка 478
Рамазанов Ахмет 45, 46
Раннебург 501
Раскопанка, урочище у Днепра 192
Растреллі В. В. 500
Рахов, местечко 285
Рашковская сотня 472
Ревель (Таллінн) 509
Ревенко Семен, сотник китайгородский 76
Рейн 431
Рембовский 481
Ренне, генерал 285, 321—323, 372
Реншильд *Карл Густав,* шведский фельдмаршал 307, 308, 504
Репнин 230
Речь Посполитая (Річ Посполита) див. Польша
Решетило Степан, запорожский козак 384, 439, 443
Решетиловка, местечко 30, 285, 324, 345, 383
Ржевский Алексей *Иванович,* воевода 76, 456
Ржевский Иван *Иванович,* дьяк 50
Рига 230, 235, 509
Ригельман 371, 452, 472, 474, 475
Рилєєв К. Ф. 509
Римська імперія 501
Ров 479
Роговский курень 56, 238, 241
Рогуля Григорий, запорожский писарь 297, 380, 385, 469
Родуст Роман, кобеляцкий сотник 315
Романов Лукьян, запорожский козак 274
Романович Мартын, запорожский козак 187
Романовский, полковник 275
Ромны или Ромен, город 245, 285
Ромодановский 252
Ропуха, запорожский козак 249, 252
Россия (Росія, Російська держава) див. Великая Россия
Ростковский 158
Рубан 465
Рубан Иван, конный асаул 75, 79
Рубан Иван, куренной атаман 80, 82—85, 457
Рубан Михайло, запорожский козак 407
Рубан Прокоп, харьковский сотник 372
Рубан Семен, козак 454
Рубан Семен, кошевой атаман 131, 139—142, 144, 149, 151—155, 212
Рубан Степан, запорожский козак 30, 113
Руденко, запорожский козак 454
Рудый Василий, запорожский козак 465
Рудый Матвей, запорожский козак 464
Рудый Степан, запорожский асаул 76
Рудый Яцко, запорожский козак 211
Рудь Ониско, запорожский козак 465
Румунія 488
Русинов, московский подъячий 119
Русская коса, урочище на Буге 345
Русь 35, 96, 98, 123—125, 133, 498
Рутковский Иван, дозорца 73, 74, 76, 82, 94, 96—98, 100, 122, 135, 137, 143, 152, 257, 458
Рухове 500
Рыбинский полк 101
Рыбный 180
Рышка *Тимко,* запорожский козак 457

С

Саадат-Герай, крымский хан 121, 394
Савин 66
Савич Василий, лубенский сотник 295, 335
Савич Григорий 299, 300
Савущенко *Иван,* запорожский козак 457
Сагайдачные кучугуры 179
Сагайдачный Григорий, кошевой атаман 27—30, 32—35, 40, 42, 43, 45, 47, 113
Сагайдачный Григорий, полковник 180
Сагинкермень (Шагингирей, Шангирей), турецкий городок 94, 124, 167, 191, 192, 219—221
Сажко (Сашко) Михайло, запорожский писарь 66, 70, 71, 467
Саит-Касим 56
Саксагань, речка 122, 404
Саксония (Саксонія) 343, 499
Салгир, урочище в Крыму 165
Салей, турчин 448
Салоники (Солунь, *Солоніки*) 399, 411, 432, 436, 438, 508
Самара или Самарь, река 6, 22, 23, 25, 26, 28, 41—44, 46, 48—50,

52, 54—56, 61—64, 68, 76, 93, 96, 104, 106, 113, 117, 119, 125, 133, 136, 144, 158, 177, 190, 198, 201, 208, 215, 218, 219, 222, 225, 230, 231, 234, 247, 248, 250—252, 255, 269, 273, 274, 277, 279, 296, 301, 304, 333, 368, 372, 375, 378, 380, 386, 387, 405, 406, 408, 411, 412, 416, 435, 445, 446, 453, 459, 468, 475, 491
Самарские городки 117, 237, 297, 298, 300, 318, 349, 369, 432
Самарский город *(Самарь) див.* Новобогородицкий город
Самарско-Николаевский монастырь *(Самарський Миколаївський монастир)* 61, 62, 214, 491
Самарська паланка 490
Самовидец 230, 453
Самовицы, деревня 377
Самойленко Максим, кошевой атаман 163, 166, 167, 169, 461
Самойлович Григорий *Иванович,* полковник 25, 26
Самойлович Иван *(Іван Самійлович),* гетман *див.* Попович, гетман
Санджаров, город 314
Санджаревский Федор, новобогородицкий житель 372
Сапега, знатный польский пан 402
Сапега Казимир, литовский гетман 68, 230, 235
Саратов 183
Сас 440 *див.* Август II
Сахара 345
Сахненко Мартын, запорожский козак 464
Свидзинский, польский рейментарь 417, 418, 420, 421
Свинцов Иван *Прокофьев,* стряпчий 28
Свичка Леонтий *(Свічка Леонтій Назарович),* лубенский полковник 169, 191, 193, 196, 496, 497
Святайло, спасский поп 393
Святого Креста, крепость 416
Святогорский монастырь на реке Донце *(Святогірський монастир)* 280, 502
Святотроицкое (Федоровка), селение 345
Северный Донец *(Сіверський Донець),* речка *див.* Донец, река
Севрюк 387
Севск, город 9, 15, 50, 66, 76, 80, 83—85, 182, 215, 244, 282, 374
Сейм, река 188
Селезнев (Селезневич) Роман, гетманский дозорца 141, 257, 266
Селешов, мурза *див.* Мубарекша-Мурза
Селим-Герай *(Селим-Гирей),* крымский хан 9, 15, 20, 121, 123, 223, 410
Семен, ватаг 157
Семенов Рог, урочище на Буге 261
Семеновка, селение Полтавского полка 341
Семибашенный замок 376
Сенченко Федор 465
Сенявский, коронный гетман 307
Сераскир-паша 199
Сербин Остап, запорожский войсковой писарь 222
Сергиевский див. Самойленко Максим, кошевой атаман
Сергиевский курень 65, 66, 76, 121, 146, 208, 211, 212, 461
Сергиенко Максим 154
Серденяцкий полк 185
Сердюк Матвей, запорожский козак 465
Сибирь 119, 145, 233, 309, 344, 374, 377
Сиваш, озеро 489
Сиваш, урочище 147, 177, 184
Сидоренко Карпо, запорожский войсковой судья 403, 408
Сидоренко Павло, кошевой атаман 403 *див.* Федоров Павел, компанийский сотник
Сидорец 122
Сила Леско, асаул запорожский 82
Силезия 395
Сильтман 472
Симонченко *(Симонов)* Михайло *(Яков),* кошевой атаман 306, 317, 470
Симферополь *див.* Акчеметь, турецкий город
Синицкий Павло, запорожский козак 464
Синява, город 75
Синявский, польский гетман 388
Сирко Иван *(Сірко Іван Дмитрович)* 67, 116, 143, 161, 194, 235, 288, 290, 482—487, 491
Сирко, молодой 482
Сиркова могила 246
Сироватка Степан, запорожский козак 464
Сирота Василий, запорожский козак 464

Сиса Семен, козак Миргородского полка 392
Сичь *(Січ)* 11, 13, 14, 17—23, 25, 27—32, 34—36, 38, 44, 45, 47, 48, 50, 52, 57, 60, 62, 64—67, 69, 70, 73—76, 78, 80—83, 86—90, 94—102, 104—118, 120—126, 128—137, 139—142, 144—146, 148, 149, 151, 152, 154, 156, 157, 159, 160, 162, 163, 166, 169—179, 181, 182, 184—189, 191, 193—199, 201, 202, 204—207, 209, 214—218, 229, 221, 223—226, 230, 232, 234—252, 255—257, 259, 262, 266—268, 270—278, 280—284, 291—293, 295—307, 310, 313—315, 317—321, 324—329, 331, 332, 336—340, 345, 346, 356, 358, 365, 373—376, 378—380, 385, 387, 393—397, 400, 402—412, 414, 415, 418, 420—426, 429, 431, 432, 434, 435, 437, 440, 443, 445, 447—451, 452—456, 457, 464, 468, 469, 473, 475—477, 483—487, 488, 490, 491, 493—497, 499, 501, 502, 504—511
Скакун Савка, запорожский козак 464
Скалат 483
Скальковский 476
Скарбная, ветка Днепра 388, 440
Скорняков-Писарев, полковник 398
Скоропадский Иван *(Скоропадський Іван Ілліч)*, батуринский сотник, потом гетман 245—247, 286, 295, 299—304, 307, 313, 315, 316, 330, 333, 335, 338—340, 345, 346, 357, 358, 368—370, 372, 373, 375—377, 380, 382—391, 393, 400, 471, 474, 477, 496, 500, 504, 505, 510
Скрыпка Иван, запорожский козак 465
Слепый Семен, запорожский козак 465
Слободская Украйна *(Слобідська Україна)* 159, 357, 368, 369, 502
Слов'яногірськ 502
Слуцк 474
Случь, речка 348
Сметана, малороссийский козак 326
Смирна
Смоленск, город 236, 257, 285, 481, 482
Смоленский рубеж 229
Снітин 497
Спешнев 66
Собеский Ян *(Собеський Ян, Яків)*, польский король 6, 11, 67, 161, 488
Собченко Григорий, малороссийский козак 18
Сова Иван 464
Сож, река 283, 284
Соколка, город 274, 286, 314, 317, 322—324, 330, 336
Сокольная, урочище 108
Солдан, шведский комиссар 311
Соленая, Соленыя Воды, речка 56, 80
Солова 500
Соловей, малороссийский козак 262
Соловьев С. М. 473—477
Солонина Сергей, хорунжий 178
Солонко Емельян, запорожский козак 465
Сомко Яким Семенович 290, 504
Сомова, ветка Днепра 412
Сорок Байраков *(Сорок Байраків)*, урочище 62, 491
Сорочинский *(Сорочинський)* Петро, запорожский полковник 180, 232, 234, 248, 269, 277, 278, 317, 319, 320, 324, 326, 328, 497, 505, 506
Сосница, город 284, 296
Софійський собор 494
Софія Олексіївна (Софья Алексеевна) 13, 17, 26, 29, 43, 489
Спасск 472
Спешнев Федор 326
Стайки 229
Стамбул, турецкая столица *див.* Константинополь
Станілешті 508
Станцель, полковник белогородский 187
Стара Малоросія див. Левобережная Украина
Стара Руса 498
Старая Сичь (Стара Січ, Чортомлыцкая Сичь, *Чортомлицька Січ)* 55, 89, 107, 184, 191, 194, 278, 317, 332, 339, 346, 365, 380, 385, 404, 410, 411, 435, 440, 477, 484, 487, 488, 496, 507, 510, 511
Старий Кодак
Старишки, местечко 284
Старковский 472
Стародуб Андрей, запорожский козак 164
Стародубський полк 491, 503
Старосанджар, местечко 184
Старосельский Григорий, гетманский посланец 55
Староханский *(Стороханський)*, турецкий городок 56, 454

Старый Быхов 285
Старый Василий, запорожский козак 464
Старый Гаврило, запорожский козак 383
Старый Савка, запорожский козак 211
Стеблиевский курень 238
Стенка Данило, запорожский козак 465
Степан, козак 108
Степан, куренной Донского куреня 182
Степаненко *Ильяш,* запорожский козак 457
Степанов Федор (*Федір,* Федько), *див. Гусак*
Стеткевич, литовский пан 230
Стефаненко Лаврентій, кошевой атаман 365
Стецко, козак 383, 390
Стилевич Загура, гетманский посланец 249
Сто могил, урочище 261, 264
Стокгольм, город 395—397
Столбово 498
Стрелица (*Стрелище),* урочище у Днепра 85, 147, 159, 170, 179, 188, 203, 205, 208
Стрельниченко Григорий, лубенский хорунжий 217
Стряпченко Есько, запорожский козак 47
Студениця 490
Стукало Мартын (*Стук),* кошевой атаман 209
Стягайло 487
Сугаклей, урочище 205
Судиенко 469, 473—475
Сула 497
Сулак, река на Кавказе 414
Сулимка (Сулименко Степан) 116, 493
Сумской полк 101
Сумы, город 285, 299, 302
Сумська область 497
Супрун, козак Стеблиевского куреня 238
Сура, речка 404
Сустав Федько, запорожский козак 464
Сухий Грицко, запорожский козак 464
Сухий Иван, запорожский полковник 181
Сухина Иван, козак 188
Суховий или Суховиенко Петр (*Суховій, Суховієнко Петро),* гетман 116, 239, 493
Сухово-Кобылин, калужский воевода 83, 84
Суховольский, капитан 240
Сухой Ягорлык 249
Східна Прибалтика 498
Східний Сибір 501
Сырть, урочище в Крыму 437
Сыса Леско, запорожский посланец 105, 112, 115, 117, 119, 459

Т

Тавань (*Таванск, Таванский городок)* 5, 13, 17, 163, 167—169, 171, 176, 178, 179, 184—186, 189—210, 212, 213, 215, 219—221, 224, 241, 290, 464, 497
Тавань, остров 264, 275
Таврическая губернія 453
Таганрог или Троицк, город 227, 230, 281, 285, 329, 332
Таллінн див. Ревель
Тамарский (Титаровский) Василий, кошевой атаман 401, 476
Тараканов, генерал-майор 450, 511
Таран Грицько 485
Таран Максим, запорожский козак 464
Таран Марко, запорожский козак 465
Татарка, речка 22, 117, 119
Татарский загон 205
Татарчук Данило, запорожский козак 179
Тахтаева слобода 472
Тахтаул Влас, запорожский козак 383
Ташлык *Большой Сухой,* река, приток *див.* Великий Конар, речка
Твер 506
Текелды, пленный татарин 214, 222
Текутьев Михайло *Васильевич,* стряпчий 202, 204, 209, 210
Телегин Никифор 326
Темник Матвей, запорожский полковник 252
Темрюк, урочище на Тамане 300
Теплицкий *Григорий,* стольник 295, 302, 335
Терехтемиров, город на Днепре 229, 350
Терги 22, 453
Терки, урочище (может быть Терек) 277
Терновка, урочище 365, 366

Терська область 510
Тетеря Павло 503
Тимофеев (Тимофеенко Лукьян, *Тимофеевич)*, полковник, кошевой атаман 201, 271, 273
Тимофей, куренной атаман 182
Тимош, козак 241
Тимур-шах-мурза 59
Титаровский Василий, кошевой атаман *див.* Тамарский Василий, кошевой атаман
Титаровский курень 30, 32, 476
Тихвін 498
Тір 488
Тобольська губернія 501
Токарь, запорожский козак 393, 394
Токмач, урочище в крымских владениях 177
Толстой Петр, резидент 243, 320, 376, 378
Томаковка, остров 26, 191, 193, 194, 196, 275
Томара Степан 211
Тонкая, речка 56, 147
Тонконог, запорожский асаул 232
Топольницкий Федор, гетманский посланец 196, 198
Тор, речка, приток Донца 164
Торские пески 453
Трансильвания, княжество 381
Трахтемирівський монастир 493
Третьяк Федор, мазепенец 379
Тригубенко Гаврило, запорожский козак 465
Триполь, город 376, 435
Триполье 229
Трипутень, запорожский козак 241
Трофим Васильевич, судья 336
Трощинский *Степан,* господар гадячского замка 122, 131—135
Трубецкой Иван Юрьевич *(Трубецькой Іван Юрійович)*, князь 400, 510
Трухан Иван, запорожский козак 464
Трьохізбянська, станиця 502
Туволза или Таволжанская забора 480
Тукало Яков, запорожский козак 418
Тула 48
Тур Антон, запорожский козак 464
Туранский Алексей, глуховский сотник 245, 250
Тыведый *Иван,* запорожский козак 457
Тягин *(Тягинь)*, турецкая область, *город див.* Бендери, турецький город, *область*
Тясьмин или Тесьмин, река 446

У

Убогий Остап, запорожский козак 464
Украинцев *Емельян Игнатов (Українців Омелян Гнатович)*, думный дьяк 149, 215, 258, 259, 261, 263, 267, 429, 495
Україна (Украйна) див. Малороссия Українська держава
Ульрика-Элеонора *(Ульрика-Елеонора)*, шведская королева 395—397, 509
Уманский курень 122, 212
Уманский (Уманський) полк 314, 505
Умань, город 116, 375, 377
Ураз-мурза 46
Урбанович, генерал-майор 395
Урн Урней, полковник 327, 338
Урхан, турецкий султан 31
Ус Федор, запорожский козак 465
Усманов *(Умерко)*, татарин 31, 32
Успенський собор 492, 494
Учуй Андрей 76
Устреткермень 221
Ушивая *див.* Вшивая, речка

Ф

Фастов (Хвастов, *Фастів*) 161, 162, 371, 499
Федор, куренной атаман 30, 32, 33
Федор, рыбак 378
Федор Иванович, наказной кошевой 194
Федоренко Корней, козак Миргородского полка 388
Федоренко (Хведоренко) *Роман,* запорожский козак 454, 457
Федоренко Яско *(Есип)*, наказной кошевой 199
Федоров Павел, компанейский сотник 205, 206, 464
Федоров Павел (Сидоренко), кошевой атаман 402
Федоров Прокофий, атаман 439, 443
Федоровка, селение *див.* Святотроицкое селение
Федько, кошевой атаман *див.* Степанов Федор, кошевой атаман
Филипп, козак 73

Фирс, запорожский войсковой судья 144
Фінляндія 509
Флорентійська республіка 493
Фляка, запорожский козак *див.* Пляка, см. также Пляцкой
Фома, козак 85, 457
Франция (Франція) 228, 399, 417, 431, 499, 500, 507
Фрауншгадт 504
Фридрих-Август, польский король 417, 431
Фридрих *(Фрідріх I)*, шведский король 396, 397, 509
Фридрихсгаль 396
Фролов *Степан*, подъячий 136, 209, 210, 216, 222, 223

Х

Хаджибей, город, *див.* Кочубеев
Хаджи-Герай, хан 15
Халецкий *Михайло*, мозырский староста 236
Халкидинський півострів 511
Ханенко Михайло *Степанович*, гетман 116, 239, 493
Харевич, запорожский посланец 89
Харько *Захарий*, атаман куреня 82, 83, 85, 457
Харьков, город 285, 304, 319, 409
Харьковская губерния 468
Харьковский полк 101, 106, 368
Хвастов, город *див. Фастов*
Херсонська область 489, 507
Херсонский уезд 478
Хлопенский Лука, подъячий 152
Хмелевский Антон, шляхтич 402, 403, 409
Хмельницкий Богдан *(Зиновий, Хмельницький Зіновій-Богдан Михайлович)*, гетман 16, 72, 81, 86, 92, 101, 103, 105, 116, 118, 123, 126, 133, 145, 218, 238, 251, 262, 287, 289, 347, 348, 360, 433, 489, 490, 492, 494, 508, 510
Хмельницкий Юрий (Хмельницький Юрій (Гедеон) Богданович) 290, 503, 504
Хозлеве, турецкий город *див. Гезлев*
Хорошево, селение при реке Хорошеве 345
Хорошки 497
Хортица 22, 326
Хотин, турецкая крепость 396, 423, 440
Хохлов, подъячий 246
Хрещатое, урочище выше Орели 189
Христиан (Христіан) V 227, 498
Христианштадт, шведский город 395, 396

Ц

Цабиля, атаман куреня 82
Цап 455
Царевский Матвей *(Царевський Матвій)*, запорожский посланец *див. Ирклеевский Матвей*
Царекамышин, урочище 408, 409
Царичанка, город 117, 119, 203, 223, 236, 286, 307, 308, 311, 320, 368, 376, 408, 470
Царицын (Царицин) 183, 502
Царьград *див.* Константинополь
Цецора 12, 488
Цюрупинськ 507
Цюцюренко Клим, запорожский ватаг 157
Цяба Кондрат, запорожский козак 465

Ч

Чало Андрушка 184
Чалый Яков, атаман запорожский 173, 174, 176, 178, 179, 181, 182, 184, 214, 462, 485
Чандар 455
Чангары или Чунгур, урочище 166, 177, 196, 206
Чапчаклия 146
Чарнецкий (Чернецький Стефан) 104, 493
Чеверда Грицко, запорожский козак 464
Челин, русский полоняник 140
Черевко Василий, запорожский козак 383
Черкаск, город на Дону *див. Новочеркаськ*
Черкасы, город 75, 264
Черкашенко Василий, запорожский козак 464
Черман *Мусий (Моисей)*, запорожский козак 457, 464
Черная Долина 30, 61, 106
Черная, река 258
Чернетчина 462
Чернигов, город 435
Черниговский полк 296
Черногория 289
Черное (Чермное, Чорне) море 64, 94, 156, 163, 169, 173—176, 178,

179, 181, 187—189, 195, 214, 220, 227, 264, 268, 455, 494
Чернухи 412
Черный Грицко, запорожский козак 465
Черный Игнат, запорожский козак 457
Черный Лес 73, 75, 468, 483
Черный Трофим, запорожский козак 274
Чернышенко Василий, запорожский козак 465
Чернышов Григорий *Петрович*, азовский губернатор 401
Черняк, бунчуковый товарищ 299, 300, 302, 304, 336, 379, 400, 469
Четатаальба (Біла фортеця) див. Аккерман, турецкий город
Чечель Дмитрий *(Дмитро)*, полковник 185, 186, 497
Чечельник, город 314
Чигирин, город 75, 229, 231, 262, 272, 290, 301, 304, 315, 316, 388, 497
Чигирин-Дуброва *(Чигирин-Дубровка)*, местечко 75
Чигиринский полк 339
Чириков *Илья Родионов*, воевода 273, 275, 276, 302, 303, 306, 317, 318
Читаевский Василь, запорожский козак 407
Чихачев Клим, стольник 215
Чичагов, полковник 274
Чичерин, комендант 408
Човны, урочище 206
Чорниченко Клим, запорожский козак 465
Чортомлык *(Чортомлик)*, река 217, 346, 388, 399, 405, 411, 413, 441, 477, 507
Чортомлыцкая Сичь *(Чортомлицька Січ) див. Старая Сичь*
Чортомлыцкий остров *див. Базавлук*, остров
Чубаров Афанасий *Алексеевич*, воевода 80, 81, 89
Чубаровский Тарас, новобогородицкий житель 372
Чунгур 20
Чуткевич, посланец Мазепы 306

Ш

Шабан, кызыкерменский писарь 73, 74, 101, 121, 168
Шагин-Герай *(Шангирей)*, салтан 56
Шагингирей (Шангирей) *див.* Сагинкермень, турецкий городок
Шагинкермень (Шахкермень), турецкий городок 58, 223
Шаков шлях 383
Шамакаев или Шмакаев *Тугайко*, татарин 31, 32
Шарпиленко Антон, полтавский житель 377
Шарпило Иван, кошевой атаман 156, 159
Шарый Кирик, товарищ Полтавского полка 184
Шатырь-Али-ага, турецкий гонец 443
Шафиров *Петр (Шафіров Петро Павлович)*, барон 367, 376, 378, 508
Шаховской, князь 421
Швачка, запорожский козак 377
Швединовка *(Шведское)*, селение близ Александрии 345
Швеция *(Швеція)* 225, 227, 228, 309, 379, 380, 395—397, 399, 496, 498, 499, 503, 504, 506—509
Шеин Михаил *Борисович*, воевода 481
Шеки 497
Шеншин Даниил, воевода 256, 274, 276, 372
Шеншин Семен *Полуектович*, подполковник 279
Шереметев Борис *Петрович (Шереметєв Борис Петрович)*, воевода 149, 163, 167, 168, 176, 178, 230, 285, 304, 314, 324, 341, 377, 392, 399, 470, 471, 495
Шесть Колодезей, урочище 386
Шидловский, бригадир 282
Шило Клим, запорожский козак 11, 14
Шило Василий 465
Шир-бей 121
Ширин-бей Джантемир 420
Шишацкий, запорожский козак 405
Шишигины *Прокопий и Харитон*, братья, русские пленники 131, 460
Шкуринский 273
Шкуринский курень 187, 193
Шлезвиг-Голштиния 227, 228
Шленск 395
Шлиссельбург (Шліссельбурзька фортеця) 258, 500
Шлотбург, город на берегу Невы *див. Ниеншанц*
Шотландія 489

Шох, запорожский козак 47
Шпигель, генерал-майор 447
Шпоченко Максим, запорожский козак 273, 274
Шток, генерал-майор 407
Штральзунд, город 379, 381
Штых Мартын, запорожский козак 382
Шульга Яцко, запорожский козак 464
Шульгинський городок 502
Шумейко Иван, куренной атаман 45, 46, 48, 262
Шумьянский, польский посол 419

Щ

Щербан Иван, запорожский козак 106, 464
Щербина, атаман 232
Щербина Иван, запорожский козак 106, 112, 457
Щербиновский курень 82, 144
Щитовский Фома 326
Щоголев Андрей, подъячий 53
Щука Станислав, коронный регент 12

Э

Эварницкий Д. И. (Яворницкий Д. И., Яворницький Д. І.) 457, 478, 494, 503—509
Эдикли-ага, турецкий полномочный 410, 443—448
Эрестфер, деревня 235

Ю

Южная Русь 264
Юргевич, слуга литовского гетмана 230
Юркуша, запорожский козак 457
Юрченко Мартын, запорожский козак 454
Юско, запорожский козак 93, 120
Юсуп, силистрийский паша 203, 249, 320

Я

Яблоновский, коронный гетман 69, 79
Яворницкий Д. И. (Яворницький Д. І.) див. Эварницкий Д. И.
Яворов, город 483
Ягорлык, местечко 225, 472
Ядерное 79
Яжборский Иван *Григорьев*, мещанин 296, 301
Яков, козак 122
Яков, куренной атаман 97
Яковенко *Григорий*, кошевой атаман 191—194, 196, 199, 201, 202, 206, 208, 463
Яковенко Захар, запорожский козак 124
Яковенко Терешко, запорожский козак 454, 457
Яковина Долина 384
Яковлев *(Яковлєв)*, лубенский полковник 195, 497
Яковлев Петр *(Петро)*, русский полковник 317, 324—328, 331, 332, 337, 344, 471, 506
Якубович Демьян, сотник 297
Якутськ 509
Ялань (Елань, *Яланская, Ялы*), речка 164, 461
Яловец Петро, житель города Царичанки 208
Ям 498
Яман-Сагайдак, крымский салтан 101
Ямполь, слобода Изюмского уезда Харьковской губернии 281, 468
Ян II Казимир 286, 503
Янчожрак, речка 22, 23, 25, 453
Яременко *Данило*, запорожский козак 457
Яремовка, урочище у Днепровского берега 194
Ярослав Мудрий 493
Ярославец, село близ Глухова 244, 245
Ясинский Варлаам *(Ясинський)*, киевский митрополит 102, 493
Ясликовский Гаврила 186
Яссы *(Ясси)*, столица Молдавии 12, 13, 18, 472, 488, 508

ЗМІСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Участие запорожских козаков в походе польского короля Яна Собеского на Молдавию.— Сношения московских царей с крымским ханом при посредстве запорожцев.— Предписание запорожскому войску от московских царей о совместном действии с воеводой Григорием Косаговым против турецких городков.— Пререкания запорожцев с гетманом Иваном Самойловичем и недовольство чрез то на них со стороны московских царей.— Грамота царей кошевому атаману Федору Иванику с воспрещением сноситься с жителями турецких городков и с приказанием подписываться «подданными царского величества».— Участие запорожцев в первом походе русских на Крым.— Действия запорожцев на низовьях Днепра против бусурман под начальством кошевого атамана Филона Лихопоя.— Возвращение русско-козацких войск из крымского похода к реке Самаре.— Лишение Самойловича гетманского уряда.— Намерение московского правительства о построении укрепленных городов на реках Орели и Самаре 6

ГЛАВА ВТОРАЯ. Избрание Мазепы в гетманы Малороссии и обязательства, данные им московским царям в отношении запорожских козаков.— Царская грамота запорожцам об отрешении Самойловича с объявлением в гетманы Мазепы.— Посольство от запорожского войска в Москву козака Матвея Ватага с пойманным татарским языком.— Письмо от Коша к гетману Мазепе с поздравлением и с пожеланием многолетнего правления Малороссией.— Враждебные отношения запорожцев к крымским татарам, захват ими татарских языков и отправка их с особыми посланцами в Москву.— Пребывание запорожских посланцев в Москве и возвращение их из Москвы в Сичь.— Переписка кошевого атамана Григория Сагайдачного с гетманом Мазепой по поводу обещанной им запорожскому войску помощи против мусульман, а также по поводу отдачи войску перевоза в Переволочне на Днепре и присылки жалованья войску запорожских козаков 27

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Царский указ о построении на реке Самаре крепости Новобогородицкой.— Протест по этому поводу со стороны запорожских козаков.— Письмо запорожцев к гетману Ивану Мазепе в Батурин и дворянину Семену Москалю на остров Кодак.— Просьба, отправленная запорожцами к царям о нестроении на запорожской земле городов, и ответ на то запорожцам со стороны царей. Построение городов Новобогородицкого и Новосергиевского.— Награда, данная Мазепе и генеральной малороссийской старшине за построение крепостей.— Присылка запорожцам царского жалованья и благодарность за то от войска царям.— Посольство от кызыкерменского бея к запорожским козакам и волнения по тому поводу в Запорожье.— Розмир запорожцев с татарами и походы их на Низ к турецким городам 41

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Второй поход русско-козацких войск на Крым.— Движение русско-козацких войск к Перекопу и возвращение их назад чрез речку Белозерку к реке Самаре.— Бунт иноков Самарско-Николаевского монастыря и усмирение их русскими войсками.— Построение русскими новой крепости выше Вольного брода на реке Самаре.— Посольство от крымского хана к запорожским козакам с мирными предложениями.— Удаление князя Голицына из Запорожья и ответ запорожцев крымскому хану.— Недовольство гетмана Мазепы на запорожцев за сношение их с ханом.— Сношение запорожских козаков с польским королем.— Волнение и моровая язва в Запорожье.— Установление дружеских отношений между гетманом Мазепой и запорожскими козаками.— Приготовления запорожцев к борьбе против бусурман 61

ГЛАВА ПЯТАЯ. Появление в Запорожьи Петрика и планы его об освобождении Малороссии и Запорожья от московского ига.— Письмо гетмана Мазепы к запорожскому товариству по поводу бегства в Сичь Петрика.— Брожение умов в Запорожьи вследствие бегства туда из Гетманщины козаков и посполитых людей, питавших ненависть к Мазепе.— Приезд царского посла в Сичь с жалованьем и недовольство запорожских козаков на Москву.— Волнение в Сиче по поводу отправки гетманского посланника в Крым.— Казнь козака Матвеевца кошевым атаманом Гусаком и ропот за то на него со стороны товариства.— Удаление Петрика в Кызыкермень и из Кызыкерменя в Крым.— Письмо Петрика к запорожскому войску.— Договор Петрика с крымским ханом, извещение о том запорожцев и разделение их на два лагеря.— Объявление Петрика гетманом Малороссии, выступление татар из Крыма к Каменному Затону и свидание их с запорожцами.— Отношение кошевого

атамана Гусака к Петрику и настроение козацкой массы в Запорожьи 86

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Отправка гетманом Мазепой в Сичь посланца Горбаченка.— Тайная беседа Горбаченка с кошевым Гусаком и извещение о том от гетмана в Москву.— Приезд Петрика в Каменный Затон; свидание его с кошевым Гусаком.— Рада в Запорожской Сичи по поводу предложения Петрика и уклончивый ответ со стороны кошевого Гусака.— Универсал гетмана Мазепы к малороссийским козакам с объявлением о замыслах изменника Петрика.— Обмен посланцами гетмана Мазепы и кошевого Гусака по поводу замыслов Петрика.— Первый поход Петрика на Украйну и быстрое возвращение его назад.— Вопрос об арендах на Украйне и вмешательство в это дело запорожских козаков.— Второй поход Петрика на Украйну и позорное отступление его 109

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Приезд гетманского посланца Трощинского в Сичу и нарекания со стороны запорожцев на Мазепу.— Извинения, посланные по этому поводу гетману со стороны кошевого Кузьменка.— Отписка гетмана в Москву и ответ царей на отписку гетмана.— Сношения мусульман с запорожцами.— Присылка в Сичь царского жалованья и обещание со стороны запорожцев верно служить царям.— Просьба запорожцев к гетману о поднятии войны против бусурман.— Выбор кошевого Рубана, перемирие с Крымом и переписка по этому поводу с гетманом и с Москвой.— Волнение в Запорожье во время прибытия туда гетманского посланца Кныша и толмача Волошанина.— Объяснение гетмана с войском низовых козаков.— Просьба к запорожцам патриарха Адриана о выручке из татарского полона боярских детей Шишигиных.— Доброе настроение запорожцев в отношении гетмана.— Новый призыв Петрика к запорожцам и отказ со стороны их Петрику.— Подвиги запорожцев против татар и похвала им со стороны патриарха Адриана.— Семен Палий и запорожцы 131

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Первый поход Петра I на Азов.— Вести, добытые запорожцами о положении дел в Крыму.— Вести от пойманных в степи татарских языков.— Разгром татарского загона Иваном Гусаком.— Движение русско-козацкой армии по степи под начальством боярина Шереметева, гетмана Мазепы и запорожской флотилии по Днепру под командой кошевого атамана Максима Самойленка.— Взятие запорожцами турецкой крепости Тавани.— Возвращение

запорожцев в Сичь с кошевым Самойленком.— Поведение 600 человек козаков, оставленных в Тавани.— Положение пленных мусульман в Запорожской Сиче.— Поход кошевого атамана Гусака к Очакову.— Благодарность запорожскому войску от гетмана Мазепы и выдача козакам царского жалованья.— Месть татар и набег их на Украйну.— Геройский подвиг запорожцев под Голтвой и гибель Петрика.— Письмо к запорожскому войску от гетмана Мазепы с выражением благодарности за успешные действия против татар и с извещением о посылке войску царского жалованья 163

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Второй поход Петра под турецкий город Азов.— Предложение гетмана царю Петру о построении для плавного похода судов.— Отход в Черное море атамана Чалого и ватаги запорожских козаков.— Приезд в Сичь гетманского посланца с предложением идти в поход против бусурман.— Жалоба запорожцев на недостаток судов и на грабежи со стороны бусурман.— Донесение о том царю Петру.— Письмо запорожских козаков к гетману о присылке хлебных запасов ввиду предстоящей с бусурманами войны и ответ на то гетмана козакам.— Движение гетмана Мазепы с князем Долгоруким из украинских городов вниз по Днепру и вести, полученные ими о действиях бусурман.— Подвиги запорожцев против бусурман до прибытия русско-козацких войск.— Ватаг Чалый и кошевой Мороз у берегов Крыма, на Черном море и в лимане Днепра.— Трагическая кончина Чалого и мужественные подвиги Мороза.— Поездка запорожских добычников в Москву.— Запрещение гетману о допущении в большом количестве запорожских посланцев в Москву 173

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Приготовление запорожских козаков к новому походу против турок и татар.— Заготовление малороссийскими полковниками для плавного похода морских челнов.— Справка Мазепы по поводу высоты воды на порогах Днепра и донесение о том полковника Карамзина.— Движение гетмана Мазепы и князя Долгорукого в 1697 году вниз по Днепру к турецким городам.— Переправа русско-козацких войск через пороги Днепра.— Встреча Мазепы и Долгорукого запорожцами близ Чортомлыцкой Сичи.— Прибытие военачальников к турецким городкам и укрепление русскими городка Тавани.— Возвращение военачальников назад и передача ими охраны крепости отряду московских войск и запорожских козаков.— Возвращение запорожцев в Сичу, несмотря на предписание гетмана оставаться на Низу Днепра.— Отправка Мазепой и Долгоруким большого отряда войск к Тавани и выступление запорожцев на подмогу тому отряду.— Действия запорожцев у Тавани и награда гетману от царя 184

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Новые приготовления гетмана Мазепы и воеводы Долгорукого к походу под Тавань.— Обращения запорожцев к царю с просьбами о денежной награде.— Разведки гетмана о положении дел у бусурман.— Недостаток челнов у запорожцев и старания их о построении морской флотилии.— Отправка Мазепой ватаги козаков для разведки о намерениях бусурман.— Присылка от гетмана в Сичь хлебных запасов и войсковых клейнотов.— Движение Мазепы и Долгорукого с войсками по степи к Таванскому городку.— Движение кошевого атамана Яковенка вниз по Днепру.— Отступление русско-козацких войск от Таванского городка.— Мир России с Турцией в Карловичах в 1699 году.— Раздор между запорожцами, сердюцкими козаками и великороссийскими ратниками в Тавани и жалобы по этому поводу от Коша гетману и царю.— Отправка царского посла в Сичь.— Челобитная запорожцев царю по поводу лишения их вольностей на реке Самаре.— Тридцатилетний мир России с Турцией в 1700 году 201

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Участие запорожских козаков в великой Северной войне.— Поход запорожцев в Псковскую область и недовольство со стороны гетмана Мазепы.— Действия запорожцев под Быховым.— Нападения со стороны запорожцев на селитренных людей возле реки Самары.— Сношение запорожцев с крымским ханом и разграбление ими турецких купцов.— Меры, принятые в Москве, для укрощения запорожцев.— Кошевой атаман Константин Гордиенко.— Сношения запорожцев с крымским ханом.— Ответ, полученный ими от хана и повинная перед русским царем.— Отправка царского жалованья запорожским козакам.— Новые волнения в Запорожье по поводу построения русскими города в урочище Каменном Затоне.— Нападение запорожцев на царскую казну и отправка по этому поводу в Сичь князя Курбатова, стольника Протасьева и подьячего Павлова.— Бесчинства запорожских козаков на проезжих дорогах возле Буга, Днестра, Ягорлыка и Каменного Затона.— Виды на запорожцев со стороны турецкого султана и крайнее неудовольство на них со стороны гетмана Мазепы 225

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Проект гетмана Мазепы об искоренении шатости между запорожцами.— Ненависть Мазепы к кошевому атаману Гордиенку и старание его об отнятии у Гордиенка атаманской булавы.— Новый кошевой атаман Герасим Крыса.— Меры Герасима Крысы для искоренения разбойничьих действий со стороны степных ватажных атаманов.— Возмущение запорожцев против самарских селитренников.—

Меры гетмана Мазепы для усмирения запорожских своевольников.— Жалобы запорожцев, бывших в походе под Ладогой, графу Федору Головину.— Жалоба запорожцев, бывших на работах при устье Невы, в Запорожскую Сичу.— Волнения по этому поводу во всем Запорожьи и в Малороссии.— Избрание в кошевые Константина Гордиенка.— Раздор запорожского войска с гетманом Мазепой по поводу размежевания границы между Турцией и Россией.— Ненависть Гордиенка к русским ратным людям.— Грамоты царя Петра Алексеевича к запорожцам по поводу войны его со шведами.— Появление в Запорожьи донского козака Булавина.— Замыслы со стороны Мазепы против царя 250

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Обращение царя Петра Алексеевича к запорожцам после измены Мазепы.— Выбор нового гетмана Скоропадского и извещение о том кошевого Гордиенка со стороны царя Петра.— Обращение Мазепы к кошевому Гордиенку.— Отправка царских посланцев к запорожцам с деньгами и милостивыми обещаниями.— Требования, предъявленные царю запорожцами.— Движение запорожцев к Переволочне и соединение их с полковником Нестулием.— Рада в Переволочне.— Разгром запорожцами русских отрядов в Кобеляках и Царичанке и движение их к Диканьке.— Пир у Мазепы и движение запорожцев к Будищам.— Условия договора между запорожцами, Мазепой и Карлом XII.— Движение запорожцев от города Полтавы к Соколке.— Наблюдение за запорожцами со стороны киевского губернатора князя Голицына.— Меры царя для удержания за собой малороссийского козачества и охраны лиц, преданных московскому правительству 286

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Положение дел в Запорожьи после отхода к Мазепе кошевого Гордиенка.— Столкновения запорожцев с московскими ратными людьми Каменного Затона.— Действия апостольцев в Запорожской Сиче.— Решение по поводу прибытия апостольцев со стороны наказного атамана Симонченка и сичевого войска.— Выбор властного кошевого Сорочинского.— Образование партии запорожцев в Сиче против московского царя и отправка депутации в Крым с просьбой о протекции хана.— Столкновение кошевого Гордиенка и шведского генерала Крузе с русским отрядом у Соколки.— Последний приказ царя Петра о посылке к Запорожской Сиче отряда русских войск под начальством полковников Яковлева и Галагана.— Разорение русскими Келеберды, Переволочны, двух Кодаков и Чортомлыцкой Сичи.— Бегство запорожцев в Крым.— Царский манифест о причине погрома Сичи.—

Награда полковнику Галагану от царя за его действия против запорожцев 317

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Осада королем Карлом XII, гетманом Мазепой и кошевым Гордиенком города Полтавы.— Бегство Карла, Мазепы и запорожцев из-под Полтавы.— Затруднительное положение шведов и козаков во время бегства.— Место переправы шведов и козаков с левого на правый берег Днепра.— Бегство короля, гетмана и кошевого через дикие поля к реке Бугу.— Обязательства, возложенные царем на гетмана Скоропадского в отношении запорожцев.— Назначение в советники гетману Скоропадскому стольника Измайлова и приказ последнему относительно запорожцев.— Обращение гетмана Скоропадского к запорожскому войску и ответ кошевого атамана Кириленка Скоропадскому.— Жалоба запорожцев гетману Скоропадскому на варварские поступки в отношении козаков полковника Галагана.— Судьба запорожцев, ушедших из Сичи с атаманом Богушем и бежавших с Гордиенком.— Договор последних с турецким султаном и гетманом Орликом в Бендерах 340

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Поход Орлика, Гордиенка и крымского хана Девлет-Герая на Украйну и неудачное нападение их на Новобогородицкий городок, Белую Церковь и Немиров.— Казнь жителей Вольного города за измену русскому царю.— Действия кошевого Алистратенка и запорожцев Фляка и Нестулея против самарских городков.— Старания Орлика привлечь к себе жителей малороссийских городов и меры царя для прекращения всяких сношений между малороссийскими и запорожскими козаками.— Несчастный поход царя Петра на реку Прут и срытие им, по условию мира с Турцией, Каменного Затона и Новобогородицкого городка.— Поведение запорожцев при заключении мира России с Турцией.— Сношение Гордиенка с гетманом Скоропадским с целью перейти на сторону русского царя.— Условия нового мира 1713 года между Россией и Турцией и спор по поводу установления границ.— Нападение запорожцев на Царичанку и появление Орлика в украинских городах.— Намерение шведского короля и запорожцев идти походом под город Киев 368

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Положение запорожцев под властью Крыма.— Разочарование их в шведском короле и первые попытки испросить прощение у русского государя.— Возвращение отдельных партий запорожских в города Малороссии.— Первая петиция всего запорожского войска государю о помиловании и о дозволении поселиться на прежних местах.—

Ответ на то от графа Головкина.— Новая просьба запорожцев, посланная через писаря Рогулю гетману Скоропадскому.— Просьба самого гетмана Скоропадского, посланная в Петербург, о дозволении малороссиянам поездок в Крым за солью и о разрешении запорожским промышленникам проезда в города Малороссии.— Ответ государя о дозволении малороссиянам поездок в Крым и о запрещении запорожцам проезда в Малороссию.— Тайные нарушения запорожцами царского указа и новое приказание о недопущении запорожцев в Малороссию.— Новая петиция запорожцев о помиловании и новый отказ запорожцам со стороны государя.— Письма Филиппа Орлика к запорожскому войску из Швеции 380

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Ништадский мир России с Швецией.— Уход Филиппа Орлика из Швеции во Францию и из Франции в Турцию.— Уничтожение в Малороссии гетманства и введение Малороссийской коллегии.— Намерение турецкого султана идти войной под украинные русские города и меры по этому поводу царя Петра.— Политика в отношении запорожцев при преемниках Петра.— Возвращение Малороссии гетманства и просьбы запорожцев о дозволении им вернуться в пределы России.— Самовольное возвращение запорожцев на Чортомлык.— Письмо крымского хана к запорожцам, возвращение их под протекцию хана и поселение при устье речки Каменки.— Показание козака Семена Безпалого, данное графу Борису Петровичу Шереметьеву, о состоянии войска запорожских козаков в Каменной Сичи, о числе всего войска, о занятых им местах и о промыслах его 399

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Тяжелое положение запорожских козаков под властью крымского хана.— Новые попытки со стороны запорожцев о принятии их в русское подданство.— Запорожская депутация, отправленная к графу Вейсбаху с просьбой об исходатайствовании прощения войску и ответ на ту просьбу из Петербурга.— Кончина польского короля Августа II и обращение «станиславцевъ» к крымскому хану с просьбой о присылке запорожцев для борьбы с Россией.— Обращение запорожцев к фельдмаршалу Миниху с просьбой об исходатайствовании войску у русской императрицы прощения.— Милостивая императорская грамота запорожцам 1733 года августа 31 дня.— Занятие запорожцами урочища Базавлука и дипломатические наставления от императрицы русским резидентам в Константинополе относительно запорожцев.— Переписка русского резидента Неплюева с графом Вейсбахом относительно занятого запорожцами урочища.— Объяснения русского переводчика Бакунина с великим везирем Али-пашою относи-

тельно того, кому именно принадлежат места, занятые запорожцами 413

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Надежды Филиппа Орлика поднять национально-малороссийское знамя для избавления от московского ига Малороссии.— Письма Орлика по этому поводу к запорожскому войску.— Ответ запорожцев Филиппу Орлику и Каплан-Герай-хану и отсылка орликовых и ханских писем к графу Вейсбаху.— Ответ запорожцам со стороны графа фон-Вейсбаха с обнадеживанием защиты от татар и турок.— Памятные записки кошевого Малашевича о том, где и сколько времени сидели запорожцы Кошем за время жизни их под протекцией Крыма.— Спор России и Турции, кому принадлежит урочище Базавлук, где запорожцы сели новым своим Кошем.— Приезд турецкой комиссии для разбора спорного вопроса.— Присяга запорожского войска на верность русскому престолу.— Приезд послов русского и турецкого в Сичу и различные встречи тому и другому.— Число всего запорожского войска, принятого в подданство российской императрицы 431

Примітки до тексту Д. І. Яворницького 452

Поправки и дополнения ко второму тому Истории запорожских козаков 479

Предания о кошевом атамане Иване Сирке, записанные в поездку по Запорожью летом 1896 года 484

Коментарі Г. Я. Сергієнка 488

Бібліографічний покажчик 512

Покажчик архівних джерел до другого тому 516

Покажчик архівних джерел до третього тому 517

Покажчик власних імен 521

Ілюстрації до тритомної «Истории запорожских козаков» Д. І. Яворницького . . . . . 480—481

Научное издание

Академия наук Украины
Археографическая комиссия
Институт истории Украины
Памятники исторической мысли Украины

ЯВОРНИЦКИЙ
Дмитрий Иванович

ИСТОРИЯ ЗАПОРОЖСКИХ КОЗАКОВ

В трех томах

Том

3

Редакционная коллегия
П. С. Сохань (председатель) и др.

Киев, издательство «Наукова думка»

На украинском и русском языках

Оформлення художника *Е. І. МУШТЕНКА*
Художній редактор *С. П. КВІТКА*
Технічні редактори *В. О. КРАСНОВА, І. М. ЛУКАШЕНКО*
Коректори *Е. Я. БЄЛОКОПИТОВА, Л. Ф. РЯБЦЕВА, В. М. СЕМЕНЮК, І. В. КРИВОШЕЇНА*

ИБ № 11454

Здано до набору 30.11.90. Підп. до друку 12.05.91. Формат 84×108/32. Папір кн. журн. офс. Вис. друк з ФПФ. Літ. гарн. Ум. друк. арк. 30,66. Ум. фарбо-відб. 30,66. Обл.-вид. арк. 38,04. Фіз. друк. арк. 17,5+0,75 вкл. на крейд. пап. Зам. 456.

Харківська книжкова фабрика ім. М. В. Фрунзе.
310057, Харків, вул. Донець-Захаржевського, 6/8.

Яворницький Д. І.

Я22 **Історія запорозьких козаків:** У 3 т./Редкол.: П. С. Сохань (голова) та ін.— К.: Наук. думка, 1990—1993.— (Пам'ятки іст. думки України).— Текст укр. та рос. мовами.—

ISBN 5-12-001244-2.

Т. 3.— 1991.— 560 с.— Бібліогр.: с. 512—515.

ISBN 5-12-002052-6 (в опр.)

Яворницкий Д. И. История запорожских козаков. Т. 3.

Третій том охоплює складний і драматичний період в історії Запорозької Січі (1686—1734).

Для істориків, етнографів, краєзнавців, викладачів і студентів вузів, широкого кола читачів.

Я $\frac{0503020200\text{-}274}{M221\text{-}93}$ **передплатне видання** **ББК 63.3(2Ук)4+63.3(2)4**

ІСТОРІЯ
ЗАПОРОЗЬКИХ
КОЗАКІВ

Д. І. ЯВОРНИЦЬКИЙ